

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

УО "ВТУ им. П.М. Машерова"

ТОМ 25

ВИТЕБСК 2018

СПЕЦВЫПУСК
посвященный юбилею
доктора филологических наук,
профессора А.М. Мезенко

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова»

Ученые записки

УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Сборник научных трудов

2018 • Том 25

УДК 378.4(476.5)(060.55)
ББК 74.583(4Бел-4Вит)6я54
В54

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 3 от 27.02.2018 г.

Редакционная коллегия:

А.В. Егоров (главный редактор),
М.А. Слемнев (зам. главного редактора),
В.Ю. Боровко, В.А. Маслова, А.М. Мезенко, Е.Ю. Муратова, И.П. Зайцева, С.В. Николаенко,
И.В. Мандрик, А.В. Русецкий, О.В. Лапатинская, Э.И. Рудковский, Е.В. Давлатова,
А.Н. Дулов, С.А. Моторов, И.В. Николаева

Редакционный совет:

София Абрамович (Польша), Зина Гимпелевич (Канада),
Эрик Екабсонс (Латвия), И.А. Королева (Россия), А.А. Михайлов (Россия),
В.Н. Никитин (Россия), Н.Л. Пушкарева (Россия), Т.А. Яценко (Украина)

Сборник научных трудов «Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»»
включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований
по историческим, филологическим и философским наукам

Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»: сборник научных трудов. — Витебск :
В54 ВГУ имени П.М. Машерова, 2018. — Т. 25. — 218 с.

УДК 378.4(476.5)(060.55)
ББК 74.583(4Бел-4Вит)6я54

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2018

Оглавление

Приветственное слово ректора Витебского государственного университета имени П.М. Машерова А.В. Егорова	4
Приветственное слово декана филологического факультета Витебского государственного университета имени П.М. Машерова С.В. Николаенко	5
Филология	
<i>Abramowicz Z.</i> Imiona Ewangelistów w antroponimii Podlasia w XVI–XVII w.	7
<i>Блинова И.А.</i> «Чёрный юмор» в творчестве современных англоязычных писателей	16
<i>Бубнова Н.В.</i> Частотные «ядерные» смоленские онимы в составе фоновых знаний общенациональной языковой личности	21
<i>Вардомацкий Л.М.</i> Антропонимия деловых документов Витебска конца XVI – начала XVII в. как инструмент для исторического социолингвистического исследования региона	31
<i>Васильева Т.Ю.</i> Объективация фаунистического кода культуры в системе названий населенных пунктов Беларуси	36
<i>Васильев В.Л.</i> Очерк по топонимии Витебщины (Лиозно)	41
<i>Галковская Ю.М.</i> Проблема номинативного выбора: оригинальные имена во 2-й половине XX – начале XXI в.	45
<i>Ганцовская Н.С., Неганова Г.Д.</i> Гора – берег – грива в произведениях писателей: Костромские семасиологические этюды	50
<i>Генкин В.М.</i> Современная ойконимия витебского пограничья как объект лингвокультурологического изучения	56
<i>Гимпелевич З.</i> Еврейские протагонисты в творчестве В. Быкова: Вторая мировая война ...	62
<i>Горегляд Е.Н.</i> Пенжить и лабель: к проблеме речевой культуры студентов	71
<i>Горнак В.В.</i> Лингвистические особенности мемуаров Г.И. Добрынина (1752–1824)	75
<i>Деревяго А.Н.</i> Пространство альтернативных миров в индивидуально-авторской картине мира И. Бродского: ономастический аспект	79
<i>Дихтяр С.В.</i> Культурные пути и их названия в туризме	85
<i>Дорофеев М.Л.</i> Лингвогеографические особенности виконимов, соответствующих принципу номинации внутрисельского линейного объекта по свойствам и качествам	89
<i>Зайцева И.П.</i> Образное осмысление волшебной птицы Гамаюн в творчестве русских лириков (о своеобразии картины мира восточных славян)	95
<i>Картавенко В.С.</i> Топонимическая система в антропоцентрическом рассмотрении	102
<i>Климкова Л.А.</i> Российская топонимика и ее объект в аспекте динамики	107
<i>Копач О.И.</i> Дифференциация регулятивной функции топонимного знака	116
<i>Королева И.А.</i> Ономастика в Витебске: сотрудничество профессора А.М. Мезенко с кафедрой русского языка Смоленского государственного университета	121
<i>Красина Е.А.</i> Системность в науке о языке: системная лингвистика и семиотическая модель языка Г.П. Мельникова	125
<i>Леванцэвіч Л.В., Якубук Н.Р.</i> Тапанімічная прастора Брэстчыны ў навуковых даследаваннях	129
<i>Лукашанец А.А.</i> Сучасны беларускі антрапанімікон: норма і варыятыўнасць	137
<i>Лукина О.А.</i> Эклезионимика как наука: предмет, история, перспективы развития	143
<i>Максимчук Н.А., Голубничая А.В.</i> Ономастическое пространство учебного макротекста: константы и переменные	148
<i>Мезенко А.М.</i> Отойкодомонимные названия улиц как онимный документ времени	155
<i>Муратова Е.Ю.</i> Языковые средства выражения образности в современном поэтическом тексте	160
<i>Николаенко С.В.</i> Мезенко как уникальный оним	166
<i>Разумов Р.В.</i> Меморативы деятелям культуры в системах урбанонимов Российской Федерации	170
<i>Ратникова И.Э., Хоанг Тхи Бен.</i> Эргонимия белорусского и вьетнамского городов в ракурсе сопоставительной лингвокультурологии	175
<i>Семянькова Г.К.</i> Неафіцыйныя найменні ўнутрыгарадскіх аб’ектаў Беларусі: структурны і семантычны аспекты	182
<i>Синкевич Т.И.</i> Название озера Мокошь как феномен духовной культуры славян	190
<i>Слесарева Т.П.</i> Предикативные конструкции как средство распознавания маскулинности / фемининности в романе У. Караткевича «Каласы пад сярпом тваім»	194
<i>Соловьев А.Н.</i> Урбаноним как ономастический термин: постановка проблемы	198
<i>Супрун В.И.</i> Гефиронимы в русском онимическом пространстве	204
<i>Шур В.В.</i> Прафесар Г.М. Мезенка як стваральнік і кіраўнік Віцебскай анамастычнай школы	211

Contents

Opening speech of Rector of Vitebsk State University named after P.M. Masharov A.V. Egorov	4
Opening speech of Dean of Faculty of Philology of Vitebsk State University named after P.M. Masharov S.V. Nikolaenko	5

Philology

<i>Abramovich Z.</i> Religious Personal Names in the Anthroponymy of Podlyashya in the XVI–XVII th Centuries	7
<i>Blinova I.A.</i> “Black Humor” in the Literary Works by Modern English-Speaking Writers	16
<i>Bubnova N.V.</i> Frequency Generally Valid Smolensk Onyms as Part of the Background Knowledge of the National Language Personality	21
<i>Vardamatski L.M.</i> Anthroponymy of Business Documents of Vitebsk of the late XVI – early XVII th centuries as a Tool for Historical Sociolinguistic Research in the Region	31
<i>Vasilieva T.Yu.</i> Realization of Faunistic Code of Culture in the System of Names of Settlements of Belarus	36
<i>Vasilyev V.L.</i> Essay on the Toponymy of Vitebsk Region (Liozno)	41
<i>Galkovskaya Yu.M.</i> The Problem of the Nominative Choice: Unique Personal Names in the 2nd half of the XXth century – at the beginning of the XXIst century	45
<i>Gantsovskaya N.S., Neganova G.D.</i> Dialect Words <i>Gora – Bereg – Griva</i> in the Works of Writers: Kostroma Semasiological Sketches	50
<i>Henkin V.M.</i> Modern Oikonimiya of Vitebsk Borderland as the Object of the Linguistic Culture Study	56
<i>Gimpelevich Z.</i> Vasil Bykaŭ’s Jewish Protagonists: World War II	62
<i>Goregliad E.N.</i> Penzhit and Label: to the Problem of the Students’ Speech Culture	71
<i>Harnak V.V.</i> Linguistic Peculiarities of Memoirs Written by G.I. Dobrynin (1752–1824)	75
<i>Derevyago A.N.</i> The Space of Alternative Worlds in the Individual-Author’s Picture of the World of I. Brodsky: Onomastic Aspect	79
<i>Dikhtiar S.V.</i> Cultural Routes and their Names in Tourism	85
<i>Dorofeyenko M.L.</i> Linguistic and Geographical Features of Viconyms, Corresponding to the Principle of the Nomination of the Intrarural Linear Object according to its Properties and Qualities	89
<i>Zaitseva I.P.</i> Imaginative Comprehension of the Magic Bird Gamayun in the Work of Russian Lyricists (about the Originality of the Picture of the World of the Eastern Slavs)	95
<i>Kartavenko V.S.</i> Toponymic System in Anthropocentric Consideration	102
<i>Klimkova L.A.</i> Russian Toponymy and its Object in the Aspect of Dynamics	107
<i>Kopach A.I.</i> Differentiation of the Regulative Function of a Toponymic Sign	116
<i>Koroleva I.A.</i> Onomastics in Vitebsk: Cooperation of A.M. Mezenko with the Russian Language Department of Smolensk State University	121
<i>Krasina E.A.</i> Systemicity in Language Studies: Systemic Linguistics and Prof. G.P. Melnikov’s Semiotic Linguistic Model	125
<i>Levantsevich L.V., Yakubuk N.R.</i> Brest Region Toponymic Space in the Scientific Research	129
<i>Lukashanets A.A.</i> Modern Belarusian Anthroponymicon: Norm and Variability	137
<i>Lukina O.A.</i> Ecclesionymics as a Science: Subject, History, Prospects of Development	143
<i>Maksimchuk N.A., Golubnichaya A.W.</i> Onomastic Space of an Academic Marcotext: Constants and Variables	148
<i>Mezenko A.M.</i> Otoikodomonym Street Names as Onym Document of Time	155
<i>Muratova E.Yu.</i> Language Means of Expression in the Modern Poetic Text	160
<i>Nikolaenko S.V.</i> Mezenko as a Unique Onym	166
<i>Razumov R.V.</i> Memoratives for Art Workers in the Urbanonyms Systems of the Russian Federation	170
<i>Ratnikova I.E., Hoang Thi Ben.</i> Belarusian and Vietnamese City Ergonymy from Comparative Linguoculturology Perspective	175
<i>Semiankova H.K.</i> The Informal Names of the Intracity Objects of Belarus: Structural and Semantic Terms	182
<i>Sinkevich T.I.</i> The Name of Lake Mokosh as a Phenomenon of Spiritual Culture of the Slavs	190
<i>Slesareva T.P.</i> Predicative Constructions as a Means of Recognition of Masculinity / Femininity in the Novel by U. Karatkevich «Kalasy pad s’arpom tvaim» («Ears of grain under your sickle»)	194
<i>Solovyev A.N.</i> Urbanonym as an Onomastic Term: Formulation of the Problem	198
<i>Suprun V.I.</i> The Names of Bridges in the Russian Onomastic Space	204
<i>Shur V.V.</i> Professor Anna Mezenka as the Founder and Supervisor of Vitebsk Onomastic School	211

*Приветственное слово
ректора
Витебского государственного университета имени П.М. Машерова
А.В. Егорова*

Данный выпуск сборника научных трудов «Ученые записки УО "ВГУ им. П.М. Машерова"» посвящен юбилею известного белорусского ученого, доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой общего и русского языкознания Анны Михайловны Мезенко, являющейся основателем и вдохновителем Витебской ономастической школы, получившей широкое признание в Республике Беларусь, а также странах ближнего и дальнего зарубежья.

Анна Михайловна – автор многочисленных монографий, учебников, пособий, статей, организатор и участник международных научных конференций, талантливый педагог, подготовивший 12 кандидатов филологических наук. Ее статьи публикуются в отечественных и зарубежных научных изданиях. Долгое время она была членом экспертного совета ВАК Республики Беларусь, а сейчас является членом совета по защите кандидатских и докторских диссертаций при Белорусском государственном университете и Центре исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси.

Научные труды Анны Михайловны посвящены именам собственным. После защиты докторской диссертации по урбанонимике – перспективному направлению, впервые в то время основательно исследованному на белорусском материале, – профессор работала и работает над изучением и других разрядов онимов.

Ученые Витебской ономастической школы под чутким руководством Анны Михайловны продолжают исследовать восточнославянские онимы, вносят свой важный вклад в становление и развитие науки об именах собственных в целом, а также в формирование непосредственно белорусской национальной ономастики. Становлению школы способствовали и международные научные конференции, проводимые в университете: «Белорусско-русско-польское сопоставительное языкознание, литературоведение, культурология» (с 1991 г.), «Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования» (с 2016 г.).

Проблемы развития ономастики, сохранения местной топонимии и антропонимии не теряют своей актуальности и в настоящее время, о чем свидетельствует тематика статей, представленных в специальном выпуске. В научном журнале опубликованы научные труды ученых из разных стран: Беларуси (Витебск, Брест, Минск, Мозырь, Полоцк), России (Арзамас, Волгоград, Кострома, Москва, Смоленск, Ярославль), Польши (Белосток), Канады (Ватерлоо), Китая (Ханой).

Заслуги профессора в области исследования ономастики восточных славян бесспорные. Ее труд оценен многочисленными наградами: Анна Михайловна удостоена медали Франциска Скорины, благодарности Президента Республики Беларусь, Почетной грамоты Министерства образования Вьетнама, имеет награды республиканского, областного и университетского уровня.

**Приветственное слово
декана филологического факультета
Витебского государственного университета имени П.М. Машерова
С.В. Николаенко**

Движение науки вперед – это не просто научно-технический прогресс, новые открытия, изобретения, достижения, инновации. Это, прежде всего, Человек. Только благодаря пытливости Человека, его желанию действовать, узнавать, открывать мы смогли создать тот мир науки, в котором живем сегодня.

Мы удивляемся техническим инновациям, которые осязаемы, но порой проходим мимо незримых «жемчужин», которые нас окружают. И велик тот человек, который смог рассмотреть волшебство и силу Слова.

Данный спецвыпуск сборника научных трудов подготовлен с особой целью – представить вклад доктора филологических наук, профессора Анны Михайловны Мезенко в развитие белорусской науки; охарактеризовать круг проблем, которые успешно решены и решаются при содействии А.М. Мезенко; описать научно-исследовательские области, которые охватывает деятельность ученого не только в Беларуси, но и за рубежом, в частности общие и частные вопросы ономастики и ее основных направлений: антропонимики, топонимики, урбанонимики и др.

Сотрудники университета и коллектив филологического факультета знают профессора А.М. Мезенко как Учителя и Ученого, начавшего свою профессиональную деятельность в Витебском государственном университете в 1974 г.

Сегодня Анна Михайловна Мезенко – один из наиболее авторитетных белорусских ученых-ономастов. Под ее руководством защищено 29 магистерских диссертаций и 12 диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук, 3 из которых – за последние три года.

Благодаря деятельности ономастической школы, организатором, руководителем и вдохновителем которой является профессор Анна Михайловна Мезенко, современный Витебск известен в отечественных и зарубежных научных кругах.

Витебская научная школа «Актуальные проблемы ономастики» – одна из ведущих классических белорусских научно-исследовательских школ. Научная тема «Витебщина в названиях улиц» включена в Программу Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований. В рамках Витебской ономастической школы под руководством Анны Михайловны работают 16 исследователей, большая часть которых – сотрудники Витебского государственного университета имени П.М. Машерова и ученики А.М. Мезенко.

Особым вкладом в организацию научно-исследовательской работы А.М. Мезенко является руководство научно-исследовательскими темами и проектами: совместным белорусско-российским исследовательским проектом «Витебщина и Смоленщина в языковых, литературных и культурных контактах: история и современное состояние» и научным проектом «Этнокультурные особенности Белорусского Поозерья», входящим в состав Государственной программы фундаментальных исследований.

О высокой научно-исследовательской деятельности А.М. Мезенко свидетельствует также внушительный список ее научных трудов (более 300), среди которых 15 монографий, 3 энциклопедических словаря, учебники с грифом Министерства образования Республики Беларусь, учебные пособия для высшей школы по филологическим специальностям, более 50 статей в зарубежных научных изданиях на русском, белорусском и польском языках и др., в которых отражены современные достижения отечественной науки, в частности, концепция урбанонимики и принципы номинации внутригородских объектов.

В преддверии юбилея коллектив филологического факультета желает Анне Михайловне Мезенко неиссякаемой энергии и крепкого здоровья, творческого полета, новых научных открытий и побед!

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.162.1'373.23''16/17''(438)

Imiona Ewangelistów w antroponimii Podlasia w XVI–XVII w.

Abramowicz Z.

Uniwersytet w Białymstoku, Białymstok (Poland)

Artykuł jest próbą pokazania wpływu kultury chrześcijańskiej na kształtowanie się systemu antroponimicznego mieszkańców Podlasia w XVI–XVII w. W pracy skupia się uwaga na imionach trzech Ewangelistów: Mateusza, Marka i Łukasza.

Materiały historyczne z XVI–XVII w. świadczą o silnym zakorzenieniu w kulturze chrześcijańskiej (zarówno katolików jak i prawosławnych) imion trzech Ewangelistów oraz niezwykle bogactwie środków derywacyjnych i pomysłowości ówczesnych mieszkańców Podlasia w tworzeniu nowych form imion i pochodnych od nich nowych nazw identyfikacyjnych, jakimi były patronimy i inne dodatkowe określenia.

Wyniki i ich omówienie. W chrześcijaństwie do czołowych postaci poza Św. Rodziną należą Ewangelisci oraz Apostołowie. Ich nazwy osobowe należy zaliczać do nowotestamentowych mimo że niektóre imiona, zwłaszcza te o rodowodzie hebrajskim, znane są także w Starym Testamencie (dalej ST). Nazwy osobowe znanych postaci Nowego Testamentu (dalej NT) zostały przejęte przez narody chrześcijańskie za pośrednictwem greki lub łaciny. Biblijne imiona chrześcijan zaczerpnięte z NT różnią się od starotestamentowych przede wszystkim pochodzeniem. W całości jest to zbiór hybrydalny, włączający imiona aramejskie, greckie, hebrajskie, łacińskie. Część tych imion ma korzenie starotestamentowe, co jest w pełni zrozumiałe, pierwsi chrześcijanie pochodzili przecież z ludności miejscowej, a więc żydowskiej. Centralnymi postaciami NT są członkowie Św. Rodziny, a zatem Jezus, Maria i Józef, także ich krewni, przede wszystkim rodzice Marii i Józefa. Spośród imion członków Św. Rodziny zakazanych w Polsce były imiona Jezusa i Marii, dzisiaj tylko imię Jezusa nie może być wykorzystane do nominacji. Poza Św. Rodziną do najważniejszych postaci nowotestamentowych należy zaliczyć Jana Chrzciciela i jego rodzinę oraz uczniów Jezusa, a przede wszystkim Apostołów. Ważną pozycję zajmują wśród nich Ewangelisci. Wiele z tych osób nosiło imiona powszechne wśród mieszkańców ówczesnej Jerozolimy i całej Ziemi Świętej. Są więc zakorzenione zarówno w ST jak i NT. Do takich należą przede wszystkim imiona hebrajskiego pochodzenia: Jakub, Jan, Józef, Juda, Mateusz, Szymon. Z imiennictwa kobiecego należy wymienić Marię, Elżbietę, Annę. Pozostałe o etymologii innej niż hebr. pojawiają się dopiero w NT i stąd wchodzą do systemów imienniczych narodów związanych z kulturą chrześcijańską. Imiona czterech Ewangelistów: Mateusza, Marka, Łukasza i Jana są ściśle związane z chrześcijaństwem. Spośród nich wyróżnić należy Jana, bowiem jest to imię nie tylko Ewangelisty i jednego z Dwunastu, lecz również innych wybitnych postaci NT, m.in. Jana Chrzciciela i Jana, ojca Szymona Piotra (J 1,43). Dlatego temu imieniu zostanie poświęcony odrębny tekst. W tym miejscu skupimy uwagę na imionach trzech pozostałych Ewangelistów: Mateusza, Marka i Łukasza.

Podsumowanie. Analizując poświadczenia imion wszystkich trzech Ewangelistów w XVI–XVII-wiecznych źródłach historycznych Podlasia zwraca uwagę imię pierwszego Ewangelisty i Apostoła - Mateusz, cerk. Матфеѹ, którego nie należy mylić z imieniem Apostoła wybranego za Judasza dla dopełnienia Dwunastu - Maciej, cerk. Матѿѹ. Silna motywacja kulturowa oraz wyznaniowe warianty imienia: katolicki i prawosławny dawały wiele możliwości słowotwórczych i decydowały o jego popularności, co poświadczają zabytki piśmiennictwa z badanego okresu. Wielkość przekształceń fonetycznych wskazuje na problemy z przyswojeniem trudnych artykulacyjnie głosek, jak np. gr. theta, łac. th oraz połączeń głoskowych: geminat tt, nagromadzenie samogłosek aeu itp. Te problemy adaptacyjne skutkowały dużą ilością wariantów fonetycznych, zaś kilkusylabowy wyraz dostarczał też większej możliwości tworzenia form alternacyjnych: skróconych i rozszerzanych za pomocą różnorodnych sufiksów w procesie derywacji sufiksowej. Zdecydowanie mniej problemów adaptacyjnych sprawiały imiona pozostałych dwóch Ewangelistów – Marka i Łukasza. Imiona łac. pochodzenia były krótkie i nie zawierały różniących się w wymowie głosek ani skomplikowanych połączeń spółgłoskowych i samogłoskowych. Miały też mniejsze możliwości derywacyjne w językach słowiańskich. Materiały historyczne z XVI–XVII w. świadczą o silnym zakorzenieniu w kulturze chrześcijańskiej (zarówno katolików jak i prawosławnych) imion trzech Ewangelistów oraz niezwykle bogactwie środków derywacyjnych i pomysłowości ówczesnych mieszkańców Podlasia w tworzeniu nowych form imion i pochodnych od nich nowych nazw identyfikacyjnych, jakimi były patronimy i inne dodatkowe określenia, które na tamtym etapie były przydomkami i z czasem przekształciły się w nazwiska dziedziczne. Poświadczane w kolejnych latach w analizowanych źródłach są dowodem utrwalania się poszczególnych struktur w charakterze nazwiska dziedzicznego przez kolejne pokolenia. Jak dowodzi historyczny materiał antroponimiczny, na popularność imion wpływ miało wiele czynników językowych (sposób adaptacji imion w języku przyjmującym oraz łatwość tworzenia form pochodnych od pełnej formy podstawowej) oraz pozajęzykowych, kulturowych, gdzie ważnym czynnikiem była ranga świętych postaci NT i ich kult w kulturze chrześcijańskiej.

Słowa kluczowe: imiona, system antroponimiczny, kultura chrześcijańska, ewangelista, język cerkiewnosłowiański, Podlasie, Nowy Testament, Apostołowie.

(Ученые записки. — 2018. — Том 25. — С. 7–15)

Religious Personal Names in the Anthroponymy of Podlyashya in the XVI–XVIIth Centuries

Abramovich Z.

Belostok University, Belostok (Poland)

The article is an attempt to show the influence of Christian culture on the formation of the anthropometric system of Podlasie inhabitants in the 16th–17th centuries. The work focuses on the names of three Evangelists: Mateusz, Marek and Łukasz.

Historical **materials** from the 16th–17th centuries testify to the strong roots in the Christian culture (both Catholics and Orthodox) names of the three Evangelists and the extraordinary wealth of derivational means and ingenuity of the then inhabitants of Podlasie in creating new forms of names and new identifying names from them, which were patronym and other additional terms.

Findings and their discussion. In Christianity, the leading figures outside of St. The family includes the Evangelists and the Apostles. Their personal names belong to the New Testament although some names, especially those of the Hebrew origin, are also known in the Old Testament (later ST). The personal names of the famous figures of the New Testament (hereinafter NT) were taken over by the Christian nations through Greek or Latin. Biblical names of Christians taken from the NT differ from the Old Testament primarily origin. In its entirety it is a hybrid collection, including Aramaic, Greek, Hebrew and Latin names. Some of these names have Old Testament roots, which is perfectly understandable, the first Christians came from the local, and therefore Jewish, people. The central figures of the NT are members of Saint. Families, and therefore Jesus, Maria and Józef, also their relatives, first of all parents of Maria and Józef. Of the names of the members of the Holy. Families forbidden in Poland were the names of Jesus and Mary, today only the name of Jesus can not be used for nomination. Outside of Św. The family to the most important New Testament characters is John the Baptist and his family and the disciples of Jesus, and above all the Apostles. Gospelists occupy an important position among them. Many of these people bore common names among the inhabitants of Jerusalem and the entire Holy Land. They are therefore rooted in both ST and NT. These are primarily the names of Hebrew origin: Jakub, Jan, Józef, Juda, Mateusz, and Szymon. The female name should be mentioned Maria, Elżbieta and Anna. The remaining ones with etymologies other than Hebrews appear only in the NT and thus enter the nomenclature systems of nations associated with Christian culture. The names of the four Evangelists: Matthew, Mark, Luke and John are closely related to Christianity. Of these, Jan should be distinguished, because it is not only the name of the Evangelist and one of the Twelve, but also other outstanding figures of the NT, including John the Baptist and John, father of Szymon Piotr (J 1.43). Therefore, a separate text will be dedicated to this name. At this point, we will focus our attention on the names of the other three Evangelists: Mateusz, Marek and Łukasz.

Conclusion. Analyzing the credentials of the names of all three Evangelists in the sixteenth to seventeenth centuries historical sources of Podlasie, the name of the first Evangelist and Apostle - Mateusz, church. Mamꞑeü, which should not be confused with the name of the Apostle elected for Judas for completing the Twelve - Maciej, church. Mamꞑuü. Strong cultural motivation and denominational variants of the name: Catholic and Orthodox gave many word formation opportunities and decided about its popularity, which is confirmed by historical references from the studied period. The multiplicity of phonetic transformations indicates problems with the assimilation of difficult articulation sounds, such as gr. theta, Latin. th and voice calls: geminat tt, accumulation of aeu vowels, etc. These adaptation problems resulted in a large number of phonetic variants, while the several-syllable word also provided greater opportunity to create alternate forms: abbreviated and expanded using various suffixes in the process of suffix derivation. Definitely less adaptation problems were caused by the names of the other two Evangelists - Marek and Łukasz. Latin names descent was short and did not contain differing pronunciation or complicated consonant and vowel connections. They also had smaller derivative opportunities in Slavic languages. Historical materials from the 16th–17th centuries testify to the strong roots in the Christian culture (both Catholics and Orthodox) names of the three Evangelists and the extraordinary wealth of derivational means and ingenuity of the then inhabitants of Podlasie in creating new forms of names and new identifying names from them, which were patronym and other additional terms, which at that stage were nicknames and over time evolved into hereditary names. Certified in subsequent years in the analyzed sources are evidence of the consolidation of individual structures as a surname inherited by subsequent generations. As evidenced by historical anthropometric material, the popularity of names was influenced by many linguistic factors (the way of adapting names in the host language and the ease of creating derivative forms from the full basic form) and non-linguistic, cultural, where the importance of the holy figures of NT and their cult in Christian culture was an important factor.

Key words: names, anthroponymical system, Christian culture, evangelist, Church Slavonic language, Podlasie, New Testament, Apostles.

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 25. – P. 7–15)

W chrześcijaństwie do czołowych postaci poza Św. Rodziną należą Ewangelisci oraz Apostołowie. Ich nazwy osobowe należy zaliczać do nowotestamentowych mimo że niektóre imiona, zwłaszcza te o rodowodzie hebrajskim, znane są także w Starym Testamencie (dalej ST). Nazwy osobowe znanych postaci Nowego Testamentu (dalej NT) zostały przejęte przez narody chrześcijańskie za pośrednictwem greki lub łaciny. Biblijne imiona chrześcijan zaczerpnięte z NT różnią się od starotestamentowych przede wszystkim pochodzeniem. W całości jest to zbiór hybrydalny, włączający imiona aramejskie, greckie, hebrajskie, łacińskie. Część tych imion ma korzenie starotestamentowe, co jest w pełni zrozumiałe, pierwsi chrześcijanie pochodzili przecież z ludności miejscowej, a więc żydowskiej. Centralnymi postaciami NT są członkowie

Św. Rodziny, a zatem Jezus, Maria i Józef, także ich krewni, przede wszystkim rodzice Marii i Józefa. Spośród imion członków Św. Rodziny zakazanymi w Polsce były imiona Jezusa i Marii, dzisiaj tylko imię Jezusa nie może być wykorzystane do nominacji. Poza Św. Rodziną do najważniejszych postaci nowotestamentowych należy zaliczyć Jana Chrzciciela i jego rodzinę oraz uczniów Jezusa, a przede wszystkim Apostołów. Ważną pozycję zajmują wśród nich Ewangelisci. Wiele z tych osób nosiło imiona powszechne wśród mieszkańców ówczesnej Jerozolimy i całej Ziemi Świętej. Są więc zakorzenione zarówno w ST jak i NT. Do takich należą przede wszystkim imiona hebrajskiego pochodzenia: Jakub, Jan, Józef, Juda, Mateusz, Szymon. Z imiennictwa kobiecego należy wymienić Marię, Elżbietę, Annę. Pozostałe o etymologii innej niż hebr. pojawiają się dopiero w NT i stąd

wchodzą do systemów imienniczych narodów związanych z kulturą chrześcijańską. Imiona czterech Ewangelistów: Mateusza, Marka, Łukasza i Jana są ściśle związane z chrześcijaństwem. Spośród nich wyróżnić należy Jana, bowiem jest to imię nie tylko Ewangelisty i jednego z Dwunastu, lecz również innych wybitnych postaci NT, m.in. Jana Chrzciciela i Jana, ojca Szymona Piotra (J 1,43). Dlatego temu imieniu zostanie poświęcony odrębny tekst. W tym miejscu skupimy uwagę na imionach trzech pozostałych Ewangelistów: Mateusza, Marka i Łukasza.

M a t e u s z

Imię Mateusz są pochodzenia hebrajskiego. Mimo że nosiło go wiele postaci ST należy je zaliczyć do grupy imion nowotestamentowych, ponieważ w NT funkcjonuje w innej formie, zdecydowanie różniące się od starotestamentowej. Już w ST, występuje kilka wariantów imion o tym źródłosłowie. Słownik etymologiczny pt. „Biblijne nazwy osobowe i topograficzne” (Tron.-Wal.,186) zamieszcza obok imion w formach Maciej i Mateusz takie formy jak: Mattaniasz (hebr. mattanjah(u) ‘dar Jahwe’); Mattatiasz (gr. forma imienia Mattitiasz); Mattenaj (hebr., skrót od Mattaniasz); Mattitiasz (hebr. mattitjah(u) ‘dar Jahwe’). Wymienione imiona nosi wiele postaci ST. W polskich przekładach Biblii zachowane jest różnicowanie imion postaci biblijnych: Mattaniasz jest imieniem: a) poprzednim Króla Sedecjasza (2 Krl 24,17); b) syna Hemana (dziewiąta głowa chóru śpiewaków) (1 Krn 25,4,16); c) lewity, jednego z synów Asafa (2 Krn 20,14); d) jednego z synów Asafa (2 Krn 29,13); e) śpiewaka spośród synów Asafa ((1 Krn 9,15; Ne 11,17); f) przodka Chanana (Ne 13,13); g) czterech Izraelitów, którzy musieli oddalić cudzoziemskie żony (Ezd 10,26-37). Imię w formie Mattenaj (skrót od Mattaniasz) w Biblii nosi trzy osoby: a) dwu Izraelitów zmuszonych oddalić swoje cudzoziemskie żony (Ezd 10,33,37); b) oraz przywódca kapłańskiego rodu Jojaryba (Ne 12,19). Imię Mattitiasz występuje w Biblii ośmiokrotnie. Jest to imię: a) lewity, pierworodnego Szalluma (1 Krn 9,11); b) lewity odźwiernego (1 Krn 15,18), grającego na harfie (1 Krn 15,21; 16,5); c) przełożonego czternastej klasy śpiewaków (1 Krn 25,3; 21); d) Izraelity z synów Nebo (Ezd 10,43); e) świeckiego uczestnika liturgii czytania Prawa (Ne 8,4). Imię w formie Matatiasz wystąpiło w Księgach Machabejskich. Nosił je syn Jana, kapłan z rodu Joariba z Jerozolimy (1 Mch 2,1) oraz przodek w rodowodzie Jezusa (Łk 3,25). Jedynie Matatiasz jest wymienione w NT jako imię z rodowodu Jezusa (Łk 3,25). Do polszczyzny imiona zostały przejęte przez pośrednictwo łacińskie, do

języków wschodniosłowiańskich – greckie. Na bazie tych hebrajskich i łacińskich lub greckich wariantów w polszczyźnie rozwinęły się dwie formy imion: Mateusz i Maciej. Należy je traktować odrębnie, ponieważ ich droga przejmowania i adaptacja w języku polskim ściśle łączy się z postaciami biblijnymi, które te imiona nosiły.

Imię Mateusz, hebr. mattenaj ‘dar Jahwe’, do gr. przejęte w postaci Ματθαῖος, Μαθθαῖος, w łac. przybrało postać Matthaëus (Tron.-Wal. 185; Mall 274). W Biblii jest to imię pierwszego z Ewangelistów i jednego z Dwunastu (Mt 9,9). W katalogu apostołów zajmuje siódme (Mk 3,18; Łk 6,15) lub ósme miejsce (Mt 10,3; Dz 1,13). Imię przenikało w takiej formie, jakiej wystąpiło w źródłach gr.-łac. Łaciński lub grecki wariant imienia wraz z przyjęciem chrześcijaństwa przenikał do języków chrystianizowanych narodów i podlegał adaptacji do języków narodowych. Przejęte z łac. do polszczyzny imię Matthaëus przystosowano fonetycznie i morfologicznie do zasad języka polskiego. Ostatecznie utrwaliło się w formie Mateusz. W kulturze chrześcijańskiego prawosławia adaptacji ulegały formy greckie imion, które w języku cerkiewnosłowiańskim przybierały nieco odmienną postać niż katolickie związane z łaciną. Imię Matthaïos zostało przejęte i utrwalone w formie cerkiewnej Ματφει (Sup. 232). Włączenie do systemów imienniczych narodów chrześcijańskich imienia Mateusz/Ματφει było motywowane postacią NT Mateusza, Apostoła i Ewangelisty (Mt 9,9).

Natomiast imię zdomowione w polszczyźnie w formie Maciej powstało na bazie skrótu imienia Mattitiasz (z hebr. mattitjah(u) ‘dar Jahwe’), które przybrało w gr. postać Ματθίας, łac. Matthias. Jego cerkiewny odpowiednik – Ματφий (Sup. 232). Imię to nosił uczeń Jezusa wybrany dla zastąpienia Judasza i dopełnienia liczby Dwunastu (Dz 1,21-26). Różne formy imion wprowadzono celowo dla odróżnienia obu postaci NT, tym bardziej, że należały do Dwunastu - apostołów Jezusa. Rozróżnienie to wprowadza się i w przekładach Biblii w różnych językach, np.: Biblia Tysiąclecia (BT, Dz 1,23-26): Mateusz – Maciej; w przekładzie Synodalnym Biblii (BS): Ματφει – Ματφий; w angielskim przekładzie Biblii (BH): Matthew – Mattias.

Imię pierwszego ewangelisty w źródłach podlaskich występuje zarówno w pełnych formach: łacińskiej, cerkiewnej, przyswojonej do polszczyzny lub gwar wschodniosłowiańskich oraz powstałych na ich bazie różnorodnych formach alternacyjnych. Podstawowa łacińska forma imienia na równi z innymi

poddawana była przekształceniom fonetycznym i strukturalnym. Zazwyczaj powstawały formy skrócone, zachowujące jednak podstawowe cechy formy łacińskiej:

Łac.:

tth > th: **Mathaeus**: *Mathaeus Wiszenski* 1569, AU 236; *N. Mathaeus ol. Mathei Uszynski* 1640, KD 531; *pastor Mathaeus* 1662, PnM 416;

tth > th; aeu > eu: **Matheus**: *Matheus Juchnik, Matheus przasnek piekut, Matheus y Macziey Pupankowie, Matheus Zasczyński* 1640-1641, KB 2, 4, 5, 9; *Matheus Domasiewski, Matheus Warejko* 1666, 1668, S.; *Matheus Ulski, Matheus Woienka* 1671, 1673, S.;

tth > th; aeu > au: **Mathaus**: *N'lis Mathaus olim Joachimi Porzeziński* 1640, KD 13;

tth > th; aeu > eo; apokopa s: **Matheo**: *N'li Matheo de Christopheri Błoński* 1640, KD 13;

tth > th; aeu > iae; apokopa s: **Mathiae**: *Mathiae filii Dobroch de Noski* 1569, AU 248; *Matthiae Jaroehowski* 1662, PnM 524;

tth > th; aeu > i: **Mathis**: *Mathis Budkowicz* 1560-1563, RBS 483;

tth > t; aeu > i: **Matis**: *Matis Brostowski, Matis Mielkowicz, Matis, Michał Nurczowiczi, Matis Owdisowicz, Matis Blaczenicz* 1560-1563, RBS 418, 475, 416, 426, 500; *Matis Chimanczik, Matis Ozega, Matis Wilk* 1577, JI 167, 162, 161; *śl. Matis Herman, śl. Matis ol. Rosłana Kulesza z Bykow, Matis Skwarek* 1580, JI 100-120; *Matis olim Georgij Bolesta, Jan Matis Moniuszkowie, Matis olim Stanisłai Kaliszczyk, Matis Kozula* 1640-1641, KB 12, 38, 3, 35;

W wyniku adaptacji do polszczyzny łacińskiej formy imienia utrwaliła się jako podstawowa wyjściowa poprawna forma imienia ewangelisty – Mateusz:

tth > t; aeu > eu; s > sz: **Mateusz**: *Mateusz Żmijewski* 1520, JIII 248; *Mateusz Racianowski* 1551, IMŁII 241; *Mateusz Szyszka* 1565, IA 3; *Mateusz Mazurczyk* 1639, OP 132; *Marcin Mateusz Skłodo* 1640-1641, KB 3; *Mateusz Bosiak Tołwiński, Mateusz Jachowski, pan Mateusz Jakubowski Skorynka* 1662, PnM 512, 408, 518; *szl. Mateusz Chojcecki* 1569, AU 269; *szl. Mateusz Brozieniuk, Mateusz Sikora, szl. Mateusz Zajkowski* 1676, RPD 348, 353, 354;

Ta podstawowa w języku polskim forma imienia ulegała dalszym modyfikacjom zarówno w języku potocznym ogólnopolskim, jak i jego gwarach. Formy pochodne od polskiego wariantu imienia powstały w wyniku przekształceń fonetycznych lub derywacji sufiksowej. Na Podlasiu, gdzie stykały się różne kultury chrześcijańskie być może pod wpływem

formy cerk. Матфеѣ uległa przekształceniu finalna część imienia Mateusz: -eusz > -ej:

Matey/Matiej: *Matey Guzewicz, Matey Dubowski, Matey Jakubowicz Czastnik, Matey Krak, Matey Michajłowicz, Matey, Mikołaj Janowicz, Matey Panok, Matey Pawłowicz, Matey Tomkowicz kapturok* 1528, JI 195, 196, 193, 188, 196, 190, 187, 188; *Matiej Białosuknia* 1536, O 24; *Matey Moisiuk* 1662, PnM 529;

Ta forma imienia w ostatecznym kształcie utrwaliła się w kulturze polskiej jako Maciej. Tę postać imienia w języku polskim i kulturze przyjęto jako imię ucznia Jezusa wybranego dla zastąpienia Judasza i dopełnienia liczby Dwunastu (Dz 1, 23-26).

Różne zabiegi fonetyczne, bardziej lub mniej skomplikowane prowadzą do wyłaniania się kolejnych form alternacyjnych podstawowej łac. formy imienia Matthaeus lub pol. Mateusz:

tth > t; aeu > ou: **Matous**: *Matous Bagieski* 1640 KB 8;

tth > t; aeu > o: **Matos**: *Matos Laczowicz, Matos Waczewicz* 1560, PK 8, 6;

tth > t; aeu > u: **Matus**: *Matus Kuklewicz, Matus Mikołaiewicz* 1639, OP 123, 125; *Matus Czayka* 1662, PnM 427;

tth > t; aeu > u; s > s': **Matus'**: *Matus' Mordas* 1560, PK 13;

tth > t; aeu > u; s > sz: **Matuss**: *szl. Matusz s. Marcinow* 1569, AU 288; *Matuss Csmielik, Matuss Sikora* 1571, IT 10, 11;

tth > t; aeu > i; s > sz: **Matisz**: *Matisz Joltanczyc* 1560, PK 25; *śl. Matisz Warchel* 1580, JI 94;

tth > t; aeu > y; s > s: **Matys**: *Matys... Michałowicz* 1528, JI 188, 193; *Matys Zbyszkowski* 1536, O 23; *Matys Baranek* 1565, IA 5; *Matys Bielewicz, Matys Mońkow* 1558, IS 54, 57; *Matys Chmielinka* 1558, IB 37; *Matys Noszczyc* 1560, PK 13; *Matys Onackowicz, Matys Wisłowski* 1560, PMŁ 128, 137; *Matys Sika* 1560, IN 65; *Matys Gąsiorek, Matys Marusska, Matys Nossal* 1571, IT 9, 18; *Matys Androwic, Matys Ginwilo* 1573, IT 34, 43; *Adam, Matys Panowicz* 1578, IG 317; *ślachetny Matys Jedynak z cześnikami swemi, śl. Matys Żędzian* 1580, JI 54, 121; *Matys Kalabunowicz* 1631, KWB 2; *Matys Mikołaiewicz* 1639, OP 123, 125, 125; *Matys Bebeko* 1662, PnM 530;

tth > t; aeu > y; s > sz: **Matysz**: *Matysz pisarz, Matysz Szklarz* 1560, IN 67, 66; *Matysz Choiński, Matysz wdowiec* 1662, PnM 410, 513;

Usunięcie medialnej części imienia Ma-teu-sz dało skróconą postać:

synkopa teu: **Masz**: *Jakub Bukiel i Masz brat jego* 1558, IS 56;

Formy alternacyjne powstawały też w wyniku różnych zabiegów derywacyjnych. Nowe imiona tworzone na bazie tematu pełnego imienia podstawowego lub na jego części, zazwyczaj po odrzuceniu części finalnej:

Mat-:

-uk: **Matuk**: *Matuk Bielczycz, Matuk Piotrow* 1578, IG 70, 74;

-ul: **Matul**: *Matul Jancew* 1578, IG 141;

Matisz-:

-ko: **Matiszko**: *Matiszko Howienowicz* 1578, IG 183;

Imię wystąpiło także w podstawowej formie cerk. Ματθαι<Ματθαίος (Matthaios):

t > t; th > f; -aios > iej: **Matfiej**: *Matffiej* 1577, JI 167; *Matfiej Jackiewicz, Matfiej Honczarow, Matfiej a Chomka Nareykow, Matfiej Holacicz, Matfiej Chotianów* 1578; IG 181, 306, 324, 329;

Cerkiewna forma imienia sprawiała mieszkańcom tych ziem określone problemy artykulacyjne, w związku z czym była przystosowywana fonetycznie do wymowy gwarowej. Dlatego ten wariant imienia wystąpił w zbliżonym wariantie fonetycznym (alternacja f : w, chw) :

t > t; th > w; -aios > iej: **Matwiej**: ... *Matwiej a Supron Bohatyrowiczy*... 1558, RG 373; *Matwiej Fiedorowicz, Matwiej Popowicz* 1639, OP 109, 121;

t > t; th > chw; -aios > -iej: **Mathwiej**: *Hryssko Mathwiej Szidorowiczy* 1558, RG 35; *Mathwiej Mielnik* 1558, IS 58;

t > t; th > chw; -aios > -y: **Mathwy**: *Mathwy, Danił a hrissko Josiewici* 1558, RG 7;

W celu ułatwienia wymowy grupy spółgłoskowej tf wstawiono pomiędzy nimi samogłoskę o, w wyniku czego powstały dwa kolejne warianty pełnej formy cerkiewnej:

t > t; epenteza o; th > f; -aios > -iej: **Matofiej**: *Matofiej Doyleid* 1578, IG 323; *Matofiej poddany iegomosci pana Markowskiego* 1662, PnM 518;

t > t; epenteza o; th > chw; -aios > -iej: **Matochwiej**: *u Matochwiea Czabaiuka, Matochwiej Maleszuk, Matochwiej Sawczyk* 1662, PnM 515, 521;

oraz y przy jednoczesnym zastosowaniu apokopy:

t > t; epenteza y; th > w; apokopa -aios: **Matyw**: *Matyw Krywopusk* 1578, IG 56;

Imię pierwszego Ewangelisty było na Podlasiu popularne przez dłuższy okres czasu, bowiem zdążyło utrwalić się również w dodatkowych formach identyfikacyjnych tworzących zręby współczesnego nazwiska. Są to przede wszystkim różnego rodzaju formy alternacyjne imion i formacje patronimiczne oraz andronimiczne.

Protonazwisko:

Mateusz-:

-ow: **Mateuszow**: *Troian Mateuszow* 1580, JI 46;

-owicz: **Materuszowicz**: *Janko Materuszowicz* 1558, IS 55;

-owa: **Mateuszowa**: *Pani Popławska Mateuszowa* 1662, PnM 409; *Mateuszowa wdowa* 1676, RPD 354;

Matfiej-:

-ewicz: **Matfiejewicz**: *Tymosz Matfieiewicz z żoną* 1662, PnM 520;

-owicz: **Matwiejowicz**: *Borys Matwiejowicz, Dzienis Matwiejowicz* 1639, OP 108; *Iwan Matwieiowicz* 1678, KWB 12;

-uk: **Matfiejuk**: *Hryc Matfiejuk* 1662, PnM 519; Mat(i)ej-:

-ewicz: **Mat(i)ejewicz**: *Stanek Mateiewicz, Bronisz Mateiewicz, Dobrohost Mateiewicz, Jezof Mateiewicz* 1528, JI 187, 195, 216; *Chwiedko Matiejewicz* 1560, PK 22;

-owicz: **Matejowicz**: *Janssel Mateiowicz* 1560-1563, RBS 483;

Matysz-:

Matysz: *Kaspar Matyys Tonki* 1560, IN 66;

Matjan-:

-owicz: **Matjanowicz**: *Chwiedko Matjanowicz* 1560, PK 23;

Matek-/Matko-:

-owicz: **Matkowicz**: *Paszko Matkowicz* 1528, JI 196;

-uk: **Matczuk**: *Iwan Matczuk, Matij Matczuk, nobilis Jacobus Wyczółkowski Matczuk* 1662, PnM 422, 423, 417;

Matel-:

-ewicz: **Matelewicz**: *Hryhory Matelewicz, Szczęsny Matelewicz, Szyman Matelewicz* 1639, OP 124;

Matuk-:

-uk: **Matukowicz**: *Jan Matukowicz* 1639, OP 124;

Matul-:

-ewicz: **Matulewicz**: *Mikołaj Matulewicz a Jan Brat* 1565, IA 8;

Matus(z)-:

-ik/-yk: **Matus(z)ik**: *Onton Matuszik* 1662, PnM 429; *szl. Jan Matusik* 1676, RPD 350;

-icha/-ycha: **Matuszicha**: *Matuszicha wdowa* 1551, IMLII 43;

Matys(z)-:

-ów: **Matysów**: *ślachetny Józef Matysów, ślachetny Hieronim Matysów* 1580, JI 52, 55;

-ewicz: **Matys(z)ewicz**: *Ochrem Matysewicz* 1558, IB 37; *Klim Matyszewicz* 1560-1563; RBS 487; *Stas Matysewicz* 1560, PK 4;

-eicz: **Matyszeicz**: *Jakób Matisseicz* 1577, JI 163;
-owicz: **Matysowicz**: *Stas Matysowicz* 1560, PK 4; *Bartłomiej Matysowicz* 1639, OP 123; *Prokop Matysowicz* 1662, PnM 526;

-ik: **Matysik**: *Anton Matysik*, *Iwan Matysik* 1662, PnM 531;

-uk: **Matysuk**: *Wasko Matysuk z żoną* 1662, PnM 426;

-anka: **Matyszanka**: *Maryna Matyszanka* 1662, PnM 527;

-owa: **Matysowa**: *Matysowa Sasinka*, *Simon Drągowski z Matisowaq* 1558, IS 51; *Matysowa wdowa* 1565, IA 24; *Matiszowa* 1577, JI 164;

-icha/-ycha: **Matys(z)icha**: *Hanna Matyszicha*, *Matysicha wdowa* 1662, PnM 528, 528;

Matuszko-:

-icha/ycha: **Matuszczycha**: *Matuszczycha* 1545, IMŁI 110;

Matiszew-:

-ski: **Matyszewski**: *Albertus Matiszewski* 1674, S. Marek

Imię drugiego Ewangelisty - Marek jest pochodzenia łac. Mar(ti)cus ‘(należący do) Marsa, przeznaczony do wojska’ (Tron.-Wal. 184), przejęte do gr. w formie Μαρκος, łac. Marcus (Mail 280). W scs funkcjonowało w formie Марѣкъ, z czego w pol. podobnie jak w czes. ukształtowała się forma Marek, natomiast w cerk. Марк, Mapko (Sup. 434). Powszechnie znane jako imię Ewangelisty. W NT wymieniane jest wielokrotnie, m.in. jako przydomek Jana, syna Marii (Dz 12,12;25), kuzyna Barnaby (Kol 4,10). W materiale dokumentacyjnym z Podlasia występuje tylko w tekstach łacińskich w formie:

Marcus: *Marcus olim Alexii* 1569, AU 246; *laboriosus Marcus Chwiedczuk* 1662, PnM 450; *Marcus Graff Butler* 1677, KD 596;

złatinizowanej cerk.:

apokopa -s: **Marco**: *Marco olim Laurentii* 1569, AU 246;

Najczęściej jednak używano imienia w formie polskiej Marek:

nieety. e; apokopa -us: **Marek**: *Marek Karczmarz*, *Marek Swiechowicz* 1557, IS 57, 51; *Marek Derda*, *Marek Mężowic* 1558, IB 35, 42; *Marek Sądowi* 1560-1563, RBS 414; *Marek Oldakowicz* 1563, O 23; *Marek Mazurek*, *Marek z Michałem Storbikiem* 1565, IA 5, 6; *szl. Marek Sierhiejow* 1569, AU 275; *Marek Fiolkowic*, *Marek Tomkowicz* 1571, IT 10, 18; *Marek z Czołowej*, *ślachetny Marek Wojewódzki*, *urzędnik mostowski* 1580, JI 80, 67; *Marek Mocarski* 1640-1641, KB 22; *Marek Siekierzyński* 1667, UP 141; *Marek Butler podkomorzy drohicki* 1679, UP 80;

Występuje także cerkiewna postać imienia:

apokopa -os: **Mark**: *Mark Suchnowicz* 1560-1563, RBS 423;

apokopa -s: **Marko**: *Marko Holubowicz*, *Marko Kosenski*, *Marko*, *Janusz Martinowicz* 1528, JI 216, 189, 195; *Marko Łozka leśniczy* 1558, IB 37; *Marko Olieskow* 1558, RG 374; *Marko Simnoch* 1558, IS 54; *Marko Dmisowicz* 1560, PK 8; *Marko Horkowicz*, *Marko Jurkowicz*, *Marko Kuśnierz* 1560, PMŁ 170, 136, 149; *Marko Bilcew* 1578, IG 64; *Marko Chwilkievicz* 1639, OP 136; *Marko Zieniuk*, *Marko Żuczyk* 1662, PnM 435, 497;

Protonazwisko:

Marek-/Marko-:

-ow: **Markow**: *szl. Jerzy Markow* 1569, AU 276;

-owy: **Markowy**: *Lienarth Markowy* 1551, IMŁII 263;

-iw: **Markiw**: *Gryn Markiw* 1578, IG 329;

-ewicz: **Markiewicz**: *Ławryn Markiewicz* 1639, OP 112;

-owicz: **Markowicz**: *Bartosz Markowicz*, *Bernat Markowicz*, *Jakub Markowicz* 1528, JI 216, 214, 204; *Kupa Markowicz* 1545, IMŁI 117; *Stiepan Markowicz* 1551, IMŁII 253; *Kondrat Markowicz* 1639, OP 125; *Awryło Markowicz* 1662, PnM 431, 432;

-ak: **Marczak**: *Hrycz Marczak* 1662, PnM 412;

-uk: **Marczuk**: *Maxim Marczuk* 1662, PnM 423;

-yk: **Marczyk**: *Truchon Marczyk* 1560, PMŁ 158; *Konach Marczyk* 1662, PnM 428;

-ac: **Markac**: *Marko Markac* 1662, PnM 428;

-owa: **Markowa**: *Markowa wdowa* 1551, IMŁII 42; *Markowaia Stanisławowicz* 1580, JI 193;

Marczuk-:

-ic/ycz: **Marzczuczycz**: *Owdocia Marzczuczycz* 1560-1563, RBS 425;

Markow-:

-ski: **Markowski**: *Matofiey poddany iegomosci pana Markowskiego* 1662, PnM 518;

Markuc-:

-ik: **Markucik**: *Jędrzey Markucik* 1662, PnM 428;

Markuszew-:

-ski: **Markuszewski**: *Adam Markuszewski kozak* 1662, PnM 525;

Ł u k a s z

Imię trzeciego Ewangelisty Łukasz jest łac. pochodzenia Lucius ‘światlisty, promienny’. Do polszczyzny przejęte w gr. postaci Λουκάς; w scs utrzymało się w formie Luka (Tron.-Wal. 178; Mail 273); cerk. Лука (Sup. 224). W NT imię to nosił lekarz, współpracownik Pawła (Kor 4,14; Flm 24, 2 TM 4,11. Tradycyjnie przypisuje się mu autorstwo Ewangelii Łk oraz Dziejów Apostolskich (Dz).

W materiale dokumentacyjnym z Podlasia imię w tekstach łacińskich wystąpiło w zlatynizowanych formach, graficznie różnych. Nie została poświadczona podstawowa forma łac. *Lucius*. W stosunku do wyjściowej gr. postaci imienia można odnotować szereg zmian o charakterze fonetycznym, w różny sposób poświadczanych graficznie:

ou > u; k = c/k: **Lucas**: *Lucas Maksimowicz* 1558, IB 37; *Lucas Bielak, Lukas Citonicz, Lukas Onaczkowicz Lukas Iwanowicz* 1560-1563, RBS 423, 458, 500; *Lukas filii Sacziko, Lucas Myslek* 1569, AU 262, 244; *Lucas Wiercziosek* 1577, JI 161; *inqilinus Lucas Gluchowski, nobilis Lukas Kosiey, laboriosus Lukas Wolkobik* 1662, PnM 416, 448, 451; *Lucas Sielemecki* 1668, S.; *Lucas Jerepowicz* 1670, S.;

ou > u; apokopa -s: **Luca**: *Lucae Gluchowski, N'li Lucae Ciechanowiecki, Joannes olim Luca Sieklucki* 1640, KD 392; **Lucae**: *G.Lucae Białobrzesci* 1677, KD 17, 171, 592;

W zależności od przyjętych zasad ortograficznych zabytku mamy różne warianty przyswojonego w polszczyźnie imienia pełnego:

l = l; k = k; s > sz (ss): **Lukasz**: *Lukasz Chomicz* 1545, IMŁI 117; *Lukasz Kolicznikowicz* 1558, IB 38; *Lukass a Stanisław Bielewicz, Lukass Narowic* 1558, RG 5, 18;

l > l'; k = c; s > sz (ss): **Liucass**: *Liucass Krupny* 1571, IT 11;

l > ł; k = k; s > s: **Łukas**: *Łukas Kiersnowski, Łukas Niwiński* 1640-1641, KB 11;

l > ł; k = k; s > sz: **Łukasz**: *śl. Łukasz Jasiewski* 1520, JIII 249; *Łukasz Suchowicz* 1551, IMŁII 280; *Łukasz Woyt* 1558, IS 53; *Łukasz Wołosowicz* 1560, IN 68; *Łukasz Dacewicz* 1560, PMŁ 156; *Łukasz Brostowski, Łukasz Hryniewicz, Łukasz Tołkacz* 1566, IA 11, 13, 7; *szl. Łukasz Spadek, szl. Łukasz Świniarski* 1569, AU 275, 284; *Łukasz Brelew* 1578, IG 61; *Łukasz Twarowski, ślachetny Łukasz Wasilewski, Daćbog olim Łukasza, śl. Rafał ol. Łukasza Sikorski, Zdan z Łukaszem* 1580, JI 17, 38, 114, 115, 125; *Łukasz Markowicz burmistrz* 1600, AK 150; *Łukasz Zawadzki* 1639, OP 115; *śl. Łukasz Wyszowski* 1640-1641, KB 7; *Łukasz Burczyk, Łukasz Oleszczuk* 1662, PnM 413, 411; *Łukasz Słabisz* 1663, RP 685; *Łukasz Jeronimczyk, szl. Łukasz Moniuszko* 1676, RPD 351, 352;

Za wariant cerkiewny imienia można uznać jedynie formę Łuka, która graficznie jest potwierdzona w postaci Lłuka:

Łuka: *Lłuka Wigdorowicz* 1571, IT 15;

Formy alternacyjne powstawały najczęściej na bazie części nagłosowej imienia w postaci graficznej Lu- lub Łu-:

Lu-:

-c: **Luc**: *LucKozłowicz, Luc Przystupa, Luc Uiszkowicz* 1545, IMŁI 113, 102, 111; *Luc Philip Czerniejkowicz* 1560, PMŁ 156;

-cz: **Lucz**: *Lucz Misiowicz* 1558, IB 37; *Lucz Artymowicz, Lucz Chodowicz, Lucz Chodiewicz, Lucz Kuzaczyc, Lucz Ostapkowicz, Lucz Pilaniewicz* 1560, PK 8, 10, 11, 17, 14, 12;

-s/-ko: **Lusko**: *Lusko Joskowicz* 1560, PK 8;

Łu-:

-c: **Łuc**: *Łuc, Jacko, Tomko Howinowicz, Łuc Lachowicz, Łuc Kulenia, Łuc, Iwan Marcinowicz, Łuc Olifierowicz, Łuc Polszkowicz, Łuc Proskurnikowicz* 1551, IMŁII 274, 283, 273, 290, 343, 237, 330; *Łuc Krupień, Łuc Kuśnierz, Łuc Sporynka, Łuc Zaniewicz* 1560, PMŁ 129, 125, 159;

-cz: **Łucz**: *Łucz Kozaczyc* 1560, PnM 529;

Protonazwisko

Formy pochodne od imienia, które należy rozpatrywać jako protonazwisko powstawały zarówno na bazie pełnego imienia w polskim wariantcie Łukasz, jak i jego postaci skróconej lub rozszerzonej w wyniku derywacji sufiksальной:

Łukasz-:

-ew: **Łukaszew**: *Jakub Łukaszew, Stepan Łukaszew* 1578, IG 76, 85;

-eicz: **Łukaszeicz**: *Krystofa Łukaszeicz* 1577, JI 161, 165;

-ewicz: **Łukaszewicz**: *Misko Łukaszewicz* 1545, IMŁI 105; *Iwan Łukaszewicz* 1551, IMŁII 267; *Sienko Łukaszewicz* 1560, PMŁ 149; *Pawłuk Łukaszewicz* 1567, IMBS 182; *śl. Stanisław Łukaszewicz Skwarek* 1580, JI 116; *Cisko Łukaszewicz* 1639, OP 142; *Michalko Łukaszewicz* 1662, PnM 526;

-owic: **Łukaszowic**: *Stanisław Łukaszowic* 1571 IT 21; *Ewa Łukaszowic* 1666, S.;

-ec: **Łukaszec**: *...Krystofa Łukaszech dom uliczny i rynkowy* 1577, JI 171;

-yk: **Łukaszyk**: *Chryc Łukaszyk, u Łukaszyka Lieszka* 1662, PnM 418, 428;

-owa: **Łukaszowa**: *Kuśnierzowa Łukaszowa* 1577, JI 170; *Łukaszowa Josczykowa* 1662, PnM 413;

-icha: **Łukasicha**: *Łukasicha pracka* 1662, PnM 435;

Na bazie rozszerzonej formy imienia:

Łukaszek-/Łukaszko-:

-ik/-yk: **Łukaszczyk**: *szl. Woyciech Łukaszczyk* 1676, RPD 350;

na bazie skróconej podstawy słowotwórczej:

Łuk-:

-iew: **Łukiew**: *Łukiew Machowicz* 1578, IG 305;

-ki: **Lłucki**: *Lłucki Onisiewicz* 1571, IT 30;

form alternacyjnych imion:

Łuc(z)-:

-ow: **Łucow**: *Panas Łucow* 1551, IMLII 329;

-ewicz: **Łucewicz**: *Jarmoc Łucewicz, Onisko Łucewicz, Paszko Łucewicz* 1551, IMLII 249, 324;

-enko: **Łucenko**: *Lucenko* 1545, IMLI 98;

-ik/-yk: **Łucik**: *Woyciech Łucik, Lenart, Woyciech Luczyk* 1565, IA 4; *Kuzma Łuczyk* 1662, PnM 430;

-icz/-ycz: **Łuczycz**: *Iwan Łuczycz* 1545, IMLI 98; *Marcin Łuczycz* 1558, IB 38;

-ka: **Łuczka** *gospodarz* 1662, PnM 421;

-owa: **Łucowa**: *Wierka Łucowa* 1560, PMŁ 136, 149; *Łucowa wdowa* 1560, PK 4;

-ycha: **Łucycha**: *Łucycha wdowa* 1551, IMLII 263; *Łucycha Morozicha* 1560, PMŁ 130;

-y: **Łucy**: *Wierka Łucy* 1560, PMŁ 149;

Łuch-:

-ow: **Łuchow**: *Pietroc Łuchow* 1578, IG 300;

Łuc(z)ek-/Łuc(z)ko-:

-owicz: **Łuczkwicz**: *Jasko Łuczkwicz, Hricz Łuczkwicz* 1558, IS 52, 54; *Timosz Łuczkwicz, Chwiedko Łuckowicz* 1560, PK 8, 14;

Łuczych-:

-a: **Łuczycha**: *Stanisław Łuczycha* 1551, IMLII 315;

Analizując poświadczenia imion wszystkich trzech Ewangelistów w XVI-XVII-wiecznych źródłach historycznych Podlasia zwraca uwagę imię pierwszego Ewangelisty i Apostoła - Mateusz, cerk. Матѳей, którego nie należy mylić z imieniem Apostoła wybranego za Judasza dla dopełnienia Dwunastu - Maciej, cerk. Матѳий. Silna motywacja kulturowa oraz wyznaniowe warianty imienia: katolicki i prawosławny dawały wiele możliwości słotwórczych i decydowały o jego popularności, co poświadczają zabytki piśmiennictwa z badanego okresu. Wielość przekształceń fonetycznych wskazuje na problemy z przyswojeniem trudnych artykułacyjnie głosek, jak np. gr. theta, łac. th oraz połączeń głoskowych: geminat tt, nagromadzenie samogłosek aeu itp. Te problemy adaptacyjne skutkowały dużą ilością wariantów fonetycznych, zaś kilkusylabowy wyraz dostarczał też większej możliwości tworzenia form alternacyjnych: skróconych i rozszerzanych za pomocą różnorodnych sufiksów w procesie derywacji sufiksowej. Zdecydowanie mniej problemów adaptacyjnych sprawiały imiona pozostałych dwóch Ewangelistów – Marka i Łukasza. Imiona łac. pochodzenia były krótkie i nie zawierały różniących się w wymowie głosek ani skomplikowanych połączeń spółgłoskowych i samogłoskowych.

Miały też mniejsze możliwości derywacyjne w językach słowiańskich. Materiały historyczne z XVI-XVII w. świadczą o silnym zakorzenieniu w kulturze chrześcijańskiej (zarówno katolików jak i prawosławnych) imion trzech Ewangelistów oraz niezwykle bogactwie środków derywacyjnych i pomysłowości ówczesnych mieszkańców Podlasia w tworzeniu nowych form imion i pochodnych od nich nowych nazw identyfikacyjnych, jakimi były patronimy i inne dodatkowe określenia, które na tamtym etapie były przydomkami i z czasem przekształciły się w nazwiska dziedziczne. Poświadczane w kolejnych latach w analizowanych źródłach są dowodem utrwalania się poszczególnych struktur w charakterze nazwiska dziedzicznego przez kolejne pokolenia. Jak dowodzi historyczny materiał antroponimiczny, na popularność imion wpływ miało wiele czynników językowych (sposób adaptacji imion w języku przyjmującym oraz łatwość tworzenia form pochodnych od pełnej formy podstawowej) oraz pozajęzykowych, kulturowych, gdzie ważnym czynnikiem była ranga świętych postaci NT i ich kult w kulturze chrześcijańskiej.

Oznaczenie źrydel:

Rękopisy

AKJ *Akta Konsystorza Janowskiego*, Archiwum Diecezjalne w Siedlcach, syg. 148 (od roku 1477 do końca XVII w.)

IA *Inwentarz włości augustowskiej z 1565 roku*, Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie (dalej AGAD), Archiwum Potockich w Radzynie 213.

IG *Inwentarz przyjęcia darów starostwa grodzieńskiego z 1578 roku*, AGAD, Archiwum Kameralne I/10.

IMLI *Inwentarz starostwa mielnickiego i losickiego. Regestr popisu z 1545 roku*, AGAD, Archiwum Skarbu Koronnego (dalej ASK), dz. LVI, M. 2.

IMLII *Inwentarz starostwa mielnickiego i losickiego z 1551 roku*, AGAD, ASK, dz. LVI.

IT *Inwentarz starostwa tykocińskiego, 1571 i 1573 r.*, AGAD, ASK, dz. LVI, t.4.

KB *Księga grodzka Brańska 1640-1641*, WAP w Białymstoku.

KWB *Księgi wójtowskie, burmistrzowskie królewskiego miasta Mielnik 1631-1698*, WAP w Białymstoku.

PK *Rejestr pomiaru włócznej miasta Kleszczele z 1560 r.*, WAP w Białymstoku.

PMŁ *Rejestr pomiaru włócznej starostwa mielnickiego i losickiego z 1560 r.* AGAD, ASK, dz. LVI.

RM *Rejestr podatku pogłównego powiatu mielnickiego z 1673 r.*, AGAD, ASK, dz. I, nr 70.

RML *Regestr popisu starostwa mielnickiego i losickiego, niedatowany, powstał po 1560 r.* AGAD, ASK, dz. LVI.

RP *Rejestr poborowy pogłównego z 1663 r.*, AGAD, ASK, dz. I, nr 70, k. 684-686.

RPD *Regestr dwójga w roku 1676 uchwalonego*. Biblioteka Czartoryskich w Krakowie. Rkps 1099, 775.

S *Summaryusz czyli Krodki sposób wynalezienia Metryk od Roku 1665 do 1824 przez X.Z.K.*, Archiwum parafialne w Tykocinie (brak oznaczenia stron w dokumencie).

Druki:

AU *Spis szlachty ziemi bielskiej i drohickiej składającej przysięgę na wierność Koronie Polskiej w 1569 r.*, (w:)

Akta Unii Polski z Litwą 1385-1791, wydali S.Kutrzeba i W.Semkowicz, Kraków 1932, s. 236-264.

IB *Inwentarz miasta Brańska z 1558 r.* (w:) Akty wydawajemyje Wilenskoju Archeograficeskoju Komissijeju (dalej AWAK), t. XIV, Wilno 1887, 24-25.

IMBS *Inwentarz wsi Mieleszki, Bielewicze i Supraśl z 1567 r.* (w:) AWAK, t. XIV, s. 181.

IN *Inwentarz miasta Narwi z 1560 r.* (w:) AWAK, t. XIV, s. 61-76.

IS *Inwentarz miasta Suraż z 1558 r.* (w:) AWAK, t. XIV, s. 46-60.

JI *Popis wojenny ziemian województwa podlaskiego z 1528 r.; Powiat Bielski, Drogiński i Mielnicki 1580 r.* (w:) A.Jabłonowski, Polska XVI wieku pod względem geograficzno-statystycznym, t. VI, Podlasie. Źródła dziejowe, t. XVII, cz. I, Warszawa 1908.

III *Spis urzędników województwa podlaskiego XV-XVII w.* (w:) A.Jabłonowski, dz. cyt. Cz. III, Warszawa 1910, s. 242-256.

O *Opis starych i nowych granic grodzieńskich, bielskich i goniądzkich, 1536 r.* (w:) Archeograficeskij sbornik dokumentov odnosjaščichsja k istorii severo-zapadnoj Rusi, t. I, Wilno 1864, s. 18-31.

OP *Ordinacja korolewskich puść v lesničestvach byvszego Velikogo Knjažestva Litovskogo, sostavlenaja ...P.D.Isajkovskim i Ch. Belozorom v 1641 godu*, Wilno 1871.

PnM *Perepis' naselenija Melnickogo poveta po prichodam i veroispovedanijam, 1662 g.* (w:) AWAK, t. XXXIII, s. 497-536.

RBS *Regestr pomiary miasta Brańska i Suraża z należącymi do nich włościami z 1560-1563 r.* (w:) Piscovaja kniga Grodnenskoj ekonomii s pribavlenijami, cz. II, Wilno 1882.

RG *Regestr pomiary włóczęj ekonomii grodzieńskiej dokonanej w latach 1558-1563*, (w:) Piscovaja kniga Grodnenskoj ekonomii s pribavlenijami, cz. I, Wilno 1881.

UP *Urzednicy podlascy XIV-XVIII w., Spisy*, opr. E.Dubas-Urwanowicz, W.Jarmolik, M.Kulecki, J.Urwanowicz, Kórnik 1994.

Rozwiązanie skrótów:

Fros-Sowa H.Fros SI, F.Sowa, *Twoje imię. Przewodnik onomastyczno-hagiograficzny*. 2. Wyd. Kraków 1979

Mall M.Malec. *Imiona chrześcijańskie w średniowiecznej Polsce*, Kraków 1994.

Sup. A.B.Суперанская, *Словарь русских личных имен*, Москва ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998.

Tron.-Wal. A.Tronina, P.Walewski, *Biblijne nazwy osobowe i topograficzne. Słownik etymologiczny*, Edycja Świętego Pawła, Częstochowa 2009.

Pozostałe skróty:

W pracy opieram się na przekłady Pisma Św.:

BT *Pismo Św. Starego i Nowego Testamentu. Biblia Tysiąclecia* (1991) Wyd. 4, Poznań: Pallotinum;

BS Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета (1998) Москва, Российское Библийское Общество;

BH The Holy Bible Containing the Old and New Testaments (SW 3NN). London: Cambridge University Press.

aram. aramejski

cerk. cerkiewny

gr. grecki

hebr. hebrajski

łac. łaciński

pol. polski

scs staro-cerkiewno-słowiański

suf. sufiks

wsł. wschodniosłowiański

Поступила в редакцию 18.01.2018 г.

УДК 811.111.81'42

«Чёрный юмор» в творчестве современных англоязычных писателей

Блинова И.А.

Национальный педагогический университет им. М.П. Драгоманова, Киев (Украина)

В настоящее время исследование вопросов собственно феномена «черный юмор» и ведущих языковых и речевых приемов создания иронического, сатирического и т.д. эффектов на определенных уровнях художественного дискурса, на материале разных языков и при переводе на другие языки было и остается актуальной проблемой лингвопоэтики, текстолингвистики, лингвостилистики.

Цель статьи — проанализировать тематический спектр англоязычного «черного юмора» и основные лингвостилистические средства его выражения.

Материал и методы. Материалом нашего исследования послужили англоязычные прозаические произведения малых форм выдающихся писателей современной литературы: Ирвина Шоу, Мюриэл Спарк и Кевина Барри. Для достижения общей цели исследования использованы количественный, семантико-стилистический и контекстологический анализы.

Результаты и их обсуждение. Охарактеризовано понятие «черный юмор» в современном языкознании с акцентом на значимость этой категории для лингвистической поэтики. Проанализированы типичные примеры преднамеренного обыгрывания авторами языковых явлений на лексико-семантическом, синтаксическом и прагматическом уровнях с целью отражения черно-юмористической тональности. В рамках художественного прозаического дискурса выявлены особенности функционирования лингвостилистических приемов по созданию черно-юмористического эффекта. Нами установлено, что главным предметом для язвительной насмешки в исследованных рассказах является смерть. Отмечена вариативность такого рода издевок: над самим фактом смерти, процессом смерти, причиной смерти (убийство, несчастный случай, болезнь, сердечный приступ и т.п.), условиями / обстоятельствами, при которых происходит смерть, нахождением мертвого тела, состоянием убийцы после преступления.

Заключение. Таким образом, ведущими средствами создания писателями черно-юмористического эффекта в рассматриваемых произведениях являются языковая игра и ее разновидность — каламбур, апосеопеза и парадокс, функционирующие на различных уровнях художественного дискурса.

Ключевые слова: художественный дискурс, «черный юмор», языковая игра, парадокс, апосеопеза.

(Ученые записки. — 2018. — Том 25. — С. 16–20)

“Black Humor” in the Literary Works by Modern English-Speaking Writers

Blinova I.A.

National Pedagogical University named after M.P. Dragomanov, Kiev (Ukraine)

Currently, the study of the “black humor” phenomenon issues and the leading language and speech techniques for ironic, satirical, etc. effects creating at certain levels of literary discourse, on the material of various languages and when translated into other languages was and has still remained an actual problem of Linguistic Poetics, Textual Linguistics and Linguistic Stylistics.

The aim of the article is to analyze the thematic spectrum of the English-speaking “black humor” and the main linguistic means of its expression.

Material and methods. The material of our study is the English prose works of small forms by contemporary literature outstanding writers, such as: Irvine Shaw, Muriel Spark and Kevin Barry. Quantitative, semantic and stylistic, contextual analyses have been used to achieve the overall aim of the study.

Findings and their discussion. The concept of “black humor” has been characterized in Modern Linguistics with an emphasis on the significance of this category for Linguistic Poetics. Typical examples of linguistic phenomena intentional playing on words by the authors at the lexical, semantic, syntactic and pragmatic levels have been analyzed to reflect the black humorous tonality. The peculiarities of linguistic means functioning while creating black humorous effect have been revealed within the literary prosaic discourse. We have concluded that the main subject for sarcastic ridicule in the studied stories is death. Such ridicules are represented quite variably: it can be mockery of the very fact of the death, the process of the death, the cause of the death (a murder, an accident, an illness, a heart attack, etc.), the circumstances under which the death occurred, the finding of a dead body, the killer’s state after the crime.

Conclusion. *Thus, the leading means of a black humorous effect creating by writers in the works under consideration are a language play and its variety – a pun, an aposiopesis and a paradox that function at various levels of literary discourse.*

Key words: *literary discourse, “black humor”, language play, paradox, aposiopesis.*

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 25. – P. 16–20)

Отметим, что явление «чёрный юмор» вот уже несколько десятилетий вызывает неугасающий интерес у специалистов различных областей знания: психологов, философов, социологов, литературоведов, языковедов и культурологов. Однако и в настоящее время терминологическое осмысление этого понятия находится в процессе становления, а исследование вопросов собственно феномена «чёрный юмор» и изучение основных лингвостилистических средств его воплощения на разных языковых уровнях было и остаётся актуальной проблемой лингвопоэтики, текстолингвистики, лингвостилистики.

Как следствие, в этом контексте удельный вес и значимость приобретают: 1) изучение природы смеха, разновидностей категории комического и истории термина «чёрный юмор»; 2) исследование «чёрного юмора» как явления культуры и литературного направления («чёрный юмор» французских сюрреалистов, «чёрный юмор» в американской литературе 50–70-х гг. XX в. и т. д.); 3) проблемы трактовки и употребления «чёрного юмора», определения его сущности, роли и места по отношению к короткой шутке, к значительным по объёму произведениям и к целому литературному направлению; 4) аспекты творческого метода и техники письма «чёрных юмористов»; 5) дискуссионные вопросы тематической классификации «чёрного юмора»; 6) анализ языковых и речевых приёмов создания юмористического, иронического, сатирического и т. д. эффектов в различных дискурсах (в частности художественном), на материале разных языков и при переводе на другие языки (более подробно об этом см. работы отечественных и зарубежных лингвистов: А. Бретона, С. Б. Дубина, А. И. Лаврентьева, Л. В. Карасева, В. Я. Проппа, Б. Ю. Нормана, Ю. Б. Борева, В. З. Санникова, Т. А. Гридиной, С. И. Походни, Е. Б. Шонь, И. В. Арнольд, О. П. Бойченко, Л. Н. Казаковой, А. З. Лескив, Е. Г. Пидгрушной, С. Н. Бассай, Н. Л. Шмелёвой, М. А. Кулинич, S. Attardo, Z. Abady-Nagi, J. Bier, R. B. Hauck, I. Hassan, W. Harmon, D. J. Greiner, R. W. Noland, L. Olsen, B. Weber, Ch. Harris, Ch. Russell, S. Trachtenberg, J. Semrau, R. Scholes, M. F. Schulz и других) [1].

Материал и методы. Цель статьи – проанализировать тематический спектр англоязычного «чёрного юмора» на современном этапе и ос-

новные лингвостилистические средства его выражения.

Материалом для нашего исследования служат англоязычные прозаические произведения малых форм известных представителей современной литературы: рассказы Ирвина Шоу (1913 – 1984), входящие в сборник “Short Stories. Five Decades”, Мюриэл Спарк (1918 – 2006), входящие в сборник “The Public Image. Stories”, и Кевина Барри (1969), входящие в сборники “Dark Lies the Island” и “There are Little Kingdoms”. Для достижения общей цели исследования используются количественный, семантико-стилистический и контекстологический виды анализа.

Результаты и их обсуждение. Заметим, что разное понимание этого явления, в частности как феномена художественной литературы, отражается и в терминологическом разногласии. В литературных англоязычных источниках справочного характера понятия «black humour, dark humour, grim humour, gallows humour» употребляются как синонимы для обозначения: 1) формы юмора, которая считает страдания людей более абсурдными, чем жалкими, или изображает человеческое существование ироничным и бессмысленным, хотя в некоторой степени и комическим (здесь и далее перевод наш. – И. Б.); 2) шуток о печальных или сложных ситуациях; 3) в прозе и драматургии – сочетание и сопоставление болезненных и гротескных элементов с юмором и фарсом для передачи тревожного эффекта и отображения абсурда и жестокости жизни; 4) комедийного, сатирического и т. д. изложения, которое в юмористических тонах представляет собой трагические, страшные или болезненные ситуации; 5) юмора, который является горько-ироничным, циничным, мрачным или сухим в отчаянной или безнадежной ситуации и который касается неприятных аспектов жизни; юмора, использующегося обычно в болезненных, ироничных, гротескных, комических эпизодах; так называемого юмора висельника [2].

В российской / украинской языковой практике означенные ситуации в большинстве случаев имеют тождественную трактовку и квалифицируются термином «чёрный юмор» [5]. В данном исследовании «чёрный юмор» понимается нами как одна из разновидностей категории комического (наряду с юмором, иронией, сатирой, сарказмом); как юмор «с примесью» цинизма, ко-

мический эффект которого состоит в насмешках над «мрачными», макабрическими темами; как иронически горькую улыбку человека по поводу своего / чужого плачевного положения в реальном мире.

Как известно, «чёрный юмор» – обычная составляющая абсурдистики в литературе: он находит смешным то, что считается слишком серьёзным, чтобы попасть в сферу действия такого легкомысленного чувства, как чувство юмора. Например, предметом для шуток становятся смерть человека, насилие, болезни души и тела, физические и нравственные увечья, разложение социальных институтов, страдания, боль, лишения и страх. Таким образом, мрак «чёрного юмора» является следствием отказа от морали и других норм человеческого поведения и мышления, лежащих в основе мнимой упорядоченности повседневной жизни [3].

По мнению подавляющего большинства исследователей, выражение «чёрный юмор» благодаря свойственной ему многозначности в настоящее время приобретает конкретное социокультурное значение. Спасительная процедура смехотерапии является, вне всяких сомнений, особенно благотворной. Во-первых, такого рода смех позволяет реализовать потребность современного человека отстраниться от трагических и страшных событий в жизни – таких, как война, вандализм, жестокость, несчастье, унижение, сексуальная несостоятельность, неудача, различного рода лишения (еда, удобства, материальные блага), неспособность самоутверждения, отсутствие свободы, расизм, дискриминация, репрессии и т. п.

Во-вторых, он помогает человеку эмоционально притупить или преодолеть страх перед указанными негативными аспектами существования настоящего; почувствовать себя при этом более сильным, смелым и менее уязвимым; взглянуть реальности в лицо; одержать над ситуацией личную победу. Как следствие, в литературном наследии любой нации присутствуют высмеивания, а иногда и циничные издевательства над человеческими ценностями в форме «чёрно-юмористических» анекдотов, частушек, «стишков» как серьёзных, так и неприличных.

Кроме этого, чёрный юмор жестоко «расправляется» с дешёвой сентиментальностью, сочетая эмоциональную невозмутимость с пристрастием к неожиданным и шокирующим эффектам. Творческие замыслы и способы их реализации у многих современных авторов отмечены особо мрачным трагикомизмом. Чёрно-юмористическим, как показывают наши наблюдения, может быть и всё произведение, и отдельные образы, ситуации, эпизоды.

Классификаций юмора, в частности чёрного, существует достаточное количество. В исследованиях М. А. Кулинич, А. С. Плеханова,

О. В. Эпштейн [4] определены тематический и территориальный (по распространённости, частотности и высокому уровню сходства) критерии (или их совокупность), которые положены в основу классификации типов чёрного юмора, и, как следствие, существуют универсальные / общепринятые / наднациональные / транскультурные (юмор о человеческой деятельности, о профессиях, о межличностных отношениях, о человеческих недостатках) и культурно-специфические / национальные (политический – национальная и международная политика и политические деятели; этнический – характерные особенности жителей отдельного региона, города) виды «чёрного юмора».

Транскультурный тематический парк включает следующие компоненты: люди (в т. ч. дети, инвалиды), герои народных сказок и произведений, животные; семья; национальная / гендерная принадлежность, основанная на ожидании статусная оценка пола; общественная жизнь; военная служба; религия; политика; развлечения, хобби; пагубные привычки (курение, пьянство); интимные отношения, секс; полиция, преступность; несчастные случаи, смерть; боль, страдания; инвалидность, физические недостатки; техника (компьютеризация); добыча и приём пищи и т. д.

Тематический спектр англоязычного «чёрного юмора», выделенный нами при исследовании творчества писателей, составивших материал исследования, не менее широк. В результате анализа литературных произведений нами установлен, что на первый план высмеивания у них выдвигается тема смерти. Так, рассказ М. Спарк «Портобелло-Роуд» (“The Portobello Road”) представляет собой горькую исповедь девушки по прозвищу Игла о собственной трагической смерти и о том, что даже люди, которых ты, казалось бы, знаешь, способны на совершенно неожиданные поступки, в частности на убийство близкого друга. Гротескное сочетание обычной женщины и привидения в образе Иглы-рассказчика позволяет проследить психологическое состояние неупокоенной души: она блуждает по Портобелло-Роуд с единственной целью – напугать до смерти своего старого приятеля-убийцу, в компании которого она провела детство, чтобы заставить его признаться в совершении страшного преступления.

По нашим наблюдениям, на протяжении всего произведения, благодаря пересечению времён (настоящего и прошлого) и двух миров (жизни и смерти), прослеживается градация эмоционального реагирования на различные проявления комического и трагического эффектов: ср. 1) One day in my youngy outhat high summer, lolling with my lovely companions upon a hay stack I found a needle. “George took this (photo) the day that Needle found the needle.”; 2) ‘Needle’ is found: in haystack!

[5]. Как видно, улыбка (мягкий юмор, ирония), вызванная описанием момента исторической находки иглы девушкой в снопе в первом случае (Игла нашла иглу), переходит в «чёрный юмор» во втором случае – при описании собственного убийства и находке – в том же снопе – тела (тело Иглы также находят в снопе).

Типичным средством создания писательницей чёрно-юмористического эффекта в приведённых примерах является обыгрывание на лексическом уровне смыслов, возникающих в случае полисемии и омонимии; в частности – регулярной является полисемия типа ‘обладание словом собственным и нарицательным значением’ (прозвище героини Игла – предмет игла), «прямое и переносное значение слов» (девушка – её тело). Техника столкновения указанных значений имеет богатые каламбурные возможности.

В рассказе К. Барри «Атлантик-Сити» (“Atlantic City”) наблюдаем издёвку главного героя Джеймса над процессом ухода из жизни отца. Примечательно, что, будучи самым старшим в окружении молодежи, девятнадцатилетний Джеймс пытается сохранить авторитет среди подростков с Брод-стрит и её окрестностей. Ребята нечем заняться летом в свободное время, поэтому они находят развлечения или в игровом зале с автоматами и бильярдом, или в мелком уличном хулиганстве. Чтобы привлечь к себе внимание и показать собственную неотразимость, юноша играет на публику: карикатурно пародирует рок-певцов и других звёзд, заигрывает с девушками, поднимает на смех соперников по бильярду, подтрунивает над полицейским, стильно и красиво выигрывает в автоматы и бильярд. В конце концов «заигрывание» главного героя со смертью (предполагаем, из-за заключённого пари) приводит к фатальным последствиям: в начале осени Джеймс трагически погибает.

Будучи ориентированным на достижение славы и похвалы своему таланту Джеймс, к сожалению, не понимает границ насмешки. Так, с безусловно «чёрным юмором» описан автором один из его знаменитых «спектаклей», когда парень изображает сердечный приступ, что приводит к смерти отца на кухне: *Walking back to the pod table, James suddenly stopped, gasped, and collapsed onto his knees. He clutched at his chest. His face was frozen in a terrible grin, and it became a grimace, and he gasped out the last words ... “I ... leave ... every ... thing ... to... to ... to ... Jamesie!”* [6]. Главным приёмом отображения чёрно-юмористического эффекта на синтаксическом уровне является апосиопеза / умолчание, которое передается на графическом уровне с помощью троеточия. Этот стилистический приём передаёт бессилие героя в предсмертной агонии говорить о завещании.

Окутан тональностью «чёрного юмора» приводимый далее фрагмент из рассказа К. Барри «Жестокость» (“A Cruelty”), где изображается издевательство взрослого мужчины с внешностью и поведением гиены над «маминым сыном» Дони: *Donie knows that he must rise and go but the man reaches across and lays a steel cold hand on his. Clamps it to the bench.*

“Stop that,” Donie says.

The man giggles.

“I’d say the best part of Donie dribbled down the father’s leg, did it?” [7].

Мужчина с хорошо развитой мускулатурой, крепким телосложением, высокого роста, упоминая о ноге отца Дони, смеётся над состоянием парня, который от испуга медленно сползает вниз. Ведь именно больные колени, по словам сына, были первопричиной смерти отца, к которой позже добавились ожирение и сердечный приступ: *Then the knees went on the father – the two simultaneously – and he could walk no more.*

“Oh I have a predicament now,” he would say from the armchair, looking out at Boyle; the slow afternoons.

The weight piled up on the father quickly. He turned into a churn of butter on the armchair. He took a heart attack inside the year.

“My father,” Donie tells people, “died of a predicament of the knees” [8].

Итак, благодаря намёку на прагматическом уровне происходит обыгрывание лексемы ноги / колени (*legs / knees*), что служит причиной смерти человека и предметом жестокого издеательства со стороны персонажа по прозвищу Гиена.

Будучи зарисовкой путешествия трёх подростков по Европе в летне-осенний период, произведение И. Шоу «Тогда нас было трое» (“Then We Were Three”) содержит эпизод несчастного случая на воде. Отдыхая на пляже, Мунни, Марта и Берт становятся свидетелями трагедии, во время которой два человека переворачиваются в лодке, начинают тонуть и отчаянно звать на помощь. Друзья находятся в растерянности, поскольку не знают, чем можно помочь в этой ситуации. Они обвиняют потерпевшего мужчину в неумении справиться с лодкой и спасти женщину, преодолев вплавь большое расстояние от берега. Ребята угрожают наказать пострадавшего француза, когда тот выйдет на берег: *“Bawl the stupid bastard out,” Bert said, “when he comes ashore, for being such a lousy sailor”* [9]. Эффект «чёрного юмора», создаваемого на основе парадокса, формируют, таким образом, обстоятельства, при которых происходит несчастный случай. Парадоксальность, по всей видимости, порождается утверждением, противоречащим жизненному опыту и противоположно ожидаемому результату.

Сюжетная линия рассказа И. Шоу «Жители Венеры» (“The Inhabitants of Venus”) разворачивается вокруг намерения главного героя Роберта отомстить своему обидчику, которого он, спустя длительное время, во время отдыха случайно встречает в горах Швейцарии. Роберт планирует убийство лыжника-нациста за то, что последний оставил его, раненого четырнадцатилетнего подростка, на произвол судьбы – умирать от переохлаждения в лесу. Охваченный чувством мести француз, не убивший в своей жизни (даже во время войны) ни одного человека, язвительно усмехается по поводу того, что будет делать сразу после убийства (конечно же, пить хороший чай): “Okay. See you at the hotel for tea?”

“Yes,” Robert said. After murder, Robert thought, I always have a good tea [10].

Процитированное высказывание является парадоксальным в результате нарушения причинно-следственной связи, из-за чего следствие или вывод не вытекает из условия, предпосылки.

Заключение. Таким образом, главным методом для язвительных насмешек в исследованных рассказах является смерть. Однако следует отметить вариативность этих издёвок, которые могут относиться к самому факту смерти; процессу ухода из жизни; причинам смерти (убийство, несчастный случай, болезнь, сердечный приступ и т. п.), условиям / обстоятельствам, при которых происходит смерть, нахождению мёртвого тела; состоянию убийцы после преступления. Типичными средствами, привлекаемыми писателями для создания «чёрно-юмористического» эффекта в рассматриваемых произведениях, являются языковая игра и прежде всего такая её разновидность, как каламбур; а также апосиопеза и парадокс, функционирующие на различных уровнях художественного дискурса.

Перспектива дальнейшего исследования заключается, как нам представляется, в продолжении детального анализа описанных приёмов, используемых для создания «чёрно-юмористического» эффекта. Такого рода анализ позволит более глубоко изучить своеобразие и оригиналь-

ность творческого метода М. Спарк, И. Шоу, К. Барри и других писателей-прозаиков, чья поэтика комбинируется с комическим.

Литература

1. Бретон, А. Антология чёрного юмора / А. Бретон. – М. : “CarteBlanche”, 1999. – 544 с.; Кулинич, М. А. Лингвокультурология юмора на материале английского языка / М. А. Кулинич. – Самара : Изд-во СамГПУ, 1999. – 181 с.
2. Санников, В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – М. : «Языки русской культуры», 1999. – 544 с.;
3. Attardo S. Linguistic Theories of Humor / S. Attardo. – Berlin; N. Y. : Mouton de Gruyter, 1994. – 426 p.
4. Электронный словарь ABBYY LINGVO 12 Multilingual Edition [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.lingvo.ru>.
5. Лаврентьев, А. И. «Чёрный юмор» и американский характер: учеб. пособие по спецкурсу / А. И. Лаврентьев. – Ижевск : УдГУ, 2009. – С. 19 – 20.
6. Кулинич, М. А. Лингвокультурология юмора на материале английского языка / М. А. Кулинич. – Самара : Изд-во СамГПУ, 1999. – 181 с.
7. Плеханов, А. С. Популярность и актуальность чёрного юмора (на материале немецких анекдотов) / А. С. Плеханов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия. Лингвистика, 2009. – № 2. – С. 202 – 207.
8. Эпштейн, О. В. Лингвокультурный феномен чёрного юмора / О. В. Эпштейн // Интеллект. Инновации. Инвестиции : академический журнал. – Оренбург : Оренбургский гос. пед. ун-т, 2013. – Спец. вып. – С. 126 – 130.
9. Spark, M. The Public Image. Stories / M. Spark. – M. : Progress Publishers, 1976. – Сс. 179, 200.
10. Barry, K. There are Little Kingdoms [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.rulit.me/author/barry-kevin/there-are-little-kingdoms-get-383819.html>.
11. Barry, K. Dark Lies the Island [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://knigogid.ru/books/403658-dark-lies-the-island/toread>.
12. Barry, K. Dark Lies the Island [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://knigogid.ru/books/403658-dark-lies-the-island/toread>.
13. Shaw, I. Short Stories. Five Decades / I. Shaw. – N. Y. : Open Road Media, 2013. – С. 316.
14. Shaw, I. Short Stories. Five Decades / I. Shaw. – N. Y. : Open Road Media, 2013. – С.

Поступила в редакцию 18.01.2018 г.

УДК 81.161.1'373.2+81'27

Частотные «ядерные» смоленские онимы в составе фоновых знаний общенациональной языковой личности

Бубнова Н.В.

*Военная академия войсковой противовоздушной обороны Вооружённых Сил
Российской Федерации имени Маршала Советского Союза А.М. Василевского, Смоленск (Россия)*

Актуальность работы обусловлена тем, что она выполнена в русле изучения онима как культурного знака в составе фоновых знаний носителей языка: имя аккумулирует в своём содержании большой объём историко-культурной информации, вследствие чего является одной из базовых единиц в составе фоновых знаний культурного наследия, обеспечивающих связь поколений внутри этнокультурного сообщества. Исследование историко-культурной информации в содержании онима приобрело особую значимость в ономастике начала XXI века на фоне стремительно развивающихся процессов всеобщей глобализации, в результате которой постепенно нивелируется национально-культурная специфика народа — носителя языка.

Цель статьи — описать, как представлены три самых частотных «ядерных» (общеизвестных / прецедентных) смоленских онима (Днепр, Успенский собор, Крепостная стена) в составе фоновых знаний общенациональной языковой личности.

Материал и методы. Основным методом исследования является ассоциативный эксперимент, проведённый вначале на региональном уровне (с 1650 респондентами-смолянами), а затем на национальном уровне: со студентами московских вузов (826 испытуемых) и петербургских вузов (791 респондент). В результате эксперимента на региональном уровне было выявлено, что онимы Днепр, Успенский собор, Крепостная стена входят в состав «ядра» фоновых знаний смолян о Смоленщине. При проведении эксперимента на национальном уровне нами был получен исследовательский материал для анализа: на стимул Днепр — 84 реакции (2181 употребление), на стимул Смоленский Успенский собор — 91 реакция (1875 употреблений), на стимул Смоленская Крепостная стена — 102 реакции (1548 употреблений).

Результаты и их обсуждение. В результате проведения исследования был сделан вывод о том, что в составе ассоциативно-культурного фона онима Днепр преобладают информативные реакции, непосредственно описывающие содержание имени (при этом на национальном уровне со Смоленщиной данный оним закономерно не ассоциируется). Для составных онимов-стимулов (Смоленский Успенский собор и Смоленская Крепостная стена), называющих объекты непосредственно внутригородского смоленского ономастического пространства, необходимо дополнительно оговаривать такой критерий, как степень информативности реакции по отношению именно к ониму, поскольку в списке выявленных ассоциаций преобладают реакции на апеллятив в составе многокомпонентного наименования. Кроме того, такие результаты обозначили очевидные перспективы работы — популяризация названий внутригородских провинциальных объектов, являющихся объективно прецедентными для общенационального ономастикона, на национальном уровне.

Заключение. Предложенный подход к изучению онимов в составе фоновых знаний носителей языка (от регионального к общенациональному уровню) может быть использован исследователями из других регионов России с целью последующего объективного описания и лексикографирования национального ономастического пространства.

Ключевые слова: ассоциативно-культурный фон, ассоциативный эксперимент, имя собственное (оним), фоновые знания, языковая личность.

(Ученые записки. — 2018. — Том 25. — С. 21–30)

Frequency Generally Valid Smolensk Onyms as Part of the Background Knowledge of the National Language Personality

Bubnova N.V.

*Russian Federation Army Air Defense Military Academy
named after the Marshal of the Soviet Union A.M. Vasilevsky, Smolensk (Russia)*

The relevance of the work is due to the fact that it is carried out in the mainstream of studying onym as a cultural sign in the background knowledge of native speakers: the name accumulates a large amount of historical and cultural information in its content. It is one of the basic units in the background knowledge of the cultural heritage that provides communication

of generations within the ethno-cultural community. The study of historical and cultural information in the content of the onym has acquired special significance in onomastics of the beginning of the XXI century against the rapidly developing global globalization processes, as a result of which the national and cultural specificity of the native speakers is gradually leveled.

The purpose of the article is to describe how the three most frequent “nuclear” (generally valid / precedent) Smolensk onyms (the Dnieper, the Assumption Cathedral, the Fortress Wall) are included in the background knowledge of the national language personality.

Material and methods. The main research method is an associative experiment, initially conducted at the regional level (with 1650 respondents from Smolensk region), and then at the national level: with students from Moscow universities (826 testees) and St. Petersburg universities (791 respondents). As a result of the experiment at the regional level, it was revealed that onym the Dnieper, the Assumption Cathedral, the Fortress wall are part of the core of background knowledge of inhabitants of Smolensk region about their region. Having carried out the experiment at the national level, we obtained a research material for analysis: on the stimulus of the Dnieper – 84 reactions (2181 uses), on the stimulus the Smolensk Assumption Cathedral – 91 reactions (1875 uses), on the stimulus Smolensk Fortress wall – 102 reactions (1548 uses).

Findings and their discussion. As a result of the research, it was concluded that in the composition of the associative-cultural background of onym the Dnieper informative reactions predominate. These reactions directly describe the name's content (although it is not naturally associated with the Smolensk region at the national level). For compound onyms-stimuli (the Smolensk Assumption Cathedral and the Smolensk Fortress wall), which call the objects of the immediate intra-urban Smolensk onomastic space, it is necessary to further specify such a criterion as the degree of informativeness of the reaction with respect to the onym, because in the list of identified associations reactions to the appellative in the composition multicomponent name dominate. In addition, such results have indicated the obvious prospects for work – the popularization of the names of inner-city provincial objects, which are objectively precedent for the national onomasticon, at the national level.

Conclusion. The given approach the onym study in the background knowledge of native speakers (from region to nation level) may be used by researchers from other regions of Russia in order to describe and to fix in the dictionary of the national onomastic space.

Key words: associative and cultural background, associative experiment, proper noun (onym), background knowledge, linguistic personality.

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 25. – P. 21–30)

На фоне стремительно развивающихся процессов всеобщей глобализации, нивелирующих национально-культурную самобытность народа – носителя языка, одним из приоритетных и перспективных направлений ономастики начала XXI века является изучение имён собственных в составе трёхкомпонентной формулы ИМЯ – ЧЕЛОВЕК – КУЛЬТУРА. Так, по мнению Р.Ю. Намитоковой, А.А. Адзиновой, «... негативные воздействия глобализации, проявляющиеся в тенденциях утверждения унификации, однообразия, навязывания одних стандартов для культур всех народов, естественно способствуют противоположному, но достаточно ожидаемому положительному явлению: они вызывают процесс развития национального самосознания, усиливают стремление сохранить самобытность культур разных народов, а одним из средств сохранения культуры и является ономастикон каждого народа, уходящий своими корнями в далёкое прошлое и отражающий его историю, с одной стороны, и открытый – для восприятия современного мира во всём его разнообразии – с другой» [1, с. 8].

Антропоцентрическое направление ономастических исследований было обозначено ещё во второй половине прошлого века. Как отмечает В.Д. Бондалетов, «с 70-х гг. XX столетия в отечественной науке о языке происходил плавный переход ономастики как составной части лингвистики и одновременной науки междисциплинарной (и

исторической, и географической и социальной, и ...) в зону действия такого мощного фактора, как антропоцентризм, приведший к смене научных парадигм почти всех общественных наук. Исходной точкой осмысления мира – природного и общественного – стал Человек. На первый план выдвигается стремление человека все интересующие его проблемы решать с учётом человеческого (биологического, социального, общечеловеческого) фактора» [2, с. 13].

Подход к исследованию имени как носителя многоплановой национально-культурной информации о жизни народа был также обозначен во второй половине XX века представителями лингвострановедения. Так, по замечанию Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, ономастические единицы обладают яркой национально-культурной семантикой, так как их групповое и индивидуальное значение прямо производно от истории и культуры народа – носителя языка [3, с. 101].

В ономастике начала XXI века наличие богатейшей историко-культурной информации в содержании имён собственных и тесное взаимодействие онимов всех разрядов с языковой личностью отмечают многие исследователи [см. подробнее 4–14 и др.].

Для наименования историко-культурной информации в содержании имени мы используем термин ассоциативно-культурный фон (далее АКФ), предложенный Н.А. Максимчук. Под АКФ мы понимаем «всю сопутствующую инфор-

мацию, не входящую в непосредственное содержание онима, при этом «компонент культурный указывает на то, что фоновые знания, сопровождающие имя собственное, носят прежде всего культурологический характер (культура в данном случае понимается максимально широко). Компонент ассоциативный называет основной путь формирования, расширения и затем выявления фоновых знаний» [15, с. 166–167]. Существенной характеристикой данного термина, на наш взгляд, является то, что он отражает не только культурологический характер фоновых знаний, сопряжённых с конкретным именем собственным, но и основную путь их формирования и выявления.

Цель данной работы – проанализировать особенности АКФ трёх самых частотных «ядерных» (общезначимых / прецедентных) смоленских онимов (*Днепр*, *Успенский собор*, *Крепостная стена*) в составе фоновых знаний общенациональной языковой личности. Смоленский край с его более чем тысячелетней историей, представленной именами великих людей и отражённой в названиях многочисленных архитектурных и культурных памятников, ставших достоянием России, занимает особое место в национальном культурном пространстве и, в частности, в ономастике. В связи с этим исследование АКФ смоленских онимов значительно обогатит лингвистические и лингвокультурологические исследования.

Предложенный нами системный подход к изучению АКФ ономастических единиц в составе фоновых знаний носителей языка – от регионального к общенациональному уровню – обеспечивает новизну настоящего исследования.

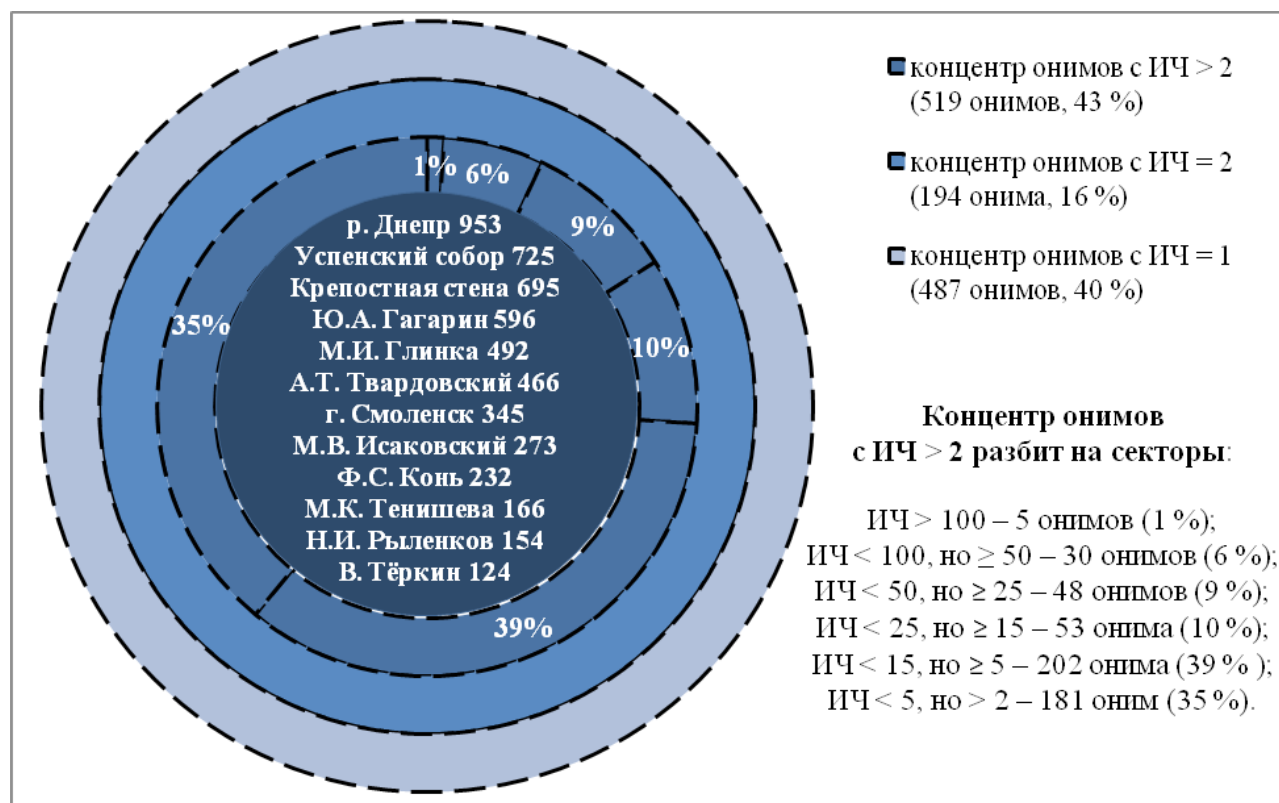
Материал и методы. Ведущим методом нашего исследования (наряду аналитическим, классификационным, описательным, статистическим с привлечением компьютерных методов обработки материала и др.) является ассоциативный эксперимент. По замечанию Н.В. Уфимцевой, ассоциативный метод можно рассматривать как «специфичный для данной культуры и языка «ассоциативный профиль» образов сознания, интегрирующий в себе умственные и чувственные знания, которыми обладает конкретный этнос» [16, с. 67].

Ассоциативный эксперимент был проведён нами в два этапа: вначале на региональном, а затем на общенациональном уровне. В ходе проведения эксперимента на региональном уровне респонденты-смоляне вначале заполняли анонимную анкету, содержащую следующие характеристики: пол, возраст, место рождения, уровень образования, сфера профессиональной деятельности, время проживания на Смоленщине и место жительства (город Смоленск или один из районов области). Затем испытуемым было

предложено в течение одной минуты записать любые имена собственные, ассоциируемые ими с топонимом *Смоленщина*. Основная цель данного этапа эксперимента – выявить общезначимые, прецедентные смоленские ономастические единицы. В результате эксперимента было получено 1212 реакций (13471 употребление), из числа которых при помощи программы Microsoft Office Access было выделено «ядро», сформированное прецедентными онимами, обладающими наиболее высокими индексами частотности и названными респондентами всех групп, независимо от пола, возраста, уровня образования и других характеристик анкеты. Состав «ядра» ономастических фоновых знаний смолян о своём крае формируют следующие имена, наглядно представленные на диаграмме 1 (для каждого онима рядом указан индекс частотности (ИЧ)):

На данном этапе работы мы исследуем, как представлены «ядерные» (общезначимые / прецедентные) смоленские имена на общенациональном уровне. Для этого нами был проведён ассоциативный эксперимент со студентами разнoproфильных вузов Москвы и Санкт-Петербурга. Общее количество респондентов – 1617. В эксперименте приняли участие студенты следующих московских вузов (826 испытуемых, здесь и далее для каждого вуза в скобках указано количество участников): Московского государственного университета дизайна и технологий (234); Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана (174); Московского государственного областного университета (172); Российского государственного гуманитарного университета (137); Военного университета Министерства обороны Российской Федерации (62); Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (29); Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина (18). Также участниками эксперимента стали студенты петербургских вузов (791 респондент): Санкт-Петербургского государственного технологического института (406); Санкт-Петербургского государственного университета (209); Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена (132); Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна (44). В начале эксперимента участники заполняли анонимную анкету, содержащую следующие характеристики: пол, возраст, курс обучения, место рождения (Москва / Петербург или другой город / посёлок), образование (среднее / среднее специальное / высшее), сфера будущей профессиональной деятельности (гуманитарная / техническая), родной язык(и). Наиболее релевантным для настоящего исследования является показатель места рождения респондентов.

Структура региональных ономастических фоновых знаний смолян

тов, по которому испытуемых можно разделить на несколько групп:

- 1) родились в другом городе России (не в одной из двух столиц) – 900 испытуемых (55,6 %);
- 2) в Москве – 344 (21,3 %);
- 3) в Санкт-Петербурге – 283 (17,5 %);
- 4) в деревне / посёлке – 90 (5,6 %).

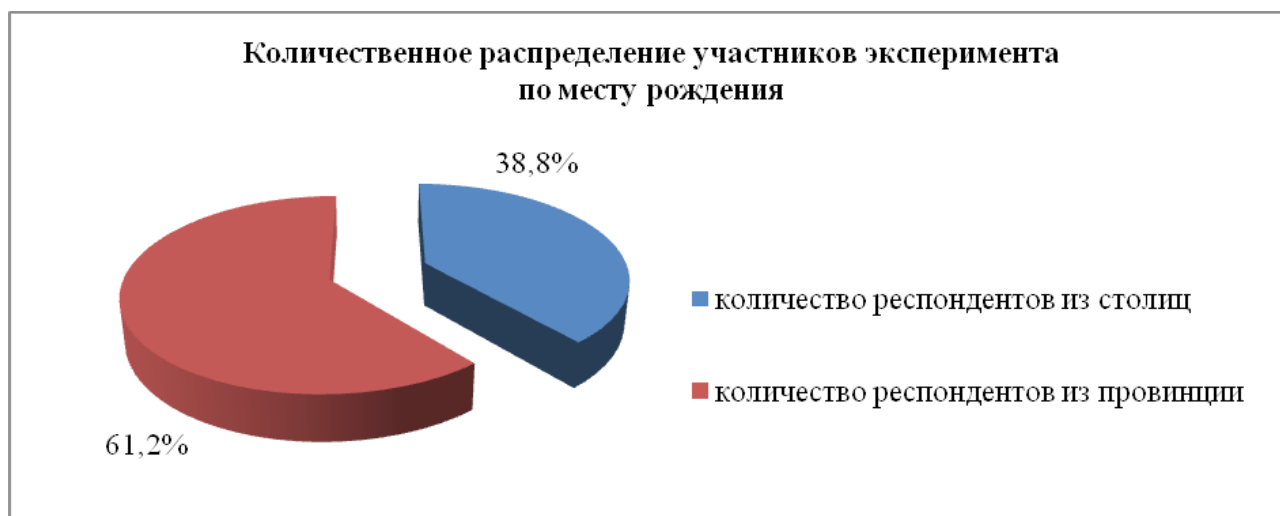
Количественное соотношение участников эксперимента, рождённых в столицах и в провинциях, в процентном выражении наглядно отражено на диаграмме 2:

Следует отметить, что в эксперименте приняли участие испытуемые из самых разных городов России (в качестве примеров приведём названия только наиболее крупных городов, являющихся административными центрами субъектов Российской Федерации; отдельно отметим, что из Смоленска и Смоленской области в эксперименте приняли участие 7 респондентов): Архангельска, Астрахани, Белгорода, Благовещенска, Брянска, Великого Новгорода, Владикавказа, Владимира, Волгограда, Вологды, Воронежа, Грозного, Ижевска, Йошкар-Олы, Иркутска, Казани, Калининграда, Калуги, Кирова, Костромы, Краснодар, Красноярска, Курска, Липецка, Махачкалы, Мурманска, Нижнего Новгорода, Новосибирска,

Омска, Орла, Оренбурга, Пензы, Перми, Петропавловска-Камчатского, Пскова, Ростова-на-Дону, Рязани, Саратова, Севастополя, Ставрополя, Сыктывкара, Тулы, Ульяновска, Хабаровска, Челябинска, Элисты, Южно-Сахалинска, Якутска, Ярославля и др. Таким образом, мы можем говорить о том, что в результате эксперимента нами был выявлен состав фоновых знаний о «ядерных» (общезначимых / прецедентных) смоленских именах, присущий общенациональной языковой личности.

Собственно эксперимент состоял в том, что респондентам было предложено записать любые реакции, связанные с перечисленными выше прецедентными смоленскими ономастическими единицами (время реакций на каждый стимул ограничивалось 7 секундами; стимулы предъявлялись устно в порядке убывания их индексов частотности, выявленных в результате эксперимента на региональном уровне). Полученный ассоциативный материал был обработан также посредством создания электронной базы данных, где в компактном и удобном для дальнейшего анализа виде представлен состав АКФ каждого онима-стимула.

В настоящей работе остановимся на характеристике АКФ трёх наиболее частотных «ядер-

ных» смоленских онимов, представленных на диаграмме 1; при этом оговоримся, что структура второго и третьего онимов при предъявлении их в качестве стимулов респондентам на общенациональном уровне была дополнена компонентом *смоленский / смоленская* соответственно.

Результаты и их обсуждение. Полученные в результате эксперимента со столичным студенчеством количественные данные, характеризующие анализируемые в настоящей работе смоленские онимы, отражены в табл., где Р – реакция, У – употребление. Все данные приведены в числовом выражении; наиболее важные показатели значимости онима представлены также в процентном выражении: количество «пустых» бланков, т.е. заполнена только анкета, а реакции на заданные стимулы отсутствуют (сначала указано общее число, затем – количество пустых бланков у респондентов из вузов Москвы + количество пустых бланков у испытуемых из вузов Петербурга) и количество употреблений в списках совпадающих реакций:

Количество совпадающих реакций и употреблений в электронной базе было подсчитано следующим образом: реакцию *река* на стимул *Днепр* привели 514 московских студентов и 566 студентов из Санкт-Петербурга – это 1 совпадающая реакция, 1080 употреблений и т.д.

Количество несовпадающих реакций – это полученная разница от количества названных реакций и количества совпадающих реакций (совпадающие реакции электронная база данных подсчитывает автоматически). Например, на стимул *Днепр* в списках реакций московских студентов было зафиксировано всего 230 реакций, из них 84 совпадающих, следовательно, 146 реакций не совпадают со списками петербургских студентов; а для студентов из Петербурга: 239 – общее количество реакций –

84 совпадающих = 155 несовпадающих реакций. В таблице приведено общее число несовпадающих реакций: $146 + 155 = 301$ (без дифференциации Москва / Санкт-Петербург). Количество несовпадающих употреблений рассчитывалось по формуле $(a + b) - c$, где a – количество употреблений в списках московских студентов, b – количество употреблений в списках петербургских студентов, c – количество употреблений совпадающих реакций. Например, для стимула *Днепр*: $(1239 + 1340) - 2181 = 398$.

Общим количеством реакций и употреблений в окончательно обработанном составе АКФ онима-стимула мы называем сумму совпадающих и несовпадающих реакций и употреблений. Для стимула *Днепр*: 84 совпадающие реакции + 301 несовпадающая реакция = 385 реакций; $2181 + 398 = 2579$ употреблений.

Количественные данные, представленные в табл., показывают, что все три анализируемых онима-стимула вызвали реакции у абсолютного большинства респондентов: для стимула *Днепр* зафиксировано менее 10% «пустых» бланков, для двух других онимов – немного более 10%.

Количество употреблений совпадающих реакций (от 79,7% до 84,6%) для всех онимов-стимулов свидетельствует о том, что эти реакции являются наиболее частотными и действительно общезначимыми в списках реакций обеих групп респондентов, что также является показателем стереотипности восприятия заданных стимулов московским и петербургским студенчеством. Неповторяющиеся же реакции представлены преимущественно единично, являясь индивидуальными, или имеют невысокий индекс частотности, представляя собой реакции с неясной мотивационной основой. В связи с этим для классификации и анализа будем использовать только совпадающие реакции на каждый оним-стимул.

Количественные показатели реакций столичного студенчества на наиболее частотные «ядерные» смоленские онимы

№ п/п	Оним-стимул	Количество «пустых» бланков	Количество совпадающих		Количество несовпадающих		Общее количество	
			Р	У	Р	У	Р	У
1.	Днепр	49: 14 + 35 (3,1%)	84	2181 / 84,6%	301	398	385	2579
2.	Смоленский Успенский собор	171: 79 + 92 (10,6%)	91	1875 / 81,9%	336	417	427	2292
3.	Смоленская Крепостная стена	228: 95 + 133 (14,1%)	102	1548 / 79,7%	322	394	424	1942

Разработанная нами электронная база данных даёт возможность классифицировать материал по разным основаниям. Наиболее значимым основанием для классификации онимов как единиц в составе фоновых знаний носителей языка является их когнитивная ценность (когнитивный потенциал). По данному критерию в составе АКФ каждого онима мы выделяем три типа реакций:

общезначимые (реакции, мотивация возникновения которых закономерна и очевидна не только для автора этой реакции);

индивидуальные реакции (данный тип реакций можно назвать реакциями дискурсивного типа, поскольку они отражают фрагменты картины мира автора реакции);

реакции с неясной мотивационной основой (реакции, мотивация возникновения которых ничем не обусловлена и очевидна только для автора этой реакции).

Среди общезначимых реакций мы выделяем пять групп: 1) информативные, передающие значимые компоненты АКФ имени; 2) оценочные, выражающие положительную / отрицательную оценку онима-стимула; 3) формальные, основанные на внешнем звуковом сходстве со стимулом; 4) ошибочные, отражающие неверное восприятие онима-стимула; 5) «пустые», свидетельствующие о незнании респондентами информативных компонентов АКФ имени либо не заключающие в себе никакой конкретной информации, относящейся к имени.

Рассмотрим, какие группы реакций можно выделить в составе АКФ каждого онима. Поскольку для анализа будем использовать только общие для столичного студенчества реакции, количество которых достаточно ограничено (во многом в силу их стереотипности), мы не будем укрупнять классификацию, объединяя семантически однородные реакции, к которым относим реакции-словоформы, однокоренные слова и явления

синтаксической деривации, а также варианты разного графического оформления реакции. Кроме того, целесообразность именно такого подхода обусловлена спецификой ассоциативного материала, в котором грамматическая форма реакций на общезначимые смоленские имена собственные является одним из релевантных признаков. Например, на стимул *Днепр* 17 испытуемых назвали реакцию *птица*, 2 респондента привели реакцию *птицы*: данные реакции также имеют разную смысловую нагрузку. В первом случае представлена реакция, значимая в историко-культурном смысле (знаменитая гоголевская птица), а во втором птицы – это одна из составляющих общего пейзажа (наряду с небом, рекой и др., о чём свидетельствует «ассоциативный контекст» в бланках отдельных участников эксперимента). Следует отметить, что именно «ассоциативный контекст» в спорных случаях определял принадлежность реакции той / иной смысловой группе. Для каждой группы указано количество формирующих её реакций / количество употреблений; группы расположены по убыванию общего количества повторяющихся реакций; для каждой реакции указан индекс частотности (графическое оформление реакций респондентами преимущественно сохранено):

Ассоциативно-культурный фон онима *Днепр*

Состав АКФ топонима *Днепр* формируют 84 реакции (2181 употребление), все реакции являются общезначимыми, среди них могут быть выделены следующие группы:

ИНФОРМАТИВНЫЕ РЕАКЦИИ 80 / 2163:

1. Реакции на основе связи «оним – апеллатив» 1 / 1080: *река 1080*.

2. Описательные реакции 47 / 470:

2.1. Качественные характеристики 21 / 153:

2.1.1. Глубина: *глубина 23*; *глубокий 11*; *глубоко 8*; *глубокая 4*.

2.1.2. Ширина: *широкий 20; широта 11; широкая река 5; ширина 2*.

2.1.3. Размер: *большой 14; большая 9; большая река 8; длинная 5*.

2.1.4. Цвет: *синий 7; голубой 5; голубая 3*.

2.1.5. Другие признаки: *мощь 5; далеко 4; сила 3; бурный, грязь, холодный 2*.

2.2. «Атрибуты» реки 9 / 213: *вода 148; рыба 34; дно 12; рыбы 8; берег 3; берега, окунь, половодье, тина 2*.

2.3. Объекты на реке 5 / 31: *корабль 10; лодка 9; мост 6; корабли, плотина 3*.

2.4. Другие характеристики и связанные ассоциации 12 / 73: *течение 14; природа 11; простор 10; лето 9; юг 7; небо 5; поток, тепло 4; свобода 3; плавать, птицы, шум 2*.

3. «Географические» ассоциации 15 / 411: *Украина 183; Днепропетровск 68; город 43; Россия 37; Киев 34; Русь 11; Смоленск 9; Родина 5; география, Европа, карта 4; сало 3; деревня, Днепродзержинск, область 2* (реакция *сало* выбивается из общей группы; именно такая её смысловая принадлежность определена на основе опосредованной ассоциативной связи *Днепр – Украина – сало*).

4. Реакции по смежности 7 / 84:

6.1. *Футбольный клуб (команда) 22; КВН, мотоцикл 17; команда КВН 9; футбол 8*.

6.2. *Дон 9; Тихий Дон 2*.

5. «Исторические» ассоциации 7 / 69: *казаки 22; история 15; война 12; Древняя Русь, казак 7; древность, Крещение Руси 3*.

6. «Литературные» ассоциации 3 / 49: *Гоголь 30; птица 17; Чуден Днепр... 2*.

ОЦЕНОЧНЫЕ РЕАКЦИИ 3 / 15: *величие 7; красота 5; красиво 3*.

ОШИБОЧНЫЕ РЕАКЦИИ 1 / 3: *озеро 3*.

Абсолютное большинство реакций в составе АКФ топонима Днепр (2166 употреблений из 2181; 99,3%) являются реакциями информативного типа, т.е. отражают значимые компоненты АКФ исследуемого онима. Такие результаты позволяют заключить, что этот топоним входит в состав фоновых знаний столичного студенчества, т.е. принадлежит общенациональному уровню лингвокультурологической ценности. Со Смоленщиной данный оним-стимул связывают только 9 респондентов из 1617, наиболее же стереотипной «географической» реакцией на стимул Днепр является оним Украина, а также наименования украинских городов (Днепропетровск и Киев). Такой результат вполне закономерен, поскольку участниками эксперимента выступали представители не смоленского региона, смоляне же ассоциируют Днепр, прежде всего, со Смоленском (см. подробнее [17]). Полученные нами результаты полностью совпадают с данными Русского ассоциативного словаря, где реакции респондентов

отражают связь великой славянской реки, прежде всего, с Украиной, а состав реакций испытуемых в целом коррелирует (см. подробнее [18]). Попутно отметим интересный факт: в мае 2016 года депутаты Верховной Рады Украины приняли решение о переименовании города Днепропетровск в город Днепр в рамках проведения «политики декоммунизации». Президент Украины Петр Порошенко за несколько дней до переименования указал на необходимость «вымарывания не только советских, но и имперских названий. Он призвал не допустить, «чтобы карту Украины вновь запятнали новороссийскими топонимами»» (см. подробнее [19]).

Абсолютное преимущество по частотности имеет реакция на основе родо-видовых отношений и ассоциативной связи оним – апеллятив: *Днепр – река*; кроме того, распространёнными являются группы описательных и «географических» реакций.

С точки зрения лингвокультурологической ценности, наибольший интерес представляют группы «исторических» и «литературных» ассоциаций на анализируемый стимул. Исторические ассоциации отражают различные этапы истории Российского государства: Древняя Русь (конец IX – начало XII века), Крещение Руси (конец X века), появление казачества на берегах Днепра (XIII – XIV века), войны (без указания хронологии конкретных военных действий). Литературные ассоциации связаны с именем классика русской литературы первой половины XIX века Н.В. Гоголя, строки которого из повести «Страшная месть» стали прецедентными для русской культуры.

Ассоциативно-культурный фон онима Смоленский Успенский собор

Состав АКФ религионима *Успенский собор* формирует 91 реакция (1875 употреблений), в числе которых 85 общезначимых реакций, 5 реакций с неясной / неоднозначной мотивационной основой (*город 8; крепость 5; деревня, солнце 3; деньги 2*) и одна индивидуальная реакция (*экскурсия 6*). Общезначимые реакции формируют следующие группы:

ИНФОРМАТИВНЫЕ РЕАКЦИИ 70 / 1657:

1. Реакции, характеризующие связь стимула с религией, 29 / 706: *религия 220; православие 113; вера 94; христианство 51; Бог 48; молитва 20; РПЦ 19; поп 15; духовность, монах, святость 11; святыня, священник 10; служба 9; монастырь 8; батюшка 7; монахи 6; Богородица, крещение, ладан 5; богослужение, Иисус, Пасха, святые 4; Патриарх, попы 3; божество, прихожане, хор 2*.

2. Реакции на основе связи «оним – апеллятив» 6 / 416: *церковь 281; храм 71; собор 56; храмы, православная церковь 3; церковь? 2*.

3. Описательные реакции 28 / 406:

3.1. Внешний вид: купола 65; крест 39; купол 27; золото 21; большой 10; кресты 7; высокий, золотые купола, колокола 5; золотой купол, центр 4; высота 3; золотой, холм 2.

3.2. Внутреннее убранство: иконы 29; икона 24; свечи 13; живопись, резьба 2.

3.3. Связь с историей: история 38; древность 10; старина 7; традиции 4; древний 2.

3.4. Географическое положение: Смоленск 42; Русь 15; Россия 14; Смоленщина 5.

4. Реакции, характеризующие собор как памятник культуры, 8 / 129: архитектура 50; достопримечательность 33; здание 20; культура 14; памятник архитектуры 6; искусство, памятник 3.

ОЦЕНОЧНЫЕ РЕАКЦИИ 9 / 147: красота 76; красивый 20; красиво 18; величие 14; величественность 5, красивое здание, красивый собор, спокойствие 4; красивое 2.

ОШИБОЧНЫЕ РЕАКЦИИ 5 / 42: белый 19; Москва 11; белые стены 6; площадь 4; голубой 2.

ФОРМАЛЬНЫЕ РЕАКЦИИ 1 / 2: усение 2.

Большинство реакций в составе АКФ религиозного онима Успенский собор (1657 употреблений из 1875; 88,4%) являются реакциями информативного типа, т.е. отражают значимые компоненты АКФ исследуемого онима. При этом, на наш взгляд, сложно делать однозначные выводы о том, входит ли оним СМОЛЕНСКИЙ Успенский собор в состав лингвокультурологических фоновых знаний современного столичного студенчества. К такому заключению мы пришли на основании того, что в представленном выше списке информативных реакций подавляющее большинство реакций связано с третьим компонентом составного религиозного онима – собор (это все реакции, характеризующие связь стимула с религией; реакции на основе связи «оним – апеллятив»; реакции, характеризующие собор как памятник культуры, а также большинство описательных реакций: в соборах традиционно есть купола, кресты, иконы, свечи и др. атрибуты). Группа реакций, характеризующих связь стимула с религией, является самой распространённой, что можно рассматривать как показатель взаимосвязи церкви (прежде всего, как здания, а также как социального института) и религии в сознании респондентов. В группе реакций, возникших на основе ассоциативной связи «оним – апеллятив», нами объединены апеллятивы, имеющие различные смысловые оттенки: церковь – «православный храм» [20, с. 875], собор – «главная или большая церковь в городе» [там же, с. 740] и храм – «здание для богослужения» [там же, с. 868]. Наиболее общее понятие – храм, понятие церковь отражает связь с православием, понятие собор – «масштаб» храмового сооружения в архитектуре города.

Первый компонент – Смоленский – в составе трёхкомпонентного религиозного онима характеризует

очень ограниченное количество реакций (типа древность, холм), в данном случае даже реакции Смоленск и Смоленщина сложно назвать собственно информативными: скорее здесь имеет место ассоциативная связь оттопонимного прилагательного и производящего его топонима (Смоленский – Смоленск).

Ассоциативно-культурный фон онима Смоленская Крепостная стена

Состав АКФ хрестонима Крепостная стена формируют 102 реакции (1548 употреблений), в числе которых 96 общезначимых реакций, 5 реакций с неясной / неоднозначной мотивационной основой (дерево 7; люди 3; боль, событие, солнце 2) и одна индивидуальная реакция (экскурсия 5).

Среди общезначимых реакций могут быть выделены следующие группы:

ИНФОРМАТИВНЫЕ РЕАКЦИИ 85 / 1475:

1. Реакции, характеризующие Крепостную стену как фортификационное сооружение, 32 / 561:

1.1. Защита 245; оборона 82; сила 20; мощь 18; укрепление 13; крепкая 9; ограда, стойкость 7; мощная, охрана 6; неприступность 5; граница, надёжность, опора, оружие 4; безопасность, ограждение, прочная, рубеж обороны, твёрдая 3; мощность, сильная, щит 2.

1.2. Война 62; осада 13; битва 10; бой 5; набеги, штурм 4; опасность, сражение 2.

1.2.1. Руины 4.

2. Описательные реакции 31 / 446:

2.1. Материал: кирпич 86; камень 77; кирпичи 37; камни 15; кирпичная стена 5; кирпичная 4; кирпичная кладка 3.

2.2. «Возраст»: история 56; древность 12; старина 8; старая 7; память 3; старость 2.

2.3. Географическое положение: Смоленск 20; город, Русь 8; Россия 5; Смоленщина 3; старый город 2.

2.4. Цвет: красная 7; красный кирпич 7; красный 6.

2.5. Другие характеристики и связанные ассоциации: большая 15; высота 12; высокая 11; строительство 9; длинная 7; ров 4; башни 3; вал, возвышение 2.

3. Реакции на основе связи «оним – апеллятив» 7 / 321: крепость 153; стена 81; Кремль 68; замок 10; забор 5; Крепостная стена, цитадель 2.

4. Реакции по смежности 10 / 85:

4.1. Китайская стена 16; Китай 6; Великая Китайская стена 5; Китай-город 2.

4.2. Крепостное право 20; крестьяне 13; крепостные 10; рабство 8; заточение 3; тюрьма 2.

5. Реакции, характеризующие Крепостную стену как памятник культуры, 5 / 62: достопримечательность 20; архитектура 16; памятник 11, сооружение 11; памятник архитектуры 4.

ОШИБОЧНЫЕ РЕАКЦИИ 7 / 37:

1. Белая, белый цвет 9; белый 8; белый камень 5; белая стена 2.

2. Древняя Русь, татаро-монголы 2.

ОЦЕНОЧНЫЕ РЕАКЦИИ 3 / 12: красота 6; величие 4; гордость 2.

«ПУСТЫЕ» РЕАКЦИИ 1 / 3: не знаю 3.

Абсолютное большинство реакций в составе АКФ хрематонима *Крепостная стена* (1475 употреблений из 1548; 95,3%) также являются реакциями информативного типа, при этом по отношению к данному ониму-стимулу представляется справедливым то же замечание, что и для религионима *Смоленский Успенский собор*, т.е. насколько объективно в ассоциациях респондентов выражен «смоленский компонент» составного онима. Большинство смысловых групп объединяет реакции на второй (*Крепостная*) и третий (*стена*) компоненты составного хрематонима: это реакции, характеризующие названный стимулом объект как фортификационное сооружение и как памятник культуры, реакции на основе связи оним – аппеллятив и реакции по смежности. Только группа описательных реакций характеризует именно СМОЛЕНСКУЮ Крепостную стену: объективно указаны материал, «возраст», цвет и другие характеристики; наименее информативными в этой группе являются реакции, указывающие на географическое положение онима-стимула (в ответ на стимул СМОЛЕНСКАЯ Крепостная стена реакции *Смоленск*, *Россия* и т.п. вполне логичны, но малоинформативны).

Заключение. Таким образом, в составе АКФ всех трёх анализируемых в настоящей работе смоленских онимов-стимулов в их восприятии общенациональной языковой личностью можно выделить различные группы реакций. Распределение реакций по смысловым группам (их укрупнение или, напротив, детализация) может несущественно варьироваться в зависимости от индивидуальности восприятия, но это не влияет в целом на концепцию нашего исследования и его результаты, которые показали, что в списках реакций респондентов преобладают общезначимые информативные реакции. При этом только по отношению к ониму *Днепр* можно говорить о том, что реакции респондентов действительно отражают значимые компоненты АКФ имени. А для составных онимов-стимулов (*Смоленский Успенский собор* и *Смоленская Крепостная стена*), называющих объекты непосредственно внутригородского смоленского ономастического пространства, необходимо дополнительно оговаривать такой критерий, как степень информативности реакции. Респонденты приводили реакции на аппеллятив в составе многокомпонентного онима: если *собор*, то закономерно *религия*, *христианство* и т.д.; если *стена*, то логично *защи-*

та, *оборона* и т.п. Такие результаты позволяют, с одной стороны, говорить о том, что при выявлении АКФ составных онимов, называющих объекты внутри ограниченных территорий, ассоциативный эксперимент является релевантным и объективным методом на региональном уровне (в пределах той самой территории) и недостаточно корректным для общенационального уровня; с другой же стороны, эти результаты показали, что объективно значимые прецедентные для Смоленского края онимы, представляющие собой «визитную карточку» областного центра, «не выходят» на общенациональный уровень. А общенациональное культурное пространство (в частности, национальный ономастикон), между тем, сформировано совокупностью региональных подсистем, в связи с чем исследование и описание регионального материала способствует последующему структурированию и объективному описанию материала общенационального уровня, следовательно, очевидной перспективой настоящей работы является популяризация прецедентных региональных имён, прежде всего, посредством их лексикографирования.

Информативные реакции в составе АКФ каждого проанализированного онима называются именами, объектами, реалиями и характеристики, позволяющие эксплицировать большой объём информации (в частности, историко-культурной информации), обогащающей состав АКФ исследуемых онимов. В виду необходимости соблюдения требований к жанру научной статьи и её объёму эта многоплановая информация не представлена в тексте настоящей работы. В перспективе она может найти отражение в различных антропоориентированных словарях (краеведческих, лингвокультурологических, ассоциативных).

В заключение отметим, что предложенный в работе подход к изучению имён собственных с точки зрения их лингвокультурологической ценности может быть использован исследователями из других регионов России с целью последующего объективного описания и лексикографирования общенационального ономастикона.

Литература

1. Намитокова, Р.Ю., Адзинова, А.А. Проблемы изучения региональной ономастики Северного Кавказа: итоги и перспективы / Р.Ю. Намитокова, А.А. Адзинова // Проблемы общей и региональной ономастики: материалы X Международной научной конференции. – Майкоп: Редакционно-издательский отдел АГУ, 2016. – С. 7–12.
2. Бондалетов, В.Д. Современная ономастика и антропологическая лингвистика / В.Д. Бондалетов // Ономастика Поволжья: материалы XIV Международной научной конференции. – Тверь: Изд-во Марины Батасовой; Альфа-Пресс, 2014. – С. 13–16.
3. Верещагин, Е.М., Костомаров, В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка

- как иностранного / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1990. – 246 с.
4. Карабулатова, И.С. Региональная этнолингвистика: современная этнолингвистическая ситуация в Тюменской области (на материале топонимии) / И.С. Карабулатова. – Тюмень: ТГУ, 2001. – 228 с.
 5. Карабулатова, И.С. О проблемах лингвомоделирования евразийской языковой личности в современном полилингвоментальном пространстве (на примере оно-масферы) / И.С. Карабулатова // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2010. – № 15. – С. 78–84.
 6. Бижкенова, А.Е. Ономастическая оценка в языковой картине мира / А.Е. Бижкенова // Вестник КазНУ. Серия филологическая. – 2005. – № 2. – С. 67–70.
 7. Ковалёв, Г.Ф. Ономастика в контексте культурной памяти / Г.Ф. Ковалёв // Ономастика и общество: язык и культура: материалы I Всероссийской научной конференции. – Тамбов: Изд-во ТГУ имени Г.Р. Державина, 2010. – С. 138–148.
 8. Катермина, В.В. Коннотативные свойства зоонимов в русской лингвокультуре / В.В. Катермина // Язык в фокусе современных исследований: сборник научных статей. Выпуск 3. – Челябинск: Изд-во «Цицеро», 2013. – С. 34–38.
 9. Мезенко, А.М. Топонимная составляющая ассоциативно-культурного фона ойконима Витебск: структура, содержание / А.М. Мезенко // Учёные записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2013. – № 1. – Том 26 (65). – С. 47–50.
 10. Отменитова, О.М. Русская ономастика в иноязычной аудитории / О.М. Отменитова // Проблемы региональной лингвистики: материалы Международной научной конференции. – Тверь: Изд-во ТГУ, 2013. – С. 142–145.
 11. Гурская, Ю.А. Динамика аксиологической картины мира языковой личности через призму ключевых антропонимов культуры / Ю.А. Гурская // Ономастика Поволжья: материалы XIV Международной научной конференции. – Тверь: Изд-во Марины Батасовой; Альфа-Пресс, 2014. – С. 197–200.
 12. Картавенко, В.С. Отражение специфики материальной и духовной культуры края в именах собственных / В.С. Картавенко // Русский язык в современном мире: сборник научных статей по итогам научно-практической конференции. – Смоленск: Изд-во «Свиток», 2014. – С. 123–126.
 13. Королёва, И.А. Топонимы как свёрнутый лингвокультурный код / И.А. Королёва // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Филологические науки. – 2015. – № 8. – С. 31–39.
 14. Максимчук, Н.А. Ассоциативно-культурный фон как форма существования и способ представления внеязыкового содержания имени собственного / Н.А. Максимчук // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: материалы Международной научной конференции. – Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2016. – С. 356–360.
 15. Максимчук, Н.А. Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении. В 2-х частях / Н.А. Максимчук. – Смоленск: Изд-во СГПУ, 2002. – Часть 1. – 204 с.
 16. Уфимцева, Н.В. Сопоставительное исследование языкового сознания славян / Н.В. Уфимцева // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 65–71.
 17. Бубнова, Н.В. Имена собственные в структуре региональных фоновых знаний смолян. Дисс. ... канд. филол. наук / Н.В. Бубнова. – Смоленск, 2011. – 285 с.
 18. Ермачкова, Н.В. Смоленские ономастические единицы в Русском ассоциативном словаре (Н.В. Ермачкова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». Волгоград: Перемена. – 2009. – № 10 (44). – С. 97–100.
 19. Кармазин, И.А. И Херсон с ними! За что Днепротровск называли Днепром и что еще переименует Киев / И.А. Кармазин. URL: <https://lenta.ru/articles/2016/05/21/dnepr/> (дата обращения: 17.04.2017). Ожегов, С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка (С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

Поступила в редакцию 18.01.2018 г.

УДК 811.161.1'373.23''15''(476.5)

Антропонимия деловых документов Витебска конца XVI — начала XVII в. как инструмент для исторического социолингвистического исследования региона

Вардомацкий Л.М.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Язык — важнейший источник знаний об исторических судьбах народа. Постоянно аккумулируя в своих номинативных единицах явления и процессы общественной жизни, язык содержит в себе богатейший (все еще до конца не оцененный) материал для осуществления научных изысканий о событиях и людях ушедших эпох, но оставивших свой след в словаре, фонетике и грамматике языка.

Цель статьи — выявление, систематизация и анализ социологической и этнокультурной ситуации, сложившейся в г. Витебске к концу XVI — нач. XVII веков и отразившейся в именовании жителей города.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили именовании жителей города Витебска, извлеченные из оригинальных текстов Витебской летописи 1768 г. и Решения комиссарского суда под председательством Льва Сапеги от 22 января 1624 года. Исследование материала проводилось методом сравнительно-исторического анализа и исторической реконструкции.

Результаты и их обсуждение. В статье классифицируются и анализируются особенности формы и структуры антропонимических единиц, представленных в двух памятниках письменности — Витебской летописи 1768 г. (о событиях 1597 г.) и Решении Витебского комиссарского суда под председательством Льва Сапеги, 1624 г.. Анализ выделенных структурных групп антропонимов показывает, что кроме обычной для этих лексических единиц функции — номинативной, имена собственные выполняют в языке более сложную функцию. С одной стороны, они фиксируют и отражают социально-культурный уровень эпохи, сформировавшей то или иное имя, с другой — демонстрируют этапы его исторического развития как самостоятельной единицы языка и, вместе с тем, как элемента языка, находящегося в зависимости от внешних и внутренних факторов развития языка.

Заключение. Изучение форм и структуры имен собственных, представленных в текстах деловых документов Витебска кон. XVI — нач. XVII вв., выявляет тенденции складывания антропонимной системы региона. В списке членов Витебского магистрата 1597 года наблюдается тенденция формирования именовании лиц по формуле имя-отчество-фамилия. Отчество — существенная часть именовании человека и признак его конфессиональной отнесенности. Однако в тексте Решения комиссарского суда 1624 года эта тенденция нарушается, что свидетельствует об изменении социальной и конфессиональной ситуации в Витебске в начале XVII века.

Ключевые слова: антропонимия, структура антропонимов, имя собственное, именование лиц, отчество, прозвище, социальный статус, конфессиональная отнесенность.

(Ученые записки. — 2018. — Том 25. — С. 31–35)

Anthroponymy of Business Documents of Vitebsk of the late XVI — early XVIIth centuries as a Tool for Historical Sociolinguistic Research in the Region

Vardamatski L.M.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

Language is the most important source of knowledge about the historical destinies of the people. Constantly accumulating in their nominative units the phenomena and processes of social life, the language contains the richest (still to be assessed) for carrying out scientific investigations on the events and people of bygone eras, but left its trace in the vocabulary, phonetics and grammar of the language.

This article aims at the identification, systematization and analysis of sociological and ethno-cultural situation in the city of Vitebsk by the end of XVI — early XVII centuries and were reflected in the naming of residents of the city.

Materials and methods. *The research is based on naming the inhabitants of the city of Vitebsk, extracted from the original texts Vitebsk chronicle of 1768 and decisions of the Commissar court, chaired by the Governor of the Vilna Lev Sapieha January 22, 1624. The study material was conducted using the comparative historical method.*

Findings and their discussion. *The article classified and analyzed the features of the shape and structure of anthroponomical units, available in two monuments of writing — Vitebsk chronicle of 1768 (the events of 1597) and the Decision of the Vitebsk court's Commissars under the chairmanship of Leo Sapieha, 1624. Analysis of selected structural groups of anthroponyms reveals that besides the usual for these lexical items function, naming people perform in the language more complex function. On the one hand, they fix and reflect the social and cultural level of an era that shaped a particular name, on the other — demonstrate the stages of its historical development as an independent unit of language and as a language element, dependent on internal and external factors of language development.*

Conclusion. *The study of the forms and structure of proper names presented in the texts of business documents of Vitebsk of the late XVI — early XVII centuries, identifies the trends of folding antropogennoi system of the region. In the list of the members of the Vitebsk magistrate 1597, there is a tendency of formation of naming individuals according to the formula of the name-patronymic-surname. The patronymic is an essential part of naming rights and its religious basis. However, in the text of the decision of the court in 1624, this trend is broken, which indicates a change in the social and religious situation in Vitebsk in the early seventeenth century.*

Key words: *anthroponymy, the structure of the anthroponyms, proper name, naming the persons, nickname, social status, religious relatedness.*

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 25. — P. 31–35)

Язык — важнейший источник знаний об исторических судьбах народа. Постоянно аккумулируя в себе явления и процессы общественной жизни, язык содержит богатейший (все еще до конца не оцененный) материал для осуществления научных изысканий о событиях, ситуациях, судьбах народов, укладах жизни, верованиях, предпочтениях, мировоззрении людей ушедших эпох, но оставивших памятный след в словаре, фонетике и грамматике языка.

Имена собственные, выполняя одну из основных функций языка — номинативную, концентрируют в себе интересную и важную с точки зрения изучения истории языка и истории народа особенность. С одной стороны, они фиксируют и отражают социально-культурный уровень эпохи, сформировавшей то или иное имя (название), с другой — демонстрируют этапы его исторического развития как самостоятельной языковой единицы и, вместе с тем, как элемента языка, находящегося в зависимости от внешних и внутренних факторов развития языка.

Цельданного исследования — выявление, систематизация и анализ социологической и этнокультурной ситуации, сложившейся в г. Витебске к концу XVI — нач. XVII века и отразившейся в именовании жителей города, что, в свою очередь, дает возможность выделить лингвистические признаки, определяющие этническую, социальную и конфессиональную соотнесенность носителей этих именовании.

Актуальность исследования определяется необходимостью выработки в условиях формирования современного независимого белорусского государства объективных критериев оценки

исторических процессов, протекавших в эпоху становления белорусской этнической общности.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили именовании жителей г. Витебска, извлеченные из оригинальных текстов Витебской летописи М. Панцырного и С. Аверки, 1768 г. (часть летописи, посвященная составу Витебского магистрата и городского суда, избранного в 1597 году), и Решения комиссарского суда под председательством воеводы Виленского Льва Сапеги от 22 января 1624 года «Об умерщвлении в г. Витебске Иосафата Кунцевича, епископа Полоцкого». Анализ материала проводился методом сравнительно-исторического анализа и исторической реконструкции.

Результаты и их обсуждение. Социально-исторические процессы, наблюдавшиеся в XVI — XVIII веках на территориях современного белорусско-российского пограничья и в городе Витебске в частности, длительное время были и остаются предметом оживленных дискуссий. В центре этих дискуссий, как правило, этническая и конфессиональная отнесенность жителей региона. Ответить на этот вопрос сегодня, на наш взгляд, можно только абстрагировавшись от эмоционально политизированного дискурса и опираясь исключительно на формальные признаки. Такими формальными признаками в частности являются именовании жителей города Витебска интересующего нас времени — конец XVI — нач. XVII века.

В 1597 году, как известно, Витебск получил право на самоуправление (Магдебургское право), в связи с чем в марте этого же года прошли выборы Витебского магистрата и были избраны члены магистрата. По списку именовании избран-

ных членов магистрата уже можно в некоторой степени судить о социально-этническом составе Витебска конца XVI в. Это в основном трехчленные именованья с отчествами на *-ичи* «фамилиями», свидетельствующими о начальном, но активном этапе формирования категории официальных именованья жителей г. Витебска. Эта особенность характерна для всех социальных слоев витебского общества: все бурмистры города, члены магистрата (городского совета), судебные заседатели, рядовые граждане города представлены трехчленными именованьями – имя-отчество-фамилия. С другой стороны, такая структура именованья отчетливо характеризует и конфессиональную ориентацию жителей города – сохранение православия, в связи с чем социальная, конфессиональная и языковая ситуация в городе продолжали оставаться сложными, что и привело вскоре Витебск к мощному социально-конфессиональному взрыву и отмене Магдебургского права.

Известно, что территория Витебского воеводства к моменту получения Магдебургского права, находилась под активным униатским давлением, которое резко усилилось после назначения Полоцким архиепископом И. Кунцевича. О степени такого давления говорит тот факт, что даже король польский и канцлер Великого княжества литовского были обеспокоены положением в своих восточных землях. Так, король Сигизмунд 17 мая 1621 года пишет Витебскому воеводе Янушу Костевичу «о прекращении обид, причиненных некоторым Витебским православным церквам»: *«Ни в комъ бы еси церквамъ Божиимъ и священникомъ кривды не чинилъ, а што будетъ тыхъ доходовъ набралъ ты бы еси имъ поотдавалъ... бо Мы государь и в маестати нашомъ всей земли Витебское выписали, ижъ старины не маемъ рушитъ, а церквамъ Божиимъ и овше мѣне надобе кривды чинити и стараго наданя рушити»* [1, с. 102]. Значительно жестче пишет канцлер Лев Сапега, отвечая на жалобы И. Кунцевича о якобы нежелании жителей Полоцка, Витебска, Орши и Могилева принимать униатскую веру: *«Признаюсь, что и я заботился о деле унии и что было бы неблагоприятно оставить это дело. Но мне никогда и на умъ не приходило того, что ваше преосвященство будете присоединять къ ней столь насильственными мерами... Вы своимъ неосмотрительнымъ насилиемъ подстрекнули и, такъ сказать, принудили народъ русский къ сопротивлению»* [2, с. 218. Перевод с польского А. Сапунова. – Л.В.]. Правда, такое отношение к И. Кунцевичу не помешало Л. Сапеге, назначенному председателем судебной комиссии по рассмотрению дела о витебском бунте 12 ноября 1623 года, в результате которого архиепископ И. Кунцевич был убит, принять самые жестокие меры относительно бунтовщиков.

В описании и оценке этого события, большинство исследователей, как правило, опираются на перевод Решения комиссарского суда 1624 года и его публикацию, осуществленную А. Сапуновым в издании «Витебская старина». В предисловии к изданию А. Сапунов, в частности, отмечает, что он собрал и издает свои материалы *«желая собрать в настоящей книге, по возможности, большее количество источников для истории г. Витебска»* [3, с. XXII].

В данном исследовании мы опираемся на несколько более позднее издание документа «Дело объ умерщвлении въ гор. Витебске Юсафата Кунцевича, униатскаго архіепископа Полоцкаго, по решению назначеннаго королемъ Сигизмундомъ III комиссарскаго суда подъ председательствомъ воеводы Виленскаго Льва Сапеги» (далее – Решение комиссарского суда), осуществленное в 1903 году Д.И. Довгялло в сборнике «Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской». При подготовке материалов к изданию Д.И. Довгялло не только преследовал цель *«дать все, что можно, в области, освещающей религиозное, политико-экономическое, юридическое состояние и народный быт западно-русского, а посему и нашего Белорусского края, со всеми мелочами деятельности»* [4, с. XI]. На первое место он ставит другую задачу: *«Этими документами, – пишет он в предисловии, – мы начинаем ряд точного копирования древнейших актов, как самого драгоценного материала для изучения древнего белорусского языка»* [4, с. XI].

Как видим, А. Сапунов и Дм. Довгялло ставили перед собой разные задачи. А. Сапунову важны, прежде всего, исторические факты, а языковые средства их выражения отходят на второй план и, следовательно, не отличаются точностью кириллической транслитерации, а иногда и просто ошибочны. В результате, например, Jermak в переводном тексте передается как Иермак, Hawruk как Гаврила, Jasek как Исаак, Alachim как Аквин, Koszak как Козак, Jakub как Яков, Churs как Фирс, Ciecierka как Цецека, Bazył как Василь, Truchonow как Трукхович, Kowal как Кузнец, Cui как Царь, Matys как Матис, Lesun как Лизун, MikitaSzewc как Никита Сапожник, Dawyd как Давид, SatekJakubowicz как Яська Якимович, OkulaBalbyszka как Окола Балбышка, JasekKozaczok как Яська Козаченок, Sicak как Сих Цар, TiszkaKożemiaka как Цешка Кожевник, Pasior («главный зачинщик и бунтовщик») как Стефан Пасера, żłukta как Златка, WaskaPiekusz как Васька Бекуш, KuryłaMuszyn как Кирилл Миссин, Sliżyk как Скржип, IlliaDawydowicz как Илья Давидович.

Для лингвистических исследований подобные «мелочи» на самом деле чрезвычайно важны,

что видно хотя бы на последнем примере: форма имени *Illia* может свидетельствовать о развитии в языке перед звуком [j] удлинённых согласных (совр. белор. *Ілля*). В публикации А. Сапунова эта особенность, к сожалению, исчезает.

После первых выборов в Витебский магистрат прошло 23 года. Но, опираясь на изучение номенклатуры именованных жителей города Витебска, принявших участие в бунте 1623 года и перечисленных в протоколе заседания «Коммиссарского суда по делу об убийстве Полоцкого униатского архиепископа Иосафата Кунцевича» от 22 января 1624 г., можно отметить, что социально-конфессиональная ситуация в городе еще более обострилась. На наш взгляд, такое конфессиональное противостояние должно было зафиксироваться в языковых единицах, которые в наибольшей степени отражают социальный и этнический состав жителей города. К таким лексическим единицам, как известно, в первую очередь относятся антропонимические образования, которые широко и разнообразно представлены в исследуемом документе, отражающем трагическую страницу витебской истории. Всего в названном протоколе комиссарского суда выделяются около 190 антропонимических единиц различной структуры. Из них в части документа, посвященной приговору суда, — 92 антропонима.

Документы демонстрируют интересные и важные с социолингвистической точки зрения особенности в употреблении форм и структуры имен собственных. Сравним.

1. В «Летописи Панцирного и Аверки», в которой представлены члены Витебского магистрата и жители города Витебска 1597 года, до 65% антропонимов подаются в трехчленной форме (имя-отчество-фамилия): *IwanHawrilowiczKlyha*, *WasiliSymonowiczWielizanin*, *WasiliIlliniczTanko*, *IwanIsikowiczAndronowski*, *KonstantyChominiczStuzakowski*, *SerhiPiotrowiczZatatay*, *FiodorStefanowiczSpica*, *OsifHawrilowiczKlyha*, *IakimIurewiczSzawra*, *KuzmaIwanowiczKomasa*, *BohdanJakimowiczPekusza*, *FiodorSymonowiczWertoska*, *OsifNikiferowiczSzawra*, *IwanIsakowiczSamuylow*, *DanilaHrehorowiczSzulka* [5].

2. В протоколе комиссарского суда 1624 года из 92 антропонимов лиц, подвергнутых судебному разбирательству, встречаем только два именованных такой структуры: *Петр Василевич Полочанин* («приехал из Полоцка помогать восстанию») и *Петр Иванович Щур* (бурмистр г. Витебска, судом оправдан). Практически во всех остальных случаях имеем двучленные именованные. Причем, по формуле «имя + отчество» — только 11 человек: *Гаврила Романович*, *Роман Данилович*, *Матис Еремашевич*, *Васька Еремашевич*, *Илья Давидович*, *Петр Алексеевич* (поп), *Яська Яки-*

мович, *Федор Церебешович*, *Григорий Бонич* (писарь), *Озарко Василевич*, *Офанас Павлович*.

Исследуя имена собственные в документах Минского городского суда за 1587 год и в документах ВКЛ, Иван Крамко, известный историк белорусской антропонимики, обратил внимание на одну существенную особенность: «Відавочныя неаднолькавыя адносіны да ўжывання імя па бацьку ў Вялікім Княстве Літоўскім і ў Маскоўскай дзяржаве. Розніца гэтая была не толькі колькасная (у частаце ўжывання імя па бацьку), але і якасная. Калі ў Маскоўскай дзяржаве... імёнамі па бацьку імянавалі толькі прадстаўнікоў вышэйшых сацыяльных слаёў эпохі феадалізма (для ніжэйшых слаёў выкарыстоўвалі бацькаствы з суфіксамі —ов, —ев, —ин), то ў беларусаў формы на —овіч, —евіч не мелі саслоўна-класавага значэння. У нас прызвішча на —овіч, —евіч мог мець і князь (князь Юрэй яго милость Олелькович), і зямлянін (Ян Юревич), і баярын (Глеб Яцкевич, Павел Мацкевич), і мяшчане (Иван Карпович), і людзі цягля (Микита Лукьянович), і агароднікі (Степан Ермолович), і татарын (Абдыселям Адамович)» [6].

3. Антропонимических образований по формуле «имя + патроним на —ов, —ев, —ин» в анализируемом нами витебском документе всего 7: *Иван Гужнищев*, *Михайла Валимов*, *Олешек Артемов*, *Матфей Игнатов*, *Фурс Шаповалов сын*, *Исаак Любчин*, *Иван Аквин*. Встретившийся в тексте однажды антропоним *Арешика Цермуков Шатуров* несет в себе, вероятно, признак принадлежности к трехчленной системе именованных.

4. По формуле «имя + прозвище по роду деятельности» в протоколе Витебского комиссарского суда 1624 года представлены 11 именованных осужденных: *Богдан Коваль*, *Гаврила Пушкар*, *Федор Козак Гончар*, *Якуб Шинкар*, *Никита Сапожник*, *Тишка Кожемяка*, *Гришка Слесар*, *Николай Олейник*, *Андрей Колесник*, *Тараска Пирожник*, *Гаврила Шаповал*.

5. В списке лиц, по которым вынесен приговор суда, три антропонима построены по двусоставной модели «имя + фамилия — оттопонимическое образование»: *Семен Старинский*, *Данилка Высоцкий*, *Иван Нашковский*. Такие именованные — свидетельство, как правило, социального статуса их носителей. Авторы учебного пособия «Ономастика Беларуси. Антропонимия» утверждают: «Фамильный тип на —ский, —цкий по продуктивности занимает второе место на территории Беларуси. Наиболее распространены такие фамилии в Гродненской, Минской и западной части Витебской областей» [7; 136]. Немногочисленность таких образований в протоколе Витебского комиссарского суда, вероятно, объясняется именно этой лингвогеографической особенностью.

6. Наконец, самую большую группу, до 50% двухсоставных антропонимов, составляют образования по формуле «имя + прозвище (в том числе, с неочевидной мотивировкой): Семен Неша, бурмистр, Гришка Скоруба, Гришка Бибка, Василий Хурс, Васька Невгода, Иван Лесун, Данчук Гайдук, Окула Балбышка, Стефан Пасёр, Федор Танька, Богдан Лытка, Иван Ацмак, Андрей Клевчик, Неша Драгила, Алексей Москаль, Иван Ольшаник, Яков Дубонос, Павел Шарыпа, Васька Пекуша, Семен Хлюста, Васька Кека. Пять прозвищ-именований в этой группе мотивированы названиями животных: Наум Волк, бурмистр, Гаврила Бык, Иван Козел, Иван Щур, Федор Тетерка.

Заключение. Изучение антропонимического состава памятников деловой письменности г. Витебска конца XVI – нач. XVII вв. помогает понять ряд существенных социальных и -конфессиональных особенностей, характеризующих население города этого времени.

В списке членов Витебского магистрата 1597 года наблюдается тенденция формирования именований лиц по трехчленной формуле – имя-отчество-фамилия. Отчество – существенная часть именования и примета конфессиональной отнесенности лица. В Решении комиссарского суда 1624 года эта тенденция нарушается. Минимализацию использования отчества в структуре именований лиц, перечисленных в этом документе, можно рассматривать как специальный прием уничижения, обезличивания и стирания их соотнесенности с православными традициями.

Именования лиц, привлеченных к ответственности по рассмотрению комиссарского суда, свидетельствуют о социальном составе участников витебского бунта 1923 год, более половины которых составляли рядовые жители Витебска.

Литература

1. Наказная грамота короля Сигизмунда Витебскому воеводе Янушу Костевичу о прекращении обид, причиняемых некоторым Витебским православным церквам. 1621. Мая 17. / А. Сапунов. Витебска старина. Т.1. Док. № 49. – Витебск, 1883. – 668 с.
2. Ответ Льва Сапеги, канцлера Литовского, на письмо Полоцкого архиепископа Иосафата Кунцевича // А. Сапунов. Витебская старина. Т.1. Док. № 117. – Витебск, 1883. – 668 с.
3. Сапунов, А. Витебска старина. Т.1. / А. Сапунов. – Витебск, 1883. – 668 с.
4. Довгялло, Дм. Ив. Историко-юридические материалы, извлеченные из актов книг губерний Витебской и Могилевской. Выпуск тридцатый / Дм. Ив. Довгялло. – Витебск, 1903 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ru.calameo.com/read/002055968892936183cdd> – Дата доступа: 18.12.2017.
5. Літопис Панцирного й Аверки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://litopys.org.ua/psrl3235/lytov12.htm> – Дата доступа - 18.12. 2017 г.
6. Крамко, І. З гісторыі беларускага імянавання асобы [Электронный ресурс] / І. Крамко – Режим доступа: <http://mowaznaustwa.ru/2009/05/01/i-kramko-z-gistoryi-belaruskaga-imenavannya-asoby/> – Дата доступа: 18.12.2017 г.
7. Мезенко, А.М. Ономастика Беларуси. Антропонимия / А.М. Мезенко, Ю.М. Галковская, А.Н. Деревяго, Г.К. Семенькова. – Минск : РИВШ, 2017. – 398 с.

Поступила в редакцию 18.01.2018 г.

УДК 811.161.1'373.211.1(476)

Объективация фаунистического кода культуры в системе названий населенных пунктов Беларуси

Васильева Т.Ю.

Учреждение образования «Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет», Витебск

Ономастическая наука последних десятилетий XX — начала XXI в. характеризуется повышенным вниманием к проблемам исследования культурной семантики собственных имен, ведущим способом выявления которой признается процедура соотнесения массивов языковых знаков со знаками кодов культуры. Одним из базовых кодов культуры является фаунистический (животный, зооморфный), связанный с представлениями человека о мире животных, который разносторонне отражается в сознании людей, в мифологическом творчестве и магическо-ритуальной деятельности.

Цель нашей работы — выявление особенностей реализации фаунистического кода культуры в системе названий населенных пунктов Беларуси.

Материал и методы. Материалом исследования послужили ойконимы Республики Беларусь, соотносительные с названиями животного мира, полученные методом сплошной выборки из словарей названий населенных пунктов Е.Н. Рапановича (1977 — 1986) и нормативных справочников «Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь» (2003 — 2010). Анализ и статистическая обработка материала проводились с использованием преимущественно дескриптивного метода, реализованного в таких приемах, как изучение, обобщение и интерпретация.

Результаты и их обсуждение. Фаунистический код культуры объективируется в ойконимиконе Беларуси при помощи преимущественно антропонимных ойконимов, которые можно разделить на шесть тематических групп. Самыми многочисленными являются ойконимы, соотносительные с названиями диких птиц, распространенность которых обуславливается как географическими и климатическими условиями, так мифологическими представлениями белорусов. Второе место по популярности занимают наименования, соотносительные с названиями диких животных; третье место принадлежит топонимам, соотносительным с названиями домашних животных.

Заключение. Фаунистический код культуры эксплицируется в системе названий населенных пунктов при помощи шести тематических групп ойконимов, содержащих в своей основе белорусские, русские и диалектные лексемы, отражающие не только основные особенности фауны Беларуси, но и мифологические представления наших предков, связанные с тотемистическим культом животных.

Ключевые слова: ойконим, ойконимия, код культуры, фаунистический код культуры, лексема.

(Ученые записки. — 2018. — Том 25. — С. 36–40)

Realization of Faunistic Code of Culture in the System of Names of Settlements of Belarus

Vasilieva T. Yu.

Educational Establishment «Vitebsk State Order of Peoples Friendship' Medical University», Vitebsk

Onomastic science of the last decades of the 20th — beginning of the 21st century is being characterized by increased interest to the problems of researching the cultural semantics of proper names, the leading way to identify which recognizes the procedure of matching the arrays of linguistic signs with the signs of codes of culture. One of the basic codes of culture is faunistic (animal, zoomorphic) one, associated with human representations about the world of animals, which is multiply reflected in the people's minds, in mythological creativity and magical-ritual activity. The purpose of the study is to identify the specifics of implementing the faunistic code of culture in the system of names of settlements of Belarus.

Material and methods The material of the study is the oykonims of the Republic of Belarus, correlated with the names of the animal world, obtained by the method of continuous sampling from the dictionaries of the names of settlements E.N. Rapanovich (1977 — 1986) and normative directories «Names of populated areas of the Republic of Belarus» (2003 — 2010). The analysis and statistical processing of the material were carried out using the predominantly descriptive method implemented in such methods as study, generalization and interpretation.

Findings and their discussion. The faunistic code of culture is objectified in the oykonymy of Belarus with the help of predominantly anthroponyms oykonyms, which can be divided into six thematic groups. The most numerous are oykonyms, correlated with the names of wild birds, the prevalence of which is determined by both geographical and climatic conditions, so mythological representations of Belarusians. The second place in popularity is taken by oykonyms, correlated with the names of wild animals; the third place belongs to the toponyms, correlative with the names of pets.

Conclusion. The faunistic code of culture is explicated in the system of settlement names with the help of six thematic groups of oykonyms, which are based on Belarusian, Russian and dialect lexemes, reflecting not only the main features of the fauna of Belarus, but also the mythological representations of our ancestors associated with the totemic cult of animals.

Key words: oykonym, oykonymy, code of culture, faunistic code of culture, lexeme.

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 25. — P. 36–40)

Ономастическая наука последних десятилетий XX — начала XXI в. характеризуется повышенным вниманием к проблемам исследования культурной семантики, заключенной в именах собственных. Ведущим же способом выявления культурного содержания ономастических единиц признается процедура соотнесения массивов языковых знаков со знаками культуры, в качестве которых могут рассматриваться единицы кодов культуры. Несмотря на актуальность научных изысканий в области кодов культуры в современной лингвистике, вне научного освещения в ономастической литературе, за исключением единичных исследований (работы А.М. Мезенко, Е.И. Съяновой), остаются вопросы взаимосвязи кодов культуры и топонимической лексики. Ойконимия конкретного региона, представляющая собой в данном аспекте способ языкового воплощения базовых кодов культуры, выступает носителем значимых для данного лингвокультурного сообщества смыслов, выявление которых позволит определить специфику ментальной сферы создателей топонимикона.

В настоящее время в научной литературе существует нескольких подходов к выделению базовых кодов культуры, однако фаунистический (животный, зооморфный) код присутствует во всех классификациях (работы С.М. Толстой, В.В. Красных, Е.Н. Белой, энциклопедический словарь «Белорусская мифология»). Данный код культуры связан с представлениями человека о мире животных, который разносторонне отражается в сознании людей, в мифологическом творчестве и магическо-ритуальной деятельности. Цель нашей работы — выявление особенностей реализации фаунистического кода культуры в системе названий населенных пунктов Беларуси.

Материал и методы. Материалом исследования послужили ойконимы Республики Беларусь, соотносительные с названиями животного мира, полученные методом сплошной выборки из словарей названий населенных пунктов Е.Н. Рапановича (1977 — 1986) и нормативных справочников «Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь» (2003 — 2010). Анализ и статистическая обработка материала проводились с использованием преимущественно дескриптивного метода,

реализованного в таких приемах, как изучение, обобщение и интерпретация.

Результаты и их обсуждение. Фаунистический код культуры объективируется в ойконимиконе Беларуси при помощи названий 6 групп.

1. Ойконимы, соотносительные с общими названиями животного мира, насчитывают 15 единиц, которые являются названиями 17 населенных пунктов. Наименования данной группы соотносятся как с общими для русского и белорусского языков (*рыба, зверь, змея*), так и с современными русскими (*птица*) и белорусскими (*маляўка*) лексемами: *Рыбки, Зверки, Змеёвка, Птицкие, Малявки* и др. Лексема *маляўка* в современном белорусском языке употребляется как в прямом (маленькая рыбка, которая только что вышла из икры), так и в переносном (ребенок или человек маленького роста) значениях.

2. Ойконимы, соотносительные с конкретными названиями животных (млекопитающих), отличаются большим разнообразием. Семантику многих лексем однозначно установить невозможно, так как они могут обозначать несколько реальных и являться омонимами в литературном языке и диалектах. Ойконимы, соотносительные с конкретными названиями животных, можно разделить на две подгруппы:

1) ойконимы, соотносительные с названиями домашних животных, включают 115 наименований (161 населенный пункт) и соотносятся как с общими для русского и белорусского языков (*баран, бык, вол, кобыла, козёл, коза, корова, конь, кот, кошка, лошак, свинья, собака*), так и с русскими (*кролик, овца*) и белорусскими (*выжла, цялятка, трус*) названиями животных. Наибольшее количество наименований соотносится с лексемами *козёл, коза, баран, бык, кобыла*: *Козёл (3), Козловка (6), Козино, Козы, Барановка (6), Барановщина, Быковка, Быковщина, Кобылево, Кобыловка* и др. Данные лексемы называют животных, одомашненных населением Беларуси еще в IV тысячелетии до нашей эры и имевших важное хозяйственное значение в жизни человека. Они, мотивированные лексемами *козёл, коза, баран, бык, кобыла*, составляют соответственно 19, 16, 16, 16, 10% от общего количества ойконимов этой группы.

Многие ойконимы, соотносительные с названиями домашних животных, утрачены в результате нескольких волн переименований. Большинство наименований, объективирующих фаунистический код культуры, вышли из употребления в 60-х годах в связи с увеличением диапазона мотивов переименований населенных пунктов [1];

2) ойконимы, соотносительные с названиями диких животных, насчитывают 185 единиц (309 населенных пунктов) и мотивируются русскими, белорусскими и диалектными лексемами. Большинство ойконимов соотносится с общими для русского и белорусского языков (*барсук, волк, выдра, горноста́й, заяц, зубр, кабан, кожан, крот, куница, лань, ласка, лиса, лось, медведь, медведица, мышь, норка, олень, рысь, соболь, тур, хомяк*) и русскими (*белка, бобр, вепрь, ёж, волчица, крыса*) названиями животных. Лексема *вепрь* является старинным русским названием *кабана*. Кроме современных русских лексем выделяются современные белорусские (*вожык, казуля, пацук*), а также диалектные лексемы (*недведь, пац, шашок*) [2, с. 204, 408]. Сопоставление анализируемого материала с диалектологическими данными показывает, что территория распространения ойконимов, соотносительных с определенной лексемой, не всегда совпадает с территорией, на которой данная лексема употребляется местными жителями. Так, ойконимы, соотносительные с диалектной лексемой *шашок* (хорек), зафиксированы в Ганцевичском районе Брестской области и Браславском районе Витебской области. Однако, как указывает «Лексічны атлас беларускіх народных гаворак» [3, с. 55], местное население употребляет лексемы *тхор* и *хорь* для обозначения этого животного. В Жабинковском районе Брестской области, где отмечен ойконим *Ёжики*, местное население употребляет слово *вожык* для обозначения ежа; наоборот, в Минском районе Минской области выявлен ойконим *Вожики*, однако местное население использует название *ёжик*. Как указывает «Лексічны атлас...» [3], население Браславского района Витебской области для обозначения ежа использует лексемы *вожык* и *ёжык*, но не употребляет лексему *ёж*, с которой соотносится название населенного пункта, зафиксированного на этой территории. Вышеперечисленные факты свидетельствуют в пользу отантропонимного происхождения подобных ойконимных единиц.

Наибольшее количество наименований соотносится с лексемами *бобр, волк, барсук, лиса, медведь* (12, 11, 10, 8, 7% от общего количества ойконимных единиц данной подгруппы), называющими самых ярких представителей фауны Беларуси, которые встречаются на всей территории страны: *Бобр (Бобёр) (3), Боброво (7), Волки (5), Волков, Барсуковка, Барсуково, Лисовка (2),*

Лисово, Медведево (7), Медведи (3) и др. Так, бобр является характерным обитателем водоемов Беларуси. В конце XIX века бобр находился на грани полного уничтожения. После Октябрьской революции зверь взят под охрану, размножился и в настоящее время встречается во всех областях республики. Особенно многочислен бобр в бассейнах Березины, Сожа и Немана. Из хищных зверей в лесах широко распространены лисица и волк; всюду, но нечасто встречается барсук. В северной части республики в старых смешанных лесах с моховыми болотами и вырубками обитает бурый медведь. Этот редкий зверь в настоящее время находится под охраной.

Некоторые ойконимы соотносятся с названиями животных, исчезнувших с территории Беларуси вследствие эксплуатации человеком ресурсов животного мира или в результате изменения их естественной среды обитания (*олень, соболь, тур*), а также находящихся на грани исчезновения (*зубр, рысь*). Длительное время охота на зверя и птицу была основным источником существования людей, вследствие чего численность многих животных последовательно сокращалась. С развитием земледелия и сокращением лесов это воздействие еще больше возросло, и отдельные виды животных были полностью истреблены. Так, последний экземпляр европейского тура уничтожен в 1627 году у границы с Литвой. В начале XIX века в Беларуси исчез благородный олень, к середине XIX века был полностью истреблен соболь. Многие животные находятся на грани исчезновения. Зубры, в XVI веке бродившие по лесам огромными стадами, в настоящее время обитают только в Беловежской пуще. Очень редкой стала рысь, водившаяся ранее в значительном количестве, в последние годы существенно сократилась численность барсуков, добыча этих животных в настоящее время запрещена.

3. Ойконимы, соотносительные с конкретными названиями птиц, подразделяются на 2 подгруппы:

1) ойконимы, соотносительные с названиями домашних птиц, включают 17 наименований (29 населенных пунктов), которые мотивируются лексемами *кура, петух, гусак*, (41, 29, 18% соответственно), называющими наиболее распространенных одомашненных птиц: *Курин, Петуховка (4), Гусаки* др.;

ойконимы, соотносительные с названиями диких птиц, являются самыми многочисленными среди наименований, объективирующих фаунистический код культуры, и отражают разнообразие орнитофауны Беларуси, которая насчитывает 305 видов птиц, гнездящихся в лесах, на болотах, по берегам водоемов, на лугах, в городских и сельских населенных пунктах. Нами выявлены 222 ойконима (395 населенных пунктов) данной группы, которые соотносятся как с общими для

русского и белорусского языков (*ворона, галка, гоголь, дрозд, дятел, жаворонок, кречет, кулик, лебедь, лысуха, орёл, пеночка, сойка, сокол, сорока, соловей, синица, сова, стриж, снегирь, сыч, чиж, щегол, щур*), так и с русскими (*воробей, ворон, голубица, голубь, журавль, коришун, кукушка, скворец, тетерев*), белорусскими (*бусел, глушэц, глушыца, драч, журавель, зязюля, ластаўка, пліска, пугач, чапля, шпак*) и диалектными лексемами (*батян, жоров, журав, кавка, коришак, сачивка, тетеря, шуляк*). Наиболее распространенными являются лексемы *сокол, орёл, сорока, журав, ворона* (10, 6, 6, 6, 5% от общего количества названий этой группы соответственно): *Сокол (3), Соколово (7), Соколы (5), Орловка (3), Орлово (4), Орлы, Белая Сорока, Сороки (3), Сорокино, Журавовщина, Журавщина, Журавы (3), Ворона, Воронов, Вороновщина* и др. Популярность наименований, соотносительных с названиями птиц, обуславливается как географическими и климатическими условиями, так и мифологическими представлениями белорусов, в которых «птицы выступают как мифопоэтические классификаторы и символы божьей сути, верха, неба, Солнца, грома, ветра, облака, свободы, роста, жизни, плодородия, богатства, восхождения, предсказания, связи между космическими зонами, души, духа жизни» [4, с. 397].

4. Ойконимы, соотносительные с конкретными названиями рыб, составляют небольшую группу; всего отмечено 17 наименований (43 населенных пункта). Большинство топонимов соотносится как с общими для русского и белорусского языков (*каrp, карась, лец, лосось, сазан*), так и с русскими (*окунь, щука*) названиями рыб. Лексема *слиж* является диалектным названием рыбы голец.

Наиболее распространенными являются лексемы *каrp, слиж, щука, окунь, карась*. Ойконимы, соотносительные с этими лексемами, составляют соответственно 26, 17, 17, 13, 11% от общего количества наименований данной группы: *Карпино, Карповка (5), Слижи (2), Щуки (3), Окунь, Караси (4)* и др.

Следует отметить, что для ойконимов с основой *каrp* не исключается мотивация мужским именем *Карп*, зафиксированным в памятниках белорусской письменности XVI – XVIII вв. [5, с. 94-95].

Наименования данной группы отражают особенности ихтиофауны Беларуси, представленной преимущественно семействами карповых, лососевых и окуневых. В видовом составе преобладают карповые (26 видов), этот факт отражается в ойконимии: с лексемами *каrp, карась, лец, сазан* соотносятся 11 ойконимов, что составляет соответственно 48% от общего количества названий этой группы. Рыбы, с наименованиями которых соотносятся ойконимы данной группы, важны в промысловом отношении, во многих прудовых и

озерных хозяйствах разводят зеркального и чешуйчатого карпа, в ряде водоемов – сазана. Следовательно, в наименованиях, соотносительных с названиями рыб, находят отражение не только природные особенности, но и характерные черты хозяйственной жизни страны.

5. Ойконимы, соотносительные с конкретными названиями земноводных и пресмыкающихся, немногочисленны, нами отмечено 17 наименований (22 населенных пункта). Топонимы данной группы соотносятся с лексемами *жаба, медянка, уж*, которые являются названиями наиболее распространенных представителей земноводных и пресмыкающихся на территории Беларуси: *Жабовка, Медянка, Ужики* и др.

Условно к данной группе ойконимов отнесены наименования населенных пунктов, соотносительные с лексемами *рак* и *червяк*, называющими беспозвоночных животных: *Раковица (4), Червяки* и др.

6. Ойконимы, соотносительные с конкретными названиями насекомых, насчитывают 50 единиц (105 населенных пунктов). Наибольшее количество наименований соотносится с лексемами *жук, комар, муравей, клещ, мотыль* (38, 22, 8, 7, 7% от общего количества онимов данной группы соответственно): *Жуковка (5), Жуково (5), Комарово (4), Комары (5), Муравей, Муравьи, Клещи, Клещовка, Мотылёвка, Мотыли* и др.

Класс насекомых, включающий в Беларуси около 30 000 видов, характеризуется большим разнообразием. Только жуков в Беларуси около 3000 видов. Так, в лесах встречаются жуки-короеды, майский жук, жук-олень, жуки-дровосеки, большой сосновый слоник. Все они являются вредителями деревьев. В середине лета много комаров и слепней. Разнообразны по видовому составу клещи. Роль санитаров леса выполняют муравьи.

В ойконимах данной группы выделяются общие для русского и белорусского языков (*жук, клещ, клоп, комар, муха, пчела, таракан*), а также русские (*муравей, овод*) и белорусские (*жыгалька, мураш, матыль, чмел*) лексемы. Данные лексемы являются названиями наиболее типичных для Беларуси представителей класса насекомых.

В топонимике существуют различные точки зрения на связь между топонимом, с одной стороны, и животным – с другой. Так, В. Ташицкий, В.П. Семенов-Тянь-Шанский считают, что для установления географических границ распространения на определенной территории давно вымерших или только остаточно сохранившихся животных можно использовать территориальные наименования, соотносительные с названиями таких животных. «Существование в прошлом тура на территории Польши подтверждается территориальными наименованиями, производными от его названия. Наконец, на распространение зубра на польской территории, гораздо более широкое,

чем в настоящее время, указывают местные названия, основу которых составляет имя существительное – зубр» – пишет В. Ташицкий [6, с. 85].

Противоположную точку зрения высказал В.А. Никонов, указав на относительную негативность географических названий. По мнению исследователя, такое название, как Ельня, не может возникнуть среди сплошного елового леса, а село Белорусское – среди многих белорусских поселений, так как топоним, «вводя объект в определенный ряд, одновременно и выделяет его, отличает его от других» [7, с. 38]. Только на окраине еловых лесов или лесостепи, у еловой рощи может возникнуть топоним Ельня. Если в районах со сплошным украинским или польским населением переселенцы-белорусы основали какое-то селение, то оно получит имя Белорусское. Точно также и топонимы, соотносительные с названиями животного мира, не могут возникнуть в районах сплошного распространения тех или иных животных [7].

Э.М. Мурзаев, Е.М. Поспелов, А.В. Суперанская отмечают, что в названиях населенных мест наиболее часто присутствуют имена, фамилии, прозвища первых поселенцев, помещиков, феодалов, образованные, в свою очередь, от названий животных. Такие личные имена обычны почти у всех народов мира, часты они и у славян. Так, по подсчетам А.В. Сусловой, самыми распространенными древнерусскими именами являлись *Баран, Бык, Волк, Воробей, Ворона, Ворон, Жук, Заяц, Козёл, Сокол, Сорока* и другие [8, с. 24]. Фамилии первопоселенцев, феодалов, помещиков, собственников земельных угодий становились названиями населенных мест. Э.М. Мурзаев указывает, что «имена сел Бараново или Орехово скорее связаны с фамилиями, чем с соответствующим животным или растением» [6, с. 145]. Е.М. Поспелов отмечает, что ойконимы фаунистической тематики не могут быть использованы для определения ареалов обитания тех или иных животных. Исследователь указывает, что «названия деревень Волково, Соколово и т. п. никоим образом не свидетельствуют о наличии в их окрестностях волков или соколов, а лишь говорят об образовании названий от лиц с соответствующими именами или фамилиями» [9, с. 18].

В.П. Лемтюгова выделяет в основе ойконимов, соотносительных с названиями животных, имена-апеллятивы типа *Бобёр, Барсук, Волк, Голуб, Соловей* и другие, которыми белорусы, как и другие славяне, пользовались задолго до принятия христианства. В период, когда началось интенсивное вытеснение их греческими, латинскими, германскими, скандинавскими и другими именами (XI – XVI вв.), имена-апеллятивы перешли в разряд имен-прозвищ, а затем в разряд фамилий. По мнению исследователя,

в ойконимах антропонимы-апеллятивы выступают в двух качествах: древних дохристианских собственных имен и имен-прозвищ и фамилий [10, с. 71]. Данный факт позволяет предположить, что в ономастических единицах, соотносительных с названиями животных, находят отражение тотемистические воззрения древних славян, связанные с представлением о сверхъестественном родстве между определенными группами людей и так называемыми тотемами – видами животных, растений (реже – явлениями природы и неодушевленными предметами). Названия, связанные с животным миром, отражают веру наших предков в магическую силу слова и их убежденность в том, что животные, названия которых взяты в качестве имён, становятся опекунами и защитниками их носителей. Необходимо отметить, что имена, производные от названий животных, могли даваться по сходству с ними: *Бык, Корова* – грузным неповоротливым людям, *Волк, Щука* – хищным и коварным по натуре и т.д.

Таким образом, фаунистический код культуры эксплицируется в системе названий населенных пунктов при помощи шести тематических групп ойконимов, содержащих в своей основе белорусские, русские и диалектные лексемы, отражающие не только основные особенности фауны Беларуси, но и мифологические представления наших предков, связанные с тотемистическим культом животных.

Литература

1. Мезенко, А.М. Топонимия и культура / А.М. Мезенко // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. – 1996. – №1. – С. 66–70.
2. Жучкевич, В.А. Краткий топонимический словарь Белоруссии / В.А. Жучкевич. – Минск : Бел.гос. ун-т, 1974. – 448 с.
3. Лексічны атлас беларускіх народных гаворак: у 5 т. / рэдкал.: М. Бірыла (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Фонд фундаментальных даследаванняў РБ, 1993. – Т. 1 : Раслінны і жывёльны свет / Г.У. Арашонкава, А.П. Груццо, У.Ф. Ісаенка [і інш.]. – 1993. – 160 с.
4. Беларуская міфалогія : Энцыклапед. слоўн. / С. Санько [і інш.] ; пад рэд. С. Санько. – Мінск : Беларусь, 2004. – 592 с.
5. Бірыла, М.В. Беларуская антрапанімія. 1: Уласныя імёны, імёны-мянушкі, імёны па бацьку, прозвішчы / М.В. Бірыла. – Мінск : Навука і тэхніка, 1966. – 328 с.
6. Мурзаев, Э.М. Очерки топонимики / Э.М. Мурзаев. – Москва : Мысль, 1974. – 382 с.
7. Никонов, В.А. Введение в топонимику / В.А. Никонов. – Москва : Наука, 1965. – 178 с.
8. Суперанская, А.В. Ваше имя? / А.В. Суперанская. – Москва : Армада-пресс, 2001. – 256 с.
9. Поспелов, Е.М. Топонимический словарь: ок. 1500 единиц / Е.М. Поспелов. – Москва : Астрель : АСТ, 2002. – 229 с.
10. Лемцюгова, В.П. Беларуская айканімія. Лінгвістычны аналіз назваў населеных пунктаў Мінскай вобласці / В.П. Лемцюгова. – Мінск : Навука і тэхніка, 1970. – 156 с.

Поступила в редакцию 18.01.2018 г.

УДК 811.161.1'21-115(476.5)

Очерк по топонимии Витебщины (Лиюзно)

Васильев В.Л.

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород (Россия)

Очерк содержит этимологический анализ дискуссионного топонима Лиозно в Витебской области, а также топонимических соответствий и лексических коррелятов данного топонима. Дана критическая оценка нескольких существующих версий его объяснения.

Материал и методы. Материалом для сравнений являются географические названия и диалектные слова, взятые из современных русских словарей, старорусских и старобелорусских памятников письменности. Применена традиционная методика этимологизации лексики и топонимии.

Результаты и их обсуждение. Обсуждается специфическое написание Лиозно, излагаются географические имена сходного облика (на Лез(е)н-) в других регионах, преимущественно на исторических землях Новгорода, Пскова, Торопца, Смоленска. Выяснено, что ареал топонимии на Лез(е)н- сформирован из двух омонимичных основ различного происхождения. Поддерживается мысль о том, что Лиозно образовано от адъектива лёзный, который, в свою очередь, продолжает форму др.-рус. *льзныи, родственную др.-рус. лъза 'польза', рус. легкий, льгота, полезный и др.

Заключение. Привлечение широкого ареального фона лексико-топонимических сравнений — необходимое условие этимологического рассмотрения любого «непрозрачного» географического названия. Топоним Лиозно квалифицируется как еще один элемент многочисленных древних лексико-топонимических пересечений Северо-Восточной Белоруссии с регионом исторических новгородско-псковских земель.

Ключевые слова: топоним, гидроним, диалектная лексика, ареал, происхождение географических названий и апеллятивов.

(Ученые записки. — 2018. — Том 25. — С. 41–44)

Essay on the Toponymy of Vitebsk Region (Liozno)

Vasilyev V.L.

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod (Russia)

Essay contains etymological analysis of discussion place-name Liozno in the Vitebsk region, as well as the analysis of toponymic correspondences and lexical correlates of this toponym. A critical assessment of the several existing versions of his explanations is given.

Material and methods. Material for comparisons are geographical names and dialectal words that has been extracted from contemporary Russian dictionaries, Old Russian and Old Belorussian written sources. The traditional technique of etymologization of vocabulary and toponymy is applied.

Findings and their discussion. In the essay, the specific writing of toponym Liozno is discussed, geographical names of similar shape (on Les(e)n-) having in other regions, mainly at the historical lands of Novgorod, Pskov, Smolensk, Toropets, are listed and treated. It is found that the area of toponymy on Les(e)n- has been formed from the two homonymous lexical bases of different origin. The idea that Liozno derives from the ljoznyj is supported/ This adjective continues Old Russian *льзныи, related to лъза 'use', Russian ljogkij 'lightweight', lgota 'allowance', poleznyj 'useful' etc.

Conclusion. Attracting a wide territorial background of Lexico-toponymic comparisons is a necessary condition for etymological consideration of any "opaque" geographical name. The toponym Liozno is qualified as one of elements of the numerous ancient lexical and toponymic crossings between the North-Eastern Belarus and region of historical Novgorod-Pskov lands.

Key words: toponym, hydronym, vocabulary, dialect area, origin of geographical names and appellatives.

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 25. — P. 41–44)

Название городского пос. Лиозно, районного центра на востоке Витебской области, известного с XVI в., надежного объяснения до сих пор не получило. В.А. Жучкевич, автор широко известного «Краткого топонимического словаря Белоруссии», возводит топоним к адъективной форме лозное, от лоза, следовательно, Лиозно — «лозно(е) место,

место, поросшее лозой». Эта версия не выдерживает никакой критики, поскольку никак не объясняет различия между мягким л' в топониме и твердым л в предполагаемом апеллятиве лозный. Пренебречь столь существенным расхождением невозможно. Вместе с тем Жучкевич не исключает сравнения с социальной категорией лёзные люди (польск. *chlopilozny*), данное наименование,

по его мнению, пошло от нем. *loze* – «свободный, освободившийся, не связанный в цехи» [1, с. 202–203]. К этому же сравнению прибегают и некоторые другие исследователи (Н.К. Тихомирова, В. Юревич, подр. см. http://liožno-art.narod.ru/pages/proza_rechenova_o_v.htm), но немецкая этимология *лѣзные* (от *lose*) не убедительна и может быть оспорена, как будет показано выше. Кроме того, иногда исходят из того, что в *Лиозно* отражен корень **lěz-* ‘низкое место, заливаемое водой’, о существовании которого заявляет польский исследователь Г. Борек [2, с. 99]. Однако есть оправданные сомнения вообще в наличии слав. **lěz-* в значении низкого, болотистого места: в лексическом материале ранних славян соответствующего топографического термина не найдено (по крайней мере известные этимологические словари славянских языков его не знают). Если нет семантически явной апеллятивной поддержки, как же объяснить множество топонимов с указанным реконструируемым корнем? Все это настораживает и нуждается в ином семантико-этимологическом осмыслении. Да и характер гласного в корне **lěz-* скорее требует континуантов на *Лез-*, нежели на *Лѣз-*.

Предлагаемая заметка посвящена этимологическому анализу как проблематичного топонима *Лиозно* и иных фонетически сходных географических имен, так и апеллятивной лексики, которая определила существование *Лиозно*. Вообще говоря, без анализа апеллятивов топонимические трактовки обычно не могут считаться вполне завершенными. Данный очерк, впрочем, не решает конкретных вопросов возникновения *Лиозно*, скорее приближает к их решению, позиционируя топоним в широком проприально-апеллятивном контексте.

Материал и методы. Сравнительным материалом послужили названия, извлеченные из старорусской и позднерусской письменности, преимущественно обращенной к региону Русского Северо-Запада (новгородские, псковские, торопецкие земли), лексика, отраженная в старобелорусских памятниках письменности, современная лексика западнорусских говоров. Использована традиционная методика этимологизации лексики и топонимии, сопряженная с ареальным анализом, с широким всесторонним охватом смежных лексических данных.

Результаты и их обсуждение. Своеобразный облик топонима *Лиозно* обусловлен закреплением устаревшей орфографической нормы, в соответствии с которой диграфом *io* передавался звук *o* после мягкого согласного. Такое написание можно наблюдать в период после фонетического перехода *'e>'o* вплоть до введения буквы *ё* в русскую графику, особенно часто в XVIII в. Так, в материалах генерального межевания 2-й половины XVIII в. топонимия с произношением звука *o* после мягких регулярно пишется с диграфом *io*;

ср., например, названия рек *Красіонка*, *Веріогжа*, *Лиозенка* на планах 1780-х гг. по Тверской и Новгородской губерниям, произносимые сегодня: *Красёнка*, *Верёгжа*, *Лёзенка*. В России в XIX в. написание *io* в топонимии заменяли на *e* (причем эта традиция продолжается в наши дни: на современных картах пишут обычно *Красенка*, *Верегжа*, *Лезенка*, что, безусловно, следует признать устаревшим, затрудняющим чтение малоизвестных географических имен), в Беларуси же утвердилась буква *ё*, более адекватная произношению. Надо полагать, в написании *Лиозно* устоялась орфографическая норма XVIII в. при том, что по-белорусски топоним исстари звучит и пишется *Лёзна* (ср. еще название д. *Лиопино* на Витебщине, которое произносят *Лёпина*), по-польски – *Lozno*; ср. в польском акте 1654 г.: «DworLozniewskii ... umiasteczkoLoznowystawione» [3, с. 564].

Обзор топонимии сопредельных регионов показывает, что *Лиозно/Лёзно* на Витебщине имеет много топонимических соответствий, которые в наибольшем количестве обнаруживаются к северу от Витебщины, прежде всего в исторических новгородских землях бассейна оз. Ильмень и р. Волхов, а также на сопредельных псковских, торопецких, пусторжевских землях. Богатый фактический материал топонима *Лез(е)н-* дает новгородская писцовая документация XV–XVI вв., содержащая преимущественно названия деревень, большинство из которых к настоящему времени исчезли. Произношение звука *'o* (<*'o*) в такого рода топонимии, из-за несовершенства старинной орфографии, либо никак не выделено (т.е. пишется *Лез-*), либо маркировано графемой *o* на старорусский манер (пишется *Лоз-* вместо *Лёз-*), либо маркировано диграфом *io*, о чем говорилось выше. В Богородицком погосте на Белой средневековой Новгородской земле под 1564 г. указаны дд. *Лезна* и *Лозница* [4, т. VI, с. 860] (= [*Л'озница*], эта, вторая деревня тоже стала именоваться *Лезна* по более поздним документам); оба селения стояли у р. *Лезенка* (*Лиозенка*). В погосте Волок Держков были дд. *Лезна* и *Залезенье*, 1564 г. [4, т. VI, с. 992, 999, 1015, 1034], вторая из них сохранилась до наших дней под названием д. *Залезенка* и расположена на р. *Залезенка*. Еще одна д. *Залезенье* описывалась в Локотском погосте около 1495 г. [4, т. II, с. 84]. Суффиксально-префиксальный дериват *Залезенье* получен от гидронима *Лезна* ('за *Лезной*'), связанного с местной речкой. Писцовая книга 1564 г. отмечает еще починок *Лезна* Егорьевского погоста во Млеве [4, т. VI, с. 308–350], книга 1500 г. сообщает о д. *Лезно* Грузинского погоста [4, т. III, с. 445] (сегодня – д. *Лезна* при р. Волхов и руч. *Лезенский*), книга 1498 г. отмечает д. *Лезница* возле дд. *Лзи* и *Лизи* в Которском погосте [4, т. IV, с. 96–97], книга 1540 г. описывает местность *Лезна* и пустоши *Лезно*, *Лезной* в Замошской переваре Торопецкой земли [5, т. 4, с. 653, 654], книга 1583 г. отмечает д. *Подлезной*

в Полиском стане Пусторжевской земли (согласно [6, с. 147, № 409]), буквально – деревня ‘под Лезной’, Списки селений Псковской губернии 2-й половины XIX в. отмечают д. *Лезницы* при оз. *Лезница* в Порховском уезде. Стоит отметить, что и на самой Витебщине ойконим *Лиозно* не одинок: его дополняют названия *Лезно* двух смежных хуторов, отмеченных во 2-й половине XIX в. неподалеку от Полоцка [7, B.V 1, s. 93]. Помимо ойконимии, первые проявления которой идут с конца XV в., в разных поздних источниках XIX–XX вв. выявлено немало гидронимов рассматриваемого типа; большая часть их сосредоточена к северу от оз. Ильмень, в бассейнах Волхова и Невы: это реки и ручьи *Лезна*, *Лезно* (с вариантом *Лездний*, с гиперкорректной вставкой буквы *д*), *Лездно* (тоже со вставной *д*), *Лезной* (иначе *Лезно*), *Лезинка* (иначе *Лизенский*), *Лезно* (иначе *Лозно*); кроме них, есть еще *Лезенка* в бассейне Мсты, р. *Лезенка* (*Лизенка*) в бассейне Мологи, р. *Лизёнка* в бассейне р. Великой на Псковщине, р. *Лезна* (*Лизна*), приток Днепра на Смоленщине неподалеку от города Белый.

Таким образом, название г.п. *Лиозно* на северо-востоке Беларуси оправданно считать элементом единого новгородско-псковско-смоленско-витебского ареала топоосновы *Лез(е)н-*. Южный фланг этого выразительного сгущения занимают витебские и смоленские факты, хотя в разреженном виде такого рода названия sporadически обнаруживаются и вне пределов очерченной территории, например, сравнительно далеко к югу, юго-западу от Витебщины локализуется пара гидронимов *Лезница*, укр. *Лізниця*, оба в бассейне Припяти среди притоков Жерева и Норина неподалеку от города Овруч бывшей Волынской губернии, ныне Житомирской области Украины.

Очерченный топонимический ареал, однако, неоднороден: составляющие его топонимы отсылают к двум омонимичным адъективным основам разного происхождения. Гетерогенные названия общего фонетического облика перемежаются на общей территории, могут влиять друг на друга, в одних случаях их трудно дифференцировать с достаточной надежностью, в других случаях они подразделяются вполне достоверно.

Несомненно, большая часть ареала названий на *Лез(е)н-* принадлежит к гнезду праслав. **lězti*, рус. *лезть* ‘лезть; ползти; медленно двигаться, тащиться’; от этого глагола дериватами с суффиксом *-н-* (<*-ьн-*>) считаются чеш., словац. *ležný*, в.-луж. *lězny* ‘пресмыкающийся, ползущий’, словен. *lěznica* ‘лестница’ [8, вып. 15, с. 40]. В эту группу названий преимущественно отходят названия вод, поскольку для гидронимии понятие ползания, следовательно, медленного движения (применительно к воде) – ожидаемый мотивировочный признак. Разумеется, сюда же отойдут и некоторые названия селений, но чаще те из них, которые образовались от смежных гидронимов.

Применительно к глаголу движения семантически показательно, что почти вся гидронимия на *Лез(е)н-* свойственна именно водотокам – водоемам с движением (течением) воды, а не озерам – водоемам со стоячей водой. Для данной группы названий более частотен гласный *е* в основе (*Лез(е)н-* <*Лъзьн-*>), но встречаются также варианты с гласным *и* (*Лиз(е)н-*), ибо фонема «ять» во многих говорах, особенно новгородских, регулярно переходила не только в гласный *е*, но также в гласный *и*. Однако деривационное гнездо глагола **lězti* не исключает и образований типа *Лѣз(е)н-*, с гласным *’о* (несмотря на то, что для «ять» такое изменение не характерно); ср. новг. *лѣза* ‘удалой, бойкий человек’ [9, вып. 5, с. 14], яросл., симб., нижегор., самар. *лѣза*, *лѣза* ‘проныра, пролаза’, смол. *лѣз* ‘лесенка при печке в овине’, *лѣзовый* ‘бойкий, ловкий, пронырливый, изворотливый’ [10, вып. 16, с. 338, 339]. Гидронимы от *лѣз-* (**lězti*), помимо суффикса *-н-*, иногда показывают как, например, *Лезовец*, р. в бассейне Мсты, или *Лизовка*, р. в верховьях Западной Двины (протекает, кстати говоря, поблизости от р. *Лезна*).

Другая часть массива *лезных/лѣзных* названий отражает иную этимологическую основу – с бывшим редуцированным *ь* в корне: *Лез(е)н-* <*Лъзьн-*>. Иногда такие топонимы дифференцируются вполне уверенно, таково, например, название р. *Лезница* в верховьях р. Плюсы, безусловно соотносящееся с именами деревень *Большие Лѣзи* и *Малые Лѣзи*, вдоль которых эта речка течет (в отличие от укр. *Лезница*, или *Лізниця*, которое идет от *Лъзьница*), или название д. *Лѣзна* и смежной р. *Лезна* (*Лиозенка*) при близком соседстве с д. *Лѣзички* в среднем течении р. Мсты, ср. еще д. *Лѣзень* и р. *Лѣзна* на юго-восточном берегу Ильменя. С большей очевидностью, благодаря опоре на лексические значения, основа **лѣзьн-* идентифицируется в апеллятивной лексике, которая становилась собственными именами селений. Речь идет в первую очередь о западнорусском и о белорусском, в том числе старобелорусском, апеллятиве *лѣзный*, о котором кратко упоминалось выше. Данное прилагательное было причислено к кругу производных от **lězti* – **laziti* [11, с. 42–43], однако такому соотносению категорически препятствует семантический спектр слова, не вытекающий из ‘лазания’ и ‘ползания’. Куда больше смысловых оснований отнести *лѣзный* к этимологическому гнезду дериватов корня **lbz-* (иначе **lbz-*, в палатализованном варианте), куда входят др.-рус. *лѣза* ‘польза’, *лѣзь*, *лѣзя* ‘можно’, *нѣльга* ‘нельзя’ [12, вып. 8, с. 319, 321], польск. *lza*, *lza*, *ldza*, чеш. *lze*, словац. *l’za* ‘можно, возможно, должно’ или с отрицанием: ст.-чеш. *nelzě* ‘нельзя’, рус. *нѣльзя* и др. [8, вып. 17, с. 108], рус. диал. (сев., вост.) *пóльза*, *пóльга* ‘льгота, облегчение; помощь, улучшение’ [13, т. 2, с. 267], смол. *льга* ‘послабление’ [10, вып. 17, с. 230], укр. *ніль-*

га 'облегчение', рус. *льгота*, *лёгкий* (<**lǫgъk(jь)*), *полезный* и др. Действительно, все диалектные и старописьменные словоупотребления *лёзный* содержат явные или подразумеваемые намеки на «легкость» в виде отсутствия каких-либо существенных обязательств, забот, полномочий. Ср. рус. диал. (южн.) *лёзный крестьянин* 'одинокый безземельный крестьянин, бобыль' [13, т. 2, с. 246], а по исконному смыслу слова, очевидно, 'освобожденный (от тягла, налогов по причине отсутствия земли)', смол. *лёзная* (о женщине или самке животного: небеременная, Бельск.) [10, вып. 16, с. 339] или с отрицанием: смол. *не-лёзный* 'т.е. обремененный, нелегкий', *нелёзная* 'беременная' [10, вып. 21, с. 71]. Этот же адъектив безусловно содержит ст.-блр. Сочетание *лёзные люди* – 'чужие, неместные, гулящие, лентяи, беглые крестьяне' [14, с. 194]. В XVI–XVIII вв. *лёзными* в Беларуси называли безземельных крестьян и обедневших горожан, которые не имели жилья и имущества и выполняли работу по найму [15, с.283]. Это же прилагательное, похоже, содержится в выражении *лёзная челядь* 'слуги шляхтичей-кавалеристов, находившихся при лошадах', XVII в. (ст.-польск. *lozna czeladź*) [12, вып. 8, с. 199].

Вряд ли могут быть серьезные сомнения, что форма именно этого прилагательного *лёзный* (из др.-рус. **льзньныи*, до падения редуцированных) некогда закрепились в топониме *Лиозно/Лёзна*. Формальная сторона самоочевидна, неясности остаются в смысловой мотивации: какое все же конкретное значение апеллятива было использовано при топонимизации? Речь может идти о первоначальных *лёзных* людях (бобылях, безземельных наемных работниках, живших здесь) или о первоначальном *лёзном* селении, т.е. селении, бывшем во временной *льготе*, освобожденном от налогообложения. Вопрос могли бы прояснить дополнительные краеведческие разыскания. В завершение скажу несколько слов о связи рассматриваемого топонима с фамилиями. По еще одной бытующей версии, *Лиозново* стали называть по фамилии братьев *Лиозновых*, якобы ставших первыми поселенцами этого места (см. http://liožno-art.narod.ru/pages/proza_pechenova_o_v.htm), однако, представляется, дело обстоит как раз наоборот: это фамилия *Лиозновы* пошла от топонима *Лиозново*. Скорее всего *Лиозновы* относятся к числу географических (оттопонимных) фамилий, как правило еврейских, указывающих на населенный пункт, где жили и откуда вышли предки владельца фамилии. В частности, одним из носителей данной фамилии является Татьяна Михайловна Лиознова, известный советский и российский кинорежиссер, в связи с чем нетрудно предположить, что ее родовые корни происходят из белорусского еврейского местечка *Лиозно*. К иному типу относятся фамилии *Лезнов* и *Лёзнов*: они отсылают именно к обозначению

социального слоя *лёзных* людей, бобылей (ср. фамилию *Бобылёвы*).

Заключение. Привлечение широкого ареального фона лексико-топонимических сравнений – необходимое условие историко-лингвистического рассмотрения любого дискуссионного географического названия. Проведенное исследование, показавшее *Лиозно* в контексте ареальных соответствий, надеюсь, поспособствует разгадке этого сложного топонима и стоящих за ним апеллятивных лексем, по крайней мере оно ограничивает разброс ранее высказанных (обычно вскользь) предположений. Топоним *Лиозно* квалифицируется как еще один элемент многочисленных древних лексико-топонимических пересечений Северо-Восточной Беларуси с регионом исторических новгородско-псковских земель, заселение которых происходило с юга, по Днепру и его притокам.

Литература

1. Жучкевич, В.А. Краткий топонимический словарь Белоруссии / В.А. Жучкевич. – Минск: Изд. БГУ, 1974. – 425 с.
2. Борек, Г. Восточнославянские топонимы с формантом *-ьн-* / Г. Борек // Восточнославянская ономастика. – М.: Наука, 1972. – С. 90–143.
3. Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Акты главного литовского трибунала. – Вильна: Типография А.Г. Сыркина, 1883. – Т. XII. – 756 с.
4. Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссиею. – СПб., 1859–1910. – Т. I–VI.
5. Писцовые книги Новгородской земли / сост. К.В. Баранов. – М.: «Археографический центр», «Древлехранилище», 1999. – Т. 1; СПб.: «Дмитрий Буланин», 1999. – Т. 2; М.: «Древлехранилище», 2001–2009. – Т. 3–6.
6. Янин, В.Л. Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV веков / В.Л. Янин. – М.: Изд. МГУ, 1998. – 216 с.
7. Russisches geographisches Namenbuch / Begr. von M. Vasmer. – Wiesbaden: Harrassowitz, 1962–1980. – Bd. I–X.
8. Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О.Н. Трубачева. – Вып. 1–31; Под ред. А.Ф. Журавлева. – Вып. 32–39; Под ред. А.Ф. Журавлева, Ж.Ж. Варбот. – Вып. 40. – М.: Наука, 1974–2016.
9. Новгородский областной словарь / Отв. ред. В.П. Строгова. – Новгород: Изд. НГПИ, НовГУ, 1992–1995. – Вып. 1–12; Великий Новгород: Изд. НовГУ, 2000. – Вып. 13.
10. Словарь русских народных говоров / ред. Ф.П. Сороколетов. – 2-е изд., испр. – СПб.: Наука, 2002–2013. – Вып. 1–46.
11. Варбот, Ж.Ж. Заметки по славянской этимологии (слав. **nagъlъbъ*, **naprasъnъbъ*, **pakostъ*, **lězo*, **lězivo*) / Ж.Ж. Варбот // Этимология 1964. – М.: Наука, 1965. – С. 27–43.
12. Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред.: С.Г. Бархударов. – Вып. 1–6; Ф.П. Филин. – Вып. 7–10; Д.И. Шмелев. – Вып. 11–14; Г.А. Богатова. – Вып. 15–26; В.Б. Крысько; Вып. 27–28. – М.: Наука, 1975–2008.
13. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – М.: Русский язык, 1998. – Т. 1–4.
14. Словарь древнего актового языка Северо-Западного края и Царства Польского/сост. Н. Горбачевский. – Вильна: В тип. А.И. Зака, 1874. – XIX с. + 397 с.
15. Этнаграфія Беларусі: энцыклапедыя / Рэд. І.П. Шамякін. – Мн.: «Беларуская савецкая энцыклапедыя» імя Петруся Броўкі, 1989. – 575 с.

Поступила в редакцию 18.01.2018 г.

УДК 811.161.1'373.231

Проблема номинативного выбора: оригинальные имена во 2-й половине XX — начале XXI в.

Галковская Ю.М.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М.Машерова», Витебск

В статье рассматриваются понятия оригинальности и уникальности личного имени. Представлен анализ ономастического материала по результатам анкетирования и изучения современных антропонимных источников. Установлено, что стремление к оригинальности в имяназвании претендует на место новой тенденции в номинативной практике. Представлен обзор оригинальных личных имен, используемых в мировой практике имяназвания.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили результаты очного и заочного анкетирования жителей приграничных населенных пунктов Витебской области, а также информационные порталы и дайджесты, содержащие антропонимную информацию. Обработка эмпирического материала осуществлялась на основе статистического метода, компаративного, метода сплошной выборки.

Результаты и их обсуждение. Проблема выбора номинативной единицы является одной из центральных проблем современной антропонимики. В современной практике имяназвания интенсифицируется процесс поиска новых ономастических ресурсов, способных усилить выделительную функцию личного имени. Зафиксировано повышение интереса номинаторов к «новым» и «оригинальным именам».

Заключение. В современной номинативной практике в условиях свободы выбора личного именования при регистрации новорожденного «необычные» / «оригинальные» именования выступают средством расширения именного репертуара и обновления именина. Наблюдения над качественно-количественным составом такой группы личных именований позволяют установить особенности оригинальных личных имен, новые антропонимные источники, а также выявить определенные закономерности при формировании современного именного фонда.

Ключевые слова: личное имя, номинативная тенденция, оригинальное имя, уникальное имя.

(Ученые записки. — 2018. — Том 25. — С. 45–49)

The Problem of the Nominative Choice: Unique Personal Names in the 2nd half of the XXth century — at the beginning of the XXIst century

Galkovskaya Yu.M.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

The article covers the problem of 'uniqueness' of the personal name. The analysis of the onomastic data received from questionnaires and modern anthroponymic resources have been presented in the given article. The tendency of uniqueness in proper names is taking place in modern name-giving practice. The review of unique names given abroad has been submitted.

Material and methods. The material of the research is based on the questioning survey of the borderland residents of the Vitebsk region, as well as the information portals and digests containing anthroponymic data. The processing of empirical material has been carried out on the basis of a statistical method, a comparative method and the method of continuous sampling.

Findings and their discussion. The problem of choosing a nominative unit is one of the central issues of modern anthroponymics. In today's name giving practice the process of searching for new onomastic resources that can enhance the excretory function of a personal name is taking place. An increase in the interest of nominees in the "new" and "unique names" has been revealed.

Conclusion. In modern nominative practice the anthroponymic choice is not limited by definite laws and parents are free to choose any "unusual" / "unique" names for a newborn. Such a name is considered to be a means of expanding the personal repertoire and updating the name. The observation over the qualitative and quantitative composition of such a group of personal nouns makes it possible to define the characteristics of unique personal names, new anthroponym sources, and to reveal certain regularities in the formation of a modern anthroponymic fund.

Key words: personal name, name giving tendency, opunique name.

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 25. — P. 45–49)

Социальная легализация нового члена общества начинается с регистрации новорожденного и фиксации в метрической записи официальной трехкомпонентной (для белорусов и русских) формулы именования, ключевым компонентом которой является личное имя.

Диалектика развития свойственна любому процессу, в том числе функционированию имени. Активная употребляемость одних и тех же имен во многих населенных пунктах и даже странах снижает значимость личного имени как идентификационного и выделительного знака. В связи с этим постоянный поиск имен, удовлетворяющих всем требованиям родителей, является закономерным результатом номинативного процесса.

Материал и методы. Поставленная в работе цель исследования – установление спектра «оригинальных личных имен» и мотивов их выбора – реализовывалась с помощью следующей эмпирической базы. Материалом исследования послужили собранная автором картотека личных имен жителей приграничных районов Витебской области общим объектом 1067 единиц, анкетные материалы, статистические бюллетени и заметки, в которых представлена антропонимная информация.

Результаты и их обсуждение. Поведение человека в ситуации выбора, в том числе личного имени, представляет собой сложную проблему, которую исследовали и продолжают разрабатывать специалисты различных областей научного знания: философы, психологи, антропологи, социологи, физиологи, психиатры, лингвисты и др. Основная роль здесь отводится психолингвистическим и социолингвистическим исследованиям, на базе которых строятся частные научные теории и гипотезы. Общепсихологические концепции, выдвинутые А.Н. Леонтьевым, П.К. Анохиным, Н.А. Бернштейном, С.Л. Рубинштейном, Д.Н. Узнадзе и др., в значительной степени способствовали развитию подходов к решению проблемы, однако не привели к созданию единой теории. Несмотря на это, в 1960–70-е гг. общепринятой считалась модель, предложенная Ю.Н. Сафоновым: $S - P - R$, где S – стимул, P – личность, R – реакция [9].

Бихевиористские исследования в области мотивационной сферы инициировали интерес ономастологов к изучению психолингвистических и социолингвистических принципов развития антропонимии. Наблюдения за предпочтительностью антропонимных единиц среди родителей и достаточной устойчивостью коэффициента сменяемости имен в первой десятке привели ученых к мысли, что данные процессы подчиняются определенной закономерности, имеющей не только лингвистическую, но в большей степени экстралингвистическую обусловленность.

Основными экстралингвистическими факторами, влияющими на выбор номинативной единицы, выступают «уникальность» и «оригинальность» личного имени. В «Новом толково-словообразовательном словаре русского языка» под редакцией Т.Ф. Ефремовой (М., 2000) представлено следующее определение *оригинальности*: «Оригинальность – что-то своеобразное, самобытное» [5, с. 1168].

Слово уникальность трактуется как производное от слова уникальный – «единственный в своем роде, неповторимый, редкий, исключительный» [3, с. 687]. Таким образом, «уникальное имя», по мнению номинаторов, нередко рассматривается как «непопулярное» и характеризуется низкой частотой использования в региональной практике имяназечения. Данный тип имени, следовательно, должен коррелировать в ономастике с понятиями «редкое / редкостное имя» (раритетное имя; имя, даваемое людям (по различным мотивам) крайне редко) [6, с. 77] или «новое имя» – термин, который во 2-м значении используется для обозначения номинативной единицы, искусственно придуманной, заимствованной у других народов и т.п. [6, с. 76].

В советский период на практику имяназечения и, следовательно, на обновление именного репертуара значительное влияние оказывал политико-идеологический фактор. Появившаяся тенденция к номинативной оригинальности была обусловлена политическими причинами, когда было модно придумывать новые имена, используя идеологические лозунги или инициалы политических лидеров. П.А. Флоренский справедливо отмечал: «С некоторыми именами связываются определенный вид общественных отношений и характер вытекающих отсюда событий ... имя значимого деятеля превращается в эмблему масштаба исторического» [13, с. 61, 63]. Так, желание увековечить память таких идеологических лидеров, как *В.И. Ленин*, *А.В. Луначарский*, *Ф. Энгельс*, *К. Маркс*, привело к возникновению новых имен (*Вилор / Вилора* – Владимир Ильич Ленин и Октябрьская революция; *Лемира* – Ленин, мировая революция; *Эрлен* – эра Ленина; *Вилиан* – Владимир Ильич Ленин и Академия наук; *Велиор* – Великая Октябрьская революция; *Вилор* – Владимир Ильич любит родину; *Гертруда* – герой труда; *Ленэра* – Ленинская эра; *Марлен* – Маркс, Ленин; *Ревмир* – революция мировая и др.) [2, с. 125–126]), большинство из которых вышло из употребления из-за их неблагозвучия, несоответствия традиционной системе именования и невозможности образования отчества. В результате лишь немногие из новых номинативных единиц (*Владлен*, *Марлен*) использовались более чем одним поколением советских людей [7, с. 98–99]. Такие имена

в большей степени реализовывали идентифицирующую и дифференцирующие функции личного имени, представляли аксиологическую ценность для номинаторов (чувство патриотизма) и были предметом гордости родителей. Отметим, что сегодня такие «идеологически ориентированные» имена, как *Вилор / Вилора, Владлен / Владлена, Марлен / Марлена*, характеризуются точечной представленностью в именниках приграничных населенных пунктов Витебщины и лишены идеологической коннотации. Номинативный выбор родителей обусловлен, как показывают результаты анкетирования, субъективными, а не политическими / идеологическими причинами. В поисках номинативной единицы с ярко выраженной выделительной функцией родители стали обращаться к именам-неологизмам 20–30-х гг. XX в., не учитывая или, возможно, не зная этимологии антропонимов и истории их проникновения в именник. Нередко такие личные именованья становятся результатом нового восприятия и «реинтерпретации» в условиях изменившихся социально-политических реалий, на что указывает исследователь Д.Я. Тарасов: «Национальный именник является полем взаимодействия прагматически ориентированных сил, которые ... беспрерывно задают актуально востребованные функциональные параметры. Какие-то имена уходят из употребления, забываются, какие-то вновь актуализируются или добавляются, подвергаются реинтерпретации» [12, с. 12].

Наряду с обращением к именам-неологизмам в поисках оригинального имени в начале XXI в. стали использовать также апеллятивные именованья. Несмотря на отапельлятивный характер большей части русского именного фонда, выбор нарицательного имени существительного в качестве онима был единичен среди номинаторов и активизировался в первой трети XX в. – в период «обновления именника» в условиях смены исторической парадигмы. В обновленный русскоязычный именной фонд вошли такие единицы, как *Авангард, Воля, Гений, Заря, Титан, Трактор* [2, с. 116]. Для жителей белорусско-российского приграничья такой номинативный выбор не характерен, в то время как для россиян выбор апеллятивного образования видится весьма оригинальным и привлекательным: зафиксированы случаи наречения такими именами, как *Брильянтина, Гладиолус, Изумруд, Компас, Кольт, Коршун, Лексус, Мустанг, Рапсодия, Симфония* и др.

В современной научно-популярной литературе и СМИ все чаще освещаются факты выбора родителями оригинального имени для новорожденного, что демонстрирует формирование новой номинативной тенденции в XXI в. – стремление к номинативной уникальности – наряду со сло-

жившимися тенденциями следования национальной / семейной традиции, религиозным канонам (выбор имени по церковному календарю).

Как отмечают Интернет-источники, в последнее время «тенденция давать своим детям необычные имена достигла небывалых масштабов» [8]. Так, согласно данным В. Максимова – директора московского центра «История фамилии», в российской столице процент «странных» и «оригинальных» имен незначителен, однако среди таких именованья встречаются также имена нарицательные (*Аура, Мерседес, Порей Господин, Принц, Россия, Робинзон* и др.) (См. подробнее www.familii.ru). Случаи «имятворчества» родителей в поисках оригинального имени все чаще фиксируются СМИ. Приведем некоторые из них:

Медмиа – в честь действующего на тот момент президента Российской Федерации Медведева Дмитрия Анатольевича; г. Омск, 2013 г.;

Тагил – новорожденному было присвоено личное имя, представляющее собой топоним; в честь города, в котором родился ребенок; Нижний Тагил Свердловской области, 2013 г.;

Прохлада – выбор апеллятивной единицы для номинации; Нижний Тагил Свердловской области, 2012 г.;

Россия – выбор топонима в качестве антропонима; Нижний Тагил Свердловской области, 2012 г.;

Выборина – вероятно, выбор имени обусловлен политическими событиями – выборы 2007 г. в Хакасии;

Иисус Христос – Житомир, 2002 г.;

Саммит – в честь проходившего Саммита ОБСЕ в Казахстане;

Янукович – в честь кандидата в президенты В.В. Януковича (Закарпатье, 2008 г.) и мн. др.

Белорусы, проживающие на территории приграничных районов, более консервативны в вопросах антропонимной вариативности и номинативной оригинальности. Не выявлен ни один случай использования нарицательного имени существительного для именованья новорожденного со 2-й половины XX – начала XXI в. Стремление к номинативной оригинальности носит субъективный характер. Анализ анкетного материала показывает, что корпус «необычных / оригинальных / уникальных имен» (по мнению родителей) довольно разнообразен, однако качественно-количественный подход при рассмотрении номинативных единиц данной группы позволяет выявить определенные закономерности в формировании перечня необычных / оригинальных имен.

Так, в 1950-х гг. XX в. 9 респондентов, проживающих в приграничном регионе, при выборе имени новорожденному руководствовались критерием «оригинальности / необычности» но-

Таблица

Количество респондентов, руководствующихся мотивом выбора оригинального или необычного личного имени новорожденному в витебском приграничном ареале.

Критерий выбора личного имени новорожденному / Контрольный срез	1950-е гг.		1970-е гг.		1990-е гг.		2009–2015 гг.	
Выбор оригинального / необычного имени	9	7,57%	27	16,4%	23	20,07%	30	17,56%

минативной единицы. Четвертый контрольный срез, охвативший респондентов, которые регистрировали своих новорожденных детей в 2009–2015 гг., свидетельствует о положительной динамике критерия *оригинальности личного имени* в процессе выбора номинативной единицы (табл.):

Показательно, что оригинальность / необычность антропонима характерна только для женского именного репертуара (*Августина, Алёна, Элла, Жанна, Инна, Илона, Кристина, Лилиана, Элла, Эмма, Юлиана* и др.). Не зафиксированы случаи выбора оригинального имени для новорожденных мальчиков, что, вероятно, обусловлено психолингвистическими факторами (теория маскулинности онимов), а также необходимостью образования отчеств от мужских имен собственных, что видится весьма проблематичными при выборе «оригинальных» антропонимов (Ср.: *Трактор – Тракторович (?)*, *Гений – Геньевич (?)*, *Мерседес – Мерседесович(?)*).

Изучение частотности оригинальных личных имен и их количественных показателей констатировало наличие корреляции между понятиями «оригинальность» и «необычность» антропонима и частотностью употребления. Личные имена, отмеченные респондентами как оригинальные, характеризуются низкой или нулевой частотностью употребления в региональной номинативной практике. Это подтверждает теорию А.В. Суперанской о том, что имена, исчезнувшие на некоторое время из антропонимикона, воспринимаются как «новые» и «необычные» (см. подробнее [11]).

Несмотря на возрастание интереса родителей к оригинальным именам к началу XX в., некоторые исследователи (О.Н. Новикова, Ю.С. Степанов и др.) видят в выборе таких имен негативные последствия: «... необычное – этночуждое или креативное – имя втягивает его носителя в отношения «свой» – «чужой», которые являются базовой схемой социального познания и предполагают конфликт ценностей» [13, с. 126]. «Наречение необычным именем, – полагает О.Н. Новикова, – представляется проявлением родительского эгоизма, показателем их власти над человеком, а иногда служит знаком отрицательного отношения к собственному ребенку» [5, с. 430–431]. Схожей точки зрения придержи-

ются исследователи Г. Харари и Дж. Макдэвид, которые считают, что редкие и необычные имена являются не только менее привлекательными для общества, чем частые и «обыкновенные», но и коннотируют негативные стереотипы. Проведя эксперимент с участием преподавателей и детей, ученые пришли к следующему выводу: школьники с «обычными» и широкораспространенными именами получают отметки выше, чем учащиеся с оригинальными именами [1]. Исследователи из Университета Дьюка (штат Северная Каролина, США) и Университетского колледжа Лондона (Великобритания) ввели понятие «playground effect» («эффект игровой площадки»), с помощью которого легко моделируется ситуация, когда ребята с оригинальными именами становятся объектом для «нечадных дразнилок» [2].

Заключение. Таким образом, выбор «необычного» / «оригинального» личного именования можно рассматривать как следствие действия психолингвистических факторов, так как перечень «оригинальных» имен не является константным, что свидетельствует о субъективном восприятии того или иного имени. Список оригинальных имен формируют единицы, характеризующиеся средней и низкой частотностью употребления в регионе (*Жанна, Илона, Лариса, Лилия, Ульяна*), этночуждые имена (*Ариадна, Карина*), а также формы и варианты антропонимов (*Алёна, Владислава, Юлиана*).

Как показал качественный анализ перечня оригинальных имен, необычность личного имени может быть реализована посредством лингвистических средств (на фонетическом или орфографическом уровнях). Респонденты рассматривают формы и варианты онимов как самостоятельные номинативные единицы, обладающие на их взгляд, ярко выраженной выделительной функцией и выступающие средством индивидуализации имяносителя (*Алёна, Лилиана, Юлиана*).

Подводя итог, следует отметить, что номинативный выбор современных родителей в Республике Беларусь сегодня не ограничен нормативными документами (за исключением ст. 69 Кодекса о браке и семье Республики Беларусь, согласно которой «орган, регистрирующий акты гражданского состояния, не вправе отказать в присвоении ребенку выбранного родителями

собственного имени, если только оно не противоречит нормам общественной морали, национальным традициям» [6, с. 41]). В некоторых странах свобода номинативного выбора и креативность в имятворчестве привела к созданию так называемых списков «запрещенных имен». Так, например, в 2001 г. в Новой Зеландии был опубликован перечень запрещенных имен (*names-banned / outlawnames*) и статистическая информация о поданных заявлениях (*Справедливость / Justice* – 62; *King / Король* – 31; *Princess / Принцесса* – 28; *Prince / Принц* – 27; *Duke / Герцог* – 10; *Lucifer / Люцифер* – 5; *Knight / Рыцарь* – 4; *Judge / Судья* – 4 и др.); в Доминиканской Республике в 2009 г. было внесено предложение о запрете именования новорожденных именованиями фруктов и машин; в Германии суд запрещается регистрировать также некоторые онимы (*Schmitz / Смит* – используется в качестве распространенной немецкой фамилии, запрещено использовать в качестве личного имени; *Lord / Лорд* – имеет апеллятивное значение титула; *Stone / Камень* – используется как нарицательное имя существительное и др. [3]. В Объединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии родителями при регистрации новорожденного предлагается лингвистическая экспертиза личного имени, которое планируется использовать при регистрации и записи в свидетельстве о рождении. Специалисты проверяют фонологические и фоносемантические характеристики личного имени (благозвучие неблагозвучие имени на других языках; значение апеллиатива, послужившего основой для возникновения онима) в превентивных целях (во избежание какофонии или негативных коннотаций).

Литература

1. Deluzain, H.E. Names and Behaviour / H.E. Deluzain // Behind the Names : the etymology and history of first names [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.behindthename.com/articles/1.php>. – Date of access : 21.07.2011.
2. Highfield, R. So what shall we call our baby? / R. Highfield // The Telegraph [Electronic resource]. – Mode of access : www.telegraph.co.uk/science/science-news/3309831/So-what-shall-we-call-our-baby.html. – Date of access : 22.07.2011.
3. No, you can't call your baby Lucifer: New Zealand releases list of banned names [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://edition.cnn.com/2013/05/01/world/asia/new-zealand-stange-baby-names/index.html>. – Дата доступа : 11.12.2017.
4. Ивашко, В.А. Как выбирают имена / В.А. Ивашко ; под ред. А.Е. Супруна. – 2-е изд. – Минск : Вышэйшая школа, 1988. – 239 с.
5. Ефремова, Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка / Т.Ф. Ефремова (гл.ред.) : в 2 т. – М. : Русский язык, 2000. – Т. 1. – 1213 с.
6. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 2001 г. : текст Кодекса по состоянию на 15 янв. 2011 г. – Минск : Амалфея, 2011. – 168 с.
7. Новикова, О.Н. Изменение ценностных установок личности как основа динамики национального антропонимикона / О.Н. Новикова // Вест. Башкир. ун-та. – 2009. – Т. 14. – № 2. – С. 429–431.
8. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская ; отв. ред. А.В. Суперанская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1988. – 192 с.
9. Рылов, Ю.А. Имена собственные в европейских языках. Романская и русская антропонимика : курс лекций по международной коммуникации / Ю.А. Рылов. – М. : АСТ : Восток – Запад, 2006. – 311 с.
10. Самые необычные имена, которые россияне дают своим детям [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://rg.ru/2013/12/18/imena-site.html>. – Дата доступа : 06.01.2018.
11. Сафронов, Ю.Н. Общественное мнение и религиозные традиции / Ю.Н. Сафронов. – М. : Мысль, 1970. – 144 с.
12. Системы личных имен у народов мира / В.А. Никонов [и др.] ; под общ.ред. М.В. Крюкова. – М. : Наука, 1989. – 383 с.
13. Суперанская, А.В. Имена отдыхают / А.В. Суперанская // Огонек [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ogoniok.com/4898/15/>. – Дата доступа : 23.11.2010.
14. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М. : Академический проект, 2001. – 990 с.
15. Тарасов, Д.Я. Социально-философский анализ феномена имени в российской культуре : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Д.Я. Тарасов ; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 2007. – 17 с.
16. Флоренский, П.А. Тайна имени / П.А. Флоренский. – М. : Мартин, 2007. – 384 с.

Поступила в редакцию 18.01.2018 г.

УДК 811.161.1

Гора — берег — грива в произведениях писателей: Костромские семасиологические этюды

Ганцовская Н.С., Неганова Г.Д.

Костромской государственный университет, Кострома (Россия)

Н.И. Толстой показал важность решения проблемы исследования славянской географической терминологии на местном материале, благодаря которому выявляется многообразие сем, относящихся к каждой конкретной лексеме. В статье исследуется взаимозависимость семантики ряда гора — берег — грива (названия возвышенного рельефа).

Материал и методы. Материалом статьи послужили лексические единицы гора, берег, грива, извлечённые из произведений писателей, связанных с костромским краем, в сравнении с данными полевых исследований. Основной метод исследования — описательно-аналитический с элементами текстологического, компонентного и лингвогеографического анализа.

Результаты и их обсуждение. При учёте всей важности комплексного использования исторических документов, словарей, полевых записей, как считают авторы статьи, только писателям в наибольшей степени удаётся уловить и донести до реципиента локальные особенности семантики общераспространённых географических терминов. Последние можно назвать словами с географически маркированной спецификой значения, т. е. диалектизмами. В словарях русского литературного языка рассматриваемые термины иллюстрируются текстами художественной литературы, которые подают их в общераспространённых значениях, географически же разнящиеся их семы, а также их взаимозависимость выявляются в основном в текстах писателей, фиксирующих особенности употребления их в определённом костромском регионе, т. е. диалектной среде. Для верификации сделанных наблюдений привлекаются факты полевых исследований костромских говоров и ареальные сопоставления с данными других территорий, извлечённые из словарей и других источников.

Заключение. Славянские ландшафтные термины повсеместного распространения требуют внимательного отношения к их семантике, раскрывающейся в разных контекстах, главным образом писательских, и, несомненно, связанных с географией их употребления, т. е. диалектами.

Ключевые слова: народные географические термины гора — берег — грива, семантика слова, костромские говоры, лингвокраеведческие наблюдения писателей.

(Ученые записки. — 2018. — Том 25. — С. 50–55)

Dialect Words *Gora — Bereg — Griva* in the Works of Writers: Kostroma Semasiological Sketches

Gantsovskaya N.S., Neganova G.D.

Kostroma State University, Kostroma (Russia)

Famous Russian Slavic N.I. Tolstoy showed the importance of solving the problem of Slavic geographical terminology through the use of materials patois. This approach makes it possible to identify the variety of lexical meanings which relate to each particular word. The paper investigates the interdependence of the semantics of a number of geographical terms gora — bereg — griva (name of the sublime relief).

Material and methods. The material for the article is based on lexis gora — bereg — griva, extracted from the works of writers associated with the Kostroma territory in comparison with the field studies data. The main method of analysis is descriptive analytical one, combining the elements of textual, component and linguogeographical analyses.

Findings and discussion. In the opinion of the authors of the article, taking into account all the importance of complex using historical documents, dictionaries, field notes, only the writers are especially able to detect and communicate to the recipient the local peculiarities of semantics of common geographical terms, which may be called as the words with geographically marked specificity of meaning, i.e. dialecticisms. The discussed terms are illustrated by the fiction texts which present them in common meanings, while their geographically different semes as well as their interrelationship are revealed mainly in the texts of the writers fixing the peculiarities of their use in the certain Kostroma region, i.e. in dialect environment. To verify the made observations, the facts of field studies of Kostroma dialects and areal comparison with the data of other territories extracted from dictionaries and other sources are involved.

Conclusion. Slavic landscape common terms require careful consideration to their semantics revealing in different contexts, mainly in writers' ones, and undoubtedly connected with the geography of their usage, i.e. with dialects.

Key words: folk geographical terms gora — bereg — griva, lexical meaning of the word, Kostroma patois, writers' linguoregional observations.

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 25. — P. 50–55)

Основной фронт современных славянских географических терминов отличается в общем единством своего лексического состава при довольно большом многообразии сем, относящихся к каждой конкретной лексеме, – отмечал Н.И. Толстой и далее делал вывод: ...крайне существенно для семасиологии (resp. этимологии) то, что «выявилась повторяемость некоторых семантических цепей (одинаковая последовательность звеньев и в смысловом и даже иногда в лингвогеографическом плане), относящихся к разным лексемам...» [1, с. 242]. В числе таких «связанных» сем Н.И. Толстой называет те, которые относятся к рельефу местности, в их числе 'гора' ↔ 'лес'; 'гора' ↔ 'берег' [там же, с. 244]. Мы добавляем к этому списку слово *грива*.

Наша задача – на материале произведений писателей, где отражены особенности костромского рельефа, рассмотреть семантику географических терминов *гора*, *берег*, *грива* и определить ареальную и этнокультурную специфику этих слов.

Материал и методы. Полагаем, что из числа источников, помогающих раскрыть выбранные нами направления исследования, – полевых записей, документов, словарей, публицистических, научных и художественных произведений – наиболее информативно богатым является последний. Дело в том, что при учёте всей важности комплексного использования перечисленных выше источников, конечно, в первую очередь полевых записей, надо отметить, что эксплораторам не всегда удаётся уловить специфику значения местных терминов и донести их до пользователя (читателя) адекватным образом (то ли под цифрами, буквами, различными знаками, то ли с помощью каких-то словесных разъяснений для определения отдельных значений, оттенков значений или особенностей употребления). И, как кажется, только писатели, владеющие искусством пера и способные зорким глазом наблюдать все сложности и тонкости человеческой жизни, зачастую протекающей на лоне природы, могут уловить и донести до реципиента особенности семантики местных географических терминов. Последние можно назвать словами с географически маркированной спецификой (оттенком) значения, т.е. диалектизмами. Как правило, эту специфику трудно найти в словарях литературного языка, и для многих «образованных» носителей русского языка при чтении художественного произведения они явятся «знакомыми незнакомцами» и впоследствии помогут правильно семантизировать местный географический термин.

Результаты и их обсуждение. Нужно отметить, что и в академических словарях русского литературного языка географические термины большей частью поданы в контекстах, извлечённых из

произведений известных писателей. Пользуясь данными Словаря современного русского литературного языка (БАС) и Словаря русского языка в 4-х томах, известного под именем Малого академического словаря (МАС), укажем, как представлены в нём термины *гора* – *берег* – *грива* с переплетающимися значениями, т.е. имеющими общую сему. Таковой является сема 'возвышенность'.

Гора в МАС по первому своему значению толкуется как «значительная возвышенность, поднимающаяся над окружающей местностью или выделяющаяся среди других возвышенностей», далее в словарной статье приводится словосочетание *Кавказские горы*, типичное для толкуемого слова, затем цитаты из произведений писателей, два других значения также содержат сему 'возвышенность' [2, т. 1, с. 331]. То же мы видим и в БАС. Слово *бе'рег* в этих источниках не содержит семы 'возвышенность' [там же, с. 79]. Слово *гри'ва* в МАС имеет сложную семантическую структуру, и первое и второе значения значительно разнятся по составу сем и по иерархии значений в них этих сем. В одной словарной статье на фоне первого значения слова *гри'ва* – «длинные волосы на шее некоторых животных» (*лошадиная грива*, *львиная грива*), включающего семы (1) 'некая продолговатая и объёмная совокупность' (2) 'отдельных единиц на чём-то удлинённом', второе значение – «продолговатая возвышенность, гряда, поросшая лесом» (без иллюстрации) – воспринимается метафорически, в переносном значении (хотя оно здесь не обозначено пометой) [там же, с. 347]: 'лес на продолговатой возвышенности как бы волосы на шее, затылке' (ср. в соответствующей словарной статье БАС – «о длинных, густых волосах человека» и «продолговатая возвышенность, невысокий горный хребет» [3, т. 3, стб. 398], а также этимологию слова у М. Фасмера [4, т. 1, с. 458]). Далее после двойного прямого слёза в статье приводится оттенок второго значения слова: «Наносная прибрежная гряда, продолговатая отмель» с двумя последующими цитатами из С.Т. Аксакова и П.П. Семёнова-Тян-Шанского [2, т. 1, с. 347]. Характерно, что *гри'ва* во втором значении не имеет словообразовательного гнезда, что даёт дополнительные доводы в пользу того, что географический термин *гри'ва* в отношении семантики вторичен по сравнению со словом *грива*, соматическим понятием.

Теперь обратимся к произведениям писателей, описавших географические реалии костромского края, с тем чтобы на основе их творчества выявить локальные особенности географических терминов *гора* – *берег* – *грива* в аспекте темы «семантика и ареалы».

Предки А.Н. Островского, отец и его братья, дед были родом из Костромы, сам он владел имением Щелыково в Кинешемском уезде Костром-

ской губернии, куда ездил почти ежегодно в течение сорока лет и где умер и похоронен. Писатель оставил нам множество сведений о географических реалиях костромского края. Они заключены в его дневниковых записях, письмах, «Материалах для словаря русского народного языка», которые он составлял всю жизнь и где есть лексика с пометами костр., кинеш., яросл., в его драматургических произведениях. Представим некоторые из них в интересующем нас ракурсе в дискурсе его текстов, который раскрывает своеобразие употребления триады *гора — берег — грива*.

В своих публикациях мы уже обращали внимание на то, с какими значениями слово *гора*, входящее в тысячу самых частых слов, встречающихся в текстах А. Н. Островского (частотность 216, рейтинг 530 [5, с. 656]), употреблялось драматургом. В частности, в статье «Ландшафтная лексика в Частотном словаре языка А. Н. Островского», мы обращали внимание на то, что диалектизм *гора* 'берег' нередко встречается в его художественных произведениях, а также в письмах, путевых заметках и дневниках [6, с. 156–157]; в статье «Частотные словари языка М.Ю. Лермонтова и А.Н. Островского: ландшафтная лексика» сделали акцент на многозначности слова [7, с. 25–26], однако детальный семантический анализ слова в определённом нами здесь аспекте в наши задачи не входил.

1. *Гора* 'значительная возвышенность'. Большею частью лексема с этим значением встречается у А.Н. Островского либо как общеупотребительный географический термин — «значительная возвышенность, выделяющаяся среди окружающей местности или в цепи других возвышенностей» [3, т. 3, стб. 262], либо как родовое слово в составе топонима. Например: «Дорога сначала по берегу моря, потом между громадными деревьями, обвитыми плющом, мягкие очертания гор, панорама азиатских гор на юге, на севере снеговой хребет Кавказа...» [8, т. 10, с. 420]; «...слева Кавказ с снеговыми вершинами, справа снежные Карабахские горы» [там же, с. 413]; «Крымские горы»; «Въезд на гору. <...> Вершина — вид на Ялту и море» [там же, с. 375, 376].

2. *Гора* 'возвышенное место, холм'. Лишь во время редких путешествий на юг России или Европы А.Н. Островский видел настоящие горы. В основном же, как жителю средней полосы России, ему приходилось наблюдать равнинный, местами слегка всхолмлённый, местами низинный ландшафт, типичный и для костромского края.

«Дорога идёт всё лесом да горами», — читаем в дневнике писателя о пути из Костромы в Щелыково. Действительно, лесов и сейчас здесь много, однако «настоящих» гор никогда не было. «Возвышенности эти народ называет горами, потому что не знает настоящих гор», — так писали

специалисты по географии и статистике костромского края в середине XIX в. [9, с. 31]. С географической точки зрения горы, упоминаемые А.Н. Островским, являются холмами: холм — «возвышенность обычно округлой или овальной формы с пологими склонами и иногда слабо выраженным подножием и относит.выс. до 200 м» [10, т. 28, с. 340].

С этим же значением слово *гора* встречается у А.Ф. Писемского и С.В. Максимова, костромских писателей, входящих в близкое окружение А.Н. Островского. Например, в романе «Люди сороковых годов» А.Ф. Писемского — при описании Галича и Галичского озера: «...с высокой горы... текли целые потоки воды, огромное пространство виднеющегося озера почти уже сплошь покрылось синеватою наслюдою» [11, т. 5, с. 99]; «монастырь стоял на обрыве крутой горы, подошва которой уходила в озеро, раскидывающееся от монастыря вёрст на пятнадцать кругом» [там же, с. 143]; в очерке «Грибовник» С.В. Максимова — при указании на месторасположение Парфентьева: «Кругом обступили горы: посад действительно в ложбине» [12, с. 84]; при описании пути от Костромы до посада Парфентьева Кологривского уезда: «Дорога в Парфентьев от губернского города Костромы начинается сразу лесами, которые ещё дают себя знать и чувствовать, как серьёзные лесонасаждения на целых двух сотнях вёрст почтового пути, набегающего сплошь и кряду на высокие и крутые глинистые горы. На первой полусотне вёрст попадаете также древнейший город княжеской постройки и древнего славянского имени — Судиславль. Ещё через 70 вёрст от него, также за лесами и горами, на низменности большого озера под крутой горой, сохраняющей остатки Шемякина дворца и крепости, — древнейший город Галич» [там же, с. 81–82].

3. *Гора* 'возвышенный берег'. В представлении носителей традиционной культуры пространство многомерно и неоднородно, но его компоненты упорядочены. Роль упорядочивающего начала выполняют различные структуры, среди них — линия разделения водного пространства и земной тверди. Для жителей территорий, удалённых от моря, линией разделения водного и земного пространства является берег реки, в частности, для волжан — берег реки Волги. Однако они не употребляли термины левый берег или правый берег. Например, у М.Я. Диева — костромского краеведа начала XIX в., почётного члена Московского общества истории и древностей российских и члена Московского общества любителей российской словесности — в отношении берегов реки Волги применены названия *нагорный берег* (крутой) и *луговая сторона* (пологий): «Вероятно, тогда Деевы Городища на луговой стороне Волги, а Введенское на нагорном берегу отошли в состав

Ярославского наместничества» [13, с. 86]. В словаре В.И. Даля зафиксировано: «*На Волге, гора*, высокий или горный, т. е. правый берег, а левый луговой» [14, т. 1, с. 375].

По нашим данным [6, с. 157], впервые А.Н. Островский употребил слово *гора* со значением ‘берег реки’ в путевых заметках, которые вёл во время экспедиции по Волге в 1856 г.: «Лёгкая двухвесельная глиновка с простонародными пассажирами пристала к берегу, и народ верёвочкой потянулся по горе в село подкрепить себя для дальнейшего пути» [8, т. 10, с. 366]. Впоследствии слово встречается в «волжских» пьесах драматурга. Так, в «Бесприданнице» один из персонажей называет высокий берег Волги *горой* «А вот Василий Данилыч из-под горы идёт» [8, т. 5, с. 70]; «Да под горойшум, эфиопы загалдели» [там же, с. 9]. (Сравним описание декораций первого и третьего действий, в котором указывается местонахождение городского бульвара – высокий берег Волги («Городской бульвар на высоком берегу Волги...» [там же, с. 8]). «*Гора*, ж. Берег» [8, т. 10, с. 470], – толкует А. Н. Островский термин в “Материалах для словаря русского народного языка”. – Ехать горой – значит ехать сухим путём. – *Ты как ехал, горой али водой? (Волга)*» [там же, с. 470]. Гора – это берег возвышенный, незатопляемый, нагорный берег. Данный термин встречается в эпилоге драматической хроники «Козьма Захарыч Минин, Сухорук»: «Я слышал, что по нашей стороне, / Нагорным берегом пойдут по Волге, / На Балахну, на Юрьеvec, на Решму» [там же, с. 470].

Как видим, диалектизм *гора* и общеупотребительное слово *берег* используются как синонимы. Если принять во внимание бытование в древнерусском языке со значением ‘гора’ слова *берегъ* [15, т. 1, стб. 69] (с этим же значением слово представлено в этимологических словарях А.Г. Преображенского, М. Фасмера, П.Я. Черных), то можно предположить, что здесь наблюдаются результаты «достаточно закономерного и довольно широко в славянском мире распространённого явления», на которое обратил внимание Н.И. Толстой, – «явления (принципа) сосуществования синонимов на основе приобретения одними из них дополнительного семантического признака и исчезновения при этом полной однозначности» [16, с. 362].

Народный географический термин *гора* ‘берег’ фиксируется и в современных русских народных говорах [17, вып. 7, с. 16]. В говорах Мантуровского, Островского, Кадынского, Шарьинского районов Костромской области он употребляется со значением «берег реки, озера» [18, с. 87].

В говоре села Домнина (прежде Буйский уезд, ныне территория Сусанинского района), судя по записям священника из этого села А.Д. Домнин-

ского, опубликованным в «Русском архиве» в 1871 г., слово *гора* бытовало со значением ‘берег болота’. В частности, термин употреблён при описании Исуповского (Сусанинского) болота и событий, связанных с гибелью Ивана Сусанина: «Болото сие во всём своём обширном объёме окружено... высокими горами, и сии горы все почти заселены многочисленными селеньями...»; «Нашли же однако тропу, обрадовались в надежде найти там приют и отдохновение, пробираясь через пни и корни и беспрестанно погружаясь в грязь ещё не совсем замёрзшую, как обрадовались было они, увидя под горою обширную поляну; с радостью и стремительно бросились к ней, но попали в грязь, и в грязь необыкновенную и обширную» [19, стб. 21]. Сравним у Н.И. Толстого: в большинстве полесских говоров «более сухая, твёрдая почва вокруг болота называется *бе’реуом* и *кра’jem*» [1, с. 90].

В БАС при толковании слова *берег* приводится оттенок значения «край оврага, ущелья и т. п.» [3, т. 1, стб. 394]. Судя по репертуару местных ландшафтных терминов, которые встречаются в очерках С.В. Максимова, уроженца посада Парфентьева Кологривского уезда Костромской губернии, в северных костромских говорах как название края, верха оврага бытовало другое слово – *гора* (ср.: у В.А. Никонова одно из толкований термина – «древнее значение “верх”» [20, с. 106]). В частности, писатель-этнограф использует его в очерке «Пастух»: «Тишина в овраге была невозмутимая. <...> ...Слышалось только журчание воды, стекавшей вниз и пробившейся между спутными кучками камней, да с горы пронеслось неприятное и страшное в лесу мычание коровы» [12, с. 100]; «Я поднялся с ним на гору. Пастух начал сгонять коров, оставляя лошадей и овец на ночлег, вероятно и сам предполагая остаться здесь же, чему неопровергаемым доказательством служил шалаш, сделанный из осиновых и берёзовых сучьев и примкнувший к оврагу» [там же, с. 118].

Слово *гора*, как отмечал В.А. Никонов, является основой «многих сотен славянских топонимов с производными Горный (-ая, -ое), Горка, Горки» [20, с. 106]. В XIX в. среди селений Костромской губернии было 7 с наименованием *Гора*, 18 – с наименованием *Горка*, 32 – *Горки* [21, с. 416]. Кроме того, комонимы *Девкина Гора*, *Крутая Гора*, *Горка Большая* и *Горка Малая*, *Горки Большие* и *Горки Малые*, *Горки Марьины* [там же, с. 418, 430, 416].

Как и комонимы, в народной речи продуктивны, но во много раз более частотны микропонимы с названием *горка* (с уменьшительным суффиксом -к-), которые дают ценностную характеристику объекта и показывают, что диалектоносители прекрасно осознают его место и роль

в топонимическом пространстве. В составе словосочетания с прилагательным с уничижительной семантикой (*Вишняя горка* (около Судиславля), *Сопливая горка*), с одной стороны, подчёркиваются малые размеры горки как возвышенности ('холмик'), с другой – значимость его для языкового коллектива в пределах узкого топонимического пространства. Такие энантиосемические свойства словосочетания *Сопливая горка* обнаруживаются в следующем контексте В.Я. Шишкова, где микротопоним встаёт в ряд этнодиалектных признаков края. В очерке «Деревня Овсянкина» писатель рассказывает о микротопониме, Сопливой горке, около села Павловского Буйского уезда, который местный житель насмешливо назвал сопкой:

« – Вот там, за рекой, есть сопка. Она называется Сопливая горка. Знаете почему? – спрашивает меня хозяин.

– Почему?

– А из села Павловского, вёрст пятнадцать отсюда, идут с первой недели Великого поста в Питер или в другие местности плотники, как раз мимо нашей деревни. Бабы провожают их. На горке прощаются. Бабы такие слёзы распускают, страсть. Вот горка и названа Сопливой. Очень любопытно смотреть со стороны, как они там воют да с мужьями лижутся. Вот уж совсем простились, пошли. “Да стой, да подожди-ка, что скажу!” И опять. Нацеловались на весь год, пошли. “Эй, Максим, соколик... Остановись-ка, слышь!...” – бежит какая-нибудь Агаха. Уж они шепчутся-шепчутся лоб в лоб, когда-то, когда-то, когда-то разойдутся. А к Петрову дню, в конце июня, снова встречаются на этой самой горке» [23, с. 539]. Из рассказа ясно, что речь идёт о квазигоре и квазисопке, просто небольшой возвышенности, но ситуативно значимой только для жителей одной деревни.

Обратимся к последнему члену рассматриваемой триады *гора – берег – грива*. Сразу же отметим, что топонимов, образованных от апеллятива *грива*, в лексическом значении которого также определяется семема 'возвышенное место', в костромском крае немного. Согласно имеющимся в нашем распоряжении материалам, их насчитывается лишь четыре, и все они зафиксированы на северных территориях костромского края: село *Грива* (Дмитрий что на Гриве) при р. Ноле [9, с. 323], деревня *Кологривка* при р. Ветлуге [там же, с. 91], крепость *Окологривье* на правом берегу Унжи, основанная в XVI в. [22, с. 118], и город *Кологрив* на левом берегу Унжи.

В.А. Никонов даёт следующую характеристику топониму Кологрив (центр Кологривского района): «Кологрив... Старинное рус. назв. – “около гривы”. Грива – поросшая лесом узкая возвышенность [20, с. 199]. Вместе с тем имеются и не-

сколько иные объяснения исходной семантики географического термина. Так, во втором томе справочного издания «Городские поселения в Российской Империи» читаем о Кологриве: «Вероятно, город этот получил название своё оттого, что жители тех мест называют всякое возвышенное место, не заливаемое весеннею водою, “гривою”; около таких мест выстроился и город» [24, с. 560]. Д.Ф. Белоруков, автор исторического справочника «Деревни, села и города Костромского края: материалы для истории», высказывает своё предположение относительно названия крепости Окологривье: «Когда на правом берегу Унжи построили деревянную крепость, её называли Окологривье, т. е. находящейся у высокого грёбня, между оврагами» [22, с. 118]

Слово *грива* полисемично, в СРНГ представлены 19 его толкований, в том числе 15 как географического термина, связанного с рельефом как положительным, так и отрицательным [17, вып. 7, с. 143]. В речи жителей некоторых районов Костромской области зафиксированы значения 'участок леса, растущий особняком' (Костромской район); 'вытянутый лесной участок, чаще всего находящийся на границе смежных земельных, сенокосных, пастбищных участков' (Антроповский); 'большая полоса леса в поле' (Островский); 'возвышенный луг' (Вохомский); 'возвышение в лугах, которое остаётся незатопленным вешней водой' (Вохомский); 'возвышенность на сенокосных угодьях' (Вохомский, Костромской); 'неширокое и недлинное извилистое возвышение' (Костромской); 'длинный узкий мыс' (Солигаличский) [25, с. 177].

Слово *грива* встречается в очерке «Под Костромой» В.Я. Шишкова, написанном в 1924 г. во время поездки писателя в Костромской и Буйский уезды Костромской губернии: «На песчаной, намытой гриве – деревня» [23, с. 500]. В этой безлесной приволжской местности – предположительно вблизи села Яковлевского – лексема номинирует песчаную возвышенность, намытую рекой, между двумя небольшими водными бассейнами в виде озёрков, достаточно большую, чтобы на ней разместилась деревня. Дальнейший контекст это разъясняет.

Однако в основном в костромских говорах лексема *грива* употребляется для номинации покрытой лесом возвышенности (Антроповский, Буйский, Вохомский, Галичский, Кадыйский, Кологривский, Костромской, Красносельский, Макарьевский, Мантуровский, Нейский, Павинский, Парфеньевский, Поназыревский, Шарьинский районы) [18, с. 91–92]. Именно с этим значением костромской диалектизм встречается в текстах писателей, связанных с костромским краем. Так, С. В. Максимов в описании местоположения Кологрива замечает, что город «...получил

и своё имя от того, что лежит коло грив, или около двух грив лесных, т. е. сплошных полос: одна идёт в Вологодскую губернию и исчезает вместе с архангельскими лесами на тундре, другая соединена с лесами вятскими и пермскими, а стало быть, и с сибирскими, то есть не имеет конца» [12, с. 92]. «Коло – кологрив. Грива, ж. Лес; оттого и город: Кологрив», – объясняет А.Н. Островский. Это слово, как и термин *гривы лесные*, на Северной Волге обозначающий «высокие леса, растущие полосами» [8, т. 10, с. 471], драматург включил в «Материалы для словаря русского народного языка» (см. об этом в статье Г.Д. Негановой о ландшафтной лексике в языке А.Н. Островского [25, с. 176–177]).

Заключение. А.Н. Островский и другие писатели подметили существование определённых особенностей в восприятии и номинации элементов костромского ландшафта в пространстве бассейна реки Волги и тем самым расширили наше представление об особенностях русского культурного ландшафта.

Славянские ландшафтные термины древнейшего происхождения и повсеместного употребления как в говорах, так и в русском литературном языке требуют внимательного отношения к их семантике, раскрывающейся в разных контекстах и, несомненно, связанных с географией их употребления. Именно полнокровные и обстоятельные контексты, которые желательны при полевых экспедициях, но которые мы не всегда имеем, как и не всегда ставим задачи исследования общераспространённых географических терминов, и лингвокраеведческие наблюдения мастеров художественного слова и бытописателей позволяют выявить тонкости семантики географических терминов и точно определить этнокультурные характеристики края.

Литература

- Толстой, Н.И. Славянская географическая терминология (семасиологические этюды) / Н.И. Толстой. – М.: Наука, 1969. – 264 с.
- Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984.
- Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР: Наука, 1948–1965.
- Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / Макс Фасмер; пер. и доп. О.Н. Трубачёва. – 4-е изд., стереотип. – М.: Астрель – АСТ, 2004.
- Частотный словарь языка А.Н. Островского / под ред. Н.С. Ганцовской; сост. И.П. Верба, Г.Д. Неганова и др. // А. Н. Островский. Энциклопедия / гл. ред. и сост. И.А. Овчинина. – Кострома: Костромаиздат; Шуя: Изд-во ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2012. – С. 530–658.
- Ганцовская, Н.С. Ландшафтная лексика в Частотном словаре языка А. Н. Островского / Н.С. Ганцовская, Г.Д. Неганова // Щельковские чтения 2012. А. Н. Островский и его эпоха: сб. ст. / науч. ред., сост. И.А. Едошина. – Кострома: Авантитул, 2012. – С. 155–159.
- Ганцовская, Н.С. Частотные словари языка М.Ю. Лермонтова и А.Н. Островского: ландшафтная лексика / Н.С. Ганцовская, Г.Д. Неганова // Проблемы анализа художественного текста: к 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова: материалы междунар. науч. конф., 3–5 июня 2017 г., г. Петрозаводск. – М.; Петрозаводск: ПетрГУ, 2014. – С. 24–27.
- Островский, А. Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. / А.Н. Островский; под общ.ред. Г.И. Владыкина, И.В. Ильинского, В.Я. Лакшина и др. – М.: Искусство, 1973–1980.
- Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Костромская губерния / сост. Я. Крживоблоцкий. – СПб.: Тип. И. Тиблена и К°, 1861. – 638 с.
- Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1970–1978.
- Писемский, А.Ф. Собрание сочинений: в 5 т. / А.Ф. Писемский. – М.: Художественная литература, 1982–1984.
- Максимов, С.В. Избранное / С.В. Максимов; подготовка текста, сост., вступ. ст., примеч. С.И. Плеханова. – М.: Советская Россия, 1981. – 560 с.
- Диев, М.Я. Г. Нерехта в XVIII и в первой четверти XIX века / М.Я. Диев // Труды Костромского научного общества. Вып. 13. – Кострома: Советская типография, 1920. – С. 65–113.
- Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. – СПб.; М.: Изд. М.О. Вольфа, 1880–1882.
- Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. / И.И. Срезневский. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1893–1912.
- Толстой, Н.И. О славянских названиях деревьев: *сосна – хвоя – бор* // Н.И. Толстой. Избранные труды. Т. 1. Славянская лексикология и семасиология. – М.: Языки славянской культуры, 1997. – С. 357–371.
- Словарь русских народных говоров. – Л.; СПб.: Наука, 1965.
- Живое костромское слово. Краткий костромской областной словарь / сост. Н.С. Ганцовская, Г.И. Маширова; отв. ред. Н.С. Ганцовская. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006. – 347 с.
- Домнинский, А.Д. Правда о Сусанине (свод местных преданий) / А. Домнинский // Русский архив. – 1871. – № 2. – Стб. 19–21.
- Никонов, В.А. Краткий топонимический словарь / В.А. Никонов. – М.: Мысль, 1966. – 509 с.
- Костромская губерния. Список населённых мест по сведениям 1870–72 годов. – СПб.: Центральный статистический комитет МВД, 1877. – 465 с.
- Белоруков, Д.Ф. Деревни, сёла и города Костромского края: материалы для истории / Д.Ф. Белоруков. – Кострома: Костромской общественный фонд культуры: Костромской региональный центр новых информационных технологий «Эврика-М», 2000. – 536 с.
- Шишков, В.Я. Приволжский край / В.Я. Шишков // Костромская земля: краеведческий альманах. Вып. 6. – Кострома: [Промдизайн], 2007. – С. 498–572. – (Приложение к серии «Костромская библиотека»).
- Городские поселения в Российской Империи: в 5 т. Т. 2. – СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1861. – 588, [2] с.
- Неганова, Г.Д. Ландшафтная лексика в Частотном словаре А. Н. Островского // Современная русская лексикография: сб. ст. / отв. ред. С. А. Мызников, О. Н. Крылова. – СПб.: Наука, 2010. – С. 174–180.

Поступила в редакцию 18.01.2018 г.

УДК 81'373.211.1

Современная ойконимия витебского пограничья как объект лингвокультурологического изучения

Генкин В.М.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Лимология, или наука о пограничье, относится к числу приоритетных направлений современных исследований. В ее русле работают представители многих научных дисциплин. Особый интерес представляет пограничье как объект лингвокультурологического и, в частности, топонимического изучения.

Целью данной статьи является комплексное рассмотрение ойконимии витебского пограничья, которое представлено тремя разнородными линиями.

Материал и методы. Основным материалом исследования послужили названия населенных пунктов, расположенных на приграничных территориях. Используя различные методы анализа материала (описательный, сравнительно-сопоставительный, этимологический и др.), автор выявляет специфические черты пограничных ойконимов.

Результаты и их обсуждение. Обосновано выделение трех лингвокультурных и топонимных границ, находящихся на территории современной Витебской области: 1) восточной и юго-восточной границы, отделяющей регион от сопредельных областей Российской Федерации; 2) северо-западной, примыкающей к государственной границе Республики Беларусь с Литвой и Латвией; 3) внутренней, делящей Витебщину на две части по конфессиональному, диалектному и топонимическому признакам. Охарактеризованы особенности каждой границы, выявлены отдельные черты взаимодействия и взаимовлияния культур и языков на пограничных территориях. Установлено, что топонимная и лингвокультурная граница не представляет собой четкой линии, а является некой «буферной» территорией.

Заключение. Изучение топонимии пограничья дает возможность выявить тенденции взаимодействия языков и культур, отразившиеся в данном пласте имен собственных. Наиболее яркими особенностями обладают приграничные территории, разделяющие неблизкородственные народности и языки. Близость культур и языков соседних народов делает понятие границы условным.

Ключевые слова: Витебщина, лимология, ойконимия, топонимия, топонимное и лингвокультурное пограничье, этнотопонимы.

(Ученые записки. — 2018. — Том 25. — С. 56–61)

Modern Oikonimiya of Vitebsk Borderland as the Object of the Linguistic Culture Study

Henkin V.M.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. University", Vitebsk

Limology, or the science of the borderland, is one of the priority areas of modern research. The representatives of many scientific disciplines work in this scientific area. The borderland as the object of linguocultural and, in particular, toponymic study is of a particular interest.

The objective of this article is a comprehensive study of the oikonymy of the Vitebsk borderland represented by three heterogeneous lines.

Material and methods. The main material of the study consists of the names of the settlements located on the border territories. Using various methods of material analysis (descriptive, comparative, etymological, etc.), the author reveals the specific features of borderline oikonims.

Findings and their discussion. The selection of three linguistic and toponymic boundaries located on the territory of the modern Vitebsk region is substantiated: 1) the eastern and south-eastern border separating the region from the adjacent regions of the Russian Federation; 2) north-west, adjacent to the state border of the Republic of Belarus with Lithuania and Latvia; 3) internal, dividing Vitebsk region into two parts according to confessional, dialectal and toponymic features. The characteristics of each borderline are described, certain features of interaction and interference of cultures and languages in border areas are revealed. It is established that the toponym and linguocultural border does not represent a clear line, but is a kind of "buffer" territory.

Conclusion. The study of the toponymy of the borderland makes it possible to identify trends in the interaction of languages and cultures, reflected in this layer of proper names. The most striking features are the border areas that separate non-slavic peoples and languages. The proximity of cultures and languages of neighboring peoples makes the concept of the boundary conditional.

Keywords: Vitebsk region, limology, oikonymy, toponymy, toponym and lingvocultural borderland, ethnotoponyms.

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 25. – P. 56–61)

Научный интерес к проблематике пограничья очевиден и вполне закономерен. Границы (государственные, исторические, этнические, региональные и др.) формируют возле себя особое пространство, в котором смешиваются и взаимодействуют разные (хозяйственные, культурные, языковые) традиции, где совмещены особенности двух и более стран (регионов), что, естественно, привлекает к себе внимание исследователей, работающих в различных научных областях. Уже в конце XIX века начинает формироваться особая научная дисциплина – *лимология* (от греч. *limes* – граница и *logos* – учение), которая сегодня превратилась в «междисциплинарную область знания, развиваемую политологами, социологами, этнологами, психологами, антропологами, юристами, экономистами, физиками, географами и даже специалистами по техническим наукам» [1].

Лингвистический, и в частности ономастический, аспект исследования приграничья также представляет собой одно из приоритетных направлений соответствующей дисциплины. Нужно отметить, что в последние десятилетия знания в этой области значительно расширились и начали приобретать системный характер, хотя ономастические работы, выполненные в русле лимологии, в большинстве своем имеют региональный характер (что, впрочем, естественным образом вытекает из логики данной науки).

Переходя непосредственно к характеристике витебского пограничья, отметим, что оно особенно активно изучается представителями витебской и смоленской ономастических школ. Результаты исследований регулярно обсуждаются на научных форумах, например таких, как Международный методический семинар «Витебщина и Смоленщина в языковых и культурных контактах: история и современное состояние» (Смоленск, 1 декабря 2011 г.), Международная научно-практическая конференция «Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы» (Смоленск 17 – 18 марта 2015 г.), Международная научно-практическая конференция «Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования» (Витебск, 18 – 19 февраля 2016 г.) и др. Только за последние пять лет появилось несколько научных изданий, где одну из центральных позиций занимают работы, посвященные ономастике пограничья, среди которых выделим материалы вышеуказанных конференций [2] и коллективную монографию «Смоленщина и Витебщина

в языковых и культурных контактах: история и современное состояние» [3]. Структурно-семантический аспект топонимии смоленско-витебского приграничья стал предметом диссертационного исследования О.С. Евсеевой, защищенного в 2015 году [4].

При всем этом говорить о достаточной степени изученности топонимикона витебского пограничья еще преждевременно. Как видим, акцент в изучении пока делается в основном на восточной и юго-восточной части границы Витебщины с соседним (смоленским) регионом, где взаимодействуют белорусская и русская языковые стихии. Значительно меньше изучена в топонимическом отношении территория границы области с прибалтийскими государствами – Латвией и Литвой. Нуждается в более пристальном исследовательском внимании и витебско-псковское пограничье.

Кроме того, практически все имеющиеся работы как раз и ограничиваются описанием имен собственных одной части витебского пограничья. Исходя из такой ситуации, мы поставили **цель**, во-первых, провести **комплексный** анализ приграничной ойконимии; во-вторых, включить в предмет исследования и названия населенных пунктов, которые располагаются на землях **исторического пограничья**. Как известно, территория современной Витебской области, представляющей сегодня один из шести регионов Республики Беларусь, в разные эпохи входила в состав различных государств (Великого Княжества Литовского, Речи Посполитой, Российской империи, Советского Союза), причем далеко не всегда в своей полной или относительно полной форме. В качестве примера достаточно привести изменение государственной границы, произошедшее в 1939 году и объединившее юго-восток области, на тот момент являвшийся советским, и северо-запад, бывший частью Польши. Эта историческая граница до сих пор актуальна как линия, разделяющая две относительно разные в лингвокультурном отношении территории. Их различают несколько важных культурных и языковых факторов: доминирование одной из двух христианских конфессий (православия или католицизма), особенности диалекта, специфика антропонимикона и топонимикона.

Материал и методы. В качестве основного материала исследования выступают названия населенных пунктов современной Витебской области, расположенных в непосредственной бли-

зости от белорусско-литовской, белорусско-латвийской и белорусско-русской границ, а также населенных пунктов, находящихся на территории исторического пограничья. С целью выявления специфики приграничной ойконимии для сравнительного анализа привлекались другие топонимы и астионимы Витебщины, а также названия приграничных поселений сопредельных государств. Заявленная выше цель и специфика материала обусловили выбор используемых методов и приемов исследования, в числе которых необходимо отметить описательный, сравнительно-сопоставительный, этимологический методы и метод структурного анализа. Сравнительно-сопоставительный метод продиктовал также необходимость периодического обращения к количественным подсчетам.

Результаты и их обсуждение. Для успешного решения обозначенных задач нам, в первую очередь, необходимо было конкретизировать понятие «пограничье», которое, как известно, сегодня широко используется представителями разных дисциплин, но при этом имеет далеко не всегда тождественное содержание и/или одинаковый объем. Не ставя цели давать подробный обзор взглядов на проблему определения пограничья как объекта исследования, выделим две основополагающие, на наш взгляд, позиции, на которые часто указывают авторы работ, посвященных данной проблематике. Во-первых, *пограничье*, понимаемое в лингвокультурном смысле, предполагает нахождение территории вблизи границы, разделяющей носителей разных, хотя и, возможно, относительно близких культур и языков (диалектов). Во-вторых, представители этнокультурных групп должны активно взаимодействовать, а результаты такого взаимодействия – закрепиться в их языке и культурных традициях. При таком подходе все рассматриваемые нами границы (современные государственные и внутренняя историческая) будут соответствовать требованиям данного исследования.

Мы полагаем, что наряду с термином «административно-территориальная граница» целесообразно использовать понятие «топонимическая и лингвокультурная граница», которая может либо приблизительно соотноситься с официальной, либо вовсе не совпадать с ней. В большинстве случаев топонимическую границу вообще нельзя нанести на карту в виде четкой линии, так как национальные или региональные топонимические системы не завершаются резко и зримо, а образуют «буферные» зоны, в которых наиболее активно смешиваются разнородные элементы. Последнее обстоятельство, во-первых, как раз и обуславливает феномен ономастического пограничья; во-вторых, отражает идею полевой структуры топонимической системы.

Таким образом, можно выделить три топонимические границы, каждая из которых, как можно предположить, будет иметь свои особенности.

1. Восточная и северо-восточная топонимическая граница, которая сегодня разделяет территорию Республики Беларусь и Российской Федерации. Это самая протяженная пограничная линия на карте Витебской области. Непосредственно на востоке Витебская область тремя своими районами (Витебским, Дубровенским, Лёзненским) граничит со Смоленской (Велижским, Краснинским и Руднянским районами). Северо-восточная часть – это граница с Псковской областью Российской Федерации. Ее формируют со стороны Витебщины территории Верхнедвинского, Витебского, Городокского, Полоцкого и Россонского районов, со стороны Псковщины, соответственно, Невельского, Себежского и Усвятского.

2. Западная и северо-западная граница, отделяющая Беларусь от Литвы и Латвии. На границе с Латвией, примыкающей к Беларуси одной из своих исторических областей – Латгалией, находятся земли, относящиеся к Браславскому, Мёрскому (незначительный отрезок) и Верхнедвинскому районам. На границе с Литвой расположены Браславский и Поставский районы.

3. Историческая граница, которая, если рассматривать современную территорию Витебской области, по сути, является внутренней и делает приграничными практически половину районов.

Как видим, современная Витебщина, совмещающая в себе линии трех границ, представляет уникальный регион для лингвокультурологического исследования. Охарактеризуем подробнее каждую из этих трех границ и их приграничных территорий.

Первая, состоящая из двух частей (восточной и северо-восточной) топонимическая граница представляет собой территорию, на которой белорусская топонимическая система начинает плавно переходить в русскую. В лингвокультурном плане отрезок границы со Смоленщиной и Псковщиной в значительной степени условен, так как исторически не разделяет четко два народа, а, скорее, обозначает территорию, на которой их представители проживали совместно. Согласно картам, которые были составлены Е. Ф. Карским, М. В. Довнар-Запольским и членами московской Диалектологической комиссии, **в отдельных уездах Смоленщины, особенно Рославльском и Краснинском, белорусы составляли практически половину (а где-то и большую часть) населения.** Смоленские говоры, особенно это касается их западной части, весьма насыщены белорусизмами.

Энциклопедическое издание «Смоленская область» свидетельствует о том, что «современная конфигурация западного отрезка границы Смоленской области окончательно сформировалась в 1922-1929 гг. В этот период произошло национальное размежевание русских и белорусов

в зоне совместного проживания на указанной территории» [5]. **Часть территории Витебщины вошла в состав Смоленской губернии в 1919 году, когда последней «из Витебской губернии были переданы волости Руднянская, Микулинская, Любавичская, Хлыстовская» [5].** Естественно, что к данному времени топонимическая система была уже сформирована, а произошедшие в ней более поздние изменения имеют частный характер.

Созданная в 1772 году по Указу Екатерины II Псковская губерния первоначально включала в себя 5 провинций: Великолукскую, Двинскую (центр – г. Динабург, ныне Даугавпилс, Латвия), Псковскую, Витебскую и Полоцкую. Две последние представляют собой исторически белорусские территории. Декретом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 24 марта 1924 года в состав Псковской губернии были включены бывшие уезды Витебской: Велижский (включая современные Усвяты), Невельский и Себежский, то есть псковское пограничье де-факто является прямым продолжением белорусской топонимической системы. Анализ исторических фактов приводит к выводу о том, что реальная топонимическая граница, понимаемая в лингвокультурном аспекте, значительно сдвигается в сторону современной Псковщины, удаляясь от государственной и межрегиональной.

Анализируя ойконимию белорусско-российского пограничья, нужно принимать во внимание и тот важнейший факт, что по историческим и иным причинам лингвокультурного характера сами топонимические системы соседних регионов имеют много общих черт, выявляемых на разных уровнях: структурно-грамматическом, семантическом, этимологическом.

Проведенные нами исследования (об их результатах неоднократно докладывалось на указанных во введении форумах) позволяют утверждать, что в ойконимии Витебщины и Смоленщины используется практически одинаковый набор словообразовательных типов, моделей и ойконимных формантов. Обнаруженные отличия связаны в основном с продуктивностью тех или иных моделей и, как следствие, распространенностью тех или иных типов названий.

Для всех восточнославянских территорий характерно значительное число ойконимов, образованных посредством прибавления посессивных в своей основной функции формантов *-ово*, *-ево*, *-ёво*. В современной Смоленской области более 20% названий населенных пунктов оформлены этими топонимическими суффиксами (*Абрамово*, *Агафоново*, *Андреево*, *Блиново*, *Голочево*, *Гончарово*, *Дроздово* и т. п.), тогда как в Витебской – 15,36% (*Абрамово*, *Андреево*, *Антуново*, *Бычково*, *Волково*, *Обухово*, *Ольгово*

и др.). Попутно обратим внимание на повторяемость здесь и далее отдельных названий, приводимых в качестве примеров. Показательно, что в приграничных со Смоленщиной районах количество ойконимов данного типа значительно выше среднеобластного уровня: в Витебском районе чуть более 20%, Дубровенском – 15,87%, Лёзенском – 29,45%. В русской и белорусской ойконимии распространен (однако не в одинаковой степени) еще один посессивный формант – *-ино*, *-ыно*. Сегодня на Смоленщине 14,13% названий населенных пунктов (вторая позиция по продуктивности) образовано при его участии: *Алексино*, *Батурино*, *Болдино*, *Васькино*, *Ильюшкино*, *Клемятино*, *Капустино*, *Кобылкино*, *Кузино*, *Софьино* и др. В Витебской области доля таких названий составляет 5,39 % (третья по продуктивности словообразовательная модель): *Бородино*, *Васькино*, *Гурино*, *Зюзино*, *Капустино*, *Мазурино* и т. д. Вторую же позицию на Витебщине занимает группа названий с формантом *-щина* и его производными: *Абрамовщина*, *Альбиновщина*, *Боярщина*, *Гаспаровщина*, *Григоровщина*, *Козловщина*, *Осиповщина* и др. На Смоленщине сохранилось всего 29 населенных пунктов (1,5 % от общего числа), содержащих в названии этот топонимический суффикс: *Агеевщина*, *Богдановщина*, *Боярщина*, *Монастырщина*, *Ситовщина* и т. д. Более чем в два с половиной раза отличаются процентные показатели ойконимов, оформленных при помощи топонимических суффиксов *-ичи* (*-овичи*, *-евичи*): 4,24 % для Витебской области (*Алексиничи*, *Амбросовичи*, *Бездедовичи*, *Захарничи*, *Карповичи*, *Ковалевичи* и многие др.) и 1,6 % для Смоленской (*Астапковичи*, *Бобровичи*, *Василевичи*, *Волоковичи* и др.). По мнению В.А. Никонова, восточная часть славянского населения, у которой названия на *-ичи*/*-ычи*, *-овічы*, *-евічы* были особенно продуктивными, стала позднее «основой белорусской народности» [6]. Продолжая эту мысль, отметим, что вообще названия в форме множественного числа, которые более свойственны белорусской ойконимии, на территории сопредельных регионов постепенно сокращаются в количественном отношении и, соответственно, имеют меньшее разнообразие мотивирующих основ: если даже по востоку Беларуси доля таких ойконимов составляет приблизительно 45 %, то, например, на Смоленщине насчитывается только 17,55 % подобных названий.

Переходя к анализу формантных особенностей названий населенных пунктов белорусско-литовского и белорусско-латвийского пограничья сразу отметим, что общая топонимическая «картина» становится более яркой и контрастной, так как здесь сталкиваются и переплетаются культуры и языки, имеющие значительно бо́льшую степень отличия. Особую активность

проявляют топонимные суффиксы, заимствованные из балтийских языков. Один из них, формант *-ишки* (*-ышки*), является самым продуктивным заимствованным словообразовательным элементом, закрепившимся в витебской ойконимии, и занимает седьмую позицию по этому показателю. Сегодня он встречается в названиях 158-и населенных пунктов (и это при значительном сокращении общего числа ойконимов, включая названия этого типа), из которых 116 (73,42%) расположены на территории Браславского района, граничащего сразу с двумя прибалтийскими государствами (Литвой и Латвией), 36 – на территории Поставского района (граничит с Литвой). Оставшиеся шесть ойконимов разбросаны по другим районам области. Следует отметить и разнообразие ойконимообразующих основ, к которым присоединяется данный формант. Среди них однозначно преобладают антропонимные основы, причем как белорусские, так и заимствованные. На белорусских и российских приграничных территориях рассматриваемый формант встречается единично: в Смоленской области при его помощи оформлены только три названия. Во многом аналогична ситуация с адаптированными, «ославянненными» суффиксами *-яны*, *-яты* и некоторыми другими.

Формантный анализ оказался эффективным и при установлении третьей, внутренней, границы, делящей территорию области на два топонимных региона: северо-западный и юго-восточный. Если юго-восток выглядит в топонимном отношении вполне восточнославянским, то северо-запад «инкрустирован» балтизмами и полонизмами, причем в отдельных районах весьма насыщенно.

Отдавая себе отчет в том, что сам по себе формантный анализ напрямую не направлен на выявление лингвокультурных, ментальных и иных особенностей номинатора, мы, тем не менее, полагаем целесообразным использовать его результаты для последующих выводов. Как известно, характер форманта во многом предопределяет специфику основ, к которым он присоединяется. Несложно заметить, что на сопредельных территориях преобладают форманты, которые чаще всего присоединяются к основам антропонимного характера либо смежным с ними по семантике. Топонимный антропоцентризм, доминирующий в современной ойконимии, возник на позднем этапе ее формирования и почти в равной степени свойствен всем анализируемым территориям. Но характер антропонимных основ, вошедших в ойконимию, в каждом случае имеет свои особенности.

На территории белорусско-литовского и белорусско-латвийского пограничья достаточно широко представлены ойконимы, восходящие, соответственно, к балтийским именам, прозвищам и другим лексемам, указывающим на человека

и пришедшим в ойконимию через посредство антропонимии. Проиллюстрируем несколькими примерами названий населенных пунктов, расположенных в Браславском районе. Данный район наиболее интересен в топонимическом и лингвокультурологическом отношении. Созданный 15 января 1940 года, он, во-первых, значительно выделяется среди остальных количеством населенных пунктов. На момент подготовки к печати нормативного справочника «Назвы населенных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Віцебская вобласць» [7] на территории Браславского района числилось 699 поселений при среднеобластном показателе 310. Во-вторых, ойконимия Браславщины, в том числе и в силу количественных показателей, отличается разнообразием основ и формантов. В-третьих, здесь особенно ярко проявляется приграничное положение территории.

Название населенного пункта *Берженішкі* восходит к балтскому корню *bērz*, *beržas* – ‘береза’. Отнесение данного ойконима к числу отантропонимных обусловлено двумя факторами: во-первых, характером форманта; во-вторых, наличием у латышей и литовцев фамилий с данным корнем. Ойконим *Вангішкі* происходит от *vangus* – ‘ленивый, неповоротливый’. Названия *Жвірблі* (3 населенных пункта) и *Жвірблішкі* содержат в основе лексему *zvirbulis*, *žvirblis* – ‘воробей’, которая, очевидно, так же, как и в случае с примером *Берженішкі*, попала в ойконимию через посредство антропонимии. От литовских слов происходят названия *Ілгайцы* (*Ilgas* – ‘длинный’) и *Плебаны* (*klebonas* – ‘ксендз, пастор’), последнее подверглось фонетической и графической ассимиляции, а также некоторые др. Иноязычные основы имеют не только отантропонимные ойконимы, но и названия других типов, в частности ландшафтные. Так, например, к литовскому слову *balá* (болото) восходит лимноним *Балойса*, комоним *Баліны* (сохранился только в Верхнедвинском районе) и еще несколько ныне утраченных ойконимов.

Внутренняя топонимическая граница региона, как уже отмечалось, является и условной линией конфессионального и диалектного деления. В юго-западной части Витебской области преобладает православная население, а в большинстве северо-западных районов проживает больше католиков. Естественно, что католические имена послужили основами для образования группы отантропонимных географических названий. Определить точную величину данной группы на сегодня не представляется возможным, так как у католиков и православных значительная часть именика является общей. С уверенностью можно говорить лишь о тех основах католических имен (как правило, римского происхождения или имеющих признаки полонизмов), которые не встречаются у православных: *Альбіновицина*,

Альби́новка (Альбин – лат. *альбус* – белый); Альбрéхтово (от фамилии Альбрехт, восходящей к имени Альберт – немецкое видоизмененное Адальберт: *адаль* – благородный + *берт* – блестящий); Барбарíишки, Барбарíна (Барбара, в православном именнике Варвара, из греч. *чужеземная*); Вацлаво́во (польское Вацлав, в православном именнике Вячеслав, от *вяще* – больше + *слава*); Винце́нтово (западное Винцент, у восточных славян Викентий, из греч. *побеждающий*); Герма́новичи, Герма́новщина (из лат. *германус* – родной, близкий, единоутробный); Казіме́рцы, Казими́рово (имя польского происхождения, *Казимеж* – от *казать* + *мир*); Марти́нишки, Марти́новцы, Марти́нелевичи (Мартин – лат. *Мартинус*, производное от имени римского бога войны Марса); Марья́нополье (Марьян, Мариан или Марьяна, из лат. *Марианус*, производное от древнеевр. *Мария*); Рома́нишки (лат. *Романус* – римский, римлянин) и др. Этимология имен приведена по «Словарю русских личных имен» А.В. Суперанской [8].

Рассматривая ойконимию пограничья, важно остановиться на группе этнотопонимов – географических названий, особенно ценных в лингвокультурном отношении: они, во-первых, несут информацию о национальном составе жителей региона, миграции и других процессах; во-вторых, являются свидетельством, с одной стороны, принятия чужаков коренным населением региона, а с другой, их этнической дифференциации, отражающейся в оппозиции «свой – чужой». Данная дихотомия есть подтверждение того факта, что на приграничье не происходит полного «смешения» соседствующих народов. Показательно, что на территории белорусско-литовского и белорусско-латвийского приграничья фиксируются, причем не единично, такие названия, как *Латышки, Латыши, Латышонки, Литовцы, Литовщина*. К ним примыкают и этнотопонимы, образованные от названий исчезнувших народов: *Видзы, ВидзыЛовчинские, Нурвяны, Нурвянцы*. На белорусско-русском пограничье этнотопонимы представлены в меньшем количестве.

Заключение. Значительная часть ойконимии Витебщины фактически формировалась в условиях пограничья, поэтому многие названия населенных пунктов несут на себе следы взаимодействия белорусов с другими народами, а также следы взаимовлияния двух «внутренних» культур: северо-западной католической и юго-восточной православной. Лингвокультурологический подход к понятию границы позволил выделить три граничные линии: 1) восточную и юго-восточную; 2) северо-западную; 3) внутреннюю.

При этом лингвокультурная и топонимическая граница не может быть отражена в виде четкой линии на карте, а представляет собой определенную территорию, где постепенно угасают признаки одной топонимной системы и начинают сначала проявляться, а затем активизироваться признаки другой. Чем ближе языковые и культурные особенности жителей обеих сторон пограничья, тем более близкими являются топонимные системы, а значит, понятие границы и пограничья приобретает в значительной мере характер условности.

В силу исторических причин витебский топонимический ареал в восточном направлении выходит за пределы административно-территориальных границ, несколько углубляясь на территории соседних областей: Смоленской и Псковской. Наиболее яркими особенностями характеризуется северо-западная граница, отделяющая Витебщину от Литвы и Латвии.

Литература

1. Колосов, В.А. Теория границ: трансформация смыслов и подходов к изучению / В.А. Колосов // Российско-Украинское пограничье: двадцать лет разделенного единства. / Отв. ред.: В. А. Колосов и О. И. Вендина. – М.: Новый хронограф, 2011. – С. 13.
2. Материалы международного научного семинара «Витебщина и Смоленщина в языковых и культурных контактах: история и современное состояние» (Смоленск, 1 декабря 2011 года). – Смоленск: СмолГУ, 2011; Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования: материалы Международной научно-практической конференции, Смоленск, 17–18 марта 2015 года / отв. ред. И.А. Королева. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2015; Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования : сборник научных статей / сост. : А.М. Мезенко, Е.А. Зайцева, О.В. Шеверина ; под науч. Ред. А.М. Мезенко. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2016.
3. Смоленщина и Витебщина в языковых и культурных контактах: история и современное состояние: коллективная монография. – Смоленск: Изд-во «Маджента», 2014.
4. Евсеева, О.С. Топонимия смоленско-витебского приграничья: структурно-семантический аспект. Автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук. – Смоленск, 2015.
5. Будаев, Д.И. Смоленская область (исторический очерк) / Д.И. Будаев // Смоленская область. Энциклопедия. – Т. 2. – Смоленск: СГПУ, 2003. – С. 438.
6. Никонов, В.А. Славянский топонимический тип / В.А. Никонов // Вопросы географии. Сборник 58. – Москва, 1962.
7. Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Віцебская вобласць: нарматыўны даведнік / У. М. Генкін, І. Л. Капылюў, В. П. Лемцюгова; пад агул. рэд. В.П. Лемцюговай. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 669 с.
8. Суперанская, А.В. Словарь русских личных имен / А.В. Суперанская. – М.: Изд-во Эксмо, 2003.

Поступила в редакцию 18.01.2018 г.

УДК 821.161.3-3.09(092)Быков В.: (=411.16)

Еврейские протагонисты в творчестве В. Быкова: Вторая мировая война

Гимпелевич З.
Университет Ватерлоо, Ватерлоо (Канада)

В статье рассмотрена проблема еврейского населения в творчестве белорусского писателя В. Быкова и ряде работ литературоведческой и критической направленности.

Материал и методы. Работы исследователей, посвященные проблеме еврейского населения, а также произведения В. Быкова, в которых представлено отношение к еврейскому населению, в частности проживающему на территории Беларуси. В исследовании использованы описательный метод, метод сплошной выборки, метод рефлексивного анализа и др.

Результаты и их обсуждение. Современные исследования констатируют интерес к проблеме национальной и культурной идентичности народа. Ученые по-разному рассматривают жизненный путь еврейского населения и его представленность в художественной литературе. В произведениях В. Быкова образ еврейского народа занимает особое место. Автором созданы высокохудожественные и достоверные образы еврейских персонажей. В отличие от общепринятого в советской литературе и литературоведении канона к изображению евреев, белорусский писатель смог проиллюстрировать особенности их религиозного видения и этнического происхождения, выделив спектр характерологических признаков высокохудожественного и достоверного изображения еврейских персонажей.

Заключение. Как и многие белорусские писатели, В. Быков в своем творчестве использовал прием стереотипизации при изображении героев произведений, создавая типичных персонажей с теми или иными характерологическими чертами. Демонстрируя жизнь еврейского населения Беларуси, автор предпринял попытку доказать, что жизнь каждого человека бесценна и достойна уважения и памяти.

Ключевые слова: В. Быков, еврейского население, Великая Отечественная война, персонаж, творчество, личность.

(Ученые записки. — 2018. — Том 25. — С. 62–70)

Vasil Bykaŭ's Jewish Protagonists: World War II

Gimpelevich Z.
University of Waterloo, Waterloo (Canada)

The article covers the problem of the Jewish population in the works of the Belarusian writer V. Bykov and a number of literary and critical works.

Material and methods. The work of researchers devoted to the problem of the Jewish population, as well as works by V. Bykov, in which the attitude towards the Jewish population, in particular, living on the territory of Belarus, is presented. The study uses a descriptive method, a method of continuous sampling, a method of reflexive analysis, etc.

Findings and their discussion. Modern studies indicate an interest in the problem of the national and cultural identity of the people. Scientists differently consider the life of the Jewish population and its representation in fiction. In Bykov's works the image of the Jewish people occupies a special place. The author created highly artistic and authentic images of Jewish characters. Unlike the generally accepted in Soviet literature and literary criticism the canon for depicting Jews, the Belarusian writer was able to illustrate the features of their religious vision and ethnic origin and revealed characterological traits of a highly artistic and reliable depiction of Jewish characters.

Conclusion. Like many Belarusian writers, V. used a stereotyping means when depicting the characters and creating typical ones with some or other definite traits. Demonstrating the life of the Jewish population of Belarus, the author made an attempt to prove that any person's life is priceless and worthy of respect and memory.

Key words: Bykov, Jewish, Great Patriotic War, character, creativity, personality.

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 25. — P. 62–70)

Many fine writers represent contemporary Bielarussian literature, but the novelist, essayist, short story writer, and literary critic Vasil Uładzimiravič Bykaŭ (1924–2003) is undoubtedly the best-known Bielarussian author. There are numerous worthy monographs and articles dedicated to his life and work. [1] These studies examine his writings about World War II and peacetime, where Bykaŭ found original ways of looking at lives and deaths of his contemporaries with a hard-earned sensibility. All of his critics in a noted bibliography could sign under Thomas Bird's pronouncement: "Bykaŭ has not merely written about the demands of conscience. He has practiced that difficult craft.... He is that rare twentieth-century being – a person possessed of uncompromising belief in moral absolutes." [2, 2] Indeed, Bykaŭ always stood up for the truth and any deserving underdog notwithstanding considerable personal burdens.

Material and methods. Despite above-noted attention to his life and creative works, there is still one underdeveloped topic in literary criticism, i.e., Vasil Bykaŭ's treatment of Jews (in particular Jewish Bielarussians) in his life and creative writings. There is only one monograph, written by Jacob Blum and Vera Rich, *The Image of the Jew in Soviet Literature: The Post-Stalin Period*, which focuses on Russian and Bielarussian Jewish characters in their corresponding sections about Soviet Russian and Bielarussian literature. [3] Vera Rich's part, "Jewish Themes and Characters in Bielarussian Texts," turns the reader's attention to Bielarus', and till recent it was the only literary criticism in English dedicated to this topic. There are two articles, dedicated to Bykaŭ's writings about Bielarussian Jews, one in Bielarussian by Wolf Rubinčyk [4] and the other is in English by Z. Gimpelevich [5]. While Vasil Bykaŭ is one of the major representative of Slavic literary culture, majority of Bykaŭ translations into English do not transpire his literary talent. Thomas Bird's feelings about the generally weak translations of Bykaŭ's writings is shared by many critics: "Subtle in technique and psychological sensitivity, he has not been consistently well served by translators who have frequently homogenized his writing, by removing specifically Bielarussian elements and softening the harshness of his realism." [2, 2] The current study aims at the above-mentioned tasks with intention to fill the gaps in Bykaŭ's treatment of his Jewish Bielarussian protagonists and to present some excerpts from his works in English translation.

Findings and their discussion. In a volume devoted to both Russian and Bielarussian literature, Rich's conclusions are substantially different from those in Blum's, who finds that most of Russian Soviet literature has been prejudiced to Jews. Rich, on the other hand, argues that, in general, Bielarussian Soviet literature often "shows considerable sympathy

for Jewish characters and this sympathy is reflected in the very considerable help extended to them by the Bielarussian heroes of these tales." [3, 241] However, even such a distinguished scholar as Vera Rich didn't elaborate on a unique characteristic of Bielarussian literature where many literary texts portray Jews *as equals* and without a trace of patronizing sympathy or overt antipathy. We will argue this point in connection with Bykaŭ's (mostly) military prose in the current text. Moreover, sentiments reflecting this attitude are fully elaborated in every line of the articles in the issue of *ARCHE*, and are crowned by Andrej Daňko's editorial statement: "Jews are an important element of Bielarussian identity." [6, 6] It is also important to note that independently of each other, Blum and Rich both singled out two different literary works by Bykaŭ about World War II as best examples of a highly artistic and authentic portrayal of Jewish characters in Russian literature in translation and original Bielarussian. However, neither Blum (who mistakenly considered Bykaŭ a Russian writer) nor Rich, fully articulated Bykaŭ's aversion to the pre-packaged template of Soviet literature, which was generally either silent about the Jewish population or just clumsy in its portrayal. While this Soviet-style treatment was acceptable to the ruling Communist party as well as to some systemic anti-Semitic expressions – which often coincided after WWII – Bykaŭ's works were contrary to these tendencies. Together with many of his friends and colleagues, for example, Aleś Adamovič and Ryhor Baradulin, he inflicted a blow to the Soviet literary canon. Bykaŭ thoughtfully turned away from the Soviet canon not only in depicting Jews, but also in portraying people of other religious and ethnic backgrounds. His battlefield stories are heavily populated with characters of many nationalities, including Germans who sometimes accidentally found themselves in the same trenches with the Soviets. In Bykaŭ's works, these Soviet and German soldiers, ordinary people, often helped each other with genuine human kindness and compassion. Among many such sympathetically depicted characters, there is a young, hard-working assistant cook, Carl in the *Sign of Misfortune* (1982), who treats the Bohackas family humanely, and gets reprimanded for that by his Nazi bosses. Engel, the middle-aged schoolteacher of *The Dead Feel No Pain* (1965), hates war, but follows the orders of his superiors. One of my favourite examples of this sympathetic presentation of ordinary Germans and Soviets soldiers is a semi-humorous episode in the otherwise dramatic narrative of *His Battalion* (1975). A German soldier turns up in the same dugout as the Soviets, and when the others suggest killing him, stands up for that German: "No, no way, do not dare to touch him – Aŭdziuškin said firmly. He saved me... he is a good Hans. If not for him, I would've choked to death on my own blood in this dugout." [7, v. II, p. 350]

This is what Vasil Bykaŭ's literary career delivered for almost half a century: the truth about ordinary people in extraordinary circumstances. Jack Miller, in his excellent introduction to the Blum/Rich volume, touches upon the historical reality of Russian Jewry's short life in Russia proper (over 200 hundred years) compared to Bielarusian Jewry's roots in their homeland (over 700 years). He also underlines the vast difference in the treatment of Russian and Bielarusian languages in the former USSR: "Russian is, of course, the predominant language of the USSR in literature as in other spheres. It is heavily favoured both by the political authorities and by the economics of publishing. The Bielarusian language, which, in the last century, has become once again the vehicle of a literature, is on the defensive against Russian encroachment. Thus, a Bielarusian writer who uses that language rather than Russian is expressing a commitment to local values, and this may well influence his depiction of Jews, not necessarily to their detriment." [3, v]

In the article, "Changing a Canon: The Image of the Jew in Vasil Bykaŭ's Military Prose" [5] as in the current study, I, also concentrate mostly on Bykaŭ's works about that war. But of course, Vasil Bykaŭ used Jewish characters not only in his military prose. His interviews as well as the memoir type of autobiography, *Doŭhaja daroha dadomu* [8], and, above all, the writer's perfect emotional memory lists a long line of Jewish Bielarusians, starting with his school friends, continue with Jews of all walks of life, and friends of his dear parents. Thus, he often remembers his mother's best friend, Ryva, killed by Germans, and told me that not a day went by when his mother didn't mention Ryva. Wolf Rubinčyk in his "Jewish themes in Vasil Bykaŭ's works," noted many Jewish characters in the writer's peace-time works and his participation in anti-racial organizations. [4] Among them he noted Bykaŭ's standing in such public organizations as the Committee in commemoration of Nazi's Jewish victims. Bykaŭ also helped to publish memoirs of Hanna Krasnapiora, one of a very few survivors of Minsk's two ghettos. Rubinčyk quotes an excerpt of Bykaŭ's speech, dedicated to commemoration of 50th anniversary of one of the ghetto's annihilation: "And if Bielarusians are intend to be considered good and decent people, this is due to a significant contribution of our Jews, who lived with us for centuries. We lived well together for so long because in essence we are the same people. We are the people of Bielaruś." [4, 202] Rubinčyk's article also examines Bykaŭ's last short story, "Na balotnaj ściažynie," where Ryma Barysaŭna, a Jewess, teaches Bielarusians language in local school. This simple fact Bykaŭ raises to the level of a heroic deed simply because other teachers were afraid even to touch this subject due to a fear to prosecutions for nationalistic actions. Thanks to Ryma's work (and

Bykaŭ, had always had a soft spot for Bielarusian teachers), Bielarusian children learn their native language: "Pre-war generation of locals went to the war with a fluency in their native language thanks to that Bielarusians Jewess. Ryma Barysaŭna is in the same common grave, where all the shtetl's Jewish population was shot. Only one of them wasn't a Jew: an old teacher of math, Stanislaŭ Albertavič, her father-in-law, grandfather of her Uladzik." [9]

Vasil Bykaŭ spent seven years in the military; he was first demobilized in 1947, only to be drafted again in 1949. His final freedom from the army came in 1955. By the early 1960s, Bykaŭ's individuality began to emerge with such forceful creativity that very soon he became one of the most prominent of the post-war Soviet writers. However, most of the "lieutenants' prose" representatives moved on to different themes over time while Vasil Bykaŭ's literary works continued to pay tribute to those who had lost their lives in such an untimely, and often senseless, fashion. My argument is that Bykaŭ's "return" to war – or the fact that practically he had never left that war, as Slavic literary critics such as D. Bugaev, I. Dedkov, L. Lazarev, A. Shagalov and others – might agree, came out of the writer's almost mystical belief that by writing about war he was defending peace.

Vasil Bykaŭ consecutively and incessantly commemorated and told the story of Soviet soldiers of various descent. Many of them were Bielarusian Jews. He, a consistent patriot of his country, considered his motherland to be a lawful place for every daughter and son born or adopted alike. One of the proofs of such tendency is that he almost single-handedly changed the canon of Soviet literary culture by frequently using Soviet Jews and other ethnicities as protagonists in his military prose. This was a challenge in itself since Soviets did not welcome Jewish and other non-Russian characters in literature. In fact, they inflicted a state anti-Semitism in the Soviet empire that flourished freely right after WWII. In terms of politics, Communist rulers refused to recognize Holocaust on Soviet territories. To them Jews were foremost Soviet citizens who were annihilated by the Nazis, and therefore their victimhood belonged exclusively to the state, not to the dead themselves or their kin.

The following review is based on Bykaŭ's six collected volumes, in which a Jew often plays a visible role in the plot of the writer's short stories, novellas, and novels. Due to the limits of space, we can only sparingly show how Vasil Bykaŭ portrayed Jews in his works and will be able to examine only a few Jewish protagonists in some details. These protagonists' role is predominately episodic and/or supportive in most of the narratives, but it is always visible, well delineated and skilfully rendered. While examining Bykaŭ's creative works we shall remember that he always used Bielarusian in his artistic works. This

conscious decision shows his personal courage and unwillingness to travel a well-trodden and opportunistic path. He showed an enormous and exemplary commitment to the Belarusian values of his times by re-introducing two major character types into his military prose, a Christian and Jewish Belarusian; these characters were remarkably inconspicuous at the start of his narrations. Despite their initial incognito, they played revealing and dominant roles in the unfolding plots of his works, starting with the writer's first short novel, *The Cry of the Crane* (1959).

Though V. Rich's study prompts the idea that Belarusian literature has been sympathetic to Jews and their difficult fate, I argue that V. Bykaŭ went much farther on in his treatment of the Soviet Jews. In these terms, I respectfully but strongly disagree with Rich's treatment of Barys Fišar's character, the only one of Bykaŭ's Jewish characters that she considers in her treatise. To Rich, Fišar, a PhD in art history, "appears to be the typical pattern: the oversensitive Jew, whose sensitivity renders him in some way unable to contribute his full efforts to the defense of the country." [3, 241] In fact, Fišar is anything but a Soviet-conceived canonical representative of a helpless, weak Jewish intellectual or a poor soldier. Despite his civilian appearance, Barys Fišar ends as a battlefield hero: he willingly gives up his life while warning his troops at the rear about the German advance. He also kills a German officer in an exchange of fire that he could have avoided but consciously had chosen not to. Barys Fišar, like many of Bykaŭ's other characters, had a choice. This choice was given to him by his superior, sergeant major Karpenka, who appointed Fišar as patrolman with an order to retreat as soon as he noticed an enemy approach. Instead, Fišar the soldier, chose to initiate a battle. In the eve of his own inevitable death Karpenka cannot stop thinking about Fišar, who changed his perceptions of those bespectacled, physically challenged (with an unhealthily narrow chest, prone to asthma and consumption) Jewish intellectuals. The narrator reveals Karpenka's last thoughts about Fišar: "The sergeant major was hopelessly trying to understand how he (Fišar) could have performed such a selfless and sacrificial act of bravery. Karpenka, who all his life respected simple, comprehensible, straight and physically strong people like oneself, for the first time has doubted himself. He felt the presence of some unknown force in the man, which definitely existed besides the familiar strength of muscle and the appearance of apparent determination." [7, v. I, 87-8] Karpenka, who at first came across as a typical, even canonical representation of a junior army officer, barely resembles this familiar type by the end of the short novel. In fact, none of the six soldiers in this novel act in a predictable manner, despite the fact that each of them initially seemed to represent the archetypes of different layers within Soviet so-

ciety. Among those six, who threw away their conventional selves, the most unexpected transformations happen in a Belarusian peasant, Vasil Hliečyk, and in a Soviet Jew with Belarusian roots, Barys Fišar. Hliečyk's and Fišar's biographies offer an additional thick layer of intimate knowledge of these characters, as if Bykaŭ, the artist, is using a different techniques while he draws portraits of Hliečyk and Fišar compared to the ways in which he depicts the other four protagonists. The other four characters are also brilliantly written while transformed in the end of the novel. However, the writer's deep knowledge of the Hliečyk and Fišar characters and the wholeness of their emotional worlds show the different palette that the writer used to create these two. Here we have a modernist, who is masterfully using contrasting, strong, rich colors together with bleak and pale ones as a foreground of his characters' biographies. Though the writer expects his reader to be educated in Soviet circumstances, he also inconspicuously brings up some additional information. Thus, it is stated that art historian Barys Fišar, unlike his brother, a successful scientist, is not involved in conformist politics. The attentive reader will immediately grasp the crucial meaning of this subtle detail. A Jew with a liberal arts background who managed to stay out of Soviet politics represents nothing less than the strongest form of resistance in the Soviet political and cultural system of the 1930s. With this seemingly impressionistic detail, Bykaŭ is clarifying how this apparent bookworm, the bespectacled Fišar, got his stamina to perform his heroic deed. In fact, this detail is also aimed at those who would create the myth of a meek and incapable Jewish soldier. Even the less suggestive biographical details about Fišar's life (his MD father, and his birthplace, Leningrad) carefully elaborate on the protagonist's cultural and ethnic background. During his father's youth, Belarusian Jews who aspired to a professional and artistic life would strive to go to Petersburg more than to commercial Moscow. It is also hard to agree with Rich's treatment of the role and symbolism of Benevento Cellini's *Autobiography* in the transformation of Fišar the artist and intellectual into Fišar the soldier. In Rich's perception, this book, which Fišar never parted with, was his security blanket, or even a pacifier. It seems, however, that Bykaŭ used this telling detail for a different reason. Besides being a world-renowned artist, sculptor, and goldsmith, Cellini was also a brave soldier. Keeping this in mind, the tattered pages of the *Autobiography*, left behind after the death of Cellini's modest student, should symbolize more than Fišar's inability to survive or "the wanton destruction of culture by the Nazis." In fact, I consider this symbol to be essential for understanding both the author's and this particular character's philosophy of life. Indeed, Bykaŭ had defied the odds in demolishing the archetypal images of

the Jew and the Bielarussian in *The Cry of the Crane*. Thus, Hliečyk, initially appearing as a meek, subordinate, and powerless Bielarussian simpleton (with a telling first name, Vasil), not only turns into a military hero but presents original philosophical ideas. And for a Fišar-type, the *Autobiography* became a symbol of his role model and of endurance, a sign of continuity, meaning, and the survival of art. It also represents human dignity for Fišar, whose national archetype was treated improperly by popular hearsay and by some literary works. These perceptions could be attributed either to general ignorance or the political climate of the time, and Bykaŭ could abide neither. Indeed, all of Bykaŭ's Jewish protagonists, starting with Fišar, are treated with respect equal to that accorded to any other ethnic or religious group and individuals, portrayed in his prose.

Captain Trotsky, the commander of the battalion in Bykaŭ's short novel *The Third Flare* (1961) is an unappealing character. In this novel, Bykaŭ introduces an episodic but nevertheless familiar archetype of a Jew with the telling name of Trotsky (in the Russian edition this last name is changed to Protsky). Trotsky's character is the archetypal antagonist of Barys Fišar. Politically attuned to Soviet values, Trotsky, despite his lack of a biography in the novel, could be considered by some an even more typical of a Soviet Jew than Fišar. Notwithstanding his fleeting appearance in the novel, the role of Trotsky in both the plot of the short novel and the fate of each of the protagonists is enormous. Trotsky is characterized as "the regiment's strictest battalion commander." [7, v. I, 130] In fact, he is responsible for all the deaths in that novel because of his conscious decision to sacrifice servicemen from one particular artillery battery for the sake of the battalion's military task. Trotsky's thinking was pragmatically cruel: while this group will fall to the concentration of the enemy's fire, the rest of the battalion will have time to regroup and attack the Germans from the rear. Nothing, however, went as planned. Lazniak, the only survivor of the ordeal, a former Bielarussian partisan and the narrator of the short novel, is probably more familiar with the type of Jews like Trotsky than other servicemen in the battery. Trotsky, most likely, was an enthusiastic revolutionary in his youth, who ended up as any fanatic would: a cold-blooded monster. In fact, he looks like an excellent caricature of his famous namesake. Bykaŭ had the same disdain for this type of commanders, regardless of faith or nationality. In his short story "The Commander" (1995), he portrays the legendary Russian hero, Marshal Zhukov, as the epitome of senseless Soviet military cruelty. On the one hand, Captain Trotsky is a typical Soviet commander, and he is what he is, but not because he is a Jew. On the other hand, Trotsky is definitely breaking the Soviet canon of the weak, pathetic, and fragile Jewish soldier. After all, Trotsky, who

did not show much empathy for his soldiers' lives, did not care about his own either, and he was killed in the same battle in which his men died. Another fleeting Jewish character in this novel is Dr. Frumkin from Lazniak's partisan detachment. This character is as sketchy as the protagonist of a single paragraph could be. Apparently, he saved Lazniak's leg and his sanity by sending the emotionally unstable Lazniak to the hospital at the rear, where he was nursed back to health. Lazniak's mental condition was damaged by the scene, which he, the wounded partisan, had witnessed: the liquidation of Bielarussian villagers and the destruction of the village by Germans. While Lazniak recovered at that hospital where the partisan doctor sent him, he was nostalgic about Frumkin's primitive field hospital and felt that "doctors (at the rear) were strangers, unknown people; could they ever understand my soul's anguish?" [7, v. I, 135]. The novel openly shows why these two characters did not need spoken language in order to feel each others' common pain while others, the non-Bielarusians, cannot. Indeed, their adherence to local values and a common history of persecutions formed Lazniak's and Frumkin's oneness.

Couple of more characters of Jewish origin are described as someone who lives on in the memory of Lieutenant Ihar Ivanoŭski, a Bielarussian protagonist from Bykaŭ's novella *To Live until the Dawn* (1972). Ivanoŭski recollects how courageously Fix, an episodic character with whom he served during the first days of war, endured his terrible wound. That excellent military scout preferred to kill himself than be a burden to his comrades. Another cliché is undermined by Bykaŭ's subtle narration: Fix's appearance. This "light-eyed and light-haired athlete with the last name of Fix, who was fluent in German" [7, v. I, 370] was familiar to Ivanoŭski, who grew up in Bykaŭ's school town, Kubličy. He reminded him a Bielarussian Jewish village smiths or millers. In addition to Fix, there is a youthful version of a Fišar-type protagonist in *To Live until the Dawn*, the young soldier Pivavaraŭ, whom Ivanoŭski lovingly calls Pivavarčyk. Through his neighbours, "čyk" is a familiar suffix to Ihar Ivanoŭski, Pivavaraŭ represents a line of "hidden" Jews in Bykaŭ's works. This type displays some typical Jewish physical features or characteristics, which hint at the origin of the protagonist without underlining it. These "hidden" Jews had a rather complicated mission in Bykaŭ's plots. By not singling them out overtly, the author shows the humanity of these characters and their typicality: each of them is just one among many. Trotsky is detested for his fanatical cruelty, and not by the writer but by other characters, and Fix is honored for his courage and sensitivity by his military comrades. Yet, if the character is likeable to the writer personally, he finds the way to reveal it. Bykaŭ's Jewish protagonists are not destined to be mostly negative types (as in the

works of Kochetov, Gavrutto, Shestov, Solzhenitsyn, and others) or mostly positive types (Paustovsky, Panova, Evtushenko, and Grekova). As with his “openly” Jewish characters, Vasil Bykaŭ’s “hidden” Jews equality is a given, and they confirm their ordinariness simply by their presence on the pages of Bykaŭ’s battlefield narrations. An indication at the author’s special treatment of the Pivavaraŭ is this character’s comprehensive biography and appearance. We learn that Pivavaraŭ is a typical mama’s son; his appearance is typically Jewish: he has a distinctive darker Jewish skin; the whites of his eyes are very bright, in sharp contrast to his darker pupils. He was raised by his mother, who lived first in Petersburg, then in Leningrad, and suddenly moved to a provincial city where she taught in a school. This is a familiar fate of the Jewish intellectual exile in these years. Physically, Pivavaraŭ is not strong, but he is an excellent serviceman with an inherent, almost biblical sense of duty. Despite his marginal military appearance, Ivanoŭski completely relies exclusively on Pivavaraŭ, and the lieutenant feels most comfortable only with this soldier: he fervently mourns Pivavaraŭ’s death before his own demise.

The second volume of Bykaŭ’s collected works in Bielarusian begins with his novel *Sotnikaŭ* (1970). Blum singled out Bykaŭ’s *Sotnikaŭ* as one of the few works in Russian literature that demonstrates Jewish courage. Blum discusses a Jewish child, Basia, who exemplifies humanity, humility, and courage. Basia just turned thirteen, and she was the only survivor of the Jewish massacre in her township. Caught by the Nazis and molested by the Bielarusian policemen, she did not name people who helped her hide after the massacre. As Blum points out: “Basia is bound to die, but she has the choice of dying in terror, a helpless victim, or bravely, as a responsible human being. She chooses the latter, betrays nobody and is hung along with Sotnikaŭ and all the others except Rybak.” [3, 48]. Blum also makes a case for the uniqueness of this particular work by Bykaŭ in comparison with everything else written in Russian and fails to note the Bielarusian origin of the work, the novel’s original language, Bielarusian setting, and the fact that the main characters are Bielarusians. While the critic’s treatment of Bykaŭ’s work as an exceptional phenomenon in general is obvious, the writer’s distinctiveness stems from Bykaŭ’s literary technique that shaped his own canon: his protagonists of all faiths had always had a choice. Of course, Basia, cruelly violated by policemen, had no choice in their treacherous acts, but they did. So had many village people who helped the girl to survive until she was accidentally found by police in her last hiding place. Blum also didn’t elaborate on villagers’ indignation with the German and Police cruelties towards the Jewish population, and there are plenty of illustrations of this in the text. It is also important to

note that Basia, despite being an episodic character is granted a full biography in the novel. This alone is a sign of an utmost respect and emotional closeness on the writer’s part. Though Blum missed Basia’s Bielarusian-Jewish origin, the critic noticed Bykaŭ’s uniqueness in breaking with the Soviet literary canon. For years, literary critics (and Blum is typical in these terms), have avoided Bykaŭ’s divergent characteristic: his works about WWII had been continually and exclusively dedicated to creation, development, and examination of a Bielarusian rather than a Russian character. And, as it also happened over seven hundred years earlier in real life, a Bielarusian Jew often stands together with his neighbour of Christian origin.

The novel *His Battalion* (1975) confirms the affinity and connections between Bielarusians and Jews in Bykaŭ’s military prose. *His Battalion* is narrated in the third-person, which gives the omniscient storyteller a tone of objectivity. Captain Valošyn, the commander of the battalion, must have been Bykaŭ’s favourite protagonist, since the writer gave him a combination of the most becoming characteristics from his artistic treasure-box. Besides being of Bielarusian origin (born and raised in Viciebsk), Valošyn was a student of Pen and Dabyžyński. The reader learns from Valošyn’s mother last letter that both artists (academician and realist Pen and modernist Dabyžyński) praised Mikalaj Valošyn’s considerable artistic talent. Despite this, and to the great disappointment of Valošyn’s parents, he chose a professional military career. His father, who died early, was an accountant and his mother was a schoolteacher. Bykaŭ had a truly soft spot for teachers – the most valuable profession in the writer’s books – therefore, for decoding Valošyn’s origins and the evolution of his character, his mother’s letter carries a considerable verisimilitude. First of all, in the Russian translation (1976) this letter replaces a rather disappointing love letter from the captain’s lover that appeared in the Bielarusian original. In this respect, the mother’s letter was a welcome addition, for it not just conveyed a meaningful and expressive mother’s love for her son but clarified the captain’s origin. This letter bears a striking resemblance to another mother’s letter found in Vasily Grossman’s magnum opus, *Life and Fate* (chapter. 18). [10] Grossman’s main protagonist, Victor Shtrum, is the physicist who shares some biographical characteristics with the famous Soviet physicist Lev Landau. Shtrum’s mother (like Valošyn’s also a teacher), has written the letter before her inevitable death at the hands of the Germans. The remarkable connection of these letters is two-fold. On the one hand, the mother in each novel is well aware of her inescapable and imminent death, and of the fact that her letter is the last symbolic token of her motherly love. Despite the fact that Bykaŭ couldn’t know about Grossman’s novel which was prohibited

in the USSR at the time of writing his own, there is a great deal of similarity in which Grossman's and Bykaŭ's mother-characters identify themselves. The only reason for Shtrum's and Valošyn's mothersto die under Germans soon after writing their last letters was their Jewish origin. Though Captain Valošyn, whose patronymic is Ivanovič does not concentrate on his mother's origin, we know that Bykaŭ doesn't allow "accidental" details. The death of Valošyn's mother in Viciebsk, which was inhabited by many Jews before the Germans annihilated them, could not be explained by any other way.

In Bykaŭ's *His Battalion*, there are a few more protagonists who reflect on and enhance Valošyn's character but the most important is his orderly, Hutman. Indeed, he is the closest person to the loner Valošyn. In the novel, which is heavily populated with characters of all the nationalities of the former Soviet Union, he is an archetype of the ideal soldier. Hutman is honest, brave, and open. He speaks his mind, and is extremely resourceful. He is also a handyman, an ingenious, creative, sober, and witty individual who is inherently loyal to his commander, Valošyn. In short, sometimes Hutman is too good to be true. But Hutman cannot stand cowardice of Valošyn's second in command, lieutenant Markin. Thus, Valošyn is teasing Hutman in relation to Markin: "Oh, you had never been terrified?" "Me? Why? Indeed, I am often afraid. Nevertheless, saving my skin by hiding behind others? No, this I have never done." [v. II, 360] Both Hutman and Valošyn are wounded in the last bloody battle. Valošyn fought the final moments of the battle as a simple foot soldier because of Markin's sleazy machinations. Wounded Valošyn should be hospitalized; instead, he decides to return to the remnant of his battalion and sends Hutman with a group of wounded to the rear: "Till we meet again, Hutman," – said the captain, standing up. "Thank you for your service. And thank you for your friendship." – "Well, do not mention it, comrade Captain. God willing, we will meet again." [v. II, 369] The reader will never know Hutman's further fate. A high probability, however, is that he, as many other foot soldiers, will meet his end as his favorite commander did. Valošyn's death is revealed in the last chapter, which ends with a final short paragraph. It reads like an archival document, consisting of only one sentence. This paragraph shows a death certificate that, as Dedkov observes, sounds more like a funeral note addressed to the reader: "The commander of Infantry Regiment № 294, Hero of the Soviet Union Major Valošyn Mikalaj Ivanavič, was killed on 24 March 1945 and buried in a communal grave located 350 meters north-west of the town of Steindorff (Eastern Prussia.)." [v. II, 369]

The next short novel in this volume, *The Accursed Hill* (1968), also has a couple of Jewish characters. One of them, the brave soldier Šnejder, is as

natural a part of the plot as is its narrator, Bielarussian Vasil Vasiukoŭ. The reader meets Šnejder when he translates during the interrogation of a captive, an SS officer. This lanky, somewhat clumsy soldier knocks down the SS officer who called him a "kike." The scene that follows shows Bykaŭ's explicit artistry in rendering the situation. Anańieŭ, the company's commander, is a "bit of an anti-Semite" himself, which means that he personally might be prejudiced against Jews in general but is fair and comradely disposed to those Jews he knows. After Šnejder's quick and violent response to the SS officer, Bykaŭ notes: "Anańieŭ rapidly laughed but this laughter was lacking natural merriment. Anańieŭ swiftly stopped laughing and repeated with the same false cheer: "– Great! Hey, absolutely great, Šnejder! Weren't you a boxer before the war?" – "I was a locksmith" – answered Šnejder with hardly reserved anger, and not taking off his piercing eyes from the German." [v. II, 409] It is clear that Šnejder is also angry with his commander for his insensitivity. Anańieŭ, however, later redeemed himself by making Šnejder responsible for the exchange of the SS officer for a Soviet soldier. With this act, Anańieŭ honoured Šnejder and put the SS officer in his place.

Most of Bykaŭ's partisan novels do not have major Jewish characters because the writer concentrated on ethnic Bielarussian partisan units acting in the area. However, practically every partisan doctor was a Jew, even if before World War II he or she was just a dentist, like Paikin in *The Wolf Pack* (1975). These doctors, Bykaŭ states lovingly in his writings, quickly learned surgery and all the necessary skills of military field medicine needed for the partisans' survival. [7, v. III, 166]

One of Vasil Bykaŭ's most personal works about occupied Bielarus is *The Sign of Misfortune* (1982). Indeed, it feels like the elderly couple, Ściapanida and Piatrok are his symbolic parents with reversed roles, where Ściapanida reminds the writer of his strict but just and hardworking father and Piatrok of his kind and soft-hearted mother. Bielarussian Jews are shown in the novel as a part of the country's natural landscape, damaged first by the tsarist empire, second by the Bolsheviks, and third by the Nazis. Thus the reader gets an intimate portrait of Liejba, the blacksmith, Piatrok's good friend, who had to leave the village because the Soviets expropriated his shop. They took over Liejba's smithy and now, twenty years later, Piatrok is nostalgic about this hardworking, honest, and fair person. Piatrok, remembering their friendship, feels that Liejba was the only one he could ever turn to in need because: "they had never had any problems, disrespect or misunderstandings." [7, IV, 36]

This nocturnal flashback differs greatly from Ściapanida's thoughts about the fate of Bielarussian Jews in their miastečka. The writer shows Ściapanida's

genuine horror, disdain, and revulsion for the Nazis' and the police's behaviour in the massacre of the miastečka's Jews. It was stated that Ściapanida became numb when she found out about the killings. There are also some ground-breaking ideas, which Ściapanida carries in her mind. They express her "politically incorrect" condemnation of the elders and leaders of the Jewish community, who kept the community together and, practically, handed it over to the killers. After the ghetto was established near the river, the Nazis, Biełarusian, and internal Jewish Police kept everything in German order and under control. Ściapanida recalls that: "People were saying: Oh, this situation will not last, they will kill us anyways, and we have to break out. Surprisingly, not a single one did. Everyone was sitting there and procrastinating. There were youngsters and even some wise individuals among them. Apparently these wise folks thought that Germans are humans too, and that they also have a faith in God (this is even written on their buckles), therefore they will not kill. These 'smart' ones spoke so well, and people listened to them. Obviously, if a person wants to believe, he will always find a justification; first he will convince himself and later, the others; or vice-versa. That is how the people of the township ended up in a quarry." [7, v. IV, 169] Once again, we should note Bykaŭ's courage for speaking the truth. Indeed, Biełarusian Jewish communities were firmly ruled by the elders before and after the tsars' partitions of the Biełarusian territories. These highly religious elders had tremendous power within the community, and therefore their role in the mass destruction should not be overlooked. Vasil Bykaŭ, who never underestimated the guilt of the Biełarusian police, the Nazis, and the Soviets in the Holocaust, does not absolve the elders of a Jewish community. He reveals those thoughts through his favourite protagonist, Ściapanida with such sincere pain, that the reader understands that these feelings moved beyond empathy or even sympathy into the heartfelt personal pain of unfulfilled responsibility.

The title of Vasil Bykaŭ's next novel, *The Quarry* (1985), suggests the place where Jews from *The Sign of Misfortune* could have been massacred. Four leading characters in this novel show their sincere pain for Jewish suffering. One of them, Baranoŭskaja, hides the main character Ahiejeŭ, who shares her disdain towards actions from Germans and local police. He is a wounded Red Army officer, and Baranoŭskaja (who taught school before the revolution), presented him as her son, who was killed during German shelling of Soviet evacuees. She is the widow of a priest, persecuted by the Soviets, therefore kind of trusted person by a new regime, which she herself detests for their treatment of "the people." We should note once again that Bykaŭ's character doesn't differentiate between Christians and Jews,

using the same word, "people" for naming both groups individually. Baranoŭskaja could have been unresponsive to the Jews, people of a different faith. Instead, she is full of compassion: "– Oh, what are they doing with the people! They gathered them all together. All of them, all of them... They did not leave behind a single soul; they took all of their possessions... They made me collect their grain too. Anything that was left was grabbed. – And where did they drive them to? – asked Ahiejeŭ. – Well, who knows? People say, to the railway station. They will send them somewhere. Others say: they will shoot them in the Harely marshes. – And what, no one was trying to run away? – How could you? They put guards with guns everywhere, on the streets and behind them." [7, v. V, 75] Baranoŭskaja also feels more affinity with the communist Volkaŭ than with Drazdzienka, the Chief of Police, for Volkaŭ and Baranoŭskaia share the same sentiments about the Jewish massacre. According to the previous regime, Volkaŭ must have been her class enemy; however, he turns out to be a good person, who tried to help this widow during the difficult times of his party's persecutions of priests and their families. His views of the events are in tune with those of the priest's widow. Volkaŭ's answers to Ahiejeŭ's questions are brief, sober, helplessly painful, and truthful: "– What, will they be destroyed? – It looks like they will be.... – How appalling! – "Appalling" is not strong enough. It is a crime! One half of the town is dead. And they were living here for hundreds of years. At the local cemetery you will find many generations of Jews. – And nothing could be done? – What could be done? We were not ready. After all, we don't have enough strength yet. The struggle just has started." [7, v. V, 77] Ahiejeŭ and his lover Maryia are full of indignation about the fate of the local Jews. Nevertheless, because Biełarusians of a different faith are trapped under the Nazis occupation, mutual compassion was all they could offer each other at that time. The main thought that unites most Biełarusians under the Nazi occupation was already expressed by Pyotra, in Bykaŭ's *Sotnikaŭ*: "They started with the Jews, but they will finish with us." [7, v. II, 113] This perception symbolizes Bykaŭ's position on the communality of Biełarusians fate, based on its equality, similarity, and independence from different faiths. This position is also a central element of one of the writer's first and strongest anti-collectivization works of the Soviet and post-Soviet periods, *The Chill* (1969, 1991). The novel, set during the early days of World War II, features a peasant son, Jahor Azievič, who created a breathtaking career for himself during and after the collectivization. The reader learns about Azievič's past and his wartime present from the impartial voice of the omniscient narrator, who travels between Azievič's past and present, detailing this character's efforts to reflect on and evaluate

his actions. Certainly the protagonist's scruples were often jeopardized since career meant more for him than wellbeing of his own family and even his countrymen. The reader revisits Azievič's past through this character's own honest self-evaluation, while his present takes place during the first days of World War II. Jewish and Bielarussian names are often used in the narration of that novel. Some of these names make a single appearance; others are attached to an event or a period of Azievič's life as a backdrop or a highlight of his own biography. The most telling stories are dedicated to the NKVD actions. One of them is a short story about an elder, the religious Jew, shoemaker Isak, who rents a room in his modest dwelling to Azievič. Isak's home, two-rooms plus a cold den, had attracted the attention of the NKVD staff, which was growing astronomically, and was greedy for living space in Minsk. This capital city had been partly destroyed during World War I and the Soviet-Polish war. As the result, people like Isak and Jahor Azevič, were automatically deprived of the roof over their heads. Isak was arrested for reading Torah in his home, and was, probably, shot, while Azevič "voluntarily" left his rented room, knowing that otherwise he might share the fate of his elderly friend, Isak. This short novel was hard to publish during and even after the Perestroika in Bielarus'. The novel made it by the last moment and with much censorship and considerable cuts into the final volume of Bykaŭ's six-volume edition in 1994. By 1994, the Bielarussian-Jewish exodus to the West was almost over, and Bykaŭ had practically stopped writing about wartime or pre-war situations, as he was fully involved in the democratization process of his country. However, his understanding about rightful Jewish presence in Bielarus' had never diminished and was demonstrated many times in his private and public battles against anti-Semitism in his country. This included his leading role in "Bielarussian Chagall's affair."

Conclusions. Vasil Bykaŭ, like many Bielarussian writers of different generations (as presented and analyzed in my forthcoming book, *The Portrayal of Jews in Modern Bielarussian Culture* [11], used strong typical characters – Bielarussian, Jewish, and others. Each of his protagonist is based on the writer's life experiences, artistic vision, and moral convictions. By doing so, Vasil Bykaŭ changed Soviet war canon and left us with the hope that all victims of Stalinist and Nazi atrocities did not perish in vain.

Literature

1. There are too many to mention here. The most important critical material can be found in bibliography, notes (pp. 215-249), and indexes: Gimpelevich, Z. Vasil Bykaŭ: His Life and Works. – Montreal and Kingston: McGill-Queen's University Press, 2005, 260 pp. // Vasil Bykov: Knigi i sud'ba. – Moscow: NLO, 2011, C. 396.
2. Bird, T. E. Introductory Word. – Zapisy– 1996 № 22– p. 2.
3. Blum, J. and Rich, V. The Image of the Jew in Soviet Literature: The Post-Stalin Period. London: Ktav, 1984, 276 pp.
4. Rubinčyk, W. Jaŭrejskija temy ŭ tvorčaści Vasil Bykaŭa" [Jewish themes in Vasil Bykaŭ's works]. Proceedings of international conference, *Ethnic, Language, and Cultural Variety in Modern Society*. Mahilioŭ: MDUX, 2014, C. 199–203.
5. Gimpelevich, Z. Changing a Canon: The Image of the Jew in Vasil Bykaŭ's Military Prose. – Čajštryft– 2011 № 1 – pp. 135–58.
6. Daňko, A. Introductory Word. – ARCHE– 2000 № 3 – C. 6.
7. Bykaŭ, V. Zbor tvoraŭ u šaści tamach (Collected works in six volumes). – Minsk: Mastackaja lit., 1992-96. Hereafter in the text we will indicate a number of volume and a page.
8. Bykaŭ, V. Doŭhaja daroha dadomu (A long way home). – Minsk: Kniha, 2003, 464 pp.
9. Bykaŭ, V. Na bałotnaj ściažynie. – Naša Niva April 2 – 2001 – C. 9.
10. Grossman, V. Life and Fate. – The Harvill Press: London, 1985, 879 pp.
11. Gimpelevich, Z. *The Portrayal of Jews in Modern Bielarussian Culture*. (forthcoming)– Montreal and Kingston: McGill-Queen's University Press, 2018, over 450 pp.

Поступила в редакцию 18.01.2018 г.

УДК 81'271.1:378.1-057.87

Пенжить и лабел: к проблеме речевой культуры студентов

Горегляд Е.Н.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

Активизация в последние десятилетия процесса демократизации языка способствует появлению в речи студенческой молодежи целого пласта стилистически окрашенных образований. В повседневном общении студенты зачастую демонстрируют отсутствие элементарных коммуникативно-речевых знаний и умений.

Цель исследования — проанализировать особенности речевого общения в студенческой среде.

Материал и методы. Материалом для анализа послужила устная речь студентов витебских вузов. Исследование проведено с использованием методов наблюдения, контекстуального и дефиниционного анализа употребления языковых единиц в речи.

Результаты и их обсуждение. В переходные периоды жизни общества, сопровождающиеся глобальными преобразованиями в политической, экономической и социальной сферах, обычно наблюдается значительное снижение речевой культуры. Наблюдения за разговорной речью студентов обнаруживают сокращение и видоизменение их индивидуального словарного запаса, неспособность правильно конструировать высказывания. Наиболее ярко изменения, происходящие в обществе, фиксируются в семантической и словообразовательной структуре глагола, поскольку это та часть речи, которая вербально регистрирует факт деятельности человека. Многосозданные или переосмысленные лексемы выполняют не только экспрессивную (чаще пейоративную), но и криптолалическую функцию.

Заключение. Умение отбирать речевые средства с учетом их своеобразия и преимуществ в соответствии с той или иной коммуникативной ситуацией — показатель культуры речи и языкового чутья. Формирование специфического «словаря» разговорной речи студентов объясняется, в частности, стремлением молодых людей наиболее ярко проявить свою индивидуальность, показать личное отношение к предмету речи (лицу), старанием максимально экспрессивно выразить свои мысли, а также соответствовать речевой моде.

Ключевые слова: коммуникация, общение, речевая деятельность, речевая культура, экспрессивность.

(Ученые записки. — 2018. — Том 25. — С. 71–74)

Penzhit and Label: to the Problem of the Students' Speech Culture

Goregliad E.N.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The activation of the language democratization process in recent decades contributes to the rise of a great layer of stylistically colored formations in the student youth's speech. In everyday communication, students often demonstrate the lack of basic communicative and verbal knowledge and skills.

The purpose of the study is to analyze the features of speech communication in a student environment.

Material and methods. The material for the analysis was the oral speech of the students of Vitebsk universities. The study was conducted with the use of observational methods, contextual and definitional analysis of linguistic units in speech.

Findings and their discussion. In transitional periods of any society, accompanied by global changes in the political, economic and social spheres, there is usually a significant decline in the speech culture. Observations of students' conversational speech reveal the contraction and modification of their individual vocabulary, the inability to construct utterances properly. Most brightly, the changes occurring in a society are fixed in the semantic and word-building structure of the verb, since this is the part of speech that verbally records the fact of any human activity. Many created or rethought lexemes perform not only expressive (more often pejorative), but also cryptolalic function.

Conclusion. The ability to select speech means, taking into account their specificity and advantages in accordance with a given communicative situation, is an indicator of the speech culture and linguistic feeling. The formation of a specific "vocabulary" of students' conversational speech is explained, in particular, by the desire of young people to show their individuality in the most vivid way, to show a personal attitude to the subject of speech (person), to demonstrate their thoughts as expressively as possible, and to correspond to the speech order of the day.

Key words: communication, speech activity, speech culture, expressiveness.

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 25. — P. 71–74)

Одной из основных потребностей жизни человека является общение, поскольку именно оно – тот базовый фактор, который обеспечивает контакт и взаимодействие людей в политической, культурной, социальной и других сферах жизни. Для достижения поставленной цели в любой области жизнедеятельности важно научиться грамотно формулировать свою мысль (устно или письменно), соблюдать ряд принципов теории речевой коммуникации, владеть навыками моделирования речевых ситуаций. Прогресс духовной жизни общества, освоение культуры прошлого, воспитание культуры отдельной личности (а значит, и культуры человеческого взаимоотношений в целом) неразрывно связано с культурой письменного и устного слова. Активно происходящие в последние годы преобразования в социально-экономической, культурной и духовной сферах жизни человека обуславливают изменения и в языке и речи.

Коммуникативная культура общества включает, в частности, культуру профессионального общения, поэтому особую значимость приобретает подготовка студентов-филологов, лингвистов, поскольку именно они призваны быть эталоном стилистически правильной, орфоэпически грамотной речи. Речевое поведение составляет существенную характеристику личности.

Нашей целью было исследование особенностей речевого общения в студенческой среде.

Материал и методы. Материалом для анализа послужила устная речь студентов витебских вузов. Исследование проведено с использованием методов наблюдения, контекстуального и дефиниционного анализа употребления языковых единиц в речи.

Результаты и их обсуждение. Коммуникативный принцип является одним из важнейших в преподавании лингвистических дисциплин как в средней, так и в высшей школе Республики Беларусь. Он предполагает взаимосвязанное обучение всем видам речевой деятельности с целью формирования умений и навыков решения коммуникативных задач. Студенты-филологи должны не только ориентироваться в лингвистической теории, но и уметь анализировать речевую ситуацию и в соответствии с ней выбирать стратегию и тактику речевого поведения. А для этого необходимо обладать значительным лексическим запасом, грамотно строить различные синтаксические конструкции, уметь применять фразеологические сочетания и т.д.

К сожалению, в процессе многолетней работы со студентами мы отмечаем сокращение и видоизменение их индивидуального словарного запаса, неспособность правильно конструировать высказывания. Широкое внедрение технологий мобильной связи спровоцировало всплеск так называемого «стиля смс-общения», преимуществами которого являются доступность, мобильность, экономичность. Безусловно, в современном ди-

намичном мире это важно, однако активное внедрение черт этого стиля в повседневную речевую коммуникацию существенно обедняет речь и язык, снижает уровень орфографической и пунктуационной грамотности.

Молодые люди не только не умеют свободно общаться друг с другом в повседневной жизни, но и не в состоянии аргументировать свою точку зрения, делать обобщающие выводы в учебной деятельности. К тому же разговорная речь молодежи зачастую изобилует жаргонными и обценными элементами. В молодежной (в том числе студенческой) среде формируется своеобразный «словарь», в котором представлены не только результаты словотворчества, но и лексемы литературного языка, получившие новые, нестандартные значения.

Одна и та же объективная действительность может быть представлена в речи по-разному. По словам В.А. Жуковского, «слово не есть наша произвольная выдумка: всякое слово ... есть событие в области мысли» [1]. Наиболее ярко изменения, происходящие в обществе, фиксируются в семантической и словообразовательной структуре глагола, поскольку это та часть речи, которая вербально регистрирует факт деятельности человека (в зафиксированном нами фактическом материале глаголов более 50%):

щемить («искать»), *зафигачить* («создать что-то неординарное»), *уткнувшись* («замолчать»), *лохануться* («упустить возможность»), *отстегнуть* («дать денег»), *забацать* («приготовить что-либо»), *гасить* («уничтожать»), *обломать* («нарушить договоренность, разочаровать»), *долгануть* («одолжить денег») и др.

Две трети зафиксированных нами глагольных лексем маркируют процесс речи. Мы объясняем этот факт значимостью коммуникативной деятельности в жизни индивида, ведь именно она способствует обмену информацией и установлению контакта между людьми. Появившиеся в рамках группы глаголов речи стилистически окрашенные образования сохранили в своей семантической структуре значение доминантного глагола *говорить / сказать* – «выражать устно какие-либо мысли, сообщать что-либо», но дополнили его различными экспрессивно-эмоциональными оттенками, которые иногда можно осмыслить только в рамках определенного контекста.

Жаргонное и окказиональное обозначение процесса речи посредством глаголов в студенческой среде настолько активно, что данные лексемы начинают формировать достаточно разветвленные синонимические ряды [2], например:

побазлать – *побазарить* – *побакланить* – *почирикать* – *покалякать* – *обакашлять* («обсуждать целенаправленно заранее намеченные проблемы»); отметим, что первые пять лексем реализуют указанное значение посредством как перфектной, так и имперфектной формы (без приставки *по-*); глагол *обакашлять* без приставки теряет речевое значение; такое же значение в речи студен-

тов выявляют лексема *перетереть* и устойчивое сочетание *тереть / перетереть тему*.

Наиболее употребительны в речи студентов глагольные образования со значением «говорить много». Они формируют синонимический ряд, включающий также и сочетания фразеологического характера: *базарить – балаболить – балакать – болботать – вонять – гундеть – гундосить – дребезжать – жуужжать – загружать – квохтать – распрягать – словоблудить – сыпать – тарыхтеть – трепаться – трещать – трындеть – базар разводить – болтологию разводить – на ухо сесть – на ушах висеть – речь толкнуть – фуфло гонять*: С ними надо осторожно, долго на ушах висеть нельзя, а то послать могут. Отдельные составляющие данного ряда полисемантичны: глаголы *загружать, распрягать* наряду со значением «говорить / рассказывать много, долго» выявляют сему «хвалить(-ся)»: *Он вчера целый вечер выпендривался, про свою машину загружал; Она про эту вечерину так распрягала, что даже сходить туда захотелось*. Интересно, что антонимичное значение – «говорить мало, однократно» – реализуется студентами в единичных лексемах: *У нее автомат и зарабатывать не надо, два-три раза на практической квакнешь – сама поставит*.

Глаголы *побазлать – побазарить – побакланить – почирикать – обкашлять – калякать – перетираться* близки по значению к перечисленным выше лексемам. Они формируют синонимический ряд на основании реализуемого контекстуального значения «обсуждать целенаправленно заранее намеченные проблемы, вопросы, темы» (фразеологические сочетания с указанным выше значением в разговорной речи студентов нами не выявлены): *Если с ним побазлать по душам, может, он и согласится; Это дело тяжкое, его надо обкашлять*. Приставка *по-* в первых четырех глаголах не только придает им перфектную форму, но и указывает, что речевое действие, обозначенное данными лексемами, происходит на определенном временном отрезке.

Немногим меньшую в количественном отношении группу формируют глаголы и устойчивые сочетания со значением «говорить неправду, передавать заведомо ложную информацию»: *гнать – заливать – залудить – звездеть – лепить – парить – пиликать – свистеть – гнать пургу – корки мочить – лабуду гнать – пенку бросить – пустить дезу – травить мульку*. Употребление подобных единиц придает речи особую экспрессию, поскольку наряду с обозначением речевого действия компоненты данного синонимического ряда в ходе коммуникативного акта выявляют предосудительное намерение говорящего, а также позволяют выразить субъективное отношение к содержанию речи: *Пару дней назад кто-то пустил дезу, что будем в субботу учиться; Я пойду с пары отпрашиваться, опять буду пургу гнать, что бабушка из деревни приезжает*. Сочетание

коркимочить в речи студентов выявляет в контексте также значение «рассказывать интересные, веселые истории», что исключает данную конструкцию из рассмотренного синонимического ряда и формирует другой ряд: *коркимочить – откалывать фишки*.

Выражение недовольства по отношению к кому- или чему-либо выявляют в речевом контексте глаголы *бухтеть – возбухать – гавкать – гыркать – звягать – лаять – пенжить – пиликать – рыкать – таякать – катить бочки – крошить батон – пружинить хвост*: *Хоть бы ты уже не звягал, звягало!* Эмоционально-экспрессивная насыщенность их семантики неодинакова: глаголы *лаять, пенжить* выявляют в контексте значение «называть оскорбительными, грубыми словами, ругать», *гыркать, рыкать* – «говорить грубо, резко», неделимым сочетаниям свойственно значение «клеветать, возводить напраслину»: *Вчера пришел поздно, так сегодня предки все утро пенжили; Чего ты на меня батон крошишь? При чём здесь я?* Отметим, что глагол *звягать* располагает субстантивным дериватом, сохраняющим речевое значение.

Компоненты синонимического ряда *водалбливать – втирать – долдонить – талдычить – умняком давить* в контексте выявляют значение «говорить с целью добиться понимания чего-либо слушающим (слушающими), стараясь сделать излагаемое понятным, ясным»: *Я ему про работу втираю, а он все пытается тему сменить; Сочетание умняком давить выявляет значение «поучать»: Не пойду я к нему, он опять начнет умняком давить, интеллигентность показывает*.

Нами зафиксированы несколько глагольных лексем, характеризующих способ (манеру) речи и объединяющихся значением «говорить невнятно, неразборчиво»: *мычать – мурлыкать – пыкать – мыкать*: *Что-то никто не понял, что ты там промычал; Она спросила тему, я что-то пыкала-мыкала, теперь завтра опять пойду*.

Включение отдельных глаголов в приведенные ряды синонимов может показаться сомнительным, однако конкретное значение лексемы выявлялось нами на основании ее контекстуального употребления.

Стремление разнообразить свою речь и достичь максимальной степени экспрессивности обуславливает появление в речи молодежи вариантов устойчивых сочетаний с единым опорным компонентом: *гнать – пургу, тюльку, телегу, парафин, бурду, лажу; разводить – базар, ляля, трёп; мозги – компостировать, парафинить, долбить, ковырять*[3].

Свое материальное выражение в речи находит и мыслительный процесс, управляющий любым видом деятельности: «...внутренняя речь есть в значительной мере мышление чистыми значениями» [4]. Мысль представляет процесс отражения объективной реальности в суждениях, понятиях, а реальность мысли проявляется в слове. Связь глаголов речи и мышления оказывается иногда

настолько близкой, что эти значения сочетаются в рамках семантической структуры одной и той же лексемы, ср.: *грузить* – *врубаться* – *клинить* (*переклинить*) – *пáрить* – *разуть глаза* – *сечь* – *шарить*, причём глаголы *врубаться*, *пáрить* и *сечь* употребляются в основном с отрицанием.

Субстантивные образования, бытующие в речи студентов, составляют немногим меньше 40% и формируют следующие тематические группы [5]:

- дающие характеристику человеку: *децл*, *шкура*, *шалава*, *шаболда*, *бухарик*, *борзой*, *щегол*, *чмо*, *кошёлка*, *шиза* и др., при этом стоит обратить внимание на то, что субстантивы этой группы в подавляющем большинстве употребляются студентами в пейоративных целях;

- дающие название частям человеческого тела: *педали*, *копыта* («ноги»), *грабли*, *корявки* («руки»), *бубен* («голова»), *хавальник* («рот»), *моргала* («глаза») и др.;

- называющие членов семьи: *предки*, *родоки*, *перенты* («родители»); лексема *папик*, ранее употреблявшаяся только в значении «богатый покровитель, любовник», сейчас употребляется ещё и для номинации состоятельного родителя;

- обозначающие компьютерные понятия: *мануалка* (руководство пользователя User's Manual), *сидюк* (CD – compactdisk), *вжикалка* (принтер), *экзешник* (файл формата *.exe, исполняющий пусковую задачу), *блин* (диск), *виндовоз* (система Windows) и др.;

- обозначающие денежные суммы: *бабки*, *лаве* (деньги), *навар* (доход), *голяк* (отсутствие денег), *мулик* (миллион), *косарь* (тысяча) и др.; сюда же по ассоциации отнесем лексему *лопатник* (кошелек);

- называющие развлекательные мероприятия: *вечерина*, *дискач*, *туса* (*тусовка*), *гадюшник*;

- именующие понятия, связанные с учебным процессом: *препод*, *курсац*, *корочка*, *стёпка* и др.;

- характеризующие детали внешнего вида: *видон* (внешний вид), *прикид* (одежда), *лабелъ* (этикетка) и др.;

- обозначающие мобильную телефонную связь: *моби́ла*, *сотик*, *труба*, *мафон*, *мессаж*.

Значительно реже в речи студенты используют адвербиальные и адъективные образования (соответственно около 5% и 4%):

- параллельно*, *по барабану*, *пофиг*, *до фени*, *фиолетово* («безразлично»), *в лом* («трудно, тяжело»); *беспонтовый* («непрестижный»), *галимый*, *грёбанный*, *левый* («плохой, негодный»), *классный*, *клёвый*, *суперский* («хороший, удачный») и др.

В процессе ежедневного бытового общения студенты, конечно же, используют и стилистически нейтральные лексемы, однако их частотность невелика. На наш взгляд, это можно объяснить как объективными причинами (например, действием закона экономии речевых средств), так и стремлением молодых людей наиболее четко выразить собственное отношение к референту, проявить свою индивидуальность, соответствовать речевой моде в конкретной социальной среде, желанием достичь максимальной эмоциональ-

но-экспрессивной и стилистической выразительности речи.

Подобные речевые образования разрушают стереотипы восприятия, будучи необычными семантически и в некоторых случаях нестандартными структурно. Иногда созданная или переосмысленная лексема выполняет не только экспрессивную (чаще пейоративную), но и криптолалическую функцию. Но нельзя забывать, что «эффектно отступать от норм могут только те, кто прекрасно владеет этими нормами. В остальных же случаях изобретательство новых способов описания свидетельствует лишь о низкой языковой культуре» [6]. А речевая культура современных студентов оставляет желать лучшего. В повседневном общении они зачастую демонстрируют отсутствие элементарных коммуникативно-речевых знаний и умений. Откорректировать ситуацию можно в курсе преподавания ряда учебных дисциплин, спецкурсов и спецсеминаров, в ходе которых необходимо особое внимание уделить выработке умений определять параметры речевой ситуации, выбирать оптимальную коммуникативную тактику и соответствующие речевые средства для достижения поставленной коммуникативной цели. Безусловно, образцом должна служить логично выстроенная, стилистически грамотная, отчетливая речь преподавателя, способного продемонстрировать студентам те возможности, которые открываются в результате овладения средствами и способами коммуникативного взаимодействия (успешное воздействие на аудиторию, компетентное общение в профессионально-деловой, учебной, социокультурной сферах и т.д.).

Литература

1. В. А. Жуковский – критик / Сост., вступ. ст. и коммент. Ю. М. Прозорова. – М.: Сов. Россия, 1985. – 288 с.
2. Горегляд, Е. Н. Обозначение речевого действия в молодежной среде (на материале разговорной речи студентов витебских вузов) / Е. Н. Горегляд // Славянские языки: системно-описательный и социокультурный аспекты исследования : материалы V Международ. науч.-метод. конф., Брест, 24-25 ноября 2011 г. В 2 ч. Ч.1. / М-во образования Респ. Беларусь, Брест. гос. ун-т им. А.С.Пушкина ; редкол. : С.А. Королевич [и др.] ; под. общ. ред. О.Б. Переход. – Брест: Альтернатива, 2012. – С. 158-161.
3. Горегляд, Е.Н. Устойчивые сочетания со значением говорения в речи молодежи / Е.Н. Горегляд // Язык и социум: материалы X Междунар. науч. конф., Минск, 15 – 17 октября 2015 г. / редкол. : И.С. Ровдо (пред.) [и др.] ; под общ. ред. Л.Ф.Гербик. – Минск: Колорград, 2016. – С.58 – 61.
4. Выготский, Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский. – М.: Лабиринт, 1999. – С.69.
5. Горегляд, Е.Н. Словотворчество в молодежной среде (на материале устной речи студентов витебских вузов) // Словаўтварэнне і іншыя ўзроўні беларускай літаратурнай мовы: матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі (Мінск, 23 – 25 лістапада 2014 г.) Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., філ. «Ін-т мовы і літ. імя Якуба Коласа і Янкі Купальскага»; навук. рэд. В.М. Нікалаева. – Мінск: Права і эканоміка, 2014. – С.62 – 66.
6. Николаева, А.В. Когда не все средства хороши / А.В. Николаева // Русская речь. – 2001. – № 3. – С.46 – 49.

Поступила в редакцию 18.01.2018 г.

УДК 811.161.1-112:908(476.5)

Лингвистические особенности мемуаров Г.И. Добрынина (1752–1824)

Горнак В.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

Гавриил Иванович Добрынин родился в 1752 году в Белгородской губернии. С 1777 года жил в Рогачеве, Могилеве и Витебске, где служил чиновником. С 1777 года Г.И. Добрынин вел дневник, в котором, по мнению академика В.В. Виноградова, «изображена жизнь России конца XVIII — начала XIX в. и даны колоритные портреты многих деятелей культуры того времени».

Цель настоящего исследования заключается в изучении и описании лингвистических особенностей мемуаров Гавриила Ивановича Добрынина (1752–1824).

Материалы и методы. Материалом для исследования послужили мемуары «Истинное повествование, или жизнь Гавриила Добрынина, им самим писанная в Могилёве и в Витебске». В настоящей работе использовались описательный и семантико-стилистический методы, а также лингвистическое комментирование.

Результаты и их обсуждение. В статье анализируется роль книжно-письменных и разговорных языковых элементов в мемуарах Г.И. Добрынина. Рассматриваются ретроспективные и проспективные фрагменты изучаемого повествования.

Заключение. Важнейшей лингвистической чертой воспоминаний Г.И. Добрынина следует признать широкое использование разговорных и письменно-книжных языковых элементов. Автор книги стремится к такому соотношению лексических и грамматических пластов, которое бы позволило писателю выразить свою мысль доступно и качественно стилистически. Мемуарный текст Г.И. Добрынина — это яркое отражение процесса становления функционально-стилевой системы русского литературного языка предпушкинской поры.

Ключевые слова: Гавриил Добрынин, мемуары, Витебск, лингвистика, лексика, стилистика, история.

(Ученые записки. — 2018. — Том 25. — С. 75–78)

Linguistic Peculiarities of Memoirs Written by G.I. Dobrynin (1752–1824)

Harnak V.V.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

Gavriil Ivanovich Dobrynin was born in the year 1752 in the Belgorod province. Since 1777 he lived in Rogachev, Mahilyou and Vitebsk, where he served as an official. Since 1777 G.I. Dobrynin kept a diary, in which, according to the Academician V.V. Vinogradov, “depicts the life of Russia of the late 18th — early 19th centuries and provides colorful portraits of many artists of the time”.

The purpose of this study is to examine and describe the linguistic characteristics of the memoirs of Gavriil Ivanovich Dobrynin (1752–1824).

Materials and methods. The memoirs “True narration or life of Gabriel Dobrynin, written by himself in Mogilev and Vitebsk” was the study material. In this paper, we used the descriptive and the semantic and stylistic methods as well as linguistic commenting.

Findings and their discussions. The article analyses the role of book-written and spoken language elements in the memoirs of G.I. Dobrynin. Retrospective and prospective fragments of the studied narration are considered.

Conclusion. The most important linguistic feature of G.I. Dobrynin’s memoirs is a wide application of colloquial and book-written language elements. The author of the book aims at the correlation of lexical and grammar layers, which would enable the writer to express his thought in an accessible and qualitative way from the stylistic point of view. G.I. Dobrynin’s memoir text is a bright reflection of the process of maturation of the function and style system of the Russian literary language of pre-Pushkin time.

Key words: Gabriel Dobrynin, memoirs, Vitebsk, linguistics, vocabulary, stylistics, history.

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 25. — P. 75–78)

Гавриил Иванович Добрынин родился в 1752 году в Белгородской губернии. Первоначально юноша хотел стать священником, однако в 1777 году Гавриил Добрынин оставил службу по духовному ведомству и поступил канцеляристом в Могилёвское наместничество, а с 1797 года был назначен комиссаром в земский суд города Витебска. Умер Г.И. Добрынин в июне 1824 года.

Материал и методы. Российский чиновник оставил после себя мемуары «Истинное повествование, или жизнь Гавриила Добрынина, им самим писанная в Могилёве и в Витебске». Эта книга состоит из трех частей: 1-я рассказывает о детстве и юности автора воспоминаний (до 1777 года), 2-я – о жизни Гавриила Ивановича в Рогачеве, Могилеве, Витебске (до 1810 года), 3-я посвящена последним годам жизни мемуариста [1].

В издании 1872 года также имеются следующие приложения:

Формулярный список коллежского советника Гавриила Добрынина (1752–1824), составленный Н.Р. Шулениковым.

Указатель личных имен и географических названий [1, с. 362 – 374].

Материалом для научного исследования послужили мемуары Г.И. Добрынина [1]. В процессе изучения текста воспоминаний использовались описательный и семантико-стилистический методы, а также лингвистическое комментирование. Цель исследования заключается в изучении и описании лингвистических особенностей мемуаров Гавриила Ивановича Добрынина (1752–1824).

Результаты и их обсуждение. Среди духовных потребностей, побудивших Г.И. Добрынина взяться за перо, сам же мемуарист называет следующие: *Нет, думаю, ни одного человека из могущих мыслить, которому не приходила когда-нибудь мысль: «кто я? где я? откуда я пришел? что вижу я? и куда пойду?» и подобныя сему мысли* [2, с. 3]. (Орфография и пунктуация памятника здесь и в дальнейшем частично сохранены. – В.Г.)

Ценность записок Г.И. Добрынина очень высока, ибо по живописности бытовых сцен, типичности человеческих характеров, по сатирической силе и, наконец, бесспорным литературным способностям многие первые читатели видели в авторе воспоминаний отдаленного предшественника Н.В. Гоголя, Н.Г. Помяловского [2, с. IX – X]. Академик В.В. Виноградов отмечал, что в добрынинских мемуарах изображена жизнь России конца XVIII – начала

XIX в. и даны колоритные портреты многих деятелей культуры того времени [3, с. 500].

Стараясь сделать «Истинное повествование...» доступным широкому кругу читателей, Г.И. Добрынин проводит довольно тщательный и целенаправленный отбор лингвистических средств из русского общенародного языка. Мемуарист свободно вводит в текст воспоминаний выразительные просторечно-разговорные слова и фразеологизмы. Часто привлекаются глаголы и наречия разговорного характера, которые оживляют речь: *перековеркать, авось-либо, где хотел шатался, обескуражить, теперь только приуснуть, куда трафиться, отсель, и сам загулять, прожить три года с лишком, пошел я пройтись, онъ себя столько озабочиваетъ, и все позаснули, хотя и въ монастыряхъ живаль*.

Довольно часто употребляются слова с суффиксами субъективной оценки для создания иронии, пародирования чьей-либо речи или с целью придания полемической заостренности: *съ недожалованнымъ чинкомъ, онъ показался намъ мещановатъ, скамеечки, Иванюша, утка с маленькими утенятами, онъ былъ бояроватъ, караульня, маловато, нескладица, девка чернобровка, по маленькимъ деревенькамъ, белорыжеватые волосы, попойка, обновка, диковинка, куцый паричокъ, въ безделкахъ, мои пожитки, ребятишекъ. белую рубашечку*.

Нередко встречаются в тексте воспоминаний существительные с увеличительными суффиксами *-ищ-, -щин-: позорище, мастерище, безтолковщина, дьявольщина, монастырищина*.

Г.И. Добрынин не обошел вниманием и собственно разговорные лексемы. В «Истинном повествовании...» можно, например, обнаружить: *бойчакъ* (драчун – В.Г.), *пронырливые люди, шиб* (стекло – В.Г.), *недоброхоты, плуты, пролазы, гуляка*.

Наблюдаются в мемуарах и грубо-просторечные слова и выражения: *дуракъ был покойникъ! но были и подлецы; вы изверги, вы каналы, дураки, дуракъ! Для чего ты, седой хрен, не учишь своих подкомандных?*

В тексте иногда можно заметить варианты написания отдельных слов и словоформ. Например, *алтарь* и *олтарь*; *ярмарка* и *ярманка, ярмонка*. Наиболее распространены варианты *алтарь* и *ярмарка*.

В синтаксисе мемуаров Г.И. Добрынина обнаруживается обилие конструкций живой разговорной речи, которые придают тексту различные эмоциональные оттенки: *Дурак! Иванюша! Иванюша! Э, брат, тебе видно не наше горе, ты съ дядюшками живешь!; Все хорошо! Черта пре-*

красная! Но удивиться надобно силе привычки! Они бедны! Они прожились! Они проелись!

Часто употребляются характерные для разговорной речи слова и словосочетания: *сказать правду, съ грехом пополам, въ самом деле, говорить, право, словом*. Все эти и подобные языковые элементы нейтрализуют книжность предложений. Широко используются мемуаристом бессоюзные конструкции, способствующие созданию быстроты и отрывистости речи, что также является признаком разговорности. Сложные союзные предложения, хотя традиционно и являются принадлежностью книжной речи, выражают эмоциональность, характерную больше для устного общения. С этой же целью используются повторы, которые подчеркивают, усиливают и актуализируют основную мысль: *Какая вина? Вина та, что...*

Как известно, в процессе формирования национального русского литературного языка важную роль сыграл Н.М. Карамзин, который стремился сблизить письменный литературный язык и живую разговорную речь образованных людей своего времени. При анализе «Истинного повествования...» можно заметить, что в языке Г.И. Добрынина нет таких жестких границ (или запрета) для просторечий, которые выдвигал, например, Н.М. Карамзин или его сторонники. Из простонародной речи на страницы мемуаров попадают типичные разговорные обороты, слова, передающие колорит эпохи, характеризующие реальных лиц с точки зрения их образования, занимаемой должности, интеллектуального развития.

Время в повествовании представлено последовательно. По крайней мере, такое желание (*кто я? куда иду? что со мной будет?*), о котором уже в предисловии своей книги заявляет Г. Добрынин, выполняется. Субъективно-личностное начало обеспечивает как внутреннюю спаянность (когерентность) текста, так и формальную (когезия). При более близком знакомстве с воспоминаниями оказывается, что текст неоднороден: в нем разрабатываются разные сюжетные линии и персонажи (детство и юность, родители и близкие, чиновничья служба и т.д.), вводятся разнотипные языковые средства, то есть текст, с одной стороны, как бы «разрыхляется». С другой – все эти направления подчиняются единой глобальной задаче, единому пространственно-временному континууму, то есть здесь присутствуют как центробежные, так и центростремительные силы. Мемуары при явном преобладании ретроспективного начала, по всей видимости, являются сложным единством проспекции и ретро-

спекции. Проспективные фрагменты в мемуарах Г.И. Добрынина, как правило, небольшие по объему и зачастую выступают в качестве интенсификатора внимания читателя. Глаголы же в добрынинском тексте в подавляющем числе случаев употребляются в форме прошедшего времени, что для читателя становится нормой. А главным сигналом, предвосхищающим проспекцию, является смена грамматического времени (переход в форму будущего) и лексические указатели. *Я для того сделалъ объ немъ довольно замечательную роль, о чемъ боле скажется ниже на своихъ местахъ, а теперь довольно одного предисловія.*

Как правило, художественный мир мемуаров Добрынина отражает поступательный, то есть движущийся вперед (катафорический) ход развития сюжета. Основными средствами выражения динамики являются глаголы прошедшего времени и однородные члены предложения (логически очень пестрые, что имеет целью показать калейдоскопичность впечатлений автора мемуаров). Ритм описания быстрый, динамичный. Некоторое «замедление» осуществляется за счет включения в повествование прямой речи, в которой представлены глаголы в форме настоящего времени, а также однородные члены предложения, выраженные действительными причастиями настоящего времени.

Нетрудно заметить, что автор «Истинного повествования...» стремится сделать текст доступным для широкого читателя, «интимизировать» воспоминания. Отсюда, как нам кажется, не только широкое привлечение разговорных языковых элементов, но и стремление к разнообразным конструктивно-речевым формам.

Книжно-письменная тенденция в повествовании Г.И. Добрынина также объясняется и его многолетней службой в церковной, а позже и в чиновничьей среде. В мемуарах можно встретить консервативно-книжные, архаичные даже в начале XIX века языковые особенности, свойственные канцелярской речи. Например, *во избежаніе сего, вслѣдствіе сего, по порядку теченія времени, по прошествіи лет, после сего, часть онаго, въ семъ случае, наипаче*. Однако следует заметить, что мемуарист все-таки старается избегать подобного канцелярита.

В записках широко представлены имена существительные с формантами *-ніе, -еніе, -ость, -тель, -ство*, которые в основном несут книжный характер: *поощреніе, прошеніе объ определени, отдохновеніе, размышленіе, измереніе, обозреніе, повеленіе, произведеніе, образованіе, узнаніе, отдохновеніе, смотреніе, засвидѣтельствованіе, нетленіе, невинность, тленность, угод-*

ность, вольность, трезвенность, суетность, неправость, непорочность, доверенность, гражданство, шляхетство, советничество, тиранство, наместничество и т.д.

В тексте “Истинного повествования...” достаточно много лексем (существительных, прилагательных, наречий, глаголов), образованных сложением: *злокозненные, новоделанные, душепагубно, единообразно, убогодетельствованный, трілетнему* (сыну), *единодушно, смехаплачевнаго, любомудрае* (перо), *смертоносной* (кинжалъ), *самовидецъ, клубоподобная* (голова), *шаровидный* (глаз), *каждогодно* и др.

Заключение. Одной из существенных лингвистических черт текста воспоминаний Г.И. Добрынина следует признать широкое использование разговорных и письменно-книжных языковых элементов. Мемуарист в своем творчестве стремится к такому соотношению лексических и грамматических пластов русского языка, которое бы позволило пишущему выразить

мысль не только образно, но доступно, занимательно и качественно стилистически. Текст мемуаров Г.И. Добрынина – это яркое отражение процесса становления функционально-стилевой системы русского литературного языка предпушкинской поры.

Литература

1. Добрынин, Г.И. Истинное повествование, или жизнь Гавриила Добрынина, им самим писанная в Могилеве и в Витебске / Г.И. Добрынин. – Санкт-Петербург, 1872. – 379 с.
2. Семевский, М.В. Предисловие редактора / М.В. Семевский // Истинное повествование, или жизнь Гавриила Добрынина, им самим писанная в Могилеве и в Витебске / Г.И. Добрынин. – Санкт-Петербург, 1872. – С. III – X.
3. Виноградов, В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX веков / В.В. Виноградов. – М., 1982. – 528 с.

Поступила в редакцию 18.01.2018 г.

УДК 81'373.2:821.161.1

Пространство альтернативных миров в индивидуально-авторской картине мира И. Бродского: ономастический аспект

Деревяго А.Н.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

Естественным вариантом вербализации и знаний о мире, и языковой семантики являются тексты, зафиксированные в письменной форме, или воспроизводимые в речи в процессе коммуникации. Языковая личность автора выражается в непосредственном факте создания текста, насыщении его смыслами и организации образной системы, которая проецирует ментальные модели как реального, так и альтернативного мира, которые созданы И. Бродским посредством мифонимного инструментария.

Цель исследования — выявление специфики создания в поэтических текстах И. Бродского образа альтернативных миров ономастическими языковыми средствами как иллюстрация ментальных механизмов познания ирреальных сущностей.

Материал и методы. Объектом нашего исследования стал мифонимикон поэтического текста И. Бродского как элемент воплощения в индивидуально-авторской картине мира системы универсальных мифологем. Языковой материал был собран методом сплошной выборки из поэтических текстов И. Бродского в рамках сборников «Остановка в пустыне», «Пейзаж с наводнением», а также собрания сочинений автора. Ведущим методом был описательный в единстве приемов анализа, синтеза и обобщения с применением методов логических построений и контекстного анализа.

Результаты и их обсуждение. Мифологическое сознание человека является базисом создания образа альтернативных миров. Поэтический текст И. Бродского ретранслирует и реорганизует большое количество мифологических образов и идей. Ядро мифонимного субполя поэзии В. Брюсова представлено мифоперсонимами. Это — особое структурное образование, которое как часть включает и теонимию как часть имен собственных, которые называют божеств. Мифоперсонимы часто тесно связаны с теми или иными широко известными ситуациями, которые описаны в мифе. Семантика таких имен собственных, а именно их энциклопедическая информация, скрытая в прагмакомпоненте, позволяет им стать идеальными выразителями обширных объемов смысла, зачастую не требуя дополнительных комментариев.

Заключение. Знаковая последовательность, представляющая художественный текст И. Бродского, многомерна и многослойна. Языковые знаки вмещают множественные смыслы, которые выстраиваются в семантические векторы индивидуально-авторской картины мира. Топос поэтического текста И. Бродского формируется не только в измерении реального субъектно-объектного мира, но и в проекции альтернативных, ирреальных миров, языковыми средствами создания образов которых являются мифонимы, чье типологическое разнообразие обеспечивает модели метафизического, альтернативного мира протореальные, осознаваемые черты.

Ключевые слова: индивидуально-авторская картина мира, текстовое пространство, пространство альтернативных миров, мифологическое сознание, ономастический аспект, мифонимы.

(Ученые записки. — 2018. — Том 25. — С. 79–84)

The Space of Alternative Worlds in the Individual-Author's Picture of the World of I. Brodsky: Onomastic Aspect

Derevyago A.N.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The natural variant of verbalization and knowledge about the world, and language semantics are texts fixed in writing, or reproduced in speech in the process of communication. The linguistic personality of the author is expressed in the immediate fact of creating the text, saturating it with meanings and organizing a figurative system that projects mental models of both the real and the alternative world that were created by I. Brodsky through the mythonic elements.

The purpose of the study is to reveal the specificity of the creation in the poetic texts of I. Brodsky of the image of alternative worlds by onomastic language means as an illustration of mental mechanisms of cognition of unreal entities.

Material and methods. *The object of our research was the mythonymicon of the poetic text of I. Brodsky as an element of the embodiment in the individual author's picture of the world of the system of universal mythology. The language material was collected by the method of continuous sampling from the poetic texts of I. Brodsky in the collections "Stop in the Desert", "Landscape with a Flood", and also the collection of the author's works. The leading method was descriptive in the unity of methods of analysis, synthesis and generalization with the use of methods of logical constructions and contextual analysis.*

Findings and their discussion. *Mythological consciousness of man is the basis for creating the image of alternative worlds. Poetic text I. Brodsky retranslates and reorganizes a large number of mythological images and ideas. The core of the mythological subfield of V. Bryusov's poetry is represented by mythopersonics. This is a special structural formation, which, as part, includes the theonymy as part of proper names, which are called deities. Mythopersonics are often closely related to one or another of the widely known situations that are described in the myth. The semantics of such proper names, namely their encyclopaedic information, hidden in the pragmacomponent, allows them to become the ideal spokespeople of vast volumes of meaning, often without requiring additional comments.*

Conclusion. *The sign sequence, which represents the artistic text of I. Brodsky, is multidimensional and multilayered. Language signs contain multiple meanings, which are built into the semantic vectors of the individual author's picture of the world. Topos of the poetic text of I. Brodsky is formed not only in the measurement of the real subject-object world, but also in the projection of alternative, surreal worlds, the linguistic means of creating images of which are myths whose typological diversity provides the models of a metaphysical, alternative world with proto-real, realized features.*

Key words: *an individual-author's picture of the world, text space, the space of alternative worlds, mythological consciousness, onomastic aspect, mythonims.*

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 25. — P. 79–84)

Авторский текст является отражением картины мира, созданной мыслящим субъектом как образ бесконечного числа объектов, связанных между собой и обусловленных установками акцентуации творческой личности. Любой человек, наделенный сознанием, интеллектуальные силы затрачивает на ориентацию в окружающем мире; реальное пространство имеет объективные характеристики и свойства, в связи с чем картина мира, создаваемая человеком, отличается своей объективно-субъективной природой, притом «человек обнаруживает вокруг себя много озадачивающих его явлений и, обладая разумом, должен находить их смысл, включать их в определенный контекст, который он может понять ... Чем дальше развивается его разум, тем более адекватной становится его система ориентации... Вполне очевидно, что его картина мира зависит от разума и знаний» [1, с. 63].

Модель художественного текста как знаковой последовательности приобретает в ареале индивидуального интеллектуального творчества многомерность, так что все активнее в лингвистической и литературоведческой науке возникает образ художественного дискурса как пространства создания и функционирования взаимосвязанных языковых знаков, максимально насыщенных разноаспектным смыслом, часть векторов которого прямо связаны с идеями альтернативной реальности.

Понятие картины мира как системы представлений о действительности, складывающейся в сознании мыслящей личности и аккумулирующейся в общую когнитивную модель нации или этноса, сложилось в философии в ответ на потребность именования феномена моделирова-

ния окружающей человека реальности. В проблемном поле лингвистической науки XXI века ментальный образ картины мира занял одну из центральных позиций в связи с антропоцентрической парадигмой научных исследований и всесторонним рассмотрением проявлений человека в языке и языка и человеке. Модель картины мира обрела реальные очертания в типологии: философская, научная, религиозная, мифологическая, образная картины мира как составляющие концептуальной картины мира получили описание и стали объектами исследования ученых разных отраслей науки. Так, лингвистикой устанавливается связь картины мира и языка, изучаются способы фиксации мыслительного содержания языковыми средствами. Как одна из знаковых систем, язык не только является частью картины мира, но и выступает основой формирования языковой картины мира. Наконец, «при помощи языка знание, полученное отдельными индивидами, способно участвовать в коммуникативных процессах, превращаясь в интересующее» [2].

Естественным вариантом существования и знаний о мире, и языковой семантики являются тексты, зафиксированные в письменной форме, или воспроизводимые в речи в процессе коммуникации. Языковая личность автора выражается в непосредственном факте создания текста. В способности перцепции и интерпретации текста реализуется языковая личность субъекта, воспринимающего текст. И создатель, и реципиент текста есть воплощение языковой личности, которая, по мнению Ю.Н. Караулова, состоит из нескольких уровней, таких как «лексикон (вербально-семантический уровень), тезаурус, представляющий

«образ мира» данной личности, и прагматикон (систему личностных целей, мотивов, установок)» [3, с. 171].

Так, индивидуально-авторская языковая картина мира предстает как отображение окружающей действительности в мировосприятии отдельной *языковой личности*, как мировидение *языковой личности* через отражение его в созданных на естественном языке текстах. В нем наряду с универсальными общечеловеческими знаниями имеются уникальные представления. И концептуализация мира в художественном тексте, «с одной стороны, отражает универсальные законы мироустройства, с другой стороны, индивидуальные, порой, уникальные, воображаемые идеи» [4, с. 35].

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что в рамках антропоцентрической парадигмы особый интерес вызывает вопрос о формировании индивидуально-авторской картины мира, которая, воплощенная в определенной последовательности языковых знаков, коей является текст, отражает специфику когнитивных процессов мыслящего субъекта.

Цель исследования – выявление специфики создания в поэтических текстах И. Бродского образа альтернативных миров ономастическими языковыми средствами как иллюстрация ментальных механизмов познания ирреальных сущностей.

Материал и методы. Ономастический аспект конструирования пространства альтернативных миров связан прежде всего с мифонимами, называющими объекты нереальные или гипотетические. Таким образом, мифонимия предстает частью онимической лексики, выступая отражением в ее границах альтернативной когнитивной реальности.

Объектом нашего исследования стал мифонимикон поэтического текста И. Бродского как элемент воплощения в индивидуально-авторской картине мира системы универсальных мифологем. Спецификой поэтики этого автора может быть признано сочетание философичности и концептуальности, когда он стремится донести идею, понятие в их чистом виде, чтобы ясность понимания идеально отражалась в слове и тексте. И в своем желании как можно более четко высказать собственное видение происходящего И. Бродский использует все возможные способы и методы, в том числе и создание модели ирреального, альтернативного пространства. Языковой материал как средство аргументации выдвинутых тезисов был собран методом сплошной выборки из поэтических текстов И. Бродского в рамках сборников «Остановка в пустыне», «Пейзаж с наводнением», а также собрания сочинений автора. Ведущим методом был описательный

в единстве приемов анализа, синтеза и обобщения с применением методов логических построений и контекстного анализа.

Результаты и их обсуждение. Мифологическое сознание человека является базисом создания образа альтернативных миров. Исходная сущность мифа состояла в попытке на интуитивном уровне создать целостную картину мирового устройства, дополнить ограниченность эмпирического опыта. Историческое развитие теоретического мышления и освоение практического опыта нашло отражение в специальной теории относительности, где взаимосвязь Пространства и Времени воплотилась в качестве математического понятия четырехмерного континуума. К трем главным параметрам, описывающим Пространство, – длина, ширина и высота – добавилось четвертое – Время. Однако многие усомнились в некоторых свойствах четвертого параметра – например, в постоянстве Времени [5]. Мифологемы устойчивы во времени; в разных культурных и социальных условиях дают разные результаты и проецируют разные модели альтернативных, ирреальных миров. Отсюда проистекает актуальность мифологического сознания для любой культурной эпохи.

Альтернативные миры текстового пространства И. Бродского связаны с вневременной проекцией мифологических образов и идей. Как прием расширения временного континуума, использование устойчивых мифологических идей и образов в произведениях литературы имеет определенные традиции: мифологическое пространство закрыто, самодостаточно, и «единственное движение, возможное в нем – повтор, воспроизведение уже некогда свершившегося и вербализованного» [6, с. 636]. Однако спецификой индивидуально-авторской картины мира И. Бродского, реализованной в языковых знаках художественного творчества, может быть признана скрупулезная последовательность и точность воплощения в тексте многомерного образа альтернативного мироустройства, о чем свидетельствует широкий инструментарий привлеченных автором лексических средств.

Поэтический текст И. Бродского ретранслирует и реорганизует большое количество мифологических образов и идей. Неслучайно мифонимное субполе ономастического пространства по количеству элементов уступает лишь традиционному авангарду – антропонимам и топонимам.

Ядро мифонимного субполя поэзии И. Бродского представлено мифоперсонимами. Это – особое структурное образование, которое как часть включает и теонимию. Мифоперсонимы часто тесно связаны с теми или иными широко известными ситуациями, которые описаны в мифе. Семантика таких имен собственных,

а именно их энциклопедическая информация, скрытая в прагмакомпоненте, позволяет им стать идеальными выразителями обширных объемов смысла, зачастую не требуя дополнительных комментариев.

Особенностью поэтического текста автора является соотнесенность единиц с мифологией трех исторических локусов с социокультурной спецификой. Мифонимы *Шива, Гиперборей, Прозерпина, Аполлон, Эвтерпа, Амфитрита, Клио, Урания, Леда, Лесбия, Мнемозина, Янус, Амур, Борей, Хронос, Посейдон, Афина, Минерва, Персефона, Нерей, Марс, Эол, Бахус, Артемида, Парки, Вертумн, Помона, Аид* представляют мифонимную сферу Древней Индии, Древней Греции и Рима, цивилизации которых выступают предтечами и источниками многих мировых культурно-исторических формаций. В текстах И. Бродского преимущественно реализованы мифоперсонимы, семантика которых в прагматическом компоненте содержит контекстуально обусловленные положительные коннотации земного и верхнего мира. Альтернативное пространство намеренно лишено второго сопряженного компонента: избегание именования темных, деструктивных сил подземного мира – очевидный и последовательно реализованный контекстный прием.

В качестве номинаций высшего божества нового исторического этапа развития мировых цивилизаций выступают не только ядерные онимы, такие как *Христос, Аллах, Магомет, Будда*, но и онимизированные апеллятивы окологермоного пространства, называющие божество – *Бог, Господь, Творец, Божество, Спаситель, Сын Господен, Бог Солнца, Незримый, Сын, Отец*. Такое количество именований можно объяснить в том числе и тем, что при переводе Библии или именования Бога каждый народ руководствовался своими представлениями об истинном Образе и Имени Бога, вопрос о которых в теологии является одним из центральных. Для И. Бродского многочисленные именования божества – еще и речевой намек на мысль о божественной определенности всего сущего, о стремлении к абсолюту и подобному миропорядку.

В границах мифонимии существует и микрополе мифоантропонимов. В поэзии И. Бродского двенадцать онимов связаны своим ветхозаветным распространением, четырнадцать – новозаветным. Мифоантропонимия поэзии И. Бродского характеризуется своим библейским происхождением: шесть единиц – *Ева, Адам, Иаков, Исаак, Ревекка, Авраам* – объединены ветхозаветным текстом, восемь единиц – *Иосиф, Мария, Бальтазар, Каспар, Мельхиор, Назорей, Лазарь, Ирод* – контекстом Нового завета: «... Ему все казалось огромным; грядь

матери, желтый пар / из воловых ноздрей, волхвы – Бальтазар, Каспар, / Мельхиор; их подарки, втащенные сюда / Он был всего лишь точкой. И точка была звезда» [7, с. 3].

Книги Ветхого завета есть канонический кодекс веры, морали, всесторонних знаний о мире и человеке, о месте человека в мире и социуме. В центре ветхозаветного повествования находятся люди с их историями и судьбами, что насыщает Библию событиями и персонажами, тогда как новозаветный текст концентрируется в образе Иисуса Христа.

Для индивидуально-авторской картины мира концептуально важны идейные мотивы обеих частей Библии, о чем свидетельствует паритетное соотношение образов Ветхого и Нового завета, представленных в тексте соответствующими мифонимами. Некоторые из собственных имен подвергаются трансформации в связи с их эстетической и выразительной валентностью. Так, оним *Исаак* в тексте функционирует и в варианте *Исак*, который создает иллюзию гипористической формы, а смысловое контекстное окружение преобразованного мифонима трансформирует его семантику, внося блоки культурно маркированной информации – имя существует в русской коммуникации и в соответствии с этим преобразуется: «По-русски Исаак теряет звук / Ни тень его, ни дух (стрела в излете) / Не ропщут против буквы вместо двух...» [8, с. 32]. В связи с ситуацией этнически маркированной номинации развивает автор и одну из идей поэмы «Исаак и Авраам»: на фоне ветхозаветного сюжета о жертвоприношении по требованию Бога Авраамом своего сына Исаака как примера столкновения моральных норм и божественного повеления, человеческого страдания и божественного избавления от него появляется авторская мысль о том, что русское бытие сопряжено с наличием страдания зачастую без надежды на избавление: «Но не вздыхает нож ничья рука / чтоб кончить муку, нет вблизи Авраама ... И снова жертва на огне Кричит: / вот то, что «Исаак» по-русски значит» [9, с. 40].

Онимы *Гектор, Аякс, Андромаха, Ариадна, Тезей, Орфей, Язон, Нарцисс, Пенелопа, Улисс, Полифем* и др. представляют древнегреческие сказания о богах и героях. Эта часть ономастического пространства употребляется в языке для именования гипотетических объектов. Пространство мифонимии определяется моделью мира, созданной древними греками, где реальные элементы дополнялись фантастическими и гипотетическими, тем не менее принимаемыми за реальные. Сюжеты древнегреческих мифов в качестве аллюзий поэт использует неоднократно, проводя параллель между мифическими героями и состоянием лирического героя: «Я покидаю город,

как Тезей – / свой Лабиринт, оставив Мино-
тавра / смердеть, а Ариадну – ворковать /
В объятьях Вакха» [8, с.83].

Ряд мифонимов этого семантического типа представлен в рамочном тексте стихотворений – заголовочных номинациях *Орфей и Артемида, Дидона и Эней, Одиссей Телемаку, Дедал в Сицилии*. Этими единицами фиксируется только отнесенность к тому или иному сюжету без фиксации характера обращения, которое может быть и цитатным, и аллюзивным, и нейтральным, и полемическим. Спецификой поэтического пространства И. Бродского можно назвать то, что его заголовочные номинации с денотатами-мифологическими образами аллюзивны и полемичны. Например, заголовок *Орфей и Артемида* уже в характере объединения на правах однородности двух образов – знаменитого певца Эллады Орфея и богини охоты, плодородия Артемиды – вступает в полемику с претекстом – мифом об Орфее и Эвридике.

Традиционная двухкомпонентная номинация *Орфей и Эвридика* выступает как мифологема вечной любви и безграничной преданности. При этом сам Орфей – загадочный образ-символ музыканта, творца, который покоряющей силой звуков мог повелевать животными, растениями и даже камнями и вызывать сострадание у богов подземного мира. И образ Орфея, и образ Артемиды связаны с идеей жизни, движения, постоянного изменения, трансформации. Однако стихотворный текст открывается предикацией зимы («Наступила зима...»), семантика которой расширяется благодаря лексическому ряду, связанному с темой зимы – снег, белизна. Образ зимы является одним из ведущих в творчестве автора, когда «сезонное возвращение снега напоминает величавый покой небытия ... Снег уничтожает своей белизной всякое разнообразие, поэтому мир живых становится царством мертвых... Белизне снега созвучно безмолвие, а в своей «сдержанности» он соответствует стоицизму героя Бродского» [10]: «В скобки берет зима / жизнь. Ветвей бахрома / взгляд за собою влечет...» [9, с. 57]. Снега хранят следы животных, но всеобщую затаенность, обесцвеченность, скрытость не под силу преодолеть ни Артемиде, ни Орфею: развитие поэтической мысли венчается лексемой *бестиарий*, которая вводит в контекст образ средневекового сборника зоологических статей с подробным описанием различных животных. Так, не сами животные, а их статичное описание, не движение и развитие, а затаенность и обезличенность составляют смысловую доминанту абсолютного конца стихотворения. В мифониме *Орфей* на уровне прагмакомпонента этот смысловой блок поддерживает и

контекстуальная близость апеллиатива-дефиниции *новый*: ни звери, ни камни не подвластны певцу, тем более что в новом временном измерении Орфей выступает единственным активно действующим субъектом, а весь мир вокруг – лишь застывшая копия реальности, связанная с семантикой логико-философского понятия возможного мира.

В границах мифонимии, представленной в поэтических произведениях И. Бродского, выделяется объединение мифотопонимов, среди которых ведущие позиции занимают мифохоронимы, характеризующиеся своим дисперсным ядерно-периферическим расположением: *Рай, Ад, Геенна, Эдем*. Отдельно следует отметить мифонимы с общей семой «место, где пребывают души мертвых» – *Аид* (вариант – *Царство Вечного Молчанья*), *Валгалла, Царство Теней, Царство Мертвых*. Многообразие наименований исходно единой топографической единицы является иллюстрацией того, что место, которого никто не видел и которое существует гипотетически, каждый народ представлял по-своему, а название фиксировал в мифах и эпосе.

Околоядерное пространство мифонимного поля, представленное мифотопонимами, в поэзии И. Бродского расширяется мифоастинимам (*Содом, Троя / Илион*), мифооронимам (*Голгофа, Синай, Афон*), мифопотамонимам (*Стикс, Лета, Рубикон*).

Область мифонимного поля поэзии И. Бродского включает в себя мифозоонимы, представленные всего двумя единицами ближней периферии – названием греческого мифического чудовища, полубыка-получеловека, рожденного женой критского царя Миноса от связи со священным быком бога Посейдона (*Минотавр*), наименованием существа со змеями вместо волос и взглядом, обращающим любого в камень (*Горгона*). Образы и Минотавра, и Горгоны составляют область раскрытия семантической наполненности именований центральных персонажей мифологического претекста, который они представляют, – *Тесея* и *Персея*.

Заключение. Знаковая последовательность, представляющая художественный текст И. Бродского, многомерна и многослойна. Языковые знаки вмещают множественные смыслы, которые выстраиваются в семантические векторы индивидуально-авторской картины мира. Топос поэтического текста И. Бродского формируется не только в измерении реального субъектно-объектного мира, но и в проекции альтернативных, ирреальных миров, языковыми средствами создания образов которых являются мифонимы, чье типологическое разнообразие обеспечивает модели метафизического, альтернативного мира протореальные, осознаваемые черты.

Литература

1. Фромм, Э. Искусство любить / Э. Фромм. – Москва: АСТ Москва, 2009. – 224 с.
2. Босова, Л.М. Концептуальная картина мира как основа понимания смысла речевого произведения / Л.М. Босова [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: http://elibr.altstu.ru/elibr/books/Files/pa1999_1/pages/30/pap_30.html— Дата доступа: 19.12.2017.
3. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Едиториал УРСС, 2014. – 263 с.
4. Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа : учебник для вузов / Л. Г. Бабенко. – Москва – Екатеринбург: Акад. проект, Деловая кн., 2004. – 206 с.
5. Лукшиц, Ю. Альтернативная реальность. Дорога в иные миры / Ю. Лукшиц [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: <https://www.proza.ru/2010/07/28/146>. – Дата доступа: 10.11.2017.
6. Новейший философский словарь / А.А. Грицанов [и др.]; под ред. А.А. Грицанова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск: Интерпрессервис, 2001. – 1280 с.
7. Бродский, И. Пейзаж с наводнением / И. Бродский. – СПб: Пушкинский фонд, 2000. – 240 с.
8. Бродский, И. Остановка в пустыне / И. Бродский. – СПб: Пушкинский фонд, 2000. – 248 с.
9. Бродский, И. Малое собрание сочинений / И. Бродский. – СПб.: Азбука, 2014. – 880 с.
10. Халимбекова, М.С. Образы времени и пространства в поэтическом сборнике Иосифа Бродского «Остановка в пустыне» [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/obrazy-vremeni-i-prostranstva-v-poeticheskom-sbornike-iosifa-brodskogo-ostanovka-v-pustyne>. – Дата доступа: 10.12.2017.

Поступила в редакцию 18.01.2018 г.

УДК 811.161.1'373.2:338.48

Культурные пути и их названия в туризме

Дихтяр С.В.

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов», Москва (Россия)*

Среди активно развивающихся в последнее время брендов культурных путей особенно выделяются Великий шелковый путь, Великий чайный путь и культурные пути Совета Европы.

Цель работы – анализ наиболее известных дромонимов в туризме – как международных, так и российских.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили документы Всемирной туристской организации по проекту Шелковый путь, описания культурных маршрутов, представленные в официальных источниках Европейского института культурных маршрутов Совета Европы, а также информация о разрабатываемых проектах. Методологической базой исследования являются общенаучные и историко-системные методы анализа.

Результаты и их обсуждение. Названия путей отражают некоторое ключевое понятие или явление, вокруг которого выстраивается тема культурного маршрута. Выбор и номинации путей дают характеристику ценностям и значимым с точки зрения определенной культуры понятиям. В статье обращается внимание на многообразие используемых терминов, передающих смысл пути, сложности при их переводе и интерпретации.

Заключение. Для индустрии туризма и гостеприимства обращение к культурным путям дает возможность шире использовать инновационные возможности и потенциал территорий для продвижения, а создание подходящих дромонимов играет в этом процессе важную роль.

Ключевые слова: дромонимы, туризм, культурные пути, Европейский институт культурных маршрутов, Великий шелковый путь, Великий чайный путь.

(Ученые записки. — 2018. — Том 25. — С. 85–88)

Cultural Routes and their Names in Tourism

Dikhtiar S.V.

*Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Peoples' Friendship
University of Russia», Moscow (Russia)*

The Great Silk Road, the Great Tea Road and cultural routes of the Council of Europe are especially prominent among other cultural brands, which have recently been actively developing.

The objective of this research is to analyze the dromonims mostly common in tourism both internationally and in Russia.

Material and methods. The research was conducted on the basis of the documents officially provided by the UNWTO on the Great Silk Road project, the description of the cultural routes published by the European Institute of Cultural Routes of the Council of Europe as well as the information about projects currently developing. The methodology tools used for the research are general scientific and historic system analysis.

Findings and their discussion. The names of the cultural routes reflect a key notion or action, which is a thematic nucleus of the route. The route choice and its name characterize valuable and meaningful notions within a certain cultural realm. The article calls attention to the plethora of the working terms, which explain the idea of the route and possible difficulties in their interpretation and translation.

Conclusion. The issue of cultural routes allows to widely use the innovational opportunities and potential of the territories for their advancement. Creation of suitable dromonims is vitally important for this process.

Key words: dromonims, cultural routes, tourism, European Institute of Cultural Routes of the Council of Europe, The Great Silk Road, The Great Tea Road.

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 25. — P. 85–88)

В последнее время активно развивается новая форма культурного туризма – культурные пути. Среди известных мировых брендов путей можно назвать Великий шелковый путь, на европейском пространстве –

культурные пути Совета Европы, в России – Великий чайный путь. Так как речь идет о путях сообщения, то естественно обратиться к соответствующим дромонимам – названиям путей – и практике их использования в туризме.

При этом следует иметь в виду, что термин «культурный путь» в туризме имеет более широкое значение, чем просто способ сообщения между пунктами назначения. Схематически культурный путь можно определить на карте как некоторую систему узлов, представляющих потенциальный интерес для посещения туристов. Примерами узлов могут служить города, участки древних торговых путей, объекты туристского показа, исторические места и природные красоты, специализированные события и т.п.

Важно подчеркнуть, что системным принципом, объединяющим узлы, является вполне определенная тема пути и общая организационная структура. Ключевыми требованиями к организации пути выступают культурная значимость и актуальность темы, а также эффективность организационной структуры с точки зрения удовлетворения потребностей туристов [1]. Для индустрии туризма и гостеприимства обращение к культурным путям дает возможность шире использовать инновационные возможности и потенциал территорий для развития и продвижения устойчивого туризма. Таким образом, мы приходим к несколько расширенному понятию дромонида в туризме.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили документы Всемирной туристской организации (ЮНВТО) по проекту Шелковый путь, описания культурных маршрутов, представленные в официальных источниках Европейского института культурных маршрутов Совета Европы, а также информация о разрабатываемых проектах. Для получения знаний о культурных путях и обоснования выводов были использованы общенаучные и историко-системные методы анализа. На них базируется и непосредственно связанный с исследованием дромонидов культурных путей метод абстрагирования.

В связи с тем что культурные пути, как показано ниже, во многих случаях базируются на использовании историко-культурного потенциала, естественным образом при анализе применяется исторический метод. Он имеет первостепенное значение при формулировании или анализе концепции пути, отображении причинно-следственных связей, воссоздании событий прошлого и, в конечном счете, при продвижении турпродукта. Его роль в процессе формирования подходящего дромонида очевидна.

К историческому тесно примыкают картографический и статистический методы. Карта позволяет выбирать маршруты пути, оценивать местонахождение интересующих объектов или степень распространения явления, интересующего туриста. Статистические данные характеризуют страны, народы, природные объекты как в историческом, так и в современном аспекте. Наконец, метод абстрагирования связан с формированием

в рассматриваемом контексте самого понятия культурного пути и его дромонида с помощью информационных объектов и их имен, отражающих соответствующую действительность.

Результаты и их обсуждение. Понятие пути для туризма органично и естественно, чего во многих случаях нельзя сказать о его названии. Соответствующий дромонид зачастую оказывается замысловатым, многозначным или расплывчатым с точки зрения его интерпретации туристом.

Рассмотрим некоторые примеры того, как происходит процесс присвоения имени новому туристскому маршруту. Как правило, смысловым ядром названия является понятие, имеющее особую ценность и/или находящееся в фокусе внимания по тем или иным причинам.

В последние несколько лет на международном туристическом пространстве активно продвигается бренд Великий шелковый путь. Он отсылает нас к эпохе караванной торговли на территориях между Китаем и Европой в период примерно со II в. до н.э. до XV в. н.э. В настоящее время в Программе ЮНВТО по Шелковому пути участвуют 33 государства.

Согласно специальному опросу по Шелковому пути, проведенному в 2016 году крупнейшим в мире сайтом о путешествиях TripAdvisor, потенциальных туристов на данном маршруте привлекают следующие основные аспекты: древние города Шелкового пути (61% респондентов), объекты всемирного наследия ЮНЕСКО, расположенные на Шелковом пути (58% опрошенных), местная кухня Шелкового пути (44% респондентов) и др. [2].

Обратимся к истории этого дромонида. Свое название путь получил в 1877 г. в труде немецкого историка Ф. Рихтгофена «Китай». Как отмечает А.М. Петров, «есть все основания полагать, что прообраз названия существовал уже в античном мире» [3, с.43]. Римляне называли производителей шелка серами (от серикум – шелк), а Китай – страной серов. В «Истории» Аммиана Марцеллина, историка IV в., прямо указывается на большой/великий торговый путь, по которому ведется торговля с серами.

Безусловно, шелк был одним из самых ценных товаров в процессе торговли, но отнюдь не единственным. Помимо обмена товарами, путь был инструментом продвижения знаний, религий, технологий и существенным образом повлиял на развитие территорий, по которым проходил. При этом современный турист, исходя из названия, зачастую ассоциирует дромонид «Великий шелковый путь» лишь с одним из множества перевозимых товаров, что неточно характеризует суть происходивших исторических процессов и только частично отражает ценность пути. Тем

не менее, определенный оттенок ориентализма и благозвучие делают название пути образным и притягательным для путешественников.

Самое большое пространство для анализа дромонимов, относящихся к культурным путям, дает европейский континент. В Европе первый культурный путь появился в 1987 году. В настоящее время Европейским институтом культурных маршрутов Совета Европы сертифицирован 31 культурный маршрут [4, 5]. В соответствии с требованиями, разработанными для культурных маршрутов Европы, тема маршрута должна соответствовать общим европейским ценностям, отражать европейское культурно-историческое наследие, давать представление о многообразии современной Европы [6, с. 36].

По ключевому слову в названии сертифицированные к настоящему моменту культурные пути можно классифицировать следующим образом:

- по истории народов: Путь викингов, Дорога франков, Маршруты финикийцев, Европейский маршрут еврейского наследия;
- по имени религиозного деятеля: Путь Апостола Иакова, Путь св. Мартина Турского, Маршруты Святого Олафа;
- по названию религиозных сообществ: Европейский путь цистерцианских аббатств, По местам Ключийского Ордена, Конгрегация аббатств Ля Шез-Дье, Путь гугенотов и вальденсов;
- по имени или названию правителей: Маршруты Габсбургов, Европейские маршруты императора Карла V, Направления Наполеона, Вия Регия, Маршрут Римских императоров и дунайский винный путь;
- по имени деятеля культуры: Европейские маршруты Моцарта, По маршрутам Роберта Льюиса Стивенсона;
- по общим союзам или объединениям: Ганзейские города;
- по общим достопримечательностям: Европейский маршрут исторических термальных курортов, Города-крепости Большого Региона, Путь европейских кладбищ;
- по архитектурным стилям: Трансроманика, Сеть «Art Nouveau», Атриум, архитектура тоталитарных режимов XX века;
- по культурному наследию: Европейский керамический путь, Маршрут по наследию Андалусии, По следам первобытного наскального искусства, Европейский маршрут мегалитической культуры;
- по индустриальному наследию: Пиренейский железный путь;
- по названию продукта: Оливковый путь, Путь виноградной лозы, Маршрут Римских императоров и дунайский винный путь.

Перечисленные пути и их названия дают своеобразную характеристику ценностям и значи-

мым для европейской культуры понятиям. Так, в связи со значительным местом религии в европейской жизни максимальное количество маршрутов на сегодняшний день связано с темой религии и религиозных деятелей. Широко распространены названия путей, связанные с именами знаменитых людей и династий. Вино и олива – важные атрибуты европейского стола – также представлены в европейских дромонимах. Довольно неожиданно и непривычно выглядит в глазах россиян такой популярный маршрут, как Путь европейских кладбищ, отражающий существенные различия в культурных традициях наших народов.

В России, ввиду ее значительной протяженности и в связи с богатством исторических событий, можно ожидать достаточно активное развитие культурных путей в ближайшие годы. Российская Федерация участвует в международном проекте Великий шелковый путь во всем многообразии различных вариантов: от границ Китая до Москвы и Санкт-Петербурга, на Кавказе, в Поволжье, в Крыму и на других территориях.

Еще один активно заявивший о себе туристский проект – Великий чайный путь. Он берет свое название от исторически сложившегося маршрута следования караванов с чаем из Китая в Россию и далее в Европу. Исторический путь просуществовал около 300 лет с XVI по XIX вв., и сейчас его возрождение вызывает значительный интерес как с российской, так и с китайской стороны. Заметим, что в данном случае название пути является одним из наиболее удачных и достаточно полно передающих суть исторического явления, несмотря на то что товарооборот, естественно, не сводился лишь к торговле чаем.

В настоящее время Министерством культуры РФ начата работа по созданию нового культурного маршрута Совета Европы «Путь Петра Великого», который позволит сохранить и популяризировать наследие, связанное с европейскими путешествиями Петра I.

В связи с приведенными примерами сделаем несколько общих замечаний. Во-первых, мы видим, что названия путей образованы от разных категорий слов, но все они отражают некоторое ключевое понятие, вокруг которого выстраивается тема культурного маршрута. Такое слово носит достаточно общий характер, позволяя объединить вокруг себя дополняющие и дополнительные понятия и явления.

Во-вторых, выбор и номинации путей дают своеобразную характеристику ценностям и значимым с точки зрения определенной культуры понятиям.

В-третьих, в силу значительной протяженности многих маршрутов, они могли иметь дополнительные названия на отдельных участках пути. К примеру, Самаркандский путь (по городу, к которому направлялись караваны), Чуйский тракт

(по названию реки Чуя), Сибирский тракт (по территории) и т.п.

Теперь перейдем к тем понятиям, которые непосредственно отражаются в дромонимах. Прежде всего, обратим внимание на многообразие используемых терминов, передающих смысл пути. Так, в официальных материалах Европейского института культурных маршрутов на английском языке для обозначения пути в 31 маршруте используются разные слова, число повторений которых приводится в скобках: Route (12), Routes (6), Ways (1), Trail (1), Trails (1), Network (1), Destination (1), Sites (1) и Via (3), либо вообще не используются (4). В примерах с Шелковым и Чайным путями используется слово Road. Естественно, в такой ситуации возникает вероятность, что турист будет понимать под каждым новым термином что-то иное, хотя речь всякий раз идет о культурном пути.

Появление иных смыслов происходит и при переводе дромонимов: многие названия на русский язык переведены неоднозначно, а иногда и вовсе непонятно, что усложняет их интерпретацию туристами. Например, в официальном русском переводе европейских маршрутов используются слова (в скобках приводится число встретившихся повторений): *путь* (10), *маршрут* (5), *маршруты* (6), *дорога* (1), *направления* (1), *сеть* (1), *места* (1), *вия* (1) и без определяющего слова (5).

Название пути лишь отчасти отражает его содержание, скорее, оно задает некий контекст, в рамках которого выстраивается логика создания маршрута. Это места и объекты, не только напрямую связанные с темой культурного пути, но и имеющие к ней опосредованное отношение. Привлекается прагматическая информация, отражающая не столько предметы и явления, сколько определенное отношение к ним.

К примеру, Путь керамики охватывает не только европейские города, славившиеся своими мастерами-керамистами, но и связанные с этой темой музеи, ярмарки, фестивали. Путь виноградной лозы – это все, что может вобрать в себя это понятие, включая бондарное искусство, имеющее важное значение при производстве вина, винные фестивали, дегустации и даже выставки винных этикеток, например созданных знаменитыми художниками для винного дома барона Ротшильда.

Культурные пути и их названия оказывают влияние и на процесс порождения новых явлений и новых названий. В качестве примеров можно привести ставший регулярным событием гастрономический фестиваль «Вкус шелкового пути» или появление в России «официальной» Чайной столицы.

Заключение. Процесс создания культурных маршрутов происходит по-разному: какие-то из путей существовали в прошлом, и созданные на их основе современные маршруты вполне зако-

номерно были названы уже существовавшими дромонимами (Шелковый путь, Чайный путь, Путь Святого Иакова); однако большинство из них были созданы и получили названия в последние десятилетия.

Согласно отчету компании TripAdvisor, 74 % всех путешественников начинают планирование путешествия с выбора направления, а это означает, что название турпродукта или маршрута имеет одно из решающих значений для привлечения внимания потенциального покупателя. При этом особое внимание необходимо обращать на содержание смыслового конфликта, выражающегося в принятии решения, что оставить для дромонима, а от чего отказаться, какие свойства выделить как существенные, чтобы отделить их от несущественных.

Номинация в туризме играет значительную роль и может стать как препятствием, так и помощником на пути продвижения турпродукта, проекта, местности, региона. Дромонимы могут высвечивать или искажать смысл и содержание маршрута, притягивать туристов или отталкивать. Понимание культурно-исторического контекста может и должно служить ориентиром при выборе названий, а профессионализм и чувство прекрасного помогут сделать процесс номинации новых маршрутов более осмысленным и эффективным.

Литература

1. Дихтяр, С.В. Великий чайный путь как инновационный туристский проект / С.В. Дихтяр // Туризм в евразийском пространстве : реальности и новые тенденции : сб. ст. из материалов евразийского научного форума 04–05 декабря 2014 г. / Общ. науч. ред. М.Ю. Спириной, ред. А.А. Торопыгина. Часть I. – СПб.: МИЭП при МПА ЕвразЭС, 2014. – 276 с.
2. Тенденции в области туризма на Шелковом пути 2017 г., TripAdvisor // Обзор, подготовленный компанией TripAdvisor для ЮНВТО по Шелковому пути 2017 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://cf.cdn.unwto.org/sites/all/files/pdf/unwto_silk_road_2017_russian_translation_for_pf.pdf – Дата доступа: 12.11.2017.
3. Петров, А.М. Великий шелковый путь (о самом простом, но мало известном) / А.М. Петров. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – 127 с.
4. Ресурсы по культурным путям Европейского института культурных маршрутов: сайт Совета Европы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.coe.int/en/web/cultural-routes/by-theme> – Дата доступа: 10.11.2017.
5. Культурные маршруты Совета Европы // Рекламные материалы, созданные в 2015–17 в рамках совместной программы Совета Европы и Европейской комиссии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://culture-routes.net/sites/default/files/files/EICR-COE_depliant-presentation-institut-juin2016-RUS_PRINT.pdf – Дата доступа: 09.11.2017.
6. Council of Europe, European Institute of Cultural Routes / Cultural Routes Management: From Theory to Practice. – Council of Europe, 2015. – 208 с.

Поступила в редакцию 18.01.2018 г.

УДК 811.161.1'373.211.5(476)

Лингвогеографические особенности виконимов, соответствующих принципу номинации внутрисельского линейного объекта по свойствам и качествам

Дорофеенко М.Л.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

В настоящее время существуют отдельные исследования внутрисельских названий, выполненные в русле структурно-семантического подхода. В современной ономастике перспективность исследования имен собственных связывают с картографическим методом. Целью настоящего исследования является установление лингвогеографических особенностей виконимов, образованных в соответствии с принципом номинации внутрисельского линейного объекта по свойствам и качествам.

Материал и методы. Материалом исследования послужили виконимы Беларуси, образованные в соответствии с принципом номинации объекта по свойствам и качествам. В работе использовались дескриптивный, ареальный методы и элементы статистического анализа.

Результаты и их обсуждение. Принципу номинации внутрисельского объекта по его свойствам и качествам соответствуют три группы наименований, расположенные по степени убывания активности признака в следующем порядке: виконимы, отражающие физико-географические особенности местности (виконимы, отражающие рельеф местности и описывающие характер поверхности местности); виконимы, отражающие параметрические и темпоральные характеристики линейного объекта (названия по связи с конфигуративными характеристиками и параметрами непосредственно линейного объекта, названия по связи с условной локализацией относительно элементов планировочной структуры поселения и сторон света, названия по связи со временем возникновения линейного объекта), виконимы, отражающие качественные характеристики объекта (наименования, описывающие качества линейного объекта наделяющие объект какими-то потенциальными характеристиками, ассоциирующимися с ним).

Заключение. Исследование внутрисельских названий в лингвогеографическом аспекте, применение элементов статистического анализа позволили подтвердить тезис о преимущественном отражении в виконимии уникальности ландшафта местности. Наиболее многочисленны названия, описывающие физико-географические характеристики локальной территории, затем следуют наименования, отражающие параметрические, темпоральные и качественные характеристики объекта.

Ключевые слова: виконим, урбаноним, принцип номинации, ареал распространения.

(Ученые записки. — 2018. — Том 25. — С. 89–94)

Linguistic and Geographical Features of Viconyms, Corresponding to the Principle of the Nomination of the Intrarural Linear Object according to its Properties and Qualities

Dorofeyenko M.L.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

At the present time there are certain researches of intrarural names executed in line with structural-semantic approach. In modern onomastics the prospects of a research of the proper names are connected with a cartographical method. The aim of this research is to establish linguistic and geographical features of the viconym formed in line with the principle of the nomination of an intrarural linear object according to its properties and qualities.

Material and methods. The viconyms of Belarus based on the principle of the nomination of an object according to its properties and qualities have served as a research material. Descriptive, areal methods and elements of the statistical analysis were used in the linguistic units analysis.

Findings and their discussion. Three groups of names correspond to the principle of the nomination of an intrarural object according to its properties and qualities and they are set in the following order according to decreasing sign activity: viconyms reflecting physiographical features of the area (names reflecting land relief and describing kind area surface); viconyms reflecting parametrical and temporal characteristics of a linear object (names connected with configurational characteristics and parameters of directly linear object, names connected with conditional localization concerning elements of planning structure of the settlement and parts of the world, names connected with the time of emergence of a linear object), viconyms reflecting qualitative characteristics of an object (names describing the qualities of a linear object allocating it with some potential characteristics which are associated with it).

Conclusion. The research of the names of intrarural linear objects in the aspect of linguistic geography, application of elements of the statistical analysis has allowed to confirm a statement about primary reflection in a viconymy of uniqueness of the area landscape. The names describing physiographical characteristics of the local territory are most numerous than the names reflecting parametrical, temporal and qualitative characteristics of an object.

Key words: viconym, urbanonym, principle of the nomination, distribution area.

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 25. — P. 89–94)

Виконимы, или названия внутрисельских объектов, становятся объектом исследования в 2006 г. В настоящее время наметено несколько подходов и основных направлений их изучения, наиболее популярный из которых, — структурно-семантический. Его цель — выявление базовых структурных типов и моделей, определение системообразующих лексико-семантических групп, установление основных принципов номинации, в соответствии с которыми образованы названия линейных объектов. Впервые на белорусском материале он применяется А.М. Мезенко. В статье «Виконимика как раздел топонимики: состояние, перспективы» определены важнейшие приметы виконимов как особого вида топонимов, проанализированы особенности становления виконимики как раздела топонимики, рассмотрены структурные, ономообразовательные, лексико-семантические, грамматические отличия виконимов от урбанонимов [1].

Со второго десятилетия XXI в. виконимы становятся объектом исследования ученых других стран. В 2011 г. выходит статья Р.В. Разумова, в которой ученый анализирует систему названий поселка городского типа. Наименования населенного пункта данного типа занимают промежуточное положение между онимическими системами небольших городов и деревень. Р.В. Разумов изучает наименования не только линейных объектов (улиц и переулков), но и коммерческих [2].

Впоследствии в статье «Особенности современных российских систем виконимов (на примере Некоузского, Первомайского, Рыбинского, Тутаевского районов Ярославской области)» Р.В. Разумов уточняет определение термина виконим и на примере четырех районов Ярославской области рассматривает типологические особенностей систем внутрисельских названий, определяет соотношение частотных названий на анализируемой территории. Кроме того, подробным образом рассматривает виконимы-характеристи-

ки, виконимы-посвящения, эвсемантические и номерные виконимы, по возможности производя сопоставительный анализ с данными исследования белорусской виконимной системы [3].

В современной ономастике перспективность исследования имен собственных связывают с картографическим методом. В настоящее время невелико количество публикаций, посвященных лингвогеографическому представлению ономастического материала. Наиболее исследованными в данном плане являются ойконимия и гидронимия, ввиду их тесной связи с географией, постепенно изучается и антропонимный материал. Цель данного исследования заключается в установлении лингвогеографических особенностей виконимов, образованных в соответствии с принципом номинации внутрисельского линейного объекта по свойствам и качествам.

Материал и методы. Материалом исследования послужили виконимы Беларуси, образованные в соответствии с принципом номинации объекта по свойствам и качествам. В работе использовались дескриптивный, ареальный методы и элементы статистического анализа.

Результаты и их обсуждение. В процессе изучения внутрисельских названий используется опыт, накопленный в сфере исследования внутригородских наименований. Огромный вклад в разработку данного разряда имен собственных внесла А.М. Мезенко [4], предложив классификацию урбанонимов по номинативным признакам. Ученый полагает, что внутригородские названия образованы в соответствии с четырьмя принципами номинации, в рамках которых, в свою очередь, функционируют различные лексико-семантические группы: принцип номинации внутригородского объекта по отношению к другим объектам, принцип номинации внутригородского объекта по его связи с человеком как социосубъектом, принцип номинации внутригородского объекта по его свойствам и качествам, принцип

номинации внутригородского объекта по связи с абстрактным понятием. Опираясь на данную схему, мы установили, что виконимная система обладает своими номинативными особенностями, характеризуется иным в сравнении с урбанонимной рейтингом принципов номинации.

В данной статье мы рассмотрим внутрисельские названия, отвечающие принципу номинации внутрисельских линейных объектов по свойствам и качествам, занимающему в городской топонимии третью позицию, а в сельской – первую. По мнению А.М. Мезенко, в урбанонимии Беларуси периоды относительно активного действия принципа номинации внутригородского линейного объекта по свойствам и качествам чередуются с периодами его угасания [4, с. 127–128]. В разное время процентное содержание названий, образованных в соответствии с ним, разнилось от 3,2% до 11,8% [4, с. 128]. В современной белорусской виконимии наименования по свойствам и качествам объекта составляют от 27,3% до 49,5%.

Принципу номинации внутрисельского объекта по его свойствам и качествам соответствуют три группы наименований, расположенные по степени убывания активности признака в следующем порядке:

Виконимы, отражающие физико-географические особенности местности.

Природа каждой страны уникальна. Особенности регионального ландшафта нашли отражение в названиях населенных пунктов, рек, озер, улиц.

В рамках группы внутрисельских названий, указывающих на физико-географические особенности местности, функционируют **виконимы, отражающие рельеф местности**. Основными ориентирами и мотивирующими основами выступают названия типов **земельных и лесных угодий** (леса составляют одну треть зеленого покрова Беларуси): *Боровая ул.* («бор» – сосновый лес) – аг. Журавичи Рог. р-на Гм. обл., *Степная ул.* – дер. Коммуна Люб. р-на Мн. обл.; **гидрообъектов** (на территории страны насчитывается более 20 800 рек и ручьев, около 11 000 озер, создано свыше 150 водохранилищ и 1 400 прудов [5, с. 7]. Долины рек занимают почти 10% местности. Наибольшее количество водных объектов сосредоточено в северной части страны, в бассейнах рек Западной Двины и Немана, а также на юге, в Белорусском Полесье): *Родниковая ул.* – аг. Октябрьская Вт. р-на Вт. обл., *Прудовая ул.* – дер. Говораки Шкл. р-на Мг. обл., *Ручейная ул.* – дер. Теребулины Светлог. р-на Гм. обл., *Ручьевая ул.* – аг. Сарья В-дв. р-на Вт. обл.; **возвышенностей**: *ул. Девичья Горка* – дер. Дуброво Мол. р-на Мн. обл., *ул. Юстикова Гора* – дер. Тычины Солиг. р-на Мн. обл., *Курганная ул.* – аг. Гричино Дзерж. р-на Мн. обл.; **растительности**: *Еловая ул.* – дер. Сельное Жл. р-на

Гм. обл., *Малиновая ул.* – дер. Пудовня Дриб. р-на Мг. обл., *Сиреневая ул.* – дер. Воеводки Вт. р-на Вт. обл., *Черёмуховая ул.* – дер. Коробчицы Гр. р-на Гр. обл., *Яблочная ул.* – дер. Андроновичи Вт. р-на Вт. обл.

Кроме того, в рамках данной группы функционируют виконимы, **описывающие характер поверхности местности**: *Гористая ул.* – аг. Колодищи Мн. р-на Мн. обл.

Анализируемые наименования сформированы на базе слов, обозначающих географические реалии, как правило, созданные природой или усовершенствованные в результате деятельности человека. Данная группа названий содержит наибольшее количество конститuentов с высокими фреквентативными показателями. При этом отмечена следующая специфическая черта: количество виконимных мотивирующих основ ограничено, они те же, что и в урбанонимии (по результатам исследования А.М. Мезенко «*Озёрные, Речные, Овражные, Полевые, Лесные, Луговые ... улицы, переулки или проезды* есть во всех крупных городах республики» [4, с. 129]). По нашим данным, названные ономы функционируют и в виконимии. В ойконимной системе наблюдается тенденция использования расширенного спектра номинативных основ, которыми могут выступать также местные географические термины, распространенные в определенном регионе (бел. «гараватка» [6, с. 187], «лаз» [6, с. 390], «палеска» [6, с. 482] и т.д.). Ойконимия фиксирует особенности хозяйственного освоения региона, основой номинации выступает географическая реальность как объект хозяйственного использования. В виконимии же географическая реальность воспринимается еще и как базисная точка ориентации человека в пространстве, поэтому название содержит указание на совокупность географических признаков объекта.

Виконимы, характеризующие рельеф и растительность местности, отличаются высокой информативностью, отражают особенности регионального сельского ландшафта, указывают на местоположение линейного объекта непосредственно вблизи соответствующих географических реалий.

Ядро наибольшей концентрации виконимов, отражающих физико-географические особенности местности, находится на территории Минского района. Здесь зафиксировано рекордное количество наименований данного типа – свыше 440, вторую позицию занимают Пинский район Брестской области и Могилёвский район Могилёвской области (251–300 единиц), третью – Брестский район Брестской области, Глубокский, Поставский, Витебский районы Витебской области, где зарегистрировано от 201 до 250 виконимных единиц анализируемой группы.

Высокой концентрацией наименований (151–200 единиц) этого типа отмечены территории Ко-

бринского и Столинского районов Брестской области. Можно выделить также четыре компактных ареала сосредоточения названий данного типа: два из них расположены в Витебской области (Городокский и Оршанский районы) и два в Минской (Логойский и Борисовский районы, граничащие друг с другом, а также Пуховичский район).

На территории Ивановского, Ивацевичского, Барановичского, Лунинецкого районов Брестской области, Полоцкого, Россонского, Толочинского, Лёзненского районов Витебской области, Шкловского и Мстиславского районов Могилёвской области, Речицкого, Жлобинского, Рогачёвского и Гомельского районов Гомельской области, зарегистрировано от 101 до 150 единиц. На территории Минской области расположены три ареала: первый находится на севере области (Молодечненский и Вилейский районы), второй расположен на юге региона и объединяет территории трех районов (Солигорского, Слуцкого, Копыльского), третий занимает околоцентральную и восточную части Минщины (Червенский, Березинский, Смолевичский районы) – 101–150 единиц.

От 51 до 100 единиц зафиксировано в Жабинковском, Дрогичинском, Берёзовском, Ляховичском, Каменецком и Пружанском районах Брестской области, на юге, юго-востоке и в центральной части Витебской области (Шарковщинский, Докшицкий, Лепельский, Ушачский, Шумилинский, Сенненский, Дубровенский, Чашникский районы), в одном ее северном регионе – Верхнедвинском. Можно выделить два ареала в Гомельской области. Первый простирается с запада к северу и захватывает территории четырех районов – Житковичского, Петриковского, Калининковского, Светлогорского. Второй включает Буда-Кошелёвский район. В Гродненской области выделяется один ареал с указанной плотностью названий – Гродненский, Щучинский и Лидский районы. На территории Минской области расположен обширный массив, охватывающий юго-западные и северо-западные районы – Воложинский, Дзержинский, Столбцовский, Узденский, Несвижский, Клецкий, а также Любанский район, расположенный на юге области. В Могилёвской области можно выделить два ареала: первый расположен на юго-западе региона (Осиповичский, Бобруйский, Кировский и Кличевский районы), второй простирается с севера через северо-восток и центр к югу (Горецкий, Чаусский, Кричевский, Климовичский, Быховский районы).

На основании количественного анализа мы выделили пять фреквентативно активных единиц в каждой области Беларуси. Наиболее частотны виконимы, восходящие к названиям типов земельных и лесных угодий (*Садовая ул.*, *Лесная ул.*, *Полевая ул.*, *Луговая ул.*). Наибольшее количество *Лесных улиц* зарегистрировано на территориях

Минской и Витебской областей. При этом виконимы *Садовая ул.*, *Лесная ул.*, *Луговая ул.*, *Полевая ул.* зафиксированы в каждом регионе страны. В пяти регионах находим название *Озёрная ул.*, занимающее четвертое место в Витебской области, пятое – в Гомельской, Гродненской, Минской и Могилёвской областях. Название *Луговая ул.* позиционируется на втором месте в Брестской области, на третьем – в Гомельской и Гродненской, на четвертом – в Минской и Могилёвской, на пятом – в Витебской. Пятерку частотных названий Брестской области замыкает наименование, сформированное на базе названия растительности, – *Вишнёвая ул.*

Виконимы, отражающие параметрические и темпоральные характеристики линейного объекта.

В рамках данной группы имен собственных функционируют следующие подгруппы:

названия по связи с конфигуративными характеристиками и параметрами непосредственно линейного объекта: *Круглая ул.* – аг. Семково Мн. р-на Мн. обл., *Круговая ул.* – дер. Прилуки Бр. р-на Бр. обл., *Крутой пер.* – дер. Заречное Подберезье Тол. р-на Вт. обл., *Острая ул.* – дер. Челищевичи Кобр. р-на Бр. обл., *Пересеченный пер.* – п. Крупский Круп. р-на Мн. обл.;

названия по связи с условной локализацией относительно элементов планировочной структуры поселения и сторон света: *Окружная ул.* – аг. Красное Гм. р-на Гм. обл., *Первоначальная ул.* – дер. Ямное Бых. р-на Мг. обл., *Средняя ул.* – дер. Ходаково Мн. р-на Мн. обл., *Туликовская ул.* – дер. Вишевичи Пинск. р-на Бр. обл., *Южная ул.* – аг. Козловка Светлог. р-на Гм. обл.;

названия по связи со временем возникновения линейного объекта: *Новошкольная ул.* – аг. Радостово Дрог. р-на Бр. обл.

Высокими фреквентативными показателями обладает виконим *Центральная ул.* За точку отсчета принимается центр населенного пункта. Именно в центре сосредоточены основные объекты социальной инфраструктуры, поэтому пространственное значение центральности и срединности дополняет значение функциональной нагруженности.

Виконимы, отражающие параметрические и временные характеристики линейного объекта, выполняют, с одной стороны, адресную функцию, так как указывают на расположение линейного объекта в локально-географической системе координат, а с другой – дескриптивную, поскольку отражают его качественные характеристики.

Зоной преимущественной концентрации анализируемых виконимов является Вилейский район Минской области (301–350 единиц). Онимы, описывающие параметрические характеристики объекта, также получают интенсивное распространение в Городокском и Толочинском районах

Витебской области, находящихся на северо-востоке и юго-востоке соответственно, Минском районе Минской области, Могилёвском районе Могилёвской области (201–250 единиц). Достаточно высоких фреквентативных показателей пространственно-временные виконимы достигают в Кобринском и Пинском районах Брестской области, расположенных на юге региона, Узденском районе Минской области, Витебском районе Витебской области (151–200 единиц), Брестском районе Брестской области, Столбцовском, Дзержинском, Логойском, Пуховичском, Смолевичском, Солигорском, Червенском районах Минской области, Глубокском, Лёзненском, Оршанском районах Витебской области (101–150 единиц).

Во многих районах именно высокая продуктивность названий *Центральная ул.* и *Новая ул.* обеспечивает лидерские позиции наименованиям анализируемого типа. К примеру, первое из них получило большее распространение в центральном и северном регионах Беларуси, а второе фреквентативно доминирует в центре, на юго-западе и юго-востоке страны. Именно эти онимы занимают первое и второе места соответственно в списке наиболее частотных единиц. Оставшиеся три позиции распределяются между наименованиями, восходящими к названиям сторон света. На территории шести областей в пятерку частотных входят виконимы *Южная ул.*, *Восточная ул.* Название *Южная ул.* позиционируется на третьем месте в Брестской, Гомельской, Минской и Могилёвской областях, на пятом – в Витебской и Гродненской областях. Виконим *Восточная ул.* размещается на третьей позиции в Витебской и Гродненской областях, на четвертой – в Брестской, Гомельской и Могилёвской областях. В пяти регионах Беларуси (Брестском, Витебском, Гомельском, Минском, Могилёвском) в пятерку фреквентативных единиц входит название *Северная ул.*, и лишь в одном – *Западная ул.* (Гродненская область).

Виконимы, отражающие качественные характеристики объекта.

Внутрисельские названия являются носителями разнообразной информации. В процессе номинации человек берет за основу не только качественные характеристики самого линейного объекта, но и свои впечатления, возникающие при знакомстве с ним.

Среди виконимов, отражающих качественные характеристики объекта, находим наименования, *описывающие качества линейного объекта* (данные названия выполняют дескриптивную, констатирующую функцию): *Спокойная ул.* – аг. Вистычи Бр. р-на Бр. обл., *Чистая ул.* – аг. Клейники Бр. р-на Бр. обл., *Ясная ул.* – дер. Новая Мильча Гм. р-на Гм. обл.; и виконимы, *наделяющие объект какими-то потенциальными*

характеристиками, ассоциирующимися с ним (в этом случае названия становятся символическими): *Добрая ул.* – дер. Ломачино Орш. р-на Вт. обл., *Душевная ул.* – дер. Коробчицы Гр. р-на Гр. обл., *Красивая ул.* – аг. Ждановичи Мн. р-на Мн. обл., *Любимая ул.* – дер. Чичели Пост. р-на Вт. обл., *Родная ул.* – дер. Приселки Лог. р-на Мн. обл., *Сердечный пер.* – дер. Голынец 1 Мг. р-на Мг. обл., *Строгая ул.* – аг. Олышаны Стол. р-на Бр. обл., *Счастливая ул.* – аг. Старица Коп. р-на Мн. обл., *Хитрая ул.* – дер. Чеботари Лог. р-на Мн. обл., *Хлебосольная ул.* – дер. Рагели Пост. р-на Вт. обл., *Хорошая ул.* – дер. Приселки Лог. р-на Мн. обл., *Чудный пер.* – дер. Дроковка Чаус. р-на Мг. обл.

Подобные онимы функционируют как в виконимии, так и в урбанонимии и ойконимии. Анализируя костромские красивые топонимы, Е.В. Цветкова предполагает, что они не являются исключительно искусственными: в процессе наименования человек «делится» своими чувствами и переживаниями, показывает свое настроение, «а возможно, и хочет «говорящим» позитивным именем привлечь удачу, счастье, что-то изменить к лучшему» [7, с. 495]. Можно отметить ряд мотивирующих основ, совпадающих в виконимии, урбанонимии и ойконимии. Это определения *красивый, чистый, веселый, добрый, солнечный, светлый* и т.д.

Условно к данной группе можно отнести виконимы, сформированные на базе названия цвета: *Бежевая ул.* – аг. Колодищи Мн. р-на Мн. обл., *Лиловая ул.* – дер. Тарасово Мн. р-на Мн. обл. Возможно, улицы получали такие наименования на основе ассоциаций. В репертуаре выделяется лишь виконим *Зелёная ул.*, содержащий обобщенное указание на флору региона.

Если виконимы первой подгруппы описывают качественные характеристики внутрисельского линейного объекта, то названия второй подгруппы носят пожелательный и символический характер. В виконимии не зафиксированы наименования, сформированные на базе негативных эмоций. Проанализированные виконимы имеют четкие положительные коннотации. Наличие в названии внутрисельского линейного объекта отвлеченных понятий, обычно выражающих различные позитивные качества и свойства, свидетельствует о его пожелательном характере.

Из трех групп наименований, образованных в соответствии с принципом номинации внутрисельского линейного объекта по его свойствам и качествам, виконимы, отражающие качественные характеристики, наименее частотны.

Территории максимального сгущения названий – Минский район Минской области (201–250 единиц) и Пинский район Брестской области (101–150 единиц).

Ареалы относительно высокого распространения названий встречаются спорадически: Брестский, Кобринский, Барановичский, Столинский районы Брестской области, Логойский, Смолевичский, Слуцкий районы Минской области, Поставский, Глубокский, Витебский районы Витебской области, Могилёвский район Могилёвской области (51–100 единиц).

Согласно исследованию А.М. Мезенко, количество наименований данной группы в белорусской урбанонимии увеличивается под влиянием традиций, сложившихся в системе польских названий внутригородских линейных объектов, и наибольшее количество таких наименований зафиксировано в городах западных регионов Беларуси [4, с. 133]. Результаты исследования подтверждают факт существования похожей тенденции в виконимии нашей страны: можно констатировать процентное преимущество анализируемых единиц на территориях двух западных и одного центрального региона. Наибольшее число характерологических названий зарегистрировано в деревне Коробчицы Гродненского района Гродненской области – *Вечерняя ул., Дивная ул., Загадочная ул., Красивая ул., Могучая ул., Мягкая ул., Певучая ул., Пейзажная ул., Романтическая ул., Торжественная ул.* и т.д. На территории Минщины зафиксированы наибольшие фреквентативные показатели виконима *Красивая ул.* (20 н.п.). Данные внутрисельские наименования отражают впечатления номинаторов от объекта, соотносятся с ассоциациями, возникающими в процессе эмоционального восприятия.

Во всех областях Беларуси среди наименований данного типа лидирует виконим *Зелёная ул.*, а второе место занимает сельский топоним *Солнечная ул.* В пятерку наиболее популярных названий каждой области входит и наименование *Тихая ул.*, функционирующее в регионах с разной степенью активности: находится на третьем месте в Брестской, Витебской, Гродненской и Могилёвской областях, на четвертом – в Минской, на пятом – в Гомельской. Название *Светлая ул.* входит в состав лидирующей пятерки в пяти регионах и позиционируется на третьем месте в Гомельской области, на четвертом – в Витебской и Гродненской областях, на пятом – в Брестской и Минской областях. В Брестском и Могилёвском регионах среди частотных названий оказывается оним *Весёлая ул.*, в Витебском и Гомельском – *Тенистая ул.*, в Минском и Могилёвском – *Радужная ул.*, а в Гродненском – *Звёздная ул.*

Заключение. Таким образом, исследование виконимии в лингвогеографическом аспекте, применение элементов статистического анализа позволили подтвердить тезис о преимущественном отражении в виконимии уникальности ландшафта местности. Так, для всех регионов Белару-

си характерна следующая тенденция: виконимы, описывающие физико-географические особенности локальной территории, превалируют над другими типами названий, вторую позицию занимают наименования, отражающие параметрические и темпоральные характеристики объекта, а третью – онимы, описывающие качественные характеристики объекта.

Список сокращений

аг. – агрогородок, Бр. – Брестская / Брестский, Бых. – Быховский, В-дв. – Верхнедвинский, Вт. – Витебская / Витебский, Гм. – Гомельская / Гомельский, Гр. – Гродненская / Гродненский, дер. – деревня, Дзерж. – Дзержинский, Дриб. – Дрибинский, Дрог. – Дрогичинский, Жл. – Жлобинский, Кобр. – Кобринский, Коп. – Копыльский, Круп. – Крупский, Лог. – Логойский, Люб. – Любанский, Мг. – Могилёвская / Могилёвский, Мн. – Минская / Минский, Мол. – Молодечненский, н.п. – населенный пункт, обл. – область, Орш. – Оршанский, п. – поселок, пер. – переулок, Пинск. – Пинский, Пост. – Поставский, р-н – район, Рог. – Рогачёвский, Светлог. – Светлогорский, Солиг. – Солигорский, Стол. – Столинский, Тол. – Толочинский, ул. – улица, Чаус. – Чаусский, Шкл. – Шкловский.

Литература

1. Мезенко, А. Виконимика как раздел топонимики: состояние, перспективы / А. Мезенко // Nowenazwywlasne – nowetendencjebadawcze / podred. A. Cieślakowej, B. Czopek-Korpciuch, K. Skowronek. – Kraków, 2007. – С. 379–390.
2. Разумов, Р. В. Система названий поселка городского типа / Р. В. Разумов // «И нежный вкус родимой речи ...» : сб. науч. тр., посвященный юбилею доктора филологических наук, профессора Л.А. Климковой / Арзамас. гос. пед. ин-т; редкол.: Е. Ю. Любова (отв. ред.) [и др.]. – Арзамас, 2011. – С. 407–411.
3. Разумов, Р. В. Особенности современных российских систем виконимов (на примере Некоузского, Первомайского, Рыбинского, Тутаевского районов Ярославской области) / Р. В. Разумов // Ярослав. пед. вестн. – 2013. – Т. 1 (Гуманитарные науки), № 1. – С. 145–149.
4. Мезенко, А. М. Урбанонимия Белоруссии / А. М. Мезенко. – Минск : Университетское, 1991. – 167 с.
5. Природа Беларуси : энциклопедия : в 3 т. / редкол.: Т.В. Белова [и др.]. – Минск : Белорусская Энциклопедия имени П. Бровки, 2009–2014. – Т. 2 : Климат и вода / редкол.: Т.В. Белова [и др.]. – 2010. – 504 с.
6. Яшкін, І. Я. Слоўнік беларускіх мясцовых геаграфічных тэрмінаў: Тапаграфія. Гідралогія / І. Я. Яшкін. – Мінск : Бел. навука, 2005. – 808 с.
7. Цветкова, Е. В. Костромские «красивые» топонимы / Е. В. Цветкова // «И нежный вкус родимой речи ...» : сб. науч. тр., посвященный юбилею доктора филологических наук, профессора Л.А. Климковой / Арзамас. гос. пед. ин-т; редкол.: Е. Ю. Любова (отв. ред.) [и др.]. – Арзамас, 2011. – С. 494–499.

Поступила в редакцию 18.01.2018 г.

УДК 821.161.1-2

Образное осмысление волшебной птицы Гамаюн в творчестве русских лириков (о своеобразии картины мира восточных славян)

Зайцева И.П.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

Статья посвящена рассмотрению одного из компонентов мифического пространства, входящего в восточнославянскую национально-языковую картину мира, — сегмента, в котором существуют различные по своему назначению и иным особенностям волшебные птицы (*Гамаюн* и др.). Исследования новейшего этапа лингвистического знания (прежде всего — этнолингвистические и лингвокультурологические) весьма убедительно доказали, что этот сегмент отличается несомненным своеобразием, в связи с чем опора на него в современной коммуникации представляет безусловный интерес.

Материал и методы. Материалом для выполнения исследования послужили словесно-художественные произведения русских поэтов XIX — XXI веков, в которых в различных функциях использовано имя собственное *Гамаюн*. Основным методом является метод контекстуального анализа, используемый в сочетании с различными приёмами и методиками лингвокультурологического анализа.

Результаты и их обсуждение. На материале лирических произведений русских поэтов XIX — XXI-го веков прослеживается, каким образом осмысливается в словесно-художественном произведении (эстетически осложнённой коммуникации) богатый семантический и образный потенциал прецедентных имён собственных — номинаций волшебных птиц; преимущественное внимание уделено анализу образа птицы Гамаюн.

Заключение. Проведённые наблюдения свидетельствуют, что в современный период имя *Гамаюн*, как и большинство имён других волшебных птиц восточнославянского мифического пространства, в целом сохраняет накопленный в процессе длительного времени семантико-культурный потенциал, который иногда актуализируется и современными поэтами с помощью ряда художественно-изобразительных приёмов. Основной же функцией имени *Гамаюн* в современной лирике видится **функция его участия в создании стилизации** словесно-художественного произведения.

Ключевые слова: лингвокультурология, мифическое пространство, прецедентное имя, лингвокультурный потенциал, лирическая структура, образное осмысление, тропы.

(Ученые записки. — 2018. — Том 25. — С. 95–101)

Imaginative Comprehension of the Magic Bird Gamayun in the Work of Russian Lyricists (about the Originality of the Picture of the World of the Eastern Slavs)

Zaitseva I.P.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The article is devoted to one of the components of a mythical area located in East Slavic national language picture of the world — segment in which there are different in their purpose and other features of the magical birds (*Gamayun*, etc.). Research of the latest stage of linguistic knowledge (primarily ethno-linguistic and linguocultural) is very convincingly proved that this segment is different undoubted originality, and therefore reliance on it in modern communication is of obvious interest.

Material and methods. Material for the execution of the study was verbal-artistic works of Russian poets XIX — XXI-th centuries, where different functions used his own name, Humayun. The main method is the method of contextual analysis used in combination with various methods and techniques of cultural analysis.

Findings and their discussion. On lyric works of Russian poets XIX – XXI-th centuries can be traced, how is interpreted in a verbal work of art (aesthetically complicated communications) rich semantic and metaphorical potential precedent name self – nominations magic birds; special attention is paid to the analysis of the image of a bird **Gamayun**.

Conclusion. The conducted observations indicate that in the modern period the name of **Gamayun**, like most of the names of other magical birds of East Slavic mythic space remains largely accumulated during the long time the semantic and cultural potential, which is sometimes actualized by modern poets with a series of artistic and graphic techniques. The main function of the name **Gamayun** in modern lyric poetry seems a function of his participation in creating the stylization of the verbal-artistic works.

Key words: linguoculturology, mythical space, precedent name, linguocultural potential, lyric structure, imaginative comprehension, trails.

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 25. – P. 95–101)

Важнейшей характеристикой архаической картины мира любого народа – прежде всего картины мифологической – является **мифическое** пространство, которое практически в каждой национальной культуре отличается безусловным своеобразием. Это своеобразие предопределяется, с одной стороны, особенностями состава входящих в то или иное пространство мифических персонажей, богов и других формирующих компонентов, с другой – спецификой собственно устройства, организации, которые при очевидном сходстве разных мифологических систем (такое сходство обуславливается общностью пути, который прошли разные нации и народности в формировании человеческой цивилизации) могут отличаться по целому ряду принципов. «В архаичной модели мира пространство оживотворено, одухотворено, качественно разнородно. Оно не является идеальным, абстрактным, пустым, не предшествует вещам, его заполняющим, а наоборот, конституируется ими. ... Любое полноценное описание пространства первобытным или архаичным сознанием предполагает определение «здесь-теперь», а не просто «здесь»; пространство и время образуют в этом случае неразрывное единство – хронотоп. «Языковая» мифология подтверждает это заключение нередкими примерами обозначения пространства, его «наполнения» (боги, люди, **животные**, растения, элементы сакральной топографии, сакрализованные и мифологизированные объекты их сферы культуры, совокупность всего, что так или иначе «организует» пространство, собирает его)» (выделено нами. – И.З.) [1].

Сопоставление (с неременным учётом **ди-ахронической** составляющей) широкого круга мифов позволило установить, что в мифология различных народов мира – при чрезвычайном их многообразии – целый ряд основных тем и мотивов **повторяется**: «...сравнительное изучение мифов разных народов показало, что, во-первых, весьма сходные мифы часто существуют у разных народов, в самых различных частях мира, и, во-вторых, что уже самый круг тем, сюжетов, охватываемых мифами, – вопросы происхождения мира, человека, культурных благ, социального

устройства, тайны рождения и смерти и др. – затрагивает широчайший, буквально «глобальный», круг коренных вопросов мироздания» [2].

В то же время мифическое пространство каждой из существующих мифологий по ряду параметров всегда демонстрирует специфику, а иногда и уникальность, предопределённые в первую очередь национально-культурными особенностями контекста, в рамках которого возникла и формировалась, а с течением времени нередко и переосмысливалась, мифология того или иного народа.

Мифическое пространство понимается нами как одно из проявлений национального культурного пространства в целом – специфической «формы существования культуры в сознании человека, ... культуры, отображённой сознанием, ... бытия сознания её носителей. ... По своей природе национальное культурное пространство – это информационно-эмоциональное («этническое») поле, виртуальное и в то же время реальное пространство, в котором человек существует и функционирует и которое становится «ощутимым» при столкновении с явлениями иной культуры. Национальное культурное пространство включает в себя все существующие и потенциально возможные представления о феноменах культуры у членов национально-лингво-культурного сообщества» [3].

К основным феноменам, репрезентирующим мифическое пространство каждой из национальных культур, в первую очередь принадлежат многообразные мифические **персонажи** и **артефакты** – «предметы из вторичного, как правило сказочного мира, которые являются национально маркированными и значимыми для данной культуры (например *живая и мёртвая вода* или *молодильные яблоки*)» [4]. Представляется, что в системе персонажей восточнославянской мифологии особое положение занимает одна из групп **персонажей-животных**, или группа **зооморфных образов**, – **образы волшебных птиц**, с которыми связано немало знаковых жизненных ситуаций, обрядов, заклинаний и иных проявлений национально-специфичного мировосприятия, находящихся безусловное отражение и в языке, точнее – в лингвокультуре, любой нации.

В настоящей публикации мы остановимся на осмыслении русскими лириками XIX – XXI веков *лингвокультурного* и *образно-эстетического* потенциала, присущего имени одной из волшебных птиц – **Гамаюн**, которое, по нашему мнению, с полным правом может быть отнесено к **прецедентным** для восточнославянской лингвокультуры **именам**.

Материал и методы. Материалом для выполнения исследования послужили словесно-художественные произведения русских поэтов XIX – XXI веков, в которых в различных функциях использовано имя собственное **Гамаюн**. Основным методом, с помощью которого проводилось исследование, является метод контекстуального анализа, используемый в сочетании с различными приёмами и методиками лингвокультурологического анализа.

Результаты и их обсуждение. В мифическом пространстве восточнославянской культуры (в данном случае речь идёт в первую очередь о культуре *русской и украинской*) птицы занимают весьма заметное и, по мнению многих исследователей, очень значимое место. Так, Верховное божество этой культуры Род – начало всех начал – в своём земном воплощении принимал образ серой уточки, которая была его символом и носителем его силы. Именно эта уточка снесла два яйца – Явь и Навь – воплощение добра и зла, жизни и смерти.

Дошедшие до нас из глубины времени образы птиц, наделённые народным сознанием мистическими качествами, настолько разнообразны (это, среди прочего, объясняется огромными территориями, заселяемыми славянскими народами в древности), что при рассмотрении их целесообразно разделить как минимум на три группы.

Первую из этих групп образуют особые мифические существа: *полу-птицы – полу-люди*, обладающие даром пророчества и способностями приносить людям беду или счастье, горе или удачу; это волшебные птицы **Гамаюн**, **Алконост**, **Сирин**, **Стратим** и **Феникс**.

Во многих ситуациях, отражающих те или иные сегменты мифического пространства восточных славян, эти образы функционируют не только автономно, но и взаимодействуя в различных сочетаниях, символизируя при этом определённые стороны (аспекты) зафиксированных в мифах явлений или процессов, – как, например, имена-антиподы **Сирин** и **Алконост**, традиционно трактуемые как *птица радости* (Сирин) и *птица печали* (Алконост). Принимая во внимание частотность подобных ситуаций, мы в данном случае всё же сосредоточимся на рассмотрении функционально-семантической нагруженности отдельного имени – **Гамаюн**, выявляя в процессе наблюдения специфику осмысления его лингвокультурного потенциала русскими поэтами-лириками.

Интересующее нас имя интерпретируется в специальных лексикографических источниках (словарях символов и под.) довольно неоднозначно, хотя в этих толкованиях, безусловно, обнаруживаются и сходные черты, – ср., в частности: «**Гамаюн** – сказочная райская птица, упоминаемая в апокрифах и духовных стихах как «птица вещая», как сирин и каган. Летает в поднебесье, живёт в море. Изображали птицу-гамаюн с женским лицом и грудью; иногда просто большой птицей, взлетающей из морских глубин. Если кричит птица-гамаюн – счастье пророчит» [5];

«**Гамаюн**, редкая мифическая птица с женской головой, обладающая завораживающим пением. Её пророчества доступны избранным людям, а само появление способно вызывать смертоносные стихии» [6].

Символическое содержание имени **Гамаюн** весьма любопытно осмысливается в народном творчестве (в текстах, которые по определению принадлежат к числу наиболее «культуроносных»), где эта птица, крик которой традиционно воспринимается как символ грядущей доброй вести для того (тех), кто услышит её пение, нередко предстаёт и предсказателем каких-либо природных катаклизмов, – ср.:

«Есть ещё одна певчая птица – **Гамаюн**. Возможно, её имя произошло от слова «гамаюнить» (баюкать).

Считается, что **крик этой птицы несёт добрую весть**.

Про всё на свете знает эта птица, и многие обращались к ней за советом. Умеет она и предсказывать будущее, но только тем людям, которым понятны её тайные знаки: «Прилети, Гамаюн, птица вещая, через море раздольное, через горы высокие, через тёмный лес, через чисто поле. Ты воспой, Гамаюн, птица вещая, на белой заре, на крутой горе, на ракитовом кусточке, на малиновом пруточке»;

«Полёт **Гамаюна** часто сопровождается смертоносной бурей, надвигающейся с востока.

Разгулялась непогодушка,
Туча грозная поднималась.
Расшумелись, приклонились дубравушки,
Всколыхалась во поле да ковыль-трава.
То летела Гамаюн – птица вещая –
Со восточной со сторонушки,
Бурю крыльями поднимая.
Из-за гор летела высоких,
Из-за леса летела тёмного,
Из-под тучи той непогожей» (во всех случаях выделено нами. – И.З.) [7].

Безусловно, столь богатый, к тому же неоднозначно толкуемый семантико-культурный потенциал имени мифического существа, не мог не

привлечь внимания художников слова, в первую очередь – авторов поэтических произведений.

Одним из наиболее эстетически значимых поэтических опытов осмысления образа волшебной птицы **Гамаюн**, безусловно, является написанное в 1899 году знаменитое стихотворение **А. А. Блока** «Гамаюн, птица вещая», которое представляет собой словесно-художественный отклик на картину В. Васнецова, изображающую этот мифический персонаж:

Александр Блок
ГАМАЮН, ПТИЦА ВЕЩАЯ
 (Картина В. Васнецова)
 На глядах бесконечных вод,
 Закатом в пурпур облеченных,
 Она вещает и поёт,
 Не в силах крыл поднять смятенных...
 Вещает иго злых татар,
 Вещает казней ряд кровавых,
 И трус, и голод, и пожар,
 Злодеев силу, гибель правых...
 Предвечным ужасом объят,
 Прекрасный лик горит любовью,
 Но вещей правдою звучат
 Уста, запекшиеся кровью!.. [8]

Приведённое стихотворение очевидно ориентировано на традиции классической русской поэзии, что проявляется в активном привлечении автором **книжной – высокой и поэтической** – лексики (*пурпур, вещать, предвечный, лик, уста, иго; трус* – в устаревшем уже значении ‘землетрясение’ и т. д.), отражении в тексте орфоэпических норм поэтического языка, которые и литературным языком того времени уже воспринимались как несколько архаичные (рифма *облечЕнных – смятЕнных*), в свойственной произведению торжественно-трагической тональности. Всё это способствует актуализации в лирическом произведении А. Блока одного из компонентов лингвокультурного содержания прецедентного имениптицы **Гамаюн**, связанного с предреканием ею надвигающихся трагических событий (*казней ряд кровавых, и трус, и голод, и пожар*).

В стихотворении «Чтоб пахло розой от страниц...» (1932) **Н. А. Клюева**, известного яркого представителя новокрестьянского направления в русской поэзии первой половины XX века, птица **Гамаюн** предстаёт в несколько ином облике – ср. контекстуальное осмысление этого образа в приводимом фрагменте из данного произведения: Я люблю малиновый падун,
 Листопад горящий и горячий,
 Оттого стихи мои как тучи
 С отдалённым громом тёплых струн.
 Так во сне рыдает **Гамаюн** –
 Что забытый туром бард могучий [9]. Инди-

видуально-авторское осмысление образа волшебной птицы, несмотря на явную опору на информацию, накопленную именем в народном языке (ср. присутствующие в тексте фольклорные элементы: диалектное *падун* (‘в некоторых частях Сибири и европейской части России: название порога, водопада’ [8]), *горючий* и др.), в данном случае видится очевидным: лирический герой сравнивает с издаваемыми **Гамаюном** звуками звучание стихов (*Оттого стихи мои как тучи / С отдалённым громом тёплых струн. / Так во сне рыдает Гамаюн*), создавая очень необычную, с повышенной экспрессивностью, развёрнутую метафору.

Во второй половине двадцатого столетия к образам волшебных птиц, среди прочих поэтов, обращается **В. С. Высоцкий** – в его стихотворении «Купола» функционирует *система* имён «вещих птиц», в число которых входит и **Гамаюн: Сирин – Алконост – Гамаюн:**

Владимир Высоцкий
КУПОЛА
 Как засмотрится мне нынче, как задышится?
 Воздух крут перед грозой, крут да вязок.
 Что споётся мне сегодня, что услышится?
 Птицы вещие поют – да всё из сказок.

Птица **Сирин** мне радостно скалится –
 Веселит, заывает из гнёзд,
 А напротив – тоскует-печалится,
 Травит душу чудной **Алконост**.

Словно семь заветных струн
 Зазвенели в свой черед –
 Это птица **Гамаюн**
 Надежду подаёт!

В синем небе, колокольнями проколотом, –
 Медный колокол, медный колокол –
 То ль возрадовался, то ли осерчал...
 Купола в России кроют чистым золотом –
 Чтобы чаще Господь замечал.

Я стою, как перед вечною загадкою,
 Пред великою да сказочной страной –
 Перед солоно – да горько-кисло-сладкою,
 Голубою, родниковою, ржаною.

Грязью чавкая жирной да ржавою,
 Вязнут лошади по стремяна,
 Но влекут меня сонной державою,
 Что раскисла, опухла от сна.

Словно семь богатых лун
 На пути моем встаёт –
 То мне птица **Гамаюн**
 Надежду подаёт!

Душу, сбитую да стёртую утратами,
 Душу, сбитую перекатами, –
 Если до крови лоскут истончал, –
 Залатаю золотыми я заплатами –
 Чтобы чаще Господь замечал! [10]

Философское стихотворение В. С. Высоцкого явно ориентировано на осмысление автором фольклорных образов (*птицы вещице поют – да всё из сказок*); собственно текст в целом опирается на символику, традиционно закрепившуюся за именами мистических птиц: **Сирин** – ‘птица радости’ (хотя в данном случае эта символика несколько разрушается сочетанием с разговорно-сниженным глаголом *скалиться*: *птица Сирин мне радостно скалится*); **Алконост** – ‘птица печали’ (*А напротив – тоскует-печалится, / Травит душучудной Алконост*); **Гамаюн** же – в осмыслении В. Высоцкого предстаёт как ‘птица надежды’: *Это птица Гамаюн / Надежду подаёт!; То мне птица Гамаюн / Надежду подаёт!* – то есть в лирической структуре актуализируется исключительно *позитивный* компонент присущей этому прецедентному имени символики, чему способствует и введение её в риторические фигуры (строфическую *анафору* и два *восклицания*).

Размещённые в сети Интернет лирические произведения свидетельствуют об определённом «всплеске» интереса к образу птицы **Гамаюн** (что, впрочем, можно наблюдать и по отношению к образам волшебных птиц из мифического пространства славянской мифологии в целом) – он нередко фигурирует в лирических произведениях современных поэтов. При этом обращение авторов – наших современников к анализируемому образу отличается определёнными особенностями.

Во-первых, будучи бесспорно весомым в образно-эстетическом отношении элементом, свойства которого дополнительно актуализируются при помещении в словесно-художественную, тем более – лирическую, структуру, имя **Гамаюн** активно вводится современными авторами в состав различных **тропов** и **фигур**, а также самым непосредственным образом участвует в **композиционном обрамлении** произведения, что подтверждают приводимые далее лирические тексты (все цитируемые далее произведения взяты из источника [11]):

Сергей Вшивцев

Спой мне песню, птица **Гамаюн**,
 Расскажи о ветрах время гоняющих,
 Буду, как знающий всё ведун,
 Среди стихов ходить сгорающих...

Говорят с тобою боги свободно,
 Рассказывая о судьбах и вселенной,
 Спой о счастье, чтобы дышал спокойно,
 Поведай о том в песне мне откровенно...

Спой песню мне об Отчизне родной,
 Где художник творит чудеса вдохновенный,
 Где пахарь хлеба растит в дождь и зной,
 А воин дерётся в бою дерзновенный...

Спой мне о любви, о той самой, другой,
 Которая вдруг обернётся бедой,
 Слезами и надрывным стихом,
 Режущим сердце моё ножом... (2015);

Николай Соколя

Гамаюн мне пела – птица у окна,
 Слово знала мои мысли все она,
 Не давала мне ночами засыпать
 И подолгу своим пеньем развлекать.

Месяц в небе ночью ярко засиял,
 Он пылинки с каждой звёздочки сдувал,
 Пел соловушка среди роши у воды,
 Песнь звучала небывалой красоты.

Как прекрасно льётся песня **Гамаюн**!
 Она нотками коснётся к тем, кто юн,
 Песня может многих чувством напоить
 И в любви счастливой может утопить.

Ночь менялась на искрившийся рассвет,
 И какой он принесёт для нас сюжет,
 Колоски все в поле тянутся к лучу,
 Всему свету о красе такой кричу.

Гамаюн с рассветом песни не поёт,
 В ночных сказках, как всегда, она живёт,
 А без пенья птицы буду тосковать
 И всю ночь певунью стану ожидать (2016);

Ярославна

Русые пряди волос. Васильки.
 Колосья пшеницы. Трепет ночи.
 Граммофончиком у дороги выюн.
 О судьбе поёт птица **Гамаюн**.

Глаза голубые – солнца лучи.
 Поёт **Гамаюн**, во зле уличив.
 Синица в руках? Журавль в облаках?
 Одолеть бы мне полуночный страх!

– Не бросай меня! – я судьбу прошу.
 Птицу вещую подсказать прошу,
 Как прожить вдали от родной земли,
 Во чужом краю, остальные дни.

Не ответит мне птица **Гамаюн**.
 Растревожит звон, как гитары, струн.
 Душу болью рвёт, сердцу – непокой.
 Как найти теперь тропочку домой?

Плачем и печалью горе не уймёшь.
А не глухо сердце – ты меня поймёшь.
Я заветные слова вслух произнесу,
Словно веткой вербной я себя стегну.

Пусть приходит радость, будто невзначай.
С добрым сердцем к ближним ты его встречай!
Пусть поёт с улыбкой птица **Гамаюн**,
Счастье легкокрылое посетит наш дом (2016).

Во всех приведённых произведениях прецедентное имя **Гамаюн** оказывается весьма значимым для формирования образности компонентом, будучи выражением различных ипостасей одного из лирических субъектов. Так, во всех трёх стихотворениях лирические герои вступают с птицей **Гамаюн** в явный (стихотворение С. Вшивцева) либо воображаемый диалог (стихотворения Н. Соколая и Ярославны), который не только задаёт развитие лирического сюжета, структурируя текст композиционно, но и значительно углубляет образно-семантический план поэтического произведения. Этому способствует включение имени в разнообразные **тропы** (как, например, метафора *свет – Гамаюн*) или же **стилистические фигуры** (в частности, художественное обращение *Спой мне песню, птица Гамаюн*); постоянное использование его для подчёркнуто антропоморфного осмысления воплощённого в художественном произведении содержания (*Спой мне песню, птица Гамаюн, / Расскажи о ветрах время гоняющих; Поёт Гамаюн, во зле уличив; Пусть поёт с улыбкой птица Гамаюн*).

Во-вторых, образ птицы **Гамаюн** у современных лириков функционирует преимущественно в *стилизированных под фольклорные произведения* контекстах, являясь в том числе и **одним из средств** создания этой **стилизации**, – ср. в приводимых далее стихотворениях:

Петр Гуреев

Как на веточке да на яблоньке,
Во Ирий саду птица **Гамаюн**,
Всё говОрила сказы-сказоньки,
Быль-былиночки о родном краю.

«Открывайте ж вы свои ставенки,
Люди добрые слушать речь мою.
Я о врЕменах стародавненьких,
Звонким голосом песню пропою

О родной Земле, о её Богах,
Красных девицах и богатырях.
Расскажу про то, как честной народ

По законам жил да в согласии,
Чтил Святую Русь и свой древний род,
Песни Воли пел сладкогласые» (2016);

Юлия Валентайн

Во Ирийском саду души предков живут,
Там волшебные птицы беседы ведут:
Меж собою толкуют значения рун
Алконост, Сирин, Феникс, да свет – **Гамаюн**.
Входа нет в Ирий-сад не покинувшим Явь,
Ну, а птиц иногда отпускает к нам Правь...
Твоя песнь, **Гамаюн**, сердцу радость несёт,
Кто услышит её – долгий век проживёт,
Все известно тебе: то, что было, что есть,
То, что будет ещё, – всех пророчеств не счесть!
Ты же вестница древних славянских богов, –
В этот мир голос твой прилетает из снов
О Руси добылинной, которой уж нет,
Но порой к нам её пробивается Свет –
Память Рода в легендах и сказках течёт.
Хочешь вспомнить? Проси!

Гамаюн пропоёт... (2015) (везде выделено мною. – И.З.).

В приведённых контекстах имя **Гамаюн** функционирует в словесном пространстве, наполненном элементами, которые однозначно «отсылают» адресата к «стародавненьким временам» – тому исторически далёкому периоду, в который, судя по всему, у рассматриваемого имени-образа и сформировалось в значительной степени то семантическое и лингвокультурное содержание, которое свойственно ему (как в имплицитной, так и в явной формах) в настоящее время. Мы наблюдаем однозначно стилизованные под народную речь лирические структуры, где прецедентное имя **Гамаюн** оказывается не только одним из элементов, но и одним из приёмов создания этой стилизации, в особенности при функционировании в **системах** аналогичных прецедентных имён, – как например, в стихотворении **Юлия Валентайн** «Во Ирийском саду души предков живут...», где, помимо имени **Гамаюн**, употребляются также имена **Алконост**, **Сирин**, **Феникс**.

В стихотворении же **Петра Гуреева** «Как на веточке да на яблоньке...», где, как представляется, стилизация выражена наиболее отчётливо – она ощущается практически на **всех уровнях** лирического текста, в том числе и на звуковом – ср. графически выделенное *говОри*ла и *о врЕменах*.

Таким образом, **функцию участия** прецедентного для восточнославянской лингвокультуры имени **Гамаюн** в **создании стилизации** словесно-художественного произведения безусловно можно отнести к числу основных его функций в современной лирике.

Именно этой ключевой, имеющей **комплексный** характер функции, подчинена и вся иная нагруженность имени **Гамаюн** в лирических произведениях начала XXI столетия – например,

включённость его в разнообразные **тропы и фигуры**, а также создание с помощью означенной номинации своего рода композиционного каркаса лирической структуры, где имя волшебной птицы становится одним из средств его обрамления, задавая тем самым направление развития лирического сюжета.

Всё сказанное позволяет заключить, что в современный период имя **Гамаюн**, как и большинство имён других волшебных птиц восточнославянского мифического пространства, в целом сохраняет накопленный в процессе длительного времени семантико-культурный потенциал, который при использовании его современными поэтами актуализируется и с помощью ряда художественно-изобразительных приёмов.

Литература

1. Топоров, В. Н. Пространство / В. Н. Топоров // Мифы и легенды народов мира. Энциклопедия в 2-х т. / гл. ред. С. А. Токарев. – М. : Советская энциклопедия, 1992. – Т. 1. К – Я. – С. 340.
2. Токарев, С. А. Мифология / С. А. Токарев, Е. М. Мелетинский // Мифы и легенды народов мира. Энциклопедия в 2-х т. / гл. ред. С. А. Токарев. – М. : Советская энциклопедия, 1991. – Т. 1. А – К. – С. 12.
3. Красных, В. В. Теоретические положения. Принципы описания / В. В. Красных, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко // Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. первый / И. С. Брилёва, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных. – М. : «Гнозис», 2004. – С. 10 – 11.
4. Там же. – С. 21.
5. Персонажи славянской мифологии / сост.: А. А. Кононенко, С. А. Кононенко. – К. : Фирма «Корсар», 1993. – С. 45.
6. Шуклин, В. В. Русский мифологический словарь / В. В. Шуклин. – Екатеринбург : Уральское изд-во, 2001. – С. 73.
7. Культурология [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://kulturologia.ru/blogs/111117/36622/>. – Дата доступа : 22.12.2017.
8. Блок, А. А. Стихотворения. Поэмы. Драммы. Проза / А. А. Блок // Сост., предисл. и коммент. А. М. Туркова; худож. В. В. Медведев. – М. : СЛОВО/SLOVO, 2008. – С. 21 – 22.
9. Стихи про птицу Гамаюн [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://stihi-pro.pp.ua/sid_0_cid_1_tid_0/stihi_pro_ptitsu_gamayun.html. – Дата доступа : 22.12.2017.
10. Стихи про птицу Гамаюн [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://stihi-pro.pp.ua/sid_0_cid_1_tid_0/stihi_pro_ptitsu_gamayun.html. – Дата доступа : 22.12.2017.
11. Стихи про птицу Гамаюн [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://stihi-pro.pp.ua/sid_0_cid_1_tid_0/stihi_pro_ptitsu_gamayun.html. – Дата доступа : 22.12.2017.

Поступила в редакцию 18.01.2018 г.

УДК 81'373.21

Топонимическая система в антропоцентрическом рассмотрении

Картавенко В.С.

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Смоленский государственный университет», Смоленск**

В статье представлено описание системной организации топонимической лексики. Анализ топонимической системы дается с точки зрения антропоцентрического взгляда на мир, изучения собственных географических названий в связи с человеком. Цель статьи — проанализировать, как функционирует и развивается топонимическая система в ее ментальном бытии.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили памятники письменности XVII-XVIII веков по Смоленскому краю. Методологическую основу составили труды отечественных и зарубежных ученых в области ономастики. Использовались описательный, сравнительно-исторический, сопоставительный методы.

Результаты и их обсуждение. Бурное и стремительное развитие ономастической науки в целом и топонимической в частности как в России, так и за рубежом в последние десятилетия позволило взглянуть на многие вопросы по-новому. Так, например, системная организация топонимической лексики уже ни у кого не вызывает сомнений. Любую языковую систему, и топонимическую в том числе, следует рассматривать не как существующую саму по себе, а и в общенаучном, и в антропоцентрическом проявлении, подразумевая ее оценивание человеком. Топонимическая картина мира всегда территориальна, поэтому обладает местной, локальной спецификой, а следовательно, несет черты регионального менталитета. В настоящей статье мы рассматриваем это на примере названий сел, деревень, пустошей в начале формирования топонимической системы.

Заключение. Топонимическая система не является чем-то однажды и навсегда данным, зафиксированным только в словарях, справочниках или на картах. Она представляет собой не только онтологическое, но и ментальное, антропоцентрическое образование, которое присутствует в сознании людей, носителей языка, как часть общеязыковой картины мира.

Ключевые слова: название, памятники письменности, Смоленский край, топоним, топонимия, топонимическое пространство, лексика, ономастика.

(Ученые записки. — 2018. — Том 25. — С. 102–106)

Toponymic System in Anthropocentric Consideration

Kartavenko V.S.

**Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Smolensk State University», Smolensk (Russia)**

The article presents the description of the system organization of toponymic vocabulary. The analysis of the toponymic system is given by the anthropocentric view of the world, and it explores the native geographical names in connection with person. The article aims to analyze how to operate and develop the toponymic system in its mental existence.

Material and methods. Material for the study consists of the monuments with inscription of the XVII-XVIII centuries on the Smolensk region. The method is based on those works of the domestic and foreign scholars in the field of onomastics, such as used descriptive, comparative-historical, or comparative methods.

Findings and discussions. In recent decades, the rapid and outburst development of onomastic sciences, especially toponymy's development in Russia and abroad, allows people to look at many issues in new ways. Undoubtedly, the systematic organization of toponymic term is almost perfect. Any language system, including toponymy, should not be studied individually; it must be put into all the subjects and anthropocentric manifestation, which means it must be verified by human being. The world of toponymic science is always territorial; therefore it has local specificity. At this point, it brings features of the regional mentality. In this article, we use names of counties, villages, and wastelands as sample to study the origin of formation of the toponymic system.

Conclusion. The toponymic system has its source, and only is defined in dictionaries, reference books or on maps. It is not only ontological, but also mental. The system is not only a part of ontology, but also a component of spirit and anthropocentric. It exists in the mind of human as a carrier of language, also a part of the world of language.

Key words: name, monuments of written language, Smolensk region, toponym, toponymy, toponymic space, vocabulary, onomastics.

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 25. — P. 102–106)

Бурное и стремительное развитие ономастической науки в целом и топонимической в частности как в России, так и за рубежом в последние десятилетия позволило взглянуть на многие вопросы по-новому. Так, например, системная организация топонимической лексики уже ни у кого не вызывает сомнений. Признаки, которые характеризуют топонимическую систему, довольно многочисленны и разнообразны. Парадигматические и синтагматические отношения, имеющие место в языковой системе определенного языка, в полной мере принадлежат и топонимической системе. Причем парадигматические отношения представлены в топонимике в сфере тематической соотнесенности, синтагматические – при переходе, например, топонимов из одной группы в другую. Кроме того, вопросы топонимической системы рассматриваются с точки зрения антропоцентрического взгляда на мир, изучения собственных географических названий в связи с человеком. Не только лингвисты, но и психологи, социологи, этнографы обращаются к топонимической тематике, к вопросам топонимической системы. Большое количество работ, их проблематика, широта исследований свидетельствуют о востребованности данного направления в последние годы.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили памятники письменности XVII-XVIII веков по Смоленскому краю. Методологическую основу составили труды отечественных и зарубежных ученых в области ономастики. Использовались описательный, сравнительно-исторический, сопоставительный методы.

Результаты и их обсуждение. Собственные географические наименования, будучи формой воплощения и отражения объективной действительности пространства, явились знаками, во многом определившими всю систему имеющихся знаний о мире. Возникнув в глубокой древности, они способствовали становлению миропонимания человека. Следовательно, имена собственные географических объектов, т.е. топонимы, представляют собой, с одной стороны, систему, тесно связанную с языком в целом, с другой стороны, они образуют особое самостоятельное образование, достаточно независимое и замкнутое.

В современных исследованиях по психологии, философии, социологии, этнолингвистике делается акцент на том, что каждая языковая система следует рассматривать не как существующую саму по себе, а и в общенаучном, и в антропоцентрическом проявлении. М. Хайдеггер, рассматривая суть бытия, подразумевает, что бытие обязательно оценивается человеком: «Сущее в целом берется так, что оно только тогда становится сущим, когда поставлено представляющим и устанавливающим его человеком» [1, с. 49].

Исследователи-топонимисты неоднократно отмечали, что тот интерес, который вызывают к себе топонимы, объясняется не только своеобразием их функций, загадочностью происхождения громадного их большинства, отличиями их грамматических особенностей от другого класса слов, а именно апеллятивов, но и значительной их информативностью при решении этногенетических проблем.

Основное назначение, функция топонимов – это выделение, индивидуализация, идентификация именуемых объектов среди других. В настоящее время в условиях становления информационного общества трудно переоценить роль и значение топонимов как точных ориентиров на местности.

«Топонимы, являясь продуктом народного сознания, – пишет Г.М. Керт, – отражают все стороны духовной и материальной жизни человека. В топонимах, как и в других проявлениях духовной культуры человека, а именно в фольклоре, обрядах, заговорах, народных верованиях, отразилось своеобразие народа, его менталитет» [2, с. 70].

По мнению Н.Д. Голева, то, что в топонимике как науке долгое время доминировали онтологические имманентоцентристские представления, для которых языковая личность не была обязательной, объясняет тот факт, что она присутствовала в лучшем случае на фоне описаний топонимических систем. Появление антропоцентристских моделей ставит вопрос об их взаимодействии с моделями системоцентристскими. Он считает, что во многом это взаимодействие организуется по принципу дополнительности [3].

В то же время вслед за Н.Д. Голевым отметим, что и ранее в своих поисках исследователи обращались к менталитету жителей – носителей языка. Так, например, знаменитый «принцип относительной негативности» В.А. Никонова являет собой ментальный, антропоцентрический подход к топонимической системе.

Позже Е.Л. Березович в своих исследованиях продемонстрировала переход от общезыкового анализа топонимической системы к ментальному, антропоцентрическому, указав при этом на сложность подобного перехода: «Такой переход для лингвиста представляет собой почти в буквальном смысле выход в открытый космос, поскольку заранее неизвестны ни инвентарь и структура единиц «космического» мировоззренческого уровня, ни способы их сцепления с языковыми единицами. Эта неизвестность создает необычайно широкое для лингвистического исследования интерпретационное поле. Требуемая в данном случае концептуальная интерпретация предполагает преодоление расстояния от характеристики объекта действительности, запечатлеваемой языковыми единицами, до характеристики установок, интенций субъекта – носителя

языка, обусловивших именно такое восприятие объекта» [4, с. 23].

В настоящее время не существует одного общепринятого термина, который мог бы использоваться для обозначения всех имеющихся топонимических (или шире – ономастических) единиц. Разные ученые используют самые различные термины, понимая под ними определенное содержание в зависимости от того, какой именно объект исследуется. На сегодняшний день одним из употребительных является термин *ономастическое (топонимическое) пространство* [5]. Кроме указанного термина, исследователи используют термины *топонимическое субполе (ономастическое поле)* [6], *ономастический континуум* [7], *концептосфера онимов* [8], *топонимическая система (ономастическая система)* [9], *топонимикон (ономастикон)* (разные авторы).

На наш взгляд, для описания и представления топонимической лексики наиболее подходящим следует признать термин *топонимическая система*, поскольку он как нельзя лучше отвечает требованиям исследования данного массива слов [10].

В монографии «Теория и методика ономастических исследований» дается целостное определение топонимической системы: «Под топонимической системой понимается известное единство построения топонимов той или иной территории, обусловленное общностью психологии населяющего ее коллектива, своеобразным направлением его мышления, общностью восприятия окружающей действительности» [11, с. 51].

При определении и понимании топонимической системы мы придерживаемся точки зрения А.В. Суперанской, а именно рассматриваем топонимическую систему функционально. Под системой мы понимаем не сумму топонимических единиц, а определенный специфический механизм, который преобразует топонимическую лексику (внезависимости от происхождения и этимологии некоторых топонимов) и приводит ее в соответствие с определенными закономерностями, отбрасывая как ненужное, неподходящее то, что не подходит под данные параметры. Формирование же параметров происходит для той или иной территории с учетом наиболее частотных топонимических моделей, с выбором конкретных топонимических формантов, исторических условий, сложившихся в результате взаимодействия народов и их языков, представленных в данном регионе.

В ряде современных исследований отмечается, что если сопоставить топонимическую картину мира и топонимическую систему, то окажется, что они выступают в качестве разных форм бытия: топонимическая картина мира – это антропоцентрическое, топонимическая система – онтоло-

гическое. То есть, топонимическая картина мира выступает в качестве топонимической системы в ее ментальном бытии.

Топонимическая картина мира, это следует отметить особо, всегда территориальна, поэтому обладает местной, локальной спецификой, а следовательно, несет черты регионального менталитета. Рассмотрим это на примере названий сел, деревень, пустошей в самом начале формирования топонимической системы.

В России официальное упорядочение названий сел и деревень начинается во время закрепления за владельцами земельных участков. В период XVI–XVII веков стремительное развитие земледельческой поместной системы привело к тому, что увеличение числа сельских поселений создало необходимость обязательной фиксации в документах многочисленных названий деревень и сел. Закреплялись наименования населенных пунктов в официальных документах, связанных с землевладением. Это были переписи деревень, межевые записи, отказные книги, межевые книги, переписные книги, купчие крепости, спорные дела, писцовые книги, дела о продаже земли, о завладении землей, о порубке леса, о потраве лугов, сборники актов разнородного содержания и многочисленные другие документы.

Для русской топонимической системы характерно прохождение определенных фаз развития. Систему, которая еще только зарождается, формируется, отличает то, что в ней собственные географические названия выступают как развернутые описательные конструкции: *Да в Холмцу Каменскомъ стану в порожжихъ ж земляхъ написано Никитинское поместье Борисова сына Золина пустошь Михеевская на речке на Черной грязи (281/1, 42/1738, 119, 1686 г.); Матвеевское да Истоминское поместье Ивановыхъ детей Бобровых (там же, 119).*

В подобную конструкцию включались имя, или фамилия, или прозвище владельца данного географического объекта, описывалась локализация объекта, а также расположение крупных соседних объектов. «Описательные названия (не обязательно с антропонимом в центре) – непременный признак зарождающейся топонимической системы. Но удельный вес этих названий высок лишь на протяжении короткого периода, предшествующего времени, когда новая система как таковая начинает функционировать: они первыми из неё уходят. Состарившись, топонимические системы теряют многие признаки молодости и отличаются от других систем только обычными параметрами территориального происхождения. И лишь периферийное положение в совокупности топонимических ареалов продолжает указывать, что данная топонимическая система сформировалась позже других» [12, с. 57].

Помимо указанных компонентов, в такую развернутую описательную конструкцию могло входить название водного объекта, который находился поблизости от села или деревни. Сравним примеры из памятников письменности XVII века по Смоленскому краю: *в Вяземском уезде в Гряцком стану пустошь что была д. Яништина на речке на Салате* (См. ст. Вып. 1. Ч. 2. 1687 г.); *пустошь что было село Косканаречкена-Коске* (там же); *пустошь Земкино на пруде* (там же); *пустошь Шалушка на источке на Салотке* (там же); *село Белой Берег на речке Белой Берешке* (См. ст. Вып. 3. Ч. 2. 1624-1625 гг.); *д. Родиновое на речке на Соле* (там же); *пустошь Михевская на речке на Черной грязи* (281/1, 42/1738, 119, 1686 г.); *д. Марозово над озером Островным* (113/1, 205, 2); *д. Панфилово около Крутого ручья* (113/1, 205, 3).

Для того чтобы не путать один населенный пункт с другим, при уточнении места указывали не один ориентир, а сразу два или даже три: *д. Сутоки на речках Верже да Устье* (15174, 329), *село Лосево на реке на Малохве да на речках на Каменке да на Шарневке* (15175, 71 об.), *д. Хатабужа на речках на Ржавце и на Хатабуже* (15175, 235), *д. Некляды на речке Вотре и на колодезе* (там же, 235 об.), *п. Молявна на речке Молявенке да на другой речке Молявенке* (15170, 358 об.), *д. Микулино на болоте и на ручье* (там же, 504), *д. Скарютино на колодези и на ручье* (там же, 504 об.), *д. Хотьбыль на речке Хотьбылке да на речке Тарасовке* (15171, 194 об.).

Топонимия рассматриваемого периода характеризовалась также наличием у сел, деревень, пустошей двойных (иногда тройных) наименований – официального и народного (крестьянского), старого и нового, часто подобные двойные названия были представлены в памятниках письменности следующим образом: *д. Леднево, а Гончарово тож* (15171, 567), *п. Цветухино, Аколища тож* (15177, 647 об.), *п. Коровино, Шоково тож* (15175, 144 об.), *д. Красенцы, а Кречец-тож на реке Вотре и на речке Кречеце* (231 об.), *сц. Ананыно, Острожоктож* (113/1, 212, 21), *д. Секеевичево, Первыкино тож на речке Волчейке* (15170, 367), *д. Невежино, Подшивалова Гора тож* (15174, 237), *д. Поганково, Серково тож* (Смол.ст., вып. 1, ч. 2), *д. Лапино, Захарово тож* (там же), *д. Лукьяновская, а Каваниково, Анфимово тожъ, д. Яковлево, Стогово тожъ, д. Скоморошки, Дубковотожъ, д. Хананинская, Дровничкитожъ, пустошь Ромошина, Холмина, Орешино тожъ* (Смол. ст., вып. 3, ч. 2).

И лишь позже, со становлением топонимической системы, с развитием массива названий, описательные конструкции, двойные наименования заменяются однословными названиями.

В тот период, когда развитие определялось исторической, социальной, языковой и культурной общностью, в топонимах возникли одинаковые черты, характерные для различных территорий Русского государства. Специфические черты сложились под влиянием местных исторических условий экстралингвистического и лингвистического характера и проявились в топонимах, отразивших своеобразие, например, землевладения.

Закключение. Итак, ментальное рассмотрение топонимической системы обращается к языковому сознанию носителей языка определенного периода. Топонимическая система – это результат процесса познания, изучения окружающей человека действительности. В постоянно развивающемся, динамичном ономастическом пространстве пересекаются и взаимодействуют ментальность, язык, мышление.

Топонимическая система не является чем-то однажды и навсегда данным, зафиксированным только в словарях, справочниках или на картах. Она представляет собой ментальное, антропоцентрическое образование, которое присутствует в сознании людей, носителей языка, как часть общезыковой картины мира.

Литература

1. Хайдеггер, М. Разговор на проселочной дороге: сборник: пер. с нем. / под ред. А.Л. Доброхотова. – М.: Высш. шк. 1991. – 191 с.
2. Керт, Г.М. Топонимное видение народа (на материале саамской топонимии) / Г.М. Керт // Этническое и языковое самосознание: матер. конф., Москва, 13-15 декабря 1995 г. – М.: Наука, 1995. – С. 70-71.
3. Голев, Н.Д. Антропологическая и собственно-лингвистическая доминанты речезыковой динамики (процессы номинации и деривации в лексике) / Н.Д. Голев // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики: Тезисы докладов и сообщений международной конференции. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1995. – 160 с.
4. Березович, Е.Л. Топонимия Русского Севера: Этнолингвистические исследования / Е.Л. Березович – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. – 335 с.
5. Суперанская, А.В. Терминология и ономастика / А.В. Суперанская // Вопросы разработки научно-технической терминологии. – Рига: Зинатне, 1973; Суперанская, А.В. Теоретические проблемы ономастики: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А.В. Суперанская – М., 1974. – 48 с.
6. Супрун, В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: монография / В.И. Супрун – Волгоград: Перемена, 2000. – 172 с.
7. Буркин, А.А. Феномен ономастического билингвизма и проблемы пространственного членения ономастического континуума / А.А. Буркин // Язык и ментальность. Вып. 13: в 3 ч. – СПб., 2006. Ч. 1. – С. 16-23.
8. Щербак, А.С. Проблемы определения ономастического пространства в языке / А.С. Щербак // Актуаль-

- ные проблемы русской филологии: юбилейный сборник к 80-летию профессора Н.Г. Блохиной / отв. ред. А.С. Щербак. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011. – С. 474-481.
9. Суперанская, А.В., Исаева, З.Г., Исакова, Х.Ф. Топонимия Крыма. / А.В. Суперанская [и др.] – М.: Изд-во «Московский Лицей», 1997. Т. 1. – 404 с.; Воробьева, И.А. Русская топонимия средней части бассейна Оби / И.А. Воробьева – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1973. – 247 с.; Мурзаев, Э.М. Очерки топонимики / Э.М. Мурзаев – М.: Мысль, 1974. – 382 с.
10. Картавенко, В.С. О развитии ономастической терминологии / В.С. Картавенко // Филологические науки. – 2009. – № 2. – С. 72-80.
11. Суперанская, А.В., Сталтмане, В.Э., Подольская, Н.В., Султанов, А.Х. Теория и методология ономастических исследований / А.В. Суперанская [и др.] – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 256 с.
12. Карпенко, Ю.А. Признаки молодости топонимической системы / Ю.А. Карпенко // Перспективы развития славянской ономастики. – М.: Наука, 1980. – С. 48-57.

Примечания

В статье использованы архивные материалы из Российского государственного архива древних актов (РГАДА, Москва), Государственного архива Смоленской области (ГАСО, Смоленск), Смоленского исторического музея (СМИМ, Смоленск).

Поступила в редакцию 18.01.2018 г.

УДК 811.161.1373.2(082)

Российская топонимика и ее объект в аспекте динамики

Климкова Л.А.

*Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета (ННГУ)
им. Н.И. Лобачевского, Арзамас (Россия)*

В статье прослежен в общих чертах путь развития российской топонимики, актуализированы его отдельные этапы. Цель статьи — выстроить общую линию развития российской топонимики и её объекта — топонимии, сосредоточив внимание на отдельных явлениях как результате динамики.

Материал и методы. *Определение этапов развития российской топонимики и её объекта осуществлено на основе изучения научных источников разных лет, с привлечением фактического материала, в том числе из нижегородского топонимного пространства, с использованием общенаучных методов (дескриптивного, сравнительно-сопоставительного) и частных (компонентного, метода обобщения и др.).*

Результаты и их обсуждение. *На базе накопленных более чем за два столетия онимических, в том числе топонимических фактов, их осмысления в плане значимости для истории народа, языка, культуры в 20-е гг. XX в. в Советском Союзе сложилась топонимика, как раздел ономастики. В ней постепенно формировалась методология, методика, терминология, определялись связи с другими науками. Расцвет русской, советской топонимики пришелся на 60–70-е гг. XX в. Были исследованы разные пласты многих полиэтнических регионов страны, многих национальных республик, в том числе Белоруссии. В плане совершенствования методов исследования топонимика прошла путь от чисто описательного к когнитивизму и антропоцентризму, в целом — к полипарадигмальности. Динамика топонимики соотносительна с динамикой её объекта — топонимии, причем во всех её аспектах: типологии (в результате — многомерной, разветвленной), принципов номинации, способов деривации, мотивации и степени мотивированности.*

Заключение. *Российская, русская топонимика, пройдя значимые исторические этапы (досоветский — советский — постсоветский) в результате интенсивного развития в течение XX в., предстает обогащенной во всех её аспектах.*

Ключевые слова: *российская топонимика, топонимия, метод, полипарадигмальность, принцип номинации, ряды топонимов, ойконимия, урбанонимия, переименование.*

(Ученые записки. — 2018. — Том 25. — С. 107–115)

Russian Toponymy and its Object in the Aspect of Dynamics

Klimkova L.A.

Arzamas branch of Nizhny Novgorod State N.I. Lobachevskiy University, Arzamas (Russia)

The article considers the general outline of the development path of the Russian toponymy, its separate stages are actualized. The aim of the article is to show the whole line of the Russian toponymy development as well as its object, focusing on particular phenomena as the results of dynamics.

Material and methods. *The determination of the development stages of the Russian toponymy and its object is based on the study of scientific sources of different time range, involving the factual material including the toponymic space of the Nizhgorodski region, using general scientific methods of research (the descriptive method, the comparative method) and private ones (the component method, generalization, etc.).*

Findings and their discussion. *Toponymy as a unit of onomatology appeared in the 20-es of the XX century in the Soviet Union. It was based on the toponymic factors, which had been accumulated over more than two centuries, and what is more — understanding the importance of the history of the nation, its language and culture. It was gradually forming the methodology, methods and terminology; the relations with other sciences were determined. Russian Soviet toponymy flourished in the 70–80-ss of the XX century. Most of the polyethnic regions, national republics including Belarus were studied. Speaking about the improvement of methods of the Russian toponymy, it went from a purely descriptive to the cognitivism and anthropocentrism, in general — to the polyparadigm. The dynamic of the toponymy is correlated with the dynamic of its object in all the aspects:*

typology (the multidimensional, branched one as a result), the principles of the nomination, methods of derivation, motivation and the degree of motivation.

Conclusion. *The Russian toponymy, which came through significant historical stages, and as a result of intensive development (pre-Soviet, Soviet, post-Soviet stages) during the XX century, has appeared to be enriched in all its aspects.*

Key words: *Russian toponymy, method, polyparadigm, the principle of nomination, types (categories) of toponyms, oikonimy, urbanonimy, renaming.*

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 25. – P. 107–115)

Любая наука проходит стадию становления, на которой эксплицируется возникший до того (может быть, задолго) интерес к тому или иному явлению в жизни природы и человека. Затем следует сбор, накопление фактов относительно этого явления, осмысление их и тем самым онтологической сущности явления, систематизация. На этапе анализа добытых фактов окончательно определяется суть, характер, значимость объекта познания, вырабатываются исследовательские подходы к нему, методы, формируется терминология – происходит выделение науки, ее оформление как отдельной отрасли знания в системе наук с определением ее места в этой системе. Дальнейшая жизнь науки предполагает ее совершенствование, обогащение во всех составляющих, в том числе через смену и/или актуализацию научных парадигм, приток исследовательских сил и идей. Такой путь прошла, проходит и российская, в том числе русская топонимика.

Цель данной статьи – выстроить общую линию развития российской топонимики и ее объекта – топонимии, сосредоточив внимание на отдельных явлениях как результате динамики, актуализировав в ряде случаев белорусскую составляющую в общей топонимике.

Материал и методы. Определение этапов развития российской топонимики и ее объекта осуществлено на основе изучения научных источников разных лет и справочной литературы. Отдельные явления как результат развития топонимного пространства проиллюстрированы фактическим материалом, зафиксированным в Нижегородском Окско-Волжско-Сурском междуречье как полиэтнической историко-культурной зоне. Методы анализа теоретического и фактического языкового материала (из общего интерпретационного поля) – описательный, сравнительно-сопоставительный, компонентный, метод обобщения, соотнесения проспекции и ретроспекции в процессах интеграции и дифференциации.

Результаты и их обсуждение. Российская топонимика и в целом ономастика – наука молодая. В России в XVIII веке, когда дифференциация филологического научного знания только еще намечалась, на имена собственные (ИС) обратил внимание М.В. Ломоносов, в своем труде «Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия» он выделил «имя вещи собственное <...>, которым обыкновенно что-нибудь на-

зывают, н.п.: Москва, Александр» (§ 18), подвел имена нарицательные и собственные на основе различия их значений под категории род – вид, оперируя примерами топонимов: «Родом называется подобие особенных вещей. Такое подобие видим мы Невы с Двиною, Днепром, Волгою, Вислою и с другими, в море протекающими великими водами, и оное называем одним словом – река, которое значит род, а Нева, Двина, Днепр, Волга, Висла суть виды» (§ 14), коснулся (через призму риторических приемов) этимологического прочтения ИС (на примере антропонимов) на базе нарицательных имен (§ 34, 36), привел примеры использования ИС, в основном антропонимов, в качестве риторических, изобразительных средств (§ 84, 85, 86). Некоторые наблюдения по поводу ИС, в том числе топонимов, находим у В.К. Тредиаковского, А.П. Сумарокова, В.Н. Татищева, Д.И. Иловайского и др. В дальнейшем, в течение более двух столетий, шло постепенное накопление фактов на основе наблюдений за ИС, их значением, значимостью, функционированием. Их углубленная разноаспектная интерпретация привела к мотивированному осознанию исторической, историко-географической, историко-культурной, историко-лингвистической значимости ИС, топонимов в жизни этноса (этносов), их роли. Для этого понадобились усилия многих исследователей – географов, историков, лингвистов, культурологов и др. Активное накопление фактов, их систематизация, интерпретация, осуществляемые представителями разных наук – языковедами, историками, географами, в числе которых А.Х. Востоков, Н.И. Надеждин, Н.П. Барсов, М. Морошкин, И. Добровский, Я. Колар, Ф. Палецкий, Ф. Миклошич; А.И. Соболевский, А.А. Шахматов, Ф. Фасмер, Я. Розвадовский, П. Скок, Ст. Младенов, П.П. Семенов-Тянь-Шанский, Л.С. Берг, С.К. Кузнецов, П.Л. Маштаков и др., относятся к XIX – началу XX вв. [см.: 1, с. 36; 164–174]. В результате была подготовлена основательная почва, созданы мощные предпосылки для выделения ономастики как самостоятельной науки, топонимики в ее составе (и антропонимики), что и произошло, считается, в 20-е гг. XX века [1, с. 37] уже в границах другого государства – СССР. Время становления топонимики как науки отражено, хотя и своеобразно, в энциклопедиях. Так, в Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона нет словарных статей *Ономастика*, *Топонимика*. В Малой совет-

ской энциклопедии, в которой редактором отдела «Языковедение и филология» был профессор Д.Н. Ушаков, нет словарной статьи *Топонимика* при наличии словарной статьи *Ономастика* (тем самым констатации факта существования науки), в которой в качестве объекта названы и географические имена. В целом же дефиниция отражает уровень развития данной науки: «*Ономастика* (греч.) – учение об именах собственных, преимущественно племенных и географических. Последние являются чрезвычайно устойчивыми, поэтому служат нередко одним из данных для установления древних насельников к.-н. территории (например, финнов в Центр. России, давших название Москва-реке), народных переселений и их направлений (например, название Десны, то есть «правой», левого притока Юж. Буга, указывает, что славянам, шедшим вверх по течению, этот приток приходился справа)» [2, с. 84].

В Большой советской энциклопедии помещены довольно пространственные статьи *Топонимика* и *Ономастика* (при отсутствии статьи *Антропонимика*). В них обращает на себя внимание терминологическая сторона, в частности: *топонимика* – совокупность географических названий, *топонимия* – наука о них, оперирование терминологическим сочетанием *топонимические наименования*. В статье содержится информация о характере науки, об исторической значимости, о ценности топонимических наименований для других наук. См.: «*Топонимика* (греч. *topos* – место, *оупта* – имя) – совокупность географических названий в какой-либо стране, на какой-либо территории (наименования населенных пунктов, рек, озер, гор и др.). Поскольку топонимика является частью словарного состава языка, то наука, изучающая топонимические наименования, – топонимия – прежде всего наука лингвистическая. Основным свойством топонимических наименований является их устойчивость, живучесть, в силу чего они служат древнейшими памятниками, позволяющими проникать в глубину человеческой истории, культуры и языка. Многие топонимические наименования свидетельствуют о создавших их различных племенах и народах, сменявших друг друга. Наименования, различные по происхождению, также различны и по своему смыслу: иногда они обозначают строение и форму земной поверхности, иногда содержат названия животных, птиц, растений, порой сохраняют память о минувших событиях (Пятигорск, Красноярск, Волоколамск, Сокольники). Устойчивость топонимических наименований дает возможность выявлять те элементы в языке, которые давно исчезли из его современного словарного состава. При помощи топонимики могут быть обнаружены иноязычные элементы в данном языке или древние диалектные черты, могут быть вскрыты интересные явления в области исторической лексикологии, синтаксиса и фонетики. Топонимика

широко используется для изучения так называемого языкового субстрата <...> (например, выявления славянского субстрата в топонимических наименованиях Балканского п-ова и Восточной Германии или кельтского субстрата в топонимических наименованиях Франции). Она дает также ценный подсобный материал для истории, этнографии, археологии и ботаники. При помощи топонимики могут быть определены территориальные границы различных народностей, могут быть установлены такие исторические факты, как передвижение или смешение племен и народов, племенной состав населения и т.п. Топонимические наименования могут дать интересный материал для определения характера местности или растительности в далеком прошлом, а также помогают иногда определить первоначальное занятие населения того или другого города, района, местности (например, Соликамск, Кожевники и др.)» [3, с. 663].

В словарной статье указана литература, в частности, работы С.Б. Веселовского «Топонимика на службе у истории» (1945 г.), В. Семенова-Тян-Шанского «Как отражается географический пейзаж в народных названиях населенных мест?» (1924 г.), В.Б. Шостаковича «Историко-этнографическое значение названий рек Сибири» (1925 г.) и др. Научным редактором отдела «Литература и язык» энциклопедии и членом Главной редакции был В.В. Виноградов, редакторами-консультантами – известные ученые Б.А. Серебrenников, П.С. Кузнецов, В.М. Жирмунский, А.Б. Шапиро и др.

В статье *Ономастика* этого издания приводятся два значения и оба с гиперсемой 'наука': 1) наука о собственных именах, названиях родов, племен, народностей, наций (с отсылкой к статье *Этнонимика*), и о географических названиях (с отсылкой к *Топонимика*); 2) отрасль общественных наук вообще и, в частности, языкознания, посвященная изучению личных собственных имен, отчеств, фамилий (семейных и родовых имен), и далее приводится информация о происхождении, образовании, значимости имен в соответствии со вторым значением. И только в конце статьи есть фраза «Данные топонимики помогают решению вопроса об этническом составе ранних поселений» [3, с. 35].

В 3-ем издании БСЭ в статье *Топонимика* (автор – В.П. Нерознак) уже иначе разграничены термины *топонимика* и *топонимия*, дается понятие о *микротопонимии*, о прикладном аспекте топонимики, наряду с информацией о значимости топонимики и ее связях с другими науками. Объемной в этом издании является и статья *Ономастика*, написанная А.В. Суперанской, соответствующая современному, более высокому уровню развития науки, нежели в 20-30-х гг. XX века. Информация об ономастике и ее разделах, в том числе о топонимике, дается и в после-

дующих энциклопедических, общих и аспектных – лингвистических, а также в терминологических словарях. Показательна, например, объемная словарная статья *Топонимика*, написанная В.П. Нерознаком, включающая виды топонимов по разным признакам, а также статья *Ономастика* под авторством Н.В. Подольской в Лингвистическом энциклопедическом словаре (гл. ред. В.Н. Ярцева, 1990).

Топонимическая работа в СССР возобновилась сразу после Великой Отечественной войны публикациями, в которых был реализован исторический подход к топонимии СССР: С.Б. Веселовского «Топонимика на службе истории» (1945 г.), А.И. Попова «Топонимика как историческая наука» (1947 г.), его статьями по топонимии Восточной Европы, Белозерского края, Карелии, по мордовской, финно-угорской, самодийской топонимии и др.

Бурное же развитие отечественной ономастики и топонимики как ее составляющей относится к 60-70 гг. XX века. В это время активно проводились совещания, конференции, выходили сборники их материалов, научные сборники статей, посвященных различным проблемам топонимики, развернулась топонимическая работа в вузах страны. Были изданы фундаментальные труды В.Н. Топорова и О.Н. Трубачева «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья» с приложением этимологического словаря гидронимов и 13 карт (1962 г.), В.А. Никонова «Введение в топонимику» (1965 г.), «Краткий топонимический словарь» (1966 г.), В.А. Жучкевича «Общая топонимика» (1968 г.) и др. Исследованы разные пласты топонимии ряда регионов России: балтийская топонимия русских территорий (В.Н. Топоров), дославянская топонимия Пинежья (Г.Я. Сими́на), славянизация топонимии Новгородчины (Н.В. Подольская), становление восточнославянской топонимии (Ю.А. Карпенко), русская гидронимия Сибири (И.А. Воробьева), дорусская топонимия Севера и Средней Сибири (А.К. Матвеев), тюркская топонимия Центра (Э.М. Мурзаев и др.), финно-угорская (А.И. Попов, Ф.И. Гордеев, И.К. Инжеватов, А.Н. Куклин и др.). Активно велась топонимическая работа и в национальных республиках, ставших затем, в 90-е годы, ближним зарубежьем. Так, заметный вклад не только в национальную, но и общую топонимику (и ономастику) внесли белорусские ученые: Н.В. Бирилло, В.А. Жучкевич, Я.М. Адамович, И.Я. Яшкин, В.П. Лемтюгова, а также позднее – В.В. Шур, А.М. Мезенко, А.Ф. Рогалев и др. В эти годы сложились топонимические коллективы, школы, центры в разных городах страны, помимо Москвы и Ленинграда: в Свердловске (А.К. Матвеев), Томске (А.П. Дульзон), Перми (Ю.Г. Вылежнев), Ульяновске (В.А. Никонов, В.Ф. Барашков), Горьком (Л.Л. Трубе), Муроме

(В.И. Тагунова), Пензе (В.Д. Бондалетов), Ярославле (Г.Г. Мельниченко), Тюмени (Н.К. Фролов) и др. Создателем белорусской топонимической школы является В.А. Жучкевич [см. его работы: 4, 5]. Через участие в международных конференциях, конгрессах, симпозиумах укреплялись контакты ученых разных стран, тем самым отечественная ономастика, топонимика вливалась, встраивалась в пространство мировой науки. Эти процессы взаимного научного обогащения продолжаются.

В последние десятилетия XX – начале XXI вв. топонимика и вся ономастика развивалась как в русле традиционных направлений, так и актуализировавшихся в соответствии с новыми парадигмами знаний. Динамика проявилась, проявляется по линии методологии, методов исследования географических названий, причем как общенаучных, так и частнонаучных. Так, например, описательный метод со всеми его этапами постепенно «обрастал» другими, в числе которых: исторический, этимологический, географический, историко-географический, ареальный, лингво-географический, картографический (см. работы В.А. Никонова, А.И. Попова, Э.М. Мурзаева, Е.М. Пospelова, В.А. Жучкевича и др.), а также: компонентный, стратиграфический, количественных подсчетов и в целом статистический, сопоставительный, сравнительный, сравнительно-исторический и др. В последние десятилетия в связи с появлением и введением в научный оборот новых разрядов имен, в том числе виртуального пространства, интернет-пространства, результатов нейминга, потребовались новые методы исследования (типа кейс-метод, контент-анализ), активный поиск, разработка которых сейчас ведется.

Современную топонимику отличает полипарадигмальность. Методологическую основу топонимики составляют традиционные научные устои лингвистики: *системность*, структурно-системно-содержательный (или смысловой; не просто семантический, поскольку имеется в виду не только связь с денотатом, референтом, но и шире – с историческим, этническим, социальным контекстом) принцип описания топонимии как части языка и *историзм*, а также научные парадигмы, актуализировавшиеся в конце XX – начале XXI вв., – *когнитивизм* и *антропоцентризм*, восходящие, по большому счету, к традициям в отечественном языкознании в решении проблем *язык и мышление, язык и общество*. В соответствии с этими парадигмальными установками топонимия рассматривается через призму феноменов: концепт, концептуальная картина мира, языковая картина мира, онимическая (топонимическая) картина мира, общеэтническая картина мира, индивидуальная картина мира, онимическое (топонимическое) пространство, онимическое (топонимическое) поле, языковая личность и др.

С течением времени исходя из стратегии изучения географических названий сложилось соотношение (по принципу встраивания): *общая топонимика*, занятая решением проблем, актуальных для топонимических пространств разных, всех языков, рассматривающая инвариантные явления, свойственные как факт любой топонимии, универсальные (универсальна как факт и сама топонимия); *национальная*, исследующая топонимическое пространство одного языка, вскрывающая его специфику исходя из географических, исторических, этнических и иных факторов жизни нации в разные времена ее формирования и существования; *региональная*, описывающая, интерпретирующая топонимию отдельного региона (отдельных регионов) как историко-культурной зоны; *локальная*, или *микротопонимика*, рассматривающая географические названия, функционирующие в отдельной микросистеме, – микротопонимию, при этом локальная топонимика является составной частью региональной; а также *литературная*, рассматривающая жизнь топонимов в художественной литературе как поэтонимов; *прикладная*, занимающаяся проблемами орфографии, транскрипции, стандартизации и нормализации российских и зарубежных топонимов, русской передачи топонимов нерусскоязычных территорий, что имеет важное юридическое значение (см. работы Е.М. Поспелова, А.В. Суперанской, М.В. Горбаневского, З.В. Рубцовой и др.).

В последние десятилетия произошла и значительная детализация терминологии [см., в частности: 6, с. 14–18].

В течение второй половины XX – первых десятилетий XXI вв. продолжался активный сбор топонимов всех разрядов разных территорий, в результате собирательской деятельности накоплен огромный объем фактического материала. Описание его осуществляется в основном в направлениях, очерченных еще в 60-е годы, в их числе: типология топонимов по разным параметрам (по характеру, виду объекта, по языковой принадлежности, по типу номинации, по отношению к внутренней форме и др.); структурно-словообразовательный аспект; синхрония – диахрония (статика – динамика); историко-этническое осмысление; системные связи; функционирование; лексикографическая обработка и др.

Движение во времени пронизывает все стороны жизни объекта топонимии – географических названий. Это проявляется, в частности, в области принципов и типов номинации географических объектов. Существуют самые общие типы номинации: *кваликативная*, отражающая собственные признаки объекта (форму, цвет, протяженность, устройство, размеры и т.д.), а также характер местности; *релятивная*, *относительная*, фиксирующая связи с другими объектами (предметная), а также отношение к человеку (непред-

метная, в том числе посессивная, передающая значение, отношение притяжательности, принадлежности); возможна *совмещенная*, объединяющая оба вышеназванные типа, обычно в неоднородных единицах вроде *с. Борисово Поле*, *д. Дунаевы Поляны*, *д. Ильина Гора* [см.: 7, с. 100]. В рамках этих типов проявляются частные принципы номинации: по конкретным природным свойствам объекта, по характеру местности; по связи объекта с занятием, промыслом, ремеслом человека; по первопоселенцу, обладателю, благодетелю, владельцу; посессивность привела к мемориальности, созданию названий-посвящений. Учеными отмечается, что именно такая последовательность отражает развитие топонимии, причем на первом этапе (по природным свойствам объекта и местности) номинация осуществлялась прежде всего на основе географической терминологии. Ср. в нижегородской топонимии: *р. Железница* (по специфическому вкусу воды и ржавой плёнке из-за месторождения руды), *р. Вадок* (от мордовского вад/ведь «вода»), *р. Козуля* (на берегах пасутся козы), *р. Колесенка* (колесит, петляет), озера *Белое* (по чистой, белой воде), *Ветла* (по деревьям), *Великое* (большое), *д. Белая Поляна* (добывали белую глину), *с. Болотница* (рядом болота), *д. Заболотье* (в заболоченной местности), *д. Журавинское*, *д. Жеравинское* (от диалектных журавига, жеравига «клюква»), *д. Медвежий Лог* (по медведям), *п. Пасека* (по занятию жителей пчеловодством), *д. Бебяево* (от морд.языческого имени Бебай), *д. Орлиха* (первопоселенец Орёл), *д. Безруково* (основал Безруков), *с. Паново* (по переселенцам из Белоруссии, которых, а также их потомков называли панями), *д. Беляево* (по фамилии владельца), *с. Варварское* (по преданию, принадлежало барыне Варваре), *с. Васильевка* (основано помещиком Василием Гончаровым в конце XVIII в.), *с. Знаменка* (по церковному престолу), *р.п. Воскресенское* (церковное название), *г. Володарск* (в честь революционера М.М. Володарского) [см.: 8], *п. Первое Мая* (четыре населенных пункта), *п. Первомайский* (два), *д. Ленино*, *с. Ленинское* (в честь В.И. Ленина) и др. Актуализация принципа посессивности была связана в свое время с усилением частного, помещичьего землевладения. Он сохранял свою действенность вплоть до Октябрьской революции и оставил значительный след в названиях населенных пунктов по фамилиям, именам бывших владельцев поместий (например, села *Мерлино*, *Веригино*, *Семеново*, *Мотовилово*, *Замятино*, *Водоватово*, *Саблуково*, *Виняево*, *Степаново* и мн. др.), а также в названиях мелких объектов – полей, лесов, лугов, оврагов, прудов и т.д.

В русле этого принципа появилась тенденция, а затем закономерность отражения принадлежности церкви, монастырям. Отмечаются многочисленные названия культового, религиозного содержания: сел по соответствующим приходам, улиц

по близрасположенным церквям, монастырям, например: села *Воскресенское, Знаменское, Ильинское, Архангельское, Спасское, Богоявление* и мн. др.; в арзамасской урбанонимии – улицы *Рождественская, Алексеевская, Ильинская, Софийский переулок*. На базе этого же принципа развилась тенденция, закономерность создания мемориальных названий (лат. *memoralis* «памятный», *memoria* «память»), названий-посвящений, данных в честь кого-то (святого покровителя, царя, героя и т.д.). В результате ее действия на карте нашей страны в разное время появились названия типа *Санкт-Петербург, Екатеринбург, Екатеринбург, Екатеринбург, Николаевск, канал Романовский* и др., многочисленные названия сел и деревень типа приведенных выше, а также урбанонимы. См., например, свидетельство А.М. Мезенко, касающееся белорусской урбанонимии: «Первые названия мемориального характера в честь видных чиновников и государственных деятелей появились во 2-ой половине XIX в. Это были *Скобелевская улица* в Минске и Гомеле, *Александровская улица* в Бресте, *проспект Генерала Рихтера, проспект Князя Трубецкого* и т.п.» [9, с. 23]. Мемориальными, по большому счету, являются (и являлись изначально) названия, например, населенных пунктов, улиц, данные в честь основателя, первопоселенца, благодетеля, но только это была в свое время естественная закрепляемость (закрепленность) имени человека за географическим объектом (родился, жил, облагораживал объект, трудился на нем, прославился, погиб и др.), притом локальная в смысле диапазона проявления, действия. Следовательно, принцип мемориальности – это не порождение советской эпохи, как многие сейчас представляют. В советское время лишь были расширены рамки мемориальности, причем своего рода внелокальной: название давалось в честь человека, непосредственно не связанного с именуемым географическим объектом, знаменитого, известного не только в данной местности, но и в масштабах всей страны и даже всего мира, – писателя, художника, ученого, героя, государственного деятеля, политика. Кроме того, тенденция к мемориальности захватила уже названные объекты, что привело к переименованию, волны которого неоднократно прокатывались по стране. При этом создавались топонимы-посвящения не только конкретным лицам, но и лицам в обобщенном понимании, а также различным явлениям, понятиям идеологического характера (например: п.п. *им. Степана Разина, Путь Ленина, Ленинская Искра, Возрождение, Заря, Идеал, Красная Звезда, Красный Восход, Первое Мая, Большевик, Коммунар, улицы К. Маркса, Советская, Свободы, Революции, 1-го Мая, Победы, Мира* и др.). В советское время родилась и закрепилась стандартная топонимическая модель городов нашей страны, в центре которой находились названия, связанные

с именем вождя революции и его соратников, а также с понятиями идеологического характера. Активизировался генитивный тип имен – с формой родительного падежа имени (*улицы Ленина, Калинина, Кирова, Коммунистов*). Кстати, имена такого типа появлялись и в досоветское время, например, в Арзамасе были *улицы Сальникова, Цыбышева*, правда, редкие на фоне атрибутивных. Показательны наблюдения А.М. Мезенко на материале белорусской урбанонимии. Она отметила, что в экклезионимном поле генитивная модель использовалась «в самом начале формирования урбанонимной системы (*церковь Св. Духа*)», в поле же названий линейных объектов (годонимном и агоронимном) зафиксирована лишь одна генитивная единица в XVII в., затем такие образования начали появляться лишь в начале XX в., а в советское время эта модель превратилась в самую продуктивную [9, с. 42, 43, 46; ср.: 10, с. 26]. В силу высокой концентрации топонимов-производных по этому принципу номинации и генитивной модели, а также многочисленных переименований топонимия советского периода и процесс ее становления противниками советского строя характеризуется не иначе, как «новodelы советского времени», «карнавальные топонимы», «конъюнктурные топонимы», «топонимический новояз», «топонимический сель», «топонимический пантеон», «топонимическая катастрофа», «топонимическая диверсия», «топонимический Чернобыль» и даже «топонимокцид» (ср.: геноцид).

Именно с расширением, трансформацией релятивного принципа номинации в части *отношение к лицу*, с появлением принципа мемориальности и движением его от локальной, региональной к этнической, государственной возникла проблема соотношения естественной и искусственной номинации, а также – именования и переименования объектов, ведущего к появлению названий-посвящений.

Искусственные названия – это всегда результат волевого акта, отражающего желание власть предержащих увековечить память о тех или иных лицах, событиях, явлениях сообразно господствующей идеологии. Поэтому они, будучи мемориальными (меморативами), имеют социально-идеологическую, политическую подоплёку. Со сменой идеологии, форм собственности, государственного строя происходит переоценка таких названий, затрагивающая и достойных сохранения как свидетелей, своеобразных памятников истории и культуры. Именно по отношению к этой зоне топонимического пространства возникает проблема переименования, которое может происходить волнообразно. Такие волны прокатились по России в XX веке. Первая волна – это переименования первых десятилетий после Великой Октябрьской социалистической революции: города Вятка → Киров, Екатеринбург →

Свердловск, Козлов → Мичуринск, Екатеринослав → Днепропетровск, Александрополь → Ленинск, Сергиев Посад → Загорск, Симбирск → Ульяновск и др.; вторая волна – 40-60-е гг.: Чембар → Белинский (с 1948 г.), Тильзит → Советск (с 1946 г.), Кёнигсберг → Калининград (с 1946 г.), Гжатск → Гагарин (с 1968 г.), Мелекес → Дмитровград (с 1972 г.) и др., третья волна берет свое начало с горбачевской перестройки. Переименование этого периода приняло вид возвращения прежних названий, замененных в советское время; таким образом, налицо временные цепочки: Екатеринбург – Свердловск – Екатеринбург, Самара – Куйбышев – Самара, Нижний Новгород – Горький – Нижний Новгород, в ряде случаев цепочки более протяженные: Елизаветград – Зиновьевск – Кирово – Кировград – Елизаветград, Санкт-Петербург (Петербург) – Петроград (1914-1924) – Ленинград (1924) – Санкт-Петербург. Переименование-возвращение прошло и в урбанизации, каждый знает это по своему городу. В Арзамасе, например, вернули названия Гостиный ряд (б. Кооперативная улица), Николаевский монастырь (б. Комсомольский городок), площадь Соборная (б. Красная – Базарная – Ленина) [11].

В свое время процесс переименования, в частности ойконимов, сопровождал христианизацию края. Ср.: с. *Инелей* (от эрзянских слов ине «большой» и лей «речка, овраг, ручей») – с. *Богоявленское*, д. *Колотуха* (от колотуха «неровная дорога, на которой путников колотило, или лес, пригодный только на дрова») – *Ильинское* (по церковному престольному празднику), д. *Новая Деревня* – с. *Новоблаговещенское* (от церковного престола), д. *Матвеевка* (место выбрано Матвеем) – *Преображенка* (строительство деревни начато на праздник Преображения), с. *Люнда* (по реке Люнде/Линде, от марийского илемде «нежилая» или индоевропейского мендан «долина») – *Владимирское* (церковное, сменившее прежнее в XIX в.), с. *Ошпире*, *Кузатово*, *Кудиново* (мордовские названия), *Костино* (русское) – *Вознесенское* (церковное, сменившее прежнее названия в XIX в.) и др. [см.: 8].

Приведенные единицы и множество других, подобных свидетельствуют также о смене топонимных пластов по мере освоения края и формирования соответствующей историко-культурной зоны, о соотношении субстратной и суперстратной топонимии, в нашем случае, в Нижегородском Правобережье, Окско-Волжско-Сурском междуречье, это финно-угорский (мордовский, марийский, мерянский и др.), тюркский – тот и другой субстратные, славянский, русский пласты.

Явление переименования имеет отношение к разграничению официальной-неофициальной топонимии. Смена топонимов ведет к полионимии, причем сосуществование единиц полионимной пары имеет временный характер: обе функцио-

нируют, пока живы поколения, пользовавшиеся прежними названиями как единственными. Через поколения (два-три) замененные названия уходят в пассив системы, становясь историзмами, а затем – и совсем из нее, сохраняясь в исторических документах, в краеведческой литературе. Например, в Нижегородском крае: с., *р.п. Ташино* (по имени жены основателя поселения – сына Н.М. Карамзина, Натальи Васильевны Оболенской, которую по-домашнему называли Ташей) – *г. Первомайск*; с. *Теплый Стан* (по преданию, название было дано Иваном Грозным, потому что, по одной из версий, он был тепло встречен населением во время его похода на Казань) → *Сеченово* (в честь ученого-физиолога И.М. Сеченова, уроженца села; село было переименовано в 1945 г. к 40-летию со дня смерти ученого) [ср.: 8].

Иное дело с единицами, появляющимися как вторичные на базе официальных топонимов. Как правило, такие названия имеют статус вариантов как факт городского просторечия, они активно функционируют в устном общении, особенно в речи молодежи. Например: *г. Нижний Новгород – Нижний*, *г. Арзамас – Арзик*, в нем *ул. Кирова – Кировская*, *ул. Калинина – Калининская*, *Калинка*, *ул. Кольцова – Кольцуха* и др.

Существование топонимов во времени, их судьба прослеживается и на отдельных их сторонах, признаках, в частности на таком, как мотивированность /немотивированность. На стадии образования и вхождения при условии конвенционализации в систему топоним как результат стихийной номинации имеет тесную связь с производящей и мотивирующей базой (мотивантом) и соответственно полную, безусловную, прозрачную мотивированность. Дальнейшая жизнь топонима в системе, функционирование может привести к ослаблению его связи с мотивантом, к свертыванию в памяти системы событийного ряда, приведшего в свое время к появлению топонима. В этом случае мотивированность становится неполной, непрозрачной, возможна в этом случае гипотетическая мотивация. Дальнейшее ослабление мотивационных связей приводит к их утрате, демотивации. Следующим шагом в жизни номинанты может быть неомотивация. Все это, смену ступеней в жизни единицы в свое время мы наглядно показали на материале нижегородской, окско-волжско-сурской микротопонимии [см.: 7, с. 83-103], тем самым подтвердив мысль В.А. Никонова о том, что микротопонимы представляют «пока лишь зародыши названий», а незаконченный процесс топонимизации «позволяет «подсмотреть» сам процесс стихийного образования названия». И еще: «<...>микротопонимия, в массе пока еще стихийная, представляет для исследователя как бы естественную топонимическую лабораторию. Для такой научной отрасли, в которой невозможен научный эксперимент, это счастливый дар» [12, с. 47].

Первоначальным объектом интереса, наблюдения и в дальнейшем описания стали географические названия и имена людей, составившие затем и объект науки *ономастики*, получившие терминологическое обозначение – *топонимы* и *антропонимы*, а соответствующие разделы *ономастики* – *топонимика* и *антропонимика*. Дальнейшее наблюдение за ИС, в частности географическими, и изучение их с применением различных методов привело к выделению внутри топонимии подтипов единиц-объектов. Прежде всего, довольно рано были выделены *гидронимы* (совокупность их – *гидронимия*). Любой объект рельефа земной поверхности стал называться *ороним* (*оронимия*). Позднее был введен термин для названия населенных пунктов – *ойконимия*. Однако еще в 60-е гг. XX в. его не было: «Для названий населенных пунктов нет особого термина. Это вызывает некоторые неудобства, впрочем, не настолько серьезные, чтобы стоило ломать голову над изобретением еще одного термина» [12, с. 43]. В середине XX в. по величине называемого объекта, диапазону функционирования, степени известности топонимы были разделены на *макро-топонимы* (названия крупных физико-географических объектов, общеизвестные, имеющие широкую сферу употребления) – *микротопонимы* (названия, как правило, небольших объектов, имеющие ограниченную сферу употребления, небольшую степень известности, неофициальность, функционирующие только в устной речи при отсутствии письменной закреплённости [7, с. 79] – *мезотопонимы* (собственно топонимы, занимающие срединное положение между макро- и микротопонимами) [в целом см.: 13, с. 165-170; с. 163-164].

В последние десятилетия XX в. предстаёт картина значительной дифференциации, детализации топонимии по видам объектов, ее многомерная классификация. Так, гидронимы разделились на *потамонимы* (названия рек), *океанонимы* (названия океанов и их частей: морей, заливов, проливов, течений), *пелагонимы* (названия морей или их частей), *лимнонимы* (названия озёр, прудов), *гелонимы* (названия болот, заболоченных мест). Деление топонимии на городскую и сельскую потребовало введения терминологического различия внутри ойконимии *астионимов* (названий населённых пунктов городского типа) и *комонимов* (названий поселений сельского типа). Путём введения терминов актуализированы и другие виды объектов – природных и антропогенных: *хороним* – название любой территории (страны, края, области, района), природно-ландшафтной, административной; к нему примыкает термин *регионим* – название того или иного региона; *инсулоним* – название острова; *дримоним* – название леса, лесного участка, бора, рощи, отдельного дерева; *дромоним* – собственное имя любого пути сообщения: наземного, водного, подземного,

воздушного, дороги; *некроним* – ИС места погребения, кладбища; *эклезионим* – название места совершения обряда, места поклонения любой религии – церкви, часовни, креста, монастыря; *агрооним* – название земельного возделанного участка – пашни, поля.

Актуализации и терминологическому выделению подверглись с течением времени внутригородские топографические объекты (через ступень *астионим*), названные термином *урбаноним(ы)*, разделённые в силу своей неоднородности терминами *агороним* – название городской площади, рынка; *годоним* – название линейного объекта в городе: проспекта, улицы, линии, переулка, проезда, бульвара, набережной; *ойкодомоним* – ИС здания; *хороним городской* – название части города; и др. [см.: 6]. Сейчас в этой зоне выделяется особый вид коммерческих урбанонимов, выполняющих рекламно-прагматическую функцию, – названия жилых комплексов, *неймы*, как результат нейминга – «речевой деятельности, направленной на создание оригинального, запоминающегося названия для предприятия, товаров и услуг» (Т.П. Соколова; см.: также работы Р.В. Разумова). Коммерческая направленность придает таким названиям особый статус, что отражается и в терминологии: *эргонимы*, *рекламные имена*, *рекламные урбанонимы*, *эргоурбанонимы*, *порейонимы*, *эмпоронимы* и др.

Одной из первых детальным изучением урбанонимии занялась А.М. Мезенко, обосновав свой научный интерес к ней неразработанностью данной области онимического пространства, отсутствием монографических исследований ее, а также необходимостью выполнения задачи изучения языка города, выдвинутой Б.А. Лариным еще в 20-х гг. XX в. В вопросе о статусе урбанонимов она руководствуется взглядами А.В. Суперанской, выделившей урбанонимию в отдельный разряд собственно топонимии (а не микротопонимии) и урбанонимику – специальную науку об урбанонимии как части языкового пространства города [см.: 9, с. 3-4]. В своей монографии «Урбанонимия Белоруссии» А.М. Мезенко дала подробный обзор советской и зарубежной литературы по урбанонимике, проследила историю формирования урбанонимного пространства разных городов Белоруссии, представила разноаспектный анализ единиц этого пространства: с точки зрения онтологической сущности, характера объектов (годонимы, эклезионимы, хоронимы, ойкодомонимы), с точки зрения структуры (структурно-грамматические типы – атрибутивный, описательный, номинативный, нумеративный, атрибутивно-адъективный и др.), описаны здесь номенклатура и роль географических (номенклатурных) терминов; с точки зрения образования (урбанонимообразования), при этом автор отличает словообразовательный анализ урбанонимов от словообразовательного анализа апелля-

тивов и описывает в основном атрибуцию; дается и семантическая классификация: принципы и признаки номинации внутригородских объектов и особенности функционирования принципов номинации в разных урбанонимных полях – экклезионимном, ойкодомонимном, годонимном, хоронимном, при этом в пределах ойкодомонимного поля рассмотрены единицы, выполняющие различные функции, в том числе рекламную. Обобщение наблюдений за урбанонимными пространствами разных городов Белоруссии осуществлено при историческом подходе к фактическому материалу с использованием комплекса методов, в числе которых и статистический, метод количественных подсчетов. Исторический подход реализован автором и в лексикографическом описании белорусской урбанонимии XIV – начала XX вв. (с предварительной общей характеристикой структурно-грамматических урбанонимных типов XII–XIV вв.) [10]. Несомненно, работы А.М. Мезенко входят в научную классику белорусской национальной топонимики.

В особый разряд выделен и такой вид топонимов, как названия внутрисельских объектов – *виконимы* (*виконимия*), при этом обосновывается их отличие от урбанонимов и микротопонимов. В исследовании этой зоны топонимного пространства (именно как *винонимии*) заметны успехи белорусских коллег [см.: 14].

Заключение. Общая картина динамики российской топонимики представляет ее путь от отдельных наблюдений отдельных фактов до их систематизации исходя из различных классификационных признаков и в соответствии с различным диапазоном действия систем (движение от атомарного подхода к системности); от этимологического прочтения отдельных топонимов до осознания важности топонимии в целом для истории народа, языка, культуры; путь обогащения методологии, методов анализа топонимного материала, подходов к нему, на современном этапе это – когнитивизм, антропоцентризм, функционализм при сохранении традиционных – историзма и системности. Идея движения, динамичности заключена и в самом определении *российская* (топонимика). Оно предполагает разный масштаб, диапазон и науки, и самого топонимного пространства как ее объекта в соответствии с тремя периодами в истории государства: *российский* (относящийся к России как империи) – *советский* (относящийся к державе с названием Советский Союз, СССР) – *российский* (относящийся к России как Российской Федерации), или, по-другому, периоды *досоветский* – *советский* – *постсоветский*. Во всех случаях *российский* – это относящийся к изучению национальных топонимных пластов,

многонациональный, только с разным объемом многонациональности. Динамика топонимики соответствует характеру топонимного пространства страны и определяется им. Топонимия, отражая опыт поколений, сохраняя память о минувшем, тем самым выполняя кумулятивную (накопительную) и своеобразную мемориальную функции, основанные на историзме географических названий и проявляющие эту ее черту, имеет подвижный характер, причем на уровне всех явлений и единиц, в частности: типологии (от топонимов в целом до детализации урбанонимов и виконимов), принципов номинации (от отражения природных свойств географических объектов и местности до мемориальности), мотивации (от полной, безусловной, прозрачной до демотивации), деривации (от онимизации апеллативов, атрибуции до генитивности) и другого, требующего дальнейших исследований.

Литература

1. Бондалетов, В.Д. Русская ономастика: учеб. пособие / В.Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.
2. Малая советская энциклопедия / Гл. ред. Н.Л. Мещеряков. В 10-ти т. – М., 1930-1932. – Т. 6. (МСЭ)
3. Большая советская энциклопедия / Гл. ред. Б.А. Введенский: В 52 т. – Изд. 2-е. – Т. 42. – М., 1956. (БСЭ)
4. Жучкевич, В.А. Краткий топонимический словарь Белоруссии / В.А. Жучкевич. – Мн., 1974.
5. Жучкевич, В.А. Общая топонимика: учеб. пособие / В.А. Жучкевич. – Мн.: Выш. шк., 1968. – 432 с.
6. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – 2-ое изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
7. Климова, Л.А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира: монография / Л.А. Климова. – Арзамас: АГПИ, 2007. – 394 с.
8. Морохин, Н.В. Нижегородский топонимический словарь / Н.В. Морохин. – Нижний Новгород: КиТиздат, 1997. – 216 с.
9. Мезенко, А.М. Урбанонимия Белоруссии / А.М. Мезенко. – Мн.: Университетское, 1991. – 167 с.
10. Мезенко, А.М. Имя внутригородского объекта в истории: Об урбанонимах Беларуси XIV – нач. XX вв. / А.М. Мезенко. – Мн.: Выш. шк., 2003. – 301 с.
11. Климова, Л.А. По Стрелецкой на Соборную / Л.А. Климова // Арзамасская сторона: просветительский журнал. – № 1-2. – 2001. – С. 66-69.
12. Никонов, В.А. Введение в топонимику / В.А. Никонов. – М.: Наука, 1965. – 180 с.
13. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1973. – 366 с.
14. Дорофеев, М.Л. Виконимия Беларуси: номинативный, лингвогеографический, лингвокультурологический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 – русский язык / М.Л. Дорофеев. – Мн, 2015. – 28 с.

Поступила в редакцию 18.01.2018 г.

УДК 801.311:81-23

Дифференциация регулятивной функции ТОПОНИМНОГО ЗНАКА

Копач О.И.

Белорусский государственный университет, Минск

В представленном исследовании географические собственные именаразматриваются в свете реализации регулятивной функции языка. Отмечается недостаточность традиционного структурно-семантического анализа имен для естественного описания топонимной системы. С учетом денотативной специфики топонимов и конструктивного характера деятельности номинаторов автором выявляются четыре различных способа ориентации субъекта на местность с помощью имен объектов.

Цель работы — выявление соотносительности номинативных характеристик имен с их функциональной специализацией.

Материал и методы. *Анализируются имена болот (гелонимы) в белорусском языке и американском варианте английского языка. Выбор языка обусловлен возможностью сопоставить белорусские синтетические имена с более прозрачными аналитическими американскими. Методологической базой исследования являются методы синхронного исследования языка. Это объясняется характером материала исследования — имена небольших объектов (болот), которые часто не утрачивают мотивации.*

Результаты и их обсуждение. *Мнения лингвистов о составе и количестве функций собственных имен географических объектов многочисленны и разнообразны. Основной все же признается функция адресная, или регулятивная. Вместе с тем адресность обычно связывается учеными только с экстралингвистическими особенностями, которые окружают объекты. Это справедливо, так как основы топонимов указывают на индивидуальные признаки, а форманты обычно не указывают на характер объекта номинации. Однако при определении типов отношений между дифференциатором и классификатором имен обнаруживается, что не все топонимы осуществляют регулятивную функцию через указание на индивидуальную характеристику. Выделяются четыре типа регуляции: опосредованная, нулевая, системная и подсистемная.*

Заключение. *Специфика регулятивной функции географических имен четко проявляется в соотношении типов связей между классификатором и дифференциатором имен с их денотативными характеристиками. Единая ориентационная функция топонима варьирует и отражается в четырех различных способах формирования плана содержания имен.*

Ключевые слова: *топоним, функции имен, номинативная функция, аккумулятивная (накопительная) функция, регулятивная (адресная) функция, собственное имя болота (гелоним), классификатор, дифференциатор, субфункции.*

(Ученые записки. — 2018. — Том 25. — С. 116–120)

Differentiation of the Regulative Function of a Toponymic Sign

Kopach A.I.

Belarusian State University, Minsk

Place names are considered in the light of the regulative function of language. Insufficiencies of a structural-and-semantic analysis of names for the natural description of a toponym system are noted. The author discerns different ways of man's orientation by means of place names. Denotative characteristics of names and the constructiveness of man's naming activities are taken into consideration.

The purpose is to define the correlation of linguistic characteristics of names with their functional specialization.

Material and methods. *Names of Belarusian and American swamps are analyzed. The choice of languages is connected with the possibility to compare Belarusian synthetic names with more transparent analytical American names. Methods of synchronous research are used as a methodological basis.*

Findings and their discussion. *The opinions of linguists about the composition and number of functions of toponyms are numerous and varied. The main function of place names is a regulative one. At the same time, scientists usually connect regulation only with extralinguistic features that surround objects. This is understandable, because the stems of*

toponyms indicate individual characteristics, and the formants don't reflect the nature of the object under naming. However, toponyms could perform the regulative function without applying to individual characteristics. The addressing could be indirect, zero, systemic, or subsystemic.

Conclusion. Specificity of the regulation in names is clearly manifested in the correlation of the types of connections between differentiators and classifiers of names with their denotative characteristics. A single regulative function varies and results in four different ways of forming the content of helonyms.

Key words: place names, functions of names, nominative function, accumulative (storage) function, regulative (addressing) function, names of swamps (helonyms), classifier, differentiator, subfunctions.

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 25. – P. 116–120)

The problem of functions of names is always present in any scientific study of geographical names. According to I. B. Voronova, a nominative-differential function can be recognized as a hyperfunction of all proper names [1, p. 119]. Names designate objects of the world, but at the same time they distinguish the named objects from all the other identified objects.

This function of proper names which unite them with other words of language is recognized by all. Delimitation from common names is implemented in different ways: by stating the lack of characterization function [2, p. 345], the existence of an individualizing-and-identifying function of a proper name as opposed to a generalizing function of an appellative (K. A. Levkovskaya) or a function of specifying the general concept on the basis of names [3, p. 104]. The function of characterization is usually regarded as inaccessible to the semantics of proper names so far as units functioning at the onomastic level quickly lose their motivation and are transformed into labels incomprehensible for a new generation of people [4, p. 44, etc.]. L. B. Selezneva proceeds from the presence of both nominative and semasiological functions in onyms and in appellatives [5, p. 177–178].

Proper names, according to some researchers (A. V. Superanskaya, V. I. Bolotov, E. L. Berezovich etc.), can store information while functioning in society [6, p. 33–38, etc.]. Hence, an accumulative (storage) function is recognized. In light of the cognitive approach, the gradual accumulation of information about geographic features by humans is of particular interest. The emphasis is increasingly placed on the accumulation of data just in perception (before naming) that precedes both the creation of derivational models and the emergence of semantic markers.

There are more detailed classifications of the functions of proper names. V. D. Bondaletov distributes them to the main (nominative, identifying, and differentiating), and secondary, «additional», «optional» (social, emotional, deictic (indicating), addressing, expressive, aesthetic and stylistic) [7, p. 20–21].

The private functions of place names are distinguished by M. V. Golomidova (location, indexing, naming) [8, p. 68], E. M. Murzaev

(addressing, historical, geographical, linguistic) [9, p. 4], V. A. Nikonov (addressing, descriptive, ideological) [10, p. 82], A. V. Superanskaya (subfunctions of an identifying function, which is common for all onyms: distinction, address, differentiating, contrast, description, index) [11, p. 274], etc.

So, the addressing function is the main function of a place name. It predetermines more significant dependence of onyms in a spatial context, more precisely defines historical, social, geographic and ethnic environments of objects. The meaning of a name as an extralinguistic category is broader than the meaning of an appellative because the extralinguistic context of a name is more diverse than the ties of an appellative. Therefore, the semantics of a name is often defined as «an expanding cone of our knowledge about an object» [12, p. 75]. It results in recognizing toponymy as «a source of etymological and actual information which arouses interest of linguists, historians, geographers, ethnographers to it ... Disclosure of the motivation of names helps to conceive the nature of typical topography» [13, p. 79].

Place names have their own special characteristics. In this sense, an interesting point of view is expressed in the article by Y. A. Karpenko «On Synchronic Toponymy»: «De-etimologization of a common name is opposed by semantic connections of these words; whereas the semantics of place-name is completely replaced with the territory. Within a class of names, in fact, place names have no semantic differences, being delimited by space only ... Syntagmatic oppositions of place names are implemented in the totality of the names of a rather limited area» [14, p. 48–51].

One can hardly accept the statement that there is no semantics at all in names. However, we can agree with Karpenko that noting the similarity of semantic relations in appellatives and in territorial ties of proper names he does not restrict the latter to one class. Any place name appears not in the subsystem of names, but in the integral toponymic space. Rigid walls between subsystems are built only by the researcher.

In this work we will assume that the main function of a place name is an addressing, regulative one, the function of a benchmark. We would put an

emphasis on the term «regulative» which implies that man's behaviour is dependent on the form of a name. The appearance of a place name is due, above all, to the necessity to find an object in a single indiscrete space. Historical and cultural information that accompanies the main function is encoded within a name and revealed while systemically studying the place names of the area.

Material and methods. The author's electronic database of Belarusian and American names of swamps (helonyms) totaling more than 7000 units in each language (7041 helonyms of Belarus, 7304 helonyms of the USA) served as research material for this work. The sources of material are Belarusian cadastral plans of each of the six regions of Belarus [15], and internet resources (the official site of the United States Geological Survey [16]).

Methods typical of a synchronic approach are applied: a method of analyzing the concept, comparative, structural, statistical, and descriptive methods. Feasibility of synchronic view is due to the transparency of the structure and semantics of most helonyms.

The significance of the results is determined primarily by involving big factual material in onomastics – the names of Belarusian and American swamps – and considering them against the names of other objects and from a contrastive viewpoint. For the first time in linguistics names of swamps are considered as a specific subsystem of hydronymy reducible neither to unstable microtoponyms nor to conservative names of larger water bodies (rivers, lakes). The classification of helonyms based on the idea of actual division of a naming unit reveals the main meaningful categories in toponymy and establish the sequence of new meanings in toponymic signs. The idea also adds much to displaying the peculiarities of the development of regulative function performed by place names.

Findings and their discussion. The function of a place name is naming for the purpose of distinguishing and differentiation. The basis for my classification of helonyms is taking the binary structure of human cognition into consideration: the act of naming must comprise both old and new components of cognizing, that is an onomasiological basis and an onomasiological attribute. The former gives an account of the known classified properties while the latter notes individual features.

The role of a differentiating component was ignored as a result of the initial interest of place names researchers to form. Therefore, it needs rehabilitation.

First, a geographical name performs a function of individualization in society. Appellatives, i.e. common lexis, often define their belonging to a particular class of words by means of suffixes in Slavic languages: *sinij* 'blue', *sinieva* 'blue colour',

etc., which can not only classify the items, but also distribute their positions in a sentence, and even convey connotations (*čtec* 'reader, elocutionist, reciter', *čitaka* 'bad, poor reader', *čitatiel* 'reader'). At the same time proper names in any case function as substantivized members of sentences, that's why their classifying part is surplus: cf. *Kuc'kavaBalota*, *Stan'kava*, *Jurkava*. This is equally applicable both to compound and simple names. In place names even a derivative suffix often similarly joins a differentiating part, only reaffirming the substantive status of an onym. Thus, according to A. M. Selishchev, the possessive suffixes *-ov-*, *-in-* «are used in such names which no longer have the meaning of possessivity» [17, p. 73]. The same applies to the rest of toponymic suffixes. Besides there is no unambiguous correspondence of an affix to the nature of an object in Slavic toponymy. The derivative morphemes *-ka*, *-ica*, etc. can be used in creating the names of any toponymic subsystem. The toponym *Kamienka*, for example, may be a proper name of a river, a lake, a swamp, or any other object of the area. Nominally, the suffix component *-ka* confirms the new status of a toponymic unit, but in terms of content the meaning of the derivative morpheme is always the same. It is an ambiguous reference to a name belonging to one of the numerous toponymic subsystems. Materially expressed derivative morphemes may even be absent in the name of an object. If the choice of a suffix was still determined by the nature of a derivative basis in old Slavic models, or later by the type of a named object [14, p. 53], the analysis of current material indicates that as a functional unit a place name is to a very little degree connected to the presence or absence of its derivative formants. In the American system of place names apparent uniqueness of a classifier also does not always reflect the true circumstances of naming: AmE. *Dinkins Bay*, *Greenbriar Pond* (names of swamps).

Secondly, taking into account the peculiarities of transition from a classifying to a differentiating component makes it possible to distinguish schemes of names that are different both in function and sense to study the sequence of emerging new meanings in the names of objects. A differentiating component takes the leading role in place names as functional units. Some linguists noted that only the descriptive part function as a place name [18, p. 145].

Defining the motivation of a place name starts structural and word-formative analyses. Application of word-building in a narrow sense, as the identification of materially expressed morphemes which were used as a means of forming a new unit, is unable to fully show the specificity of the reflection of reality in human consciousness. This objective may be attained by turning to an onomasiological analysis which means more than just creating a grid of models. Such an analysis is almost commonplace

in any structural-and-semantic research. Instead we should turn to the modelling of a toponymic sign by studying the sequence of objectification of its ideal content.

Word-formation proper separates the significance of root and affixal morphemes) while onomasiology equalizes them in their rights. This is true because a derivational basis does not always take the role of a differentiator, and the semantics of the means of naming can be far from interchangeable. Derivational formants can change the meaning of derivatives as well as only specify them in appellatives. In papers based on the psychological foundation of human activity the development of suffixing is considered to be the result of successive contraction of a combination first to a compound word and then to a one-word condensation [19, p. 32]. In place names, a suffix performs as a compression to a geographical appellative-substantive of a minimal size. Confirmation of this fact is found in diachronic studies: there are only toponymic equivalents at a pre-toponymic stage, i.e. descriptive constructions that precedes the name. And although the «repetitive mental processes begin to take place automatically» [19, p. 28], the appearance of a formative means indicates the dismemberment of the original syncretic perception of an object / phenomenon.

The nonequivalent sense of different morphemes makes me apply not only to the semantics of specific helonymic roots, but to the meaningful structure that shape information on a non-verbal level, to the conceptual structure created at the level of onomasiology. A criterion for its defining is the nature of interaction of an onomasiological basis and an onomasiological attribute within a nominative unit. It is different in different names: AmE. *the Bog, Beaver Bog, Jones Big Swamp*; Blr. *Balota, Turaŭskaje Balota, Maloje Galynskaje*, etc. So a special onomasiological level is to be singled out which is free from direct influence of semantics or syntax.

This step lets us see not only the separate existence of root and auxiliary morphemes, but the relations that exist between a classifier and a differentiator of names at a categorical level. Thus, if the object of studying the etymology of names of water bodies is determined as a specific meaning of a hydronym which it has at the time of its formation, the onomasiological analysis of toponymy can be defined as the identification of types of semantic structures that carry out a link between the two representations of the object. On the one hand, the old and undivided one and on the other hand, a new discrete one.

This differentiator discusses a place name as an independent language sign which is capable of distinguishing one object from another. However, even within «single-functional» proper names

differentiation is carried out differently both in terms of expression and in terms of content, and «in respect of system relations not purely formal, but categorical changes are probably the most important» [20, p. 35].

Undoubtedly, the significant formal distribution of helonyms corresponds to clear gnosiological and functional reasons (subfunctions): 1) a new onym is able to orientate man even while not announcing the status of this new object designated by the name, e.g. names of swamps AmE. *Flynns Lake, Buckhorn Savanna, Fish Hill*, etc.; Blr. *Buslaŭ Barok, Dziehcieŭ Luh, Vostraŭ Brumaraŭščyna*, etc. (the appellative part of a name include a word which denote other type of objects than a swamp). I call this subfunction of a toposign **indirect regulation**; 2) it expresses the idea of an individual object without applying to peculiar features of an object (**a zero-regulation**): AmE. *the Bog, la Cienega, the Marshes, the Slash, the Swamps*, etc.; Blr. *Alies, Tapila, Uzduchavina, Biel', Bahna* (correspond to Belarusian appellatives with the meaning 'swamp'; 3) it can single out new features of a new object within all types of names in the system (**a system regulation**): AmE. *Church Swamp, Abe Emerson Marsh, Cypress Bog, Fivemile Swamp*, etc.; Blr. *harodnia* 'artificial mound on the place of an ancient populated place' > *Haradnianski Moch, biaroza* 'birch-tree' > *Biarozavaje Balota*, etc.; 4) a proper name identifies the differences of one unit of a subsystem from the other (**a subsystem regulation** – here: *intrahelonymic coordination*): AmE. *Bluff Swamp* > *Little Bluff Swamp, Shoal Marsh* > *White Shoal Marsh, Juniper Bog* > *Juniper Knee Bog*, etc.; Blr. *Niaznanava* > *Bal'soje Niaznanava, Vialiki Moch* > *U Hary Vialiki Moch*, etc.

Conclusion. Thus, names perform a number of significant functions in language (regulative, accumulative, nominative, etc.). Nominative function allows to designate an object of the world and separate it from other objects. The accumulative (storage) function is reminiscent of those events and phenomena that are reflected in the basis of the name. The central role belongs to the regulative (addressing) function. Specificity of the regulation of geographical proper names is clearly manifested in the correlation of the types of connections between the classifier and the differentiator of names with their denotative characteristics. A single orientation function of a place name varies and gives four different ways of forming the content (intensional) of the names of swamps.

Literature

1. Воронова, И. Б. Текстобразующая функция литературных имен собственных (на материале эпических произведений XIX – XX вв.): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / И. Б. Воронова. – Волгоград, 2000. – 226 л.

2. Болотов, В. И. К вопросу о значении имен собственных / В.И. Болотов // Восточнославянская ономастика: Исследования и материалы / отв. ред. А. В. Суперанская. – М.: Наука, 1972. – С. 333–345.
3. Чеснокова, Л. Д. Имена числительные и имена собственные / Л. Д. Чеснокова // Филологические науки. – 1996. – № 1. – С. 104–113.
4. Матвеев, А. К. Методы топонимических исследований: учеб. пособие / А. К. Матвеев; Уральск. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Свердловск: УрГУ, 1986. – 101 с.
5. Селезнева, Л. Б. Имя собственное в языке (значение и функция) / Л. Б. Селезнева // Вопросы структуры и функционирования русского языка: Сб. ст. / отв. ред. Л. Б. Селезнева. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1980. – С. 172–181.
6. Березович, Е. Л., Рут, М. Э. Ономастический портрет реалии как жанр лингвокультурологического описания / Е. Л. Березович, М. Э. Рут // Изв. Уральск. гос. ун-та. Гуманитар. науки. – Вып. 3: Филология. – 2000. – № 17. – С. 33–38.
7. Бондалетов, В. Д. Русская ономастика: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / В. Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.
8. Голомидова, М. В. Искусственная номинация в русской ономастике: Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / М. В. Голомидова. – Екатеринбург, 1998. – 503 л.
9. Мурзаев, Э. М. Очерки топонимики / Э. М. Мурзаев. – М.: Мысль, 1974. – 382 с.
10. Никонов, В. А. Славянский топонимический тип / В. А. Никонов // Вопросы географии / Моск. ф-л географ. об-ва СССР – М.: Географгиз, 1962. – Вып. 58. Географические названия. – С. 17–33.
11. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М.: Наука, 1973. – 366 с.
12. Березович, Е. Л. Семантические микросистемы топонимов как факт номинации / Е. Л. Березович // Номинация в ономастике: сб. ст. / М. Э. Рут [и др.]; под общ. ред. М. Э. Рут. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – С. 75–90.
13. Мокиенко, В. М. Закон “относительной негативности” и региональная топонимика / В. М. Мокиенко // Уч. зап. Уральск. университета. Сер. филологии. – 1971. – Вып. 18, № 114. – С. 79–85.
14. Карпенко, Ю. А. О синхронической топонимике / Ю. А. Карпенко // Принципы топонимики: сб. ст. / под ред. В. А. Никонова и О. Н. Трубачева. – М.: Наука, 1964. – С. 45–57.
15. Кадастровый справочник. Торфяной фонд Белорусской ССР. По состоянию разведанности на 1 января 1978 г. – Минск, 1979 (по каждой из областей).
16. United States Geological Survey [Electronic resource] : Geographic National Information System. – Mode of access: <http://geonames.usgs.gov/pls/gnis>. Date of access: 12.04.2016.
17. Селищев, А. М. Из старой и новой топонимии / А. М. Селищев // Избранные труды. – М.: Просвещение, 1968. – С. 45–96.
18. Молчанова, О. Т. К семантике имени собственного / О. Т. Молчанова // Проблемы теории и методики языка: сб. ст. / отв. ред. Г. В. Зорина. – Ярославль: ЯГУ, 1980. – С. 139–148.
19. Rozwadowski, J. M. Słowotwórstwo i znaczenie wyrazów. Studium nad ich podstawowymi prawami / J. M. Rozwadowski // Wybór pism: w 3 t. – Warszawa: Państwowe Wydawn. Naukowe, 1959–1961. – Т. III. Językoznawstwo ogólne – S. 21–95.
20. Супрун, А. Е. К системной интерпретации грамматических данных лингвогеографии / А. Е. Супрун // Проблемы лингво- и этногеографии и ареальной диалектологии: тез. докл. / АН СССР, Ин-т славяноведения. – М.: Наука, 1964. – С. 34–36.

Поступила в редакцию 18.01.2018 г.

УДК [811.161.1+811.161.3]'373.2-051

Ономастика в Витебске: сотрудничество профессора А.М. Мезенко с кафедрой русского языка Смоленского государственного университета

Королева И.А.

Смоленский государственный университет, Смоленск (Россия)

В статье содержится материал, который отражает деятельность одного из ведущих ономастов Беларуси, доктора филологических наук, профессора, завкафедрой общего и русского языкознания Витебского государственного университета им. П.М. Машерова Анны Михайловны Мезенко по организации сотрудничества с кафедрой русского языка Смоленского государственного университета, со смоленскими ономастами. Дается анализ смоленских публикаций ученого.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили нормативно-правовые акты и договоренности о сотрудничестве между Витебским государственным университетом и Смоленским государственным университетом по разработке ономастического направления исследований, а также практический опыт сотрудничества.

Результаты и их обсуждение. За многолетний опыт сотрудничества с профессором А.М. Мезенко и ее ономастической школой был реализован совместный проект «Витебщина и Смоленщина в языковых и культурных контактах: история и современное состояние». В рамках проекта дважды проводились в Смоленске Международные методические семинары участников, дважды издавались сборники по итогам семинарской работы. С 2015 года смоленские ономасты решили расширить географию своих традиционных конференций «Ономастика в Смоленске: проблемы и перспективы исследования», начав серьезное научное сотрудничество двух кафедр.

Заключение. За годы плодотворного сотрудничества между Смоленском и Витебском и двумя ономастическими школами решены ряд теоретико-практических задач и намечены перспективы дальнейшей разработки региональной ономастической проблематики.

Ключевые слова: Анна Михайловна Мезенко; ономастика; сотрудничество Витебской и Смоленской ономастических школ; смоленские конференции; смоленские публикации.

(Ученые записки. — 2018. — Том 25. — С. 121–124)

Onomastics in Vitebsk: Cooperation of A.M. Mezenko with the Russian Language Department of Smolensk State University

Koroleva I.A.

Smolensk State University, Smolensk (Russia)

The article contains material reflecting activities of an outstanding Byelorussian onomasiologist, Doctor of Philology, Professor, Head of the General and Russian Linguistics Department at Vitebsk State University named after P.M. Masherov Anna Mikhailovna Mezenko in the field of cooperation with the Russian Language Department of Smolensk State University as well as with Smolensk onomasiologists. The paper analyzes publications of the researcher in Smolensk.

Material and methods. The material of the research is based on the legal files and treaties between Vitebsk State University and Smolensk State University on the partnership within theoretical and practical onomastic study.

Findings and their discussion. The cooperation and partnership between onomastic schools in Vitebsk and Smolensk was resulted in the joint project «Vitebsk and Smolensk regions in language and cultural contacts: history and current state». Two conferences were held as well as two seminars the preceedings of which were discussed and published. Onomastic scholars from Smolensk have decided to broaden the scientific field of the study and included Vitebsk region in it since 2015. Thus, a conference «Onomastic Study in Smolensk: problems and perspectives» is covering a new way of cooperation between Vitebsk and Smolensk.

Conclusion. A number of theoretical and methodological problems and well as aspects of further cooperation in the field of regional onomastical study have been solved while mutual researching between Smolensk and Vitebsk.

Key words: Anna Mikhailovna Mezenko; onomasiology; cooperation of Vitebsk and Smolensk schools of onomasiology; Smolensk conferences; Smolensk papers.

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 25. — P. 121–124)

В рамках настоящей статьи мы хотим обратить внимание на один из аспектов деятельности выдающегося ученого Беларуси, главы Витебской ономастической школы, доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой общего и русского языкознания Витебского государственного университета им. П.М. Машерова Анны Михайловны Мезенко. Всего лишь на один аспект многогранной и разносторонней деятельности, но, как мы считаем, очень важной, особенно в настоящее, далеко не самое легкое время, – на сотрудничество с кафедрой русского языка Смоленского государственного университета. Актуальность приграничных исследований во всех областях знания, необходимость трансграничного сотрудничества и установление и поддержание контактов во всех сферах жизни, в том числе и научной, не подвергается сомнению. Ономастика же сегодня в русле антропоцентрической парадигмы современного гуманитарного знания, когда в центре всех исследований человек и окружающий его мир, выходит в число особо востребованных наук, ибо именно в ономастике изучается многообразный мир имен собственных, в котором человек существует.

18 июня 1991 года в Белорусском государственном университете Анна Михайловна защитила докторскую диссертацию «Урбанонимия Беларуси» [1]. Так ономастика стала основной сферой научных интересов профессора Мезенко. Вся дальнейшая научная жизнь – создание ономастической школы (ученики и последователи у таких ярких ученых априори должны быть!). Волею судьбы эта школа сложилась и действует в Витебске, куда Анна Михайловна, еще молодой кандидат наук, приехала на работу в 1974 году. Именно в Витебске (сначала в педагогическом институте, потом – университете) состоялось становление личности А.М. Мезенко, ее профессиональной и научной карьеры. Кафедра общего и русского языкознания филологического факультета сформировалась и выросла при ее непосредственном участии, большинство преподавателей и аспирантов кафедры – ее ученики, а сама Анна Михайловна уже много лет успешно руководит своим «вторым домом».

Город Витебск – опорный областной центр витебско-смоленского приграничья. Витебск и Смоленск – города-партнеры, тесно сотрудничающие практически во всех областях жизнедеятельности. Естественно, что Витебский государственный университет им. П.М. Машерова и Смоленский государственный университет – вузы-партнеры в рамках союзного государства Рос-

сия – Беларусь. И также естественно, что Анна Михайловна Мезенко, белоруска по национальности, прекрасно знающая два языка, белорусский и русский, ставшая уже «витеблянкой», не могла не обратиться к исследованию ономастики приграничья. Активным изучением ономастического пространства смоленской части приграничной зоны занимались на кафедре русского языка Смоленского государственного университета и автор настоящей статьи, и ее ученики. Так судьба определила путь сотрудничества двух ономастических школ – Витебской и Смоленской. И, смею написать, двух влюбленных в ономастику ученых профессора – А.М. Мезенко и профессора И.А. Королевой.

Прозрачна, таким образом, цель нашей статьи – показать большой вклад Анны Михайловны Мезенко в организацию сотрудничества ономастов Витебска и Смоленска, описать ее научные работы, изданные в Смоленске, чтобы познакомить ученых Беларуси – и не только – с одним, небольшим, но значимым направлением огромной и плодотворной работы одного из ведущих ономастов Беларуси.

Результаты и их обсуждение. В 2010 году по инициативе Анны Михайловны Мезенко был подан проект «Витебщина и Смоленщина в языковых и культурных контактах: история и современное состояние», который с белорусской стороны был поддержан Белорусским республиканским фондом фундаментальных исследований, а с русской стороны – Российским гуманитарным научным фондом (ныне реорганизованным). Так началось серьезное научное сотрудничество двух кафедр.

Дважды проводились в рамках проекта в Смоленске Международные методические семинары участников, дважды издавались сборники по итогам семинарской работы. Так, в Материалах 2010 года опубликованы статьи учеников и коллег Анны Михайловны: В.М. Генкина, Ю.М. Галковской, А.Н. Деревяго, Т.П. Слесаревой, Т.В. Скребневой, занимающихся проблемами ономастики; В.А. Масловой, известного белорусского специалиста по лингвокультурологии; ныне доктора педагогических наук и декана филологического факультета С.В. Николаенко. И, конечно же, программная статья самой Анны Михайловны «Репрезентация этнокультурной информации в урбанонимии и виконимии» [2, с. 68 – 73]. В работе второго семинара, состоявшегося в 2011 году, также приняли участие многие преподаватели и аспиранты кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета им. П.М. Машерова; круг

авторов, напечатавших свои статьи в сборнике, расширился: опытные доценты В.М. Генкин, Т.П. Слесарева, Т.В. Скребнева, Е.Ю. Муратова, С.В. Николаенко, старший преподаватель Т.И. Синкевич, аспиранты Ю.М. Галковская, Т.Ю. Васильева, И.М. Лейко, ведущий профессор кафедры В.А. Маслова. И, естественно, руководитель проекта с белорусской стороны профессор Анна Михайловна Мезенко. В сборнике помещена ее статья «Отэкслезиионимные урбанонимы как имена собственные, соотносимые с категорией святости» [3, с.74 – 79].

По итогам исследовательской работы по проекту в Смоленске вышла коллективная монография «Смоленщина и Витебщина в языковых и культурных контактах: история и современное состояние», в которой помещены написанные Анной Михайловной два больших материала: «Урбанонимы как реализаторы кодов культуры» (С.241-263) и «Коммуникативные функции урбанонимов» [4, с.253-256].

В 2015 году смоленские ономасты решили расширить географию своих традиционных конференций «Ономастика в Смоленске: проблемы и перспективы исследования», которые проходили с 2008 года и организация которых осуществлялась под руководством автора настоящей статьи. В 2013 году в очередной конференции приняла участие преподаватель кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета им. П.М. Машерова Татьяна Ивановна Синкевич. Смоляне предложили всей кафедре принять участие в ономастическом форуме и назвать его «Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования». Анна Михайловна поддержала начинание, и 17-18 марта 2015 года такая конференция состоялась. В ее работе приняли участие и преподаватели кафедры, и ее аспиранты, и магистранты, и даже студенты старшего курса, которые собрались продолжить образование в магистратуре при кафедре. Некоторые ученики Анны Михайловны за прошедшие годы уже защитили диссертации и стали работать на других кафедрах (Ю.М. Галковская), в других вузах (Т.Ю. Васильева), но не изменили ономастике и охотно откликнулись на приглашение смолян. И снова возглавила витебскую делегацию Анна Михайловна Мезенко. В Материалах конференции напечатана ее статья «Прецедентные имена в сфере наименования вин» [5, с.157-162].

В 2017 году состоялась вторая совместная конференция «Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования», в которой ученики и коллеги Анны Михайловны под ее

руководством приняли самое активное участие. И снова студенты, магистранты, аспиранты, ученые-ономасты едут в Смоленск и публикуются в сборнике материалов. Мы видим знакомые имена ученых (В.М. Генкин, Т.Ю. Васильева, Л.М. Вардомацкий, Т.И. Синкевич, Т.П. Слесарева). Елена Юрьевна Муратова стала уже доктором филологических наук, Марина Леонидовна Дорофеенко – кандидатом. Бессменна и уникальна Анна Михайловна Мезенко: на этой конференции она выступила с новым, практически только вводимым в научный оборот материалом «Особенности номинации аптек в Витебске и Смоленске: семантическая зона «система»» [6, с.121-125].

С 2016 года сама профессор А.М. Мезенко проводит ономастические конференции «Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования». И уже смоляне большой делегацией едут в Витебск! Сотрудничество укрепляется.

И еще об одном проекте хочется рассказать. В Смоленске традиционно проводятся Поливановские чтения, посвященные памяти выдающегося смолянина, известного в мире ученого советской эпохи, основоположника социолингвистики в России Евгения Дмитриевича Поливанова, репрессированного и расстрелянного в 1938 году. Витебские коллеги всегда принимают в конференциях самое активное участие. Естественно, снова под руководством Анны Михайловны. Так, в 2016 году в XI Поливановских чтениях участвовали Ю.М. Галковская, В.М. Генкин, В.А. Маслова, А.М. Мезенко, Т.П. Слесарева. Анна Михайловна выступила с докладом «Роль социальных факторов в формировании и развитии белорусской урбанонимии (XVI – начало XX века)» [7, с.169–174].

Заключение. Итак, мы сделали попытку показать богатую палитру красок в научной деятельности Анны Михайловны Мезенко только через один аспект – отразили ее сотрудничество с кафедрой русского языка Смоленского государственного университета и прокомментировали ее работы, опубликованные в Смоленске. Это очень небольшой, но, на наш взгляд, значимый фрагмент деятельности доктора филологических наук, профессора, завкафедрой общего и русского языкознания Витебского государственного университета им. П.М. Машерова. Автор статьи, возглавляющий работу Смоленской ономастической школы, лично благодарит Анну Михайловну за такое плодотворное сотрудничество, за постоянную взаимопомощь и поддержку, за светлую любовь к науке и ее уникальной области знания – ономастике.

Литература

1. Анна Михайловна Мезенко: с любовью к родному слову // Библиографический справочник. Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2006. – С.6.
2. Материалы Международного методического семинара «Витебщина и Смоленщина в языковых и культурных контактах: история и современное состояние». Смоленск, 18 ноября 2010 года. – Смоленск: СмолГУ, 2010. – 114с.
3. Материалы Международного методического семинара «Витебщина и Смоленщина в языковых и культурных контактах: история и современное состояние. Вып. 2. Смоленск, 1 декабря 2011 года. – Смоленск: СмолГУ, 2011. – 126с.
4. Смоленщина и Витебщина в языковых и культурных контактах: история и современное состояние: коллективная монография / научн. ред. И.А. Королева и А.М. Мезенко. – Смоленск: Маджента, 2014. – 280с.
5. Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования. Материалы Международной научно-практической конференции 17-18 марта 2015 года / отв. ред. И.А.Королева. –Смоленск: СмолГУ, 2015. – 210с.
6. Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы Исследования. Материалы Международной научно-практической конференции 4 апреля 2017 года / отв. ред. И.А.Королева. – Смоленск: СмолГУ, 2017. – 150с.
7. Одиннадцатые Поливановские чтения: материалы Международной научной конференции, Смоленск, 4-5 октября 2016 года / отв. ред. И.А.Королева. – Смоленск: СмолГУ, 2016. – 308с.

Поступила в редакцию 18.01.2018 г.

УДК 80/81.13

Системность в науке о языке: системная лингвистика и семиотическая модель языка Г.П. Мельникова

Красина Е.А.

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов», Москва (Россия)**

В представленном исследовании рассматриваются принципы системного анализа как языка в целом, так и отдельных его единиц. Системный принцип был введен в лингвистический обиход проф. Г.П. Мельниковым, который убедительно показал, что описание системы языка далеко не ограничивается структурно-семантическими методами, как это представлено в классических лингвистических трудах XX века, а существенно расширяется за счет привлечения новых методик парадигматического анализа.

Цель работы — показать связь системного подхода с традиционными методами анализа языка и с основными парадигмами языкового знания на основе эволюционных синтезирующих лингвистических концепций.

Материал и методы. Методологической основой исследования является целно-системный подход, опирающийся на диалектические принципы, индукцию и дедукцию, парадигматический и синтагматический анализ языковых явлений и единиц, в частности, простого предложения русского языка. Моделирование результирует в представление так наз. синсемического куба Г.П. Мельникова и иллюстрации отношений в нем на примере простого предложения.

Результаты и их обсуждение. Семиотические характеристики языка приводят к пониманию его многомерности при выражении внеязычного и языкового содержания. Модель синсемического куба позволяет не только объединить системные характеристики языка, но и продемонстрировать их применение к любому уровню языка на основе языковой парадигматики. В результате объективируется понимание языка как целно-системного образования, обусловленного его внешней и внутренней детерминантами.

Заключение. Семиотические классификации опираются на содержательные знаковые характеристики языка и используют в единстве три типа семиотических отношений: синтактику, семантику и прагматику как движение от формы к содержанию — к значению и смыслам. Целно-системная теория проф. Г.П. Мельникова оказывается наиболее последовательной и непротиворечивой; она позволяет в полной мере выявить природу языка и дать описание языков в онтологическом триединстве всеобщего (универсального), общего (типологического) и единичного (специфического) как в сфере семантики, так и в сфере синтактики.

Ключевые слова: интегральное описание, системность, синсемический куб, семиотические отношения, синтезирующая концепция.

(Ученые записки. — 2018. — Том 25. — С. 125–128)

Systemicity in Language Studies: Systemic Linguistics and Prof. G.P. Melnikov's Semiotic Linguistic Model

Krasina E.A.

**Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Peoples' Friendship University of Russia», Moscow (Russia)**

The article under review discusses main principles of linguistic systemic analysis applied to both — language as a whole and its meaningful units. Systemic principle was developed and introduced in linguistics by Prof. G.P. Melnikov who vividly demonstrated that the description of language system should not be confined to structural and semantic methods as was typical for XX century classical linguistic works, but is substantially improved through elaborating new research methods of paradigmatic analysis.

The purpose of the study is to demonstrate the correlation of systemic approach with traditional linguistic methods and main paradigms of linguistic knowledge proceeding from evolutionary synthetic linguistic theories.

Material and methods. The methodological background of the study is the systemic approach, combining dialectic principles, induction and deduction, paradigmatic and syntagmatic analyses of language phenomena and units, in particular, simple Russian sentence. Modelling results in the presentation of the so called synsemic (synsemantic) cube of Prof. G.P. Melnikov and illustrating relationship in it on the example of simple sentences.

Findings and their discussion. Semiotic characteristics of language bring to understanding its multidimensional essence in expressing both extra-linguistic and linguistic contents. Symsemic cube model provides not only to unite and unify systemic language characteristics, but to demonstrate their applicability to any language level due to linguistic paradigmatics. Finally, it serves to objectify understanding of language being a wholly systemic formation, motivated by its outer and inner determinants.

Conclusion. Semiotic classifications are based on content and symbolic features of language and use in unanimity three types of semiotic relations: syntactics, semantics and pragmatics so as to develop from form to content — meaning and senses. The wholly systemic theory of Prof. G.P. Melnikov seems to be the most persistent and non-contradictory; it helps reveal to the full extent the origins of language and describe languages in the ontological triad of the universal, typological and specific aspects both in semantic and syntactic spheres.

Key words: integral description, systemicity, synsemic cube, semiotic relationship, synthetic concept.

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 25. — P. 125–128)

Знания о языке формировались в рамках философской гносеологии: от классической античности (Платон, Аристотель, Эпикур и стоики) через классический картезианский рационализм Нового времени (философские универсальные грамматики), теорию языкового развития романтиков рубежа XVIII – XIX в., затем – философско-лингвистическая концепция В. фон Гумбольдта, наконец, на рубеже XIX–XX вв. синтезирующие концепции «младограмматики» Г. Пауля, российских филологов А.А. Потебни и И.А. Бодуэна де Куртенэ. Язык приобрел статус системы, в которой имеются собственные элементы – абстрактные единицы (от фонемы до предложения), связанные не только иерархическими, но и особыми отношениями – синтагматическими и парадигматическими, при этом язык обнаружил типичные свойства изоморфных систем, например, динамичность, вариативность, относительную открытость и др. Теории системности языка проверялись эмпирически. На их основе сложились две парадигмы знаний: парадигма имени (номинации) и парадигма глагола (предикации), которая в дальнейшем получила развитие в вербоцентричных теориях предложения [1; 9; 10; 16].

Третья парадигма – парадигма эгоцентрических слов, по Б. Расселу, – сложилась в рамках семиотики. Язык реализовывал свой потенциал как сложная семиотическая система, в которой наличествуют элементы-знаки (иконы, индексы и символы, по Ч. Пирсу и Ч. Моррису), а отношения между знаками – семиозис – рассматривались как отношения синтактики, семантики, прагматики и сигматики (от Ч. Пирса до Л.А. Новикова, И.М. Кобозевой, Дж. Лайонза и др.). Как правило, эмпирически осязаемые единицы языка – абстрактные и конкретные – описываются через их знаковые характеристики. Очевидно, следует отдать должное Ф. де Соссюру и его последователям, впервые вскрывшим семио-

тическую природу языка и описавшему механизмы языкового знака-символа.

Таким образом, в XX в. сложились представления о языке как системно-структурном образовании и одновременно как о семиотической системе, способной к безграничному расширению за счет асимметрии языкового знака-символа в понимании Р.О. Jakobsona и С.И. Карцевского.

Материал и методы. В современной лингвистике апробированы и объективированы два понимания языка как системы: язык рассматривается как системно-структурное образование [12] наряду с пониманием языка как знаковой, символической системы [14; 15]. Два обозначенных понимания языка предполагают и соответствующие им комплексы методов исследования: системно-структурные методы, ядро которых представлено структурно-семантическим анализом применительно к различным уровням языка – от фонемы до предложения и текста, и семиотические методы, опирающиеся на такие семиотические принципы, как асимметричный дуализм языкового знака, двойное означивание в слове-знаке, методы функциональной семантики, парадигматический метод оппозиций и др. [см. С.И. Карцевский, Р.О. Jakobson [8]; 3; 7; 15; 17].

Современные методы и разработанные на их основе теории опираются на принцип интегрального описания языка с учетом взаимодействия плана выражения и плана содержания (например, теория «смысл ↔ текст» И.А. Мельчука и Ю.Д. Апресяна); глубинные (семантические) и поверхностные (синтаксические) структуры структуры Н. Хомского; теории речевой деятельности (Л.В. Щерба, Л.С. Выготский, Н.И. Жинкин, А.А. Леонтьев, А.В. Бондарко и школа ТФГ и др.). В рамках общей теории систем, по Л. Бертоланфи, язык выступает в качестве автономной системы, вступающей во взаимодействие с различным системными объектами,

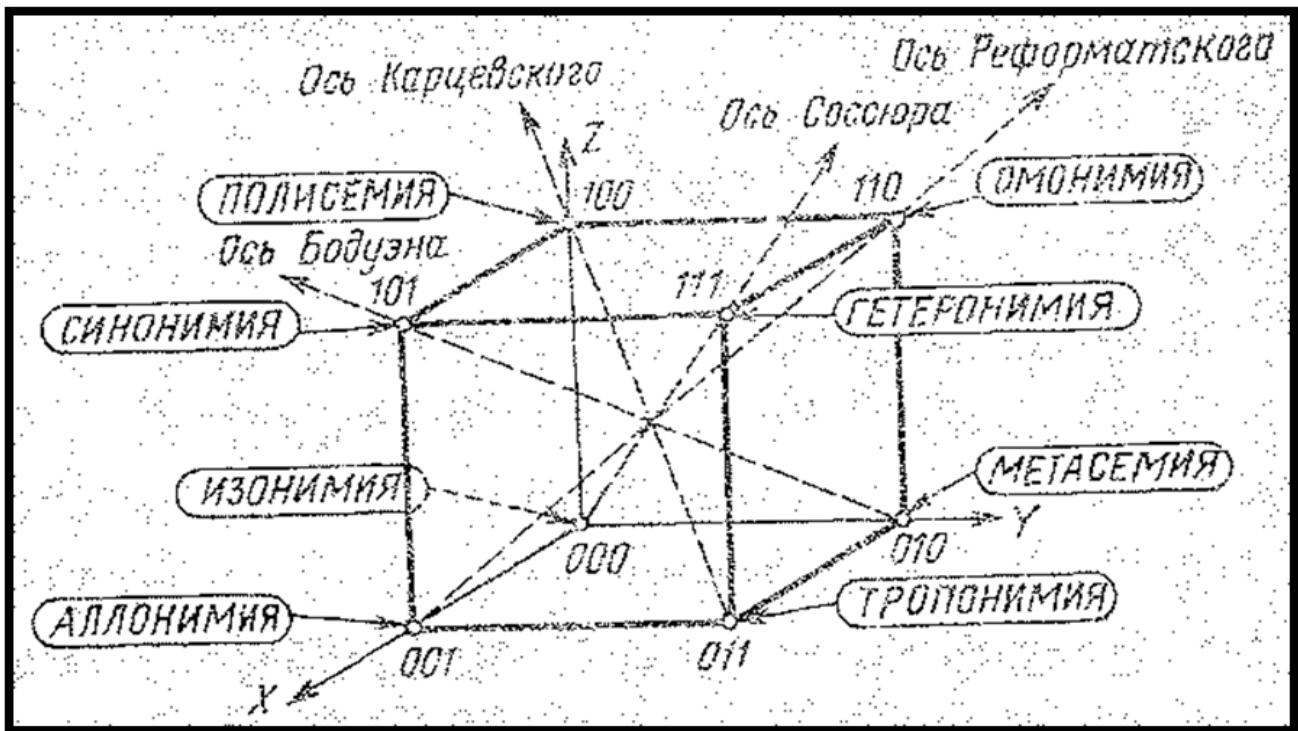

Рис. 1. Синсемический куб Г.П. Мельникова [5 : 289].

которые удовлетворяют требованию совместимости. Одновременно, будучи формой отражения действительности и выражения понятийного или иного, в первую очередь, языкового содержания, язык не может не вступать во взаимодействие с надсистемой, которая объективируется как онтология знания и способов его представления. Таким образом, язык предстает как одна из форм познания, обладающая специфической внешней формой и субстанцией – звуковой (позже и графической), а также внутренней формой и субстанцией содержания – понятийной и языковой. Синтез обеих форм свидетельствует о степени развития языка как системы, степени его изоморфности и изосемичности, выявляемых при сравнении языков. Такая модель представлена в виде синсемического куба (рис.):

Результаты и их обсуждение. Семиотическая модель языка Г.П. Мельникова опирается на глоссематику Л. Ельмслева в части синтеза выражения и содержания и дополняется принципом языковой эволюции, связанной с асимметричным дуализмом языкового знака в понимании пращев, прежде всего, Р.О. Якобсона и С.И. Карцевского. Она является объемной и предстает в виде куба, скорее даже объемного многогранника-октаэдра, подобно системе фонем Н.С. Трубецкого (см. рис.).

По Г.П. Мельникову: «Синсемический куб – трехмерная модель типов отношений между формой, значением и смыслом языковых знаков. Ось

X: тождество (0) – различие (1) формы – «изоморфия – гетероморфия»; ось Y: подобие (0) – различие (1) значений – «омомемия – гетеросемия»; ось Z: отождествление (0) – противопоставление (1) смыслов – «синтезия – антитезия». (Порядок следования координат: X, Y, Z.)» (рис.).

Моделирование простого предложения – представителя синтаксического фрагмента системы языка – позволяет представить его аналогичным образом: в части формы тождества и различия базируются на оппозиции «имя – глагол», которая обуславливает структурный тип предложения; в части значений подобия и различия опираются на логико-грамматический тип предложения, восходящий к семантической модели «я – здесь – сейчас» и получающий уточнение с опорой на детерминанту языка, по Г.П. Мельникову, и на существенные типологические различия, как например: аналитизм и синтетизм [о постулатах языкового моделирования см: 2; 4: С. 23 – 29].

В частности, для языков SVO, таких как русского и английского, характерна событийная детерминанта, но в силу ярко выраженного аналитизма английский язык обнаруживает и признаковую детерминанту, отличающую языки агглютинативного строя [6: 127 – 131].

Наконец, смысловые различия оказываются производными от структурно-семантического типа простого предложения, для односоставных структур определяемого по наличию/отсутствию выраженного субъекта (подлежащего-номинати-

ва), сравните: для безличных лексически не выраженный субъект (по сути – нулевой знак) оказывается определяемым либо через тавтологию, либо с обращением к некоей высшей сущности, например: **Светает: Свет светает. Бог светает**, по А.А. Потебне. Здесь речь идет о глагольном безличном предложении, хотя для выражения некоторых антропоцентричных смыслов, типа: **Меня знобит. Мне не спится**, субъект принимает либо форму датива, либо генитива и становится своего рода пациенсом. Для безличных именных предложений также возможно регулярное выражение субъекта не в форме номинатива, например: **Женщине плохо. С женщиной плохо** и др. Случаи типа: *Лодку унесло ветром* рассматриваются нами как залоговая диатеза. В свою очередь для всех так называемых «личных» – определенно-, неопределенно-, обобщенно-личных – степень определенности субъекта зависит от номинативного смысла предложения и «реконструкции» субъекта на шкале от: **я – кто-то – все**.

Очевидно, для двусоставных простых предложений в языках параметры значений и смыслов будут определяться через семантические классы субъектов и предикатов [1; 9; 10; 11; 13; 14].

Заключение. Таким образом, если традиционная многомерная классификация простых предложений и прочих синтаксических объектов опиралась на триаду «форма – значение – функция» (пражцы, ПЛК), то семиотические классификации опираются на содержательные знаковые характеристики языка и используют в единстве три типа семиотических отношений: синтактику, семантику и прагматику как движение от формы к содержанию – к значению и смыслу.

В целом системное описание языка предполагает ряд возможностей, исходящих из понимания языка как постоянно развивающегося явления сложной природы. Внешняя и внутренняя лингвистика Ф. де Соссюра интегрируются в единое целое и поддерживают понимание языка как психического феномена (язык – это рефлексия, «вечно созидающий процесс», по В. фон Гумбольдту), психофизическая функция человеческого организма (И.А. Бодуэн де Куртенэ и др.) и явление социального: язык – это «общественное установление принудительного характера» (Ф. де Соссюр).

В рамках внутренней лингвистики теория языковой детерминанты проф. Г.П. Мельникова, опирающаяся на категорию внутренней формы языка В. фон Гумбольдта и А.А. Потебни, оказывается наиболее последовательной и непротиворечивой и позволяет в полной мере выявить *природу* языка и дать описание языков в онтологическом триединстве всеобщего (универсального), общего (типологического) и единичного (специфического) как в сфере семантики, так и в сфере синтактики, в области форм словоизменения и словообразования; моделей сочетания языковых единиц и конструкций предложения.

Литература

1. Грамматика русского литературного языка. – М.: Наука, 1970. – 767 с.
2. Звегинцев, В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика / В.А. Звегинцев. – 3-е изд. – М.: Изд-во ЛЕИ, 2007. – 336 с.
3. Зубкова, Л.Г. Принцип знака в системе языка / Л.Г. Зубкова. – М.: Языки славянских культур, 2010.
4. Кибрик, А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания: Универсальное, типовое и специфичное в языке / А.Е. Кибрик. – 5-е изд, доп. – М.: КомКнига, 2012. – 335 с.
5. Мельников, Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики / Г.П. Мельников. – М.: Советское радио, 1979. – 368 с.
6. Мельников, Г.П. Системная типология языков / Г.П. Мельников. – М.: Наука, 2003. – 395 с.
7. Потебня, А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. – Киев: СИНТО, 1993. – 192 с.
8. Пражский лингвистический кружок: сб. статей / Н.А. Кондрашов [сост.]. – М.: Прогресс, 1967. – 560 с.
9. Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. – М.: Наука, 1982. – 709 с.
10. Русская Грамматика. Т.2. Синтаксис. Praha: Arademia, 1979. – С. 667 – 1093.
11. Семантические типы предикатов. – М.: Наука, 1982. – 370 с.
12. Солнцев, В.М. Язык как системно-структурное образование / В.М. Солнцев. – М.: Наука, 1977. – 341 с.
13. Степанов, Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения / Ю.С. Степанов. – М.: Наука, 1981. – 360 с.
14. Степанов, Ю.С. В трехмерном пространстве языка / Ю.С. Степанов. – М.: Наука, 1985. – 335 с.
15. Степанов, Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка / Ю.С. Степанов. – М.: «Языки русской культуры», 1998. – 784 с.
16. Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса / Л.Теньер. – М.: Прогресс, 1988. – 654 с.
17. Трубецкой, Н.С. Основы фонологии / Н.С. Трубецкой. – М.: Аспект-пресс, 2000. – 352 с.

Поступила в редакцию 18.01.2018 г.

УДК 811.161.3'373.21(476.7)

Тапанімічная прастора Брэстчыны ў навуковых даследаваннях

Леванцэвіч Л.В., Якубук Н.Р.

Установа адукацыі “Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна”, Брэст

Артыкул прысвечаны аналізу стану даследавання тапанімічнай прасторы Брэсцкай вобласці. Большая частка анамастычнай лексікі складаецца са слоў з нацыянальна-культурнай семантыкай. Менавіта таму гэтыя адзінкі ўяўляюць цікавасць не толькі як сродак зносін, але яшчэ і як крыніца шматлікіх і разнастайных ведаў пра нацыянальную гісторыю і культуру. Надзённым з'яўляецца пытанне вывучэння (збірання і аналізу) анамастычнага матэрыялу Брэстчыны. Перш чым рухацца далей, важна ўлічыць тое, што ўжо зроблена, дасягнута, бо ніводная навука не можа паспяхова развівацца без асэнсавання сваёй гісторыі.

Мэта артыкула — агляд і аналіз прац па тапаніміі Брэстчыны.

Матэрыял і метады. Матэрыялам для аналізу абраны лексікалагічныя працы па тапаніміі Брэстчыны. Асноўныя метады — апісальны з элементамі бібліяграфічнага, тыпалагічнага.

Вынікі і іх абмеркаванне. Даследчыкі анамастыкі Брэстчыны ўвядлі ў навуковы ўжытак значную колькасць тапанімічнага (у тым ліку мікратапанімічнага) матэрыялу. Асноўнымі задачамі навуковых даследаванняў з'яўляліся і з'яўляюцца збор, сістэматызацыя і этымалагізацыя тапанімічнага матэрыялу па ўсіх рэгіёнах Брэстчыны.

Заключэнне. На сучасным этапе працягваюць вывучацца і дапаўняюцца новым матэрыялам набыткі папярэдніх часоў беларускай анамастычнай школы. Беларуская тапаніміка ў прыватнасці, як і анамастыка ў цэлым, выходзіць на лінгвакультуралагічны ўзровень аналізу анамастычнага матэрыялу. На сённяшні дзень зусім не даследаванымі застаюцца такія анамастычныя адзінкі Брэстчыны, як касмонімы і астронімы (назвы зон касмічнай прасторы, галактык, сузор'яў), хрананімы (назвы адрэзкаў часу), тэонімы (імёны багоў і міфалагічных істот), агіённы (імёны святых), заонімы (мянушкі жывёл) някронімы (назвы могілак); мала вывучаны агаронімы (назвы плошчаў, рынкаў), харонімы (назвы раёнаў горада), айкадамонімы (назвы будынкаў), эклезіённы (назвы месцаў правядзення рэлігійных абрадаў), эргонімы (назвы дзелавых аб'яднанняў людзей, прадпрыемстваў).

Ключавыя словы: айконімы, анамастыка, мікратапонімы, тапонімы, Брэстчына.

(Ученые записки. — 2018. — Том 25. — С. 129—136)

Brest Region Toponymic Space in the Scientific Research

Levantsevich L.V., Yakubuk N.R.

Educational Establishment "Brest State University named after A.S. Pushkin", Brest

The article analyzes how the toponymic space of Brest region is studied. The majority of onomastic vocabulary consists of words of national cultural meaning. That is why these units are very interesting not only as the means of communication but also as the source of different and numerous knowledge about national culture and history. The problem of studying (collecting and analyzing) the onomastic material of Brest region is an urgent question. Before moving further it is important to consider the work that has been done until that time. No science can develop successfully without studying its history. The goal of the article is to observe and analyze the works on toponyms of Brest region.

Materials and methods. The materials for analysis are the works on toponymy of Brest region that are taken from lexicographical research. The main research methods are descriptive with the elements of biography and typological.

Findings and their discussion. The researchers of Brest onomastic have introduced into the sphere of research the large number of toponymic material (including microtoponymy). The main task of scientific research is collection, systematization and etymologization of toponymic material in all districts of Brest region.

Conclusion. At the present stage the accumulated materials of the Belarusian onomastic school are being complemented. Belarusian toponymy in particular as well as onomastics in general has come to linguoculturological level of studying of onomastic material. Today such branches of Brest onomastics as cosmonyms and astronoms (the names of outer space zones, galaxies and constellations) chrononyms (names of time intervals), theonyms (names of gods and mythological creatures), agionyms (names of saints), zoonyms (nicknames of animals), necronyms (names of cemeteries) are not studied at all. Agrononyms (names of squares and markets), khoronyms (names of city districts), oikodomonyms (names of buildings), ecclesionyms (places of religious rites), ergonyms (names of business associations of people, enterprises) are little studied.

Key words: oikonyms, onomastic, microtoponyms, toponyms of Brest region.

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 25. — P. 129—136)

Агульнавядома: гістарычная перспектыва, будучыня нацыі і народа непасрэдна залежыць ад здольнасці этнасу не толькі захаваць, але яшчэ асэнсавач і ўключыць у жыццёвую практыку сённяшняга і наступнага пакалення духоўныя і матэрыяльныя здабыткі мінулага. Выключна важная роля ў гэтым працэсе належыць гістарычнай памяці, якая без перабольшання з'яўляецца вызначальнай рысай цывілізаванасці народа, выяўляе адметнасць яго нацыянальнага аблічча.

Беларусы разам з іншымі еўрапейскімі народамі спрадвеку мелі багатую культурна-гістарычную і моўную спадчыну, аднак не заўсёды яе берегалі. Вяртанне і захаванне многіх гістарычных каштоўнасцей зараз з'яўляецца адной з галоўных задач грамадства. Анамастычныя адзінкі належыць да той часткі мовы беларускага народа, якая адрознівае яго ад астатніх славянскіх народаў, тым самым выяўляючы самабытнасць, непасрэднасць мовы беларусаў. Тым больш, што народ ніколі не называў аб'екты, што знаходзяцца навокал, выпадкова. Тапонімы ўзнікаюць у пэўных гістарычных умовах і адлюстроўваюць розныя бакі жыцця і дзейнасці чалавека. "...анімічныя адзінкі – у гісторыі, а гісторыя – у анімічных адзінках", – сцвярджае даследчыца Г.М. Мезенка. Уласныя назвы захоўваюць каштоўныя звесткі пра гісторыю роднага краю, яго сіваю старажытнасць і нядаўняе мінулае. Гэта неад'емная частка нашай мовы ў цэлым. Таму збор анамастычнага матэрыялу, яго вывучэнне і лексікаграфічнае апісанне па-ранейшаму застаецца адной з актуальных і навукова важных задач.

Вывучэнне асаблівасцей мовы гаворак Брэсцка-Пінскага Палесся пачалося яшчэ ў XIX ст. і працягваецца па сённяшні дзень. Даследаванне вядзецца па розных напрамках: ад слоўнікавых падбораў да тэарэтычнага асэнсавання моўных з'яў. У асноўным гэта асобныя артыкулы, якія змяшчаюць матэрыял па анамастыцы, лексіцы, фанетыцы. У нешматлікіх працах закранаюцца пытанні па дыялектнай марфалогіі, этналінгвістыцы. Апублікаваны лінгвагеаграфічныя рэгіянальныя атласы гаворак Бярозаўскага, Івацэвіцкага і Пружанскага раёнаў. У апошнім дзесяцігоддзі XX ст. – на пачатку XXI ст. пачалі з'яўляцца артыкулы па дыялектнай фразеалогіі. Агляд прац па народнай анамастыцы Брэсцка-Пінскага Палесся праведзены на пачатку XX ст. у артыкуле "Крыніцазнаўства даследаванняў анамастыкі мовы Брэсцка-Пінскага Палесся" (Л.В. Леванцэвіч).

Мэта артыкула – агляд і аналіз прац па тапаніміі Брэстчыны.

Матэрыял і метады. Матэрыялам для аналізу абраны лексікалагічныя працы па тапаніміі Брэстчыны. Асноўныя метады – апісальны з элементамі бібліяграфічнага, тыпалагічны.

Вынікі і іх абмеркаванне. У XIX ст. зборам тапанімічнага матэрыялу на Беларусі, у тым ліку на Палессі, займаўся этнограф, географ, археолаг, фалькларыст, тапаніміст З. Даленга-Хадакоўскі (1784–1825). Ён лічыў, што пры пісьмовай фіксацыі неабходна перадаваць назвы так, як іх вымаўляюць карэнныя жыхары. Даследчык прапанаваў заняцца зборам геаграфічных назваў (урочышчаў, малых і вялікіх рэк, гарадоў і паселішчаў). Ён склаў карту назваў вядомых яму гарадзішчаў і старажытных урочышчаў, асабліваю ўвагу звярнуў на назвы населеных пунктаў, якія паходзяць ад найменняў язычніцкіх бостваў, даказваў паходжанне некаторых гарадоў і рэк ад такіх найменняў (Лада, Лель), а таксама старажытны характар паходжання, звярнуў увагу на распаўсюджанне гідронімаў і тапонімаў з назвай Дунай (Д.-Ходаковский. Материалы к «Сравнительному словарю географических названий славянских городищ», 1820–1823).

У пасляваенны перыяд у сваіх працах В.А. Жучкевіч [1, 2], разглядаючы пытанні тапаніміі Беларусі, прыводзіць матэрыял з Брэстчыны.

Даследаванне "Мікратапанімія Беларусі" [3] уключае назвы ўрочышчаў Гродзеншчыны, Брэстчыны і Міншчыны. Загалавочнае слова суправаджаецца граматычнымі паметамі, указваецца від (лес, балота, поле) і значэнне мікратапоніма.

Значнае месца ў тапаніміі Брэстчыны займала праца Я.Н. Рапановіча "Слоўнік назваў населеных пунктаў Брэсцкай вобласці" [4]. Слоўнік ахоплівае назвы ўсіх населеных пунктаў Брэстчыны, у тым ліку ўласныя назвы вёсак, што зніклі па прычыне далучэння да гарадоў і пасёлкаў, перайменавання, сселення, знішчэння ў гады вайны.

У 2010 г. выйшла новая праца такога тыпу – "Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Брэсцкая вобласць" [5]. Сярод аўтараў – выкладчыкі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта (В.М. Емельяновіч, З.М. Заіка, Н.Р. Якубук). У выданні айконімы падаюцца на беларускай мове кірыліцай і лацінкай, а таксама на рускай мове. Беларускамоўная частка даведніка ўключае нарматыўныя найменні з націскамі, граматычнымі паметамі і парадыгмамі скланення, варыянты рээстраваў найменняў, у працы прыводзяцца ў тым ліку страчаныя айконімы.

Асобныя звесткі пра тапанімію Брэстчыны можна знайсці ў кнігах І.Я. Яшкіна, В.В. Шура, В.П. Лемцюговай, А.М. Мезенка, М.Л. Лыча, А.Ф. Рогалева, М.В. Бірылы і інш.

Вывучэнню анамастыкі Брэстчыны прысвечаны тры кандыдацкія дысертацыі. В.М. Емельяновіч у сваёй працы "Микротопонимия северо-западной части Брестской области" даследуе мікратапонімы. Дысертацыя Н.Р. Якубук "Айканімія і гідранімія Пабужжа. Праблемы ўзаемадзеяння" ўключае тэарэтычнае даследаванне

айконімаў і гідронімаў Брэстчыны. Айканімія і мікратапанімія беларускай часткі Заходняга Палесся паслужыла аб'ектам даследавання Т.М. Аліферчык у дысертацыйнай рабоце “Тапанімія Заходняга Палесся ў этналінгвістычным аспекце”. Тапанімічная прастора Брэсцкай вобласці і надалей застаецца аб'ектам навуковых інтарэсаў названых мовазнаўцаў.

На сённяшні дзень з усіх відаў тапонімаў найбольш даследаванай з'яўляецца айканімія Брэстчыны. Айканімікон Баранавіцкага, Жабінкаўскага (разам з В.М. Андрасюк), Камянецкага, Кобрынскага, Лунінецкага, Маларыцкага, Пінскага, Столінскага (разам з С.С. Клундук) раёнаў вывучаўся і вывучаецца Н.Р. Якубук [Назвы артыкулаў і бібліяграфічныя дадзеныя тут і далей глядзі ў дадатку “Крыніцзнаўства тапаніміі Брэстчыны”], Пружанскага і Брэсцкага раёнаў – В.М. Емельяновіч. У публікацыях названых аўтараў даецца лексіка-семантычная характарыстыка айконімаўтваральных асноў, лексічных рэсурсаў, якія паслужылі матывавальнай базай для фарміравання ўласных назваў паселішчаў. Аўтарамі адзначаецца, што айконімы любой тэрыторыі ў абсалютнай сваёй большасці індывідуальныя і непаўторныя, што найперш праяўляецца ў іх семантыцы, аднак у кожным з рэгіёнаў вылучаюцца наступныя лексіка-семантычныя групы: айконімы апелятыўнага паходжання, айконімы антрапанімічнага паходжання, адтапанімічныя айконімы.

Афіцыйныя назвы населеных пунктаў Кобрынскага раёна і іх мясцовыя тапанімічныя варыянты разглядаюцца ў артыкулах С.А. Сянкевіч і В.І. Сянкевіч. Лінгвакраязнаўчы змест язычніцкай (культавай) айканіміі Палесся выяўлены Л.В. Леванцэвіч. М.М. Аляхновічам і Л.В. Леванцэвіч распрацаваны тапанімічныя карты Брэстчыны: закартаграфаваны тапонімы з кампанентамі, што характарызуюць прыродна-геаграфічныя асаблівасці мясцовасці, велічыню пасяленняў, якія звязаны з язычніцкімі боствамі і якія паходзяць ад этнонімаў. В.У. Міцкевіч даследаваў айканімію Пінскага павета XVI стагоддзя. Падрыхтаваны слоўнікі па айканіміі Століншчыны (аўтар З.М. Заіка) і Бярозаўшчыны (аўтар Г.М. Пыж'янава).

Зусім не даследаванай пакуль застаецца айканімія Ганцавіцкага, Драгічынскага, Іванаўскага, Івацэвіцкага, Ляхавіцкага раёнаў.

Першая манаграфія па тапаніміцы Брэстчыны падрыхтавана Т.М. Аліферчык (“Тапанімія Заходняга Палесся: этналінгвістычны аспект”, 2013). У працы выяўлена культурна маркіраваная інфармацыя ў заходнепалескай тапаніміі; праведзена вывучэнне тапаніміі ў межах карэляцыі мова : духоўная культура народа, зроблена спроба высветліць матывацыю тапонімаў і вызначыць

прасторавыя параметры – лакалізацыю і канфігурацыю аб'ектаў у прасторы. У даследаванні ўпершыню аналізуюцца заходнепалескія айконімы і мікратапонімы ў этналінгвістычным асвятленні. Аўтарам праведзены аналіз айконімаў і мікратапонімаў з культурнай інфармацыяй, вызначаны іх матывацыя і матывавальная аснова, прааналізаваны віды рэпрэзентацыі семантычных апазіцый свой – чужы і верх – ніз у тапаніміі, выяўлены асаблівасці арганізацыі прасторавых адносін па вертыкалі.

Гідранімія Пабужжа вывучаецца Н.Р. Якубук у структурна-словаўтваральных і лексіка-семантычных адносінах. Выяўлена, што абсалютная большасць афіксальных айконімаў адзначаюцца рэгіёна ўтворана пры дапамозе суфіксаў. У адпаведнасці са значэннем утваральнай асновы вылучаецца дзве асноўныя лексіка-семантычныя групы гідронімаў: апелятыўнага і анамастычнага паходжання. Структурна-семантычную характарыстыку гідронімаў Бярозаўскага раёна праводзіць Л.В. Леванцэвіч (аналізуецца этымалогія азёр і рэк рэгіёна).

Вывучэнню мікратапаніміі Брэстчыны прысвечаны артыкулы В.М. Емельяновіч і Н.Р. Якубук. В.М. Емельяновіч аналізуюцца асноўныя словаўтваральныя тыпы мікратапонімаў, структурныя тыпы мікратапонімаў-назоўнікаў, мікратапонімы ў форме прыметніка, даследуюцца асаблівасці ўтварэння мікратапонімаў адантрапанімічнага і адапелятыўнага паходжання (ад географічных тэрмінаў і ад земляробчай лексікі), асаблівасці ўтварэння мікратапонімаў паўночна-заходняй часткі Брэстчыны ў параўнанні з мікратапаніміяй іншых тэрыторый. Н.Р. Якубук займаецца вывучэннем семантычных і структурных адметнасцей мікратапаніміі Пабужжа. Артыкулы па мікратапаніміі апублікаваны Л.В. Леванцэвіч, М.Р. Гарбачыкам, Н.І. Васілюк, З.М. Заікай, Н.І. Кацюрубай, М.А. Дарошка, Н. Міснік. Назвы ўрочышчаў асобных вёсак Брэстчыны даследавалі С.С. Клундук, Т.А. Кісель, В.Б. Пераход, Н.Р. Якубук.

Адзінкавыя артыкулы прысвечаны структурным і семантычным асаблівасцям урбаніміі Брэста (Л.А. Гадуйка, Н.П. Галімава, Н.Р. Якубук), Баранавіч (Н.Р. Якубук), Пінска (Л.А. Гадуйка, М. Фамелец). Як частку анамастычнай прасторы горада і як рэпрэзентанты кодаў культуры эргаўрбонімы г. Брэста вывучаюць Л.А. Гадуйка і В.А. Караба.

Тапанімія Брэстчыны даследуецца ў межах выканання заданняў Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў на 2016–2020 гады. Выкладчыкамі ўстановы адукацыі “Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна” выконваюцца наступныя фінансуемыя НДП: “Ономастикон Брэстчыны: прагматонімія і эргонімія” (навуковы кіраўнік – В.Б. Пераход), “Лінгвістычнае

краязнаўства Брэстчыны: узаемадзеянне мовы і культуры” (навуковы кіраўнік – Л.В. Леванцэвіч). Падчас працы над гадавым этапам “Анамастычная лексіка: нацыянальна-культурны кампанент” (2017 г.) праводзіўся збор і аналіз мікратапанімаў, якія захоўваюць нацыянальна-культурную семантыку.

Заклучэнне. На сучасным этапе працягваюць вывучацца і дапаўняюцца новым матэрыялам набыткі папярэдніх часоў беларускай анамастычнай школы. Беларуская тапаніміка ў прыватнасці, як і анамастыка ў цэлым, выходзіць на лінгвакультуралагічны ўзровень аналізу анамастычнага матэрыялу. На сённяшні дзень зусім не даследаванымі застаюцца такія анамастычныя адзінкі Брэстчыны, як касмонімы і астронімы (назвы зон касмічнай прасторы, галактык, сузор’яў), харонімы (назвы адрэзкаў часу), тэонімы (імёны багоў і міфалагічных істот), агіёнімы (імёны святых), заонімы (мянушкі жывёл) някронімы (назвы могілак); мала вывучаны агаронімы (назвы плошчаў, рынкаў), харонімы (назвы раёнаў горада), айкадамонімы (назвы будынкаў), эклезіёнімы (назвы месцаў правядзення рэлігійных абрадаў), эргонімы (назвы дзелавых аб’яднанняў людзей, прадпрыемстваў).

Літаратура

1. Жучкевич, В.А. Происхождение географических названий Белоруссии / В.А. Жучкевич. – Минск : Изд-во БГУ, 1961. – 79 с.
2. Жучкевич, В.А. Краткий топонимический словарь Белоруссии / В.А. Жучкевич. – Минск : Изд-во БГУ, 1974. – 447 с.
3. Мікратапанімія Беларусі. Матэрыялы; уклад. Г.У. Арашонкава [і інш.]; рэд. М.В. Бірыла, Ю.Ф. Мацкевіч. – Минск : Навука і тэхніка, 1974. – 328 с.
4. Рапановіч, Я.Н. Слоўнік назваў населеных пунктаў Брэсцкай вобласці / Я.Н. Рапановіч. – Минск : Навука і тэхніка, 1982. – 176 с.
5. Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь : Брэсцкая вобл. : нармат. давед. / І.А. Гапоненка [і інш.]; пад рэд. В.П. Лемцюговай. – Минск : Тэхналогія, 2010. – 319 с.

Дадатак “Крыніцазнаўства тапаніміі Брэстчыны”

1. Алексіюк, М. Пра тапаніміку Брэстчыны / М. Алексіюк // Полымя. – 1986. – № 2. – С. 239.
2. Аліферчык, Т. М. Этнонімы ляхі і мазуры ў заходнепалескай тапаніміі / Т.М. Аліферчык // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. філал. навук. – 2009. – № 2. – С. 117–121.
3. Аліферчык, Т.М. Аб ландшафтнай мадэлі тапаніміі Заходняга Палесся / Т.М. Аліферчык // Беларуская лінгвістыка / НАН Беларусі, Ін-т мовы і літ.; рэдкал.: А.А. Лукашанец [і інш.]. – 2009. – Вып. 64. – С.78–87.
4. Аліферчык, Т.М. Узаемадзеянне этнонімаў русіны і ліцвіны (на матэрыяле тапаніміі Заходняга Палесся) / Т.М. Аліферчык // Молодежь в науке – 2009: прил. к журн. “Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі”: в 5 ч. / НАН Беларусі, Совет молодых учёных; редкол.: А.А. Коваленя (гл. ред.) [и др.]. – Минск : 2010. – Ч. 2.

- Серия гуманитарных наук. – С. 271–276.
5. Аліферчык, Т. М. Да этымалогіі некаторых заходнепалескіх тапанімаў / Т. М. Аліферчык // Актуальныя праблемы мовазнаўства і лінгвадыдактыкі: матэрыялы Рэсп. навук. канф., Брэст, 14–15 кастр. 2011 г. / Брэсц. дзярж. ун-т; пад агульн. рэд. М.І. Новік. – Брэст, 2012. – С. 3–5.
6. Аліферчык, Т.М. Вобразная мікратапанімія на беларускай тэрыторыі / Т.М. Аліферчык // Нацыянальна-культурны кампанент у дыялектнай і літаратурнай мове : матэр. Рэсп. навук.-практ. канф. (Брэст, 18–19 кастр. 2012 г.). – Брэст : Альтэрнатыва, 2013. – 246 с.
7. Аліферчык, Т. М. Тапанімія Заходняга Палесся: этналінгвістычны аспект / Т. М. Аліферчык. – Минск : Беларуская навука, 2013. – 255 с.
8. Аляхновіч, М.М. Лінгвакраязнаўства: вучэбна-метадычны дапаможнік / М.М. Аляхновіч, Л.В. Леванцэвіч. – Брэст : БрДУ імя А.С. Пушкіна, 2006. – 64 с.
9. Андрасюк В.М. Айканімія Жабінкаўшчыны / В.М. Андрасюк, Н.Р. Якубук, // Актуальныя пытанні славянскай ономастыкі : матэрыялы II Міжнарод. науч. канф. «Славянская ономастика в ареальном, этимологическом и хронологическом аспектах» / отв. ред. Р. М. Козлова. – Гомель : УО “ГГУ имени Ф. Скорины”, 2004. – С. 272–276.
10. Ботвина И. Реализация принципа номинации внутригородского объекта по отношению к другим объектам в урбанонимии г. Бреста / И. Ботвина, Н.Р. Якубук // Моўная адзінка ў кантэксце часу : зб. матэрыялаў Рэспубл. навук.-практ. канф., Брэст, 20 лістапада 2015 г. / Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна; рэдкал.: Л.В. Леванцэвіч [і інш.]. – Брэст: БрДУ, 2016. – С. 216–221.
11. Василюк, Н.И. Названия балот в говорах Брестчины / Н.И. Василюк // Региональные особенности восточнославянских языков, литературы, фольклора и методы их изучения. – Гомель, 1985. – С. 26–28.
12. Васілюк, Н.І. Лексіка-семантычныя тыпы мікратапаніміі паўднёва-заходняй часткі Брэстчыны / Н.І. Васілюк // Беларуская анамастыка. – Минск : Навука і тэхн., 1985. – С.103–114.
13. Гадуйка, Л.А. Састаўныя айконімы Пабужжа / Л.А. Гадуйка, Н.Р. Якубук // Праблемы адукацыі, навукі, культуры Беларускага Палесся : Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі. Ч. III. – Брэст, 1997. – С. 3–4.
14. Гадуйка, Л.А. Структурна-семантычная характарыстыка назваў лінейных аб’ектаў г. Брэста / Л.А. Гадуйка, Н.Р. Якубук // Рэгіянальныя асаблівасці Берасцейска-Пінскага Палесся ў мове і літаратуры : матэрыялы Рэсп. навук. канф. / адк. рэд. М.М. Аляхновіч. – Брэст : БрДУ імя А.С. Пушкіна, 2002. – С. 26–30.
15. Галімава Н. П. Семантычныя тыпы урбанонімаў г. Брэста / Н. П. Галімава, Н. Р. Якубук // Studia Russica XX. – Будапешт, 2003. – С. 159–161.
16. Гарбачык, М.Р. 3 мікратапаніміі вёсак Застаё і Бездзеж Драгічынскага раёна / М.Р. Гарбачык, Н.Л. Галуц, Г.П. Юскевіч // Пачатковая адукацыя і выхаванне: праблемы, пошукі, знаходкі. – 1995. – Вып. 4. – С. 156–158.
17. Гарбачык, М.Р. 3 мікратапаніміі вёскі Туляціцы / М.Р. Гарбачык, В.Л. Станкевіч // Рэгіянальныя асаблівасці Берасцейска-Пінскага Палесся ў мове, фальклору і літаратуры : матэрыялы Рэсп. навук. канф. – Брэст, 1994. – С. 60–63.
18. Годуйко, Л.А. Урбанонімія горада Пінска / Л.А. Годуйко // Шостыя рэспубліканскія Калесніцаўскія чытанні : матэрыялы рэспубл. навук. канф., прысвечанай 85-годдзю з дня нараджэння У. А. Калеснікі, Брэст, 26 кастрычніка 2007 года // «Слова аб палку Ігаравым» у літаратуры і духоўнай культуры славянскіх народаў: матэрыялы міжнар. нав. канф., Брэст, 27–28 красавіка 2007 года; пад агульн. рэд. З.П. Мельнікавай, Г.М. Прадзівіча. – Брэст : «Альтэрнатыва», 2008. – С. 166–170.

19. Годуйко, Л.А. Эргонимы как часть ономастического пространства города Бреста / Л.А. Годуйко // Вучоныя запіскі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна : зборнік навуковых прац. — 2012. — Выпуск 8. — Ч.1. — С. 270–278.
20. Годуйко, Л. А. Эргоурбонимия города Бреста / Л. А. Годуйко // *Siowiackie pogranicza jako przedmiot badac jkzykoznawczych i onomastycznych* : W 110 rocznick urodzin Profesora Wladyslaw Kuraskiewicza (1905–1997) ; red. : F. Czyzewski, M. Olejnik, A. Pihan-Kijasowa. — Lublin–Wlodawa, 2015. —S. 181–190.
21. Годуйко, Л.А. Названия объектов общественного питания в лингвистическом ландшафте города Бреста / Л.А. Годуйко, О.А. Корабо // Язык и культура Юга России: аспекты толерантного взаимодействия : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. Волгоград, 23–24 апр. 2015 г. / отв. ред. Е.В. Брыкина. — Волгоград : Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2015. — С. 65–74.
22. Годуйко, Л.А. Эргоурбонимы как репрезентанты кодов культуры / Л.А. Годуйко, О.А. Корабо // Славянские языки : системно-описательный и социокультурный аспекты исследования : сб. науч. тр. / Брест. гос. ун-т имени А.С. Пушкина ; редкол. : Л.А. Годуйко [и др.] ; под общ. ред. О.Б. Переход. — Брест : БрГУ, 2016. — Ч. 1. — С. 200–206.
23. Дарошка, М.А. Палескія мікратапонімы з семантичнай адзінай асновай балота / М.А. Дарошка // Рэгіянальныя асаблівасці ўсходнеславянскіх моў : тэз. дакл. і павед. / пад рэд. У.В. Анічэнка. — Гомель, 1990. — С. 38–40.
24. Емельяновіч, В.М. Асноўныя словаўтваральныя тыпы мікратапаніміі Брэстчыны / В.М. Емельяновіч // Беларуская мова і літаратура ў ВНУ : тэз. дакл. навуц.-метад. канф. — Брэст, 1971. — С. 195–198.
25. Емельяновіч, В.М. Мікратапонімы Пружаншчыны ў форме прыметніка / В.М. Емельяновіч // Беларуская мова і мовазнаўства : міжвуз. зб. — Мінск : Выд-ва БДУ, 1976. — Вып. 4. — С. 75–79.
26. Емельяновіч, В.М. Структурныя тыпы мікратапанімаў-назоўнікаў (на матэрыяле Пружанскага раёна Брэсцкай вобласці) / В.М. Емельяновіч // Беларуская анамстыка : зб. арт. — Мінск : Навука і тэхніка, 1981. — С. 139–160.
27. Емельяновіч, В.М. Назвы-арыенціры ў мікратапаніміі Пружанскага раёна Брэсцкай вобласці / В.М. Емельяновіч // Беларус. мова. — Мінск : Навука і тэхніка, 1981. — Вып. 7. — С. 76–88.
28. Емельяновіч, В.М. Земляробчая лексіка як крыніца мікратапаніміі паўночна-заходняй часткі Брэсцкай вобласці / В.М. Емельяновіч // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. — 1983. — № 2. — С. 107–114.
29. Емельяновіч, В.М. Геаграфічная тэрміналогія як крыніца мікратапаніміі (на матэрыяле Пружанскага і Камянецкага раёнаў Брэсцкай вобласці) / В.М. Емельяновіч // Беларуская анамстыка : зб. арт. / рэд.: М.В. Бірыла, В.П. Лемцюгова. — Мінск : Навука і тэхніка, 1984. — С. 5–15.
30. Емельяновіч, В.М. Асаблівасці мікратапаніміі паўночна-заходняй часткі Брэсцкай вобласці ў параўнанні з мікратапаніміяй іншых тэрыторый / В.М. Емельяновіч // Рэгіянальныя пытанні мовы, літаратуры і фальклору : матэрыялы Усеаюз. канф. — Гомель, 1984. — С. 78–88.
31. Емельяновіч, В.М. Особенности микропонимии Брестчины / В.М. Емельяновіч // Региональные особенности восточнославянских языков, литератур, фольклора и методы их изучения : тез. докл. и сообщ. III Респ. конф. : в 2 ч. — Гомель, 1985. — Ч. 1. — С. 43–46.
32. Емельяновіч, В.М. Назвы антрапанімічнага паходжання ў мікратапаніміі паўночна-заходняй часткі Брэсцкай вобласці / В.М. Емельяновіч // Беларуская мова : міжведам. зб. — Мінск : Выд-ва “Універсітэцкае”, 1986. — Вып. 14. — С. 78–84.
33. Емельяновіч, В.М. Назвы тыпаў пасяленняў Пружаншчыны / В.М. Емельяновіч // Рэгіянальныя асаблівасці ўсходнеславянскіх моў : тэз. дакл. і павед., Гомель, 26–27 кастр. 1990 г. / пад рэд. У.В. Анічэнка. — Гомель, 1990. — С. 41–43.
34. Емельяновіч, В.М. Традыцыйнае і новае ў тапаніміі Брэстчыны / В.М. Емельяновіч // Мова, літаратура, краязнаўства : тэз. дакл. навуц.-практ. канф. : у 2 ч. — Брэст : БрДУ, 1992. — Ч. I. — С. 7–9.
35. Емельяновіч, В.М. 3 гісторыі некаторых назваў / В.М. Емельяновіч // Берасцейскія карані : гіст.-краязн. і літ. зб. — Брэст, 1993. — С. 108–111.
36. Емельяновіч, В. 3 гісторыі назваў Берасцейшчыны: Брэст, Драгічын, Жабінка, Камянец, Кобрин, Пружаны / В. Емельяновіч // Роднае слова. — 1993. — № 9. — С. 24–25.
37. Емельяновіч, В.М. Азнаямленне студэнтаў з працэсам узаемапраціканнення тапонімаў і мікратапонімаў на беларуска-польскім памежжы / В.М. Емельяновіч // Беларуская-польскае ўзаемадзеянне ў галіне культуры : матэрыялы навуц.-практ. канф./рэд.: В.Я. Ляшук [і інш.]. — Брэст : БрДП, 1993. — С. 60–65.
38. Емельяновіч, В.М. Назвы-перанясенні ў мікратапаніміі Берасцейшчыны / В.М. Емельяновіч // Рэгіянальныя асаблівасці Берасцейска-Пінскага Палесся ў мове, фальклору і літаратуры : матэрыялы Рэсп. навуц. канф. — Брэст : БрДУ, 1994. — С. 65–67.
39. Емельяновіч, В.М. 3 назіранняў над айканіміяй Жабінкаўшчыны / В.М. Емельяновіч, І.В. Галанова // Жыццём слугуючы Айчыне : матэрыялы навуц. канф. да 80-х угодкаў прафесара Фёдара Янкоўскага / рэд.: Г.М. Малажай, М.М. Аляхновіч. — Брэст : БрДУ, 1999. — С. 108–110.
40. Емельяновіч, В.М. Назвы флексійнага, суфіксальна-флексійнага ўтварэння ў тапаніміі Берасцейшчыны / В.М. Емельяновіч // Актуальныя пытанні славянскай ономастыкі : материалы Междунар. науч. конф., г. Гомель, 21–22 нояб. 2002 г. — Гомель : УО “ГГУ им Ф. Скорины”, 2002. — С. 75–79.
41. Емельяновіч, В.М. Тапонімы Берасцейшчыны на-шчына, -аўшчына, -оўшчына, -еўшчына / В.М. Емельяновіч // Берасцейска-Пінскае Палессе : мова, літаратура, гісторыя : матэрыялы канферэнцыі, прысвеч. 80-годдзю з дня нараджэння У. Калеснікі, 24–25 кастр. 2002 г. — Брэст : Выд-ва С.Б. Лаўрова, 2002. — С. 66–70.
42. Емельяновіч, В.М. Айконімы Берасцейшчыны апелятыўнага паходжання / В.М. Емельяновіч // Наша класіка : традыцыі, наватарства, яе сучасная інтэрпрэтацыя ў ВНУ і школе : Матэрыялы Рэсп. навуц. канф., 23–24 снежня 2002 г. У 2-х ч. — Ч. 2. — Брэст : БрДзУ імя А.С. Пушкіна, 2003. — С. 56–61.
43. Заіка, З.М. 3 мікратапаніміі Століншчыны / З.М. Заіка // Беларуская анамстыка. — Мінск : Навука і тэхніка, 1992. — С. 140–149.
44. Заіка, З.М. Слоўнік тапонімаў і адтапанімічных дэрыватаў у арэале заходнепалескіх гаворак / З.М. Заіка. — Брэст : БрДУ імя А.С. Пушкіна, 2001. — 68 с.
45. Кацюроба, Н.І. 3 мікратапаніміі Брэстчыны / Н.І. Кацюроба // Пачатковая адукацыя і выхаванне : праблемы, пошукі, знаходкі / рэд. В.І. Сянкевіч. — 1995. — Вып. 4. — С. 167–170.
46. Кісель, Т.А. 3 мікратапаніміі в. Гарадня Столінскага раёна Брэсцкай вобласці / Т.А. Кісель, Н.Р. Якубук // Актуальныя праблемы мовазнаўства і лінгвадыдактыкі : зб. матэр. навуц. канф. да 75-годдзя з дня нараджэння Г.М. Малажай. — Брэст : Альгэрнатыва, 2013. — С. 114–117.
47. Кісель, Т. А. Фітонімы-назвы парод дрэў як структур-

- ня кампаненты айканіміі Брэска-Пінскага Палесся / Т.А. Кісель, Н.Р. Якубук // Славянские языки: системно-описательный и социокультурный аспекты исследования : сб. науч. тр. : в 2 ч. / Брест. гос. ун-т им. А.С. Пушкина ; под общ. ред. О. Б. Переход. – Брест : БрГУ, 2014. – Ч. 1. – С. 248–253.
48. Кісель, Т.А. Спецкурс “Тапанімія Брэстчыны” для студэнтаў-філолагаў / Т.А. Кісель, Н.Р. Якубук // Теория и практика обучения русскому языку как иностранному и другим лингвистическим дисциплинам в высшей школе : сб. науч. ст. / под общ. ред. О.Б. Переход. – Брест : БрГУ, 2014. – С. 125–128.
49. Клімчук, Ф.Д. Гідронімы Выганаўскага Палесся (моўна-этнічная інтэрпрэтацыя) / Ф.Д. Клімчук, Я.Р. Самуйлік // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках : тез. докл. II Респ. конф. – Гродна, 1986. – С. 64–67.
50. Клундук, С.С. Айканімія Століншчыны: структурна-семантычны аспект / С.С. Клундук, Н.Р. Якубук // Прыроднае асяроддзе Палесся: сучасны стан і яго змены: Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі. – Брэст, 2002. – С. 588–590.
51. Клундук, С.С. 3 айканіміі Століншчыны / С.С. Клундук, Н.Р. Якубук // Актуальныя пытанні славянскай анамастыкі: Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі. – Гомель, 2002. – С. 256–260.
52. Клундук, С.С. 3 айканіміі Століншчыны / С.С. Клундук, Н.Р. Якубук // Тураўшчына : Мінус, сучаснасць, будучыня. Вып. 3. – Мінск : Беларуская навука, 2004. – С. 74–77.
53. Клундук, С.С. 3 мікратапаніміі в. Фядоры / С.С. Клундук, Н.Р. Якубук // Тураўшчына. Мінус, сучаснасць, будучыня. Выпуск 4. – Тураў–Мінск : Беларуская навука, 2005. – С. 141–144.
54. Клундук, С.С. Паміж Столінам і Пінскам (нататкі з практыкі) / С.С. Клундук, Н.Р. Якубук // 36. матэрыялаў міжнароднай навуковай канферэнцыі “Гісторыка-культурная спадчына Брэска-Пінскага Палесся: паміж мінулым і будучыняй” (да 450-годдзя г. Століна), 28–29 верасня 2005 года, г. Столін. – Ч. 2. – С. 231–237.
55. Клундук, С.С. Структурна-семантычная характарыстыка мікратапаніміаў в. Фядоры / С.С. Клундук // Моўна-культурная прастора Берасцейшчыны : зб. навук. арт. / М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, Брэст. дзярж. ун-т імя А.С. Пушкіна, каф. гісторыі беларус. мовы і дыялекталогіі : рэдкал. : М.М. Аляхновіч і інш. – Брэст : Альтэрнатыва, 2010. – С. 88–90.
56. Клундук, С.С. Прыродна-геаграфічная тэрміналогія як утваральная база мікратапаніміаў Пабужжа / С.С. Клундук, Н.Р. Якубук // Рэгіянальная анамастыка : праблемы і перспектывы исследования : сб. научн. ст. / под научн. ред. А.М. Мезенко. – Витебск : ВГУ им. П.М. Машерова, 2016. – С. 90–93.
57. Леванцэвіч, Л.В. Назвы населеных пунктаў Бярозаўшчыны / Л.В. Леванцэвіч // Праблемы народнай адукацыі, навукі, культуры беларускага Палесся : тэз. дакл. і павед. : у 2 ч. / рэд.: В.І. Башмакоў [і інш.]. – Мазыр, 1992. – С. 103–104.
58. Леванцэвіч, Л.В. Словаўтваральныя тыпы айканімаў (Бярозаўшчына) / Л.В. Леванцэвіч // Навука года : Матэрыялы міжрэгіянальнай навук.-практ. канф. – Брэст, 1993. – С. 34–36.
59. Леванцэвіч, Л.В. Гідронімы Бярозаўскага раёна Брэскай вобласці / Л.В. Леванцэвіч // Рэгіянальныя асаблівасці Берасцейска-Пінскага Палесся ў мове, фальклору і літаратуры : матэрыялы Рэсп. навук. канф. – Брэст, 1994. – С. 87–89.
60. Леванцэвіч, Л.В. Старажытны горад Палесся / Л.В. Леванцэвіч // Гістарычная брама : гісторыка-краязнаўчы часопіс. – Брэст, 2001. – № 2/3. – С. 70.
61. Леванцэвіч, Л.В. Таямніца назвы : да этымалогіі тапонімаў Бярозаўшчыны / Л.В. Леванцэвіч // Гістарычная брама : гісторыка-краязнаўчы часопіс. – 2002. – № 1/2. – С. 74.
62. Леванцэвіч, Л.В. Палеская язычніцкая (культавая) мікратапаніміка / Л.В. Леванцэвіч // Актуальные вопросы славянской ономастики : материалы Междунар. науч. конф. / отв. ред. Р.М. Козлова. – Гомель : УО “Гомел. гос. ун-т имени Ф. Скорины”, 2002. – С. 141–145.
63. Леванцэвіч, Л.В. Язычніцкая тапаніміка Палесся : лінгвакраязнаўчы змест / Л.В. Леванцэвіч // Прыроднае асяроддзе Палесся : сучасны стан і яго змены : матэрыялы Міжнар. навук. канф. : у 2 ч. – Брэст, 2002. – Ч. 2. – С. 573–575.
64. Леванцэвіч, Л.В. Палеская язычніцкая (культавая) мікратапаніміка / Л.В. Леванцэвіч // Актуальные вопросы славянской ономастики. Гомель 21 – 22 ноября 2002. – Гомель, 2002. – С. 141–146.
65. Леванцэвіч, Л.В. След язычніцтва ў анамастыцы // Studia Russika XX, Budapest, 2003. – С. 267–270.
66. Леванцэвіч, Л.В. Анамастыка мовы Брэска-Пінскага Палесся ў навуковых даследаваннях / Л.В. Леванцэвіч // Моўнакультурная прастора Берасцейшчыны: зборнік навук. арт. – Брэст : Альтэрнатыва, 2010. – С. 114–118.
67. Леванцэвіч, Л.В. Крыніцазнаўства даследаванняў анамастыкі мовы Брэска-Пінскага Палесся / Л.В. Леванцэвіч // Мова Брэска-Пінскага Палесся: зб. навук. арт. / М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, Брэст. дзярж. ун-т імя А.С. Пушкіна, каф. гісторыі беларускай мовы і дыялекталогіі; рэдкал. : М.М. Аляхновіч [і інш.]. – Брэст : Альтэрнатыва, 2010. – С. 57–65. (112 с.)
68. Леванцэвіч, Л.В. Асноўныя аспекты навуковага даследавання анамастыкі Брэска-Пінскага Палесся / Л.В. Леванцэвіч // Моўна-культурная прастора Брэска-Пінскага Палесся : зборнік навуковых артыкулаў у 2 ч. – Брэст : Альтэрнатыва, 2011. – Ч. 1. – С. 193–197.
69. Леванцэвіч, Л.В. Нацыянальная адметнасць анамастыкону вёскі Здзітава Бярозаўскага раёна / Л.В. Леванцэвіч // Беларуская дыялекталогія. Матэрыялы і даследаванні : зб. навук. артыкулаў. – Вып. 3 [рэдкал. В.М. Курцова, Л.П. Кунцэвіч]. – Мінск : Беларуск. навука, 2014. – С. 129–133.
70. Міцкевіч, В.У. Айканімія Пінскага павету XVI стагоддзя / В.У. Міцкевіч // Берасцейска-Пінскае Палессе: мова, літаратура, гісторыя : матэр. канф. прысв. 80-годдзю з дня нараджэння У. Калеснікі, 24–25 кастрычніка 2002 г. – Брэст : Выдавецтва С. Лаўрова, 2002. – С. 89–92.
71. Міцкевіч, В.У. Адапелятыўныя айканімы на тэрыторыі Пінскага павета XVI ст. / В.У. Міцкевіч // Літаратура Палесся ў постацях і лёсах : матэр. Міжнар. навук. канф., 17–18 лістапада 2004 г. / рэдкал. : Т.С. Нуждзіна, Г.М. Друк. – Мазыр. – С. 12–17.
72. Міцкевіч, В.У. Старажытныя палескія тапонімы суфіксальна-флексійнага ўтварэння / В.У. Міцкевіч // Традыцыі матэрыяльнай і духоўнай культуры Усходняга Палесся: Праблемы вывучэння і захавання ў постчарнобыльскі час : зб. навук. арт. / рэдкал.: А. А. Станкевіч [і інш.]. – Гомель : ГГУ імя Ф. Скорины, 2006. – С. 254–258.
73. Пераход, В.Б. 3 тапаніміі Піншчыны / В.Б. Пераход // Имя и слово. – Брест, 2003.
74. Смаль, Н.Р. Назвы рэк і азёр басейна Заходняга Буга (лексіка-семантычны аспект) / Н.Р. Смаль // Рэгіянальныя асаблівасці Берасцейска-Пінскага Палесся ў мове, фальклору і літаратуры : матэрыялы Рэсп. навук. канф. – Брэст : БрДУ, 1994. – С. 97–100.
75. Сянкевіч, В.І. Афійшчыны назвы населеных пунктаў і іх мясцовыя тапанімічныя варыянты (Кобрынскі раён) / В.І. Сянкевіч, С.А. Сянкевіч // Чалавек. Этнас. Тэрыторыя: матэрыялы Міжнар. навук. канф. : у 2 ч. / рэдкал.: С.В. Арцёменка [і інш.]. – Брэст : Выд-ва С. Лаўрова, 1998. – Ч. 1. – С. 221–224.
76. Сянкевіч, В.І. Тапаніміка Кобрыншчыны : мадыфікацыі і альтэрнатыўнасць айканіміі / В.І. Сянкевіч, С.А. Сянкевіч // Прыроднае асяроддзе Палесся : сучасны стан і яго змены : матэрыялы Міжнар. навук. канф. : у 2 ч. – Брэст, 2002. – Ч. 1. – С. 160–161.

77. Фамелец, М. Семантика исторических названий улиц Пинска / М. Фамелец // Славянские языки : системно-описательный и социокультурный аспекты исследования : материалы Междунар. науч.-метод. конф.: в 2 ч. / редкол.: Е.И. Абрамова [и др.]. — Брест : Изд-во БрГУ, 2006. — С. 34–39.
78. Фамелец, М. Семантическая классификация урбанонимов Брестской области / М. Фамелец // Славянские языки : системно-описательный и социокультурный аспекты исследования : материалы IV Междунар. науч.-метод. конф. : в 2 ч. / под общ. ред. О.Б. Переход. — Брест : БрГУ, 2010. — Ч. 2. — С. 34–39.
79. Ціханчук, Т.В. З Гідраніміі Пабужжа / Т.В. Ціханчук, Н.Р. Якубук // Берасцейска-Пінскае Палессе: Мова, літаратура, гісторыя : матэрыялы канф., прысвеч. 80-годдзю з дня нараджэння У. Калесніка, 24–25 кастр. 2002 г. — Брэст : Выд-ва С.Б. Лаўрова, 2002. — С. 111–114.
80. Ціханчук, Т.В. Састаўныя назвы гідрааб'ектаў Брэстчыны / Т.В. Ціханчук, Н.Р. Якубук // Актуальныя пытанні славянскай ономастыкі : материалы Междунар. науч. конф. / отв. ред. Р.М. Козлова, г. Гомель, 21–22 нояб. 2002г. — Гомель : УО "ГТУ имени Ф. Скорины". — 2002. — С. 261–264.
81. Якубук, Н.Р. Гідранімія басейна Заходняга Буга / Н.Р. Якубук // Весці АН Беларусі. Сер. гуманіт. навук. — Мінск, 1995. — № 2. — С. 116–121.
82. Якубук, Н.Р. Характэрныя асаблівасці айканіміі Пабужжа / Н.Р. Якубук // Единство восточно-славянских народов : прошлое, настоящее, перспективы : материалы науч. конф. — Гомель, 1995. — С. 162–163.
83. Якубук, Н.Р. Агульнае і спецыфічнае ў айканіміі і гідраніміі Пабужжа / Н.Р. Якубук // Праблемы адукацыі, навукі, культуры Беларускага Палесся : матэрыялы Міжнар. навук. канф. : у 3 ч. — Брэст, 1997. — Ч. III. — С. 20–21.
84. Якубук, Н.Р. Асаблівасці ўзаемадзеяння розных класаў тапонімаў Пабужжа / Н.Р. Якубук // Канцэптуальныя пытанні развіцця мовы, літаратуры і мастацтва ў святле адраджэння культуры і духоўнасці беларускага народа : матэрыялы Рэсп. навук. канф. / рэд.: М. Казачэнка [і інш.]. — Мазыр, 1998. — С. 198–200.
85. Якубук, Н.Р. Варыянтнасць у гідраніміі і айканіміі Пабужжа / Н.Р. Якубук // Жыццём слугуючы Айчыне : матэрыялы навук. канф. да 80-х угодкаў праф. Ф. Янкоўскага. — Брэст, 1999. — С. 59–60.
86. Якубук, Н.Р. Структурна-семантычная характарыстыка назваў лінейных аб'ектаў горада Брэста / Н.Р. Якубук // Рэгіянальныя асаблівасці Берасцейска-Пінскага Палесся ў мове і літаратуры : матэрыялы навук. канф., прысвеч. 80-годдзю з дня нараджэння У. Калесніка. — Брэст, 2002. — С. 26–30.
87. Якубук, Н.Р. Гісторыя краю ў мясцовай тапаніміі / Н.Р. Якубук // Тадэвуш Касцюшка і яго час : матэрыялы Міжнар. навук. канф., 20–21 мая 2004 г. — Брэст : Выд-ва УА "БрДУ імя А.С. Пушкіна", 2004. — С. 69–72.
88. Якубук, Н.Р. Спецыфіка намінацыі асобных катэгорый гідрааб'ектаў Пабужжа / Н.Р. Якубук // Славянские языки: системно-описательный и социокультурный аспекты исследования : материалы Респ. науч.-метод. конф. — Брест, 2004. — С. 129–132.
89. Якубук, Н.Р. Урбананімія г. Брэста (семантычны аспект) / Н.Р. Якубук // Мовы Вялікага Княства Літоўскага : матэрыялы IV Міжнар. навук. канф., г. Брэст, 18–19 мая 2004 г. / рэд. М.М. Аляхновіч. — Брэст, 2005. — С. 220–222.
90. Якубук, Н.Р. Гідранімія Беларусі (гістарыяграфія праблемы) / Н.Р. Якубук // Канцэптуальныя падыходы да рэалізацыі зместу філалагічнай адукацыі ў школе і ВНУ: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Рэсп. навук. канф., 21–22 кастр. 2004 г. — Брэст, 2005. — С. 281–284.
91. Якубук, Н.Р. Мадэль *pluralia tantum* у айканіміі Пабужжа / Н.Р. Якубук // V Рэсп. Калеснікаўскія чытанні : матэрыялы Рэсп. навук. канф., прысвеч. 10-годдзю з дня смерці У.А. Калесніка, 24–26 лют. 2005 г. — Брэст, 2005. — С. 299–301.
92. Якубук, Н.Р. Мікратапанімія Пабужжа ў форме прыназоўнікава-іменных канструкцый / Н.Р. Якубук // Гістарычна-культурная спадчына Брэсцка-Пінскага Палесся : у 2 ч. — Брэст, 2006. — Ч. 2. — С. 237–242.
93. Якубук, Н.Р. Айканімія Пабужжа суфіксальнага ўтварэння / Н.Р. Якубук // Славянские языки : системно-описательный и социокультурный аспекты исследования : материалы Междунар. науч.-метод. конф. : в 2 ч. / редкол.: Е.И. Абрамова [и др.]. — Брест : Изд-во БрГУ, 2006. — Ч. 2. — С. 39–44.
94. Якубук, Н.Р. Айканімія Лунінецчыны / Н.Р. Якубук // Весн. Брэст. ун-та. Сер. філал. навук. Літаратуразнаўства. Мовазнаўства. — 2006. — № 2 (5). — С. 108–112.
95. Якубук, Н.Р. З мікратапаніміі вёскі Псышчава / Н.Р. Якубук // Берасцейшчына ў мове і літаратуры : матэрыялы рэгіян. навук.-практ. канф., Пінск, 29–31 мая 2007 г. — Брэст : Брэсцкі АБМПЦ ПА, 2007. — С. 143–148.
96. Якубук, Н.Р. Структурна-словаўтваральная характарыстыка айканіміі Пружаншчыны / Н.Р. Якубук // Імя і слова (проблемы семантико-прагматического взаимодействия в славянских языках) : материалы Междунар. науч. конф. : в 2 ч. — Брэст : Изд-во БрГУ, 2007. — Ч. 2. — С. 311–315.
97. Якубук, Н.Р. Айканімія Жабінкаўшчыны / Н.Р. Якубук // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя філалагічныя навукі. Літаратуразнаўства. Мовазнаўства. — 2007, № 2 (8). — С. 82–86.
98. Якубук, Н.Р. Айканімія Брэстчыны, матываваныя фларыстычнымі назвамі / Н.Р. Якубук // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Сер. філал. навукі. Літаратуразнаўства. Мовазнаўства. — 2008. — № 2 (10). — С. 154–162.
99. Якубук, Н.Р. Апелятыўная лексіка ў сістэме мікратапаніміі Пабужжа / Н.Р. Якубук // Краязнаўства як адзін з накірункаў вучэбна-выхаваўчай работы ў школе і ВНУ : матэрыялы Рэсп. навук. канф., 28–29 сак. 2008 г. / рэд. У. А. Сенькавец. — Брэст : Альтэрнатыва, 2008. — С. 289–292.
100. Якубук, Н.Р. Асаблівасці словаўтварэння айканімаў Брэстчыны, суадносных з фларыстычнымі назвамі / Н.Р. Якубук // Славянские языки: системно-описательный и социокультурный аспекты исследования : материалы Междунар. науч.-метод. конф., 22–23 нояб. 2007 г. : в 2 ч. — Брэст : Изд-во БрГУ. — 2008. — Ч. 2. — С. 311–315.
101. Якубук, Н.Р. Апелятыўная лексіка ў сістэме мікратапаніміі Брэстчыны / Н.Р. Якубук // Гісторыка-тэарэтычныя актуальныя сучаснай філалогіі : матэрыялы Рэспубліканскай навукова-практ. канферэнцыі, прысв. 70-годдзю з дня нараджэння вучонага-літаратуразнаўцы, педагога, праф. А.А.Майсейчыка. — Брэст : Альтэрнатыва, 2008. — С. 195–198.
102. Якубук, Н.Р. Айканімія Баранавіччыны ў структурных адносінах / Н.Р. Якубук // Каб жыло наша слова : зб. навук. арт. да 90-годдзя з дня нарадж. Ф. Янкоўскага / рэдкал.: М.І. Новік [і інш.]. — Брэст : Альтэрнатыва, 2009. — С. 73–76.
103. Якубук, Н.Р. Фларыстычныя найменні ў сістэме айканіміі Брэстчыны / Н.Р. Якубук // Мировой литературный процесс : автор-жанр-стиль : сборник научных трудов. — Брэст : БрГУ, 2009. — С. 200–203.
104. Якубук, Н.Р. Асаблівасці словаўтварэння айканіміі Пабужжа / Н.Р. Якубук // Літаратура для дзяцей і юнацтва ў кантэксце суч. адукац. і выхав. проблем: матэрыялы рэсп. навук. канф. (Брэст, 13–14 сакавіка 2009г.). У 2 т. Т.2. Брэст: Альтэрнатыва, 2009. — С.177–180.

105. Якубук, Н.Р. З мікратапаніміі Брэстчыны / Н.Р. Якубук // *Acta Albaruthenika, Rossika, Polonica: VIII Міжнародная навуковая канферэнцыя “Беларуска-руска-польскае супастаўляльнае мовазнаўства і літаратуразнаўства”* (Віцебск, 22–24 кастрычніка 2009г.) – Віцебск : УА “ВДУ імя П.М. Машэрава, 2009. Ч. 2. – С. 104–108.
106. Якубук, Н.Р. Тапанімія Пабужжа ў моўных адносінах / Н.Р. Якубук // *Мова Брэсцка-Пінскага Палесся* : зб. навук. арт. – Брэст : Альтэрнатыва, 2010. – С. 107–109.
107. Якубук, Н.Р. Гідронімы бязафікснага ўтварэння / Н.Р. Якубук // *Асоба і творчасць Францішка Багушэвіча ў прасторы і часе* : зб. навук. арт. да 170-годдзя з дня нараджэння Ф. Багушэвіча. – Брэст : Альтэрнатыва, 2010. – С. 145–147.
108. Якубук, Н.Р. Структурна-словаўтваральная характарыстыка гідраніміі Заходняга Палесся / Н.Р. Якубук // *Моўнакультурная прастора Берасцейшчыны* : зб. навук. арт. – Брэст : Альтэрнатыва, 2010. – С. 227–230.
109. Якубук, Н.Р. Адметныя рысы мікратапаніміі Іванаўшчыны / Н.Р. Якубук // *Славянскія мовы : системна-описательный и социокультурный аспекты исследования : материалы IV Международной научно-методической конференции, Брест, 25-26 ноября 2009 г.* – Брэст : БрГУ, 2010. Ч. 2. – С. 197–202.
110. Якубук, Н.Р. З мікратапаніміі в. Олтуш Маларыцкага раёна / Н.Р. Якубук // *Беларуская дыялекталогія. Матэрыялы і даследаванні. Вып. 1 / агульн. рэд. Л.П. Кунцэвіч, В.М. Курцова.* – Мінск, 2010. – С. 162–164.
111. Якубук, Н.Р. Назвы ўрочышчаў в. Псышчава і яе ваколіц / Н.Р. Якубук // *Беларуская дыялекталогія. Матэрыялы і даследаванні. Вып. 1 / агульн. рэд. Л.П. Кунцэвіч, В.М. Курцова.* – Мінск, 2010. – С. 164–168.
112. Якубук, Н.Р. Урбанімія горада Баранавічы ў семантычных адносінах / Н.Р. Якубук // *Моўнакультурная прастора Брэсцка-Пінскага Палесся* : зб. навук. арт. у 2-х ч. – Брэст : Альтэрнатыва, 2011. Ч. 2. – С. 191–194.
113. Якубук, Н.Р. Узаемаадносіны паміж тапанімічнымі класамі Пабужжа ў структурна-словаўтваральным аспекце / Н.Р. Якубук // *Моўнакультурная прастора Брэсцка-Пінскага Палесся* : зб. навук. арт. у 2-х ч. – Брэст : Альтэрнатыва, 2011. Ч. 2. – С. 188–190.
114. Якубук, Н.Р. Мікратапанімы Брэстчыны, матываваныя земляробчай лексікай / Н.Р. Якубук, В. Янусік // *Актуальныя праблемы мовазнаўства і лінгвадыдактыкі* : зб. навук. арт. у 2 ч. Ч. 2. – Брэст : Альтэрнатыва, 2012. – С. 184–187.
115. Якубук, Н.Р. Матывавальныя асновы апапелятыўных айконімаў Пабужжа (матэрыялы да слоўніка) / Н.Р. Якубук // *Славянскія мовы : системна-описательный и социокультурный аспекты исследования : материалы V Международной научно-метод. конф., Брест, 24-25 нояб. 2011 г.* В 2 ч. Ч. 1. – Брэст : Альтэрнатыва, 2012. – С. 75–78.
116. Якубук, Н.Р. Словаўтваральныя асаблівасці гідраніміі Пабужжа / Н.Р. Якубук // “Ф.М. Достоевский в современном поликультурном пространстве” : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф.; Брест-Иваново, 6–7 октября 2011 г. – Брэст : БрГУ, 2012. – С. 212–215.
117. Якубук, Н.Р. Айконімы Пабужжа антрапанімічнага паходжання / Н.Р. Якубук // *Моўнакультурная прастора Брэсцка-Пінскага Палесся* : зб. навук. арт. – Брэст : Альтэрнатыва, 2013. – С. 217–221.
118. Якубук, Н. Р. Апапелятыўныя айконімы Пабужжа (матэрыялы да слоўніка) / Н. Р. Якубук // *Беларуская дыялекталогія. Матэрыялы і даследаванні* : зб. навук. арт. Вып. 3. – Мінск : Беларуская навука, 2014. – С. 137–140.
119. Якубук, Н.Р. Тапанімічныя класы Пабужжа: агульнае і спецыфічнае / Н.Р. Якубук // *Мова і культура* : зб. навук. арт. / рэд. : В.М. Касцючак і інш.; пад агульн. рэд. Л.В. Леванцэвіч. – Мінск : РІВШ, 2014. – С. 219–223.
120. Якубук, Н.Р. Семантычныя мікратапанімы Пабужжа / Н.Р. Якубук // *Нацыянальна-культурны кампанент у літаратурнай і дыялектнай мове* : зб. навук. арт. / Брэсц. дзярж. ун-т імя А.С. Пушкіна ; пад агул. рэд. С.Ф. Бут-Гусаім ; рэд. : С.Ф. Бут-Гусаім. – Брэст : БрДУ, 2015. – С. 175–179.
121. Якубук, Н.Р. Семантычныя адметнасці мікратапаніміі Брэстчыны / Н.Р. Якубук // *Моўная адзінка ў кантэксце часу* : зб. матэрыялаў II Рэспубл. навук.-практ. канф., Брэст, 18 лістапада 2016 г. / Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна ; рэд. : Л.В. Леванцэвіч [і інш.]. – Брэст : БрДУ, 2016. – С. 216–221.

Паступіў у рэдакцыю 18.01.2018 г.

УДК 811.161.3'373.23

Сучасны беларускі антрапанімікон: норма і варыятыўнасць

Лукашанец А.А.

*Дзяржаўная навуковая ўстанова “Цэнтр даследаванняў беларускай культуры,
мовы і літаратуры НАН Беларусі”, Мінск*

Уласныя асабовыя імёны з’яўляюцца істотнай часткай слоўнікавага складу беларускай мовы, вызначаюць яе нацыянальную спецыфіку, характарызуюцца спецыфікай функцыянальнай ролі.

Мэта працы — разгледзець структурныя асаблівасці складу сучаснага беларускага іменніка і праблемы яго функцыянавання ў афіцыйнай іменаслоўнай традыцыі і сучасным дыскурсе.

Матэрыял і метады. Матэрыялам даследавання служаць дадзеныя слоўнікаў асабовых уласных імён беларускай мовы. Аналіз фактычнага матэрыялу ажыццяўляецца з выкарыстаннем апісальнага і параўнальнага метадаў, а таксама метадаў кампанентнага і словаўтваральнага аналізу.

Вынікі і іх абмеркаванне. У артыкуле аналізуюцца шляхі фарміравання сучаснага беларускага афіцыйнага іменніка, яго структурныя часткі (праваслаўная, каталіцкая, народная і інш.), варыянтнасць уласных імён, спосабы і сродкі ўтварэння вытворных форм. Разглядаюцца сучасныя тэндэнцыі папаўнення і пашырэння афіцыйнага беларускага іменаслова ва ўмовах дзяржаўнага двухмоўя, асаблівасці функцыянавання ўласных асабовых імён у афіцыйнай іменаслоўнай практыцы.

Заклучэнне. Ва ўмовах блізкароднаснага беларуска-рускага двухмоўя актуальнасць набываюць праблемы: а) размежавання афіцыйнага (дакументальнага) і неафіцыйнага (размоўнага) іменнікоў; б) арфаграфічнай фіксацыі варыянтных імён; в) утварэння склонавых форм варыянтных імён, а таксама імён па бацьку ў адпаведнасці са словазмяняльнымі і словаўтваральнымі нормамі беларускай мовы; г) перадачы беларускіх імён у дакументах па-руску і сродкамі лацінскага алфавіта.

Ключавыя словы: антрапонім, варыянтнасць, функцыянальна-стылістычная норма, беларуска-рускае двухмоўе, іменаслоўная практыка.

(Ученые записки. — 2018. — Том 25. — С. 137–142)

Modern Belarusian Anthroponymicon: Norm and Variability

Lukashanets A.A.

*State Scientific Institution “Center for Studies of Belarusian Culture, Language and Literature
of the National Academy of Sciences of Belarus”, Minsk*

Personal proper names are an essential part of the vocabulary of the Belarusian language, they determine its national specifics and are characterized by peculiar properties of their functional role.

The purpose of the work is to examine the structural features of the composition of the modern Belarusian list of names and problems of its functioning in the official practice of naming and modern discourse.

Material and methods. The material for the study is taken from the dictionaries of Belarusian personal proper names. The actual material is analyzed using descriptive and comparative methods, as well as methods of component and word-formation analysis.

Findings and their discussion. The article analyzes the ways of forming a modern Belarusian official list of names, its structural parts (Orthodox, Catholic, folk, etc.), the variation of proper names, ways and means of forming derivative forms. Modern tendencies of replenishment and expansion of the official Belarusian naming in the conditions of the state bilingualism, peculiar properties of the functioning of proper personal names in the official naming practice are also considered.

Conclusion. In the conditions of closely related Belarusian-Russian bilingualism, the problems become relevant: a) differentiation of official (documentary) and informal (conversational) names; b) orthographic fixation of variant names; c) the creation of case forms of variant names, as well as patronymics in accordance with the inflectional and derivational norms of the Belarusian language; d) the transfer of Belarusian names in documents in Russian and by means of the Latin alphabet.

Key words: anthroponym, proper personal name, variance, functional-stylistic norm, Belarusian-Russian bilingualism, naming practice

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 25. — P. 137–142)

Уласныя асабовыя імёны з'яўляюцца істотнай часткай беларускага антрапанімікона і слоўнікавага складу беларускай мовы наогул, вызначаюць яе нацыянальную спецыфіку. Аднак яны істотна адрозніваюцца ад агульных найменняў як па сваім складзе і асаблівасцях шляхоў гістарычнага фарміравання, так і па сваёй функцыянальнай ролі. Нягледзячы на пільную ўвагу беларускіх мовазнаўцаў да праблем нацыянальнай анамстыкі [1] і наяўнасць шэрагу слоўнікаў беларускіх уласных імён [2, 3, 4], на сённяшні дзень недастаткова даследаваны састаў і структура беларускага іменніка, асаблівасці яго функцыянавання ва ўмовах блізкароднаснага беларуска-рускага двухмоўя.

Мэта працы – разгледзець структурныя асаблівасці складу сучаснага беларускага іменніка і праблемы яго функцыянавання ў афіцыйнай іменаслоўнай практыцы і сучасным дыскурсе.

Матэрыял і метады. Матэрыялам даследавання служаць дадзеныя сучасных слоўнікаў асабовых уласных імён беларускай мовы [2, 3, 4], выдадзеных пад рэдакцыяй аўтара, а таксама ўласны моўны матэрыял, назапашаны ў выніку шматгадовага ўзаемадзеяння з аддзеламі загс, натарыяльнымі канторамі і інш. па ідэнтыфікацыі запісаў імён у дакументах, што сведчаць асобу. Аналіз фактычнага матэрыялу ажыццяўляецца з выкарыстаннем апісальнага і параўнальнага метадаў, а таксама метадаў кампанентнага і слоўаўтваральнага аналізу.

Вынікі і абмеркаванне. Уласнае асабовае імя разам з іменем па бацьку і прозвішчам з'яўляецца галоўным сродкам ідэнтыфікацыі асобы, паколькі кожны грамадзянін нашай краіны, як і кожны чалавек наогул, атрымлівае ўласнае імя, якое суправаджае яго на працягу ўсяго жыцця, адразу пасля нараджэння. Выбранае імя запісваецца ў дакументах, што сведчаць асоб: у пасведчанні аб нараджэнні, пашпарце, дакументах аб адукацыі, у пасведчанні аб заключэнні шлюбу і г.д. Уласнае імя перадаецца ў спадчыну ад бацькоў дзецям, паколькі ў пасведчанні аб нараджэнні абавязкова ўказваюцца імёны бацькі і маці. Імя бацькі перадаецца асобе і ў выглядзе імені па бацьку, якое разам з уласным іменем і прозвішчам выступае абавязковай часткай сучаснай трохкампанентнай формулы афіцыйнага наймення асобы ў Рэспубліцы Беларусь.

Усё гэта вызначае спецыфіку існавання асабовага імя ў сістэме мовы і яго функцыянавання ў маўленні, у першую чаргу пісьмовым. Гэта мае дачыненне, з аднаго боку, да праблемы лексічнай варыянтнасці ўласнага імені, якая звязана з наяўнасцю паралельнага раду аднакарэнных асабовых імён. Такая варыянтнасць абумоўлена асаблівасцямі шляхоў і крыніц фарміравання нацыянальнага беларускага іменніка, а таксама

багатай сістэмай спосабаў і сродкаў утварэння вытворных форм імені, што прыводзіць да наяўнасці разгалінаваных словаўтваральных гнёзд асабовага ўласнага імя. З другога боку, праблема нарматыўнасці ўласнага імя мае дачыненне не толькі да асаблівасцей яго прыстасавання да сістэмы нацыянальнай арфаграфіі, але і набывае выразную функцыянальна-стылістычную значнасць, паколькі афіцыйная іменаслоўная традыцыя істотна абмяжоўвае магчымасць выкарыстання ўсяго нацыянальнага корпусу ўласных імён у якасці дакументальных (пашпартных), а таксама патрабуе нарматыўнай дакладнасці пры ўтварэнні імён па бацьку ад кожнай з форм. Нарэшце, ідэнтыфікацыйная функцыя ўласнага імені фактычна выключае ўзаемазамяняльнасць варыянтных імён у афіцыйна-дзелавым пісьмовым маўленні (дыскурсе).

Гісторыя фарміравання сучаснага нацыянальнага беларускага антрапанімікона абумовіла паралельнае функцыянаванне некалькіх падсістэм афіцыйных (пашпартных) імён і разгалінаванай сістэмы іх вытворных форм (размоўных, памяншальных, памяншальна-ласкавых і інш.), якія шырока ўжываюцца ў неафіцыйным маўленні.

Аснову сучаснага беларускага афіцыйнага іменаслова складаюць хрысціянскія імёны, якія аб'ядноўваюць спрадвечныя ўласныя асабовыя імёны, што склаліся на беларускім і ўсходнеславянскім моўным матэрыяле (*Вячаслаў, Уладзімір, Яраслаў* і інш.), а таксама імёны старажытнаўрэйскага (*Іван, Міхail, Сямён; Ганна, Марыя* і інш.), грэчаскага (*Аляксандр, Андрэй, Георгій, Максім, Несцер, Пётр, Платон, Фёдар; Агата, Алімпіяда, Ксенія, Соф'я* і інш.), лацінскага (*Валерый, Марк, Валянцін; Агрыпіна, Клаўдзія* і інш.) паходжання [2, 3].

У сучасным беларускім антрапаніміконе трывала замацаваліся і ўспрымаюцца як уласныя многія імёны, што прыйшлі з моў іншых народаў, з якімі кантактавалі нашы продкі, напрыклад, *Алег, Альгерд, Вітаўт, Глеб, Ігар; Вольга, Ніна, Рагнеда, Тамара* і інш.

Найбольш пашыранымі і ўжывальнымі ў наш час застаюцца імёны, якія адносяцца да сістэмы традыцыйных хрысціянскіх імён (*Аляксандр, Андрэй, Дзмітрый, Максім, Мікалай, Сяргей, Уладзімір; Алена, Ганна, Наталля, Ніна*), набываюць папулярнасць так званыя “старыя” хрысціянскія імёны (*Мікіта, Арцём, Даніла, Ілья, Ігнат, Клім, Дар'я, Лізавета, Соф'я*), а таксама так званыя прэцэдэнтныя імёны, якія звязаны з гісторыяй і культурай беларускага народа (*Альгерд, Вітаўт, Рагнеда* і інш.).

Асаблівасцю функцыянавання хрысціянскай па паходжанні часткі беларускага іменніка з'яўляецца тое, што ў ім паралельна ў якасці афіцыйных (пашпартных) ужываюцца тры падсістэмы імён: візантыйска-праваслаўныя (найбольш

Табліца

Варыянтнасць беларускіх уласных імён

Беларускія ўласныя імёны			
Праваслаўныя	Каталіцкія	Старыя царкоўныя	Народныя
<i>Аляксандр</i>	<i>Аляксандр</i>		<i>Алесь</i>
	<i>Аляксей</i>	<i>Аляксій / Алексій</i>	
<i>Антон</i>	<i>Антон</i>		<i>Антось</i>
<i>Афанасій</i>			<i>Апанас, Панас</i>
<i>Еўдакія</i>	<i>Эўдоксія</i>	<i>Еўдаксія</i>	<i>Аўдоцця</i>
<i>Ефрасіння</i>		<i>Еўфрасіння</i>	
<i>Васілій</i>	<i>Базыль</i>		<i>Васіль / Базыль</i>
<i>Вікенцій</i>	<i>Вінцэнт</i>		<i>Вінцук</i>
<i>Лаўрэн</i>	<i>Ваўжынец</i>		<i>Лаўрын</i>
		<i>Анастасія</i>	<i>Настасся</i>
<i>Анна</i>	<i>Ханна</i>		<i>Ганна</i>
<i>Лізавета</i>	<i>Эльжбета</i>	<i>Елізавета / Елісавета</i>	<i>Альжбета</i>
<i>Іван</i>	<i>Ян</i>	<i>Іаан</i>	<i>Янка</i>
<i>Іосіф</i>	<i>Юзаф</i>		<i>Язэп</i>
<i>Ілья / Ілля</i>		<i>Ілія / Ілій</i>	
<i>Мацвей</i>	<i>Матэвуш</i>	<i>Матвій / Матфей / Матфій</i>	<i>Мацей</i>
	<i>Казімір</i>		
<i>Наталля</i>		<i>Наталія</i>	
<i>Пётр</i>	<i>Пётр</i>		<i>Пятро, Пятрусь</i>
<i>Сяргей</i>		<i>Сергій</i>	
<i>Фама</i>	<i>Тамаш</i>		
<i>Фёдар</i>	<i>Тэадор</i>		<i>Тодар, Хведар, (Хвёдар)</i>
<i>Часлаў</i>	<i>Чэслаў</i>		

набліжаныя да рускай іменаслоўнай традыцыі, якія часта набываюць характарыстыку рускіх), рымска-каталіцкія (у значнай ступені суадносна з польскімі) і ўласныя народныя (найбольш нацыянальна адметныя).

У апошні час у сучаснай беларускай іменаслоўнай практыцы выразна праяўляецца тэндэнцыя да пашырэння ва ўжыванні, у тым ліку ў сферы афіцыйнай пісьмовай фіксацыі, старых варыянтаў уласных імён, набліжаных да царкоўна-славянскай традыцыі: *Аляксій, Ілія, Сяргій, Анна, Екацярына, Еўфрасіння, Елізавета* і інш.

Акрамя таго, у сучаснай іменаслоўнай практыцы Беларусі ў сувязі з інтэграцыйнымі працэсамі пашыраецца паралельнае ўжыванне нацыянальных варыянтаў імён, напрыклад, бел. *Ганна* – рус. і стар. *Анна* – польск. *Ханна*; бел. *Аксана* – укр. *Оксана*, бел. *Алена* – рус. *Елена* – польск. *Хелена* (*Гелена*), бел. і рус. *Антон* – літ. *Антанас*, бел. *Вітаўт* – літ. *Вітаўтас* і інш.

Адна частка гэтых паралельных радоў імён поўнасьцю супадае па сваім гукавым складзе (*Адам, Ра-*

ман, Пётр і інш.), другая – мае неаднолькавае фанетычнае афармленне. Параўн., напрыклад, рады візантыйска-праваслаўных і рымска-каталіцкіх пашпартных імён: *Фёкла і Тэкля, Фама і Тамаш, Іван і Ян, Іосіф і Юзаф, Васілій і Базыль, Вікенцій і Вінцэнт, Лізавета і Альжбета*. Побач з традыцыйнымі формамі праваслаўных і каталіцкіх імён шырока ўжываюцца народныя формы, многія з якіх таксама набылі статус пашпартных афіцыйных імён: *Алесь, Васіль, Генадзь, Анатоль, Пракоп, Якуб, Язэп, Міхась, Ігнась, Пятрусь, Пятрук, Янка, Вінцук, Зміцер, Альжута, Тодар* і інш. Спецыфікай народных беларускіх імён з’яўляецца тое, што многія з іх зыходна з’яўляюцца фактычна вытворнымі дэмінітывамі ад адпаведных праваслаўных або каталіцкіх імён, але страцілі свой дэмінітыўны характар пры пераходзе ў разрад афіцыйных імён.

У сучасным беларускім антрапаніміконе замацаваліся цэлыя рады асабовых імён, якія належаць адной зыходнай асновы, але ўжываюцца як самастойныя, напрыклад, *Арцэма, Арцём, Арцёмій;*

Кандрат, Кандрацій; Анціп, Анціпа, Анціпій; Георгій, Юрый, Ягор; Аўраам, Аўрам, Аўраамій, Аўраам; Тарас, Тарасій; Мацей, Мацвей, Мацвій, Матфей, Матфій, Матэвуш і г.д.

Нарэшце, на сістэму сучаснага афіцыйнага беларускага антрапанімікона істотны ўплыў аказвае сітуацыя дзяржаўнага беларуска-рускага двухмоўя, што таксама вядзе да пашырэння варыянтнасці асабовых імён. Двухмоўе вымагае запісу прозвішчаў, імён і імён па бацьку, што сведчаць асобу, на дзвюх мовах, гэта вядзе да пашырэння ў нацыянальнай афіцыйнай іменаслоўнай практыцы трансліраваных форм іншамовных варыянтаў імён, напрыклад: бел. *Грыгорый* (рус. *Григорий*) і рус. *Ригор* (бел. *Рыгор*), бел. *Нікалай* (рус. *Николай*) і рус. *Миколай* (бел. *Мікалай*), бел. *Анастасія* (рус. *Анастасия*) і рус. *Настасья* (бел. *Настасся*), бел. *Еўдакія* (рус. *Евдокия*) і рус. *Авдотья* (бел. *Аўдоцця*) і г.д.

Такім чынам, мы сутыкаемся з сітуацыяй, калі ў сучаснай беларускай іменаслоўнай практыцы ў якасці афіцыйных паралельна выкарыстоўваюцца дзве, тры і нават больш самастойныя разнавіднасці аднаго імені (гл. табліцу).

Усё гэта абумоўлівае шырокія магчымасці ўтварэння вытворных (размоўных, памяншальных і памяншальна-ласкальных) форм імён і параджае спецыфіку суаднясення памяншальна-ласкальных форм імён з іх зыходнымі (пашпартнымі) адпаведнікамі. Параўн.:

Алёна → *Алёнка, Алёначка, Лёна, Лёнка, Лёначка, Лёнанька, Лянуся, Лянуля, Лёля, Лёлька, Алёна, Ялёна, Гэля, Аліся, Галька* [3, с. 19].

Аляксей → *Алёша, Алёшка, Аляхно, Алёкса, Аляксейка, Алёха, Лёня, Лёля, Лёлік, Лёкса, Алёкса* [3, с. 24].

Андрэй → *Андрос, Андрук, Андрусь, Андрыяш, Андрэйка, Андрюша* [3, с. 28].

Антон → *Антось, Анцік, Тосік, Тося, Тоша, Антёша, Антонік, Антончык, Антонец, Антусёк, Антёшка, Антух* [3, с. 30].

Апанас → *Апанасік, Апанасюк, Панас, Панасік, Панасчык, Панасюк, Насік* [3, с. 33].

Іван → *Ян, Ясь, Янка, Яська, Янук, Івась, Януш, Іванка, Іванец, Іванчык, Іванейчык, Іванёка, Іванушка, Іванько, Іванюта, Іванюша, Іванюшка, Іванюк, Іванчук, Іванік, Івах, Іваш, Івашка, Івашэнь, Ваня, Ванко, Ванько, Ванец, Ваньша, Ванюк, Ванчук, Вашко, Вашкель, Вашук* [3, с. 96].

Кацярына → *Кацярынка, Кацярыначка, Катра, Катруня, Катрунька, Катруся, Каця, Кацечка, Кацёша, Кася, Каська, Касечка, Касюля* [3, с. 111].

Лізавета → *Ліза, Вёта, Лісавёта, Лісавётка* [3, с. 120].

Міхаіл → *Міхал, Міхаль, Міхайла, Міхайлік, Міхалка, Міхась, Міхасёк, Міша...* [3, с. 146].

Ніна → *Нінка, Нінуля, Нінуся, Ніка, Ніта* [3, с. 153].

Павел → *Пава, Павал, Паўла, Паўло, Паўлюк, Паўлусь, Паўлянок, Паўлік, Паўлічак, Паўлечка, Паўлішка, Паўлушка, Паўлыга, Паўлючук, Паўлюсюк, Паўлюц, Паўлюць, Паўлючок, Паўлюнчык, Паўлюшка, Паўлюшчык, Паўлюша, Паўка, Павук, Павуля, Паішк, Паіша, Паішанок, Паішалюк, Паішук, Паішун, Паішуня, Паішўра, Паішўта, Паішык, Паішэй, Паішэйка, Паішэнька* [3, с. 155].

Тацяна → *Тацяна, Тацянка, Тэня, Танюха, Тацёша, Танюра, Танюся, Танюта, Тата, Татка, Татуля, Татуня, Тўся, Таша* [3, с. 193].

Ян → *Янка, Янчук, Янук, Янучок, Януль, Янус, Янута, Януш, Янушка, Янец, Янчык, Яначка, Яніок, Янэль, Янкен, Ясь, Яська, Ясько, Ясіок, Ясіоль, Янічук, Януць, Янухна, Ясіота* [3, с. 229-230].

Пры гэтым назіраецца даволі складанае перапляценне вытворных і памяншальных імён паводле суадноснасці з іх зыходнымі эквівалентамі, што сведчыць пра высокую ступень фармальнай поліматываванаці памяншальных асабовых імён, якая праяўляецца ў:

а) высокай ступень поліматываванаці вытворнага імені ў межах аднаго словаўтваральнага гнязда [3]:

Канстанцін → *Кастусь* → *Кастусёк*
→ *Косця 1* → *Косцік 1* → *Косцічак 1*
→ *Косця 2* → *Косцік 2* → *Косцічак 2*

б) суадноснасці аднаго імя-дэмінутива з некалькімі зыходнымі поўнымі формамі (квазіполіматываванаць):

в) наяўнасці паралельных радоў памяншаль-

Юзаф → *Юзік*
Іосіф → *Юзік*
Язэп → *Юзік*

ных імён:

Іван → *Івась* (→ *Іваська*), *Іванка* (→ *Іванушка*)

Ян → *Ясь* (→ *Яська*), *Янка* (→ *Янак* → *Яначка*) і г.д.

Сітуацыя блізкароднаснага двухмоўя, паралельнае выкарыстанне дзвюх іменаслоўных сістэм і маўленчая практыка спрыяюць пераносу дэмінутивных найменняў з адной іменаслоўнай сістэмы ў другую, што таксама вядзе да павелічэння асабовых найменняў-дэмінутиваў і іх варыятыўнасці. Так, у беларускім маўленні дастаткова часта ўжываюцца памяншальна-ласкальныя імёны, якія з'яўляюцца па сваёй сутнасці іншамовнымі, але з прычыны блізкароднаснага характару беларуска-рускага двухмоўя дастаткова лёгка ўпісваюцца ў сістэму нацыянальнага іменаслова. Параўн., напрыклад, паралельнае функцыянаванне ў беларускім іменаслове рускамоўных па паходжанні дэмінутиваў *Саішанька, Васенька, Пеценька, Толенька, Оленька, Натаішанька* побач з уласна беларускімі *Саішачка, Васечка, Пецечка, Толічак, Волечка, Натаішачка*.

Вельмі шырокім і разнастайным з'яўляецца дыяпазон словаўтваральных спосабаў і словаўтваральных сродкаў утварэння як самастойных (пашпартных) уласных імён, так і іх вытворных форм. Так, у сферы словаўтварэння беларускіх асабовых імён шырока прадстаўлены не толькі суфіксальныя ўтварэнні, але і імёны, утвораныя ў выніку самых разнастайных усячэнняў (апакопы і аферэзісу). Параўн.:

Анатолій → *Анатоль*, *Аркадзій* → *Аркадзь*, *Васілій* → *Васіль*, *Кандрацій* → *Кандрат*, *Мікалай* → *Мікола* (апакопа);

Аляксандр → *Алесь*, *Канстанцін* → *Кастусь*, *Міхаіл* → *Міхась* (апакопа + суфіксацыя);

Ларыён → *Ларыён*, *Апанас* → *Панас* (аферэзіс);

Грыгорый → *Рыгор* (аферэзіс + апакопа);

Філіп → *Піліп*, *Ніканор* → *Міканор*, *Нікадзім* → *Мікадзім* (фанематычная субстытуцыя);

Уладзімір → *Улад*, *Максім* → *Макс* (апакопа);

Аляксандр → *Аляксаша*, *Аляксандр* → *Алесь*, *Алік*, *Ян* → *Ясь* (апакопа + суфіксацыя);

Аляксаша → *Саша*, *Алесь* → *Лесь* (аферэзіс);

Ян → *Янка* → *Яначка*, *Саша* → *Сашык*, *Іван* → *Івась*, *Іванка* (суфіксацыя);

Іван → *Ваня* (аферэзіс + флексія)

Антон → *Тоша* (апакопа + аферэзіс + суфіксацыя) і г.д.

Акрамя таго, для дэмініўнага суфіксальнага словаўтварэння ў сферы асабовых імён характэрны не толькі шырокі дыяпазон словаўтваральных фармантаў і іх нанізванне ў словаўтваральным ланцужку, але і высокая ступень морфнага вар'іравання. Напрыклад:

-сь: **-сь** (*Ігнат* → *Ігнась*, *Ян* → *Ясь*), **-есь/-эсь** (*Аляксандр* → *Алесь*, *Вінцэнт* → *Вінцэсь*), **-ась** (*Міхаіл* → *Міхась*), **-усь** (*Андрэй* → *Андрусь*, *Пётр* → *Пятрусь*), **-ось** (*Сава* → *Савось*) і г.д.

Усё гэта прыводзіць да складанага камбінавання спосабаў і сродкаў словаўтварэння ў адным словаўтваральным ланцужку: *Аляксáндp* → *Алесь* (апакопа + суфіксацыя) → *Лесь* (аферэзіс) → *Лесік* (суфіксацыя) → *Лесічак* (суфіксацыя); *Аляксáндp* → *Аляксаша* (апакопа + суфіксацыя) → *Саша* (апакопа) → *Сашура* (суфіксацыя) → *Шура* (аферэзіс) → *Шурык* (суфіксацыя) [4].

Заклучэнне. Адзначанае абумоўлівае складанасць сучаснага беларускага нацыянальнага антрапанімікона і асаблівасці яго функцыянавання ў іменаслоўнай практыцы.

Па-першае, шырокая варыянтнасць уласных імён актуалізуе праблему функцыянальна-стылістычнай нарматыўнасці, г. зн. праблему размежавання афіцыйнага (пашпартнага, дакументальнага) і неафіцыйнага (размоўна-побывавага) іменнікоў. Напрыклад: *Аляксандр* і *Алесь*, *Анатолій* і *Анатоль*, *Аркадзій* і *Аркадзь*, *Васілій* і *Васіль*, *Цімафей* і *Цімох*, але толькі *Міхаіл*, *Канстанцін*, *Мікалай*, *Пётр* (*Міхась*, *Кастусь*, *Мікола*,

Пятрусь маюць статус размоўных і не рэкамендуемых сучаснымі нарматыўнымі даведнікамі ў якасці дакументальных).

Відавочна, што на сучасным этапе можна гаварыць пра ўзмацненне тэндэнцыі да істотнага пашырэння афіцыйнага іменніка. Параўн.:

Аляксей; *Мацвей*; *Ілля*, *Ілья*, *Ілія*; *Стэфан*, *Сцяпан*; *Часлаў*; *Альжбета*, *Лізавета*; *Аўдоцыя*, *Еўдакія* [2];

Алексій, *Аляксей*; *Матэвуш*, *Мацвей*, *Мацей*; *Ілія*, *Ілья*; *Сцяпан*; *Часлаў*; *Альжбета*, *Лізавета*; *Аўдоцыя*, *Еўдакія* і г.д. [3];

Аляксій, *Аляксей*; *Матфей*, *Матфій*, *Матэвуш*, *Мацвей*, *Мацвій*; *Ілій*, *Ілія*, *Ілля*, *Ілья*; *Стэфан*, *Сцяпан*, *Сцяфан*; *Часлаў* і *Чэслаў*; *Альжбета*, *Елізавета*, *Елісавета*, *Лізавета*; *Аўдоцыя*, *Еўдакія*, *Еўдакія* і г.д. [4].

Па-другое, пашырэнне афіцыйнага нацыянальнага беларускага антрапанімікона за кошт новых імён патрабуе іх дакладнай арфаграфічнай фіксацыі ў адпаведнасці з правапіснымі нормаў сучаснай беларускай мовы: *Аляксе'й*, *Аляксі'й*, але *Але'ксі́й*; *Часла'ў*, але *Чэ'слаў*; *Елізаве'та*, але *Яле'на*, *Яўге'нія*; *Стэ'фан*, але *Сцяфа'н*, *Стафа'нія*.

Па-трэцяе, асобную праблему з пункту гледжання сучаснай афіцыйнай іменаслоўнай практыкі ўяўляе суадноснасць склонавых форм і імён па бацьку, утвораных ад варыянтных асабовых мужчынскіх імён:

Арце́ма → *Арце́мы*, *Арце́му*, *Арце́му*, *Арце́мам*, *Арце́му*; *Арце́мавіч*, *Арце́маўна*

Арце́м → *Арце́ма*, *Арце́му*, *Арце́ма*, *Арце́мам*, *Арце́му*; *Арце́мавіч*, *Арце́маўна*

Арце́мій → *Арце́мія*, *Арце́мію*, *Арце́мія*, *Арце́міем*, *Арце́мію*; *Арце́м'евіч*, *Арце́м'еўна*

Ілі́й → *Ілі́я*, *Ілі́ю*, *Ілі́я*, *Ілі́ем*, *Ілі́ю*; *Ілі́евіч*, *Ілі́еўна*

Ілі́я → *Ілі́і*, *Ілі́ю*, *Ілі́ю*, *Ілі́ем*, *Ілі́ю*; *Ілі́евіч*, *Ілі́еўна*

Іллі́я → *Іллі́і*, *Іллі́ю*, *Іллі́ю*, *Іллі́ей*, *Іллі́ю*; *Іллі́ч*, *Іллі́нічна*

Ільі́я → *Ільі́і*, *Ільі́ю*, *Ільі́ю*, *Ільі́ей*, *Ільі́ю*; *Ільі́ч*, *Ільі́нічна*

Кіры́л → *Кіры́ла*, *Кіры́лу*, *Кіры́лу*, *Кіры́лам*, *Кіры́лу*; *Кіры́лавіч*, *Кіры́лаўна*

Кіры́ла → *Кіры́лы*, *Кіры́лу*, *Кіры́лу*, *Кіры́лам*, *Кіры́лу*; *Кіры́лавіч*, *Кіры́лаўна*

Маце́й → *Маце́я*, *Маце́ю*, *Маце́я*, *Маце́ем*, *Маце́ю*; *Маце́евіч*, *Маце́еўна*

Мацве́й → *Мацве́я*, *Мацве́ю*, *Мацве́я*, *Мацве́ем*, *Мацве́ю*; *Мацве́евіч*, *Мацве́еўна*

Мацві́й → *Мацві́я*, *Мацві́ю*, *Мацві́я*, *Мацві́ем*, *Мацві́ю*; *Мацві́евіч*, *Мацві́еўна*

Матфе́й → *Матфе́я*, *Матфе́ю*, *Матфе́я*, *Матфе́ем*, *Матфе́ю*; *Матфе́евіч*, *Матфе́еўна*

Матфій → *Матфія, Матфію, Матфія, Матфіем, Матфію; Матфіевіч, Матфіеўна*

Матэвуш → *Матэвуша, Матэвушу, Матэвуша, Матэвушам, Матэвушу; Матэвушавіч, Матэвушаўна*

Па-чацвёртае, асаблівай увагі патрабуе і дакладнасць перадачы ў дакументах варыянтных беларускіх імён (імён па бацьку) па-руску, а таксама сродкамі лацінскага алфавіта. Напрыклад, бел. *Аляксандр (Аляксандравіч, Аляксандраўна)* – рус. *Александр (Александрович, Александровна)*, бел. *Алесь (Алесевіч, Алесеўна)* – рус. *Алесь (Алесевич, Алесевна)*; бел. *Ілля (Ілліч, Іллінічна)* – рус. *Илья (Ильич, Ильинична)*, бел. *Ілія (Іліевіч, Іліеўна)* – рус. *Илий (Илиевич, Илиевна)*.

Такім чынам, на сённяшні дзень актуальнай з’яўляецца праблема поўнага апісання сістэмы беларускага антрапанімікона з улікам нацыянальна-культурнай традыцыі і двухмоўнай іменаслоўнай практыкі.

Літаратура

1. Беларуская анамастыка. Гісторыя і сучаснасць : Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі (Мінск, 20 красавіка 2010 г.) / Інстытут мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы НАН Беларусі. – Мінск : Права і эканоміка, 2010. – 314 с.
2. Слоўнік асабовых уласных імён / уклад. М.Р. Суднік; навук. рэд. А.А. Лукашанец. – 2-е выд., выпр. і дапрац. – Мн.: Беларуская навука, 2005. – 176 с.
3. Усціновіч, А.К. Слоўнік асабовых уласных імён / А.К. Усціновіч; навук. рэд. А.А. Лукашанец. – Мінск: Літаратура і мастацтва, 2011. – 240 с.
4. Завальнюк, У.М. Слоўнік асабовых уласных імён / У.М. Завальнюк, В.К. Раманцэвіч; пад агул. рэд. А.А. Лукашанца. – Мінск: Народная асвета, 2017. – 286 с.
5. Лукашанец, Аляксандр. Асабовыя імёны-дэмінітывы ў сучаснай беларускай мове: сістэма і функцыянаванне / Аляксандр Лукашанец // *Manjšalnice v slovanskih jezikih: oblika in vloga / uredila, editor Irena Stramljič Breznik. – V Mariboru / Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in kyjževnosri, Filozofska fakulteta*, 2015. – S. 197 – 209.

Паступіў у рэдакцыю 18.01.2018 г.

УДК 811.161.1'373.21(043)

Экклезионимика как наука: предмет, история, перспективы развития

Лукина О.А.

Учреждение образования «Полоцкий государственный университет», Полоцк

В статье дана первая попытка выделения науки, изучающей наименования мест совершения обряда, поклонения какой-либо религии, — экклезионимики. Определяется предмет данной области знания, исследуется история становления экклезионимики, намечаются перспективы её дальнейшего изучения. Примеры приводятся из системы названий культовых объектов Республики Беларусь.

Цель статьи состоит в выявлении особенностей науки об именах собственных религиозных объектов — экклезионимики.

Материал и методы. Материалом исследования являются экклезионимы Республики Беларусь. В статье используются методы языковой атрибуции собранного материала, описательный, сравнительно-сопоставительный, элементы статистического анализа.

Результаты и их обсуждение. Экклезионимика как наука об именах собственных мест совершения обряда является новой отраслью знания. По своей структуре экклезионимы представлены в большинстве своём сложными словосочетаниями с разными отношениями между словами. Поликомпонентность официальных наименований культовых сооружений во многом объясняется тем, что в их состав входят также многочисленные образования других ономастических разрядов, в т.ч. названия святых, праздников, икон, что отличает данный вид онимов от остальных топонимов. Значение экклезионима соотносится с понятием «сакральное место», а также включает в свой состав лексический фон, отражающий характерные черты, всё, что связано с конкретным носителем имени собственного. Основным принципом номинации культовых сооружений является принцип номинации культового объекта по связи с человеком (святым).

Заключение. Итак, начало XXI в. ознаменовано появлением новой ономастической науки — экклезионимики, изучающей наименования культовых объектов. Интерес к данной области знаний на постсоветском пространстве обусловлен изменением отношения к религиозной жизни общества и, как результат, вниманием к языковым единицам, называющим места совершения обряда.

Ключевые слова: экклезионимика, экклезионим, номинация, ономастика.

(Ученые записки. — 2018. — Том 25. — С. 143–147)

Ecclesionymics as a Science: Subject, History, Prospects of Development

Lukina O.A.

Educational Establishment "Polotsk State University", Polotsk

The article gives the first attempt to identify the science that studies the names of the places where the ritual was performed, the worship of a religion, — ecclesionymics. The subject of this field of knowledge is determined, the history of the formation of ecclesionymics is studied, and prospects for its further study are outlined. Examples are given from the system of names of religious objects of the Republic of Belarus.

The purpose of the article is to identify the features of the science of the names of their own religious objects - ecclesionymics.

Material and methods. The material of the study is the ecclesionyms of the Republic of Belarus. The article uses methods of linguistic attribution of collected material, descriptive, comparative, elements of statistical analysis.

Findings and their discussion. Ecclesionymics as a science about the names of its own places of ritual is a new branch of knowledge. By their structure, ecclesionyms are represented in the majority by complex phrases with different relations between words. The polycomponent character of the official names of the religious buildings is largely explained by the fact that they also include numerous formations of other onomastic categories, including names of saints, holidays, icons, which distinguishes this kind of onym from other toponyms. The meaning of the ecclesionyms corresponds with the concept of "sacred place", and also includes in its composition a lexical background reflecting characteristic features, everything that is associated with a specific bearer of the proper name. The main principle of the nomination of religious buildings is the principle of nomination of a cult object for communication with a person (saints).

Conclusion. So, the beginning of the XXI century is marked by the emergence of a new onomastic science - ecclesionymics which studies the names of cult objects. Interest in this field of knowledge in the post-Soviet space is due to a change in attitude towards the religious life of society and, as a result, attention to linguistic units that call places of ritual.

Key words: ecclesionymics, ecclesionym, nomination, onomastics.

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 25. — P. 143–147)

Конец XX – начало XXI вв. ознаменовали становление новой ономастической науки, изучающей имена собственные религиозных объектов. Данную область знания считаем целесообразным назвать экклезионимикой – наукой об экклезионимах (по аналогии с топонимикой – наукой о топонимах, антропонимикой – наукой об антропонимах, урбанонимикой – наукой об урбанонимах и т.п.).

Цель данной работы – выявление предмета, истории и перспектив развития экклезионимики как науки о наименованиях культовых объектов.

В последнее десятилетие начали появляться исследования, посвящённые проблеме изучения наименований православных культовых сооружений. В 2008 г. в Самаре была защищена кандидатская диссертация «Содержательное и структурное своеобразие русских экклезионимов в типологическом аспекте» Е.П. Ариной. Православная лексика в целом и наименования культовых сооружений в частности стали объектом исследования в многочисленных статьях и докторской диссертации И.В. Бугаевой. Дефиниция экклезионима впервые предложена Н.В. Подольской. Вопрос о положении наименований культовых сооружений в общей ономастической системе был затронут А.В. Суперанской и А.М. Мезенко.

Материал и методы. Материалом исследования являются экклезионимы Республики Беларусь. В статье используются методы языковой атрибуции собранного материала, описательный, сравнительно-сопоставительный, элементы статистического анализа.

Результаты и их обсуждение. Предметом исследования в экклезионимике являются:

- 1) структурные типы и модели наименований мест совершения обряда;
- 2) мотивы номинации религиозных объектов;
- 3) специфика распространения экклезионимов;
- 4) культурная информация, закодированная в названиях культовых сооружений.

В структурном отношении экклезионимы представляют собой поликомпонентные образования, включающие материально выраженный номенклатурный термин, или географический апеллятив (*церковь, костёл, храм, монастырь, синагога, мечеть* и др.), и проприальную часть (*Святого Николая, «Благодать»* и т.д.). Номенклатурный термин может состоять как из одного слова, так и представлять собой словосочетание (простое и сложное). Проприальная часть содержит онимы и онимизированную апеллятивную лексику.

Итак, по своей структуре экклезионимы являются в большинстве своём сложными словосочетаниями с разными отношениями между

словами. Поликомпонентность официальных наименований культовых сооружений во многом объясняется тем, что в их состав входят также многочисленные образования других ономастических разрядов, в т.ч. названия святых, праздников, икон, что отличает данный вид онимов от остальных топонимов.

Значение экклезионима соотносится с понятием «сакральное место», а также включает в свой состав лексический фон, отражающий характерные черты, всё, что связано с конкретным носителем имени собственного. Основным принципом номинации культовых сооружений является принцип номинации культового объекта по связи с человеком (святым). Однако, в отличие от топонимов, это должен быть обязательно святой, канонизированный соответствующей церковью.

Экклезионимы – разновидность урбанонимов / виконимов, т.к. они являются названиями внутригородских / внутрисельских объектов и имеют схожую с другими урбанонимами и виконимами структуру и принципы номинации. При этом, обладая специфическим объектом номинации, экклезионимы характеризуются следующими отличительными особенностями: а) искусственным характером номинации; б) прозрачностью мотивации; в) наличием культурно-исторических ассоциаций, связанных с функцией сакрализации пространства; г) стилистической маркированностью.

Распределение экклезионимов на карте страны отражает как исторические процессы, происходящие на данной территории, так и религиозную политику современности.

Для религиозной ментальности основополагающими являются концепты «Бог» и «вера», которые объединяют людей в разные вероисповедания. Далее в каждой религии выделяются собственные концепты, отражающие особенности того или иного вероучения. Так, в концептосфере православия выделяются ядерные («Бог»), околождерные («церковь», «любовь», «милость», «благодать», «спасение» и др.) и периферийные («послушание», «смирение», «раб Божий», «покаяние» и т.д.) единицы. Анализ католической и протестантской экклезионимии позволяет сделать вывод, с одной стороны, о схожести католической и протестантской концептосфер с православной, а с другой – о наличии своих собственных ядерных концептов. Для католиков важными являются концепты «монашеский орден», «костёл», «каплица» и др., для протестантов – «слово», «дом молитвы» и др.

Особенности семантики экклезионима позволяют рассматривать его как лингвокультуру, кодирующую информацию: а) о религиозных предпочтениях представителей разных конфессий и культуре белорусского народа в целом;

б) о месте расположения культового объекта, его конфессиональной и функциональной принадлежности.

Помимо функций, сближающих экклезионимы с другими разрядами собственной и нарицательной лексики, наименования культовых объектов обладают ещё ярко выраженными меморативной и информационной функциями. Меморативная функция находит отражение в прозрачности внутренней формы экклезионимов, мотивированности её сакральным смыслом. Информационность экклезионима определяется тем, что название храма во многом определяет круг прихожан. Во-первых, верующий идёт в храм с определённым названием, то есть выбор церкви, костёла зависит от того, в помощи и покровительстве какого святого нуждается человек. Во-вторых, церковь – выражение определённой идеи, общественная организация, занимающаяся также светской деятельностью, воспитанием, образованием, организацией досуга прихожан. Особенно это актуально для домов молитвы протестантов.

История экклезионимики. Своеобразие наименований культовых сооружений отметила в 1973 г. А.В. Суперанская, которая писала: «Особую категорию имён с комплексными объектами представляют названия церквей, монастырей, часовен, алтарей. Они не могут быть включены ни в урбанонимию, ни в наименования коллективов или праздников из-за изменчивости границ своего применения. Они обозначают или обозначали не только здания, в которых располагается церковь или монастырь, но в определённые эпохи относились к людям, живущим или служащим там, и к крестьянам деревень, приписанным к монастырям, и к землям, приписанным монастырям. Ввиду комплексности обозначаемого объекта названия этого типа в своём последующем развитии становились основами и топонимов, и антропонимов» [1, с.196].

В 1978 г. в словаре Н.В. Подольской впервые появляется термин *экклезионим* и его дефиниция: это «собственное имя места совершения обряда, места поклонения любой религии; в том числе название церкви, часовни, креста, монастыря» [2, с. 149].

Длительное время спорным в научной литературе оставался вопрос о правомерности включения наименований культовых сооружений в урбанонимное пространство. С точки зрения А.М. Мезенко, высказанной в работе 1991 г. «Урбанонимия Белоруссии», «поскольку названия церквей, костёлов, монастырей, часовен и других мест совершения обряда являются собственными названиями внутригородских объектов, они должны рассматриваться как вид урбанонимов» [3].

Данный тип онимов имеет подобные другим разновидностям урбанонимов структурные и семантические типы. Так, структура названия культового сооружения, как и наименования внутригородского объекта, всегда поликомпонентна и состоит из номенклатурного термина и проприальной части. Отношения между номенклатурным термином и проприальной частью экклезионима повторяют отношения между номенклатурным термином и проприальной частью урбанонима (генитивный, атрибутивный, номинативный простой и сложный типы).

Что касается принципов номинации внутригородских объектов (по отношению к другим объектам, по связи с человеком как социосубъектом, по их свойствам и качествам, по связи с абстрактным понятием), то три из них нашли отражение в назывании культовых сооружений.

В наименованиях православных и католических мест совершения обряда нашла связь внутригородского объекта с именем Бога, Пресвятой Девы Марии, а также лиц, причисленных к лику святых; с главными христианскими праздниками и иконами. Принцип номинации внутригородского объекта по отношению к другим объектам отражён в названиях иудаистских и мусульманских храмов (*Быховская синагога*), а принцип номинации внутригородского объекта по связи с абстрактным понятием – в протестантской экклезионимии (*церковь христиан веры евангельской «Благодать»*).

Всё вышесказанное позволяет считать названия культовых сооружений особой разновидностью наименований внутригородских объектов.

Активно изучается религиозная лексика в работах С.В. Булавиной, И.А. Королевой, И.В. Бугаевой, Р.И. Горюшиной и др.

Анализируется топонимическая лексика, входящая к названиям церквей, в трудах таких учёных, как В.Н. Топоров, В.П. Нерознак, М.В. Горбаневский, В.И. Супрун, Е.М. Верещагин, Н.М. Теребихин, А.А. Минкин, И.И. Муллонен, В.Я. Дерягин, Е.Л. Березович, И.В. Бугаева и др.

Продолжается работа по составлению сборников названий храмовых построек. Предпринимаются попытки этимологического описания номинаций церквей и монастырей различных регионов.

Экклезионимам Москвы посвящена книга Е.Ю. Бурак, Т.Ф. Сапроновой, Г.П. Смолицкой «Названия московских храмов» [4].

В статье Н.В. Подольской «Консервация древних названий урочищ Москвы в именованиях других объектов» большое место отводится экклезионимам, способам их образования и исторической информации, которая содержится в них.

Анализируется лексика, легшая в основу экклезионимов. Именам святых посвятили свои

исследования В.И. Супрун, Б.А. Успенский, А.В. Юдин, названиям икон – З. Тростерова, Л.Д. Самохвалова.

Е.П. Ариной защищена диссертация, в которой рассматриваются русские православные экклезионимы в типологическом аспекте. В данной работе систематизирован и проанализирован фактический материал (православные экклезионимы и образованные от них топонимы) с позиций культурно-исторического и типологического подходов; выявлены основные семантические особенности экклезионимов; произведён анализ структуры названий культовых сооружений; определено место экклезионимов в общей ономастической системе русского языка; установлены особенности функционирования наименований мест совершения обряда в языке и речи; проведён сопоставительный анализ русских и иноязычных экклезионимов с целью выявления специфики русских именований на фоне названий, используемых в других языках и культурах [5].

Ономастическая лексика, связанная с православием, активно анализируется в работах И.В. Бугаевой. Ею рассмотрены такие вопросы, как религиозная коммуникация, отражение ментальности в географических названиях, структура сакрального ономастикона, обозначения святости в ономастическом пространстве русского языка и др.

Историко-лингвистическому анализу проприальных единиц, номинирующих православные культовые сооружения, и их художественной характеристике в творчестве А.С. Пушкина посвящена работа Л.Н. Гуковой и Л.Ф. Фоминой «Индивидуально-авторская характеристика экклезионимов в творчестве А.С. Пушкина». Целью данной статьи стало выявление авторского, личностного отношения и восприятия указанных объектов через рассмотрение характеризующих определений как средства создания художественного эффекта.

В 2012 г. автором была защищена кандидатская диссертация «Экклезионимия Беларуси: структурный, номинативный, лингвогеографический аспекты» [6], в 2014 г. написана монография «Экклезионимное пространство Беларуси» [7]. В них впервые на материале экклезионимии Беларуси установлен комплекс признаков, отличающих экклезионимы как отдельный вид урбанонимов / виконимов от других разрядов онимов; определены структурные особенности экклезионимов разной конфессиональной принадлежности; выявлены доминирующие принципы номинации для католических, греко-католических, старообрядческих, протестантских, иудейских, мусульманских культовых сооружений Беларуси; определены особенности экклезионимов Беларуси, обусловленные их географическим

расположением, установлены лингвокультурологические особенности экклезионимов Беларуси.

Исследованию экклезионимов в летописях посвящена статья украинского учёного Е.С. Синенко «О наименовании церквей в летописях XII – XVII веков». Как отмечено в работе, для обозначения церквей в летописях используются отагионимные, отхрононимные, отартионимные, отапельлятивные и оттопонимные экклезионимы. Все указанные виды онимов имеют свои структурные и морфолого-синтаксические особенности. Основная экклезионимная база сформирована уже к XII в. Это были именные отагионимные, отгеонимные и отэртонимные экклезионимы. Итак, объектом исследования Е.С. Синенко являются экклезионимы в историческом аспекте.

В 2014 г. появилась статья А.Ю. Асанова «Экклезионимы на карте современного города Тамбова», в которой на материале тамбовского городского ономастикона осмыслена категория экклезионимов как результат длительной целенаправленной историко-культурной и языковой деятельности человека. Автор доказывает, что рассмотрение наименований культовых объектов необходимо в процессе их развития и изменения с учётом экстралингвистических и региональных факторов.

Экклезионимы в смоленской неофициальной топонимике стали объектом изучения в статье Д.В. Бутеева и В.Ю. Сергеева (2014). Названиям культовых сооружений отдельных городов России посвящены различные курсовые и дипломные проекты.

Перспективы развития. Экклезионимика как наука об именах собственных мест совершения обряда является новой отраслью знания. Перечисленные выше работы определили место наименований культовых объектов среди других классов онимов. Сделана попытка описания отдельных экклезионимиконов. Выявлены особенности структуры, номинации и распространения экклезионимов. Однако существует ряд не решённых ещё вопросов.

1. Отсутствуют лингвистические словари экклезионимов, отражающие особенности орфографического оформления экклезионимов. Это приводит к различным вариантам одного и того же названия.

2. С точки зрения лингвистики нет описания экклезионимиконов многих стран мира. Наименования религиозных сооружений становятся объектом изучения историков, религиоведов, архитекторов, но не филологов.

3. Интересным, на наш взгляд, было бы исследование экклезионимов, относящихся к нехристианским конфессиям.

4. Почти отсутствуют работы, посвящённые диахроническому описанию экклезионимов.

Заключение. Итак, начало XXI в. ознаменовано появлением новой ономастической науки – экклезионимики, изучающей наименования культовых объектов. Интерес к данной области знаний на постсоветском пространстве обусловлен изменением отношения к религиозной жизни общества и, как результат, вниманием к языковым единицам, называющим места совершения обряда.

Литература

1. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская ; отв. ред. А. А. Реформатский. – 3-е изд., испр. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009. – 368 с.
2. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская ; отв. ред. А. В. Суперанская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1988. – 192 с.
3. Мезенко, А. М. Урбанонимия Белоруссии / А. М. Мезенко. – Минск : Университетское, 1991. – 167 с.
4. Бурак, Е. Ю. Названия московских храмов / Е. Ю. Бурак, Т. Ф. Сапронова, Г. П. Смолицкая ; под ред. Е. Ю. Бурак. – М. : Наука, 2006. – 160 с.
5. Аринина, Е. П. Содержательное и структурное своеобразие русских экклезионимов в типологическом аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. П. Аринина ; Самар. гос. ун-т. – Самара, 2008. – 19 с.
6. Борисевич, О. А. Экклезионимия Беларуси: структурный, номинативный, лингвогеографический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / О. А. Борисевич ; Вит. гос. ун-т. – Витебск, 2012. – 24 с.
7. Лукина, О. А. Экклезионимное пространство Беларуси : монография / О. А. Лукина. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2014. – 110 с.

Поступила в редакцию 18.01.2018 г.

УДК 811.161.1'373

Ономастическое пространство учебного макротекста: КОНСТАНТЫ И ПЕРЕМЕННЫЕ

Максимчук Н.А.*

**Смоленский государственный университет, Смоленск (Россия)*

Голубничая А.В.**

***Военная академия войсковой противовоздушной обороны Вооружённых Сил Российской Федерации имени Маршала Советского Союза А.М. Василевского, Смоленск (Россия)*

В статье рассматривается проблема определения постоянных и переменных единиц национальной картины мира в рамках её ономастического фрагмента.

Цель работы состоит в исследовании структуры ономастической составляющей русской языковой картины мира в динамическом аспекте.

Материал и методы. Материалом исследования послужили нормативно-научные тексты основных учебников русского языка XIX — начала XXI вв. (12 книг общим объёмом 8527 страниц), рассматриваемые в совокупности как учебный (нормативно-научный) макротекст. Для выявления ономастического наполнения учебного макротекста использовался метод сплошной выборки. При изучении и описании полученного материала применялись элементы статистического метода, сопоставительный анализ, классификационный метод, полевой подход.

Результаты и их обсуждение. Важнейшим содержательным и структурным элементом языковой картины мира, носителем обширной и многоплановой культурной информации является имя собственное. Изучение состава собственных имён, характеризующих картину мира, в диахроническом аспекте позволяет воссоздать историю формирования языковой личности как обобщённого лингвокультурного феномена, существующего не только в пространстве, но и во времени. Одним из объективных источников сведений о динамике структуры ономастического фрагмента русской картины мира двух последних веков можно считать учебную литературу. Результаты исследования, полученные в ходе анализа ономастического наполнения макротекста учебников русского языка XIX — начала XXI вв., позволяют сопоставить ономастические константы и переменные в русской картине мира указанного периода. Применение полевого подхода к структурированию ономастического материала выявляет ядро данного фрагмента картины мира (ономастические константы), обеспечивающее культурно-историческую преемственность поколений.

Заключение. Имя собственное как знак культуры занимает важное место в системе знания о мире, играет значимую роль в формировании мировоззрения и мировосприятия языковой личности. Изменения состава ключевых имён в структуре картины мира, происходящие в результате культурно-исторического, общественно-политического развития и т.п., отражаются в учебниках, представляющих общеобязательное (с точки зрения данной эпохи) знание. Анализ учебных макротекстов разных эпох может служить объективным инструментом исследования структуры языковой личности в динамическом аспекте.

Ключевые слова: имя собственное, учебный макротекст, нормативно-научный текст, картина мира, ономастическое пространство, статика, динамика.

(Ученые записки. — 2018. — Том 25. — С. 148–154)

Onomastic Space of an Academic Marcotext: Constants and Variables

Maksimchuk N.A.*

**Smolensk State University, Smolensk (Russia)*

Golubnichaya A.W.**

***Army Air Defense Military Academy of the Russian Federation
named after Marshall of the Soviet Union A.M. Vasilevsky, Smolensk (Russia)*

The article deals with the problem of determining the constant and variable units of the national picture of the world within the framework of its onomastic fragment.

The aim of the work is to study the structure of the onomastic component of the Russian language picture of the world in a dynamic aspect.

Material and methods. The material of the research was the normative and scientific texts of the main Russian language textbooks of the 19th and early 21st centuries (12 books with a total volume of 8527 pages), which are considered in the aggregate as an educational (normative-scientific) macrotext. To determine the onomastic filling of the educational macrotext, the method of continuous sampling was used. When studying and describing the material obtained, the elements of the statistical method, comparative analysis, classification method, field approach were applied.

Findings and their discussion. The most important content and structural element of the linguistic picture of the world, the bearer of extensive and multifaceted cultural information is the proper name. The study of the composition of proper names that characterize the world picture, in the diachronic aspect, allows us to recreate the history of the formation of the linguistic personality as a generalized linguocultural phenomenon that exists not only in space but also in time. Academic literature can be considered one of the objective sources of information about the dynamics of the structure of the onomastic fragment of the Russian picture of the world in the last two centuries. The research findings, obtained during the analysis of the onomastic filling of the macrotext of the Russian language textbooks of the 19th and early 21st centuries, allow one to compare onomastic constants and variables in the Russian world picture of the period. The application of the field approach to the structuring of onomastic material reveals the core of this fragment of the world picture (onomastic constants), which ensures the cultural and historical continuity of generations.

Conclusion. The proper name as a sign of culture occupies an important place in the system of knowledge about the world, plays an important role in shaping the worldview and perception of the language personality. Changes in the composition of key names in the structure of the picture of the world, resulting from cultural, historical, socio-political development, etc., are reflected in textbooks that are generally compulsory (from the point of view of this era) knowledge. Analysis of academic macrotexts of different epochs can serve as an objective tool for studying the structure of a linguistic personality in a dynamic aspect.

Key words: proper name, academic macrotext, normative scientific text, world view, onomastic space, statics, dynamics

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 25. — P. 148–154)

В актуальной для современной лингвистики проблеме изучения и описания картины мира русской языковой личности, находящейся в центре внимания исследователей уже несколько десятилетий (Н.Д. Арутюнова, Г.А. Брутян, А. Вежбицкая, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, В.В. Воробьёв, В.И. Карасик, В.А. Маслова, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия, Н.И. Толстой, В.Н. Топоров и др.), на фоне многих аспектов, получивших объёмную теоретическую разработку и развёрнутые прикладные решения, существует немало вопросов, пока ещё находящихся в относительной тени. Так, можно отметить, что в большинстве случаев эта проблема рассматривается в статике, в рамках определённого временного отрезка, отдельной языковой личности. В то же время несомненный интерес для исследования представляет изучение этой проблемы в динамике, в диахроническом аспекте, что позволяет воссоздать историю формирования как отдельной, конкретной языковой личности, так и языковой личности как обобщённого лингвокультурного феномена, существующего не только в пространстве, но и во времени.

Рассматриваемый подход основывается на следующих положениях. В когнитивном аспекте между понятиями *языковая личность* и *картина мира языковой личности* можно (с понятными допущениями) поставить знак тождества. Это положение основывается на том, что, с одной стороны, основное содержание картины мира составляют *знания* о мире, зафиксированные языковыми средствами. С другой стороны, знание рассматривается как важнейшая личностнообра-

зующая категория: определяющие характеристики личности обуславливаются знанием. Таким образом, сопоставительное изучение содержания картины мира народа-носителя языка на разных этапах его исторического развития позволит получить информацию об эволюции национальной языковой личности.

Способом характеристики языковой личности в динамическом аспекте будет проведение сопоставительных исследований, которые могут осуществляться в двух плоскостях: на уровне картины мира отдельной личности и на уровне знаниевого ядра картины мира (*общеобязательного знания*) в определённые исторические отрезки.

Для определения динамики и характера изменений в структуре картины мира языковой личности *нормативно-научного фрагмента* общеобязательных знаний в качестве источника достоверной информации могут быть привлечены так называемые *нормативно-научные тексты*, то есть тексты разного рода учебной литературы, специально созданные и одобренные обществом, для представления знания, квалифицируемого в данном обществе и в данное время как *общеобязательные*.

Важнейшим содержательным и структурным элементом языковой картины мира является имя собственное, что позволяет исследователям выделять как самостоятельный объект изучения ономастический фрагмент картины мира и даже говорить об *ономастической картине мира*.

Цель работы состоит в сопоставительном анализе ономастического пространства учебного макротекста для выявления его ономастических констант и переменных, что позволит рассмотреть

структуру ономастической составляющей русской языковой картины мира в динамическом аспекте.

Материал и методы. В качестве материала исследования были выбраны учебники русского XX – начала XXI вв.: XIX в. (К.С. Аксаков – 176 с., Ф.И. Буслаев – 468 с., А.Х. Востоков – 157 с., В.И. Классовский – 432 с., общее количество 1233 с.) [1; 2; 3; 4]; 1-й пол. XX в. (А.В. Миртов – 115 с., Д.Н. Ушаков и др. – 117 с., Р. И. Аванесов – 143 с., общее количество 275 с.) [5; 6]; учебники середины XX в. (В. Ф. Греков, С.Е. Крючков – 229 с., С.Е. Крючков, Л.А. Чешко – 329 с., общее количество 558 с.) [7; 8], конец XX – начало XXI вв.: учебный комплекс Т.А. Ладыженской (5 класс – 319 с.; 6 класс – 223 с.; 7 класс – 191 с.; 8 класс – 191 с.; 9 класс – 144 с., общее количество 1068 с.), учебный комплекс В.В. Бабайцевой (5-11 классы – 432 с.; 5 класс – 320 с.; 6-7 классы – 320 с.; 8-9 классы – 272 с.; 10-11 классы – 447 с., общее количество 1791 с.), учебный комплекс М.М. Разумовской (5 класс – 304 с.; 6 класс – 368 с.; 7 класс – 320 с.; 8 класс – 272 с.; 9 класс – 272 с., общее количество 1536 с.) – 24 учебника (общее количество 6461 с.) [9; 10; 11].

Выбор учебников русского языка в качестве источника исследования может быть обоснован следующим образом. Во-первых, несмотря на очевидную специфику в сравнении другими учебными книгами, учебники русского языка отражают *общеобязательное научное знание* [12], являющееся объектом усвоения в процессе получения образования и, следовательно, инструментом социализации, т. е. полноценного включения индивида в соответствующую социальную среду. Во-вторых, тексты этих учебников в полной мере соответствуют определению *нормативно-научные*, т. е. они созданы или отобраны с учётом запросов общества [13]. Наконец, самым важным аргументом является метапредметная роль языка, роль основного инструмента формирования, накопления, хранения и передачи знаний, в связи с чем (в том числе) учебники русского языка могут включать информацию (и, следовательно, имена собственные) о самых разных сферах жизни, науки, культуры, истории, географии и т.д.

Решение исследовательской задачи включает нескольких этапов и предполагает использование различных исследовательских методов. На первом этапе путём применения метода сплошной выборки был определён массив имён собственных (с учётом употреблений), образующих ономастическое пространство исследуемого учебного макротекста. Методом статистического анализа были выделены две группы онимов: повторяющиеся имена собственные, т. е. те, которые встречаются в текстах учебников не менее двух раз, и единичные. Следует сказать, что единичные имена собственные составляют больше

половины всех употреблений (55,6% – количество единичных употреблений, 44,4% – количество повторяющихся ИС).

Результаты и их обсуждение. Языковая картина мира во всей её полноте может быть представлена как *полевая структура* (поле в данном случае рассматривается как совокупность содержательных единиц, покрывающая определённую область человеческого опыта, «частичка действительности» [14: 334]), организуемая совокупностью множества *индивидуальных картин мира*, общее количество которых будет равно числу носителей данного языка (языковых личностей). В рамках полевой структуры правомерно говорить о выделении *ядра* языковой картины мира, которое может быть получено условным совмещением всех её вариантов (индивидуальных, региональных, профессиональных и т.п.). Именно ядро ЯКМ является основанием, организующим то культурно-языковое и ментальное пространство, которое принято рассматривать как источник и фундамент культурно-национальной, этнической идентичности.

Содержание ядра ЯКМ составляет закреплённое в единицах языка *знание*, отражающее особенности национального мировидения и мировосприятия и в своём когнитивном статусе квалифицируемое как *общеобязательное*. Однако, с точки зрения диахронии, общеобязательное знание неоднородно, и в самом ядре могут быть выделены, как минимум, два концентрира. В первый войдут ключевые, глубинные, базовые знания, своего рода инварианты. Переходя из эпохи в эпоху, он сохраняется и обеспечивает ту общность взглядов носителей языка на окружающий мир в его природном и социальном бытовании, ту преемственность культурных, нравственных, мировоззренческих и т.п. установок, существование которых и позволяет сохранять единство народа на протяжении веков и тысячелетий его истории.

Знания, составляющие следующий концентр ядра, также общезначимы, но их значимость ограничивается конкретной эпохой, в которой они возникают как результат движения истории, развития общества и культуры (как подчёркивал Л. Вайсгербер, языковая картина мира, как любой «живой организм», подвержена изменениям, и, следовательно, в вертикальном (диахроническом) смысле она в каждый последующий период развития отчасти нетождественна сама себе [15]). Очевидно, что историческая судьба знаний этого концентрира различна: они могут закрепиться в инварианте или уйти в периферию. Причины, влияющие на эти процессы, могут лежать на поверхности (например, смена исторических, общественных, экономических формаций, события общезначимого или регионального масштаба и т.д.) или быть скрытыми, связанными с глубинными причинами

ментального свойства (исследование этих причин составляет отдельную проблему).

Охарактеризуем структуру ономастического наполнения учебников трёх выделенных эпох.

1. Учебники русского языка XIX века

Ономастическое поле текстов учебников русского языка XIX века насчитывает 3256 словоупотреблений. Количество повторяющихся ИС составляет большинство (2567), единичных – 698 (соотношение 79% к 21 % соответственно). Подчеркнём, что в современных комплексах другое соотношение, т. е. единичных онимов большинство. В ядро входят следующие имена:

Н.М. Карамзин – 168, «Слово о полку Игореве» – 73, *И.А. Крылов* – 63, *М.В. Ломоносов* – 46, *Россия* – 42, *Москва* – 41, *Новгород* – 39, *Игорь* – 37, *Христос / Иисус Христос* – 36, «Древние российские стихотворения» – 36, *Ипатьевский список* – 35, *А.С. Пушкин* – 34, *Новгородская летопись* – 32, *Владимир* – 30, «История Государства Российского» – 30, *В.А. Жуковский* – 30.

Сравнив все ИС в учебных книгах XIX в. с целью выделения и анализа общего ядра онимов, получили следующие результаты.

Самыми частотными антропонимами в учебниках XIX в. являются имена историка и писателя *Н.М. Карамзина* (наиболее часто упоминание имени Карамзина непосредственно связано с подробным изучением его фундаментального сочинения «История государства российского»); первого русского учёного-энциклопедиста, поэта *М.В. Ломоносова*; поэта *А.С. Пушкина* – родоначальника новой русской литературы, создателя современного русского литературного языка (интересно, то в книгах *К.С. Аксакова* и *А.Х. Востокова* имя Пушкина не отмечено).

Кроме того, из антропонимов, входящих в общее ядро, отмечены имена царя-реформатора, первого российского императора *Петра Великого*, «величайшего русского поэта эпохи Просвещения» и государственного деятеля *Г.Р. Державина*.

Особое место среди описываемых ИС занимает народный лирико-эпический сборник «Древние российские стихотворения» *Кириши Данилова*.

Из топонимов общими для всех учебных книг являются *Россия / Русь, Москва, Новгород / Великий Новгород*. Несмотря на то, что *Москва* в XIX в. не являлась столицей Российской империи, именно она исторически была центром объединения русских земель, сердцем государства (отметим, что упоминание о Петербурге встречается реже, в основном в учебнике *Классовского*). Наряду с *Москвой* часто упоминается *Новгород / Великий Новгород* как один из древнейших русских городов. Новгород в истории нашей страны известен также как вечевая республика, существовавшая на территории средневековой Руси в XII-XV вв. Упоминание ещё об одном древней-

шем русском городе *Пскове* связано с тем, что он часто вставал на пути врагов, шедших с запада. Кроме того, в учебнике *Ф.И. Буслаева* часто упоминаются *Новгородская* и *Псковская летописи* как одни из древних источников об истории становления и развития русского государства.

Киев – первая столица древнерусского государства, «мать городов русских». Его упоминание в учебнике *Ф.И. Буслаева* часто связано с тем, что в нем многократно встречается имя легендарного древнерусского летописца *Нестора*. У *Ф.И. Буслаева* также неоднократно упоминается имя князя *Владимира* – крестителя Руси, канонизированного Русской Православной Церковью. С личностью князя *Владимира* связан, как считается, цивилизационный выбор, вектор развития русского государства. В трёх учебниках отмечен оним *Европа*.

Из названий рек в трёх учебниках упоминается *Волга* не только потому, что это великая русская река, крупнейшая в Европе, но и потому, что с ней связаны важнейшие события в истории российского государства.

Одной из ключевых составляющих частей общего ядра ИС являются онимы, принадлежащие религиозной сфере. В центре этой части онимов имя *Иисуса Христа*. Несомненно, поэтому в трёх учебниках упоминаются четыре канонических Евангелия и один из главных христианских праздников – *Рождество Христово*, а также имена прародителей человечества – *Адама* и *Евы*. Особое значение в ряду названных ИС имеет *Остромирово Евангелие* как главная христианская книга и древний историко-культурный памятник, созданный на старославянском языке. Религиозное воспитание имело определяющее значение в жизни общества, в частности школы, так как православие было государственной религией.

Анализ ядра онимов в учебниках XIX в. позволяет предположить, что такой отбор материала обусловлен не только потребностью изучать родной язык, поскольку родной язык, являясь объектом изучения, в то же время представляет собой важнейший инструмент познания отечественной истории и культуры.

2. Учебники русского языка XX века

Количество словоупотреблений ИС в учебниках XX века достигает 9243, из них единичных имён – 1249, повторяющихся 7994 (13,5% и 86,5 % соответственно).

Онимическое ядро в текстах учебников этого периода однородное, включает в себя только антропонимы – имена поэтов и писателей:

А.С. Пушкин – 534, *И.С. Тургенев* – 465, *А.П. Чехов* – 299, *М.Ю. Лермонтов* – 292, *М. Горький* – 288, *Л.Н. Толстой* – 218, *Н.В. Гоголь* – 148, *Н.А. Некрасов* – 144, *В. Арсеньев* – 141, *В.Г. Короленко* – 127, *И.А. Крылов* – 123,

Н. Островский – 117, А. Серафимович – 110, А. Фадеев – 110, И. Гончаров – 107.

В учебниках XX века самыми многочисленными группами ИС являются антропонимы – имена поэтов, писателей XIX и XX вв.: А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, Н.А. Некрасов, А.П. Чехов, А.Н. Толстой, М. Горький, Н. Островский, В. Маяковский, А. Фадеев, А. Серафимович, Б. Горбатов и др. В этой группе также представлены имена исторических деятелей, учёных, филологов, путешественников, композиторов, художников, философов и др. Здесь же встречаются имена теоретиков революции, революционеров, а также руководителей советского государства (В.И. Ленин, И.В. Сталин). Отметим, что имя И.В. Сталина не встречается в пособии, изданном в 1961 г., тогда как имя В.И. Ленина отмечено во всех учебниках русского языка.

С антропонимами непосредственно связаны две группы, содержащие большое количество ИС – названия литературных произведений и имена литературных героев (персонажей). Подчеркнём, что в учебниках русского языка XX века наряду с произведениями XIX в. использовались цитаты и небольшие отрывки из современной литературы. Впоследствии произведения некоторых писателей и поэтов, отмеченные, например, в учебнике А.В. Миртова, изданном в 20-е гг. (М. Цветаева, Б. Пильняк, А. Ремизов и др.), были исключены из школьной программы и возвращены в последние десятилетия XX века. С другой стороны, цитаты из произведений идеологической направленности (например, «Далеко от Москвы», «Кавалер Золотой Звезды» и т. п.), отмеченные в учебнике В.Ф. Грекова (1952), неоднозначно оцениваемые в дальнейшем с точки зрения описываемых событий в истории нашей страны, почти не встречаются в учебнике С.Е. Крючкова, изданном в 1961 г.

В учебниках русского языка XX века в сравнении с учебниками XIX века, кроме художественных текстов, впервые представлены цитаты и небольшие отрывки из публицистических и научно-популярных произведений.

Среди топонимов самыми частотными являются ИС, представляющие название некогда общей страны – СССР, Советский Союз, исторические – Россия, меньше Русь и Москва. В многообразии топонимов, выявленных в учебниках, отмечены многие географические названия огромной страны с севера на юг и с запада на восток.

В сравнении с учебниками XIX века увеличился состав групп ИС. В пособиях, изданных в XX веке, были выделены новые группы: эргонимы, космонимы (астронимы), зоонимы. Однако некоторые группы ИС не встречаются в учебниках XX века (религионимы, документонимы). В

связи с тем, что религиозное воспитание в школе было заменено идеологическим, важнейшее значение приобрели ИС, характеризующиеся как политонимы. Своего рода связующим звеном между учебниками XIX и XX вв. можно считать пособие А.В. Миртова «Живой язык в задачах и вопросах» (1926), т. к. в нём ещё встречаются некоторые ИС, относящиеся к религионимам (Бог / Христос / Иисус Христос) и документонимам (Новгородская летопись, «Духовная Ивана Калиты»), но уже присутствуют они, имеющие отношение к молодому советскому государству: новые топонимы – СССР, РСФСР, УССР; политонимы – НЭП, Чека, ВЦИК и др.

Отметим, что некоторые группы антропонимов не могли быть представлены в учебниках определённой эпохи (например, в учебниках XIX века не могло быть имён лётчиков, космонавтов, авиаконструкторов, революционеров, а также режиссёров, героев фильмов и т.п.). В силу уже упоминавшихся идеологических причин в учебниках XX века не были представлены имена религиозных деятелей.

3. Современные учебники русского языка

Наибольшее количество имён собственных выявлено в текстах современных комплексов по русскому языку. Общее число онимов – 4498, из них единичных – 2881, повторяющихся – 1617. Количество употреблений составляет 18220.

Ядро ономастического поля современных комплексов по русскому языку составляют следующие имена:

А.С. Пушкин – 1049, К.Г. Паустовский – 494, А.П. Чехов – 442, И.С. Тургенев – 409, М. Горький – 356, М.Ю. Лермонтов – 355, Л.Н. Толстой – 325, И.А. Бунин – 216, Н.В. Гоголь – 178, И.А. Крылов – 168, Москва – 162, С.А. Есенин – 161, Н.А. Некрасов – 156, А.И. Куприн – 135, Россия – 129, М. Пришвин – 115, А.Н. Толстой – 109, В. Арсеньев – 99, Ф.И. Тютчев – 97, С.Я. Маршак – 89, А. Блок – 87, В. Солоухин – 85, А.А. Фет – 85, И. Гончаров – 85, В. Короленко – 75, А. Твардовский – 74, М. Шолохов – 74, И. Соколов-Микитов – 66, Петя – 62, И. Никитин – 62, Волга – 60, К. Симонов – 59, А. Фадеев – 58, А. Гайдар – 57, В. Катаев – 57, А. Ахматова – 57, Миша – 56, Русь – 56, Земля – 56, Ф.М. Достоевский – 56, В. Белов – 52, С. Аксаков – 50, Серёжа – 47, В.Г. Белинский – 46, В. Маяковский – 46, В.И. Даль – 44.

Сопоставительный анализ ономастического наполнения нормативно-научных текстов трёх групп учебников показал, что в макротексте учебников русского языка насчитывается 6593 онима, из них 3665 единичных, 2928 повторяющихся. Общее количество всех словоупотреблений ИС составляет 30719. Для выявления ИС, составляющих общее ядро онимов макротекста учебников русского языка XIX–XXI вв., были сопоставлены

наиболее частотные онимы, выделенные в учебниках русского языка трёх периодов. Согласно проведённым расчётам в ядро ономастического поля входят ИС, количество которых составляет более 1% от общего числа повторяющихся ИС.

Центральная часть поля включает в себя имена, которые насчитывают менее 1% от всех повторяющихся онимов, но встречаются более одного раза. Необходимо подчеркнуть, что данная часть является наиболее многочисленной в современных учебниках. Однако в учебниках XIX и XX вв. большую часть составляют повторяющиеся онимы. В ономастическом поле макротекста учебников русского языка в целом соотношение единичных ИС и повторяющихся составляет 55,6 % и 44,4 % соответственно.

Ядро ономастического поля учебного макротекста составляют антропонимы, прежде всего имена поэтов и писателей:

А.С. Пушкин – 1617, И.С. Тургенев – 881, А.П. Чехов – 741, М.Ю. Лермонтов – 667, М. Горький – 644, Л.Н. Толстой – 544, К. Паустовский – 522, И.А. Крылов – 354, Н.В. Гоголь – 335, Н.А. Некрасов – 301.

Практически полное совпадение ИС (кроме трёх имён: *Н. Островский, А. Серафимович, И. А. Бунин*) выявлено в составе ономастического ядра учебников XX века и современных.

Меньше совпадений наблюдается при сравнении ядра ономастического поля учебников XIX и XX веков, а также XIX века и современных. Так, общими именами в ядре учебников XIX и XX вв. являются антропонимы *А.С. Пушкин, И.А. Крылов*, учебников XIX века и современных – антропонимы *А.С. Пушкин, И.А. Крылов*, топонимы *Москва, Россия*.

Абсолютными константами ономастического поля макротекста учебников русского языка являются имена *А.С. Пушкин, И.А. Крылов*.

Таким образом, ядро учебного макротекста *Русский язык* по своей структуре однородно – состоит только из антропонимов. Однако большую часть анализируемого ономастического пространства занимают ИС, примыкающие к ядру. Среди них топонимы *Москва* (264), *Россия* (196) / *Русь* (78), *Волга* (113), астроним *Земля* (74). Особая роль принадлежит ониму *Россия* как основному названию нашей страны наряду с таким именованием, как *Русь* (78) и современным *Российская Федерация* (17). Следует подчеркнуть, что именованья *СССР* (20), *Советский Союз* (19), встречающиеся только в текстах учебников XX века, даже в совокупности составляют менее половины от употреблений ИС *Россия* (25), который здесь выявлен. Оним *Волга* (113) – главная река, символизирующая нашу страну. Бескрайняя река создаёт образ необъятных российских просторов.

Из множества литературных произведений наибольшее количество упоминаний относится к «Слову о полку Игореве» (89) – одному из главных эпических произведений, созданных в средневековой Руси.

Отметим, что некоторые группы антропонимов не могли быть представлены в учебниках определённой эпохи (например, в учебниках XIX века не могло быть имён лётчиков, космонавтов, авиаконструкторов, революционеров, а также режиссёров, героев фильмов и т.п.). В силу уже упоминавшихся идеологических причин в учебниках XX века не могло быть выявлено имён религиозных деятелей.

Следует отметить, что и единичные онимы, входящие в периферийную часть массива ИС, могут заключать в себе интереснейшие сведения об эпохе, к которой относятся. Именно поэтому без описания единичных ИС, невозможно получить полное представление об ономастическом поле макротекста учебников русского языка.

Интересным, на наш взгляд, является то, что большая часть политонимов в текстах учебников русского языка – исторические, так как большинство их выявлено в учебниках XX века. Как известно, идеологическая составляющая была неотъемлемой частью жизни советского государства, поэтому такое разнообразие онимов данной группы представлено в текстах учебников XX века. Интересно, что в учебниках XIX века выявлен только один политоним – *Царская Дума*. Кроме того, в параграфе, посвящённом использованию большой буквы, есть ряд таких примеров, как *Правительство, Департамент, Княжество, Царство* и др.

В современных учебниках русского языка встречается несколько единичных политонимов: название политической партии – *Демроссия*, а также исторический политоним – *Советская власть* (как именование социального строя в Советском Союзе).

Таким образом, можно говорить об аполитичности текстов учебников XIX века и современных в сравнении с текстами учебников XX века.

Тесты учебников XIX века отражают религиозный характер школьного воспитания. В XX веке религиозное воспитание сменилось политическим, что нашло отражение в том числе и в большом количестве политонимов в текстах учебников русского языка. В текстах современных учебников оба разряда – религионимы и политонимы – занимают небольшое место среди других онимов.

Описывая весь массив единичных онимов, выявленных в текстах учебников русского языка, мы можем сделать вывод о том, что выявленные имена собственные не только являются важной составной частью общеобязательного знания,

но и играют важнейшую роль в создании общего культурного фона эпохи. Безусловно, что с данными именами собственными школьники могут более подробно познакомиться при изучении других учебных дисциплин. В учебниках русского языка встречаются тексты различных стилей и жанров. Именно благодаря тому, что в качестве иллюстративного материала в учебниках русского языка используются тексты многих учебных дисциплин (истории, географии, литературы, обществознания) можно определить одну из функций дисциплины «Русский язык» как комплексную в плане получения культурных, исторических и др. сведений.

Таким образом, формируется тот культурный фон, который является неотъемлемой характеристикой одной из сторон русской языковой личности.

Заключение. Имя собственное как знак культуры занимает важное место в системе общеобязательного знания, играет значимую роль в формировании мировоззрения и мировосприятия языковой личности, осуществляемого в процессе общего образования. Изменения состава ключевых имён в структуре картины мира, происходящие в результате культурно-исторического, общественно-политического развития и т.п., отражаются в школьных учебниках, представляющих общеобязательное (с точки зрения данной эпохи) научное знание. Анализ учебных макротекстов разных эпох может служить объективным инструментом исследования структуры языковой личности в динамическом аспекте, позволяет выделить постоянные и переменные элементы её ономастической составляющей.

Литература

1. Аксаков, К.С. Опыт Русской Грамматики. Часть I / К.С. Аксаков. – М., в типографии Л. Степановой, 1860. – 176 с.
2. Буслаев, Ф.И. О преподавании отечественного языка / Ф.И. Буслаев. – М., 1867.
3. Востоков, А.Х. Сокращённая русская грамматика (для употребления в заведениях Московского учебного округа) / А.Х. Востоков. – М., 1845. – 157 с.
4. Классовский, В.И. Русская грамматика. Третье, исп. издание / В.И. Классовский. Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа. – СПб. и Москва, 1865.
5. Миртов, А.В. Живой язык в задачах и вопросах. Учебное пособие для школ I и II ступени / А.В. Миртов. – Л., 1926.
6. Ушаков, Д.Н. Учебная книга по русскому языку. Ч. I. для первого и второго года обучения. Грамматика. Правописание. Произношение (для школ I ступени) / Д.Н. Ушаков, А.М. Смирнова, Н.Н. Щепетова. – М., 1928.
7. Крючков, С.Е. Грамматика и правописание. Пособие для 5-8 классов вечерней (сменной) средней общеобразовательной школы / С.Е. Крючков, Л.П. Федоренко, Л.А. Чешко. – М., 1949.
8. Греков, В.Ф. Пособие для занятий по русскому языку в старших классах средней школы / В.Ф. Греков, С.Е. Крючков, Л.А. Чешко. – М.: Просвещение, 1952. – 229 с.
9. Русский язык. Теория. 5-11 классы: Учебник для учебных заведений с углубл. изуч. рус. яз. / В.В. Бабайцева. – М.: Дрофа, 1998. – 432 с.
10. Русский язык: Учебник для 5 класса общеобразовательных заведений / Т.А. Ладыженская и др. – 20-е изд., перераб. – М.: Просвещение, 1992. – 319 с.
11. Русский язык: Учебник для 5 класса общеобразовательных учреждений / М.М. Разумовская и др. / Под ред. М.М. Разумовской, В.А. Леканта. 9-е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2003. – 304 с.
12. Ильина А. М. / Ильина Анна Михайловна. Лингвистический компонент нормативно-научной картины мира школьника: содержательный и методический аспекты: автореферат диссерт на ... канд. пед. наук: 13.00.02. – Орёл, 2008. – 18 с.
13. Максимчук, Н.А. Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении / Н.А. Максимчук. – Ч. 1. – Смоленск, 2002.
14. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1966.
15. Вайсгербер, Л. Язык и философия / Л. Вайсгербер // Вопросы языкознания, 1993. – № 2.

Поступила в редакцию 18.01.2018 г.

УДК 811.161.1'373.211.1:81(476)

Отойкодомонимные названия улиц как онимный документ времени

Мезенко А.М.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет имени
П.М. Машерова», Витебск*

В статье исследуются названия внутригородских линейных объектов, содержащих в своей основе ойкодомонимы. Определяются основные мотивирующие основы, используемые в процессе образования отойкодомонимных урбанонимов. На основе семантических и количественных параметров устанавливаются особенности функционирования названий в разные исторические периоды. Выявляется состав наиболее частотных урбанонимов, их роль как хронологических фиксаторов реалий, характерных для культуры прошлого и настоящего.

Цель статьи — выявление особенностей мотивации и функционирования названий линейных объектов, содержащих в своей основе ойкодомонимы, их роли как хронологических фиксаторов реалий, характерных для культуры прошлого и настоящего.

Материал и методы. *Материал исследования — данные Государственного кадастрового агентства Республики Беларусь (Минск), государственных архивов Брестской, Витебской, Гомельской, Гродненской, Могилевской областей, Национального исторического архива Республики Беларусь (Минск), Российского государственного архива древних актов (Москва), Российского государственного военно-исторического архива (Москва), Рукописного отдела библиотеки Вильнюсского государственного университета (Вильнюс); методы — дескриптивный, сравнительно-сопоставительный, элементы статистического анализа.*

Результаты и их обсуждение. *В зависимости от мотивировочного признака, положенного в основу, отойкодомонимные внутригородские названия, функционировавшие в белорусских городах на протяжении XVI–XXI вв., систематизированы и распределены по 10 группам, число которых заметно разнится от эпохи к эпохе. В XVI–XVIII вв. главенство принадлежит отойкодомонимным урбанонимам, мотивированным названиями церквей, костелов, монастырей (почти 72 % наименований). XIX — начало XX в. характеризуется расширением реестра тематических групп (в XVI–XVIII вв. было 7, в XIX в. стало 10) за счет наименований, мотивированных названиями воинских частей и элементов их инфраструктуры; зрелищных и спортивных заведений, а также ослаблением участия в номинации внутригородских линейных объектов названий культовых сооружений. В начале XXI в. в городах и селах Белорусского Поозерья именами церквей, костелов, монастырей мотивировано лишь 1,6 % от общего числа отойкодомонимных урбанонимов и виконимов. Первую позицию перехватывают наименования улиц, мотивированные названиями учебных заведений, что хорошо согласуется с одной из основных идей советской власти — всеобщего вначале начального, а затем и среднего образования.*

Заключение. *Таким образом, имена городских улиц, в основе которых лежат наименования зданий, могут рассматриваться как хронологические фиксаторы реалий, характерных для культуры прошлого и настоящего, представляющие собой своеобразный онимный документ времени.*

Ключевые слова: ойкодомоним, урбаноним, урбанонимикон, виконим, код культуры.

(Ученые записки. — 2018. — Том 25. — С. 155–159)

Otoikodomonym Street Names as Onym Document of Time

Mezenko A.M.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

The article explores the names of intra-city linear objects that contain oikodomonyms in their basis. The main motivating principles used in the process of formation of otoikodomonimny urbanonyms are defined. Features of the functioning of names in different historical periods are established based on semantic and quantitative parameters. The article reveals composition of the most frequent urbanonyms and their role as chronological fixers of day-to-day realities, characteristic of the culture of the past and the present.

The purpose of the article is to identify the features of the motivation and functioning of the names of linear objects based on the oikodomonyms, their role as a chronological fixer of the day-to-day realities characteristic of the culture of the past and the present.

Material and methods. The material of the study is the data from the State Cadastral Agency of the Republic of Belarus (Minsk), the state archives of the Brest, Vitebsk, Gomel, Grodno, Mogilev regions, the National Historical Archive of the Republic of Belarus (Minsk), the Russian State Archive of Ancient Documents (Moscow), the Russian State Military Historical Archive (Moscow), Manuscript Division of the Vilnius State University Library (Vilnius); methods – descriptive, comparative, elements of statistical analysis.

Findings and their discussion. Depending on the motivational attribute in the base, the otoikodomonym inner city names that were in use in Belarusian cities during the 16th–21st centuries are systematized and distributed among 10 groups, the number of which differs markedly from epoch to epoch. In the XVI–XVIII centuries dominant role belongs to the otoikodomonym urbanonyms, motivated by the names of orthodox and catholic churches, monasteries (almost 72% of titles). XIX – early XX century is characterized by expansion of the register of thematic groups (in the XVI–XVIII centuries there were 7, in the 19th century there were 10) thanks to the names motivated by the names of military units and elements of their infrastructure; entertainment and sports institutions, as well as the weakening of the participation in the nomination of inner city linear objects of the names of religious buildings. At the beginning of the XXI century only 1.6% of the total number of oikodomonym urbanonyms and vikonyms in towns and villages of the Byelorussian Poozerie (Lake District) were motivated by the names of orthodox and catholic churches, monasteries. The leading position becomes taken by the street names motivated by the names of educational institutions, which is well correlated with one of the main ideas of the Soviet government – universal primary and later secondary education.

Conclusion. Thus, the names of city streets based on the names of buildings may be regarded as chronological fixers of day-to-day realities characteristic of the culture of the past and present, which represents an onymn document of time.

Key words: oikodomonym, urbanonym, urbanonymikon, vikonym, code of culture

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 25. – P. 155–159)

Вопросы урбанонимики относятся к кругу проблем, научная и практическая значимость которых ни у кого не вызывает сомнений и фактически не требует доказательств, поскольку анализируемые онимные единицы не только содержат важную лингвистическую информацию, но и являются своеобразными документальными свидетельствами тех исторических событий, культурных и социальных условий былых эпох, в которые они были созданы.

Мировидение и миропонимание народа, характеризующее его культурные традиции, опредмечивается и закрепляется в урбанонимах, представляющих собой свернутые онимные синтагмы, которые при употреблении воспроизводят характерный для каждой культуры менталитет, служащий для нее «духовной оснасткой», «психологическим инструментарием» [1], или кодом культуры.

Урбанонимикон выступает носителем значимых для национального мировидения смыслов, которые репрезентируются в названиях линейных объектов населенных пунктов средствами различных кодов культуры, служащих выражением ментальной сферы носителей языка.

Названия улиц, соотносимые с наименованиями архитектурных элементов, являясь репрезентаторами одновременно пространственного и временного кодов культуры, способствуют формированию такого модуса бытия, как хронотоп, который, по мнению Д.Г. Горина, концентрирует в себе «различные временные реальности: время человеческой жизни, историческое время, представления о Вечности и является своеобразным структурирующим основанием смыслового пространства, в которое

вписываются значения каждого конкретного события» [2, с. 29].

Поскольку имена собственные всегда несут на себе яркий отпечаток эпохи, информация, заложенная в названиях линейных объектов, отражается в особенностях их использования в определенный временной период. Поэтому особый интерес представляют архивные документы XVI–XIX вв., позволяющие выявить различные факторы, связанные с историей страны, развития региона, установить изменения, происходившие в урбанонимной системе Беларуси.

Цель настоящей работы – выявление особенностей мотивации и функционирования названий линейных объектов, содержащих в своей основе ойкодомонимы, их роли как хронологических фиксаторов реалий, характерных для культуры прошлого и настоящего.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили данные Государственного кадастрового агентства Республики Беларусь (Минск), государственных архивов Брестской, Витебской, Гомельской, Гродненской, Могилевской областей, Национального исторического архива Республики Беларусь (Минск), Российского государственного архива древних актов (Москва), Российского государственного военно-исторического архива (Москва), Рукописного отдела библиотеки Вильнюсского государственного университета (Вильнюс) и др.

Основные методы исследования – дискрептивный, сравнительно-сопоставительный, элементы статистического анализа.

Результаты и их обсуждение. Принцип создания наименований линейных объектов от названий расположенных на них зданий (ойкодомонимов) известен, вероятно, с момента воз-

никновения городов. В самые отдаленные эпохи у разных народов основами названий улиц нередко становились наименования архитектурных объектов — храмов, дворцов, усадеб, домов, позднее учреждений и др. Тщательное исследование урбанонимных традиций отдельных народов может стать базой для сравнительного изучения особенностей функционирования данной разновидности внутригородских названий.

В зависимости от мотивировочного признака, положенного в их основу, отойкодомонимные внутригородские названия, функционировавшие в белорусских городах на протяжении XVI–XXI вв., могут быть систематизированы и распределены по 10 группам, отражающим предназначенность объекта, расположенного в определенном здании: 1) названия культовых сооружений (храмов, соборов, монастырей, костелов, часовен); 2) различных служб города; 3) учебных заведений; 4) производственных предприятий; 5) административных объектов; 6) торговых точек; 7) лечебных учреждений; 8) воинских частей и элементов их инфраструктуры; 9) зрелищных заведений; 10) спортивных заведений.

Как правило, названия зданий, положенные в основу урбанонимов перечисленных групп, содержат коннотативные положительные значения. Это позволяет определить, какие из названий зданий оказываются наиболее актуальными в тот или иной промежуток времени при номинации линейных объектов, и тем самым установить такие архитектурные объекты, которые в народном сознании воспринимались как способные служить адресом.

Анализ исследуемого типа урбанонимов показал, что их число и тематическое разнообразие групп заметно разнятся от эпохи к эпохе. При этом лишь первая из перечисленных групп с XVI в. до 1917 г. неизменно занимала лидирующую позицию, хотя процент наименований, мотивированных названиями культовых сооружений, постепенно снижался: в XVI–XVIII вв. на их долю приходилось 71,9 % (ср.: *Вознесенский пер.* — Полоцк, 1552 г.; *Великая Спасская ул.* — Пинск, 1566 г. и др.); XIX в. — 50,3 % (*Бонифратерская ул.* — г. Гродно, 1850 г. — мотивирована названием монастыря бонифратов; *Николаевская ул.* — Брест-Литовск, 1891 г. и др.); начале XX в. — 44,1 % (*Петровская ул.* — Динабург, 1914 г.; *Соборная пл.* — Ломжа, 1910 г. и др.).

Показательно, что в означенный период улицы получали названия как по наименованиям православных церквей и монастырей (*Хведоровская ул.* — Пинск, 1552 г.; *Церковная ул.* — Высокое Брестской экономии, 1794 г. и др.), так и католических (*С рынка к Доминиканам от топы улица* — Пинск, 1783 г.; *Фарная ул.* — Дрогичин, 1828 г. и др.), причем в силу распространения на территории бело-

русских городов значительного числа католических орденов, число последних превалировало над первыми.

Если отдельно анализировать номинации XVI — XVIII и XIX вв., то необходимо отметить, что из оставшихся девяти групп, в первом из приведенных временных отрезков задействованными оказались отойкодомонимные единицы лишь 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й и единично 7-й группы, представленные всего шестью — десятью названиями. Так, группу названий, образованных от наименований торговых точек, формируют прежде всего урбанонимы, мотивированные названием *рынок* (ср.: *Рыноквая ул.* — Ушполь, 1663 г., *Василишки Лидского повета*, 1764 г., *Видзы*, 1773 г., *Мядель*, 1778 г., *Рогачев*, 1765 г.; *Ул. За Немецким рынком* — Гродно, 1708 г.): в связи с развитием ремесла белорусские города в исследуемый период довольно активно превращались в центры торговли. Внутренняя торговля связала постоянным обменом города и местечки, втянула в процесс обмена феодальное поместье и в определенной мере крестьянское хозяйство. Известно, что экономическое развитие городов как центров товарного производства и обмена нарушило былую натуральную замкнутость поместья и способствовало возникновению фольварочно-барщинного хозяйства, одним из внутренних стимулов которого являлись интересы продажи продуктов поместья на рынке.

По шесть урбанонимов мотивированы наименованиями учебных заведений (*Школьная ул.* — Гродно, 1560 г.; *Школьная Жидовская ул.* — Гродно, 1783 г.; *Тринитарская ул.* — Витебск, 1763 г., мотивированная названием размещенной на ней *школы тринитариев*; *Семинарская ул.* — Минск, 1765 г., Витебск, 1763 г., мотивированные названием размещенной на них *семинарии*; *Заишкольная ул.* — Белая Брестского повета, 1725 г.) и производственных (*Млыновая ул.* — Борисов, 1732 г.; *Высокое Брестской экономии*, 1794 г.; *Ветреная ул.*, *Ветренная ул.* — Берестье, 1566 г., Могилев, 1626 г., мотивированные наименованием размещенной на них *ветряной мельницы*; *Броварная ул.* — Копыль, Высокое Брестской экономии, 1794 г., мотивированные наименованием размещенного на них *бровара* (рус. 'винокурный завод') предприятий).

От семи до десяти отойкодомонимных урбанонимов приходится на тематические группы, мотивированные наименованиями служб города и административных зданий: *Почтовая ул.* — Витебск, 1783 г. Интересно, что одним из первых урбанонимов, мотивированных отойкодомонимами названных тематических групп, был *Гуменная ул.* (Пешатка Берестейского староства, 1566 г.), мотивированный наименованием *гумен*, расположенных на улице, — расчищенных, часто ого-

рожденных, утрамбованных участков земли, на которых в крестьянских хозяйствах складывали скирды необмолоченного жита, проводили его обмолот, а также веяние зерна.

Лечебных учреждений в те отдаленные столетия было немного. В XVI в. появлялись шпитали (госпитали), которые, как правило, открывались и содержались феодалами, магистратами, православными и католическими соборами и монастырями, а также цеховыми объединениями. По данным Национального исторического архива Республики Беларусь, *Ulica Szpitalna* существовала в начале XVII в. в Несвиже (см.: КМФ-5, оп. 2, ед.хр. 53, с. 67-68). Заметно увеличится их число в XIX в.

Что касается военных объектов, зрелищных и спортивных учреждений, то их участие в качестве мотиваторов наименований линейных объектов в XVI-XVIII вв. не отмечено.

Итак, как свидетельствует имеющийся в нашем распоряжении материал, главенство в XVI-XVIII вв. принадлежит отолкодомонимным урбанонимам, мотивированным названиями церквей, костелов, монастырей (почти 72 % наименований), при доле остальных шести групп, равной 28 % от общего числа отолкодомонимных именований.

Несмотря на то, что лидерство первой тематической группы в XIX веке еще сохраняется, не может не обратить на себя внимания её заметное количественное сокращение – на 21,6 % и активизация в качестве мотиваторов названий улиц наименований различных служб города, в частности: а) учреждений по сборам налогов, которые подлежат взиманию с дохода и имущества налогоплательщика (*Акцизная ул.* – Гродно, 1874 г.); б) богаделен (от слов Бога дѣля, то есть ради Бога) — благотворительных заведений для содержания нетрудоспособных лиц (престарелых, немощных, инвалидов, калек и выздоравливающих): *Богадельная ул.* – Минск, 1866 г.; в) зданий Дворянского собрания – органа дворянского самоуправления в Российской империи, существовавшего в период с 1766 по 1917 годы: *Дворянская ул.* – Пружаны, 1803 г., Брест-Литовск, 1891 г.; г) зданий, в которых размещались формирования в составе полиции, имеющие военную организацию: *Жандармская ул.* – Белосток, 1887 г.; д) помещений для содержания овец, скота: *Кошарская ул.* – Минск, 1866 г.; е) присутственных мест – государственных учреждений в Российской империи: *Присутственная ул.* – Бобруйск, 1866 г.; ж) скотобоен: *Резницкая ул.* – Минск, 1868 г.; з) приютов по уходу за сиротами павших воинов: *Сиротская ул.*, *Сиротский пер.* – Вильно, 1868 г.; и) пенитенциарных (исправительных) учреждений: *Тюремная ул.* – Минск, 1866 г., Пинск, 1866 г.

Почти на 8 % по сравнению с XVI-XVIII вв. увеличилась в XIX – начале XX в. и тематическая группа урбанонимов, мотивированных наименованиями учебных заведений: Александровской гимназии (ср.: *Александровская ул.* – Динабург, 1864 г.); военно-кантонистской школы (*Военно-Кантонистская ул.* – Витебск, 1825 г.); училища (*Училищная ул.* – Пинск, 1866 г.) и др.

Незначительно (приблизительно на 1 – 1,5 %) в сравнении с отолкодомонимным урбанонимиком XVI-XVIII вв. расширились в исследуемый период тематические группы, мотивированные наименованиями производственных предприятий: канатной фабрики (*Канатная ул.* – Витебск, 1825 г.), каретной фабрики (*Каретная ул.* – Белосток, 1887 г.), предприятия по изготовлению кафеля (*Кафельная ул.* – Белосток, Пинск, 1910 г.), кирпичного завода (*Кирпичная ул.* – Брест-Литовск, 1891 г.), суконной фабрики (*Суконная ул.* – Белосток, 1887 г.), табачной фабрики (*Табачная ул.* – Белосток, 1887 г.), свечной фабрики (*Свечная ул.*, *Свечной пер.* – Витебск, Гомель, 1910 г.) – и торговых точек: магазина (*Магазинная ул.* – Минск, 1910 г.), керосинного магазина (*Керосинный пер.* – Витебск, 1910 г.), мясных лавок (*Мясная ул.* – Брест-Литовск, 1891 г., Вильно, 1868 г.; *Мясная Жидовская ул.* – Гродно, 1823 г.), палаток, торговых мест на базаре, рундуков под холщовым навесом (*Ятковая ул.* – Вильно, 1870 г.).

В XIX – начале XX в. появляются первые названия улиц, мотивированные наименованиями воинских частей и элементов их инфраструктуры (ср.: *Артиллерийская ул.* (размещены артиллерийские склады – Белосток, 1887 г.), *Комендантская ул.* (размещен комендантский дом со службами – Сенно, нач. XIX в.), *Казарменная ул.* (Белосток, 1887 г., Сенно, нач. XIX в., Речица, 1866 г.), *Саперная ул.* (размещены казармы саперного батальона – Гродно, 1912 г.), *Саперный пер.* (Полоцк, 1910 г.); единично зрелищных и спортивных заведений (*Театральная пл.* – Могилев, 1910 г., Динабург, 1865 г., Вильно, 1868 г., *Театральная ул.* – Белосток, 1887 г., *Бассейная пл.* – Динабург, 1865 г.).

Таким образом, XIX – начало XX в. характеризуется расширением реестра тематических групп отолкодомонимных урбанонимов (в XVI-XVIII вв. было 7, в XIX в. стало 10) за счет наименований, мотивированных названиями воинских частей и элементов их инфраструктуры; зрелищных и спортивных заведений, а также ослаблением участия в номинации внутригородских линейных объектов названий культовых сооружений: их процент снизился на 21,6 %.

В год 100-летия Октябрьской социалистической революции нельзя еще раз не подчеркнуть вызванных ею коренных преобразований в разви-

тии общества. Одним из них и стала полная перiorientация номинационных процессов, проявившаяся в разрушении традиции именования внутригородских линейных объектов названиями культовых сооружений. Так, к началу XXI в. в городах и селах Белорусского Поозерья именами церквей, костелов, монастырей мотивировано лишь 1,6 % от общего числа отойкодомонимных урбанонимов и виконимов.

Первую позицию перехватывают отойкодомонимные урбанонимы, мотивированные названиями учебных заведений, на долю которых приходится 36,9 % от общего числа исследуемых внутригородских названий, что, на наш взгляд, хорошо согласуется с одной из основных идей советской власти – всеобщего вначале начального, а затем и среднего образования. Так, название учреждения образования – *Школьная ул.* – становится основным ориентиром в 157 населенных пунктах Витебщины. В двухтысячных годах данную тематическую группу пополнили *Ново-Школьная ул.* (дер. Сосновка Новкинско-го сельского совета Витебского района, 2007 г.), *1-й Школьный пер.*, *2-й Школьный пер.* (Орша, 2005 г., дер. Андреевщина Оршанского района, 2007 г.), *Детсадовская ул.*, *Детсадовский пер.* (дер. Труды Трудовского сельского совета Полоцкого района, 2007 г.) и др.

Почти до 22 % (97 единиц) увеличивается число урбанонимов, мотивированных наименованиями производственных предприятий. Так, урбаноним *Заводская ул.* зарегистрирован в 35 населенных пунктах Витебщины: Верхнедвинске, Витебске, Городке, Глубоком, Мёрах, Новолукомль, Поставах, Полоцк, Сенно, Шумилино, Толочин, г.п. Освея, Вопораево, Копыси, Подсвилю, Россонах, Ушачах, Чашниках, Шарковщине, Яновичах, Рубе и др., *1-я – 6-я Заводская ул.* – в Витебске, *2-я Заводская Набережная ул.* – в Сураже, *Заводской пер.* – в Витебске, Дубровно, Поставах, городских поселках Воропаево, Подсвилю, Ушачи, Чашники и др., *1-й – 3-й Заводской пер.* – в Орше, *Велосипедный пер.* – в Барановичах, *Кардонажная ул.* – дер. Крынки Лёзенского района Витебской области..

Около 20 %, или 87 единиц, в первом десятилетии двухтысячных годов соотносится с наименованиями служб города: *Оранжевая ул.* (Витебск, 2001 г.), *Аэродромная ул.* (Барановичи, 2009 г.), *ул. Аэропорт*, *Деповская ул.*, *2-я Деповская ул.* (Лепель, 2005 г.), *Деповский пер.*, *2-й Деповский пер.* (Орша, 2005 г.), *Метеорологическая ул.* (размещена метеорологическая площадка – Шумилино, 2005 г.), *Станционная ул.* (Витебск, 2007, Лепель, 2005, Орша, 2005, г.п. Лёзна, 2005 г. и др.), *2-я Станционная ул.* (Лепель, 2005 г.), *ул. Станция «Лучоса»* (Витебск, 2007 г.), *Угольная ул.* (размещены угольные склады – Полоцк, 2005 г.) и др.

Заключение. Проведенное исследование позволило установить четкое противопоставление практик номинации внутригородских объектов, с одной стороны, досоветского, с другой – советского и постсоветского периодов. Мотивированность урбанонимов рассмотренными наименованиями зданий дает возможность судить о наиболее важных для номинаторов реалиях, соотносимых с определенными отрезками времени.

Специфические приметы духовной и социальной жизни людей находят опосредованное отражение в отойкодомонимных урбанонимах. Семантические признаки, отражающие мотивы создания и особенности функционирования, формируют высокий уровень их информативности.

Таким образом, имена городских улиц, в основе которых лежат наименования зданий, могут рассматриваться как хронологические фиксаторы реалий, характерных для культуры прошлого и настоящего, представляющие собой своеобразный онимный документ времени.

Литература

1. Гуревич, А.Я. Категории средневековой культуры / А.Я. Гуревич. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.
2. Горин, Д.Г. Пространство и время в динамике российской цивилизации / Д. Г. Горин. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 280 с.

Поступила в редакцию 18.01.2018 г.

УДК 811.161.1'37

Языковые средства выражения образности в современном поэтическом тексте

Муратова Е.Ю.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

Статья посвящена исследованию и анализу языковых средств выражения образности в современных (XX – XXI вв.) поэтических текстах.

Материалы и методы. При анализе материала использовались основные общенаучные методы наблюдения, описания, анализа и интерпретации. Методологическое значение в статье имеет «композиция научного задания» (термин М. Бахтина), необходимая для объединения рассматриваемых поэтических текстов единой интерпретационной основой.

Результаты и их обсуждение. Художественное смыслопорождение в поэтическом тексте наблюдается на всех языковых уровнях. Особое значение, особый «вес» в поэзии имеет звук, т.е. фонетический облик стихотворения. На материале стихов А. Ахматовой, М. Цветаевой и Б. Ахмадулиной в статье исследуются особенности звукового ряда в поэтическом тексте.

Специфична для поэтических текстов роль лексикализации. Лексикализация звуковых комплексов (превращение морфем, словосочетаний в отдельные слова) представляет собой нетипичные образования не только по отношению к естественному, но даже и к поэтическому языку. Окказиональная лексикализация является характерной, яркой и частотной приметой творчества М. Цветаевой, поэтому в статье роль лексикализации в создании художественной образности рассматривается на материале поэтических текстов М. Цветаевой.

Важную роль в создании образности поэтического текста играют синтагматические связи лексем. Нестандартные связи лексем в поэзии являются источниками новых смыслов и образных ассоциаций. Семантическое сближение лексем может быть случайным, т.е. характеризовать некоторый конкретный текст, а может быть регулярным, характеризующим идиостиль отдельного поэта или какое-то литературное направление. В данной статье доказываемая исключительная роль нестандартной сочетаемости в творчестве Б. Ахмадулиной, а также анализируются с этой точки зрения поэтические тексты А. Вознесенского, Е. Евтушенко, Б. Пастернака и др.

Заключение. Поэтический язык представляет собой систему особого рода, в которой проявляется специфика взаимосвязи разных уровней, актуализация фонетического значения слова, активизация отдельных микросистем; выявляется поэтика грамматических категорий, эстетика формы, а также наблюдаются расширенные и нестандартные связи между единицами поэтического языка

Ключевые слова: фонетический уровень, образность, смыслопорождение, лексикализация, нестандартная сочетаемость, синтагматические связи.

(Ученые записки. – 2018. – Том 25. – С. 160–165)

Language Means of Expression in the Modern Poetic Text

Muratova E.Yu.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

The article is devoted to the study and analysis of linguistic means of expression of imagery in modern (XX – XXI centuries) poetic texts.

Materials and methods. The analysis of the material used basic general scientific methods of observation, description, analysis and interpretation. The “composition of a scientific task” (the term of M. Bakhtin), which is necessary for unifying the considered poetic texts with a single interpretative basis, is of methodological significance.

Findings and their discussion. Artistic meaning emergence in the poetic text is observed on all linguistic levels. Particular significance, a special “weight” in poetry is attached to the sound, i.e. phonetic appearance of the poem. On the material of poems by A. Akhmatova, M. Tsvetaeva and B. Akhmadulina, features of the sound series in the poetic text are studied in the article.

Specific for poetic texts is the role of lexicalization. Lexicalization of sound complexes (transformation of morphemes, word combinations into separate words) is atypical formations not only in relation to natural, but even to poetic language. Occasional lexicalization is a characteristic, vivid and frequency sign of M. Tsvetaeva's creativity, therefore in the article the role of lexicalization in the creation of artistic imagery is examined on the material of M. Tsvetaeva's poetic texts.

An important role in creating the imagery of a poetic text is played by the syntactic links of lexemes. Non-standard relations of lexemes in poetry are sources of new meanings and figurative associations. Semantic convergence of lexemes can be random, i.e. characterize some specific text, and maybe regular, characterizing the idiosyncrasy of an individual poet or some literary direction. This article proves the exceptional role of non-standard compatibility in the work of B. Akhmadulina, and also from this point of view the poetical texts of A. Voznesensky, E. Evtushenko, B. Pasternak and others are analyzed.

Conclusion. *Poetic language is a system of a special kind, in which the specificity of the interconnection of different levels is manifested, the actualization of the phonetic meaning of the word, activation of individual microsystems; poetics of grammatical categories and aesthetics of form are revealed, besides, extended and non-standard connections between units of poetic language are observed.*

Key words: *phonetic level, imagery, sense emergence, lexicalization, non-standard compatibility, syntagmatic connections.*

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 25. — P. 160–165)

Активное и глубокое внимание к языку поэзии проявилось в исследованиях первой половины XX века. Начиная с 30-х годов XX в. создается лингвистика текста, которая базируется на собственных лингвистических методах. В работах исследователей второй половины XX в. (М.Л. Гаспаров, В.П. Григорьев, Ю.М. Лотман, З.Г. Минц, И.И. Ковтунова, В.П. Григорьев, О.Г. Ревзина, Б.П. Гончаров, Е.А. Некрасова, Е.В. Красильникова и др.) акцент делается на языковые средства выражения. Принципиально важными являются современные работы по лингвопоэтике (Л.В. Зубова, И.И. Ковтунова, Е.В. Красильникова, Н.А. Кожевникова, И.И. Ревзин, О.Г. Ревзина и др.), в которых постулируется существование особого уровня грамматической образности в поэзии.

Тема, избранная для исследования, актуальна, поскольку в творчестве современных поэтов нашли выражение многие новые тенденции в поэзии XX в: усиление личностного начала, трансформация языкового значения, авторское словообразование, растущая метафоричность речи, усиление метаязыковой рефлексии, «обнажение» деривационных связей слова в тексте, превалирование имплицитности текста над эксплицитностью.

Цель исследования – выявление и анализ языковых средств выражения образности в современном поэтическом тексте.

Материал и методы. Предметом данного исследования являются языковые средства выражения образности в современных поэтических текстах. В исследовании нами отдано предпочтение тем поэтам, творчество которых ориентировано на активный языковой поиск и языковые преобразования. При анализе материала использовались основные общенаучные методы наблюдения, описания, анализа и интерпретации. Методологическое значение в статье имеет «композиция научного задания» (термин М. Бахтина),

необходимая для объединения рассматриваемых поэтических текстов единой интерпретационной основой.

Результаты и их обсуждение. Что в современном мире дают человеку гуманитарные знания и, в частности, поэтический текст и его изучение? На этот вопрос гениально и просто ответил Иосиф Бродский в своем интервью журналисту «Московских Новостей» в 1995г. в Нью-Йорке Д. Радышевскому: «Поэзия не развлечение и даже не форма искусства, но скорее наша видовая цель. Если то, что отличает нас от остального животного царства – речь, то поэзия – высшая форма речи, наше, так сказать, генетическое отличие от зверей. Отказываясь от нее, мы обрекаем себя на низшие формы общения... Это колоссальный ускоритель сознания, и для пишущего, и для читающего. Вы обнаруживаете связи и зависимости, о существовании которых и не подозревали, данные в языке, в речи. Это уникальный инструмент познания».

Исследование поэзии – это исследование механизмов неоднозначности и неопределенности в поэтических текстах, поскольку в них увеличивается количество вариантов осмысления и прочтения.

«Принцип со-противопоставления элементов, – пишет Ю. М. Лотман, – является универсальным структурообразующим принципом в поэзии и словесном искусстве вообще» [1, с. 36]. В поэтическом языке специфична связь между значимыми элементами, которые образуют сложную систему соотношений, часто невозможных в общезыковой конструкции.

Язык современной поэзии по своей сложности, метафоричности, стремлению к языковой игре значительно отличается от поэтического языка прежних эпох. Если в русской поэзии XVIII–XIX вв. слово в поэтическом тексте воплощало смысл, сформированный в предшествующих авторитетных текстах, то в XX веке появляется

множество поэтических произведений, в которых значение слова порождается данным конкретным контекстом. Для русской поэзии XX века характерны не только новые темы, образы, видение мира, осознание особенностей своей эпохи, но также иной, по сравнению с XIX в., поэтический язык, который стал реализовываться как сложная, часто экзистенциальная форма отражения действительности и самовыражения творящего сознания.

Языковые связи и зависимости в поэтическом тексте, глубинное смыслопорождение наблюдается на всех языковых уровнях.

Особое значение, особый «вес» в поэзии имеет звук, т.е. фонетический облик стихотворения. За счет активизации микросистем языка звук в поэзии оказывается «озвучен» в гораздо большей степени, чем в естественном языке. Но это «озвучивание» особого рода. Как писал Борис Пастернак, «музыка слова – явление совсем не акустическое и состоит не в благозвучии отдельно взятых гласных и согласных, а в соотношении значения речи и ее звучания» [2, с. 213]. П. А. Флоренский, например, считал звук некой тягучей субстанцией, которая вливается в нас и завладевает всем нашим существом: «Слыша звук, мы не по поводу его, не об нем думаем, но именно его, им думаем: этот внутренний отголосок и в нашей внутренности есть внутренний. Звук – непосредственно (диффундирует) просачивается в нашу сокровенность, непосредственно ею всасывается, и, не имея нужды в проработке, сам всегда воспринимается и осознается, как душа вещей. Из души прямо в душу глаголют нам вещи и существа...» [3, с. 35]. Говоря несколько иным языком, когерентное взаимодействие фонем на любом отрезке поэтической системы – явление очень тонкое, его восприятие практически полностью лежит в области бессознательного, а не в логически-понятийной сфере человека, поэтому и анализ процессов, происходящих на фонетическом уровне поэтического языка, объективно трудно вербализуем. Р. Барт называл это *гул языка* [4, с. 542–543]: «Гул языка – это его утопия. – Утопия музыки смысла; это значит, в своем утопическом состоянии язык раскрепощается... изменяет своей природе вплоть до превращения в беспредельную языковую ткань, где теряет реальность его семантический механизм; здесь во всем великолепии разворачивается означающее – фонетическое, метрическое, мелодическое... Смысл маячит в отдалении нераздельным, непроницаемым и неизреченным миражем, образуя задний план, «фон» звукового пейзажа».

Своеобразно может проявляться роль гласных звуков (особенно при ассонансах) в поэтических текстах: *Красною кистью / Рябина зажглась. / Падали листья. / Я родилась. / Спорили сотни /*

Колоколов. / День был субботний / Иоанн Богослов. / Мне и доныне / Хочется грызть / Жаркой рябины / Горькую кисть (Цветаева). Благодаря фонетическому строю стихотворения проявляется психологическое явление синестезии, т.е. дополнение основного образа образами иных модальностей. В данном стихотворении, если в него внимательно не только вчитаться, но и вслушаться в музыку и ритмику ударных гласных, можно услышать звук нескольких колоколов. Первая строфа: повтор ударных гласных *КрАсною кИстью / РяБИна зажглАсь. / Падали лИстья. / Я родилАсь* ассоциируется с ударами большого колокола, причем удары размашистые, длинные, гулкие: А–И / –И–А / –А–И / –А–А. Затем вступает колокол с иным звучанием, но с тем же размахом: *СпОрили сОтни (О–О)* и далее ему вторят *кОлОкОлОв*, т.е. более мелкие колокола; на другой колокольне подхватывает большой колокол: *дЕнь был суббОтний / ИоАнн (Е–О–А)* и маленькие: *БОгОслОв*. Эти ассоциации подкрепляются и семантикой второй строфы, описывающей православный колокольный праздник дня памяти Иоанна Богослова.

У разных поэтов актуализация фонетического уровня может осуществляться по-разному. Например, для творчества А.А. Ахматовой повтор согласных, прием паронимической аттракции вообще не характерны. У А.А. Ахматовой наблюдаются другие виды актуализации фонетического уровня. Б. Эйхенбаум, анализируя творчество А. Ахматовой, отмечал систематическое повторение в соседних словах одних и тех же гласных звуков. «Систематическое повторение в соседних словах одних и тех же артикуляционных движений, – пишет Б. Эйхенбаум, – придает стиху Ахматовой особенную выразительность. В русский поэтический язык вводится, таким образом, тенденция к продлению одного гласного ряда, к укреплению одного артикуляционного уклада...» [5, с. 89]. Приведем некоторые примеры:

*Звенела музыка в саду (у-у)
Таким невыразимым горем. (и-и)
Свежо и остро пахли морем (о-о)
На блюде устрицы во льду (у-у-у)*

Или:

*И дал мне три гвоздики, (и-и)
Не подымая глаз. (а-а)
О, милые улики, (и-и)
Куда мне спрятать вас (а-а-а).*

Или:

*Лежал закат костром багровым, (а-а, о-о)
И медленно густела тень (е-е-е).*

Как видим, фонетическая организация стихотворений А. Ахматовой базируется, в первую очередь, на организации фонетических фракталей ударных гласных соседних лексем. Целостность таких фракталей организуется не семантически

(как группировка возможных смыслов вокруг смыслового инварианта), а фонетически — повтором одних и тех же ударных согласных на узком участке системы, а именно — в пределах одной строки стихотворения.

Часто трудно вербализовать новые смыслы и ощущения, возникающие за счет специфики звукового ряда. М. Цветаева очень тонко заметила, что стих — это чара, но читатель не может не чувствовать музыкальную модуляцию, «игру» звуков в поэзии. В этом плане очень символично творчество Б. Ахмадулиной. Практически в каждом ее стихотворении встречаются строки, в которых звуки явно «вносят свою лепту» в процессы рождения новых смыслов и художественных ассоциаций: 1. *Арагву променять на мрачные овраги*. 2. *...двоjak и дик, как диамант*. 3. *Округлый склон оврагом — рвано ранен*. 4. *Я завидую ей — молодой / и худой, как рабы на галере: / горячей, чем рабыни в гареме*. 5. *Все чаще, способом старинным, / и сталактитом стеариным*. 6. *Рояль твое крыло в родстве с мостом Риальто*.

Специфична для поэтических текстов роль лексикализации. Лексикализация звуковых комплексов (как правило, окказиональная) представляет собой «неструктурное» явление в системе языка, поскольку превращение несловных языковых единиц в знаменательные слова представляет собой нетипичные образования не только по отношению к естественному, но даже и к поэтическому языку. Лексикализироваться может любая языковая единица: отдельные звуки, комплексы звуков, морфемы, сочетания слов, предложно-падежные сочетания, т.е. в качестве понятия может выступать не только слово, но любая единица языка. Каждая лексикализованная единица не имеет строго закрепленного за ней словарного языкового значения, а получает его только в контексте, в процессе лексикализации, представляя собой «пучок» новых смыслов.

Окказиональная лексикализация является характерной, яркой и частотной приметой творчества М. Цветаевой, в лирике которой зафиксировано более 400 лексикализованных языковых единиц. Приведем лишь некоторые примеры: 1. *В наш-час — страну! В сей-час — страну! / В на-Марс — страну! В без-нас — страну!* 2. *Торопись, ветрило-вихрь-бродяга...* 3. *Какая заживо-зарытость / И выведенность на убой*. 4. *Как дерево-машет-рябина / В разлуку...* 5. *Идет-открывается, — / Такая далекая! Горбуны-горбы-верблюды — / Прощай, домочадцы!* 6. *Идет-открывается, — / Такая далекая! Горбуны-горбы-верблюды — / Прощай, домочадцы!* 7. *Где ж, сирота, / Кладь-твоя-дом?* 8. *Прощай, выюг-твоих-приютство, / Воркотов приютство* 9. *О серебро-сусаль-слюда!* 10. *И гордец же был-сокол!* 11. *Чужой человек, / Дорогой человек,*

Ночлег-человек, / Навек-человек! 12. *Крест-мой-цепок / Хан под сапог*. 13. *Чтоб тебя сам / Бус-у-давлишь!* 14. *Много-пытанная / Чутко-слуханная / Зорко-слеженная, / Неудержанная*. 15. *То своры дых кровокипяц, — / То Ревность-Псарь!* Лексикализация отражает нерасчлененное восприятие автором описываемых явлений, показывая неразрывную связь в его сознании образов и понятий.

Важную роль в создании образности поэтического текста играют синтагматические связи лексем. Как писала Н. Д. Арутюнова, «семантическое содержание слова формируется под влиянием его роли в сообщении» [6, с. 326]. Возникновение нового смысла на более высоком уровне абстракции наблюдается в поэтическом языке при нелинейной сочетаемости лексических единиц, которые могут представлять собой любые знаменательные части речи.

Понимание стандартной и нестандартной сочетаемости в поэтическом тексте заложено в языковой природе человека как члена конкретного социума, что определяет общность понимания (с определенными и естественными «разногласиями») стандартности и нестандартности в языке, на котором он говорит с рождения. На общность языкового восприятия «работает» коллективное бессознательное, языковые правила и традиции данного социума, исторически закрепленные значения слов и их традиционные связи.

Именно нестандартные связи лексем в поэзии являются источниками новых смыслов и образных ассоциаций. Например, у Б. Пастернака: 1. *Встает в колонны рев скота* 2. *Тревога подула с грядущего, / Как с юга дует сирокко*. 3. *Любила снег ласкать пальба*. 4. *Затеplen Апрель. Возмужалостью тянет из парка*. 5. *Как детский поцелуй, спокойно дышит стих* [Пастернак 1965].

У М. Светлова: 1. *Револьвер задыхался в кобуре, / А вверху опустевший собор / Близорукие окна щурит*. 2. *Спасть / От черных гусениц мглы*. 5. *Там буквы рыдают, запрятавшись в угол... Видишь: звезды, сойдя с высот, / По домам разошлись неслышно*. 3. *Незаметно для прохожих умирает колокол вверху*. 4. *Даже фонарь не мог*. 6. *Магазин задремал на углу*. 7. *День, шатаясь, брел устало*. 8. *Халтура меня догоняла во сне, / Хвостом зацепив одеяло* [Светлов 1975].

У Н. Заболоцкого: 1. *И ночь... качается в спиртовой банке*. 2. *... в бокале плавало окно*. 3. *Танцует в ухе перепонка...* 4. *На карауле ночь густеет*. 5. *Шумит бульваров теснота*. 6. *Обводный царствует канал*. 7. *И по трамваям рай качается...* 8. *Скупое утро горы спеленоло...* 9. *Время в воздухе плывет*. 10. *... даль не навек занавешена...* [Заболоцкий 1983].

У Е. Евгушенко: 1. *Есть в мире такой городок — Чусовой, / где рядом все чудится мне часовой / на*

лагерной вышке, пустующей там, / где, может, в бессмертие вмерз Мандельштам 2. Иногда мне так хочется / спрятаться в детство. 3. Я так люблю вливаться глазами / в твоё лицо. 4. Мы с тобой летим сквозь друг друга, / как две сшибшихся стаи птиц. [Евтушенко 1997].

У А. Савина: 1. И брызнет полночь синей тишью, / И заструится млечный путь... / Я сердце маленькое вышью / Большими крестиками звезд. 2. Сбегают тени стрелчатой грядой / На кудри волн по каменистым склонам, / А лунный шар над розовой водой / Приколот одуванчиком зеленым.

Семантическое сближение лексем может быть случайным, т.е. характеризовать некоторый конкретный текст, а может быть регулярным, характеризующим идиостиль отдельного поэта или какое-то литературное направление. Например, нестандартная сочетаемость глагола и существительного является яркой приметой идиостиля А. Вознесенского: 1. Он жмет по окружной, как на пожар, / как я в его невзгоды приезжал. 2. Его оппонент в полемике выпрыгнул из своих зубов. 3. В нас, как муравьи в банке, / напихано шевелятся тысячелетия, / у меня в пятке щекочет Людовик XIV. 4. мы люди, / мы тоже порошни, / уходим мы, / так уж положено, из стен, матерей / и из женищин, / и этот порядок извечен... 5. Зайдет вражда. Я выгоню вражду – / я друга жду. 6. Спускаюсь в чей-то быт... 7. ... с тех пор в моей спутанной жизни / звенит пустота... 8. Как ваши лица струятся матово. 9. Шло убийство по шумной Битце, / шло, жуя пирожек незло. 10. ...ухватясь за свои телеграммы, / покосившись, столбы летят

Рассмотрим механизм появления новых смыслов в выражении Б. Ахмадулиной *Прогорк твой лик, твой малый дом убог...* Словарное значение лексемы *горкнуть* – «портясь, становится горьким на вкус» [7, с. 114]; словарное значение лексемы *лик* – «лицо человека (устар. и высок.), а также изображение лица на иконах» [7, с. 262]. При соположении этих слов возникает диссипативный процесс рождения нового смысла: близкий героине человек (т.к. *твой лик*, а не *ваш лик*) был ею уважаем и в чем-то духовно недостижим, о чем говорит использование лексемы возвышенного стиля *лик*, а не нейтральной *лицо*; но сейчас этот человек утратил для лирической героини черты возвышенности и чистоты, перестал быть *ликом* (прогорклый лик – это уже даже не лицо), оставив при этом горький след в ее душе (т.к. глагол *прогорк* имеет значение не просто испортиться, а стать горьким на вкус). Семы значения глагола *прогорк* и существительного *лик* нелинейно «сплетаются» и тем самым рожают новый образ того, кто был *ликом* для героини, и раскрывают ее собственные чувства в данный момент.

Этих значений нет в лексемах *прогоркнуть* и *лик*, они возникли только по причине нелинейного наложения сем их значений друг на друга.

В поэтических текстах ярко проявляют себя нестандартные связи существительных. Даже названия стихотворений и поэм часто представлены именно такими словосочетаниями. У Е. Евтушенко: *Под кожей статуи Свободы, Заря у клена на руках, Эпилог эпилога, Опять револьвер Маяковского*; у М. Цветаевой: *Поэма Воздуха, Поэма Лестницы, Поэма Конца, Поэма Горы, Попытка Комнаты*; у Б. Ахмадулиной: *Шум тишины, Сад-всадник, День-Рафаэль*; у А. Вознесенского: *Скульптор свечей, Ностальгия по настоящему, Монахини моря, Баллада-яблоня, Зомби забвения, Вольноотпущенник времени*.

В линейной структуре предложения явно выделяется родительный падеж, в котором особенно активно происходит переход от парадигматически и синтагматически упорядоченных значений лексем к новым самоорганизующимся смыслам. Приведем примеры из поэтических текстов Н. Заболоцкого: 1. Народный Дом, курятник радости, / Амбар волшебного житья, / Корыто праздничное страсти, / Густое пекло бытия. 2. А вокруг – весы, как магелланы, / Отрепья масла, жир любви... 3. В волшебном царстве калачей... 4. Внизу – бокалов воркотня... / Внизу – на выступе оркестра, / Как жрец, качается маэстро. 5. Герои входят, покупают / Билетов хрупкие дощечки. 6. И в окна конских морд толпа, Глядит, мотаясь, у столба. 7. А там за ним, за морд собором, / Течет толпа на полверсты... 8. Обыденности плотная завеса / С ее красот мгновенно упадет. 9. И вдруг через дымку мечтанья / Возник перед ним островок. 10. Одна из них садится у окошка / С цветочком музыки в руке.

Совершенно исключительную роль родительный падеж играет в творчестве Б. Ахмадулиной. Характерной приметой ее лирики в этом плане является значительная частотность приименного и практически полное отсутствие прилагательного родительного падежа: *масть дня, измышление дыма, слабоумье злодейств, упасенье черемух, труд коньков, ловцы стаканов и тарелок, многозначенье мысли, крайность славы, усмотренье доброты, неумолимость связи, растраты бытия, важность ворот, белила гордыни*. Б. Ахмадулина не использует прилагательный родительный падеж, выражающий в основном объектные отношения, а в приименном выявляет в основном субъектные и определительные отношения, это говорит о том, что ее интересуют в первую очередь не объекты, а субъекты действия и их оценка.

Через своеобразное соединение лексем, которое невозможно в узусе, поэт создает художественный образ мира, моделирование которого происходит на основе важнейших сущностных

свойств человека – его отношения к жизни, смерти, любви, природе. В тексте возникает особое виртуальное денотативное пространство, которое может расширяться, углубляться, увеличиваться, а может, наоборот, дробиться, представляться не единым, а как будто дискретным, когда его элементы подвергаются не просто номинации, а являются денотатами «рисуемых» поэтическим словом образов, т.е. разнообразные фракталы постоянно меняют свою семантическую «конфигурацию»: *шрам ожога, многозначенье грусти, труп розы, звонок испуга, нагота лица, нагота разбуженного глаза, ловцы стаканов и тарелок, выдох уст, , открытость входа, взглядчивость зрачка, вид беды, гений глаза*. Возникшие смыслы не фиксируются в словарях, поскольку эти значения возникают и «витают» в ином, нелинейном семантическом пространстве поэтического текста. Так, в реальном мире и реальном словарном составе языка, отражающего естественный мир, глаз не имеет наготы; шрам может иметь человек (от ожога), но не сам ожог и т.д.

Заключение. Поэтический текст как сложное структурно-семантическое образование характеризуется смысловой многоплановостью слова, тенденцией к преобразованию формального в содержательное. Языковые связи и зависимости в поэтическом тексте, глубинное смыслопорождение наблюдается на всех языковых уровнях. Художественные особенности звукового ряда ярко проявляются в творчестве А. Ахматовой, М. Цветаевой и Б. Ахмадулиной, в частности, у А. Ахматовой отмечается систематическое повторение в соседних словах одних и тех же гласных звуков.

Специфична для поэтических текстов роль лексикализации. Лексикализация звуковых комплексов представляет собой «неструктурное» явление в системе языка, поскольку превращение несловных языковых единиц в знаменательные слова представляет собой нетипичные образования не только по отношению к естественному, но даже и к поэтическому языку. Каждая лексикализованная единица не имеет строго закрепленного за ней словарного языкового значения, а получает его только в контексте, в процессе лексикализации, представляя собой «пучок» новых смыслов. Окаzionale лексикализация является характерной и частотной приметой творчества М. Цветаевой, в лирике которой зафиксировано более 400 лексикализованных языковых единиц.

Важную роль в создании образности поэтического текста играют нестандартные синтагматические связи лексем. Ярко проявляют себя нестандартные связи существительных. В линейной структуре предложения явно выделяется

родительный падеж, в котором особенно активно происходит переход от парадигматически и синтагматически упорядоченных значений лексем к новым самоорганизующимся смыслам, что доказывает лингвистический анализ поэтических текстов А. Вознесенского, Е. Евтушенко, Н. Заболоцкого, М. Светлова.

Таким образом, поэтический язык представляет собой систему особого рода, в которой проявляется специфика взаимосвязи разных уровней, актуализация фонетического значения слова, активизация отдельных микросистем; выявляется поэтика грамматических категорий, эстетика формы, а также наблюдаются расширенные и нестандартные связи между единицами поэтического языка. Все это представляет собой языковые средства и языковой потенциал выражения образности в современной поэзии.

Литература

1. Лотман, Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха / Ю.М. Лотман – Л.: Просвещение, Ленингр. отделение, 1972. – 271 с.
2. Пастернак, Б. Люди и положения: автобиографический очерк / Б. Пастернак // Об искусстве. «Охранная грамота» и заметки о художественном творчестве. – М.: Эксмо, 2008. – С. 192–Флоренский, П. А. Пути и средоточия / П. А. Флоренский // Сочинения: в 4 т. — М.: Мысль, 1999. Т. 3: У водоразделов мысли. – С. 34–Барт, Р. Основы семиологии / Р. Барт // Структурализм: «за» и «против» : сб. ст. / под ред. Е. Я. Басина, М. Я. Полякова. – М.: Прогресс, 1975. – С. 114–163.
3. Эйхенбаум, Б. Анна Ахматова. Опыт анализа / Б. Эйхенбаум // О поэзии. – Л.: Советский писатель, 1969. – С. 75–Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 338 с.
4. Ожегов, С. И. Словарь русского языка: ок. 57000 слов. 20-е изд., стер / С.И. Ожегов. – М.: Русский язык, 1988. – 748 с.
5. Ахмадулина, Б. Избранное: стих / Б. Ахмадулина. – М.: Советский писатель, 1988. – 477 с.
6. Вознесенский, А. Избранное / А. Вознесенский. – М.: Эксмо, 2003. – 381 с.
7. Евтушенко, Е. Граждане, послушайте меня...: стихотворения и поэмы / Е. Евтушенко. – М.: Художественная литература, 1989. – 494 с.
8. Заболоцкий, Н. А. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1: Столбцы и поэмы. 1926–1933. Стихотворения. 1932–1958. Стихотворения разных лет. Проза / Пред. Н. Степанова; примеч. Е. Заболоцкой, Л. Шубина / Н.А. Заболоцкий. – М.: Художественная литература, 1983. – 655 с.
9. Пастернак, Б. Стихотворения и поэмы / Б. Пастернак. – М.; Л.: Советский писатель, Ленингр. отделение, 1965. – 730 с.
10. Строфы века: антология русской поэзии / Сост. Е. Евтушенко. – М.: Полифакт, 1999. – 1056 с.
11. Цветаева, М. И. Собрание сочинений: в 7 т. / М.И. Цветаева. – М.: Эллис Лак, 1994–1995. 7 т.

Поступила в редакцию 18.01.2018 г.

УДК 81-112.2:81'373.2

Мезенко как уникальный оним

Николаенко С.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

В статье рассказывается об ученом, который внес значительный вклад в становление и развитие Витебской ономастической школы — Анне Михайловне Мезенко, уроженке Несвижа, всю свою преподавательскую, научную и личную жизнь связавшую с Витебском. В материалах статьи перечислены основные направления деятельности ономастической школы, возглавляемой доктором филологических наук, профессором Мезенко А.М. Поэтому основная цель и заключается в описании опыта проведения исследований по этой интереснейшей и полезнейшей для науки и общества в целом отрасли.

Материал и методы. Источниками в работе стали литературные источники, опубликованные в разное время (в период с 1996 года, со дня основания Школы профессора Мезенко А. М.), в которых отражена вся специфика ономастических исследований самого ученого и его учеников. Метод реферирования этих работ позволил выделить около 12 статусных для современной ономастики номинаций.

Результаты и их обсуждение. За весь период функционирования Витебской научной ономастической школы, возглавляемой профессором Мезенко А. М., описано и проанализировано урбанонимное пространство, установлен лингвистический статус названий культурно-бытовых учреждений, определены способы словообразования адъектонимов и катойконимов, Установлена продуктивность различных типов фамилий жителей Белорусского Поозерья, дан анализ антропонимной системы Витебщины и Могилевщины XVI-XVIII вв., Установлены основные типы поэтонимов, участвующих в создании лирических образов элитарной поэзии XX в., заложены теоретические основания для создания сопоставительной урбанонимики и шире сопоставительной ономастики русского и китайского языков, исследован антропонимикон современного белорусского города в динамическом и социолингвистическом аспектах.

Заключение. Перспективность развития научного направления в значимости получаемых результатов и в их соответствии национальным интересам, в лингвистическом подтверждении мировоззренческих основ идеологии Республики Беларусь; в наличии круга проблем, требующих теоретического осмысления и практического внедрения.

Ключевые слова: Мезенко, оним, номинация, Витебская ономастическая школа, ономастические исследования Белорусского Поозерья.

(Ученые записки. — 2018. — Том 25. — С. 166–169)

Mezenko as a Unique Onym

Nikolaenko S.V.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The article represents the information about the scientist who made a significant contribution to the foundation and development of the Vitebsk onomastic school — Anna Mikhailovna Mezenko, born in Nesvizh, but devoted her teaching, scientific and personal life with Vitebsk. The materials of the article cover the main activities of the onomastic school headed by Dr. Philology, Professor A. Mezenko. Therefore, the objective of the article is to describe the experience of conducting research on this interesting and useful branch for science and society as well.

Material and methods. The courses for the article are based on the articles published within different periods (since 1996, from the day of the foundation of the School of Prof. Mezenko). The term chosen reflects the specific nature of the onomastic studies of the scientist herself and her students and followers.

Findings and their discussion. During the whole period of the existence of Vitebsk scientific onomastic school headed by Professor A.M.Mezenko, the urban space was described and analyzed, the linguistic status of the names was examined, the ways of word formation of adjectonics and katoikonims were determined. The productivity of various types of surnames of the inhabitants of the Belarusian Poozerye was established, the anthroponymic system of Vitebsk Region and Mogilev Region of the XVI–XVIII centuries was described and studied. The main types of poetics participating in the creation of the lyrical entity in the elite poetry of the twentieth century, theoretical foundations for the creation of comparative urbanism and a broader comparative onomastics of the Russian and Chinese languages were laid, and the anthroponyms of Belarusian towns in dynamic and sociolinguistic aspects were explored.

Conclusion. The prospects for the development of the scientific direction in the significance of the results obtained and in their conformity to national interests, in the linguistic confirmation of the world outlook principles of the ideology of the Republic of Belarus have been presented in the article; the present state of a range of problems in the onomastic branch that need theoretical reflection and practical implementation have been revealed.

Key words: Mezenko, onym, nomination, Vitebsk onomastic school, onomastic studies of Belarusian Poozerye.

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 25. — P. 166–169)

Как оценить пройденный человеком путь, как осознать масштабность его идей и задумок, полета научной мысли и преподавательского профессионализма? Ответы на эти вопросы найти несложно, потому что юбилей Анны Михайловны Мезенко позволяет с позиции ее многогранной деятельности не просто сказать о ней как о прекрасной вершине в науке и жизни, но и понять истоки ее вдохновения, человечности, горения. Поэтому основная цель заключается в описании опыта проведения исследований по этой интереснейшей и полезнейшей для науки и общества в целом отрасли.

Материал и методы. Материалом в работе стали литературные источники, опубликованные в разное время (в период с 1996 года, со дня основания Школы профессора Мезенко А. М.), в которых отражена вся специфика ономастических исследований самого ученого и его учеников. Метод реферирования этих работ позволил выделить около 12 статусных для современной ономастики номинаций.

Результаты и их обсуждение. Несвижская земля – уникальная земля во всех отношениях. Государственность и национальный характер, история и культура, наука и литература, природа и ремесла – все вобрала в себе земля Радзивиллов, Коласа и, конечно же, Мезенко.

Ее родители, Михаил Степанович и Зинаида Андреевна, послужили тем образцом, которому Анна Михайловна следовала на протяжении всех этих лет. У белорусов фамилии на –енко чаще всего образуются от личных мужских имен (ср.: Николаенко ← Николай, вот и автор гордится тем, что имеет один номинативный тип со своим Учителем) и их форм (ср.: Петрушенко ← Петруха), а также от прозвищ в форме существительных мужского рода (ср.: Дятленко ← Дятел).

В основе фамилии Ме'зенко – прозвище Ме'зен (М.В. Бірыла “Беларуская антрапанімія”, 1969, с. 283), происхождение которого может быть связано с «ме'зеным пальцем» – пятым, самым малым пальцем на руке и ноге. Это может означать, что первый носитель фамилии был самым младшим или самым маленьким сыном в семье. Суффикс –енко обозначает родственные связи: Ме'зенко – потомок Мезена.

Профессор А.М.Мезенко опубликовала более 300 научных работ, в том числе 13 монографий, 2 словаря, 2 учебника с грифом Министерства образования, 38 учебных пособий, в их числе 8 с грифом Министерства образования. Под руководством профессора А.М. Мезенко защищено 12 диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук: Сапегина Е.О. (1999 г.), Генкин В.М. (1999 г.), Семенькова Г.К. (2002 г.), Ляшкевич О.М. (2004 г.), Деревяго А.Н. (2006 г.), Ван Ли (2007 г.), Скребнева Т.В. (2010 г.), Борисевич О.А. (2012 г.), Галковская Ю.М. (2014 г.), Васильева Т.Ю. (2014 г.), До-

рофееенко М.Л. (2015 г.), Лисова И.А. (2016 г.). В настоящее время выполняется 3 диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Профессор А.М. Мезенко являлась руководителем проектов, финансируемых Белорусским Республиканским фондом фундаментальных исследований.

Уникальность А. М. Мезенко как ученого заключается в создании в 1996 году ономастической школы. Автор статьи преклоняется перед неиссякаемой научной энергией, с которой Анна Михайловна реализует научные интересы ономастики. Перечислим основные направления ономастических исследований, которые стали визитной карточкой Витебской ономастической школы и прекрасного региона нашей страны – Белорусского Поозерья.

Определен статус урбанонима в топонимии и ономастике; выявлены границы урбанонимного пространства, включающие годонимы, агоронимы, ойкодомонимы, внутригородские хоронимы, урбаногидронимы, экклезионимы; установлены основные процессы в истории белорусской урбанонимии и ее этапы – донациональный и национальный; определены структурные и семантические типы урбанонимов и их ареалы; зафиксирована степень продуктивности структурных, урбанонимообразующих моделей в урбанонимии Беларуси на современном этапе и на иных исторических этапах; показаны особенности проявления принципов номинации в разных урбанонимных полях; разработаны требования к русской передаче белорусских урбанонимов; установлены критерии оценки наименований и переименований внутригородских объектов [11].

Установлен лингвистический статус названий культурно-бытовых учреждений; выявлены структурные типы и способы грамматического выражения названий культурно-бытовых учреждений Беларуси; определены мотивы номинации и выделены тематические группы названий культурно-бытовых учреждений разных типов в разные исторические периоды; охарактеризованы основные коннотативные семы, наиболее последовательно прослеживающиеся в названиях культурно-бытовых учреждений Беларуси; выработаны практические рекомендации по номинации культурно-бытовых учреждений Беларуси [10].

Определены способы словообразования адъектонимов и катойконимов, установлены мотивирующие основы их образования, определены словообразовательные типы и модели для каждой группы оттопонимных дериватов; выявлена диалектная специфика оттопонимных дериватов, функционирующих на территории Витебщины; установлены основные пути перехода адъектонимов и катойконимов из диалектов в общелитературный язык; определены способы номинации жителей по местности, стилистическая окраска

каждого способа номинации; установлены внутриязыковые и экстралингвистические факторы, влияющие на выбор способа и типа номинации.

Установлена продуктивность различных типов фамилий жителей Белорусского Поозерья; впервые в белорусском языкознании осуществлен анализ фамилиеобразовательных основ в терминах семантического поля, установлены отличия ядерно-периферийных отношений между элементами; выявлены особенности размещения различных по семантике и структуре фамилиеобразовательных основ на территории Витебской области, выявлены факторы, оказывающие влияние на характер их распространения; выявлена специфика фамилий жителей Витебщины в лингвогеографическом плане.

Впервые в рамках белорусской ономастики дан анализ антропонимной системы Витебщины и Могилевщины XVI-XVIII вв.; определены пути фонетической и морфологической адаптации личных имен, функционировавших на указанной территории; выявлены особенности формирования и употребления отчеств; особенности влияния социолингвистических, культурных и иных факторов на характер прозвищ [5; 6].

Установлены основные типы поэтонимов, участвующих в создании лирических образов элитарной поэзии XX в.; выявлено влияние структурных компонент онимических именований и поэтического контекста на формирование плана содержания и стилистической окрашенности поэтонимов; установлена степень активности разных типов имен собственных, привлеченных к созданию лирических образов; изучен механизм динамики значения поэтонимов в связи с их ролью в формировании поэтического текста; выявлены частные поэтонимные подсистемы и установлена специфика их функционирования.

Заложены теоретические основы создания сопоставительной урбанонимики и шире сопоставительной ономастики русского и китайского языков; выявлено общее и специфическое в урбанонимных системах Беларуси и Китая; раскрыты особенности структуры и номинации ранее мало изученных единиц урбанонимных субполей; определено влияние социолингвистических, национально-религиозных, общественно-политических и других факторов на характер урбанонимов и частоту отдельных типов внутригородских названий в разных городах изучаемых стран [4].

Впервые исследован антропонимикон современного белорусского города в динамическом и социолингвистическом аспектах; рассмотрен вопрос о специфике процесса смены личного имени; выявлены особенности имянаречения близнецов; установлены антропонимные варианты, бытующие в официальной сфере, определена их продуктивность, региональное своеобразие; проанализирована специфика антропонимикона современного белорусского города в сопоставле-

нии с сельским; установлен уровень ономастико-этимологической компетенции горожан [7; 9].

Впервые на материале экклезионимии Беларуси уточнен статус наименований культовых сооружений; установлен комплекс черт, отличающих экклезионимы как отдельный вид урбанонимов от других разрядов онимов; определены структурные особенности экклезионимов разной конфессиональной принадлежности; выявлены особенности номинации католических, греко-католических, старообрядческих, протестантских, иудаистских, мусульманских культовых сооружений Беларуси; установлены лингвокультурологические особенности экклезионимов; обнаружена специфика распространения названий мест совершения обрядов разных конфессий на территории Беларуси. Впервые введено понятие антропонимического приграничья, установлены классификационные параметры выделения данной научной категории; определены особенности именословных систем белорусско-литовско-латышского и белорусско-российского приграничья, отличительные черты приграничных именников, закономерности развития приграничной антропонимии в ее зависимости от внеязыковых факторов, влияние которых обусловлено локализацией территории и спецификой лингвокультурного пространства ареала; выявлены имена, обладающие этнической коннотированностью. Определена их способность выполнять функцию этнических маркеров, установлены факторы, усиливающие или ослабляющие национальную и конфессиональную идентификацию жителей приграничья посредством антропонимных единиц; ситуация имянаречения проанализирована с точки зрения партиципации близкого окружения в выборе личного имени новорожденному. Выявлены основные субъекты-номинаторы в приграничье. Установлены отличительные черты процесса номинации в контексте социального развития общества во 2-й половине XX в.; в результате изучения мотивов выбора личного имени новорожденному в приграничном ареале выявлены специфика номинативных приоритетов и особенности номинативно-мотивационной сферы в северо-западном и северо-восточном приграничье; исследование факторов, обуславливающих процесс выбора имени, осуществлено с опорой на эмпирический материал, предполагающий рефлексивную доминанту. Установлены факторы, влияющие на выбор личного имени новорожденному в приграничном ареале.

Впервые введено понятие антропонимического приграничья, установлены классификационные параметры выделения данной научной категории; определены особенности именословных систем белорусско-литовско-латышского и белорусско-российского приграничья, отличительные черты приграничных именников, закономерности развития приграничной антропони-

мии в ее зависимости от внеязыковых факторов, влияние которых обусловлено локализацией территории и спецификой лингвокультурного пространства ареала; выявлены имена, обладающие этнической коннотированностью. Определена их способность выполнять функцию этнических маркеров, установлены факторы, усиливающие или ослабляющие национальную и конфессиональную идентификацию жителей приграничья посредством антропонимных единиц; ситуация именаречения проанализирована с точки зрения партиципации близкого окружения в выборе личного имени новорожденному. Выявлены основные субъекты-номинации в приграничье. Установлены отличительные черты процесса номинации в контексте социального развития общества во 2-й половине XX в.; в результате изучения мотивов выбора личного имени новорожденному в приграничном ареале выявлены специфика номинативных приоритетов и особенности номинативно-мотивационной сферы в северо-западном и северо-восточном приграничье; исследование факторов, обуславливающих процесс выбора имени, осуществлено с опорой на эмпирический материал, предполагающий рефлексивную доминанту. Установлены факторы, влияющие на выбор личного имени новорожденному в приграничном ареале [3].

Впервые на материале ойконимии Белорусского Поозерья смоделирован ментальный образ места поселения на основе выделения семантических групп «местожительство» и «местонахождение» и входящих в их состав семантических моделей, описывающих различные признаки места поселения; выявлен основной способ восприятия места поселения, опредмеченный в названиях населенных пунктов региона; установлен комплекс кодов культуры, объективирующихся в ойконимной системе Белорусского Поозерья; определены лингвокультурологические особенности системы названий поселений по отношению к другим сферам топонимного пространства; выделены элементы традиционной духовной культуры, нашедшие отражение в системе названий населенных пунктов Белорусского Поозерья [1; 2].

Впервые определена номинативная специфика виконимии в сравнении с урбанонимией, выявлены принципы номинации, которым соответствуют внутрисельские названия Беларуси, и установлены основные тематические группы; в лингвогеографическом плане представлены семантические особенности виконимии; смоделирован фрагмент частной разновидности ономастической картины мира – виконимической; определен объем семантических имён; выявлены психолингвистические детерминанты формирования неофициального именника, а также репрезентативные и перлокутивные особенности функционирования форм личных имен жителей региона; установлены мотиваторы межъ-

языковой и внутриязыковой конвергенции региональной неофициальной антропонимии; разработан подход к применению картографического метода исследования при определении специфики функционирования неофициальных имен в регионе.

Заключение. В качестве основных направлений исследования научная ономастическая школа планирует сохранить разработку теоретических проблем антропонимической и топонимической регионалистики – комплексный анализ онимической системы Беларуси, прежде всего Белорусского Поозерья – в синхронии и диахронии; теоретических вопросов моделирования ономастической картины мира и изучения ментальных представлений и стереотипов восприятия географических объектов разных типов; концептуализацию феномена ономастического приграничья; выявление модели ономастического пространства художественной литературы XX – XXI вв.

Литература

1. Васильева, Т.Ю. Ойконимия Белорусского Поозерья в лингвокультурологическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Минск, 2014. – 23с.
2. Васильева, Т.Ю. Переименование и культура (на примере ойконимов, соотносящихся с названиями животного мира) / Т. Ю. Васильева // Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования. – Смоленск: СмолГУ, 2017. – С.107-111.
3. Галковская, Ю.М. Феномен приграничья: от геополитики к социолингвистике и антропонимике / Ю.М. Галковская // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Сер. Филология. Социальные коммуникации. – 2013. – Т.26(65). – № 1. – С. 99–103.
4. Генкин, В.М. Ойконимия и катойконимия Белорусского Поозерья / В.М. Генкин. – Витебск: ВГУ им. П.М.Машерова, 2009. – 115с.
5. Беларуская антрапанімія :вучэбны дапаможнік / Г.М.Мезенка [рэд.]. – Віцебск: ВДУ ім. П.М.Машэрава, 2009. – С.247–254.
6. Мезенко, А. М. Ономастика Беларуси. Антропонимия: учебник / Ю.М. Галковская, А.М. Мезенко [и др.]. – Минск: РИВШ, 2017. – 398 с.
7. Мезенко, А.М. Антропонимное пространство Витебщины: монография / А.М. Мезенко, Т.В. Скребнева. – Витебск: ВГУ им. П.М.Машерова, 2013. – 148 с.
8. Мезенко, А.М. Белорусская ономастика. Топонимика / А.М. Мезенко [и др.]. – Минск: Элайда, 2012. – 260с.
9. Мезенка, Г.М. Віцебск у назвах вуліц / Г.М. Мезенка. – Віцебск: ВДУ імя П.М. Машэрава, 2008. – Ч.1. – 363с.; Ч.2. – 254с.
10. Мезенко, А.М. Имя внутригородского объекта в истории. Об урбанонимах Беларуси XIV-начала XX в. / А.М. Мезенко. – Минск: Вышэйшая школа, 2003. – 301с.
11. Мезенко, А.М. Урбанонимия как язык культуры / А.М.Мезенко // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И.Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. – 2011. – Т.24 (63). – №2. – Ч.1. – С.388–392.

Поступила в редакцию 18.01.2018 г.

УДК 811.161.1'373.211.5

Меморативы деятелям культуры в системах урбанонимов Российской Федерации

Разумов Р.В.

Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского, Ярославль (Россия)

Статья посвящена рассмотрению меморативов деятелям культуры. Цель статьи — изучение меморативов деятелям культуры, употребляющихся в урбанонимических системах Российской Федерации.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужили данные о системах внутригородских названий населенных пунктов Центрального федерального округа Российской Федерации, а также сведения о времени возникновения названий, извлеченные из топонимических справочников и путеводителей различных городов страны.

Мы используем описательный и исторический методы, метод лингвистической статистики.

Результаты и их обсуждение. В статье приводится перечень названий-посвящений деятелям культуры, встречающихся в городах страны. Автор анализирует различия в выборе персоналий для увековечивания, существующие в больших и малых провинциальных городах и столицах. В статье сопоставляются частотные названия, зафиксированные в больших и малых городах Центрального федерального округа. Автор прослеживает историю данного вида урбанонимов в Российской Федерации, выделяет основные этапы развития типа названий-посвящений деятелям культуры. Завершает статью анализ тенденций развития названий-посвящений деятелям культуры в урбанонимии Российской Федерации.

Заключение. Проведенный анализ показал, что на картах российских городов представлены названия в честь художников, скульпторов, архитекторов, композиторов, певцов, актеров и режиссеров. Показано, что подобные названия чаще встречались в больших городах, в малых населенных пунктах они представлены редко. В статье отмечается, что впервые подобные топонимы появились в российских городах до революции 1917 года. В 1920–1940-е гг. появилось сравнительно небольшое количество урбанонимов в честь деятелей культуры. Большинство выявленных названий было создано во второй половине XX века. Материалы исследования могут помочь в понимании специфики развития типа названий-посвящений.

Ключевые слова: ономастика, урбаноним, городское онимическое пространство, меморатив, столица, провинция, деятели культуры.

(Ученые записки. — 2018. — Том 25. — С. 170–174)

Memoratives for Art Workers in the Urbanonyms Systems of the Russian Federation

Razumov R.V.

K.D. Ushinsky State Pedagogical University, Yaroslavl (Russia)

The article considers the urbanonyms-memoratives for art workers. The purpose of this article is the study of the memoratives for art workers of urbanonymic systems of the Russian Federation.

Material and methods. The research is based on the information about the systems of intracity names in Central Russia localities, as well as on the data of the time when the names appeared which was taken from toponymic reference and guide books of different Russian cities and towns.

We used a descriptive method, historical method, a method of linguistic statistics.

Findings and their discussion. A list of names-dedications to art workers of the country's cities and towns can be found in the article. The author analyses differences in the choice of personalities for immortalizing in provincial towns and cities and in capitals. Frequency names in cities and towns of the Central Federal District are compared in the article. The author considers the history of this type of urbanonyms in the Russian Federation and highlights the main stages in the development of names-dedications to art workers. Finally, the tendencies of development of names in honour of art workers in urbanonymy of the Russian Federation are analyzed.

Conclusion. The analysis showed that the maps of Russian cities contain names in honor of the painters, sculptors, architects, composers, singers, actors and directors. It is shown that such names were more frequent in the big cities, in small towns they are presented rarely. According to the article, this type of urbanonyms first appeared in Russian cities before the 1917 revolution. In the 1920–1940s, a relatively small number of urbanonyms in honour of art workers appeared. Most of the identified names were created in the second half of the twentieth century. The study can help in understanding the specifics of the memoratives development.

Key words: onomastics, urbanonym, urban onimistic space, memorative, capital city, province, art workers.

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 25. — P. 170–174)

Для современного состояния российской ономастики, как справедливо отмечают многие ономатологи, характерно малое количество обобщающих теоретических работ в тех исследовательских областях, которые получили активное развитие лишь в последние десятилетия. К их числу относится и городская топонимия Российской Федерации, еще не получившая должного научного осмысления. Комплексное исследование урбанонимических систем страны — актуальная задача, стоящая перед российскими ономатологами. Примером ее успешной реализации являются работы А. М. Мезенко и ее учеников, в которых представлен анализ типологических особенностей городских топонимов Республики Беларусь, прослежена их эволюция. Одним из актуальных направлений исследования урбанонимов является анализ частотности городских онимов. Как справедливо отмечает А. М. Мезенко, «фреквентальный анализ названий улиц имеет основания открыть определенные закономерности формирования урбанонимной и виконимной систем конкретного народа и стать основой для лингвокультурологических и этнолингвистических исследований» [1, с. 106–107].

Формирование урбанонимов как особого класса собственных имен всегда было связано с необходимостью периодического упорядочения внутригородского пространства, выработки единых принципов именования объектов. Основным примером влияния власти на формирование онимического пространства города стало создание меморативов — мемориальных городских топонимов, под которыми понимается «имя, данное в память о человеке, событии, месте, реке организации» [2, с. 119]. Впервые подобные урбанонимы появились уже на дореволюционном этапе истории России, когда власть стала использовать городские названия в качестве средства увековечивания памяти об известных людях. Особенно интенсивно данный процесс стал протекать в советскую эпоху, когда во многих городах нашей страны стали массово появляться разнообразные топонимы-посвящения.

Настоящая статья продолжает цикл наших публикаций [3] об особенностях персональных меморативов — названий-посвящений, увековечивавших память о каком-либо известном лице. Для анализа мы выбрали меморативы в честь деятелей культуры: художников, скульпторов, архитекторов, композиторов, певцов, актеров, режиссеров.

Цель статьи — изучение меморативов деятелям культуры, употребляющихся в урбанонимических системах Российской Федерации. В настоящей публикации мы намерены представить состав этого типа урбанонимов, особенности его эволюции, а также описать различия в увековечении памяти о деятелях культуры в больших и малых городах.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили урбанонимы различных городов Российской Федерации, извлеченные из разных источников: созданной нами электронной картотеки «Урбанонимия Центральной России», основанной на сведениях, извлеченных из информационных баз адресации объектов в Центральном федеральном округе (далее — ЦФО) Российской Федерации, баз данных почтовых индексов, а также текстов справочников и путеводителей, интернет-ресурсов по 35 городам Российской Федерации (Архангельску, Бронницам, Великим Лукам, Великому Новгороду, Владимиру, Воронежу, Екатеринбург, Иванову, Ижевску, Казани, Калязину, Кирову, Костроме, Краснодару, Курску, Липецку, Махачкале, Москве, Орлу, Оренбургу, Пензе, Перми, Пушкину, Пскову, Рыбинску, Самаре, Санкт-Петербургу, Саранску, Саратову, Старой Руссе, Твери, Тольятти, Томску, Туле, Ульяновску, Череповцу и Ярославлю).

Мы используем описательный и исторический методы, метод лингвистической статистики.

Результаты и их обсуждение. Наш анализ мы начнем с определения примерного состава урбанонимов, увековечивающих память о деятелях культуры. Приводимые нами списки были составлены в результате анализа данных картотеки «Урбанонимия Центральной России» и материалов путеводителей по указанным выше городам. Безусловно, эти перечни являются неполными, однако они позволяют довольно точно представить состав меморативов в честь деятелей культуры. При упоминании урбанонимов в тексте статьи мы будем использовать географический термин *улица* как универсальный для российской городской топонимии.

Среди рассмотренных урбанонимов мы выделили семь типов названий.

Во-первых, в российских городах создавались урбанонимы **в честь художников**. Это самая многочисленная группа среди персональных меморативов, увековечивавших память о деятелях культуры. Всего нами отмечено появление 27 различных топонимов. Ядро группы образуют 5 урбанонимов, представленных в нескольких регионах ЦФО в разных типах населенных пунктов: *улица Айвазовского, улица Левитана, улица Репина, улица Сурикова, улица Шишкина*. К ближней периферии относятся названия, зафиксированные не менее чем в двух областях ЦФО: *улица Брюллова, улица Васнецова, улица Венецианова, улица Верещагина, улица Врубеля, улица Вороникина, улица Крамского, улица Кустодиева / Бориса Кустодиева, улица Писемского, улица Саврасова, улица Серова*. Единичными являются городские топонимы, представленные лишь в одном населенном пункте: *улица Андрея Рублева, улица Билибина, улица Борисова-Муса-*

това, улица Грабаря, улица Дейнеки, улица Кипренского, улица Маковского, улица Перова, улица Поленова, улица Рокотова, улица Фаворского. Интерес представляет и появление ансамблей меморативов в честь художников. В 1928 г. в Москве в кооперативном поселке художников Сокол появились названия улица Брюллова, улица Венецианова, улица Верещагина, улица Врубеля, улица Кипренского, улица Крамского, улица Левитана, улица Серова, улица Сурикова и улица Шишкина.

Во-вторых, во многих населенных пунктах ЦФО были созданы названия **в честь композиторов**. Всего нами отмечено 20 различных вариантов подобных меморативов. Показательно, что самый частотный урбаноним в честь деятелей культуры был создан в честь композитора: название улица Чайковского появилось в 82 населенных пунктах ЦФО. Помимо данного топонима, к ядру группы мы относим еще 3 меморатива: улица Бородин, улица Глинки и улица Мусоргского. К периферии мы отнесли урбанонимы, зафиксированные не менее чем в двух областях ЦФО: улица Алябьева, улица Блантера / Матвея Блантера, улица Даргомыжского, улица Дунаевского, улица Рахманинова, улица Римского-Корсакова, улица Скрябина, улица Танеева, улица Фатьянова. Прочие меморативы в честь композиторов являются единичными: улица Балакирева, улица Композитора Ставонина, улица Лядова, улица Рубинштейна, улица Свиридова, улица Тихона Хренникова и улица Шостаковича. Отметим, что в данной группе появились урбанонимы, увековечивавшие память о зарубежных композиторах: улица Баха, улица Бетховена и улица Штрауса.

Все оставшиеся группы рассматриваемого типа меморативов в честь деятелей культуры не относятся к числу частотных. Они представлены в сравнительно небольшом количестве населенных пунктов и не являются распространенными не только в малых, но и в больших городах.

12 меморативов увековечивало память **об архитекторах**. Лишь одно название представлено в нескольких населенных пунктах — улица Баженова. Все остальные урбанонимы являются единичными: улица Архитектора Белоброва, улица Архитектора Бутовой, улица Архитектора Быховского, улица Архитектора Корина, улица Архитектора Рыбниковой, улица Архитектора Толмачева, улица Архитектора Троицкого, улица Константина Тона. В Санкт-Петербурге появились урбанонимы, увековечивающие память об архитекторах, создавших неповторимый облик северной столицы: улица Зодчего Росси (1923), переулок Зодчего Гваренги (1923; в 1939 г. название трансформировалось в переулок Кваренги), площадь Зодчего Растрелли (1923; с 1929 г. — площадь Растрелли).

12 меморативов было создано **в честь режиссеров**. Лишь один урбаноним — улица Станис-

лавского — представлен в нескольких регионах нашей страны и относится к ядру рассматриваемого типа названий. Все остальные меморативы являются единичными: улица Братьев Васильевых, улица Вахтангова, улица Завадского, улица Немировича-Данченко, улица Андрея Тарковского, улица Ларисы Шепитько. Наиболее активно данная группа онимов развивалась в Москве, на карте которой представлены названия улица Довженко, улица Пудовкина, улица Пырьева, улица Сергея Эйзенштейна.

10 различных городских топонимов увековечивали память **об актерах**. Три названия представлены в нескольких населенных пунктах ЦФО: улица Ермоловой, улица Качалова и улица Щепкина. Все остальные урбанонимы были созданы лишь в одном населенном пункте: улица Актрисы Рожиной и улица Садовского. Меморативы в честь актеров активно присваивались и в Москве, на карте которой нами зафиксированы названия улица Алексея Дикого, аллея Жемчужовой, Прасковьины улица, улица Хмелева. Два урбанонима — аллея Жемчужовой и Прасковьины улица — были созданы в честь одного и того же лица. К этой же группе примыкает название улица Диктора Левитана.

5 меморативов были присвоены **в честь скульпторов**: улица Антокольского, улица Вучетича, улица Конёнкова, улица Мухиной / Скульптора Мухиной, улица Опекушина.

3 урбанонима были созданы **в честь певцов**. В нескольких регионах были представлены меморативы улица Мордасовой и улица Собинова, а топоним улица Леонида Утесова зафиксирован лишь в одном населенном пункте.

Представлен на картах ЦФО и единственный урбаноним, увековечивающий память **о пианисте**: улица Якова Флиера.

Меморативы в честь деятелей культуры относятся к периферии типа персональных посвящений, поскольку ни одно из них не входит в число 50 самых частотных урбанонимов ЦФО, а самый распространенный из них — улица Чайковского — зафиксирован в 16 из 17 областей, при этом в двух из них он представлен лишь в одном населенном пункте. Заметим, что среди меморативов в честь литераторов 15 названий представлены абсолютно во всех регионах Центра России.

Особенности частотности урбанонимов разных типов позволяют проследить коэффициент относительной распространенности урбанонимов (КОРУ), выраженный отношением суммарной абсолютной частоты городов, в которых был создан оним, к суммарной абсолютной частоте количества населенных пунктов данного типа. Показатель КОРУ, свидетельствующий о распространенности названия более чем в половине населенных пунктов ЦФО, превышен у четырех

топонимов, увековечивавших память о литераторах: *улица Горького* (0,66), *улица Пушкина* (0,62), *улица Маяковского* (0,58) и *улица Некрасова* (0,53). У самого распространенного меморатива в честь деятеля культуры — *улица Чайковского* — этот показатель равен 0,26, а еще у двух названий — *улица Глинки* и *улица Репина* — он соответствует 0,087 и 0,077.

Урбанонимы, увековечивающие память о деятелях культуры, распространены неравномерно в разных типах урбанонимических систем (см. об этом [4]). Для двух российских столиц (Москвы и Санкт-Петербурга) характерно широкое разнообразие подобных меморативов. Например, в Москве в разные годы было создано более 40 названий в честь деятелей культуры, а в Санкт-Петербурге — более 20 онимов. Интересно, что, в отличие от ранее рассмотренных урбанонимов, увековечивавших память о литераторах [3], в обеих российских столицах отсутствуют топонимы в честь зарубежных деятелей искусств.

Различия в составе меморативов в честь писателей, поэтов и литературных критиков наблюдаются и в урбанонимических системах больших и малых провинциальных городов. В больших населенных пунктах состав подобных топонимов более разнообразен: нами зафиксировано 65 различных вариантов городских онимов, в то время как в малых городах зафиксировано 34 варианта.

В больших городах КОРУ одного урбанонима — *улица Чайковского* — равно 0,55, то есть он представлен более чем в половине населенных пунктов ЦФО с этим статусом. Еще у двух названий — *улица Репина* и *улица Глинки* — этот показатель соответствует 0,37 и 0,3. В малых городах КОРУ у всех топонимов не превышает 0,17. Например, у меморатива *улица Чайковского* он равен 0,17, *улица Репина* — 0,026, *улица Глинки* — 0,04.

Различается в населенных пунктах и персональный состав частотных меморативов. Первую пятерку урбанонимов в честь деятелей культуры в больших городах образуют названия *улица Чайковского* (1 место), *улица Репина* (2 место), *улица Глинки* (3 место), *улица Левитана* (4 место), *улица Шишкина* (5 место). Соответственно в малых населенных пунктах в нее входят топонимы: *улица Чайковского* (1 место), *улица Глинки* (2 место), *улица Левитана*, *улица Мусоргского* и *улица Репина* (3 место), *улица Сурикова* (4 место), *улица Крамского* (5 место). Как видим, в этом типе городов состав первой пятерки частотных урбанонимов оказался более разнообразным.

Несомненный интерес представляет исследование эволюции меморативов в честь деятелей культуры.

До революции, по нашим данным, появился всего один урбаноним в честь деятеля культу-

ры. 20 ноября 1892 году на карте Санкт-Петербурга появилось название *улица Глинки* — первый генитивный топоним в российских городах [5, с. 139–143].

После революции 1917 г. создание меморативов в честь деятелей культуры стало более интенсивным. Интересно, что развитие данного типа названий отличалось от группы урбанонимов, увековечивавших память о литераторах. Если при создании последних местные власти, вероятно, ориентировались на «Список лиц, коим предложено поставить монументы в г. Москве и др. городах РСФСР...», утвержденный постановлением Совета народных комиссаров от 30 июля 1918 г., то при создании меморативов в честь деятелей культуры они к нему, по-видимому не обращались. В указанный список были включены следующие деятели культуры: «IV. Художники: 1. Рублев, 2. Кипренский. 3. Алекс. Иванов. 4. Врубель. 5. Шубин. 6. Козловский. 7. Казаков. V. Композиторы: 1. Мусоргский. 2. Скрябин. 3. Шопен. VI. Артисты: 1. Комиссаржевская. 2. Мочалов» (цит. по: [6, с. 25–26]). Интересно, что лишь один меморатив в честь персонажа данного списка — *улица Мусоргского* — имеет относительно высокую частотность (КОРУ — 0,045, зафиксирован в 14 населенных пунктах 6 областей ЦФО). Все остальные названия представлены в 1–2 населенных пунктах.

Особенно активно урбанонимы в честь деятелей культуры создавались в 1950–1960-е гг. По данным путеводителей и Интернет-ресурсов, в 1950-е гг. в российских городах появился 91 подобный меморатив, а в 1960-е гг. — 34 меморатива. В остальные десятилетия этот показатель колеблется в районе 20–25 названий: в 1920-е гг. — 23 урбанонима, в 1930-е гг. — 22 урбанонима, в 1940-е гг. — 25 урбанонимов, в 1970-е гг. — 23 урбанонима и т.д.

Урбаноним *улица Чайковского* присваивался на протяжении 1920–1950-е гг. Практически в каждое десятилетие этого периода регулярно появлялось по 3–4 названия. Так, в течение 1920-х годов подобные меморативы возникли в Санкт-Петербурге (1923 г.) и Москве (1928 г.), в 1930-е гг. — в Ижевске (1936 г.), Екатеринбурге (1937 г.), Череповце (1938 г.), в 1940-х гг. — в Воронеже, Иванове, Костроме и Ярославле (все — 1940 г.), Оренбурге (1948 г.), Пензе (1940-е гг.), а в 1950-е гг. — во Владимире (1952 г.), Рыбинске (1954 г.), Тольятти (1954 г.) и Орле (1958 г.).

Иную картину мы наблюдаем с возникновением урбанонима *улица Сурикова*. Если в течение 1920–1930-х гг. появилось всего 3 названия: в Москве (1928 г.), Екатеринбурге (1937 г.) и Ижевске (1939 г.), то в течение 1950-х гг. было создано 8 топонимов: в Казани (1953 г.), Липецке (1954 г.), Великих Луках и Уфе (1956 г.), Владимире (1957 г.), Кирове (1958 г.), Саранске (1959 г.), Пензе (1950-е гг.).

Аналогичную картину мы наблюдаем и с названием *улица Ретина*. В течение 1930-х гг. появился всего один подобный урбаноним в Самаре (1934 г.). Массово меморативы в честь художника появляются с конца 1940-х гг.: в 1948 г. топонимы созданы в Архангельске и Ижевске, в 1950 г. — в Уфе, в 1951 г. — в Иванове, в 1952 г. — в Санкт-Петербурге, в 1954 г. — в Липецке, в 1955 г. — в Тольятти, в 1956 г. — в Великих Луках, в 1958 г. — в Краснодаре, в 1959 г. — в Оренбурге.

Меморатив *улица Глинки*, как мы уже упоминали, впервые зафиксирован до революции в Санкт-Петербурге, однако в советском мемориальном урбанонимическом пантеоне он долгое время не был востребован: в 1923 г. подобный топоним появился в Пушкине, а в 1934 г. — в Самаре, а в 1941 г. — в Ижевске. Активное массовое создание названий в честь композитора, вероятно, начинается с конца 1940-х гг.: в 1948 г. название присваивается одной из улиц в Оренбурге, в 1949 г. — в Великих Луках и Уфе, в 1953 г. — в Саранске, в 1954 г. — в Туле, в 1958 г. — в Орле, в течение 1940–1950-х гг. — в Воронеже и Краснодаре.

Заключение. Проведенный нами анализ позволил установить, что меморативы в честь деятелей культуры занимают периферийное место в урбанонимии российских городов. Подобные названия чаще встречались в больших городах, в малых населенных пунктах они представлены редко. В 1920–1940-е гг. появилось сравнительно небольшое количество урбанонимов в честь деятелей культуры. Большинство выявленных названий было создано во второй половине XX века. Данные топонимы, несомненно, будут возникать в населенных пунктах и далее. Как показывают

результаты опросов общественного мнения, население городов благосклонно относится к созданию подобных меморативов.

Изучение специфики урбанонимов-посвящений, выявление особенностей существующих разновидностей этого типа названий представляют несомненный интерес для ономастики и социолингвистики. Подобное исследование позволяет выявить ономастический вкус различных исторических периодов и регионов нашей страны, описать наиболее частотные модели названий.

Литература

1. Мезенко, А. М. Частотность топонимов как экспонент культурно-исторической информации / А. М. Мезенко // Известия Смоленского государственного университета. — 2017. — №2. — С. 106–113.
2. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. — М.: Наука, 1988. — 192 с.
3. Разумов, Р. В. Меморативы писателям, поэтам и литературным критикам в системах урбанонимов Российской Федерации / Р. В. Разумов // Вестник Костромского государственного университета. — 2017. — №3. — С. 155–159.
4. Разумов Р.В. Типология моделей урбанонимических систем Российской Федерации / Р. В. Разумов // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. — 2016. — №4. — С. 121–125.
5. Владимирович, А. Г. Откуда приходят названия. Петербургские улицы, набережные, площади от аннинских указов до постановлений губернатора Полтавченко / А. Г. Владимирович, А. Д. Ерофеев. — М.: Центрполиграф, 2014. — 319 с.
6. Нерознак, В. П. Советский «новояз» на географической карте (о штампах и стереотипах речевого мышления) / В. П. Нерознак, М. В. Горбаневский. — М.: Знание, 1991. — 64 с.

Поступила в редакцию 18.01.2018 г.

УДК 811.161.3:008(043.3)+811.612.91:008(043.3)

Эргонимия белорусского и вьетнамского городов в ракурсе сопоставительной лингвокультурологии

Ратникова И.Э.*

*Белорусский государственный университет, Минск

Хоанг Тхи Бен**

**Институт внешней торговли г. Ханоя (Вьетнам)

Дискурс сферы торгово-экономического сотрудничества между Республикой Беларусь и Социалистической Республикой Вьетнам предполагает широкое использование эргонимов (наименований предприятий). Анализ их структуры, семантики и прагматики в сопоставлении необходим для эффективной межкультурной коммуникации.

Цель статьи — раскрыть национально-культурные особенности наименований предприятий Беларуси и Вьетнама, существенные для сопоставления лингвокультур, теории и практики перевода, лингвострановедения и лингводидактики.

Материал и методы. Материалом для анализа явились 2400 минских и ханойских эргонимов в равном соотношении. Их исследование проводилось посредством сопоставительного, компонентного, прагматистического и количественного методов.

Результаты и их обсуждение. Определены лингвокультурные особенности эргонимов с точки зрения компонентного состава, языковой принадлежности, грамматического оформления. Внутряязыковые факторы различий связаны с морфологическим типом языка, его графикой, наличием или отсутствием в языке четкой оппозиции опота — appellativa. Показано, что внешние факторы различий носят как объективный характер (глобализация, языковая ситуация в стране, национальные традиции, характер международных контактов), так и субъективный (эффект фасцинации иноязычных единиц, личные предпочтения номинаторов). Определена семантическая специфика белорусских и вьетнамских мотивированных эргонимов, отражающих логико-понятийную информацию о референте, и условно-символических эргонимов, которые отражают актуальные картины мира народов. Установлено, что различия проявляются в способе выражения рода деятельности предприятия; в количественном распределении по ономаσιологическим моделям; в малочисленности чисто конвенциональных эргонимических знаков в ханойской эргонимии. Показано, что в Ханое количественно преобладают и качественно более разнообразны эргонимы, фиксирующие элементы традиционной национальной культуры.

Заключение. С точки зрения причин, определяющих сходство и различия белорусских и вьетнамских эргонимов, фактор культуры оказался «более сильным», чем фактор языковой системы. В области языкового оформления и структурной организации эргонимов Минска и Ханоя обнаружено много общего. Различия более заметно выражены в области выбора номинативных единиц, отражающих особенности национальной культуры.

Ключевые слова: эргоним, вьетнамский, белорусский, мотивированный, конвенциональный, условно-символический, мотивировочное значение, ономаσιологическая модель.

(Ученые записки. — 2018. — Том 25. — С. 175–181)

Belarusian and Vietnamese City Ergonymy from Comparative Linguoculturology Perspective

Ratnikova I.E.*

*Belarusian State University, Minsk

Hoang Thi Ben**

**Foreign Trade University of Hanoi (Vietnam)

The discourse of trade and economic cooperation between the Republic of Belarus and the Socialist Republic of Vietnam implies broad use of ergonyms (enterprise names). Comparative analysis of their structure, semantics and pragmatics is necessary for effective intercultural communication.

The aim of the article is to reveal the national culture-specific peculiarities of Belarusian and Vietnamese enterprise names that are essential for comparing the two linguocultures, theory and practice of interpreting and translation, language and country studies and language teaching.

Material and methods. The study material included 2400 Minsk and Hanoi ergonyms in equal proportion. The research was carried out using comparative, component, pragmatylistic and quantitative methods.

Findings and their discussion. Linguocultural peculiarities of ergonyms in terms of their components, language and grammatical organization are identified. Factors determining differences within a language are related to the morphological type of language, its graphics, presence or absence of clear 'onoma – appellativa' opposition. It was demonstrated that external factors determining differences are both objective (globalisation, language situation in the country, national traditions, nature of international contacts) and subjective (foreign language units' fascination effects, nominators' personal preferences). Semantic peculiarities of Belarusian and Vietnamese motivated ergonyms reflecting logical and conceptual information on the referent, and of symbolic ergonyms reflecting the current worldviews of the world nations are determined. It was ascertained that the differences manifest themselves in how the type of activity of an enterprise is expressed; in quantitative distribution per onomasiological model; in low number of purely conventional ergonymic signs in Hanoi ergonymy. It is shown that, in Hanoi, ergonyms denoting the elements of traditional national culture are prevalent in terms of quantity and more diverse in terms of quality.

Conclusion. Among the reasons determining similarities and differences of Belarusian and Vietnamese ergonyms, cultural factor turned out to be "stronger" than the language system factor. In terms of linguistic expression and structural organization of Minsk and Hanoi ergonyms, a lot of commonalities were discovered. The differences are more pronounced in choice of nominative units reflecting the peculiarities of national culture.

Key words: ergonym, Vietnamese, Belarusian, motivated, conventional, symbolic, motivational meaning, onomasiological model.

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 25. – P. 175–181)

Благодаря многогранной исследовательской и педагогической деятельности профессора А.М. Мезенко белорусская ономастика расширила свои теоретические и методологические границы, обогатилась новой научной школой, что получило признание в европейской лингвистике. Работы Анны Михайловны, посвященные роли урбанонимов в репрезентации фрагментов национальной языковой картины мира, вдохновили авторов этой статьи на попытку установления национально-специфических характеристик другого класса собственных наименований – эргонимов (названий предприятий и учреждений) путем сопоставительно-лингвокультурологического анализа ономастических единиц Беларуси и Вьетнама.

Рост интереса к сопоставительным и контрастивным исследованиям обусловлен не только логикой развития научной мысли, но и чисто практическими задачами: во-первых, необходимостью эффективно обеспечивать коммуникацию представителей разных лингвокультурных общностей в условиях расширяющихся международных контактов в разных сферах и, во-вторых, потребностью совершенствовать методическое обеспечение преподавания языков. Сопоставительно-лингвокультурологический подход к единицам ономастики в Беларуси находится на раннем этапе своего становления. Особенно интересным в этом отношении оказывается сопоставление имен собственных разноструктурных языков, впервые реализованное в монографическом исследовании под руководством А.М. Мезенко. В этой работе, посвященной русскоязычной урбанонимии Беларуси в сопоставлении с китайской [4], было показано, как различия в мировоззрении, традициях, истории народов отражаются в ономасиологических моделях названий внутригородских объектов.

Именно контраст с материалом типологически далекого языка позволил отчетливо увидеть специфику ономастического ландшафта белорусского города как европейского: например, значительную роль меморативного принципа именования как важнейшего элемента в инфраструктуре коммеморации (причем преимущественно без опоры на связь эпонимов с именуемыми объектами); непродуктивность прецедентных поэтонимов в качестве мотиваторов (в Китае же модель именования внутригородских объектов именами героев художественных произведений активна); востребованность политико-идеологических и неактуальность философских категорий и др.

Отталкиваясь от данной модели номинативного сопоставительного лингвокультурологического описания, мы поставили задачу раскрыть национально-культурный компонент эргонимов, что, в свою очередь, впервые осуществляется на вьетнамском, русско- и белорусскоязычном материале. Заметим, что языковые проявления различий в менталитете и традициях русского и вьетнамского народов изучались преимущественно на материале фразеологии, реже – речевого этикета и не затрагивали имена собственные как самостоятельный объект исследования (упоминание о топонимах как вспомогательном материале для выявления когнитивных компонентов концепта имеется в работе [11]). Лингвокультуры Беларуси и Вьетнама (как белорусско-, так и русскоязычная) до сих пор не были, насколько нам известно, объектом сопоставительных исследований – притом, что имеется достаточный опыт перевода белорусских писателей на вьетнамский язык и вьетнамских – на белорусский (хотя и через русский как язык-посредник).

В лингвистике XXI в. растет интерес к специфике отражения национальной культуры в еди-

ницах искусственной номинации. Значительное внимание уделяется, в частности, лингвокультурологическому потенциалу эргонимов как единиц искусственной номинации, средства объективации концептосферы собственности, элементов городского/сельского ономастического ландшафта, а также медийных единиц – средства маркетинговой коммуникации (ср. работы последних лет [2, 3, 5, 9, 10, 12, 15, 16, 17] и др.). Сегодня эргонимы расценивают как одно из средств городской коммуникации: будучи единицами маркетинга, названия предприятий обеспечивают контакт производителя/продавца и потребителя. Соответственно к неймингу в сфере предпринимательства подходят как к созданию особой системы коммуникации, в которой бренд выступает предметом и средством общения с потребителем [8, с.13]. Причем нейминг, как активно развивающаяся разновидность медиадискурса и рекламной коммуникации, будучи к тому же ограниченной запретом на повтор зафиксированных единиц, характеризуется «повышенной креативностью» [7, с. 8].

Материал и методы. В статье отражены результаты анализа материала, включающего 2400 номинаций (по 1200 минских и ханойских эргонимов – необходимый и достаточный объем выборки при генеральной совокупности 136 000 vs 250 000 белорусских и вьетнамских ономастических единиц) двух видов: названия коммерческих предприятий (фирменные наименования) и принадлежащих им объектов, в том числе без статуса юридического лица (коммерческие обозначения). Уточним, что под белорусскими эргонимами мы подразумеваем весь эргонимический материал Минска, включая русско-, белорусско- и иноязычные единицы. Ср. в этой связи замечание Н.В. Подольской: «Когда мы говорим об ономастической системе, особенно топонимической, то имеем в виду систему локализованную, территориально приуроченную <...> любая ономастическая система включает разноразличные имена и весьма часто имеет субстрат» [14, с. 43]. Источником материала явились онлайн-справочники со сведениями о предприятиях, организациях, компаниях Беларуси и Вьетнама. При обработке материала использовались сопоставительный метод, методы интроспекции и интервью, компонентного анализа значения, количественной обработки данных, методы структурного, генетического, прагматистического анализа.

Результаты и их обсуждение. Эргонимы как носители фоновой информации отличаются от имен собственных других классов. Их прецедентность, как правило, социально и локально ограничена (за исключением брендов с многолетней историей, ставших явлением интеркультуры) – в отличие от прецедентности ономастических реалий, актуальных в течение веков: мифонимов,

имен выдающихся личностей, названий исторических событий, государств, городов. Но, с другой стороны, эргонимы могут быть результатом трансоимизации на базе прецедентных имен: *ЧТУП ИндраСвет* (*Индра* – царь богов и повелитель небесного царства в ведизме и индуизме), *ЗАО Камена* (*Камена* – в древнеримской мифологии богиня-покровительница искусств и наук), *Công ty cổ phần may Thăng Long* ‘открытое акционерное общество Тханг Лонг’ (*Тханг Лонг* – название столицы Вьетнама в 1010–1788 гг.). И в этом случае они являются носителями долговременных фоновых знаний. Каждый из названных типов информации культурно значим и существен для сопоставительного описания.

В качестве языковых знаков эргонимы делятся на мотивированные (иконические и индексальные) и конвенциональные (символические). Первые отражают логико-понятийную информацию о денотате или совмещают ее с оценкой; вторые либо в принципе не поддаются декодированию на основе языковой и культурной компетенции, либо отражают субъективные представления о мире, актуальные для данного сообщества. Их роль в коммерческой коммуникации различна. Любой эргоним является мотивированным для номинатора, но, с точки зрения «внешнего» восприятия, его мотивированность может варьировать от полной ясности до абсолютной «затемненности», т. е. с позиций номинатора и интерпретатора мотивированность эргонимов оценивается по-разному. Невозможно учитывать одновременно номинативные намерения имядателя и смыслы, которые объективно имеются у использованных им лексических единиц и в силу этого декодируются при восприятии названия, поэтому анализ содержательной стороны эргонимов мы осуществляли с точки зрения «внешнего» восприятия, методом интроспекции, а также интервью с потребителями

Сходные мотивировочные признаки эргонимов, информативных для адресата, объединяются в три когнитивно-ономастологические модели, представляющие индивидуализируемый объект в его отношении а) к целевому назначению, б) к целевой группе, в) к его локализации или иному пространству (границы между данными моделями эргонимов относительны, в каждой можно выделить свои ядро и периферию). Модель (а) реализуется в эргонимах, указывающих на отношение коммерческого предприятия к производимому/реализуемому продукту (*Книги энд книжечки*; *Лімарка*; *Đồ chơi thông minh* ‘умные игрушки’), а также связь с владельцем/производителем (*Экко* – с датским; *AnPhước* – с вьетнамским). Прагматический потенциал модели в том, что она обеспечивает однозначное понимание информации о предприятии и быстрое запоминание благодаря непосредственной связи с номинируемым объектом; экономит речемыслительные усилия номинатора, не требует привлечения дополнительных ресурсов. В минском

материале такие эргонимы составляют 53,07%; в ханойском – 72,9%. Более высокий процент вьетнамских наименований этого типа объясняется регулярным использованием лексических спецификаторов при словах с неопределенной семантикой в собственно ономастическом компоненте эргонима (*TNHH Thời Trang Khiêu Vũ Dừng Hùng* ‘ООО мода для танцев + Зунг Хунг’). Эргонимы модели (б), указывающие на возрастные, гендерные и др. характеристики потенциального покупателя/потребителя (*Минимэн, Книгочей, Thiên Thần Nhỏ* ‘маленький ангел’), в целом малочисленны, однако во вьетнамской лингвокультуре значительно преобладают (0,92% в Минске vs 2,73% в Ханое). Это объясняется, в частности, присутствием во вьетнамской эргонимии национально-специфической группы названий, мотивированных домашними прозвищами маленьких детей (*Cún con* ‘собачка маленькая’, *Gấu Yêu* ‘медвежонок любимый’, *Nhím Xinh* ‘ежик красивый’, *Nấm yêu* ‘грибочек любимый’, *Gấu Thỏ Shop* ‘медвежонок + зайчик + магазин’, *Mẹ Bé Táo* ‘мама ребенка по имени Яблочко’). Для адресатной модели в обеих лингвокультурах характерен феномен прономинальных эргонимов, манипулирующих вниманием потребителя (*Твое, Для Вас; Củ aban* ‘твое’ *Choban* ‘для тебя’). Эргонимы модели (в) (*Полесье; Miền Bắc* ‘Север’) немногочисленны в обоих городах, однако их количественное соотношение показательно (1,85% в Минске и 6,13% в Ханое). В первую очередь это обусловлено количественным расхождением номинаций, включающих хоронимы *Беларусь* (всего 1) и *Вьетнам* (62), и объясняется действием правового фактора: включение компонентов «Беларусь», «национальный» и «белорусский» в названия юридических лиц регулируется Гражданским кодексом и Указом Президента Республики Беларусь – во Вьетнаме аналогичные законодательные акты отсутствуют. Эргонимы-локативы основываются на естественной смежности внешней и внутренней формы и в качестве языковых знаков тяготеют к индексам (*На Немиге; Hồ Giọt* ‘озеро Возвращенного меча’). Эргонимы с комбинированными мотивировочными значениями занимают второе место по распространенности в рамках информативных единиц (6,99 % в белорусском материале vs 10,59 % во вьетнамском). Их собственно ономастический компонент включает как минимум два полнзначных слова, указывающих на два мотива номинации: *Кветкі Беларусі; Мебель для внуков; Căn nhà mơ ước Hà Nội* ‘дом мечты в Ханое’. Поскольку данные номинации отражают признаки объекта непосредственно или опосредованно, их можно разделить на прямые и косвенные. Последние также референцируют к реальным характеристикам предприятий, но уже посредством промежуточных ассоциаций, среди которых чаще всего обнаруживаются партитивные (*Табурет* – торговля мебелью; *Ветка сакуры,*

Hoa Mười Giờ ‘цветок десять часов’ (рус. *портулак*) – торговля цветами, *Tủ quần áo đẹp* ‘шкаф с красивой одеждой’) и причинно-следственные (*Модная мама; Trí Tuệ* ‘ум’). Ассоциации по сходству участвуют в номинативном процессе в качестве основного мотивировочного признака относительно редко, ср.: магазины одежды для беременных *Бегемотик, Bầu Bí* ‘тыква + кабачок’ (вьет.разг. *bầu* ‘беременность’ – результат метафорической деривации от *bầu* ‘тыква’), *Đậu Đỏ* ‘красная фасоль’ (образное обозначение беременной). Значительно чаще такие ассоциации дополняют основной мотивировочный признак: эргоним *Диван Диваныч* основан на ассоциации «часть – целое», которой сопутствует образная ассоциация «предмет – человек», выраженная антропоморфным именованием.

Рассмотрим конвенциональные, или условно-символические эргонимы, мотивировочные признаки которых носят скрытый характер. В рамках этого пласта номинаций отчетливо выделяются два типа: допускающие обоснованную экспликацию мотивировочных признаков (аттрактивные) и не позволяющие декодировать их на основе знания языка и общеизвестных фоновых знаний (собственно конвенциональные). Конвенциональные аттрактивные эргонимы неоднородны. Часть их основана на сходстве впечатлений, которые, по допущению номинатора, производят, могут или должны производить именуемое предприятие и объект/явление, чье обозначение выступает словом-донором. Ср.: *Cocedi* (торговая сеть), *ООО Бестселлер-групп*; вьет. *Vạn Mai Xanh* ‘рассвет зеленый’, *Sóng Xanh* ‘волна синяя’ (продажа одежды), *Tân Phong* ‘ветер новый’, *Tân Sao Mai* ‘Венера новая’ (агентства недвижимости). Семантическая удаленность слова-мотиватора от референтного значения эргонима, будучи источником образности, является естественной причиной эмоционального напряжения «получателя» информации (потребителя) и стимулом к поиску разумного объяснения или интуитивного «схватывания» мотива такой номинации. Так, собственно ономастический компонент эргонима *ЧУП Торговый дом Лагуна* неизбежно вызывает в сознании телевизионную «картинку» или образ из собственного опыта – залив, коралловые рифы, отделяющие его от океана, возможно Венеция и т.п., а приятные ощущения, связанные с этим образом, переносятся на объект искусственной номинации. Коммерческая номинация *Кабуки-Нирвана* «включает» в сознании адресата экзотические образы, связанные с искусством и философией Востока. Такие эргонимы действительно не обусловлены реальными признаками предприятий, а потому их связь с денотатами логически не объяснима. Однако адресат (потребитель) в большинстве случаев сознательно или интуитивно декодирует информацию другого порядка – намерение номинатора: либо

произвести впечатление, создать запоминающийся образ предприятия (ООО *Восклицательный знак* – агентство недвижимости), либо ограничиться задачами индивидуализации и идентификации (ООО *ВитиОл* – торговля цветами).

В большинстве случаев условно-образные эргонимы появляются в результате метафорических переносов, в которых использованы: а) ассоциативный фон феноменов, воплощающих красоту и силу природы: ООО *Волна удачи*, ОАО *Луч*; TNHH *Nam Đại Phong* ‘большой южный ветер’, TNHH *Xuân Phong* ‘ООО весенний ветер’; б) зооморфные метафоры, включая образы животных-мифологических персонажей: ОДО *Янтарный Шмель*, ТЧУП *Золотая лиса*, Mèo *Béo* ‘кошка толстая’, Bông *Đông* ‘пеликан’; в) фоновая культурная информация прецедентных антропонимов (в том числе мифологических и поэтических): *Мономах*, *Колумб*, *Соломон*, *Просто Мария*, *Купалинка*, *Садко*, *Душечка*; Shop *Thời trang thời hao Thánh Gióng* ‘магазин спортивной одежды Тхань Зонг’ (*Тхань Зонг* – герой вьетнамской легенды, сильный, храбрый юноша, который освободил страну от врагов), *Cửa hàng quả náo Lụa Cô Tấm* ‘магазин одежды Шёлк Там’ (*Там* – имя героини вьетнамской сказки, доброй красивой девушки, образ которой соотносим с образом Синдереллы/Золушки европейского фольклора и основанной на нем литературы); г) апелляция к религиозно-философским ценностям: ООО *Райский сад*, 7-е небо, *Новое небо*; Thiên *Lý* ‘небо + идея’, Thiên *Minh Phú* ‘небо + свет + богатство’, Thiên *An* ‘небо + безопасность’, Thiên *Trường Thịnh* ‘небо + долговечность + процветание’; д) метафорический потенциал лексем *золото*, *золотой*, а также варваризмов *голд*, *голден*: рус. ЧТУП *Золотой Кориун*, ООО *Голден Амазона*; Quả *Táo Vàng* ‘яблоко золотое’, Cơ *hội vàng* ‘шанс золотой’, Gót *vàng* ‘пятки золотые’, Sen *Vàng* ‘лотос золотой’, *Gold Rhino*, *Gold shop*. Культурно-специфичным является наполнение этих метафорических моделей с общими донорскими зонами: так, в белорусской эргонимии модель трансонимизации часто включает имена героев древнегреческой мифологии (*Деспина*, *Веста*, *Даная*). Это закономерно: по словам М.В. Голомидовой, «мегаполис с мультикультурной средой в большей степени открыт для использования в символической номинации прецедентных имен широкой известности, которые не связаны напрямую с историей города» [6, с. 197]. Однако в эргонимии Ханоя отражены преимущественно имена, характеризующиеся национальной прецедентностью.

Выделяется также пласт эргонимов, абсолютно не связанных не только с естественными признаками индивидуализируемых объектов, но и с проекциями на них признаков других объектов. Они представляют собой абстрактные понятия, отражающие (или символизирующие) моральные ценности, целеустановки, культурные стереоти-

пы – универсальные для человечества или объединяющие членов данного этноязыкового коллектива: *Эврика*, *Магия*, *Пропганда*, *Фурор-ВК*, *Аллегро*; An *Phủ* ‘стабильность/безопасность + богатство’, *Phủ Lộc* ‘богатство + благо’, *Đức Cường* ‘мораль + сильное/крепкое’, *Gia Tin* ‘хорошее/семейное+ авторитет/репутация’. По своим прагматическим характеристикам эргонимы этого типа сходны с русскими дорегиональными (языческими) антропонимами-пожеланиями (*Красава*, *Щасный*, *Любим*) и современными вьетнамскими дезидеративными именами людей (*Hoàng* ‘светлый’ и ‘король’, *Phát* ‘развитие’, *Lộc* ‘благо’, *Thịnh* ‘процветание’). Вьетнамские эргонимы с условно-образными собственно ономастическими компонентами значительно превосходят по количеству и разнообразию русско- и белорусскоязычные; они в большинстве своем включают лексемы, обозначающие жизненные ценности: TNHH *An Phú Thái* ‘ООО стабильность/безопасность + богатство + благополучие’, TNHH *Tài Lộc* ‘ООО ум/способность/талант + благо’, TNHH *Tân Phát* ‘ООО новое + развитие/процветание’, TNHH *Phú Vĩnh Hưng* ‘ООО богатое + вечное + процветание’, Tấn *Phát* ‘движение вперед + развитие/ процветание’, TNHH *Phúc Nguyên* ‘ООО добро + оригинал/подлинность’. Некоторые из подобных лексических компонентов воспроизводятся особенно часто (в том числе и в составе информативных эргонимов) и дают ясную картину номинативных предпочтений вьетнамских предпринимателей: *Thịnh* ‘процветание’, *Phát* ‘развитие’, An ‘стабильность/безопасность’, *Gia* ‘дом/семья’, *Hồng (Phúc)* ‘удача’, *Bảo* ‘гарантия/сохранение’, *Trung* ‘верность’, *Thắng* ‘победа’, *Đạt* ‘преуспевать’, и др. Самое любопытное в таких названиях – это их семантическая двуплановость: они могут восприниматься и как апеллативы, и как антропонимы (экстраономастические омонимы). Подобные бифункциональные единицы – результат того, что во вьетнамской лингвокультуре любое слово может быть выбрано в качестве личного имени человека; соответственно при восприятии личных имен типа *Minh Anh* ‘светлый (умный)’, *Minh Ngọc* ‘светлый + жемчуг’, *Minh Nguyệt* ‘светлая + луна’ первичная номинативная семантика продолжает осознаваться как внутренняя форма имени и вызывать соответствующие ассоциации (см.: [18]). При анализе подобных эргонимов (часто они являются ситуативно обусловленными, т. е. связаны с именем владельца или близкого ему человека) особенно ярко наблюдается асимметрия, свидетельствующая о специфичности вьетнамской и русской лингвокультур в их отношении друг к другу, о национальных особенностях антропонимических систем – четкой оппозиции антропонимов и апеллативов в русской и белорусской лингвокультурах vs открытости списка вьетнамских личных имен, отсутствию четкой грани между опона и

appellativa не только на уровне системы, но и на коммуникативном уровне (см.: [20, с. 297–302.]). Эргонимы Минска, мотивированные личными (преимущественно женскими) именами, мы относим к собственно конвенциональным, т. е. ситуативно обусловленным, поскольку с точки зрения наблюдателя неясно, «пустой» это знак или в нем отражена информация о принадлежности определенному владельцу. Когда личные антропонимы именуют людей, они становятся, по определению А. Гардинера, «embodiednames» [19, с. 9] (реализованными, воплощенными, «телесными» – в разных русских переводах). Употребленные в функции эргонима, т. е. за рамками своего прямого назначения, они не актуализируют классификационные семы («личность», «пол»), не обнаруживают логическую связь с референтом. Т. е. теоретически они «воплощаются», но воспринимаются потребителем примерно так же, как «disembodiednames» [19, с. 9] (невоплощенные, развоплощенные, «бестелесные»), – как «пустые», случайные звуковые ряды. Потенциальные (но не верифицируемые) признаки адресатной мотивированности можно увидеть лишь в указании на гендерную или возрастную группу (*Алеся, Надежда, Алешка*) или на принадлежность владельцу (*У Елены*). Имеются данные о коммерческой неэффективности подобных эргонимов. Так, психолингвистический эксперимент, проведенный научным коллективом кафедры общего и русского языкознания РУДН, показал, что из всех типов эргонимов в области свадебной моды наименьшую эффективность демонстрируют названия, представленные именами собственными [13].

В ядро собственно конвенциональных названий, мотив выбора которых целенаправленно закрыт для адресата, помимо личных имен, входят аббревиатуры, кодирующие различные идеи владельца или (часто) имена членов его семьи (совладельцев): *ООО Минор, ООО ВумНик, ООО ДуЛюс, ЧТУП К Плюс С, ООО Алексвит; Siêuthi ACE* ‘супермаркет ACE’, *Công ty cổ phần Chương* ‘ОАО Тьбюнг’, *Đình Cự Thiệp* ‘Динь Кь Тхиеп’ *Công Ty Cổ Phần D & T* ‘ОАО D & T’ *Đăng Căn* ‘Данг Кан’, *Hương Giang* ‘Хьюнг Занг’, *Đang Trà* ‘Данг Ча’. Несмотря на абсолютную неинформативность подобных единиц, они вовсе не лишены прагматического потенциала, который может быть связан с эстетическими качествами их фонетической формы – аттрактивным может быть сам звуковой ряд (*ООО Вургум*). С точки зрения номинатора, такие эргонимы либо связаны с его личностью, родственником, близким кругом, либо не связаны ни с кем, а просто красивы. С точки зрения потребителя, это случайные или низкоинформативные знаки (подобно тому как мотив метонимической личной номинации «в честь» нерелевантен за рамками ситуации наречения).

Что касается структурно-лингвистической стороны минских и ханойских эргонимов, то их сходство и различия выразились в следующем. При совпадении структурных моделей уровня слова и словосочетания различается их внутренняя дифференциация. Например, во вьетнамском материале (в связи с особенностями словообразовательной системы) однословная модель «разветвляется» на группы: простые (*Xanh* ‘зеленый’); сложные сочинительные (*Hải Sơn* ‘море + гора’); сложные подчинительные (*Kiến Vàng* ‘муравей огненный’); сложные «аллитерационные» (*Xinh Xinh* ‘красивый красивый’). Сложным словосочетаниям в белорусском материале соответствуют не только аналогичные конструкции во вьетнамском, но также сложные слова, состоящие из трех слогоморфем, каждая из которых при изолированном употреблении равна самостоятельному слову (*Thiên Minh Phú* ‘небо + свет + богатство’). Общей закономерностью является и тенденция к краткости: к однословным номинациям с некоторым преобладанием таковых во вьетнамских названиях (79,23 % в Ханое vs 67,38 % в Минске); к простым конструкциям в рамках словосочетаний (27,61 % простых и 4,68 % сложных единиц в Минске vs 18,24 % простых и 2,53 % сложных в Ханое) – более высокий удельный вес однословных названий во вьетнамском языке объясняется аналитизмом грамматического строя. Как в русском и белорусском, так и во вьетнамском языке, возможны индивидуализирующие номинации, воспроизводящие структурные схемы предложений, однако отмечены они только в эргонимии Минска (*Скажи здоровью Да, Надень-ка, Диваны тут, Хочу* и др.).

Генетическая стратификация минских и ханойских эргонимов обнаруживает такую черту (универсальную и неизбежную в силу объективных и субъективных причин: глобализации, интенсивных межкультурных контактов, глорифизирующего эффекта вкраплений), как разрушение транслингвального лингвоэкологического равновесия за счет экспансии англоязычных номинаций. В обоих городах достаточно велика доля иноязычных и гибридных номинаций (соответственно 23,86 % и 7,49 % в Минске vs 16,67 % и 9,62 % в Ханое): *Pro-trade, Quick Style, Ramsey, Renommée, Respect, Mams-маркет, Планета Kudo, Việt Star* ‘вьетнамская звезда’, *Hoàng tử sports* ‘принц спорт’. Количественные показатели англицизмов по г. Минску выше, вероятно, по той причине, что сегодня в пространстве кириллической графики уже сама латиница выполняет «декоративную функцию» [1, с. 16] (даже некоторые собственно белорусские названия имеют единственный графический вариант: *Lyuba, Belarusachka*). Факторы различий объективны: языковая ситуация, графика, национальные особенности межкультурных контактов в обеих странах. Замечено, что в коммерческой

эргонимии Минска более низок по сравнению с другими областями искусственной номинации (ср. данные Е.В. Тихоненко [16]) удельный вес названий на белорусском языке (1,27 % от общего числа). Зато преимуществом белорусскоязычных номинаций (*ООО Світанак, ООО Досвітак, ООО Борць*) является более высокая аттрактивность: названия «переключают» адресата с доминирующего языкового кода на функционально менее широкий, но осознаваемый горожанами как в большей степени «свой». В эргонимии Минска отмечены 82 пары графических дублетов (оформляются вариативно – и кириллицей, и латиницей: *Респект* и *Respect, Сандали* и *SunDali*), что невозможно во вьетнамском материале ввиду специфики алфавита (латинская буквенная основа + диакритические знаки тонов).

Заключение. Несмотря на типологические различия грамматических систем, исключающие сопоставление по частеречному признаку, структура белорусских и вьетнамских эргонимов обнаруживает существенное сходство с точки зрения синтаксических моделей номинаций; различия обусловлены в основном особенностями словообразования. Сходны также когнитивно-ономастические модели названий коммерческих предприятий, в том числе донорские зоны метафорических парадигм. Самые существенные различия наблюдаются в выборе мотивирующих номинативных единиц, обусловленном, во-первых, мировоззренческими ценностями и стереотипами и, во-вторых, лингвокультурными особенностями системных и функциональных отношений между ономастической и апеллятивной лексикой.

Литература

1. Анненкова, И. В. Современная медиакартина мира : неориторическая модель (лингвофилософский аспект) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.10 / И. В. Анненкова ; Моск. гос. ун-т. – М., 2012. – 60 с.
2. Багирова, Е. П., Гаврикова, Э. О. Языковой имидж современного города (на материале годинимов и эргонимов г. Тюмень) / Е. П. Багирова, Э. О. Гаврикова // Вестник Тюменского гос. ун-та. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2015. – № 4 (4). – Том 1. – С. 43–55.
3. Бутакова, Е. С. Эргонимы иноязычного происхождения в коммуникативном пространстве города: автореф. дис. ... канд. филол. н. / Е. С. Бутакова ; Нац. исслед. Томск. политех. ун-т. – Томск, 2013. – 26 с.
4. Ван Ли. Русскоязычная урбанонимия Беларуси в сопоставлении с китайской: структура, номинация : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 ; 10.02.20 / Ли Ван ; НАН Беларуси, Ин-т языкознания. – Минск, 2007. – 20 с.
5. Годуйко, Л. А. Эргонимы как часть ономастического пространства города Бреста // Вучоныя запіскі Брэст. дзярж. ун-та : зб. навук. прац. – 2012. – Вып. 8. Ч. 1. Гуманітарныя і грамадскія навукі. – Брэст, 2012. – С. 279–287.
6. Голомидова, М.В. Современная урбанонимическая номинация: стратегические подходы и практические решения / М.В. Голомидова // Вопросы ономастики. – 2017. – Т. 14. – № 3. – С. 185–203.
7. Замалетдинова, Л. Р. Современные русские урбанонимы в аспекте креативной речевой деятельности : автореф. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Л. Р. Замалетдинова ; Рос.ун-т дружбы народов. – М., 2016. – 26 с.
8. Кожанова, В. Ю. Лингвистические основы наименований брендов (на примере английского и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / В. Ю. Кожанова ; Кубанск. гос. ун-т. – Краснодар, 2007. – 20 с.
9. Косаренко, О. Т. Эргонимы и проблема сохранения национально-культурных особенностей русского языка / О.Т. Косаренко // Вестник Воронежск. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2017. – № 2. – С. 110–113.
10. Крыжановская, В. А. Эргонимы с элементами графической трансформации: структурно-семантический и прагматический аспекты : автореф. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / В.А. Крыжановская ; Кубанск. гос. ун-т. – Краснодар, 2017. – 26 с.
11. Ле, Минь Нгок. Особенности репрезентации русского концепта «счастье» (с позиции носителя вьетнамской культуры) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ле Минь Нгок ; Гос. ин-т рус. языка им. А.С. Пушкина. – М., 2011. – 26 с.
12. Насакина, С. В. Эргонимы как компоненты рекламных текстов фармацевтических препаратов / С. В. Насакина // Монография. – 2015. – № 23. – Одесса, 2015. – С. 124–128.
13. Перфильева, Н. В., Новоспаская, Н. В., Лазарева, О. В. Эффективность коммерческого имени / Н. В. Перфильева, Н. В. Новоспаская, О. В. Лазарева // Вопросы психолингвистики. – 2017. – № 3. – С. 92–109.
14. Подольская, Н. В. Проблемы ономастического словообразования / Н. В. Подольская // Вопросы языкознания. – 1990. – №3. – С. 40–53.
15. Ремчукова, Е. Н., Махиянова, Л. Р. Коммерческие урбанонимы России в аспекте креативной речевой деятельности / Е. Н. Ремчукова, Л. Р. Махиянова // Ценности и смыслы : Научный и информационно-аналитический гуманитарный журнал. – 2016. – № 6 (46). – С. 87–95.
16. Тихоненко, Е. В. Названия внутригородских объектов Минска: мотивация, структура, функционирование : автореф. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Е. В. Тихоненко ; НАН Беларуси, Ин-т языкознания. – Минск, 2015. – 24 с.
17. Трапезникова, А.; Подберезкина, Л. Ономастическое сознание современного горожанина (на материале эргонимии Красноярск) / А. Трапезникова, Л. Подберезкина. – LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 220 с.
18. Đỗ, Hữu Châu; Bùi, Minh Toán. Đại cương ngôn ngữ học : tập 1 / Đỗ Hữu Châu, Bùi Minh Toán. – NXB Giáo dục, 2001. – 286 tr. (До, Хыу Тъяу; Буй, МиньТоан. Общее языкознание / До Хыу Тъяу; Буй МиньТоан. – Т. 1. – Ханой : изд. До Хыу Тъяу, Буй Минь Тоан «Образование», 2001. – 286 с.)
19. Gardiner, A. The Theory of Proper Names / A. Gardiner. – London : Oxford University Press, 1954. – 174 s.
20. Phạm, Tấn Thắng. Đitimbansắc vănhóacủangười Hà Nội qua cách đặt và gọi tên người / Phạm Tấn Thắng // Tiếng Hà Nội trong mối quan hệ với tiếng Việt và văn hóa Việt Nam – Hà Nội: Nhà xuất bản Lao động, 2004. – Tr. 297–302. (Фам Тат Тханг. Поиск культурной идентичности ханойцев посредством наименования людей и обращения по имени / Фам Тат Тханг // Ханойский язык в отношении к вьетнамскому языку и вьетнамской культуре. – Ханой : Труд, 2004. – С. 297–302.)

Поступила в редакцию 18.01.2018 г.

УДК 811.161.1'373.211(476)

Неафіцыйныя найменні ўнутрыгарадскіх аб'ектаў Беларусі: структурны і семантычны аспекты

Семянькова Г.К.

Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава”, Віцебск

У пераважнай большасці праца па ўрбананіміцы апісваюцца афіцыйныя найменні ўнутрыгарадскіх аб'ектаў. Неафіцыйныя ж назвы застаюцца пакуль што па-за межамі навуковых даследаванняў, аднак такія адзінкі з'яўляюцца не менш цікавымі ў лінгвістычным, сацыяльным і культурным аспектах: у іх адбіваецца менталітэт, асаблівасці светапогляду, духоўныя і матэрыяльныя каштоўнасці народа.

Мэта прапанаванага артыкула — выяўленне асаблівасцяў структуры і семантыкі неафіцыйных найменняў унутрыгарадскіх аб'ектаў Беларусі.

Матэрыял і метады. Асноўным матэрыялам паслужылі неафіцыйныя найменні аб'ектаў Віцебска, Мінска і Магілёва, сабраныя на працягу 2014-2017 гг. шляхам апытання жыхароў названых гарадоў. Фактычны матэрыял складае каля 300 адзінак. Выкарыстоўваючы розныя метады аналізу матэрыялу (апісальны, параўнальна-супастаўляльны, элементы статыстычнага), аўтар выяўляе спецыфічныя рысы неафіцыйных найменняў унутрыгарадскіх аб'ектаў Беларусі.

Вынікі і іх абмеркаванне. У артыкуле ўпершыню даследуюцца неафіцыйныя найменні ўнутрыгарадскіх аб'ектаў Беларусі ў структурным і семантычным плане: вызначаецца іх кампанентны склад, найбольш прадуктыўныя тыпы, матывацыя, асаблівасці функцыянавання ў розных гарадах.

Паводле структуры ўсе неафіцыйныя ўрбананімы дзеляцца на простыя, складаныя і састаўныя. Самую вялікую па колькасці адзінак групу ўтвараюць простыя назвы — найменні, якія складаюцца з аднаго аднакаранёвага слова. Сярод простых адзінак самым прадуктыўным спосабам утварэння з'яўляецца суфіксацыя. Найбольш частыя суфіксы пры ўтварэнні неафіцыйных ўрбананімаў наступныя: -к-, -ух-/юх-, -оўк-, -ок-/ёк-, -ачк-, -ык-/ік-, -анк-.

Складаныя назвы маюць у сваёй структуры дзве і больш каранёвыя марфемы. Такія найменні ўтвараюцца рознымі відамі складання: шляхам змешанай, складовай, гукавой абрэвіяцыі, словаскладаннем, асноваскладаннем.

Састаўныя назвы складаюцца з некалькіх слоў. Састаўныя найменні з'яўляюцца, як правіла, двухкампанентнымі, радзей — трохкампанентнымі і надзвычай рэдка — чатырохкампанентнымі.

Двухкампанентныя ўрбананімы ўтвораны па наступных сямі мадэлях: “прыметнік” + “назоўнік”; “назоўнік у назоўным склоне” + “назоўнік у родным склоне”; “назоўнік у назоўным склоне” + “назоўнік у давальным склоне”; “парадкавы лічэбнік” + “назоўнік у адзіночным ліку”; “парадкавы лічэбнік” + “субстантываваны прыметнік”; “колькасны лічэбнік” + “назоўнік у форме множнага ліку”; “прыназоўнік” + “назоўнік”.

Паводле семантыкі ўсе неафіцыйныя ўрбананімы належаць да наступных груп: адантрапанімныя; найменні, дадзеныя па колеры, форме аб'ектаў, падабенстве да шырокавядомых збудаванняў, месцы знаходжання, асаблівасцях функцыянавання, рэльефу, ландшафту; заснаваныя на метаніміі; у аснове якіх ляжыць гістарычная матывацыя.

Заклучэнне. Складаныя і састаўныя неафіцыйныя найменні вылучаюцца разнастайнасцю спосабаў і мадэляў утварэння, сярод якіх самымі прадуктыўнымі з'яўляюцца розныя віды абрэвіяцыі (для складаных найменняў), а таксама “якасны прыметнік” + “назоўнік”, “назоўнік у назоўным склоне” + “назоўнік у родным склоне” (для састаўных назваў).

Перавага аднаслоўных урбананімаў над складанымі і састаўнымі тлумачыцца найперш адной з галоўных прычын узнікнення неафіцыйных найменняў гарадскіх аб'ектаў — спрашчэнне і скарачэнне афіцыйных назваў пры размове для зручнасці і хуткасці зносінаў, падчас якіх у камунікатыўным акце выкарыстоўваюцца сціслыя, лаканічныя моўныя сродкі.

Неафіцыйныя ўрбананімы беларускіх гарадоў характарызуюцца разнастайнасцю семантычных прыкмет, пакладзеных у аснову іх называння. Усе чатыры прынцыпы намінацыі афіцыйнай урбананіміі Беларусі, выдзеленыя Г.М. Мезенка, могуць быць прыменены і да неафіцыйнай урбананіміі: 1) назва аб'екта па сувязі з чалавекам (праяўляецца ў найбольшай колькасці неафіцыйных адантрапанімных прыкладаў), 2) намінацыя аб'екта па адносінах да іншых значных аб'ектаў (праяўляецца ў нешматлікіх адзінках), 3) назва аб'екта па ўласцівых яму асаблівасцях і якасцях (прынцып з'яўляецца дамінуючым у асобных семантычных групам неафіцыйных урбананімаў), 4) намінацыя па сувязі аб'екта з абстрактным паняццем (выяўляецца ў асобных групам).

Супаданчы па асноўнай функцыі — лакалізацыі геаграфічнага аб'екта ў межах горада, неафіцыйныя ўрбананімы часам адрозніваюцца ад афіцыйных прычынамі ўзнікнення і прызначэннем. У адных выпадках неафіцыйныя найменні ствараюцца для ўключэння канкрэтнага аб'екта ў сферу інтарэсаў пэўнай групы асоб (часцей моладзі), у іншых — з мэтай слоўнай гульні (Безнадзёжная — станцыя метро “Маладзёжная” ў Мінску) або для выражэння адносінаў да аб'екта (Нудзілаўка — студэнцкая сталोўка). Адрозненне неафіцыйнай урбананіміі ад афіцыйнай заключаецца і ў тым, што калі афіцыйныя ўрбананімы — гэта ўжо другасныя найменні (напрыклад, Замкавая вуліца ў Віцебску атрымала такую назву таму, што размешчана на тэрыторыі былога Ніжняга замка), то неафіцыйныя

назвы другасныя ўдвая: яны нярэдка ўзнікаюць у выніку пераўтварэння афіцыйных (Рыа Дэ Шабанейра — мікрараён Шабаны ў Мінску).

Ключавыя словы: урбанонім, неафіцыйная ўрбананіміка, семантычная класіфікацыя, структурная класіфікацыя, гарадскі аб'ект, матывацыя, прынцыпы намінацыі, дэрывацыя, суфікс.

(Ученые записки. — 2018. — Том 25. — С. 182–189)

The Informal Names of the Intracity Objects of Belarus: Structural and Semantic Terms

Semiankova H.K.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

Within the vast majority of urban studies the official names of intracity objects are mainly described. Therefore, unofficial names remain for the time being beyond scientific research, however such units are no less interesting for linguists in social and cultural aspects: they reflect the mentality, the features of the picture of the world, spiritual and material values of the people.

The objective of the article is to reveal the features of the structure and semantics of unofficial names of intracity objects in Belarus.

Material and methods. *The basic material is the informal names of the objects of Vitebsk, Minsk and Mogilev that were collected by interviewing residents of these cities in 2014-2017. The actual material is about 300 units. Using the various methods of material analysis such as descriptive, comparative, comparative, statistical elements ones, the author reveals specific features of unofficial names of intracity objects in Belarus.*

Findings and their discussion. *The informal names of the intracity objects of Belarus have been studied for the first time in structural and semantic term, their component composition, the most productive types, motivation, features of functioning in different cities have been determined.*

All the informal urbanonyms are divided into simple, complex and composite according to their structure. The group with the largest number of units is formed by simple names including names that consist of one single root. Within simple units, the most productive way of education is suffixation. The most frequent suffixes in the formation of unofficial urbanonyms are the following: -k-, -yx- / -yx-, -owk-, ok - / - ek-, -chak-, -yk - / - ic-, -ank-.

Complex names have two or more root morphemes in their structure. Such names are formed by various kinds of addition: by means of mixed, syllabic, sonic abbreviations, word-laying, interconditional imposition.

Compound names consist of several words. As a rule, composite names are two-component, more rarely - three-component and extremely rare - four-component words

Two-component urbanonyms are formed according to the following seven models: “adjective” + “noun”; “noun in the nominative case” + “noun in the genitive case” “noun in the nominative case” + “noun in the dative case” “ordinal numeral” + “noun in the singular”, “ordinal numeral” + “substantivized adjective”, “quantitative numeral” + “noun in plural form “;” preposition “+” noun “.

According to the semantics, all informal urbanonyms belong to the following groups: otanthononyms, names, data on color, form of objects, similarity to well-known structures, location, features of functioning, terrain, landscape based on metonymy, based on historical motivation.

Conclusion. *Complex and compound informal names are distinguished by a variety of ways and models of education, the most productive of them are various types of abbreviations (for complex names), and also “qualitative adjective” + “noun”, “noun in nominative” + “noun in genitive case” (for compound names). The advantage of single-word urbanisms over complex and compound is primarily due to one of the main reasons for the emergence of unofficial names of urban objects - the simplification and reduction of official names in conversation for convenience and speed of communication, during which the communicative act uses concise, laconic linguistic means.*

Informal urbanonyms of Belarusian cities are characterized by a variety of semantic features, which are the basis for their naming. All four principles of the nomination of official urbanonymy of Belarus, singled out by prof. AM. Mezenko, can be applied to unofficial urbanism: 1) the name of the object of communication with a person (manifested in the largest number of unofficial otantrononyms examples), 2) the nomination of the object in relation to other significant objects (manifested in a few examples), 3) the name of the object according to its inherent characteristics and qualities (the principle is dominant in individual semantic groups of informal urbanonyms), 4) nomination for communication volume the one with the abstract concept (shown in separate groups).

Coinciding with the main function - the localization of a geographical object within the city, informal urbanonyms sometimes differ from the official reasons for their occurrence and purpose. In some cases, informal names are created to include a particular object in the sphere of interests of a certain group of people (more often young people), in others - for the purpose of verbal play (Hopeless - Molodezhnaya metro station in Minsk) or to express an attitude towards the object

(*Nudilovka* – student canteen). The difference between informal urbanonymity and official lies in the fact that if official urbanonyms are already secondary names (for example, *Zamkovaya street* in Vitebsk was given such a name because it is located on the territory of the former Lower Castle), then the unofficial names are of secondary nomination: they often arise in the result of the transformation of official names (*Rio De Chabaneira* – *Shabana* – residential area in Minsk).

Key words: urbanonym, informal urbanonymy, semantic classification, structural classification, urban object, motivation, principles of nomination, derivation, suffix.

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 25. – P. 182–189)

Пачатак спецыяльнага даследавання беларускай урбананіміі звязаны з іменем З.Ф.Краўчанкі і артыкулам аўтара, прысвечаным выяўленню крыніц, структурных і семантычных тыпаў назваў вуліц Мінска [4]. Да гэтага былі выдадзены кнігі М.Агеева, М.Зелянкова “Іх імёнамі названы вуліцы Гомеля” [1] і В.А. Жучкевіча “Вуліцы помняць: Гісторыя, падзеі, людзі ў назвах вуліц і плошчаў горада-героя Мінска” [3] – своеасаблівыя даведнікі па найменнях вуліц Гомеля і Мінска.

Аналізу назваў унутрыгарадскіх аб'ектаў Барысава, Віцебска, Гомеля, Гродна, Нясвіжа, Шклова прысвечаны шэраг артыкулаў Г.М. Мезенка [5; 7-14; 16]. Абагульненнем жа даследаванняў па беларускай урбананіміі сталі манаграфіі Г.М.Мезенка “Урбананімія Беларусі” [15] і “Віцебшчына ў назвах вуліц” [6].

Вывізначальна, што ў пераважнай большасці прац па ўрбананіміцы апісваюцца афіцыйныя найменні ўнутрыгарадскіх аб'ектаў – найменні, якія маюць пісьмовую фіксацыю: запісваюцца на паштоўках, лістах, тэлеграмах, такія назвы сустракаюцца на шыльдах дамоў, на планах і схемах гарадоў. Неафіцыйныя ж назвы, што ўзнікаюць у вузкіх колах насельніцтва для абазначэння асобных унутрыгарадскіх аб'ектаў, застаюцца пакуль што па-за межамі навуковых даследаванняў, аднак такія адзінкі з'яўляюцца не менш цікавымі ў лінгвістычным, сацыяльным і культурным аспектах: у іх адбіваецца менталітэт, асаблівасці светапогляду, духоўныя і матэрыяльныя каштоўнасці народа.

Мэта прапанаванага артыкула – выяўленне асаблівасцяў структуры і семантыкі неафіцыйных найменняў унутрыгарадскіх аб'ектаў Беларусі.

Матэрыял і метады. Асноўным матэрыялам паслужылі неафіцыйныя найменні аб'ектаў Віцебска, Мінска і Магілёва, сабраныя на працягу 2014–2017 гг. шляхам апытання жыхароў названых гарадоў. Фактычны матэрыял складае каля 300 адзінак. Выкарыстоўваючы розныя метады аналізу матэрыялу (апісальны, параўнальна-супастаўляльны, элементы статыстычнага), аўтар выяўляе спецыфічныя рысы неафіцыйных найменняў унутрыгарадскіх аб'ектаў Беларусі.

Вынікі і іх абмеркаванне. Паводле структуры ўсе неафіцыйныя ўрбананімы дзеляцца на простыя, складаныя і састаўныя. Самую вялікую

па колькасці адзінак групу ўтвараюць простыя назвы – найменні, якія складаюцца з аднаго аднакаранёвага слова.

Сярод простых па структуры неафіцыйных найменняў гарадскіх аб'ектаў самым прадуктыўным спосабам утварэння з'яўляецца суфіксацыя. Пералічым найбольш частыя суфіксы пры ўтварэнні такіх урбананімаў:

-к-: *Валадарка* – астрог па вуліцы Валадарскай, *Юбілейка* – гасцініца “Юбілейная” і інш.;

-ух-/-юх-: *Герцуха* – вуліца Герцена, *Лысуха* – вялікі пагорак у Курасаўшчыне, да яго добраўпарадкавання там нічога не расло;

-ок-/-ёк-: *Лужок* – мікрараён Зялёны луг, *Кулёк* – установа адукацыі “Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры”;

-оўк-: *Чарняхоўка* – раён праспекта Чарняхоўскага, *Старажоўка* – раён гасцініцы “Беларусь”, царквы Марыі Магдаліны і Старажоўскай вуліцы;

-ачк-: *Карлачка* – вуліца Карла Лібкнехта;

-ык-/-ік-: *Амфік* – амфітэатр, *Еўрык* – любая крама гандлёвай сеткі “Еўраопт”, *Лядовік* – лядовы палац спорту;

-анк-: *Блажавешчанка* – Дабравешчанская царква.

Як відаць з прыкладаў, асноўная большасць такіх адзінак – назоўнікі жаночага роду, якія паходзяць ад афіцыйных назваў вуліц, устаноў, арганізацый.

Частка простых па структуры найменняў – вынік працэсу ўнівербацыі: *Нацыяналка* – Нацыянальная бібліятэка Беларусі, *Тройка* – Траецкае прадмесце, *Акадэмка* – назва, якая аб'ядноўвае адразу тры аб'екты: станцыю метро “Акадэмія навук”, Акадэмічную бібліятэку і краму “Акадэмнакі”, *Чарвенка* – Чэрвенскі рынак, *Тэхналожка* – установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт”.

Вылучаецца нязначная па колькасці група найменняў, што ўяўляюць сабой прыметнікі: *Сцякляны* – назва крамы, у якой раней была доўгая шкляная вітрына, *Сахаты*, *Ласіны* – крама ў доме № 81 па вуліцы Каліноўскага. Гісторыя ўзнікнення наймення наступная: у маі 1975 года на вуліцу Каліноўскага з суседняга лесу прыйшоў лось. Ubачыўшы свой адбітак у вітрыне, лось прыняў яго за суперніка і кінуўся на яго. Разбіўшы шкло, лось апынуўся ў краме, дзе яго злавілі і потым

адпусцілі на волю. З таго дня гастронам сталі называць абодвума найменнямі – *Сахаты* і *Ласіны*.

Частка неафіцыйных найменняў – назоўнікі ў форме множнага ліку: *Сухары* – мікрараён Сухарава, *Церахі* – раён вуліцы Церашковай, *Чарняхі* – раён праспекта Чарняхоўскага, *Югі* – мікрараёны Поўдзень-5, Поўдзень-6, Поўдзень-7, Поўдзень 7а, *Страякі* – праспект Будаўнікоў, *Спічкі* – два жылыя дамы на скрыжаванні вуліц Багдановіча і Машэрава, названы так з-за сваёй формы, *Розачкі* – месца каля помніка загінуўшым падчас цісканіны 30 мая 1999 года каля ўвахода на станцыю метро “Няміга”, помнік уяўляе сабой бронзавыя ружы, *Ракасы* – праспект Ракасоўскага, *Квадраты* – лаўкі злева ад Палаца Рэспублікі, якія стаяць квадратамі.

Як відаць з прыкладаў, асноўная большасць такіх адзінак паходзіць ад афіцыйных назваў вуліц і мікрараёнаў.

Складаныя назвы маюць у сваёй структуры дзве і больш каранёвыя марфемы, аб’яднаныя ў адно слова. Такія найменні могуць утварацца рознымі відамі складання:

шляхам змешанай абрэвіяцыі, калі ў словаўтваральную базу ўваходзіць частка першага ўтваральнага слова і цэлае другое ўтваральнае слова (без удзелу інтэрфікса): *Драмтэатр* – ад *драматычны тэатр*, *Спорттавары* – ад *спартыўныя тавары*, *Тэлевышка* – ад *тэлевізійная вышка*);

шляхам складовай абрэвіяцыі, пры якой у словаўтваральную базу ўваходзяць склады першага і другога ўтваральнага слоў (без удзелу інтэрфікса): *Гаршок* – ад *гарачы шакалад*;

шляхам гукавой абрэвіяцыі: *Ад* (чытаецца “ад”) – гукавая абрэвіатура, пры ўтварэнні якой у якасці словаўтваральнай базы выступае першая літара першага слова і апошняя літара апошняга слова (аўтамабільны завод), *Як* (чытаецца “як”) – плошча *Якуба Коласа*;

шляхам словаскладання, калі ў словаўтваральную базу ўваходзяць абодва ўтваральныя словы цалкам: *Курлы-Мурлы* – ад *Курлы*, *Мурлы*;

шляхам міжслоўнага накладання, пры якім у словаўтваральную базу ўваходзяць частка першага ўтваральнага слова і частка другога ўтваральнага слова, звязаныя пры дапамозе інтэрфікса: *Казлабродская* – ад *Казлова*, *Далгабародская*.

Састаўныя назвы складаюцца з некалькіх слоў. Такія найменні з’яўляюцца, як правіла, двухкампанентнымі, радзей – трохкампанентнымі і надзвычай рэдка – чатырохкампанентнымі.

Двухкампанентныя ўрбанонімы ўтвораны па наступных сямі мадэлях:

“прыметнік” + “назоўнік”: *Асліныя Вушы*, *Салдацкае Возера*, *Пацёмкінская Лесвіца*, *Нямецкі Цэнтр*, *Абручальнае Кальцо* – трамвайнае кола на плошчы Бядулі. Адзначаная мадэль самая прадуктыўная сярод двухкампанентных найменняў, і гэта

заканамерна, бо ў такіх прыкладах да намінацыі самога прадмета дадаецца яго характарыстыка (найчасцей якая): *Сіні Дом*, *Лысая Гара*, *Круглая Плошча*, *Белыя Дамы*, *Гарбаты Мост*;

“назоўнік у назоўным склоне” + “назоўнік у родным склоне”: *Башня Цанавы*, *Востраў Слёз*, *Пуп Зямлі*. У значнай частцы прыкладаў, аднесеных намі да гэтай групы, назоўнік спалучаецца з антрапонімам (прозвішчам): *Гімназія Пушкіна*, *Дом Мусінскага*, *Кепка Лужкова*;

“назоўнік у назоўным склоне” + “назоўнік у давальным склоне”: *Помнік Шапаголікам*;

“парадкавы лічэбнік” + “назоўнік у адзіночным ліку”: *Дзявяты Кіламетр*, *Пяты Полк*;

“парадкавы лічэбнік” + “субстантываваны прыметнік”: *Пяты Камунальны*;

“колькасны лічэбнік” + “назоўнік у форме множнага ліку”: *Тры Штыкі*;

“прыназоўнік” + “назоўнік”: *Пад Часамі*, *На Шчорса*.

Трохкампанентных найменняў налічваецца небагата. Сярод іх сустракаюцца адзінкі, пабудаваныя па мадэлі “назоўнік у форме адзіночнага ці множнага ліку” + “прыназоўнік” + “назоўнік у форме адзіночнага ці множнага ліку” (*Дамы 3 Малюнкамі*, *Дом Пад Шпілем*, *Шарык Для Гольфа*, *Царква Каля Загса*), адзін прыклад (*Башня Святога Лаўрэнція*) – па мадэлі “назоўнік” + “прыметнік” + “назоўнік”, адзін прыклад (*Феміда і Спонсары*) – па мадэлі “назоўнік” + “злучнік” + “назоўнік”.

Вывучены два прыклады, якія маюць у сваім складзе чатыры кампаненты: *Мужык 3 Пультам д/у*, *Мужык 3 Сотавым Тэлефонам*. Абудва найменні служаць для намінацыі аднаго аб’екта – скульптуры на фасадзе Нацыянальнага мастацкага музея, прычым першы з прыведзеных урбанонімаў выкарыстоўваўся ў канцы 1980-х гадоў, другі ўжываецца сёння.

Паводле семантыкі ўсе неафіцыйныя ўрбанонімы могуць быць аднесены да наступных груп: адантрапанімныя, найменні, дадзеныя па колеры, форме аб’ектаў, падабенстве да шырокавядомых збудаванняў, месцы знаходжання, асаблівасцях функцыянавання, рэльефу, ландшафту, заснаваныя на з’яве метаніміі, у аснове якіх ляжыць гістарычная матывацыя.

Разгледзім самую вялікую па колькасці ўключаных у яе адзінак групу – адантрапанімныя ўрбанонімы. Названая група з’яўляецца не толькі адной з самых вялікіх па колькасці прадстаўленых у ёй адзінак, але і самай багатай па колькасці прадстаўленых у ёй падгруп (3), сярод якіх вылучаны наступныя:

найменні, утвораныя ад імёнаў або прозвішчаў вядомых людзей.

У падгрупе выдзяляюцца адзінкі, утвораныя шляхам скарачэння афіцыйных урбанонімаў

(*Каржы* – раён вуліцы Каржанеўскага (Мінск), *Церахі, Цераха* – раён вуліцы Церашковай (Віцебск), *Чарняхоўка, Чарняхі* – раён праспекта Чарняхоўскага (Віцебск), *Ракасы* – праспект Ракасоўскага (Мінск), *Маяк* – сквер Маякоўскага (Віцебск), *Пушка* – раён станцыі метро Пушкінская (Мінск)). Як відаць з прыкладаў, пераважная большасць такіх неафіцыйных найменняў ужываецца ў форме множнага ліку.

Асобныя найменні ўтвораны шляхам скарачэння афіцыйных урбанонімаў і далучэння суфіксаў *-ух-, -ачк-, -оўк-, -к-* (*Герцуха* – вуліца Герцена (Віцебск), *Карлуха* – раён вуліцы Карла Маркса (Віцебск), *Карлачка* – вуліца Карла Лібкнехта (Мінск), *Розачка* – вуліца Розы Люксембург (Мінск), *Маякоўка* – вуліца Маякоўскага (Мінск), *Юрка, Юр'еўка* – лесопарк Юр'ева горка (Віцебск). Матэрыял паказвае, што значная колькасць такіх неафіцыйных найменняў супадае з формамі ўласных асабовых імён, пакладзеных у аснову афіцыйнага ўрбаноніма.

Адзінкавыя назвы ўяўляюць сабой вынік гульні слоў (*Курлы-Мурлы* – вуліца Карла Маркса ў Мінску), пераасэнсавання афіцыйнага ўрбаноніма, суаднясення яго з агульнавядомымі афіцыйнымі найменнямі (*Гагры* – раён вуліцы Гагарына ў Віцебску, *Кароста* – вуліца Карастаянавай у Мінску), зліцця ў адну назваў дзвюх афіцыйных адзінак (*Казлабродская* – назва вуліцы *Казлова* і *Далгабародскай*, адна вуліца з'яўляецца працягам другой (Мінск).

Як відаць з прыкладаў, асноўная большасць неафіцыйных найменняў, утвораных ад імёнаў або прозвішчаў вядомых людзей, з'яўляецца вынікам скарачэння афіцыйных адтапанічных назваў гарадскіх лінейных аб'ектаў. Падгрупа складаецца ў асноўным з назоўнікаў. Характэрна, што назоўнікі ў форме множнага і адзіночнага ліку прыкладна супадаюць па колькасці;

найменні, утвораныя ад імёнаў, прозвішчаў, мянушак рэальных людзей і герояў літаратурных твораў. Разгледзім найбольш цікавыя, на наш погляд, назвы:

Маргуша – былая невялікая харчовая крама побач з інтэрнатамі Беларускага інстытута механізацыі сельскай гаспадаркі, у 80-х гг. XX ст. тут працавала жанчына, якая міжвольна міргала вачамі, што і стала прычынай для ўзнікнення назвы аб'екта (Мінск);

Аляксандарплац – плошча Перамогі, якая была рэканструйвана ў 2009-2010 гг.; прыведзеная неафіцыйная назва звязана з іменем ініцыятара яе рэканструкцыі – на той час губернатара Віцебскай вобласці Аляксандра Мікалаевіча Косінца (Віцебск);

Паніка, Панікоўка – сквер побач з тэатрам імя Янкі Купалы, назва звязана са скульптурнай кампазіцыяй фантана (хлопчык з лебедзем); жыхары

Мінска параўноўваюць хлопчыка з Панікоўскім, а лебедзя – з гуссю (“Залатое цяля” І.Ільфа і Я.Пятрова); неафіцыйнае найменне ўзнікла на аснове асацыяцый з вядомым творам і яго героямі (Мінск).

найменні забудовы, дадзеныя па прозвішчы яе архітэктара. Гэта самая нешматлікая падгрупа, якая налічвае 2 прыклады:

Асмалоўка – раён вуліцы Кісялёва і Камуністычнай названы так па імені архітэктара забудовы – М.С.Асмалоўскага (Мінск),

Дом Мусінскага – дом “На Нямізе”, архітэктарам якога з'яўляецца С.С.Мусінскі (Мінск);

Такім чынам, група адантрапанічных найменняў з'яўляецца самай прадуктыўнай сярод семантычных груп неафіцыйных урбанонімаў Беларусі. У аснову такіх назваў пакладзена, як правіла, відазмененае (утворанае шляхам скарачэння, скарачэння і далучэння фарманта і інш.) афіцыйнае найменне. Адантрапанічныя адзінкі амаль пазбаўлены эмацыйнасці, метафарычнасці.

Група найменняў, дадзеных па колеры аб'екта, прадстаўлена дзвюма падгрупамі: першую складаюць неафіцыйныя ўрбанонімы, заснаваныя на асацыяцыях, што ўзнікаюць на аснове колеру, другую – найменні, якія называюць колер сцен будынкаў.

У першую падгрупу ўключаны назвы *Чарнільніца* – дом №28 па вуліцы Леніна (Віцебск), названы так з-за сіняга колеру, у які доўгі час быў пафарбаваны яго фасад; *Зялёнка* – Палац творчасці дзяцей і моладзі па вуліцы Касманаўтаў, дом 2 (Віцебск) з зялёнымі сценамі; *Жалткі* – дом №40 па вуліцы Широкай і суседнія з ім дамы, сцены якіх пафарбаваны ў жоўты колер (Віцебск).

Да другой падгрупы аднесены найменні *Красны Касцёл* – касцёл Святых Сімяона і Алены, названы так з-за колеру цэглы (Мінск); *Белыя Дамы* – дамы ў раёне вуліцы Камуністычнай і Гараўца атрымалі сваю назву з-за светлага колеру сцен (Віцебск); *Сіні Дом* – дом №28 па вуліцы Леніна, які доўгі час быў сіняга колеру; цікава, што зараз сцены дома белыя, аднак гараджане па-ранейшаму называюць яго Сінім Домам (Віцебск).

Такім чынам, неафіцыйныя назвы, дадзеныя па колеры аб'екта, нярэдка з'яўляюцца вынікам пэўных асацыяцый: сіні – чарніла – *Чарнільніца*, жоўты – жаўток – *Жалткі*. Асобныя найменні проста называюць былы (*Сіні Дом*) або цяперашні (*Белыя Дамы*) колер сцен будынкаў і пазбаўлены якіх-небудзь пераносных значэнняў. Ва ўсіх прыкладах у аснову назвы пакладзены колер менавіта сцен (а не даху, дзвярэй і інш.) аб'ектаў намінацыі.

Як відаць з прыведзенага матэрыялу, адзінкавыя прыклады з'яўляюцца найменнямі ў форме множнага ліку. Усе назвы другой падгрупы – гэта спалучэнні “*якасны прыметнік*” + “*назоўнік*”.

У групе ўрбанонімаў, дадзеных па форме аб'ектаў, выдзелена дзве падгрупы: 1) назвы, заснаваныя на метафарызацыі; 2) назвы, што характарызуюць форму аб'ектаў і пазбаўлены метафарызацыі.

Да першай падгрупы адносяцца наступныя найменні:

Абручальнае Кальцо – трамвайнае кола на плошчы Бядулі (Мінск);

Адуванчыкі – круглыя парныя фантаны на Плошчы Перамогі ў Віцебску; назву атрымалі з-за сваёй формы;

Асліныя Вушы – два высокія аднолькавыя дамы на скрыжаванні вуліц Сурганава і Акадэмічнай, іх вышыня, форма і размяшчэнне сталі прычынай для наймення (Мінск);

Баян – дом на плошчы Перамогі названы так з-за “вушак” па баках будынка, што разам з самім домам нагадваюць баян (Віцебск);

Бігудзі – недабудаваная пабудова па вуліцы Ляшчынскага, якая па форме нагадвае склееныя разам бігудзі; на панарамным фотаздымку бачна, што па задуме архітэктара гэта павінны быць тры аднолькавыя дамы-цыліндры вакол чацвёртага (Мінск);

Днепрагэс – будынак праектна-канструктарскага бюро аўтаматызаваных сістэм кіравання па вуліцы Замкавай, які сваёй формай нагадвае гідрэлектрастанцыю (Віцебск);

Караблік – адзін з самых высокіх будынкаў у Мінску, размешчаны на Юбілейнай плошчы, падобны на дзіцячы папярковы караблік;

Карабль, Рыба – 15-ы корпус БНТУ (праспект Незалежнасці, 150), канструкцыя якога падобная на гіганцкі лайнер або на рыбіну вялізнага памёру (Мінск);

Кепка Лужкова – летні амфітэатр у Віцебску, назва з’явілася пасля 2007-га года, калі ў працэсе рэканструкцыі канцэртнай пляцоўкі па праекце А.Зафатаева над месцамі для глядачоў з’явіўся дах, які па форме сапраўды нагадвае кепку;

Падкова – гастронам па вуліцы Кірава 6/22, які знаходзіцца на першым паверсе дома, пабудаванага паўколам (Мінск);

Піраміда – гандлёва-забаўляльны цэнтр “Марка-сіці”, які ўяўляе сабой велізарную шклянную піраміду (Віцебск);

Пятак – месца на скрыжаванні Маскоўскага праспекта і праспекта Перамогі, такую назву атрымала з-за формы астраўка бяспекі пасярод перакрывавання дарог (Віцебск);

Спічкі – два жылыя дамы на скрыжаванні вуліц Багдановіча і Машэрава, названы так з-за формы (Мінск);

Стакан – 16-павярховы будынак інтэрната на праспекце генерала Люднікава, 11, высокі круглы дом з вялікімі вокнамі сваёй формай падобны на шклянку (Віцебск);

Тры Штыкі – тры высокія абеліскі на плошчы Перамогі, з’яднання ў адзін мемарыяльны комплекс (Віцебск);

Алмаз, Крыстал, Шарык Для Гольфа (усе тры адзінкі называюць Нацыянальную бібліятэку Беларусі (Мінск), шклянны будынак якой сваёй формай і люстранымі гранямі дае падставы для ўзнікнення прыведзеных найменняў);

Шайба – частка будынка па вуліцы Леніна, дом 53 (Віцебск), круглы балкон якога ў свядомасці жыхароў горада ўстойліва асацыюецца з шайбай;

Шайба – будынак “WestWorldClub”, які сваёй формай нагадвае хакейную шайбу (Мінск).

У падгрупу назваў, што характарызуюць форму аб'ектаў і пазбаўлены метафарызацыі, уключаны найменні *Гарбаты Мост* – мост у форме дугі паміж Траецкім прадмесцем і “Востравам слёз” (Мінск) і *Круглая Плошча* – плошча Перамогі (Мінск).

У групе найменняў, дадзеных па месцы знаходжання аб'ектаў, большасць складаюць адзінкі, у аснову якіх пакладзена скарачэная або іншым чынам змененая назва вуліцы або раёна, дзе размешчаны аб'ект: *Пушка* – раён станцыі метро Пушкінская (Мінск); *Валадарка* – астрог па вуліцы Валадарскай (Мінск); *Варварка* – будынак інтэрната Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта па вуліцы Варвашэні (зараз праспект Машэрава); *Любуж* – абласная псіхіятрычная бальніца, размешчаная ў аднайменным раёне (Магілёў); *Слясарка* – інтэрнат Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта па вуліцы Слясарнай; *Старажоўка* – мясцовасць у раёне гасцініцы “Беларусь”, царквы Марыі Магдаліны і Старажоўскай вуліцы (Мінск); *Царква Каля Загса* – Пакроўскі сабор па вуліцы Шубіна ў Віцебску; *Дзявяты Кіламетр, Дзявятка* – псіхіятрычная бальніца ў пасёлку Віцьба, бальніца размешчана за 9 кіламетраў ад Віцебска; *Каля Левага Бацінка* – месца сустрэчы каля помніка Янку Купалу ў аднайменным скверы насупраць цырка (Мінск); *Камчатка* – раён у канцы вуліцы Максіма Горкага, ад трамвайнага кола да рачнога порта, знаходзіцца на ўскрайку горада (Віцебск), найменне супадае з шырока ўжывальнай назвай аддаленых аб'ектаў, што ўзнікла на аснове метафарычнага пераносу.

Як бачна з прыкладаў, урбанонімы прыведзенай вышэй групы з’яўляюцца вынікам скарачэння афіцыйных адтапанімых назваў гарадскіх лінейных аб'ектаў. Група складаецца ў асноўным з назоўнікаў, прычым назоўнікі ў форме множнага ліку і назоўнікі ў форме адзіночнага ліку прыкладна супадаюць па колькасці.

Адметную групу складаюць найменні, у аснове якіх – асаблівасці функцыянавання аб'ектаў. У групе ўмоўна можна выдзеліць дзве падгрупы:

1) найменні прамысловых аб'ектаў, дадзеныя па характары іх вырабаў, 2) найменні гандлёвых аб'ектаў, дадзеныя па асаблівасцях рэалізуюмых тавараў.

У першую падгрупу ўваходзяць назвы *Тэлік* – тэлезавод “Віцязь” (Віцебск); *Каўроўка* – назва фабрыкі “Віцебскія дываны”; *Часікі* – гадзіннікавы завод (Віцебск); *Ад* – аўтамабільны завод (Мінск); *Шары, Шарыкі* – раён завода па вырабе падшыпнікаў (Мінск).

Да найменняў гандлёвых аб'ектаў, дадзеных па асаблівасцях рэалізуюмых тавараў, аднесены наступныя: *Булка* – крама з назвай “Хлеб”, якая знаходзілася па адрасе Раманаўская слабада, 13 (Мінск); *Поле Цудаў* – частка рынка ў Ждановічах, сваю назву атрымала з-за таго, што тут можна набыць самыя разнастайныя рэчы – манеты, ордэны, кнігі, дыскі, прылады для дома, тэлефоны розных гадоў выпуску, антыкварыят, адзенне, прадметы вясковага побыту і інш. (Мінск); *Сквер Художнікаў* – так у канцы XX стагоддзя называўся скверык па плошчы Свабоды, дзе збіраліся мастакі і выстаўлялі свае работы на продаж, зараз там пабудавана ратуша (Мінск); *Згушчонка* – назва пункта хуткага харчавання, дзе прапануюць каву са згушчоным малаком (Віцебск); *Канфіскаат* – назва крамы “Ваш выбар” па вуліцы Леніна, дзе рэалізуюцца канфіскаваныя на мяжы з Беларуссю тавары (Віцебск).

Назвы аб'ектаў, дадзеныя па асаблівасцях іх рэльефу, ландшафту, характарызуюць адсутнасць расліннасці ў межах гарадскіх аб'ектаў, паніжэнне рэльефу ці іншыя адметныя рысы: *Лысая Гара, Лысуха* – вялікі пагорак у Курасаўшчыне; зараз ён акультураны, выкарыстоўваецца для спуску на горных лыжах; сваю назву атрымаў з-за таго, што да яго добраўпарадкавання там нічога не расло (Мінск); *Плац* – назва плошчы Перамогі, у аснове наймення – асаблівасці знешняга выгляду аб'екта: роўная вялікая каменная пляцоўка без расліннасці (Віцебск); *Балкон* – роўная адкрытая пляцоўка каля будынка па вуліцы Леніна, дом 10а, на якой няма дрэў (Віцебск); *Яма* – паніжэнне рэльефу ў раёне плошчы Свабоды і амфітэатра (Віцебск).

Найменні гарадскіх аб'ектаў, заснаваныя на з'яве метаніміі, прадстаўлены адзінкамі, дзе ўвесь аб'ект называецца па яго частцы ці па надпісе (малюнку) на ім: *Дамы' 3 Малюнкамі, Іканастас* – чатыры дамы ў раёне станцыі метро “Усход” і Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі з незвычайнай мазакай на фасадзе (Мінск); *Крэст* – крыж памяці святой Еўфрасінні Полацкай на Успенскай горцы, гэтак жа называюць аглядавую пляцоўку і месца сустрэч моладзі; як відаць, увесь аб'ект названы па прадмеце, які знаходзіцца ў межах аб'екта (Віцебск); *Подзвіг* – дом на плошчы Перамогі з надпісам “Подвиг со-

ветского народа бессмертен”, як відаць, названы па першым слове з надпісу (Віцебск).

Назвы, у аснове якіх ляжыць гістарычная матывацыя, складаюцца з дзвюх падгруп:

назвы, у аснове якіх ляжыць гістарычная прыкмета; такія адзінкі маюць непасрэдную сувязь з гісторыяй: у іх адлюстравана тое, што было раней на месцы аб'ектаў. Неафіцыйныя назвы могуць бытаваць паралельна з сучаснымі афіцыйнымі, часам перавага ва ўжыванні аддаецца менавіта неафіцыйным. У падгрупу ўключаны наступныя онімы: *Генеральскія Дамы* – так з канца 50-х гадоў XX стагоддзя ў Мінску называюць некалькі жылых будынкаў па няцотным баку праспекта Незалежнасці паміж плошчай Калініна і вуліцай Талбухіна; у гэтых дамах у 50-я гады жылі ваенныя; *Каланча* – будынак гарадской ратушы, які калісьці выкарыстоўваўся як пажарная вышка-каланча (Віцебск); *Дом Спецыялістаў* – жылы дом па вуліцы 1-я Даватара, 14/9, які быў пабудаваны для паляпшэння ўмоў пражывання спецыялістаў розных галін народнай гаспадаркі (Віцебск); *Салдацкае Возера* – саджалка на перакрыжаванні вуліцы Цітова з Чатырнаццатай Полацкай, назва паходзіць з-за таго, што ў гэтым раёне раней быў ваенны гарадок (Віцебск); *Пяты Полк, Фінляндія* – раён былога ваеннага гарадка ў канцы вуліцы Цітова, перад вайной тут дыслацыраваўся Пяты чыгуначны полк, які прымаў удзел у савецка-фінскай вайне (Віцебск);

найменні гарадскіх аб'ектаў, якія змянілі сваю афіцыйную назву; гэта найперш назвы рэстаранаў, кінатэатраў, крам: *Хата Лесніка* – рэстаран “Усадзьба”, на месцы якога раней быў рэстаран “Хата Лесніка” (Віцебск); *Спартак* – “Дом Кіно”, які да гэтага быў кінатэатрам “Спартак” (Віцебск); *Брыганціна* – назва будынка, дзе раней размяшчаўся кінатэатр “Брыганціна” (Віцебск); *Прагрэс* – назва крамы “Віцебскія прадукты” (№23) па адрасе Смаленская 3/1, раней мела назву “Прагрэс” (Віцебск) і інш.

Заклучэнне. Такім чынам, складаныя і састаўныя неафіцыйныя найменні вылучаюцца разнастайнасцю спосабаў і мадэляў утварэння, сярод якіх самымі прадуктыўнымі з'яўляюцца розныя віды абрэвіяцыі (для складаных найменняў), а таксама “якасны прыметнік” + “назоўнік”, “назоўнік у назоўным склоне” + “назоўнік у родным склоне” (для састаўных назваў).

Перавага аднаслоўных урбанонімаў над складанымі і састаўнымі тлумачыцца найперш адной з галоўных прычын узнікнення неафіцыйных найменняў гарадскіх аб'ектаў – спрашчэнне і скарачэнне афіцыйных назваў пры размове для зручнасці і хуткасці зносін, падчас якіх у камунікатыўным акце выкарыстоўваюцца сціслыя, лаканічныя моўныя сродкі.

Неафіцыйныя ўрбанонімы беларускіх гарадоў характарызуюцца разнастайнасцю семантычных

прыкмет, пакладзеных у аснову іх называння. Усе чатыры прыныцы намінацыі *афіцыйнай* урбананіміі Беларусі, выдзеленыя Г.М. Мезенка [2, с. 92], могуць быць прыменены і да *неафіцыйнай* урбананіміі: 1) назва аб'екта па сувязі з чалавекам (праяўляецца ў найбольшай колькасці неафіцыйных адантрапанічных прыкладаў), 2) намінацыя аб'екта па адносінах да іншых значных аб'ектаў (праяўляецца ў нешматлікіх адзінках), 3) назва аб'екта па ўласцівых яму асаблівасцях і якасцях (прыныц з'яўляецца дамінуючым у асобных семантычных групах неафіцыйных урбананімаў), 4) намінацыя па сувязі аб'екта з абстрактным паняццем (выяўляецца ў асобных групах). У сувязі са сказаным нельга не пагадзіцца з Г.М. Мезенка, што “матывацыя ўрбананіма абумоўлена не толькі прыродай названага аб'екта, суб'ектыўным бачаннем стваральніка ўрбананімнай адзінкі, але і лексіка-семантычнымі рэсурсамі ўрбананімнай (і шырэй анімічнай) сістэмы” [2, с. 95].

Супадаючы па асноўнай функцыі – лакалізацыі геаграфічнага аб'екта ў межах горада, – неафіцыйныя ўрбананімы часам адрозніваюцца ад афіцыйных прычынамі ўзнікнення і прызначэннем. У адных выпадках неафіцыйныя найменні ствараюцца для ўключэння канкрэтнага аб'екта ў сферу інтарэсаў пэўнай групы асоб (часцей моладзі), у іншых – з мэтай слоўнай гульні (*Безнадзёжная* – станцыя метро “Маладзёжная” ў Мінску) або для выражэння адносін да аб'екта (*Нудзілаўка* – студэнцкая сталовая). Адрозненне неафіцыйнай урбананіміі ад афіцыйнай заключаецца і ў тым, што калі афіцыйныя ўрбананімы – гэта ўжо другасныя найменні (напрыклад, *Замкавая вуліца* ў Віцебску атрымала такую назву таму, што размешчана на тэрыторыі былога Ніжняга замка), то неафіцыйныя назвы другасныя ўдвая: яны нярэдка ўзнікаюць у выніку пераўтварэння афіцыйных (*Рыя Дэ Шабанейра* – мікрараён Шабаны ў Мінску).

Літаратура

1. Агеев, М., Зеленков, М. Их именами названы улицы Гомеля / М.Агеев, М.Зеленков. – Минск, 1974. – 79 с.
2. Белорусская ономастика. Топонимия : учеб. пособие для студентов учреждений высшего образования по филологическим специальностям / А.М. Мезенко [и др.]; под общ. ред. А.М. Мезенко. – Минск : Элайда, 2012. – 260 с.
3. Жучкевич, В.А. Улицы помнят: История, события, люди в названиях улиц и площадей города-героя Минска / В.А. Жучкевич. – Минск, 1979. – 175 с.
4. Краўчанка, З.Ф. Назвы вуліц горада Мінска / З.Ф. Краўчанка // Беларуская аномастыка. – Мінск, 1981. – Вып. 2. – С. 101-111.
5. Мезенка, Г.М. Адантрапанічныя урбананімы: праблемы матывацыі (на прыкладзе ўрбананімічна г. Барысава) / Г.М. Мезенка // Надзённыя праблемы лексікалогіі і аномастыкі славянскіх моў: матэрыялы II Міжнароднага канф., г. Мазыр, 22-23 крас. 2010 г. / рэдкал.: В.В. Шур (адк. рэд.) [і інш.]. – Мазыр: УА “МДПУ імя І.П. Шамякіна”, 2010. – С. 16-18.
6. Мезенка, Г.М. Віцебшчына ў назвах вуліц: манаграфія; у 2 ч. / Г.М. Мезенка. – Віцебск: УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”, 2008. – Ч. 1. – 363 с. – Ч. 2. – 254 с.
7. Мезенка, Г.М. Назвы ўнутрыгарадскіх аб'ектаў Шклова ў лютэрку беларускай урбананіміі / Г.М. Мезенка // Шклоўскія чытанні: Матэрыялы Рэсп. навука-практыч. канф. (Шклоў, 1 верасня 2007 г.) / Адк. рэд. А.А. Лукашанец. – Мінск: Права і эканоміка, 2008. – С. 58-63.
8. Мезенка, Г.М. Намінацыя лінейных аб'ектаў на Пастаўшчыне: традыцыйнае і новае / Г.М. Мезенка // Пастаўскія чытанні – 2006. Матэрыялы Рэсп. навука-практ. канф. (Паставы, 2 верасня 2006 г.) / Адк. рэд. А.А. Лукашанец; Інстытут мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы НАН Беларусі. – Мінск: Права і эканоміка, 2008. – С. 38-49.
9. Мезенка, Г.М. Склад і асаблівасці функцыянавання геаграфічных апелятываў унутры- і калігарадскіх назваў Гродна / Г.М. Мезенка // Шануючы спадчыну Я.Карскага: Трэція навуковыя чытанні. – Гродна, 1992. – С. 49-52.
10. Мезенко, А.М. Мотивы номинации улиц белорусских городов / А.М. Мезенко // Топонимика и межнациональные отношения. – М., 1992. – С. 118-135.
11. Мезенко, А.М. Основные тенденции в динамике урбанонимов Гродно / А.М. Мезенко // Шануючы спадчыну Я.Карскага: Другія навуковыя чытанні. – Гродна, 1991. – С. 15-20.
12. Мезенко, А.М. Принципы наименования улиц Витебска и Ижевска / А.М. Мезенко // Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков: Сб. статей. – Ижевск, 1987. – С. 171-183.
13. Мезенко, А.М. Структура и географическое распространение урбанонимов Белоруссии (простые урбанонимы) / А.М. Мезенко // Русский язык: Межвед. сб. Вып. 10. – Минск, 1990. – С. 26-36.
14. Мезенко, А.М. Структура и географическое распространение урбанонимов Белоруссии (сложные урбанонимы) / А.М. Мезенко // Русский язык: Межвед. сб. Вып. 11. – Минск, 1992. – С. 26 – 36.
15. Мезенко, А.М. Урбанонимия Белоруссии / А.М. Мезенко. – Минск: Университетское, 1991. – 167 с.
16. Мезенко, А.М. Урбанонимия Несвижа в культурно-историческом аспекте / А.М. Мезенко // Слово во времени и пространстве: Сб. науч. ст. – Минск, 1999. – С. 96-101.

Паступіў у рэдакцыю 18.01.2018 г.

УДК 81'373.1:39:81:008

Название озера Мокошь как феномен духовной культуры славян

Синкевич Т.И.

*Учреждение образования Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова, Витебск*

Имя собственное никогда не бывает случайным. Оно всегда обусловлено исторически, продиктовано уровнем социально-экономического и культурного развития своих создателей, географически привязано к той или иной местности.

Цель статьи — выявить особенности номинации лимнонима Мокошь, доказать, что в основу его наименования была положена лексема, отражающая богатую духовную культуру наших предков,

***Материал и методы.** Материалом нашего исследования послужили названия озер Белорусского Поозерья с лексемой «мокошь» в основе. Лимнонимы Витебщины сопоставлялись с гидронимическим материалом соседних территорий, что позволило посмотреть на каждое отдельное название как на элемент системы наименований той или иной территории. Общность географической среды, в которой сосуществуют предположительно родственные формы, всегда выступает в качестве дополнительного довода в пользу языкового родства этих форм. Нами также учитывались и признаки самого объекта, что, на наш взгляд, способствовало реконструкции в географическом названии семантики более обоснованно.*

При анализе материала использовались элементы статистического метода, метод лингвистического комментирования, сравнительно-сопоставительный метод.

***Результаты и их обсуждение.** В представлениях славян-язычников о подземно-подводном ярусе мира есть много общечеловеческого, но также сохранились отголоски той далекой эпохи, когда после таяния гигантского ледника континенты были затоплены морями и озерами, быстро менявшими свои очертания. Многие не изучены с точки зрения того, какой резкий перелом должен был произойти в человеческом сознании при таком быстром перевороте в природе, в облике и сущности мира, когда все не изведано и вызывает вопросы, на которые пока нет ответа.*

Лимнонимы, отражающие языческое мировоззрение, связанные с названиями духов, нечистой (в представлении христианства) силы, свидетельствуют о сохранении языческого компонента в миропонимании наших предков, но и говорят уже о сопряжении его с христианским мировосприятием, свидетельствуя о синтезе в нашей общей истории.

***Заключение.** Названия озер — это своеобразные знаки, понять содержание и значение которых можно, опираясь на разнообразные исторические, типологические и лингвистические данные. При этом важно изучение как самих объектов, так и окружающего их ландшафта, а также нематериального наследия традиционной культуры, позволяющего понять развитие и изменение этнических стереотипов отношения с окружающей средой.*

***Ключевые слова:** ареал, апеллятив, лимноним, мировоззрение, репрезентация, сакральный.*

(Ученые записки. — 2018. — Том 25. — С. 190—193)

The Name of Lake Mokosh as a Phenomenon of Spiritual Culture of the Slavs

Sinkevich T.I.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

A proper name is never accidental. It is always due to historically dictated by the level of socio-economic and cultural development of their creators, is geographically tied to a particular locality.

The purpose of the article is to reveal peculiarities of the nomination of limnonym Mokosh, to prove that the basis of its name was the lexeme reflecting the rich spiritual culture of our ancestors,

***Material and methods.** The material of our study was the names of the lakes of the Belarusian Poozerye with the token “Mokosh” basis. Limnonyms of Vitebsk Region were compared with the hydronym material schedule of the neighboring territories, which allowed us to see each separate name as an element in the system of names of a particular territory. The commonality of the geographical environment, in which presumably related forms coexist, always acts as an extra argument in*

favor of language relationship of these forms. We also took into account the characteristics of the object that, in our opinion, more reasonably contributed to the reconstruction in the place name of semantics.

In the analysis of the material we used, the elements of statistical method, method of linguistic annotation, comparative method.

Findings and their discussion. *In the views of the pagan Slavs on the underground and the underwater layer of the world there is much human, but the echoes of that distant era are also preserved, when after the melting of a giant glacier, the continents were flooded with seas and lakes, which quickly changed their shapes. There is much which is not studied from the point of view of what sudden change had to occur in human consciousness in such rapid upheaval in nature in the form and essence of the world, when everything was still unknown and raised questions to which there were no answers.*

Limnonyms reflecting pagan beliefs, associated with the names of the spirits, the unclean (in the view of Christianity) power, show the persistence of pagan component in the worldview of our ancestors, but also testify to the fact of pairing it with the Christian worldview, indicating the synthesis of our shared history.

Conclusion. *Names of lakes are a kind of signs, to understand the idea and value of which is possible, based on the diverse historical, typological and linguistic data. In this case the study is important of both the objects themselves, and their surrounding landscape, as well as the intangible heritage of traditional culture that help to understand the development and changes of ethnic stereotypes of the relationship with the environment.*

Key words: *habitat, appellative, limnonym, ideology, representation, sacred.*

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 25. — P. 190–193)

Изучение имени собственного всегда обусловлено исторически, продиктовано уровнем социально-экономического и культурного развития своих создателей, географически привязано к той или иной местности. Эта проблема представляется актуальной, ибо исследование историко-культурной информации, отображенной в содержании онима (лимнонимы принадлежат этой группе) приобретает значимость в ономастике начала XXI века в результате развития процессов глобализации, когда постепенно нивелируется национально-культурная специфика народа – носителя языка. Представление об окружающей действительности, нашедшее отражение в гидронимах, складывается на основе знаний и понятий о называемых водных реалиях. Совокупность этих знаний у разных народов может отличаться, что связано с образом жизни, родом занятий, накопленным опытом и другими факторами. Очевидно, что гидронимы непосредственным образом связаны с водными реалиями. Так или иначе представления о воде в целом все же, как нам представляется, схожи у многих народов, что и нашло отражение в языческих обрядах, приметах, а также в фольклоре, мифологии и философии. Значение воды в жизнедеятельности человека отражалось в акте называния водных объектов.

Цель статьи – выявить особенности номинации лимнонима *Мокошь*, доказать, что в основу его наименования была положена лексема, отражающая богатую духовную культуру наших предков,

Материал и методы. Материалом нашего исследования послужили названия озер Белорусского Поозерья с лексемой «мокошь» в основе. Лимнонимы Витебщины сопоставлялись с гидронимическим материалом соседних территорий, что позволило посмотреть на каждое

отдельное название как на элемент системы наименований той или иной территории. Общность географической среды, в которой сосуществуют предположительно родственные формы, всегда выступает в качестве дополнительного довода в пользу языкового родства этих форм. Нами также учитывались и признаки самого объекта, что, на наш взгляд, способствовало реконструкции в географическом названии семантики более обоснованно. При анализе материала использовались элементы статистического метода, метод лингвистического комментирования, сравнительно-сопоставительный метод.

Результаты и их обсуждение. В представлениях славян-язычников о подземно-подводном ярусе мира есть много общечеловеческого, но также сохранились отголоски той далекой эпохи, когда после таяния гигантского ледника континенты были затоплены морями и озерами, быстро менявшими свои очертания. Многое не изучено с точки зрения того, какой резкий перелом должен был произойти в человеческом сознании при таком быстром перевороте в природе, в облике и сущности мира, когда все не изведано и вызывает вопросы, на которые пока нет ответа.

Лимнонимы, отражающие языческое мировоззрение, связанные с названиями духов, нечистой (в представлении христианства) силы, свидетельствуют о сохранении языческого компонента в миропонимании наших предков, но и говорят уже о сопряжении его с христианским мировосприятием, свидетельствуя о синтезе в нашей общей истории. И это синтез славянского язычества и христианской этики. Священное, сакральное, как часть духовной культуры, дает людям возможность спастись от неизвестности, страха, помогает справиться с сомнениями, трудностями. Лимноним, как известно, может быть идентичен апеллятиву, может иметь ряд фор-

мальных отличий от него, но далеко не каждый из них может быть возведен к своему апеллятиву и сопоставлен с единственным значением, имеющим историко-культурное или географическое соответствие в условиях данной местности.

Феномен духовной жизни проявляется, как мы знаем, только в обществе и только в символической форме, сохраняясь в коллективном бессознательном. Человеку в то далекое время были понятны только отношения между людьми, поэтому модель общины человек переносил на весь мир, пытаясь его «очеловечить» и сделать понятным для себя. Вымышленные же субстанции приобретали реальную, познаваемую форму, а земные силы наделялись сверхъестественными чертами. Из-за отсутствия границ между реальным и волшебным мирами не было деления на природу живую и неживую. У человека существовала необходимость каждым своим действием защититься от неудач и несчастий, а поэтому он создает систему мифологических представлений и магических действий. Именно поэтому традиционная модель мира, отображённая в том числе и в названиях водных объектов (озер), сохранила некоторые черты мифологического мировосприятия [4].

Название озера *Мокошь* (на берегу озера есть маленькая церквушка, где хранится икона св. Параскевы), что расположено в Бешенковичском районе, недалеко от другого озера, носящего название Забельское, можно связать с образом Мокоши – покровительницы Матери земли сырой. Мифологические представления русской и других славянских традиций содержат немало доказательств того, что это женское языческое божество связывалось с влагой и со стихией воды в целом. В славянской мифологии Мокошь – богиня небесных вод. Как и Перун, Мокошь упоминается в Киевской летописи среди богов пантеона князя Владимира. Прежде всего, ученые считают, что само имя Мокошь, вероятнее всего, восходит к корню *mok-, *mokr- «мокнуть» [1], а образ Мокоши соотносится с Матерью – сырой землей. Косвенным доказательством этого является почитание у русских св. Параскевы Пятницы как «водяной и земляной матушки». В качестве сравнения можно привести материал чешской мифологической традиции, где известно имя мужского рода *Mokos*, относящееся к божеству влаги, дождя и сырости, к которому обращались с молитвами и жертвоприношениями во время большой засухи. На соотношение Мокоши с водой указывает и отмеченный запрет стирать в пятницу. Показательно также, что, например, в новгородских говорах словом *мукуш* называют *русалку*, то есть мифологическое существо, непосредственно связанное с водой. Вспомним также ритуал с использованием однокоренного названия с лексемой «мокрида», посвященный св. Параскеве

Пятнице, заместившей Мокошь, в XIX веке, который сохранился в Украине: в ходе обряда Пятнице приносили жертву, бросая в колодец пряжу. Другие лингвисты считают, что имя Мокошь соотносится с финно-угорским племенным названием «мокша», хотя, например, у мордвы такого божества в пантеоне нет. Но у разных славянских народов есть предание, которое гласит: «...Мокошь знает тайну судеб, тайну прежних жизней и новых воплощений требует, чтобы человек следовал предначертанному пути. Она дает свободу выбора между добром и злом. Тех, кто уходит в сторону, губит себя и свою душу, Мокошь карает нещадно» [4]. На берегу озера *Мокошь*, что находится в Бешенковичском районе Витебской области, было обнаружено древнее капище, где, возможно, поклонялись и приносили жертвы этому божеству. Наши предки также считали, что озеро – это небо, отраженное в воде, поэтому человек, закончив свой земной путь, переправлялся по воде в мир иной, находя пристанище на небе, возможно, обретал другую жизнь. Именно поэтому, возможно, как утверждают астрономы, славяно-арийское название Большой Медведицы – Макошь (мать Ковша). Название *Макошь*, таким образом, считают производным от ма – «мать», и кош «жребий» или «корзина для зерна», что может служить доказательством связи интерпретации названия водного и небесного тела, ибо в основе номинации того и другого содержится то, что указывает на возможность поддержания жизни (водой и хлебом жил человек), кроме того мать – человек, дарующий жизнь. *Мокошь* также считают покровительницей домашнего очага и семейного счастья. Она следит за выполнением людьми традиций, а потому мы должны сохранять и уважать традиции наших предков.

Названия водных объектов, отражающие религиозные взгляды, мифологическое мышление народа представлены 67 гидронимами, что составляет примерно 4% от общего количества наименований (1498), они содержат сведения о духовной жизни населения в прошлом и настоящем. На исследуемой территории, на наш взгляд, только несколько гидронимов сохранили память о языческих представлениях народа: *Поганик*, *Идолта*, *Велица*, *Велесо/Волосо/Велеста*, *Волосо Северное*, *Волосо Южное*, а также среди них и название озера *Мокошь* (*Макошь*).

Мы должны помнить о том, что в процессе номинации взаимодействуют три разнородные сущности: экстралингвистическая деятельность, гносеологический образ обозначаемой ситуации, представляющий собой ее понятийное отображение, некий «слепок с действительности», и наименование, которое уже имеет структурно-языковое членение. Гидронимическое пространство любой территории представляет собой фрагмент

целостной языковой национальной картины мира, которая отражает особенности мышления носителей данной языковой культуры и формирует специфику восприятия окружающего мира. Гидронимы как языковые знаки являются средством выражения модели мира. Совокупность гидронимов отражает состояние восприятия действительности, которое сложилось в более ранние периоды развития языка в обществе. Изучение языковой картины мира, отраженной в гидронимах, позволяет дать описание языка как системы. В свою очередь, исследование системных отношений в языке можно определить как моделирование языковой картины мира.

Заключение. Названия озер – это своеобразные знаки, понять содержание и значение которых можно, опираясь на разнообразные исторические, типологические и лингвистические данные. При этом важно изучение как самих объектов, так и окружающего их ландшафта, а также нематериального наследия традиционной культуры, позволяющего понять развитие и изменение

этнических стереотипов отношения с окружающей средой.

Литература

1. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. / В. И. Даль. – Москва, 1976–1980.
2. Иванов, В.В., Исследования в области славянских древностей / В.В.Иванов, В.Н.Топоров. – Москва. – 385с.
3. Климкова, Л.А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира / Л.А.Климкова. – Москва: МПГУ; Арзамас: АГПИ 2007. – 234с.
4. Маковский, М.М. Язык – миф, культура. Символы жизни и жизнь символов/М.М.Маковский. – Москва 1997.— 284 с.
5. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М.Фасмер. – Москва, 1986–1987.
6. Вашкевич Н., 1996, Утраченная мудрость. Истоки древних цивилизаций, тайны слова, именное кодирование, Москва.—368 с.
7. Беларуская Энцыклапедыя: у 18т. – Мінск, БелЭн, 1996 – 2004.
8. БКБ – Блакітная кніга Беларусі: энцыклапедыя. – Мінск: БелЭн, 1994. – 415с.

Поступила в редакцию 18.01.2018 г.

УДК 811.161.1'243'27:821.161.3.09

Предикативные конструкции как средство распознавания маскулинности / фемининности в романе У. Караткевича «Каласы пад сярпом тваім»

Слесарева Т.П.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени
П.М. Машерова», Витебск

В круг наук, связанных с гендерными исследованиями, все активнее вовлекаются не только социальные, философские, экономические науки, но и лингвистика, культурология, а также литературоведение. Для каждой культуры характерен свой ряд представлений о мужественности и женственности. Яркие примеры можно найти в текстах художественной литературы, где маркерами распознавания мужских и женских образов будут выступать различные языковые средства, среди которых особо выделяются глаголы.

Цель статьи — выявление и анализ предикативных конструкций как средств распознавания мужского (Алесь Загорский) и женского (Майка Раубич) образов в романе У. Караткевича «Каласы пад сярпом тваім».

Материал и методы. Эмпирические факты в виде предикативных сочетаний имен персонажей главных героев с глаголами нами взяты путем сплошной выборки из романа «Каласы пад сярпом тваім». Всего извлечено 4534 глагола, которые относятся к Алесю Загорскому и 979 глагола, которые относятся к Майке Раубич. Исследование фактического материала проведено с использованием комплекса методов, к которым относятся: метод сплошной выборки, классификационный метод, описательный метод, метод сопоставительного анализа, а также приемы статистической обработки результатов исследования.

Результаты и их обсуждение. Учет лексической сочетаемости имени в текстах дает возможность не только описывать его семантические свойства, но и характеризовать конкретными языковыми данными качества носителей этих имен. Так в романе с именем героев сочетаются такие глаголы, которые наиболее ярко раскрывают черты мужского и женского характера.

Заключение. Учет глаголов с их последующей классификацией по лексико-семантическим группам дает исследователю возможность получить соответствующую характеристику отдельного лица, позволяет обнаружить универсальные свойства имени персонажа и вместе с тем выступает доказательством того, что мужской и женский образы в романе характеризуются разными глагольными сочетаниями.

Ключевые слова: гендер, художественный текст, предикативная конструкция, имя собственное.

(Ученые записки. — 2018. — Том 25. — С. 194–197)

Predicative Constructions as a Means of Recognition of Masculinity / Femininity in the Novel by U. Karatkevich «Kalasy pad s'arpom tvaim» («Ears of grain under your sickle»)

Slesareva T.P.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

The circle of Sciences related to gender studies have become increasingly involved not only social philosophy, economic science, but also linguistics, cultural studies, and literary criticism. Each culture is characterized by a number of perceptions of masculinity and femininity. Vivid examples can be found in the fiction texts, where the tokens of recognition of male and female characters will perform a variety of language tools, among which highlights the verbs.

The objective of the article is the identification and analysis of predicative constructions as means of recognition for men (Ales Zagorski) and female (Mike Raubichi) images in the novel by Karatkevich "Kalasy pad sarpom tvam".

Material and methods. Empirical evidence in the form of predicative combinations of character names the main characters with verbs, we have taken by continuous sampling from the novel "Kalasy pad sarpom tvam". Just fetched 4534 verb, which

refers to Ales Zagorska and 979 of the verb that belong to the Mike Raubichi. The study of the actual material was carried out using the complex of methods which include: method of continuous sampling, classification method, descriptive method, method of comparative analysis and methods of statistical processing of research results.

Findings and their discussion. The account of lexical compatibility of name in the texts provides an opportunity not only to describe semantic properties, but also to characterize specific linguistic data the quality of the speakers of these names. So in the novel with the name of the characters combined with such verbs which most clearly reveal features of the male and female character.

Conclusion. Accounting verbs and their subsequent classification into lexical-semantic groups gives the researcher the ability to obtain a corresponding characteristic of the individual, to detect universal properties of the name of the character and acts, however, evidence that male and female characters in the novel are characterized by different verbal combinations.

Key words: gender, literary text, predictive design, a proper name.

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 25. — P. 194–197)

Имена персонажей, которые в художественных текстах репрезентируются литературными антропонимами, занимают особое место в лексиконе естественного языка. Изучением разнообразных свойств этих имен занимается антропонимика. В разнообразных описаниях имени раскрыты почти все его основные свойства, связанные с номинацией, употребительностью, происхождением, сферой распространения, национальными особенностями, местом в лексической системе. Однако имя собственное рассматривается как социальный знак, своеобразная лексическая оболочка с обобщенными лингвистическими свойствами и без определенного вещественного значения, ибо вне текста или речевого употребления имя собственное отделяется от своего конкретного носителя.

В текстах художественной литературы, которую по праву называют человековедением, имя собственное занимает ключевые позиции и по частоте использования, и по своим текстообразующим потенциям: наиболее яркими пунктами и точками пересечений сюжетных и композиционных линий большинства художественных произведений являются преимущественно собственные имена. Кроме того, как только имя собственное начинает употребляться в тексте, оно реализует все семантические свойства обычного слова, потому что связывается, как и последнее, с конкретным объектом, то есть с определенным человеком. Это имя сочетается с другими словами и через свою лексическую сочетаемость манифестирует свои же индивидуальные семантические свойства.

В качестве названия героя имя собственное становится ключевым словом художественного текста и реализует всевозможные качества носителей имени через сочетание с другими словами, в частности, с глаголами в предикативных конструкциях, поскольку одним из приемов, с помощью которых авторы художественных произведений описывают сущность человека, является выделение в нем тех или иных признаков, создаваемых деятельностью человека.

В текстах названия таких признаков часто представлены глаголами. Изображая человека в тексте, писатели выделяют и более подробно

описывают одни его свойства и меньше внимания уделяют другим. Это отражается в употребительности сочетаний глаголов с существительными, обозначающими имена собственные.

Вес каждого семантического признака, собственного именам лиц, измеряется частотностью употребления глаголов, выражающих эти семантические признаки. Чем чаще используются с именами лиц глаголы, обозначающие данные действия, тем весомее и важнее для описания семантики слова они считаются, поскольку в предикативных конструкциях типа «имя + глагол» последний выполняет не только грамматическую, но и семантическую функцию, посредством которой эксплицируются в текстах те или иные особенности значения конкретного имени, а через них и некоторые особенности носителей этих имен.

В последние десятилетия в отечественном языкознании сформировалось новое направление, изучающее взаимосвязь пола и языка, получившее название гендерная лингвистика. Одним из важнейших объектов гендерных исследований является лексикон естественного языка, его номинативная система.

В круг наук, связанных с гендерными исследованиями, все активнее вовлекаются не только социальные, философские, экономические науки, но и лингвистика, культурология, а также литературоведение. Хотя именно эта область методологически менее всего разработана как в зарубежном, так и в отечественном литературоведении.

В текстах художественной литературы маркерами распознавания мужских и женских образов будут выступать различные языковые средства, среди которых особо выделяются глаголы.

Цель данной статьи состоит в выявлении и анализе предикативных конструкций как средств распознавания мужского (Алесь Загорский) и женского (Майка Раубич) образов в романе У. Караткевича «Каласы пад сярпом тваім».

Материал и методы. Эмпирические факты в виде предикативных сочетаний имен персонажей главных героев с глаголами нами взяты путем сплошной выборки из романа «Каласы пад сярпом тваім» [1]. Всего извлечено 4534 глагола, которые относятся к Алесю Загор-

скому и 979 глагола, которые относятся к *Майке Раубич*. Исследование фактического материала проведено с использованием комплекса **методов**, к которым относятся: метод сплошной выборки, классификационный метод, описательный метод, метод сопоставительного анализа, а также приемы статистической обработки результатов исследования.

Результаты и их обсуждение. Понятие «*гендер*» проникло во все гуманитарные науки. Само слово не имеет в русском языке адекватного перевода, а его написание и произношение пришло из английского языка. В англо-русском словаре В. Мюллера фиксируется, что *gender* имеет два значения. Первое – грамматический род и второе – пол как шутовское обозначение. В Американском словаре наследия английского языка [American Heritage Dictionary of English Language (1990)] слово «гендер» определено в первую очередь как классификационный термин, в том числе и как морфологическая характеристика («грамматический род»). Другое значение слова *gender* в этом словаре – «классификация пола; пол». В том же американском словаре можно обнаружить еще одно значение *gender* – «представление». Термин «гендер» понимается как представление отношений, показывающее принадлежность к классу, группе, категории (что соответствует одному из значений слова «род» в русском языке).

Таким образом, понятие гендера обозначает и сложный социокультурный процесс: продуцирование обществом различий в мужских и женских ролях, поведении, ментальных и эмоциональных характеристиках.

Для каждой культуры характерен свой ряд представлений о мужественности и женственности. Яркие примеры можно найти в текстах художественной литературы, где маркерами распознавания мужских и женских образов будут выступать различные языковые средства, среди которых особо выделяются глаголы.

На основании совпадающих семантических признаков разные глаголы группируются в определенные тематические группы.

Л.М. Васильев выделяет 10 лексико-семантических групп глаголов, которые наиболее ярко характеризуют персонажей любого произведения: глаголы состояния, глаголы мысли, глаголы речи, глаголы чувств, глаголы движения, глаголы разрушения, глаголы созидания, глаголы изменения состояния, глаголы контактирования и глаголы, обозначающие биологические процессы [2].

Данные тематические группы глаголов распределяются при сочетании с собственными именами главных персонажей анализируемого романа в зависимости от семантических особенностей последних, что может служить эмпирической опорой для интерпретации соответствующих характеристик персонажей (см. Таблицу).

Таблица

<i>ЛСГ глаголов</i>	<i>Алесь Загорский</i>	<i>Майка Раубич</i>
<i>Глаголы речи</i>	733 16%	144 14,7%
<i>Глаголы чувства</i>	725 15,9%	204 20,8%
<i>Глаголы мысли</i>	610 13,4%	125 12,7%
<i>Глаголы движения</i>	485 10,6%	123 12,5%
<i>Глаголы, обозначающие биологические процессы</i>	601 13,2%	104 10,6%
<i>Глаголы созидания</i>	146 3,2%	44 4,4%
<i>Глаголы контактирования</i>	340 7,4%	70 7,1%
<i>Глаголы существования</i>	299 6,5%	59 6%
<i>Глаголы изменения состояния</i>	516 11,3%	80 8,1%
<i>Глаголы разрушения</i>	79 1,7%	26 2,6%
<i>Всего</i>	4534	979

Роман «Каласы пад сярпом тваім» — эпический, масштабный, многоплановый. Кроме проблем конкретно-исторических, в произведении поставлен целый ряд общечеловеческих проблем: поиска смысла жизни и своего места в жизни, любви и дружбы, взаимоотношений разных поколений.

Одними из главных героев романа являются *Алесь Загорский* и *Майка Раубич*. Молодые люди относятся к одному поколению, у них общие интересы, наконец, к ним приходит большая любовь со всеми ее тревогами и страданиями и приносит обоим душевные переживания и сомнения.

Поэтому не удивительно, что в сочетании с именем *Майка Раубич* глаголы чувств занимают первое место (204 словоупотребления), глаголы речи — второе (144 глаголоупотребления), а в сочетании с именем *Алесь Загорский* — наоборот, хотя разрыв в цифрах минимальный (на первом месте стоят глаголы речи (733 глаголоупотребления или 16%), а на втором — глаголы чувств (725 словоупотреблений или 15,9%).

Однако с каждым именем героев сочетаются и такие глаголы чувств, которые наиболее ярко раскрывают черты мужского и женского характера.

Так, *Алесь Загорский* — герой романа, который гордится своим полукрестьянским происхождением, принадлежностью к белорусскому народу. Это убежденный революционер, патриот своей Родины. Не случайно автор выбрал для своего героя имя, которое переводится как «защитник людей, мужественный человек». С именем *Алесь* сочетаются, с одной стороны, такие глаголы чувств, как *адпомсціць, гневацца, дабіцца, помсціць*, а с другой — *ахвяраваць, выручаць, ратаваць, спачуваць*. Кстати, все эти глаголы встретились в тексте только по одному разу.

С именем *Майка Раубич* в тексте сочетаются глаголы, которые характеризуют ее женскую натуру: *выябражаць, дражніць, падабацца, здэквацца*.

На одинаковых позициях в сочетании с именами этих героев находятся ЛСГ глаголов мысли (третье место), глаголов контактирования (седьмое место), глаголов существования (восьмое место), глаголов созидания (девятое место) и глаголов разрушения (десятое место).

Так в сочетании с именем *Алесь Загорский* зафиксировано 610 глаголов мысли (что составляет 13,4%), а в сочетании с именем *Майка Раубич* — 125 глаголов (или 12,7%), причем глаголы разнообразны: у *Алесь* данную ЛСГ составляют

75 разных глаголов, а у *Майки* — 30. Однако, самые распространенные и у *Алесь*, и у *Майки* — *ведаць* (на долю этого глагола у *Загорского* приходится 18,6%) а у *Майки Раубич* 19,2%), *думаць* (11,6% и 7,2% соответственно), *разумець* (16,5% и 5,6%), *чытаць* (2,1% и 4% соответственно).

На долю глаголов контактирования у *Алесь Загорского* приходится 7,4%, а у *Майки Раубич* — 7,1%. В сочетании с именем *Алесь* встретилось 108 разных глаголов данной ЛСГ, т.е. повторяется каждый третий глагол, а в сочетании с именем *Майка* встретилось 40 разных глаголов, т.е. повторяется почти каждый второй глагол. 1% у *Алесь* и 8,5% у *Майки* приходится на долю глагола *даць*; 3,5%) и 5,7% соответственно — на долю глагола *трымаць*; 2,9% и 2,8% — на долю глагола *пацалаваць*, которые являются самыми частыми в сочетании с обоими героями.

Самая большая разница (правда, всего лишь в две позиции) отмечена между рангами, занимаемыми глаголами движения. *Майка* оказалась «подвижнее» *Алесь*, т.к. в сочетании с ее именем глаголы данной ЛСГ занимают четвертое место (на их долю приходится 12,5%), а у *Алесь* подобные глаголы стоят на шестом месте и составляют 10,6%. 13,8% у *Майки* и 10,3% у *Алесь* приходится на долю глагола *ісці*, 4% и 9,2% соответственно на долю глагола *ехаць*, 5,6% в сочетании с именем *Майка* приходится на долю глагола *танцаваць*, который в сочетании с именем *Алесь* не зафиксирован вообще.

Вывод. Таким образом, учет глаголов с их последующей классификацией по лексико-семантическим группам дает исследователю возможность получить соответствующую характеристику отдельного лица, позволяет обнаружить универсальные свойства имени персонажа и вместе с тем выступает доказательством того, что мужской и женский образы в романе характеризуются разными глагольными сочетаниями.

Литература

1. Караткевіч, У. Каласы пад сярпом тваім / У. Караткевіч. — Мінск: Юнацтва, 1981. — 781с.
2. Васильев, Л.М. Семантика русского глагола: Глаголы речи, звучания и поведения: Учебное пособие / Л.М. Васильев. — Уфа, 1981.
3. Верабей, А.Л. Жывая повязь часоў: Нарыс творчасці У. Караткевіча / А.Л. Верабей. — Мінск: Вышэйшая школа, 1985. — 118с.

Поступила в редакцию 18.01.2018 г.

УДК 81'373.21

Урбаноним как ономастический термин: постановка проблемы

Соловьев А.Н.

Смоленская государственная сельскохозяйственная академия, Смоленск (Россия)

В статье рассматриваются современные тенденции употребления термина «урбаноним», представлена статистика использования данного термина в трудах российских и зарубежных ученых. Цель статьи — уточнение границ термина «урбаноним» соотносительно с рядом других терминов, использующихся в современной русской и международной ономастике для обозначения названий объектов внутригородского пространства.

Материал и методы. Материалом исследования послужили современные статьи и диссертации российских ученых, в которых в качестве ключевых слов используется урбанонимическая лексика. В ходе работы использовались статистический, описательный, сравнительно-сопоставительный и аналитический методы.

Результаты и их обсуждение. В статье приводится актуальная статистика использования урбанонимической лексики, рассматриваются синонимичные международные термины. Особое внимание уделяется проблеме включения в состав урбанонимов неофициальных названий, эргонимов и виконимов. Вопрос включения неофициальных названий решается положительно. В статье обсуждается вопрос соотношения терминов «эргоним», «ойкодомоним» и «урбаноним». Для виконимов и урбанонимов предлагается термин «эндоойконим».

Заключение. Урбанонимическое (внутригородское) пространство весьма разнородно и в этом плане подобно топонимическому, только в меньших масштабах. Оно включает в себя несколько пластов: официальные названия адресных объектов (улицы, переулки, площади); другие официальные названия, не являющиеся адресными объектами (названия мостов, парков, остановок); официальные эргонимы; неофициальные названия объектов первых трех пластов. Объединяет эти пласты в единый ономастический разряд два аспекта: принадлежность к ономастическому пространству определенного города и прагматический аспект — использование онима в качестве объекта, помогающего ориентироваться в городском пространстве..

Ключевые слова: урбаноним, эргоним, ойкодомоним, виконим, эндоойконим. неофициальные названия, ономастика, ономастическая терминология.

(Ученые записки. — 2018. — Том 25. — С. 198–203)

Urbanonym as an Onomastic Term: Formulation of the Problem

Solovyev A.N.

Smolensk State Agricultural Academy, Smolensk (Russia)

This article is considering modern trends in use of the term «Urbanonym». We represent statistic of usage this term in Russian and foreign science. The aim of the research is making more exact to borders of the term “Urbanonym” correlatively to others terms that are used in modern Russian and international onomastics for naming objects of urban space.

Material and methods. The material for the study was modern articles and theses of Russian scientists, in which urbanonym terms are used as keywords. The statistical, the descriptive, the comparative, the analytical methods are used in this work.

Findings and their discussion. Actual statistics of urbanonym term usage of are given in the article, synonymic international terms are also considered. The article focuses on the problem of inclusion of unofficial names, ergonyms and viconyms into urbanonyms. The question about inclusion of unofficial names is solved positively. We discuss the issue about correlation between the terms “ergonym”, “oykodomonym” and “urbanonym”. We propose to merge viconyms and urbanonyms in new term “endooykonym”.

Conclusion. Urban space is various and similar to toponymical space, but appears in a smaller scale. It includes some layers: official names of address objects (streets, lanes, squares); official names of non-address objects (bridges, parks, stops); official ergonyms; unofficial inner-city names. These layers are united in one onomastic category by two aspects: belonging to onomastic space of the city and the pragmatic aspect — usage of onym as a name which helps to navigate in urban space.

Key words: urbanonym, ergonym, oykodomonym, viconym, endooykonym, unofficial names, onomastic terminology.

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 25. — P. 198–203)

Данная статья посвящена вопросам терминологии. Ономастическая наука уже прошла этап становления, но актуальность подобных вопросов может быть подчеркнута тем фактом, что в Международном союзе ономастических наук (ICOS) существует особый комитет по терминологии. Целью нашей работы является уточнение границ термина «урбаноним» соотносительно с рядом других терминов, использующихся в современной русской и международной ономастике для обозначения названий объектов внутригородского пространства.

Подробная история изучения урбанонимов выходит за рамки статьи. Отметим однако, что мощный импульс исследованию урбанонимиконполучило в 1960-е годы наряду с общим подъемом интереса к ономастическим исследованиям. С 1959 года действует Московская топонимическая комиссия, сделавшая ценный вклад в изучение не только внутримосковских онимов, но и в развитие общерусской урбанонимики. В разные годы с деятельностью комиссии были связаны имена Р.А. Агеевой, Н.В. Подольской, Е.М. Поспелова (с 1964 года председатель комиссии), Г. П. Смолицкой, А. В. Суперанской. Одним из основателей и вдохновителей комиссии был В.А. Никонов. С конца 1960-х годов проводятся и многочисленные ономастические конференции (например, Поволжские), выходят ономастические сборники: «Ономастика», «Этнография имен», «Вопросы топонимики» и другие. В сборниках содержатся статьи, посвященные урбанонимии, микропонимии отдельных городов. Мы видим, что внутригородские объекты ученые относят либо к топонимам (городским, города), либо к урбанонимам. В работе А.В. Суперанской «Общая теория имени собственного» впервые употребляется термин урбаноним, появляется его теоретическое обоснование, определяется место данного разряда собственных имен в ономастическом пространстве [1 с. 187]. Н.В. Подольская фиксирует данный термин в «Словаре русской ономастической терминологии» и определяет его как «обозначение

любого внутригородского объекта: улицы, площади, микрорайона, парка и т.д.» [2, с. 139].

Но и после выхода словаря Н.В. Подольской (двух изданий) в ономастике внутригородских названий не появилось единообразия. Так М.В. Горбаневский называет внутригородские объекты городскими топонимами [3, с. 13], Г.А. Кривокубова и Н.А. Прокуровская, рассматривая, соответственно, городские топонимы Омска и Ижевска, выделяют урбанонимы в особый разряд собственных имен [4, 5]. Связано употребление множества терминов с тем, что единой общепринятой теории, описывающей русскую урбанонимию, пока не существует. Отметим, что в белорусской урбанонимике благодаря трудам А.М. Мезенко терминология унифицирована [6].

Материал и методы. Материалом исследования послужили современные статьи и диссертации российских ученых, в которых в качестве ключевых слов используется урбанонимическая лексика. В ходе работы использовались статистический, описательный, сравнительно-сопоставительный и аналитический методы.

Результаты и их обсуждение. Ниже мы приведем статистику использования терминов, использующихся при изучении городского ономастического пространства. Нами были отобраны следующие термины: урбаноним, городской топоним, городской микропоним, годоним, эргоурбаноним, эргоним, ойкодомоним. Электронный каталог Российской государственной библиотеки (РГБ) позволяет искать диссертации по тематике [7].

Мы видим, что на уровне диссертационных работ преобладают термины урбаноним и эргоним. Однако ряд исследователей вслед за Горбаневским продолжают использовать как основной термин «городской топоним» (Н.Ю. Забелин, И.Б. Горланова) [8; 9]. В работе С.Д. Олейниковой, посвященной Моршанску урбанонимы называются городскими микропонимами [10, с. 18].

В следующей таблице представлены результаты запросов в электронной библиотеке eLibrary [11]. Данный сайт позволяет искать материалы

Таблица

Диссертации, связанные с урбанонимикой, в электронном каталоге РГБ

Термин	Количество защищенных работ с 2000 года
урбаноним	7
Городской топоним	2
Городской микропоним	1
эргоним	>9
эргоурбаноним	2
ойкодомоним	2
виконим	1

Таблица

Научные работы, связанные с урбанонимикой, в электронном каталоге Elibrary.ru

Термин	Всего работ	В том числе, работы содержащие термин в списке ключевых слов
урбаноним	240	113
городской топоним	70	5
городской микротопоним	68	0
годоним	78	25
эргоним	321	138
эргоурбоним	23	7
ойкодомоним	29	7

Таблица

Научные работы, связанные с урбанонимикой, в электронном каталоге Google Scholar (Google Академия)

Запрос	Результаты за все время	С 2013 года	С 2016 года	С 2017 года
Урбаноним/урбанонимы	319/613	163/244	37/60	1/5
Городской топоним / городские топонимы	9890/6720	3290/2710	777/522	81/59
Городской микротопоним/городские микротопонимы	804/659	266/196	55/42	5/4
Годоним/годонимы	119/296	45/111	13/32	0/2
Эргоним/эргонимы	570/742	268/312	64/90	5/5
Эргоурбоним/эргоурбонимы	38/58	21/24	3/3	0/0
Ойкодомоним/ойкодомонимы	42/57	19/24	5/7	0/0

в том числе и по ключевым словам. Большая часть работ на данном сайте — это научные статьи.

Мы видим, что соотношение использования терминов в научных статьях примерно такое же, как и при написании диссертаций, однако значительное количество ученых не использует термин «урбаноним» при описании внутригородского пространства.

В завершение статистического блока приведем еще одну таблицу. Она составлена на основе поисковых запросов в Google Scholar (Гугл Академия) [12]. Этот сервис Google ищет исключительно по научным текстам. Однако релевантность запросов в конце списка выдачи снижается. Также выдаются разные результаты при вводе термина в единственном и множественном числе. Мы сочли возможным оставить оба варианта.

Результаты даны через слэш. Первое число — для термина в единственном числе, второе — для запросов со множественным числом. Отметим, что скорее всего результаты по двусловным терминам завышены из-за несовершенства поиско-

вой системы. По однословным — общие тенденции сохраняются.

Кратко остановимся на зарубежной ономастике. Термин урбаноним или похожие по наполнению термины активно используются польскими, чешскими, словацкими, венгерскими, румынскими, латвийскими учеными, а вот в англоязычной ономастике термин практически отсутствует [12]. Выше мы говорили о терминологической группе при ICOS (международном совете ономастических наук). Данная группа составила словарь важнейших ономастических терминов для английского, французского и немецкого языков. Во всех трех версиях термин урбаноним отсутствует. Хотя встречаются редкие термины, например — *pesonum* — имя острова. При исследовании внутригородского пространства используется слово “name” и обозначение соответствующего типа объекта, например, “street name, square name” и т.д. [13]. При этом подобные названия принадлежат с точки зрения англоязычной науки к годонимам, даже square name — это тоже годоним. Думается, что расширение использования термина «урба-

ноним» за пределы славянской и восточноевропейской научных ономастических школ обогатило бы мировую ономастику.

Итак, мы выяснили, что при изучении внутригородских пространств пока еще нет терминологического единства, однако даже ученые, использующие термин урбаноним в своих работах, по-разному понимают этот термин.

Расхождения связаны с определением границ данного понятия, с включением либо не включением в состав урбанонимов того или иного пласта лексики. Первый аспект — это признание наличия наряду с официальными неофициальных урбанонимов. Например, один из наиболее плодотворных современных урбанонимистов Р.В. Разумов не считает неофициальные названия урбанонимами. С его точки зрения урбанонимом может являться только официальный адресный объект. Другие городские названия входят в городское ономастическое пространство, но урбанонимами не являются. Р.В. Разумов использует термины «городской микротопоним» или «микрорурбаноним» [14, с. 94]. Собственно урбанонимы образуются сверху, фиксируются государственной властью, используются в качестве адресных объектов. Обычные граждане также используют в большинстве подобные названия, в том числе и в устной речи. Второй тип имен зарождается в речевой практике граждан, но остается не официальным и не используется в качестве указателя адресного объекта в официальных ситуациях. Отметим, что иногда не официальные названия целых городских районов, явно не попадающие под категорию микро-онима.

Таким образом, Р.В. Разумов фактически ставит знак равенства между урбанонимами и официальными адресными объектами. На наш взгляд между системами официальных и неофициальных названий больше общего, чем различий. Различие одно, собственно, использование онима в официальном дискурсе. Общим же является принадлежность онимов к ономастическому пространству определенного города, соотнесенность с конкретным объектом внутри города. И тот, и другой тип урбанонимов могут выполнять функцию ориентации в городском пространстве. Иногда источником образования официального онима может служить неофициальное название. По всей видимости, так появились дореволюционные названия некоторых улиц и переулков Смоленска и других городов. (*Шведов, Тыртов, Волков переулки, Кукуевская улица*). В современной ситуации так могут актуализироваться названия исчезнувших деревень. Первоначально подобный оним был официальным ойконимом, затем после исчезновения деревни или включению ее в городскую черту переходил в неофициальную сферу, и вновь становился официальным, но уже в качестве урбанонима. Отметим, что неофициальный пласт урбанонимов может проникать в официальные документы, пе-

риодическую печать. Практически в любом городе в объявлениях о недвижимости, в том числе и печатных, и электронных, фигурируют неофициальные названия городских районов (квартира в *Ситниках*, продам дом на *Рачевке*) и объектов (сдам комнату у *Штыка*).

Отметим еще, что для официальных урбанонимов крайне важно наличие урбанонимного термина. Он обозначает тип объекта (улица, переулок, шоссе, проезд, проспект, площадь и тд.). В ряде случаев именно урбанонимные термины служат для различения объектов (*улица Соболева и переулок Соболева*), таким образом урбанонимный термин несет столь же важную смысловую нагрузку, как и собственно оним.

Второй аспект, по которому расходятся современные ученые, это статус эргонимов. Данный термин употребляется уже несколько десятков лет. Наши статистические данные говорят о том, что сейчас эргонимы исследуются особенно активно. Но сам термин имеет несколько трактовок. Н.В. Подольская определяла эргоним как «собственное имя делового объединения людей... союза, организации, учреждения, корпорации» и тд [2, с.151]. Так как часто крупные организации занимали целые здания, то имена этих зданий могли быть эргонимами (если важно наличие определенной организации в здании), либо ойкодомонимами (если важно наличие у здания имени). Таким образом, уже в словаре Н.В. Подольской возникает некая дуальность в отношении одних и тех же названий.

Р.В. Разумов считает, что самым значимым отличием урбанонима от эргонима является топографичность. Под ней понимается «точная привязка к определенной точке земной поверхности», способность онима реализовывать адресную функцию [15, с.16]. По мнению Р.В. Разумова, «эргонимы не могут быть признаны топографическими объектами, поскольку, в отличие от урбанонимов, относятся не к ядру, а к периферии ономастического пространства города, они не привязаны к определенному месту, легко изменяются и быстро исчезают, могут переноситься с одного объекта на другой» [15, с. 16]. На наш взгляд, ядерно-периферийные отношения в городском ономастическом пространстве не обязательно связаны с топографичностью объекта. Сомнительна и периферийность эргонимов в ономастическом пространстве современного города, подобное больше характерно для советской эргонимии (похожие мотивированные названия — магазины *«Молоко»*, *«Знание»*, универсам *«Центральный»*). Сейчас же эргонимы представляют собой весьма яркий пласт внутригородских имен, они активно используются горожанами в качестве локальных маркеров, часто в ситуациях, когда есть оним другого класса. Например, пассажир просит водителя маршрутки: «Остановите у *Макси*». Хотя официально оста-

новка имеет другое название, не связанное с торговым центром.

Эргонимы привязаны к определенному месту, по крайней мере на момент номинации. Магазины, институты, фирмы, рестораны имеют конкретные адреса и могут быть четко локализованы на карте города, то есть обладают в определенной мере топографичностью как место, где находится соответствующее учреждение, при этом оно не всегда занимает целое здание. Изменения названий эргонимов действительно происходит в целом быстрее, чем в среде официальных онимов улиц, проспектов и переулков. Однако и тут могут быть исключения. Вероятно, во многих городах есть эргонимы, функционирующие по 10-20 лет. В ситуации исчезновения подобного эргонима с официальной карты города, он продолжит существование в неофициальных речевых ситуациях (магазин «Исай», возле бывшего «Исая» итд). Для подобного функционирования необходимо, чтобы название активно использовалось горожанами в официальный период существования онима, а также выгодное местоположение организации с точки зрения потенциального выполнения локализирующей (адресной) функции (угловое, единственный магазин в доме итд). Возможно, нужна еще и смена сферы деятельности объекта, одно дело переименованный магазин, другое — банк, открытый в бывшем магазине.

Относительно перенесения местоположения объектов-эргонимов можно сказать, что подобное явление действительно мешает использовать эргонимы в качестве ориентиров. Здесь все зависит от значимости подобного объекта для горожан и времени его существования на старом и новом местах.

Рассмотрим соотношение эргонимов и ойкодомонимов. Р.В. Разумов считает, что ойкодомонимы обладают топографичностью в отличие от эргонимов [16, с. 119]. Если речь идет о крупных организациях полностью занимающих некое здание, то можно считать, что ойкодомоним и эргоним для такого объекта совпадают. Вероятнее всего, для локализации внешнего пространства будет использоваться ойкодомоним (возле здания, где расположен завод такой-то), для локализации внутреннего пространства эргоним (на проходной такого-то завода). Хотя своеобразным ойкодомонимическим конкретизатором можно считать номер дома, соотношенный с названием улицы, переулка и тд. В этом смысле современная официальная ойкодомонимия российских городов нумероцентрична, случаи официального закрепления за зданием какого-нибудь онима редки (возможно, жилые комплексы в современных мегаполисах).

Нам кажется, что есть определенный ряд ситуаций, в которых, для локализации городского пространства используются именно эргонимы. Например, когда в большом офисном здании не-

сколько выходов, удаленных друг от друга, и мы уточняем тот или иной выход, чаще всего по названию фирмы или заведения, находящихся ближе к нему. (В Смоленске есть несколько подобных зданий, например, *Гамаюн*). Вторая ситуация — наличие в некотором здании нескольких магазинов, учреждений, организаций итд с отдельными выходами. В этом случае разные части здания будут известны под соответствующими эргонимами. И именно эти эргонимы помогут жителю города сориентироваться во внутригородском пространстве. То есть будут использоваться в качестве урбанонимов. Подобные ситуации ставят вопрос о границах топографичности объекта. Насколько небольшим может быть объект, чтобы он, не утрачивая связи с определенной частью или точкой городского пространства, служил жителям и гостям города в качестве ориентира? Являются ли такими объектами заведения или офисы внутри крупных торговых центров, отдельные цеха или здания на территории завода, платформы вокзалов? Возможно, что в определенной ситуации они тоже служат урбанонимами, причем в большинстве случаев, официальными. В качестве не официальных микро-урбанонимов могут функционировать даже названия лавочек (*Брехаловка* из произведений Искандера — действительно существует в современном Сухуме) или отдельных деревьев (*Груша*) [17, с.30].

В заключение рассмотрим третий аспект — соотношение урбанонимов и виконимов. Последние представляют собой внутрисельские наименования. В ряде современных работ происходит смешение этих терминов («урбанонимы села ...»). Р.В. Разумов связывает такие ошибки с распространенностью термина урбаноним и малоизвестностью других терминов (виконимы, годонимы) [15, с. 16]. Однако в этой ошибке тоже есть известная доля истины. И в сознании носителей языка, и с точки зрения государства городские и сельские поселения отличаются друг от друга. М.В. Голомидова отмечает, что для города характерны: а) протяженность пространственных границ; б) сложная социально-демографическая картина; в) разветвленная инфраструктура, включающая административные, производственные, охранительные, культурно-просветительные и проч. формации; г) усложнение функций. Именно города являются центрами, координирующими внутреннюю жизнь нации и обеспечивающими межнациональные связи» [18, с. 76]. Отметим, что в СССР было два критерия при отнесении поселений к городам: численность (в РСФСР — 12000, в других республиках — варьировалась) и занятость населения в сфере сельского хозяйства. К поселкам городского типа относили поселения, где население не работало в агросфере, но численность была меньше количественного ценза и не позволяла создать город.

В современной России происходит процесс отказа поселков городского типа от своего статус-

са, они становятся селами (жители приобретали сельские льготы). В истории России были случаи утраты городами своего статуса (например, Красный — дворцовое село, город, сельский поселок, пгт, село, пгт). При этом при смене статуса поселения основной корпус онимов обычно сохраняется. Таким образом, одни и те же названия можно рассматривать в определенные годы как урбанонимы, а в другие — в качестве виконимов.

Существующие на юге России и в Сибири станицы являются сельскими поселениями, однако по численности превышают многие малые города. По данным переписи населения России 2010 года в 191 сельском населенном пункте население превышало 10000 человек. В станице Каневской Краснодарского края живет почти 45000 человек. Это самое крупное сельское поселение в России. Официально в ней насчитывается 262 урбанонима [19]. В Смоленской области у многих малых и средних городов количество зафиксированных урбанонимов не достигает и сотни.

Понятно, что приведенные выше примеры маргинальны, так как относятся к крайним и нетипичным случаям. В обычной ситуации города и сельские поселения существенно различаются, так же, как и содержащиеся в их внутреннем пространстве онимы. Однако, не смотря на структурные, лексико-семантические и некоторые другие различия, между урбанонимами и виконимами есть общее. Они принадлежат к сфере обжитого пространства населенного пункта и этим противостоят топонимам (микро- и макро-), чьи объекты находятся вне какого-либо поселения. Возможно, что для всей совокупности названий внутри поселений можно ввести новый термин — эндоонимия, от корней эндо- внутренний и ойко- поселение соответственно, эндоонимы делились бы на ставшие уже традиционными урбанонимы и виконимы, введенные в научный оборот А.М. Мезенко [20]. Однако более подробное изучение общего и различий в урбанонимии и виконимии, а также определение целесообразности введения термина-неологизма лежит за рамками данной статьи.

Заключение. Вернемся к урбанонимам и подытожим. Урбанонимическое (внутригородское) пространство весьма разнородно и в этом плане подобно топонимическому, только в меньших масштабах. Оно включает в себя несколько пластов. Среди них важнейшими являются четыре:

- а) официальные названия адресных объектов (улицы, переулки, площади, тупики итд);
- б) другие официальные названия, не являющиеся адресными объектами (названия мостов, парков, остановок транспорта);
- в) официальные эргонимы;
- г) неофициальные названия объектов первых трех пластов.

Объединяет эти пласты в единый ономастический разряд два аспекта: принадлежность к онома-

стическому пространству определенного города и прагматический аспект — использование онима в качестве объекта, помогающего ориентироваться в городском пространстве, локализовать его в официальной и не официальной речевых ситуациях.

Литература

1. Суперанская, А.В. Общая теория имени собственного / А.В.Суперанская.-- М.: Наука, 1973. -- 356 с.
2. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В.Подольская.-- М., 1978. -- 192 с.
3. Горбаневский, М.В. Русская городская топонимия / М.В.Горбаневский. -- М., 1996. -- 247 с.
4. Кривокубова, Г.А. Имя как культурно-историческая реальность. (Микротопонимика города) // Человек. Культура. Слово / Г.А.Кривокубова. -- Омск, 1991.-- С. 151–158.
5. Прокуровская, Н.А. Город в зеркале своего языка: (На яз. материале г. Ижевска) / Н.А.Прокуровская. -- Ижевск : Изд-во Удм. ун-та, 1996.-- 224 с.
6. Мезенко, А.М. Имя внутригородского объекта в истории / А.М.Мезенко. -- Минск, 2003.-- 301 с.
7. <http://www.rsl.ru/ru/s97/s339/> Электронный каталог РГБ (дата обращения 30.03.2017)
8. Забелин, Н.Ю. Московская городская топонимия, структурно-семантический анализ топонимической системы: дисс. ... канд. филол. наук. -- М., 2007.-- 202 с.
9. Горланова, И.Б. Топонимия города Костромы / И.Б. Горланова. -- Кострома, 2010. -- 115 с.
10. Олейникова, С. Д.. Ономастическое пространство г. Моршанск: социальный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук.-- Тамбов, 2007. -- 23 с.
11. <http://www.elibrary.ru> Электронная библиотека Elibrary. (дата обращения 30.03.2017)
12. <https://scholar.google.com> Сервис Гугл Академия (дата обращения 30.03.2017)
13. <http://www.icosweb.net/index.php/home.html> Официальный сайт ICOS (Международного совета ономастических наук) (дата обращения 3.04.2017)
14. Разумов, Р.В. Коннотативная урбанонимия российских городов. // In Nōminum Spatio : Материалы I Международных ономастических чтений им. Е.С. Отина (16–18 октября 2015 г.) // Редколлегия: В.М. Калинин (отв. ред.) и др. Донецк: Издание Фонда «Азбука», 2016.-- С. 94 — 102.
15. Разумов, Р.В. Об упорядочении ономастической терминологии в области урбанонимии // Верхневолжский филологический вестник.-- 2015. № 2. -- С. 14-19.
16. Разумов Р.В. Ойкодонимы как разновидность городских онимов // Имя собственное в жизни и литературе: материалы IX Междунар. Святогорских ономастических и IX Междунар. Михайловских литературно-онوماстических чтений. Киев, 2015. С.115–123.
17. Бутеев Д.В. и др. Под покровом имен. Словарь неофициальных топонимов г. Смоленска. Смоленск : Маджента, 2012. 164 с.
18. Голомидова М. В. Урбанонимы в контексте культуры современного города // Ежегодник Научно-исследовательского института русской культуры. 1994. Екатеринбург : [УрГУ], 1995. С. 76-86.с
19. <http://www.oktmo.ru> Общероссийский классификатор территорий муниципальных образований (дата обращения 29.09.2017).
20. Мезенка Г.М. Віцебшчына ў назвах вуліц: манаграфія: у 2 частках. Віцебск, 2008. 363с. + 254 с.

Поступила в редакцию 18.01.2018 г.

УДК 811.161.1

Гефиронимы в русском онимическом пространстве

Супрун В.И.

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград (Россия)

Мосты занимают важное место в жизни человечества. Они были одним из древнейших инженерных изобретений людей. Цель: в статье рассматриваются названия мостов как объект ономастического анализа. Определяется, что наименования мостов занимают важное место в топонимическом пространстве любого государства и города. Они являются ориентирами на географической территории страны или населённого пункта, обладают важными этнолингвокультурными характеристиками, отражают идеологические взгляды, существующие в обществе в разные эпохи, хранят память о прошлых событиях и личностях.

Материал и методы. *Выявлены три модели образования гефиронимов: оттопонимическая, отантропонимическая и описательная. Названия мостов являются периферийным разрядом ономастического поля, они существуют только как апеллятивно-онимическое словосочетание. Для названий этих объектов предложен термин гефиронимы < греч. γέφυρα 'мост' + оним.*

Результаты и их обсуждение. *Современные петербургские гефиронимы связаны по происхождению с урбанонимами (37% от всех названий мостов, 70% от наименований топонимического происхождения), на них переходит получившая в советское время генетивная модель. В гефиронимии представлены также единицы, образованные от антропонимов, описательные наименования (по цвету, материалу, внешнему виду, соседним объектам и т.д.). Идеологические названия представлены религиозной моделью (от экклезионимов и геортонимов) и советскими наименованиями. Гефиронимы обладают серией функций, выделенных белорусской исследовательницей А.М. Мезенко у урбанонимов.*

Заключение. *Изучение названий мостов обнаруживает закономерности формирования русского онимического пространства, взаимодействия между разными разрядами и позволяет увидеть в онимах историческое и культурологическое содержание их семантики.*

Ключевые слова: *онимическое пространство, ономастическое поле, гефироним, топоним, антропоним, урбаноним, Санкт-Петербург.*

(Ученые записки. — 2018. — Том 25. — С. 204–210)

The Names of Bridges in the Russian Onomastic Space

Suprun V.I.

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd (Russia)

Bridges have an important place in the life of mankind. They were one of the oldest engineering inventions of people. The objective: the article deals with the names of the bridges as the object of onomastic analysis. Determined that the names of the bridges have an important place in the toponymic space of any state and city. They are the benchmark in the geographical territory of the country or locality, have important ethno-linguistically characteristics reflect the ideological views that exist in society at different times, keeping memory of past events and personalities.

Material and methods. *Identified three models of the origin of the names of the bridges: the toponymic, anthroponymic and descriptive. The names of the bridges are peripheral discharge in the onomastic field, they exist only as appellative-onomastic phrase. For the names of these objects, we have proposed the term the gephyronym < Greek γέφυρα 'bridge' + nomen.*

Findings and their discussion. *Modern St. Petersburg the names of the bridges connected the occurrence with the names of the streets (37% of all of the names of bridges, 70% of the names of toponymic origin), they reflected received in Soviet times, the model forms in the genitive case. In the names of the bridges also presents units derived from anthroponyms, descriptive names (by color, material, appearance, nearby objects, etc.). Ideological names presented by the religious model (from the names of churches and religious holidays) and Soviet names. The names of the bridges have a series of functions that Belarusian researcher A. M. Mezenko allocated for street names.*

Conclusion. *The study of the names of bridges discovers regularities of formation of Russian onomastic space, interaction between different categories and allows us to identify in various names of their own historical and cultural content of their semantics.*

Key words: *onomastic space, onomastic field, names of the bridges, toponym, anthroponym, street name, St. Petersburg.*

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 25. — P. 204–210)

Мосты занимают важное место в жизни человечества. Они были одним из древнейших инженерных изобретений людей. По мере устройства постоянных поселений на реках возникала потребность в перемещении жителей и их имущества на противоположных берег. Необходимы были мосты на дорогах, соединявших города. Мосты строились на рвах, окружавших крепости, чтобы по ним можно было попасть в поселение.

Для названий мостов нами был предложен термин *гефиронимы* < греч. γέφυρα ‘мост’ + *оним* [1: 23]. Эти наименования соприкасаются с другими топонимическими единицами, составляя с ними единое топонимическое пространство, а в пределах города они взаимодействуют с урбанонимами, с которыми обладают общими деривационными, семантическими и лингвокультурными характеристиками. Гефиронимы имеют облигаторную формулу: *название + мост* (в пост- или препозиции), как другие единицы периферийных ономастических разрядов, они существуют только в виде апеллятивно-онимических комплексов [2].

Материал и методы. Первое письменное упоминание о мосте обнаруживается в «Истории» греческого историка Геродота (484–425 гг. до н. э.). Он приписывает заслугу в устройстве моста через Евфрат вавилонской царице Нитокрис, супруге царей Навуходоносора II и Набонида: «Так как город состоял из двух частей, между которыми находилась река, то при прежних царях всякий желавший перейти из одной части в другую должен был переправляться через реку на лодке, а это, как я полагаю, было затруднительно. Нитокрис позаботилась и об этом. Выкопав бассейн для озера, она вместе с тем оставила по себе следующий памятник. Она велела вытесать камни большой длины и, когда камни были готовы, а бассейн вырыт, направила всю воду реки в вырытый бассейн. Когда тот наполнился водой и прежнее русло реки совершенно высохло, она прежде всего велела выложить обожженным кирпичом края речных берегов в городе и спуски, ведущие от ворот к реке, таким же способом, каким была построена стена. Потом приблизительно посреди города она велела построить мост из кусков тесаного камня, скрепив их железом и свинцом. На этом мосту по её распоряжению в начале дня клали настил из деревянных брусьев, по которому и переходили вавилоняне. На ночь настил снимался, чтобы они не переходили через реку и не обворовывали друг друга. Когда вырытый бассейн наполнился водою реки и постройка моста через реку была закончена, Нитокрис снова отвела воды реки Евфрата в прежнее русло» [3: 186].

История не сохранила названия этого моста. Возможно, у него его и не было, поскольку он был единственным и слово *мост/Мост* совмещало

в себе нарицательное и ономастическое значения: в каждом употреблении происходила мгновенная ономастическая ситуация [4], которая возникает ежедневно у жителей окрестных селений рядом с крупными городами, когда они говорят: «Я поехал в город. В городе живут родственники» и пр., подразумевая под словом *город/Город* конкретный астионим (Москва, Санкт-Петербург, Волгоград, Мелитополь и пр.). На основании этой ситуации возникло наименование *Стамбул* < греч. εἰς τὴν πόλιν ‘в город’ [5: 744].

У славян обычно строились деревянные мосты. «Повесть временных лет» сообщает о существовании моста в Овруче в X веке: «В год 6485 (977). Пошёл Ярополк на брата своего Олега в Деревскую землю. И вышел против него Олег, и исполнились обе стороны. И в начавшейся битве победил Ярополк Олега. Олег же со своими воинами побежал в город, называемый Овруч, а через ров к городским воротам был перекинут мост, и люди, теснясь на нём, сталкивали друг друга вниз. И столкнули Олег с моста в ров. Много людей падало, и кони давили людей. Ярополк, войдя в город Олегов, захватил власть и послал искать своего брата, и искали его, но не нашли. И сказал один древлянин: «Видел я, как вчера спихнули его с моста» [6].

В Греции крупных рек не было, поэтому мосты не отличались большими размерами. Считается, что уже в Микенскую эпоху (2-е тысячелетие до н.э.) в Арголиде строились каменные мосты, техника и архитектурные особенности их сооружения потом продолжались в других центрах древнегреческой цивилизации [7]. Самым древним из сохранившихся арочных мостов в мире считается *мост Аркадики*, построенный более 3 тысяч лет назад [8: 235], около 1300–1200 гг. до н.э. Он являлся частью действующей в Микенскую эпоху военной дороги между городами Тиринф и Эпидаврос. С этим мостом связано и возникновение первой гефиронической модели: сооружение именуется по географическому объекту, на Пелопоннесе по соседству с Арголидой находилась Аркадия.

Результаты и их обсуждение. В Древнем Риме, где мостов было много, для различения они получают наименования. Самый известный Мульвиев мост (лат. *Pons Mulvius*) через реку Тибр в Риме упоминается древнеримским историком Титом Ливием (59 г. до н.э. – 17 г. н.э.), автором частично сохранившейся «Истории от основания города» (*Ab urbe condita*) как сооружённый в 207 г. до н.э. [9]. Он был деревянный, в 109–110 гг. до н.э. цензор Марк Эмилий Скавр (163–89 гг. до н.э.) его перестроил в каменный, по нему проходила Фламиниева дорога (*Via Flaminia*), соединявшая Рим с городом Ариминумом (ныне Римини) на берегу Адриатического моря [10: 160].

Названия этого моста обнаруживает вторую гефиронимическую модель: видимо, оно образовано от древнеримского антропонима *Mulvius*. Это имя встречалось у римлян, оно входило в обширный антропонимический состав не до конца восстановленного из-за поврежденной надписи полного именованного консула 183 года Гая Ауфидия Викторина: *Gaius Aufidius Victorinus Mulvius ... Marcellinus Rhesius Per... ... Numisius Rufus Arrius Paul(inus?) ... (?Camil)lus Iustus Cocceius Gallus* [11: 1393]. Героев с таким именем включили в свои произведения писатели: прихлебатель (паразит) Мульвий упоминается в сатире Горация [12: 280], у Н.С. Лескова в исторической повести «Оскорблённая Нетэта» действует сплетник Мульвий [13], М.В. Езерский в романе «Марий и Сулла» рассказывает о земледельце Мульвии [14]. Ныне мост именуется по-итальянски *Ponte Milvio*, связь с прежним антропонимом утеряна.

Если история гефиронима *Pons Mulvius* не ясна до конца, мы не знаем, в честь какого Мульвия мост был назван, то история сохранила данные о происхождении названия стоящего на западной окраине грузинского города Мцхеты каменного моста *Помпея*. Он носит своё наименование в честь римского государственного деятеля и полководца, консула Римской республики Гнея Помпея Великого (лат. *Gnaeus Pompeius Magnus*; 106-48 гг. до н. э.), который появился в Закавказье в 65 году н.э. во время войны с понтийским царем Митридатом. Митридата поддержали иберы и албанцы, поэтому Помпей совершил карательную экспедицию в Закавказье [15; 16; 17]. Для продвижения своего войска он приказал выстроить мост на реке Куре, который сохранил имя полководца. Рассказывает об этом мосте А.С. Пушкин в своём «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года», но название его не упоминает: «В нескольких верстах от Гарцискалы мы переправились через Куру по древнему мосту, памятнику римских походов, и крупной рысью, а иногда и вскачь, поехали к Тифлису, в котором неприметным образом и очутились часу в одиннадцатом вечера» [18: 428].

Во Флоренции имеется знаменитый мост, расположенный над рекой Арно, который называется *Ponte Vecchio* 'Старый мост' (Понте Веккьо). В этом гефирониме отмечена третья тенденция создания названий мостов – описательная. Мосты называют по материалу, из которого они сделаны, по времени создания и пр. История Понте Веккьо уходит во времена Римской империи, по нему проходила Кассиева дорога из Рима в Тоскану и далее, но современный вид он приобрёл только в Средневековье. В 1333 году мост был разрушен наводнением, в 1345 году архитектор Нери ди Фьораванти (начало XIV века – 1374) его перестроил (по другим сведениям, архитек-

тором был знаменитый художник Таддео Гадди). Более серьёзная перестройка ожидала мост в 1565 году, когда живописец, архитектор и писатель, основоположник современного искусствознания Джорджо Вазари (1511-1574) добавил над ним галерею. Первоначально здесь располагались лавки, в которых торговали мясными, рыбными или кожевенными товарами, а ненужный и протухший товар купцы выбрасывали в реку. Из-за вони и мусора в 1593 году по распоряжению герцога тосканского Фердинандо Медичи мясные, рыбные и кожевенные лавки были удалены с моста, их место заняли ювелиры [19: 38-39], после чего появилось новое описательное имя – *Золотой мост*, указывающее на основной товар в лавках.

Таким же описательным является название моста в Венеции *Ponte di Rialto* 'мост высокого берега'. С микротопонима *Риальто* началась Венеция. Спасаясь от малярии и постоянных затоплений, сюда, на высокий берег, называемый *Риальто*, перебрались с Торчелло и других островов вены, основав новый город. Через Гранд-канал был в 1181 году переброшен понтонный мост, который назвался *Монетным* (*Ponte della Moneta*). Это описательное название указывало на то, что неподалёку находился монетный двор. По другой версии, гефироним связан с платой, которую вносили пешеходы за проход по мосту. После многих неудачных построек на этом месте деревянных и каменных мостов, которые то горели, то обрушались, венецианские власти объявили конкурс на проект нового моста, за которым тогда уже закрепилось название *Риальто*. Скорее всего, это название уже не было связано с исходным значением микротопонима, а было перенесено с одноимённого рынка, существовавшего к тому времени здесь, на высоком берегу. Это же слово включила в своё название основанная, по преданию, вместе с городом церковь Сан-Джакомо-ди-Риальто. Эскизы моста представили многие известные архитекторы, среди них Палладио и Микеланджело. Но комиссия в 1551 году выбрала работу тогда никому ещё не известного архитектора Антонио де Понте (1512-1597), фамилия которого была созвучна с мостостроительством – *ponte* 'мост' [20].

Эти три принципа создания гефиронимов – топонимический (географический), антропонимический (в честь строителей или известных людей) и описательный – продолжились в последующие времена. Рассмотрим гефиронимы Санкт-Петербурга, поскольку на таком объёмном материале принципы и модели создания наименований мостов проявляются наиболее ярко.

В Санкт-Петербурге имеется около ста рек, рукавов, протоков, каналов, столько же озёр и прудов, через которые перекинуто около

800 мостов, не считая мостовые сооружения на территориях промышленных предприятий. В самом городе – 342 моста, остальные находятся в пригородах: Кронштадт – 5, Пушкин – 54, Петергоф – 51, Павловск – 16, Ломоносов – 7 и т.д. 218 мостов являются пешеходными, около 20 – разводными. *Большой Обуховский (вантовый) мост* является самым длинным, его полная длина 2824 м. *Мост Александра Невского* самый длинный из разводных мостов, длина его без береговых сооружений 629 м, вместе с пандусами – 905,7 м. Самым широким является *Синий мост* на реке Мойке, это фактически не мост, а площадь шириной 97,3 метра [21; 22].

Многие петербургские мосты неоднократно меняли свои названия, что было связано, прежде всего, с социальными преобразованиями общества. Так, *Большеохтинский мост* до 1917 года назывался *мост Императора Петра Великого*, а после революции – *мост имени Воровского*, встречался также орфографический вариант *Большеохтенский мост*. Нынешний *Троицкий мост* именовался *Петровский мост*, *Петербургский мост*, *мост Равенства*, *Кировский мост*. *Матвеев мост* на Крюковом канале носил названия *Конюшенный мост*, *Канавский мост*, *Канавный мост*, *Канальный мост*, *Тюремный мост*, *мост Матвеева*.

На топонимическом принципе образования гефиронимов покоятся названия петербургских мостов: *Большой Обуховский мост*, *Обуховский мост*, *Большеохтинский мост*, *Малоохтинский мост*, *Большой Ижорский мост*, *1-й Лахтинский мост*, *Старо-Пановский мост*, *Витебский мост*, *Балканский мост*, *Варшавский мост*, *Могилёвский мост*, *Коломенский мост*, *Египетский мост* и др.

Особо можно выделить названия мостов, образованные от урбанонимов; мост выходит на ту или иную улицу и по ней получает наименование: *Литейный мост*, *Сенной мост*, *Растанный мост*, *Гренадерский мост*, *Кантемировский мост*, *Мучной мост*, *3-5-й Ржевский мост*, *Митрофаньевский мост*, *Виленский мост*, *Егоровский мост*, *Ново-Московский мост*, *Тверской мост*, *1-2-й Садовый мост*, *Можайский мост*, *Русановский мост*, *Вознесенский мост*, *Рузовский мост*, *Боровой мост*, *Измайловский мост*, *Андреевский мост*, *Рябовский мост*, *Ланской мост*, *Карельский мост*, *Английский мост*, *Уральский мост*, *Камышинский мост*, *Поселковый мост*, *Всеволожский мост*, *Кронверкский мост*, *Аптекарский мост*, *Большой Конюшенный мост*, *Ново-Конюшенный мост*, *Подъяченский мост*, *Кокушкин мост*, *1-2-й Петергофский мост*, *Ириновский мост*, *Объездной мост*, *Индустриальный мост*, *Капсюльный мост*, *Курский мост*, *Прилукский мост*, *Челябинский мост*, *Бароч-*

ный мост, *Аннинский мост*, *Береговой мост*, *Авангардный мост*, *Российский мост*, *Товарищеский мост*, *Гражданский мост*, *мост Белинского*, *мост Коллонтай*, *мост Шаумяна*, *мост Подвойского*, *мост Партизана Германа*, *мост Лётчика Тихомирова*, *мост Адмирала Трибуца*, *мост Дыбенко*, *мост Степана Разина*, *мост Бурцева*, *мост Кораблестроителей*, *мост Энергетиков*, *мост Катерников*, *мост Красных Командиров*, *мост Народного Ополчения*, *мост Обуховской Обороны* и др. Не зная урбанонимического пространства города, мы можем неверно определить модель образования гефиронима. Так, *Белградский мост* назван не по столице Сербии, а по улице Белградской, на которую он выходит. *Итальянский мост* продолжается на Итальянской улице. *Масляный мост* расположен рядом с Масляным переулком. *Семёновский мост* в Ломоносове выходит на Семёновскую улицу. Данную модель можно выделить как продуктивную, по ней называются новые мосты в разных частях города. От урбанонимов в гефиронимию проникла не свойственная ей генитивная модель: *мост Декабристов*, *мост Ветеранов* и др.

В некоторых случаях можно предположить, что происходил обратный процесс: гефироним *Львиный мост* дал название соседнему переулку, поскольку мост украшен четырьмя фигурами сидящих львов, по которым и был назван. А вот название *Фонарного моста*, несмотря на то, что на нём стоят фонарные столбы, дано по наименованию Фонарного переулочка, появившегося ранее (гефироним известен с 1906 года) [22: 411]. Иногда урбаноним бывает утрачен, только гефироним напоминает о нём. *Алмазный мост* назван по упразднённой Алмазной улице, которая вела к расположенному недалеко от этого места абразивному заводу [23: 21].

В Санкт-Петербурге существует также модель образования названий мостов по реке, через которую он перекинут, по острову, к которому он ведёт: *Чернореченский мост*, *Тарakanовский* и *1-4-й Тарakanовский мосты* через Таракановку, *Смоленский* и *1-4-й Смоленский мосты* через Смоленку, *Славянский мост* на Славянке, *Сельдяной мост* на Сельдяном канале, *Ждановский* и *1-й, 4-й Ждановский мосты* через Ждановку, *1-4-й Волковский* и *Ново-Волковский мосты* через Волковку, *Верхний* и *Нижний Лебяжий мосты* через Лебяжью канавку, *Бумажный мост* через Бумажный канал, *1-2-й Красненький мост* через Красненькую, *Ольховский мост*, *Заневский мост*, *Карповский мост*, *Малый* и *Большой Чухонский мосты* на Чухонский остров, *6-20-й Каменноостровский мост* и др.

Антропонимическая модель нашла воплощение в петербургских гефиронимах: *Александровский мост*, *Борисов мост*, *Висконтиев мост*,

Бертонов мост, Бердов мост, Матисов мост, Пикалов мост, Харламов мост, Аларчин мост, Геслеровский мост, Грааповский мост (братья Граап владели в начале XX в. лесной биржей вблизи него [23: 38]), *Полежаевский мост, Гутуевский мост, Силин мост, Володарский мост (мост Володарского), Макаровский мост, Мало-Калинкин мост, мост Александра Невского, мост Воровского, мост Ахмата Кадырова* и др. Для выявления модели гефиронима в некоторых случаях необходимы дополнительные исследования. Так, существующий с 1739 года мост через Таракановку с 1836 года назывался *Петровским*, вероятно, в честь Петра I, поскольку мост ведёт к Екатерингофу – парку и несохранившемуся дворцу, принадлежавшему супруге Петра Великого Екатерине Алексеевне, а с 1842 года мост стал называться *Молвинским* – по находившейся в этом районе даче купца Я.Н. Мольво (Молво), владельца водочного и сахарного заводов в начале XIX века [24: 331]. К этой модели примыкают названия мостов по должностям и званиям людей, по этнонимам: *Дворянский мост, Атаманский мост, Казачий мост, Офицерский мост в Сестрорецке, Егерский мост, Рыбацкий мост, 1-й Инженерный мост, Кадетский мост, Шведский мост* и др. В названиях *Лештуков мост, Долгоруков мост, Клочков мост, Демидов мост* и др. происходит совмещение фамильного суффикса -ов с аналогичным притяжательным, в результате чего гефироним полностью совпадает с антропонимом.

Описательные названия мостов Санкт-Петербурга можно распределить на несколько групп: 1) по цвету (*Синий мост, Зелёный мост* на Мойке и в Екатерининском парке Пушкина, *Чёрный мост* в Павловске и на реке Смоленке, *Красный мост* и др.); 2) по материалу (*Каменные мосты* на канале Грибоедова и в Ломоносове, *Ново-Каменный мост, Большой Каменный мост* в Павловске, *Гранитный мост* у Эрмитажной кухни в Пушкине, *Чугунный мост* в Павловске, *Новый Чугунный мост* через Адмиралтейский канал, *Ново-Кирпичный мост* и др.); 3) по внешнему виду (несколько *Горбатых мостов* в разных районах города и пригородах, *Трясучий, он же Висячий мост* в Александровском парке Пушкина, *мост у Скрипучей беседки* в Пушкине, *Трёхчастный мост, Тройной мост*), 4) по расположению рядом зданию, сооружению, примечательному месту (*Адмиралтейские мосты* на Ижоре и на Ново-Адмиралтейском канале, *Дворцовый мост, Биржевой мост, Почтамтский мост, Ипподромный мост, Доковый мост, Театральный мост, Эрмитажный мост, 1-3-й Парковый мост, Ледовый мост* у Ледового дворца, *Балтийский мост* рядом с Балтийским вокзалом, *Торговый мост, Аничков мост* у Аничкова двор-

ца, *Банковский мост, 1-2-й Лаврский мосты, Монастырский мост, Старообрядческий мост, Госпитальный мост, Лесопильный мост, Авиационный мост, Дачный мост, Каретный мост, Прачечный мост, Корабельный мост, Банный мост, Холеный мост* и др.). Редким является наименование моста по функции: *Проезжий мост*. Отмеченная в Италии и других странах модель названия моста по времени возникновения в Санкт-Петербурге представлена только одним гефиронимом *Новый мост*, если не считать дополнительные характеристики в названиях мостов *Новый, Ново-*. Ориентация по сторонам света отражена в гефирониме *Северный мост*. Подобные названия отмечены во многих городах мира: *Северный мост* в Воронеже, Череповце, Магнитогорске (переход), *North bridge* в Эдинбурге, *Перте* (Австралия), *Западный мост* в Москве, Ростове-на-Дону, Твери, *Восточный мост* в Москве, Твери, *Южный мост* в Самаре и т. п. В некоторых случаях фантазия номинаторов приводила к созданию ярких, но труднообъяснимых наименований: *Резвый мост, Сальный мост, Буянный мост, Олений мост* в Павловске и др.

Многие петербургские мосты были названы по экклезионимам или религиозным геортонимам, в некоторых случаях рядом можно обнаружить храм с таким же названием, но это наблюдается не всегда: *Троицкий мост, Рождественский мост, Знаменский мост, Никольский мост, Ново-Никольский мост, Предтеченский мост, Казанский мост, Пантелеймоновский мост, Петропавловский мост* и др. Надо, однако, помнить, что некоторые из этих гефиронимов восходят к урбанонимам: *Вознесенский мост* на канале Грибоедова назван по Вознесенскому проспекту, а одноимённый мост на Ижоре восходит к экклезиониму.

Советская эпоха внесла в состав гефиронимии названия с идеологическими коннотациями: *Краснооктябрьский мост, Красноармейский мост, Красногвардейский мост, Краснофлотский мост, Советский мост, Молодёжный мост* и др.

Гефиронимы выполняют те же функции, что и обнаруженные замечательной белорусской исследовательницей А.М. Мезенко у урбанонимов: хранения и передачи национального самосознания, традиций культуры, воспроизведения запечатлённого и сохранённого в названии связи гефиронима с другими значимыми объектами сообщения о событиях и людях, связанных с наименованием моста, обобщения информации и представления устойчивых общественных знаний о мире, оценочную и отсылочную [25].

Заключение. Итак, названия мостов занимают важное место в топонимическом пространстве любого государства и города. Они являются ориентирами на географической

Таблица

Гефиронимы Санкт-Петербурга по происхождению названия

№ п/п	Модель	Количество	% всего / от модели
1.	От топонима, всего	114	53/100
	в т.ч.: от ойконима и микротопонима	13	6/12
	от урбанонима	80	37/70
	от гидронима	21	10/18
2.	От антропонима	26	12/100
3.	Описательные, всего	58	27/100
	в т.ч.: цветные	6	3/10
	по материалу	8	4/14
	по внешнему виду	10	5/17
	по соседним объектам	27	12/47
	прочие	8	4/12
4.	Религиозные	10	5/100
5.	Идеологические	6	3/100
Всего		215	100/100

территории страны или населённого пункта, обладают важными этнолингвокультурными характеристиками, отражают идеологические взгляды, существующие в обществе в разные эпохи, хранят память о прошлых событиях и личностях. Названия мостов являются периферийным разрядом ономастики, они существуют в ономастическое поле только как апеллятивно-онимический комплекс. Современные петербургские гефиронимы связаны по происхождению с урбанонимами (37% от всех названий мостов, 70% от наименований топонимического происхождения), на них переходит получившая в советское время генетивная модель. Изучение названий мостов обнаруживает закономерности формирования русского онимического пространства и позволяет увидеть в онимах историческое и культурологическое содержание их семантики.

Литература

- Мадиева, Г.Б. Теоретические основы ономастики: Учебное пособие. Изд. 2-е, доп. и перераб. / Г.Б. Мадиева, В.И. Супрун. - Алматы: Казах университеті, 2016. - 266 с.
- Супрун, В.И. Апеллятивно-онимический комплекс как форма существования периферийных онимов в языке / В.И. Супрун. // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: Матер. II Междунар. науч. конф. Ч. 1. - Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. - С. 146-147.
- Геродот. История в девяти книгах. Перевод и примечания Г.А. Страгановского. / Под общей редакцией С.Л. Утченко. Редактор перевода Н.А. Мещерский. - Л.: Наука, 1972. 600 с. (Памятники исторической мысли).
- Супрун, В.И. Мгновенная ономастическая ситуация / В.И. Супрун. // Ономастика Поволжья: Матер. X Междунар. науч. конф. - Уфа: Изд-во БГПУ, 2006. - С. 92-95.
- Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. Изд. 2-е, стер. Том III. - М.: Прогресс, 1987. - 832 с.
- Повесть временных лет. Ч. 1: Текст и перевод / Подг. Текста Д.С. Лихачёва; перевод Д.С. Лихачёва, Б.А. Романова. - М.; Л., 1950. (Литературные памятники).
- Щусев, П. В. Мосты и их архитектура / П.В. Щусев. - М.: Гос. изд-во лит. по строит. и архит., 1953. - 360 с.
- Frienkel, S. Plastic: a Toxic Love Story. Boston; - N.Y.: Houghton Mifflin Harcourt, 2011. 326 p.
- Тит Ливий. История Рима от основания города / Ливий Тит. - М.: Ладомир, 2002.
- Klee, M. Lebensadern des Imperiums: Strassen im Römischen Reich. Stuttgart: Theiss, 2010.
- PIR = Prosopographia Imperii Romani saec. Pars IV. Fasc. 1. Ed. Arturus Stein. (Buchstabe G). Berolini, 1952.
- Гораций Флакк Квинт. Собрание сочинений в одном томе. - СПб.: Биографический ин-т, Студия биографика, 1993. 415 с. (Библиотека античной поэзии).
- Лесков, Н.С. Час воли Божией: легенды и сказки (Русь православная) / Н.С. Лесков. - М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2004.
- Езерский, М.В. Гракхи. Марий и Сулла / М.В. Езерский. - М.: Терра, Уникум, 1999. - 832 с.
- Seager R. Pompey the Great: A Political Biography. 2nd ed. Malden, MA; Oxford: Blackwell, 2002. 280 p.
- Манандян, Я. А. Круговой путь Помпея в Закавказье / Я. Манандян. // Вестник древней истории. - 1939.- № 4.- С. 70-82.
- Дреер, М. Помпей на Кавказе: Колхида, Иберия, Албания / М. Дреер // Вестник древней истории. - 1994. - № 1. - С. 20-32.

18. Пушкин, А.С. Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года // Его же. Собрание сочинений в 10 тт. Под общ. ред.: Д. Д. Благого, С. М. Бонди, В. В. Виноградова, Ю. Г. Оксмана. Т. 5. - М.: Гос. изд-во худ. лит., 1960.- С. 412-464.
19. Graf V. Bridges that Changed the World. - München: Prestel, 2002.
20. Акройд, П. Венеция: Прекрасный город / П. Акройд. - М.: Litres, 2017.
21. Богданов, Г. И. Мосты и Петербург / Г.И Богданов. - СПб.: Белое и Чёрное, 2007.
22. Ерофеев, А. Д., Владимирович А. Г. Петербург в названиях улиц: Происхождение названий улиц и проспектов, рек и каналов, мостов и островов. СПб.: АСТ, 2009. 752 с.
23. Алексеева, С. В. Городские имена сегодня и вчера: Петербургская топонимика: Полный свод названий за три века: Справочник-путеводитель / С.В. Алексеева, А.Г. Владимирович, А.Д. Ерофеев и др.- СПб.: Лик, 1997. - 288 с.
24. Горбачевич, К.С. Почему так названы?:О происхождении названий улиц, площадей, островов, рек и мостов Санкт-Петербурга. 4-е изд., перераб. / К.С. Горбачевич, Е.П. Хабло. - СПб.: Норинт, 1996. - 359 с.
25. Мезенко, А.М. Коммуникативные функции урбанонимов / А.М. Мезенко // Русский язык: система и функционирование (к 90-летию БГУ и 85-летию профессора П. П. Шубы): сб. материалов V Междунар. науч. конф., 11-12 окт. 2011 г., Минск / редкол.: И. С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. - Минск: Изд. центр БГУ, 2011. - С. 124-127.

Поступила в редакцию 18.01.2018 г.

УДК 811.161.3'373.2-057.4

Прафесар Г.М. Мезенка як стваральнік і кіраўнік Віцебскай анамастычнай школы

Шур В.В.

*Установа адукацыі “Мазырскі дзяржаўны педагогічны ўніверсітэт
імя І.П. Шамякіна”, Мазыр*

Г.М. Мезенка пасля паспяховага заканчэння аспірантуры Мінскага педагогічнага інстытута імя А.М. Горкага (1974 г.) накіравана ў Віцебскі педагогічны інстытут. Яна была ў ліку тых вучоных і педагогаў, якія стаялі ля вытокаў філалагічнага факультэта гэтай установы, а ў наступныя гады прафесар Г.М. Мезенка стала стваральнікам і кіраўніком вядомай далёка за межамі Беларусі віцебскай анамастычнай школы.

Мэта артыкула — апісанне і абагульненне навуковай дзейнасці прафесара, доктара філалагічных навук, загадчыка кафедры агульнага і рускага мовазнаўства ўстановы адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава” Ганны Міхайлаўны Мезенка, вядомага ў свеце вучонага-лінгвіста, даследчыка новага навуковага напрамку ў анамастыцы.

Матэрыял і метады. Даследаванне праводзілася на аснове вывучэння і аналізу навуковых і навукова-метадычных прац — манаграфій, падручнікаў, вучэбных дапаможнікаў, слоўнікаў, артыкулаў, падрыхтаваных прафесарам Г.М. Мезенка, рэцэнзій, прысвечаных яе дзейнасці, а таксама працы яе паслядоўнікаў. Тэарэтыка-метадалагічная аснова артыкула — комплекснае выкарыстанне прыцыпаў і метадаў, вырацаваных філалагічнай навукай.

Вынікі і іх абмеркаванне. Доктар філалагічных навук, прафесар, загадчык кафедры агульнага і рускага мовазнаўства Г.М. Мезенка — стваральнік і арганізатар структур філалагічнага факультэта (70-я гады XX ст.), стваральнік і навуковы кіраўнік віцебскай анамастычнай школы (канец XX ст.), аўтар шматлікіх манаграфій, падручнікаў, вучэбных дапаможнікаў, артыкулаў, арганізатар і ўдзельнік міжнародных навуковых канферэнцый.

Заклучэнне. Заслугі прафесара Г.М. Мезенка ў даследаванні анамастычных праблем усходнеславянскіх моў не выклікаюць сумнення. Ганна Міхайлаўна Мезенка атрымала высокую ацэнку сваёй навуковай дзейнасці сярод спецыялістаў і прадстаўнікоў дзяржаўных органаў.

Ключавыя словы: онім, антрапонім, топонім, анамастыкон, анамаст, урбананіміка, віканіміка, апелятыў.

(Ученые записки. — 2018. — Том 25. — С. 211–215)

Professor Anna Mezenka as the Founder and Supervisor of Vitebsk Onomastic School

Shur V.V.

Educational Establishment “Mozyr State I.P. Shamyakin Pedagogical University”, Mozyr

After successful graduation from the postgraduate school at Minsk Pedagogical A.M. Gorkiy University A.M. Mezenka was sent to Vitebsk Pedagogical University and she was among scientists and educational specialists, who founded the Philological Faculty of this educational establishment. Later Professor A.M. Mezenka became the founder and the supervisor of Vitebsk onomastic school, which became well-known abroad.

The objective of the article is to describe and analyze Anna Mikhailovna Mezenka's scientific activities, the activities of Professor, Dr.Sc., Head of General and Russian Linguistics Department of the educational establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, a well-known linguist, the founder of the new scientific branch in onomastics.

Material and methods. The author analyzed the scientific and methodological works — monographs, textbooks, dictionaries, numerous articles, which were written by A.M. Mezenka, and also the numerous reviews, devoted to her works and to the works of her followers. The theoretical and methodological basis of the article is the complex usage of principles and methods, which were worked out in linguistics.

Findings and their discussion. Dr.Sc., Professor A.M. Mezenka is the founder and organizer of the Philological Faculty (in the seventies of the XXth century), of Vitebsk onomastic school (the end of the XXth century), she is the author of numerous monographs, textbooks, articles, the organizer and the participant of international scientific conferences.

Conclusion. The outstanding services of the professor H.M. Mezenka in the sphere of onomastic problems of the eastern Slavic languages were highly appraised by the specialists and state authorities.

Key words: onym, anthroponym, toponym, onomasticon, onomastologist, urban placename studies, viconymy, appellative

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 25. — P. 211–215)

У далёкім 1974 г. нас, амаль усіх аспірантаў Мінскага педагагічнага інстытута імя А.М. Горкага, пасля паспяховага завяршэння вучобы накіравалі ў перыферычныя ВНУ Беларусі, размешчаныя ў Мазыры, Гродне, Брэсце. Двое з нашага выпуску, Ганна Мезенка і Леанід Вардамацкі, былі размеркаваны ў Віцебскі педагагічны інстытут, дзе на той час не было філалагічнага факультэта. Гэтыя маладыя таленавітыя выпускнікі, якія ўжо ў аспіранцкія гады засведчылі сябе як перспектыўныя даследчыкі, сталі стваральнікамі філалагічнага факультэта ў Віцебскім педагагічным інстытуце. Праз некалькі гадоў выпадкова сустрэў Ганну Мезенка ў галоўнай бібліятэцы рэспублікі. Ганна Міхайлаўна з уласцівай ёй шчырасцю паведаміла, што рыхтуе кнігу, прысвечаную актуальным праблемам анамастыкі. Быў крыху здзіўлены, бо раней Ганна Міхайлаўна паспяхова даследавала складаныя пытанні ўсходнеславянскага словаўтварэння (навуковы кіраўнік – прафесар А.М. Бардовіч), а новы навуковы занятак, які яна сабе выбрала, выглядаў смела і нечакана ў тагачаснай нацыянальнай лінгвістыцы. Праз некаторы час Ганна Міхайлаўна падарыла мне дапаможнік для студэнтаў універсітэтаў, у якім яна ўпершыню ў беларускай лінгвістыцы знаёміць з асноўнымі раздзеламі анамастыкі – антрапанімай, тапанімай, а таксама з новым напрамкам – урбананімай, якая ў далейшым стала колам навуковых інтарэсаў даследчыцы.

У гэтым і наступных дапаможніках Г.М. Мезенка сістэмна выкладзены асноўныя палажэнні сучаснай тэорыі ўласных імён, метады і прыёмы анамастычных даследаванняў, зроблена падрабязная характарыстыка галоўных раздзелаў анамастыкі – антрапанімікі і тапанімікі, паказаны ўклад тых вучоных, якія раней даследавалі беларускую і ўсходнеславянскую анамастыку; упершыню ў гісторыі беларускай навукі ўсебакова разгледжаны статус урбананімай, прасочаны асноўныя этапы станаўлення і развіцця ўрбананімікі – новага перспектыўнага напрамку, вытокі якога ўпершыню вельмі пераканальна прааналізавала маладая даследчыца; разгледжаны спосабы, тыпы, мадэлі тагачаснага ўрбананімаўтварэння, якія на фоне сучасных даследаванняў выразна сведчаць, што ўрбананіміка 70-х – 90-х гадоў XX ст. фактычна знаходзілася на стадыі станаўлення. Сучасная ўрбананіміка – гэта высокаразвіты, сістэматызаваны, тэарэтычна распрацаваны перспектыўны напрамак усходнеславянскай анамастыкі, які працягвае паспяхова вывучацца пад кіраўніцтвам прафесара Г.М. Мезенка, да праблем якога далучыліся даследчыкі іншых навуковых цэнтраў Рэспублікі Беларусь і суседніх краін.

У наступныя гады пад кіраўніцтвам прафесара Г.М. Мезенка былі падрыхтаваны вучэбныя

дапаможнікі з грыфам Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь “Беларуская антрапанімія” (Віцебск, 2009), “Белорусская ономастика: топонимия” (Мінск, 2012) і іншыя ґрунтоўныя працы (слоўнікі, манаграфіі), дзе ўпершыню на багатым фактычным матэрыяле робяцца тэарэтычныя абагульненні аб сучасным стане і гістарычных шляхах фарміравання асноўных разнавіднасцей антрапанімай і тапонімай, прыводзіцца інфармацыя з гісторыі ўласных імён, імён па бацьку, мянушак, прозвішчаў, псеўданімай, онімай у мастацкім тэксце, а таксама айконімай, гідронімай, мікратапонімай, урбананімай, віконімай [3, с. 5-10].

Вынікі і іх абмеркаванне. Такім чынам, пад кіраўніцтвам прафесара Г.М. Мезенка ў Віцебскім дзяржаўным універсітэце імя П.М.Машэрава створана арыгінальная навуковая школа, дзе падрыхтавана 12 кандыдатаў філалагічных навук, працы якіх вызначаюцца навізнай і неардынарным падыходам пры рашэнні лінгвістычных праблем (У. Генкін, А. Сапегіна, Г. Семянкова, В. Ляшкевіч, Г. Дзеравяга, Ван Лі, Т. Скрабнёва, В. Барысевіч, Ю. Галкоўская, Т. Васільева, М. Дарафеенка, І. Лісава), а таксама больш за дваццаць магістраў філалагічных навук. Калектывам анамастычнай школы пад кіраўніцтвам Г.М. Мезенка распрацавана канцэпцыя ўрбананімікі: упершыню ва ўсходнеславянскім мовазнаўстве пераважна на ўнікальным мясцовым матэрыяле з выкарыстаннем апрабаваных агульнаеўрапейскіх тэарэтычных высноў вызначаны асноўныя прынцыпы намінацыі ўнутрыгарадскіх аб’ектаў; абґрунтавана выдзяленне самастойнага раздзела анамастыкі – віканімікі; падрабязна даследаваны асаблівасці антрапаніміі і тапаніміі Віцебшчыны, анамастыкон некаторых твораў беларускай і рускай літаратуры; прасочана міжмоўнае анамастычнае ўзаемадзеянне славянскіх народаў.

Прафесар Г.М. Мезенка – аўтар 13 манаграфій, 2 падручнікаў і 6 вучэбных дапаможнікаў з грыфам Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь, 25 вучэбных дапаможнікаў і метадычных рэкамендацый без грыфа, 93 артыкулаў у зборніках навуковых артыкулаў і часопісах, 50 артыкулаў у замежных выданнях, больш за 100 матэрыялаў і тэзісаў канферэнцый. Заслугі Ганны Міхайлаўны Мезенка высока ацэнены ў Рэспубліцы Беларусь: яна атрымала падзяку Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь, узнагароджана медалём Францыска Скарыны, Ганаровай граматай Міністэрства адукацыі В’етнама, мае шматлікія ўзнагароды мясцовых органаў Віцебшчыны і Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава. Ганна Міхайлаўна з’яўляецца выдатнікам адукацыі Рэспублікі Беларусь, неаднаразовым лаўрэатам шматлікіх конкурсаў, яна працяглы час была чле-

нам экспертнага савета ВАК Рэспублікі Беларусь, членам саветаў па абароне кандыдацкіх і доктарскіх дысертацый пры БДУ і Цэнтры даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі.

Ніжэй прывядзём некалькі прыкладаў, што пацвярджаюць высокі прафесіяналізм юбіляра.

Зробленае Ганнай Міхайлаўнай Мезенка за апошнія дзесяцігоддзі ў анамастыцы, гавораць словамі Янкі Брыля, “не сорамна пакласці ад імя Беларусі на міжнародны стол”. У канцы 2008 года прафесар Г.М. Мезенка апублікавала грунтоўную манаграфію ў дзвюх частках “Віцебшчына ў назвах вуліц” агульным аб’ёмам 617 старонак, у якой упершыню ў гісторыі беларускага мовазнаўства комплексна даследаваны ўнутрыгарадскія і ўнутрысельскія назвы аб’ектаў Віцебшчыны, раскрыта паходжанне і ўтварэнне шматлікіх урбанонімаў і віконімаў, растлумачаны прычыны перайменавання гарадскіх і сельскіх вуліц, плошчаў і інш., што мела месца на працягу апошніх двух стагоддзяў. У манаграфіі засведчаны назвы ўсіх паселішчаў вобласці, дзе функцыянуе ці функцыянаваў той ці іншы ўрбанонім, віконім, прыведзены поўны рэгістр гэтых адзінак, што ўжываліся ў розныя часы ў Віцебскай вобласці і суседніх рэгіёнах.

Манаграфія з’яўляецца наватарскай па многіх прычынах. Нават пералік тэм, прапанаваных у ёй, сведчыць, што даследчыца ў многім ішла сваім самастойна абраным шляхам, як гавораць, па цаліку, яна распрацавала тыя аспекты анамастыкона, якія да гэтага часу былі “белай плямай” на анамастычным палетку: “Унутрыгарадскія – унутрысельскія назвы: падабенства і адрозненне”, “Унутрыгарадскія – унутрысельскія назвы і кагнітыўны ўзровень моўнай асобы”, “Страчаныя назвы ўнутрыгарадскіх аб’ектаў. Былыя перайменаванні”, “Урбанонімы і віконімы – асобныя разрады тапонімаў”, “Асноўныя тэндэнцыі ў развіцці ўрбананіміі і віканіміі на мяжы стагоддзяў” і інш. Звяртае на сябе ўвагу параграф “Былыя перайменаванні”, бо палеміка пра пераназыванне аб’ектаў не спыняецца і сёння ў публікацыях беларускіх, рускіх, украінскіх навукоўцаў.

Да ўсяго сказанага вышэй варта дадаць, што арыгінальнасць і актуальнасць працы ўзмацняецца тым, што падобныя даследаванні да апошняга часу характарызаваліся нізкай ступенню распрацаванасці праблем урбананімікі, нешырокім выкарыстаннем урбананімічных адзінак пры вывучэнні гісторыі Беларусі і гісторыі беларускай мовы, адсутнасцю дасканалых узораў аналізу, зводаў назваў унутрыгарадскіх і ўнутрысельскіх аб’ектаў.

Варта таксама адзначыць, што Г.М. Мезенка ўпершыню ў беларускім мовазнаўстве ў асобную разнавіднасць урбанонімаў выдзеліла і абгрун-

тавала неабходнасць такога выдзялення назвы ўнутрысельскіх лінейных аб’ектаў – віконімы, якія да апошняга часу не былі аб’ектам апісання і даследавання. У славянскай анамастыцы пакуль адсутнічаюць работы, у якіх разглядалася б рэпрэзентацыя кагнітыўнага ўзроўню моўнай асобы скрозь прызму віканіміі – сукупнасці назваў унутрысельскіх аб’ектаў. Гэты пласт анамастычных адзінак, як пераканальна паказала даследчыца, складае асобны фрагмент агульнай моўнай карціны свету. Такія онімы адлюстроўваюць самабытныя рысы ментальнасці сельскага жыхара, стэрэатыпы ўспрыняцця і асэнсавання ім рэчаіснасці. У даследаванні адзначана, якія адметныя рысы маюць віконімы ў параўнанні з унутрыгарадскімі анамастычнымі адзінкамі: у адрозненне ад урбананіміі, напрыклад, асноўным паказчыкам прэцэдэнтнасці імені для сельскага жыхара становіцца сувязь носьбіта імені з канкрэтным населеным пунктам. Складнікамі прэцэдэнтнага віканімікона, як і ўрбананімікона, выступаюць чатыры кампаненты: беларускі (69,3%), былы савецкі (18,1%), рускі (11,1%), заходнееўрапейскі (1,5%). Нельга не звярнуць увагу на тое, што ў адрозненне ад беларускай урбананіміі, дзе лідзіруе рускі тэкст культуры (66%), у вікананіміі прыкметна пераважае беларускі кампанент.

Калектывам аўтараў пад навуковым кіраўніцтвам Г.М. Мезенка падрыхтавана і апублікавана яшчэ адна комплексная манаграфія, прысвечаная даследаванню анамастычных адзінак паўночнага рэгіёна Беларусі, – “Віцебшчына ва ўласных імёнах: мінулае і сучаснасць” (Віцебск, 2006, 238 стар.), у якой прааналізаваны сучасны стан і гісторыя фарміравання розных формул называння жыхароў Віцебшчыны ў XVI–XXI стст., праведзена апісанне мужчынскіх і жаночых уласных імён, выяўлены асаблівасці структура, семантыкі і лінгвагеаграфіі прозвішчаў. Такое комплекснае апісанне анамастыкона канкрэтнага рэгіёна Рэспублікі Беларусь з’яўляецца новым, арыгінальным, таму заслугоўвае высокай адзнакі.

У манаграфіях і іншых працах Г.М. Мезенка і яе паслядоўнікаў выкарыстаны найноўшыя сучасныя метады даследавання анімічнага матэрыялу. Вывучэнне ўрбанонімаў Віцебшчыны з’яўляецца цікавым і запатрабаваным па некалькіх прычынах: Віцебшчына – рэгіён, які мяжуе з Літвой, Латвіяй і Расіяй, таму на працягу некалькіх стагоддзяў у ім адбываліся актыўныя славяна-балцкія міжмоўныя працэсы, якія знайшлі адлюстраванне ў анамастыцы ў цэлым і ва ўрбананіміі ў прыватнасці. Гэтая тэрыторыя з’яўляецца ўнікальнай у плане гісторыка-культурнай спадчыны: на Віцебшчыне нарадзіліся такія вядомыя асобы, як Е. Полацкая, Ф. Скарына, С. Полацкі, А. Сапуноў, М. Бахцін, М. Шагал, А. Багатыроў, В. Быкаў, П. Машэраў, М. Лынь-

коў, Р. Барадулін, далёка за межамі Віцебшчыны і Беларусі вядомы Спаса-Ефрасіннеўская царква ў Полацку, Полацкі гісторыка-археалагічны запаведнік, сядзіба І. Рэпіна ў Здраўнёва.

Многія працы (манаграфіі, слоўнікі, падручнікі, вучэбныя дапаможнікі, асобныя артыкулы), падрыхтаваныя прафесарам Г.М. Мезенка, як адзначае ў адной з рэцэнзій прафесар А.Ф. Рогалеў, з'яўляюцца наватарскімі, першымі ў вырашэнні пэўнай праблемы. Так, рэцэнзуючы кнігу Г.М. Мезенка "Імя внутрigrодского объекта в истории: Об урбанонимах Беларуси XVI – нач. XX в." (Мн., 2003), А.Ф. Рогалеў адзначае, што даследчыцай не толькі ў беларусістыцы, а і ў славістыцы ў цэлым зроблена ўсебаковае апісанне ўрбананіміі практычна ўсіх рэгіёнаў рэспублікі, выкладзены новыя цікавыя звесткі аб назвах вуліц, плошчаў, рынкаў, храмаў, іншых унутрыгарадскіх аб'ектаў, што сведчыць пра высокую навуковую каштоўнасць гэтай працы. Энцыклапедычнасць усіх без выключэння слоўнікавых артыкулаў у гэтай кнізе дазваляе знайсці ў іх унікальны і цікавы фактычны матэрыял прадстаўнікам самых розных навук – лінгвістам, гісторыкам, географам, этнографам. Да сказанага варта дадаць, што працы, падрыхтаваныя прафесарам Г.М. Мезенка, вылучаюцца інфармацыйнай насычанасцю, бо ў іх выкарыстаны фактычны матэрыял з самых розных крыніц – актаў, летапісаў, інвентароў, пісцовых кніг, хронік, энцыклапедый, геаграфічных карт і інш.

Прафесар Г.М. Мезенка – удзельнік шматлікіх міжнародных і рэспубліканскіх канферэнцый, з'ездаў, круглых сталоў: Іжэўск (1987), Зялёная Гура (1989, 2008), Хельсінкі (1990), Масква (неаднаразова), Беласток (неаднаразова), Прага (неаднаразова), Сімферопаль (неаднаразова), Славянск (неаднаразова), Олыштын (неаднаразова), Калінінград (неаднаразова), Смаленск (неаднаразова), Любляна (2003), Кракаў (2007), Ёшкар-Ала (2008), Арзамас (2011), Кіеў (2012), Данецк (неаднаразова), Екацярынбург (неаднаразова), Познань (2015). Усяго такіх навуковых цэнтраў, дзе былі агучаны яе даклады, налічваецца каля 150. У гэтым шматлікім спісе – і беларускія навуковыя цэнтры ў Мінску, Брэсце, Віцебску, Магілёве, Гомелі, Гродне, Мазыры і інш.

Шматлікія наватарскія навуковыя працы прафесара Г.М. Мезенка атрымалі высокую ацэнку з боку кваліфікаваных спецыялістаў. Яе ўклад у мовазнаўства адначалі вядомыя лінгвісты І. Германовіч ("Беларуская энцыклапедыя", т. 10), Л. Вардамацкі ("Веснік ВДУ", 1997), П.П. Шуба ("Веснік ВДУ", 1997), І. Гапоненка ("Веснік БДУ", 2010, "Веснік ВДУ", 2010), А. Багамолава, В.Гуліцкая ("Роднае слова", 2010), В. Шур ("Веснік ВДУ", 1998), А.Рогалеў ("Веснік ВДУ", 2004), а таксама ў шматлікіх газетных і ча-

сопісных рэцэнзіях Г. Шпакоўская, А. Кутынка, А. Мацяюн, А. Апарына, Л. Хмяльніцкая, В.Скрыннікава і інш.

Прафесар Г.М. Мезенка засведчыла сябе як выдатны даследчык філалагічнай навукі, як стваральнік і таленавіты кіраўнік анамастычнай школы. Дзейнасць Г.М. Мезенка непарыўна звязана з падрыхтоўкай кадраў вышэйшай навуковай кваліфікацыі. Глыбокі прафесіяналізм, высокая культура зносін, значныя навуковыя дасягненні паставілі Ганну Міхайлаўну ў лік самых вядомых вучоных не толькі ў Рэспубліцы Беларусь, а і далёка за яе межамі. Заслугі прафесара Г.М. Мезенка – таленавітага вучонага, кіраўніка анамастычнай школы, навуковага рэдактара прац, звязаных з даследаваннем анамастычных праблем усходнеславянскіх моў – бяспрэчныя, таму і атрымалі высокую ацэнку ў спецыялістаў і прадстаўнікоў дзяржаўных органаў. Мэтанакіраванасць, высокая працаздольнасць спалучаюцца ў юбіляра з дабрынёй, сардэчнасцю, душэўнай адкрытасцю, за што яе паважаюць калегі, студэнты, шматлікія даўнія і новыя сябры.

Ніжэй прыводзім спіс найбольш значных прац, падрыхтаваных у віцебскай анамастычнай школе пад кіраўніцтвам Г.М. Мезенка:

Аўтарэфераты дысертацый:

Сапегіна, Е.О. Названия культурно-бытовых учреждений: структура, номинация : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Е.О. Сапегина ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1999. – 19 с.

Генкин, В.М. Оттопонимные дериваты Витебщины : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 ; 10.02.02 / В.М. Генкин ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1999. – 20 с.

Семянёва, Г.К. Прозвішчы жыхароў Віцебшчыны: структура, семантыка, геаграфія : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01 / Г.К. Семянёва ; Беларус. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка. – Мінск, 2002. – 21 с.

Ляшкевіч, В.М. Антрапанічная сістэма Віцебшчыны і Магілёўшчыны XVI–XVIII стст.: на матэрыяле мясцовай дзелавай пісьменнасці : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01 / В.М. Ляшкевіч ; НАН Беларусі, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа. – Мінск, 2004. – 21 с.

Деревяго, А.Н. Ономастическое пространство поэзии XX века: семантика онима, функциональный потенциал : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / А.Н. Деревяго ; НАН Беларусі, Ін-т языкознання ім. Я. Коласа. – Мінск, 2005. – 21 с.

Ван, Ли. Русскоязычная урбанонимия Беларуси в сопоставлении с китайской: структура, номинация : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 ; 10.02.20 / Ван Ли ; НАН Беларусі, Ін-т языкознання ім. Я. Коласа. – Мінск, 2007. – 20 с.

Скрёбнева, Т.В. Антропонимикон современ-

ного белорусского города в динамическом и социолингвистическом аспектах (на материале русскоязычных личных имен г. Витебска) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Т.В. Скребнева ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2010. – 23 с.

Борисевич, О.А. Экклезионимия Беларуси: структурный, номинативный, лингвогеографический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / О.А. Борисевич; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2012. – 24 с.

Галковская, Ю.М. Именник белорусского приграничья: территориальная дифференциация: (на материале русскоязычных личных имен жителей Витебщины) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Ю.М. Галковская ; НАН Беларуси, Центр исслед. белорус. культуры, языка и литературы. – Минск, 2014. – 24 с.

Васильева, Т.Ю. Ойконимия Белорусского Поозерья в лингвокультурологическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Т.Ю. Васильева / НАН Беларуси, Центр исследований белорус. культуры, языка и литературы. – Минск, 2014. – 24 с.

Дорофеенко, М.Л. Виконимия Беларуси: номинативный, лингвогеографический, лингвокультурологический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / М.Л. Дорофеенко ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2015. – 28 с.

Лисова, И.А. Неофициальная антропонимия Белорусского Поозерья: полиаспектный подход : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / И.А. Лисова ; НАН Беларуси, Центр исследований белорус. культуры, языка и литературы – Минск, 2016. – 26 с.

Манаграфіі, падручнікі, вучэбныя і вучэбна-метадычныя дапаможнікі:

Мезенка, Г.М. Віцебшчына ва ўласных імёнах: мінулае і сучаснасць : манаграфія / Г.М. Мезенка,

В.М. Ляшкевіч, Г.К. Семянькова. – Віцебск : ВДУ імя П.М. Машэрава, 2006. – 238 с.

Мезенка, Г.М. Віцебшчына ў назвах вуліц : манаграфія : у 2 ч. / Г.М. Мезенка. – Віцебск : ВДУ імя П.М. Машэрава, 2008. – Ч. 1. – 363 с. – Ч. 2. – 254 с.

Имя собственное в художественном тексте: учеб.-метод. пособие / авт.-сост. А.Н. Деревяго. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2008. – 195 с.

Беларуская антрапанімія: вучэбны дапаможнік / Г.М. Мезенка (наук. рэд.) [і інш.]. – Віцебск : ВДУ імя П.М. Машэрава, 2009. – 254 с.

Мезенко, А.М. Белорусская ономастика. Топонимия: учеб. пособие / А.М. Мезенко [и др.]; под общ. ред. А.М. Мезенко. – Минск: Элайда, 2012. – 260 с.

Мезенко, А.М. Антропонимное пространство Витебщины : монография / А.М. Мезенко, Т.В. Скребнева. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2013. – 148 с.

Ономастика Беларуси. Антропонимия : учебник / А.М. Мезенко [и др.]. – Минск : РИВШ, 2017. – 398 с.

Белорусское Поозерье: культура – ономастика – социум : монография / А.М. Мезенко [и др.]; под науч. ред. А.М. Мезенко. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2017. – 180 с.

Літаратура

1. Шур, В.В. Першы ў беларускай анамастыцы / В.В. Шур // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. – 1998. – № 2. – С. 117–119.
2. Рогалёў, А.Ф. Историко-топонимическое исследование / А.Ф. Рогалев // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. – 2004. – № 3. – С. 154–156.

Паступіў у рэдакцыю 18.01.2018 г.

Правила для авторов

Сборник научных трудов «Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим, филологическим и философским наукам. Основными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. Вне очереди публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языках.
2. Каждая статья должна содержать следующие элементы: *индекс УДК; название статьи; фамилия и инициалы автора (авторов); организация, которую он (они) представляет (-ют); введение; раздел «Материал и методы»; раздел «Результаты и их обсуждение»; заключение; список использованной литературы.*
3. Название статьи должно отражать ее содержание, быть по возможности лаконичным, вмещать ключевые слова, что позволит индексировать статью.
4. Во введении дается краткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на заграничные публикации.
5. Раздел «Материал и методы» включает описание методики, технических средств, объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами).
6. В разделе «Результаты и их обсуждение» автор должен сделать выводы с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.
7. В заключении в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможность применения на практике.
8. Список литературы должен включать не более 12 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1], [2]. Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа – 7.1-2003. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.
9. Статьи сдаются в редакцию в двух экземплярах объемом не менее 0,35 авторского листа (14000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Количество рисунков не должно превышать трех. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Фотографии в печать не принимаются. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows. Используется следующий формат страницы: красная строка – 0,5 см; поля: сверху – 2,5 см, снизу – 2,5 см, слева – 2 см, справа – 2 см.
10. Иллюстрации, формулы, уравнения, которые встречаются в статье, должны быть пронумерованы в соответствии с порядком цитирования в тексте. К каждому экземпляру статьи нужно приложить по одному экземпляру иллюстрации. Копии рисунков для другого экземпляра статьи должны содержать все необходимые буквенные и цифровые надписи. Подписи к рисункам, схемам и таблицам печатаются через один интервал. В названиях таблиц и рисунков не должно быть сокращений.
11. Размерность всех величин, которые используются в тексте, должна соответствовать Международной системе единиц измерения (СИ).
12. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Электронная версия сдается на дискетах, дисках или пересылается на адрес электронной почты университета (*nauka@vsu.by*).
13. К статье прилагаются следующие материалы (на отдельных листах):
 - *реферат (100–150 слов), который должен полно передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи, и ключевые слова на языке оригинала;*
 - *название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;*
 - *домашний адрес автора, номер телефона, адрес электронной почты;*
 - *рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;*
 - *экспертное заключение о возможности публикации материалов к печати.*
14. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.
15. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

Guidelines for authors

The List of scientific publications “Scientific notes of Educational Establishment «Vitebsk State University named after P.M. Masharov»” is included in the list of the scientific editions of the Republic of Belarus for publishing the results of dissertation researches in philological, historical and philosophical sciences. The main criterion for the publication is novelty and specificity of the article. The priority for publication is given to scientific articles by postgraduates in their last year (including their articles written with co-authors) on condition these articles correspond the requirements for scientific articles of the journal.

Guidelines for the layout of a publication:

1. Articles are to be in Belarusian, Russian or English.
2. Each article is to include the following elements: *UDK index; title of the article; name and initial of the author (authors); institution he (she) represents; introduction; “Material and methods” section; “Findings and their discussion” section; conclusion; list of applied literature.*
3. The title of the article should reflect its contents, be laconic and contain key words which will make it possible to classify the article.
4. The introduction should contain a brief review of the literature on the problem. It should indicate not yet solved problems. It should formulate the aim; give references to the recent articles of other authors including foreign publications.
5. “Material and methods” section includes the description of the method, technical aids, objects and contents of the author’s (authors’) research.
6. “Findings and their discussion” section the author should draw conclusions from the point of view of their scientific novelty and compare them with the corresponding well-known data. This section can be divided into sub-sections with explanatory subtitles.
7. The conclusion should contain a brief review of the findings, indicating the achievement of this goal, their novelty and possibility of practical application.
8. The list of literature shouldn’t include more than 12 references. The references are to be numerated in the order of their citation in the text. The order number of a reference is given in square brackets e.g. [1], [2]. The layout of the literature list layout is to correspond State Standard (GOST) – 7.1-2003. References to articles and theses which were not published earlier are not permitted. A complete name of the author’s certificate and the deposited copy is indicated as well as the institution which presented the copy for depositing.
9. Two copies of at least 0,35 of an author sheet size (14000 printing symbols with blanks, punctuation marks, numbers etc.), interval 1, Times New Roman 11 are sent to the editorial office. This size includes the text, charts and list of literature. Not more than three pictures are allowed. Pictures and schemes are to be presented in individual jpg-files. Photos are not allowed. Articles should be typed in Microsoft Word. The page layout is the following: new paragraph – 0,5 cm; margins: top – 2,5 cm, bottom – 2,5 cm, left – 2 cm, right – 2 cm.
10. Illustrations, formulas, equations, if any, are to be numbered in accordance with their appearance in the text. One copy of illustrations should be attached to each copy of the article. Picture copies for the second copy of the article should contain all the required letter and number titles. Titles of the pictures, charts and tables are to be typed in one interval. Titles of tables and pictures should not be abbreviated.
11. All dimensions used in the text should correspond the International measurement unit system (SI).
12. The electronic version should be attached to the paper copy of the article submitted to the editorial board. The electronic and the paper copies of the article should be identical. The electronic version is presented on a diskette or diskettes or is sent by e-mail (the university e-mail address is *nauka@vrsu.by*).
13. Following materials (on separate sheets) are attached to the article:
 - *summary (100–150 words), which should precisely present the contents of the article, should be liable for being published in magazine summaries separately from the article as well as the key words in the language of the original;*
 - *title of the article, surname, first and second names of the author (without being shortened), place of work, summary and key words in English;*
 - *author’s home address, telephone number, e-mail address;*
 - *recommendation of the department (scientific laboratory) to publish the article;*
 - *expert conclusion on the feasibility of the publication.*
14. On the decision of the editorial board the article is sent for a review, and then it is signed by the members of the editorial board. If the article is sent back to the author for improvement it doesn’t mean that it has been accepted for publication. The improved variant of the article is reconsidered by the editorial board. The article is considered to be accepted on the day when the editorial office receives the final variant.
15. Earlier published articles as well as articles accepted for publication in other editions are not admitted.

Научное издание

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
УО «ВГУ им. П.М. Машерова»**

Сборник научных трудов

Том 25

Компьютерный дизайн Е.А. Барышева

Подписано в печать 01.03.2018. Формат 60х84¹/₈. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 25,34. Уч.-изд. л. 24,09. Тираж 100 экз. Заказ 38.

Издатель и полиграфическое исполнение — учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014 г.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.